К63.3
М-171
805265

К.Н. МАКСИМОВ

КАЛМЫКИЯ

в национальной политике, системе власти и управления России

НКО 15

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К. Н. МАКСИМОВ

КАЛМЫКИЯ

в национальной политике, системе власти и управления России (XVII в. - XX в.)

Москва
2002 г.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
М 17

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А.Н. Басхаев*,
доктор исторических наук *А.Н. Команджаев*,
кандидат исторических наук *А.Г. Митиров*

Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана
библиотек
ПЛАТНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Максимов К.Н.
М17 Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.) / К.Н. Максимов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
ISBN 5-02-008828-5

В книге рассматриваются вопросы взаимоотношений калмыков с Россией до их официального вхождения в состав Российского государства, а также со времени добровольного вхождения Калмыкии, когда она постепенно вводилась в национальную политику, общероссийскую единоуправляемую систему. Значительное внимание уделено советской национальной политике и унифицированному развитию Калмыкии в тоталитарном социализме. Раскрываются проблемы правового статуса и развития Калмыкии в условиях нового российского федерализма.

Для историков, ученых, аспирантов, студентов, учителей, работников органов государственной власти, а также всех, кто интересуется историей Калмыкии, нашим многонациональным Отечеством.

Без объявления

ISBN 5-02-008828-5 © К.Н. Максимов, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, внутреннее устройство которых базируется на разнотипных субъектах. Российская Федерация, сформировавшаяся по национальному, территориальному и национально-территориальному признаку, образовалась не в результате объединения субъектов на основе договора или союза. Она представляет собой исторически сложившееся федеративное государство, принципы федерализма которого с согласия и одобрения народов субъектов Федерации получили конституционное закрепление. Поэтому Россию правомерно считать исторически сложившейся конституционной федерацией, прошедшей в своем развитии несколько этапов.

Российское государство, как известно, складывалось на полиэтнической основе, формировалось как многонациональное. Оно, выступая в объединяющей роли многочисленных и малочисленных народов России, находя с ними взаимовыгодные и исторически приемлемые формы и методы взаимоотношений и взаимодействий, постепенно развивалось и переходило на путь федерализма. В связи с этим новый российский федерализм по сути образования принципиально отличается от советского федерализма, советской федерации, созданной на базе суверенных государств путем "добровольного" договора и насильственного присоединения. Субъекты Российской Федерации, за редким исключением, формировались и развивались фактически в едином процессе этногенеза народов, в геополитическом и историческом пространстве России.

Однако в настоящее время в некоторых журналах появляются статьи по вопросам федерализма, авторы которых,

уловив настроение отдельных политиков, сторонников “губернизации”, пытаясь поставить свои “паруса под конъюнктурные ветры”, предрекают бесперспективность, подчас развал Российской Федерации. При этом сравнивается чисто терминологическое тождество признаков выделения субъектов Союза ССР и Российской Федерации – национально-территориальный. Они пытаются убедить читателей в том, что наличие субъектов Федерации, имеющих этот признак, – это потенциальный источник сепаратизма, который неизбежно приведет к развалу федерации.

Проблема федерализма, федерации не столько политическая, сколько научная, историко-правовая. А посему она требует объективного изучения, углубленного рассмотрения, всестороннего сравнительного анализа. Только на этой основе можно делать соответствующие выводы и прогнозы. А на основании отдельных признаков, лежащих на поверхности, на наш взгляд, неправомерно отождествлять государственное устройство Российской Федерации с Союзом ССР, федеративное устройство которого, по сути дела, носило формальный характер.

Следует согласиться с мнением некоторых авторов, что в ближайшем будущем переход от разных типов субъектов Российской Федерации, выделенных по национально-территориальному признаку (видимо, надо понимать исторически образовавшихся), к единому территориальному явно нереален. Поэтому в современных условиях, учитывая не только особенности российского федерализма, но и социокультурный тип цивилизации России, возникает вопрос о более тесной связи принципов федерализма с национальным вопросом. В этом отношении весьма актуальна концепция государственной национальной политики Российской Федерации, учитывающая необходимость обеспечения единства и целостности России в новых исторических условиях развития российской государственности, согласования общегосударственных интересов и заинтересованности всех населяющих ее народов, налаживания их всестороннего сотрудничества, развития национальных языков и культур.

Российский федерализм отличается от прежних типов федерализма не только по сути образования субъектов новой федерации, но и развитием форм взаимоотношений властных структур России разных уровней с органами вла-

сти народов, присоединенных и вошедших в состав России. Царская администрация использовала различные варианты взаимоотношений между Россией и национальными окраинами. В целях адаптации входивших в состав Российского государства народов царская администрация длительное время сохраняла их исторически сложившиеся управленческие структуры, законодательство, предоставляя им самостоятельно управлять местными делами, постепенно вводя контроль и элементы российского управления в единоуправляемость Российской империи.

В советскую эпоху согласно декрету "О федеральных учреждениях Российской Республики", Конституции РСФСР 1918 г. национально-государственная, общественно-политическая жизнь народов России, их управленческий аппарат, законодательство были строго унифицированы, введена советско-партийная система управления, основанная и действующая на принципах демократического централизма. Национально-государственным образованиям была отведена роль микромодуля в советском государственном механизме.

В стремительных политических событиях глобального значения конца 80-х – начала 90-х годов XX в., когда решались судьбы Союза ССР, союзных республик, автономные республики РСФСР выступили за повышение и укрепление своего статуса в качестве субъекта обновляемой Российской Федерации, за совершенствование федеративных отношений с федеральной властью.

Одним из субъектов Российской Федерации, сложившимся и развивавшимся на протяжении нескольких веков в составе Российского государства, является Калмыкия. Вопросы развития взаимоотношений и введения калмыков в состав Российского государства при всем своеобразии были составным звеном политики России в Сибири, внешней политики юго-восточного направления второй половины XVI – первой половины XVII в. Поэтому калмыцкие вопросы рассматривались и решались главным образом дипломатическим, мирным путем, на основе заключения взаимовыгодных договорных отношений на различных государственных уровнях, вплоть до высших органов государственной власти России.

С вхождением Калмыкии в начале второй половины XVII в. в состав Российского государства она была признана

официальными властями России и "конституирована" (наследственному правителю были вручены символы ханской власти) как этнополитическое образование в форме феодального ханства в статусе фактически политической автономии (но с середины 20-х годов XVIII в. внутреннее управление ханства стало ближе к понятию "административная автономия", поскольку калмыцкий хан начал считаться наместником российского царя после смерти хана Аюки в 1724 г.).

Калмыцкое ханство в 60-е годы XVIII в. окончательно было введено в российскую систему единоуправляемости как центрального, так и местного уровня, а калмыки – в единое российское гражданство, т.е. в устойчивую правовую связь с государством и с четкой регламентацией правового положения сословий. Эту политику царской власти нельзя считать "исключением", характерным только по отношению к Калмыцкому ханству. Она явилась частью общей национальной политики Российской империи второй половины XVIII в. С 60-х годов XVIII в. было проведено более решительное наступление на остатки политической автономии Украины.

В рамках унитарной Российской империи статус административной автономии Калмыцкого ханства постепенно трансформируется в обычное административно-территориальное управление с подчинением астраханскому губернатору. Калмыцкое ханство становится внутренней провинцией Российского государства, и центральные государственные учреждения (Сенат, Коллегия иностранных дел и др.) начинают отходить от калмыцких дел.

В этих условиях и в связи с активизацией великодержавной политики России наместником ханства и его ближайшим окружением было принято решение вернуться на родину предков. Эта идея ими была реализована в начале 1771 г., когда значительная часть калмыков откочевала в Джунгарию.

Оставшиеся в России калмыки утратили былую национальную государственность и были введены в состав Астраханской губернии. В административном отношении Калмыкия была подчинена астраханскому губернатору, управлявшему ей посредством специальных управленческих структур своей канцелярии.

В конце XVIII – начале XIX в. были сделаны попытки восстановить самоуправление Калмыкии во главе с наместником, но под надзором представителя Коллегии иностранных дел – главного пристава, непосредственно подчинявшегося на месте астраханскому военному губернатору и Главноуправляющему в Грузии и на Кавказской линии.

Проведенная царской администрацией в 20-е годы XIX в. реформа по дальнейшей централизации управления коснулась и Калмыкии. Согласно "Правилам для управления калмыцкого народа" (10 марта 1825 г.), Калмыкия была приравнена к области, равнозначной по правовому статусу внутренней губернии (введена в России в 1822 г.). В высшем административном отношении Калмыцкая область была подчинена Министерству внутренних дел страны, а его представителем являлся главный пристав, на месте подчинявшийся Главноуправляющему Кавказским краем и астраханскому губернатору. По управлению делами Калмыкии учреждалась Комиссия калмыцких дел во главе с астраханским губернатором, по судебным – Зарго на правах окружного суда, в улусах – улусные управления. Калмыки в правовом отношении были отнесены к инородцам, ограниченным в правах. Тем самым был сделан значительный шаг по введению Калмыкии в общероссийское государственное устройство, которое было завершено в соответствии с "Положением об управлении калмыцким народом" от 24 ноября 1835 г. и "Положением об управлении калмыцким народом" от 23 апреля 1847 г.

Согласно Положению 1835 г. Калмыкия получила статус самостоятельной области, подчиненной напрямую Министерству внутренних дел, а на месте – его уполномоченному (астраханскому военному губернатору). Была введена самостоятельная управленческая система областного и местного уровня, не входившая в губернскую. Служащие органов управления Калмыкии были причислены к государственным чиновникам России, статус и место которых в служебной иерархии определялись по Табели о рангах. Институт приставства в Калмыкии был преобразован в систему попечительства. Высшим звеном в управленческой структуре Калмыкии, после астраханского военного губернатора, стал главный попечитель калмыцкого народа, назначаемый императором по представлению МВД. Император назначал

также Ламу калмыцкого народа также по представлению МВД, председателя Суда Зарго по рекомендации Министерства юстиции.

Положение 1847 г., подчинив Калмыкию в административном отношении астраханской губернской администрации и Министерству государственных имуществ, интегрировав ее местное управление и суд в общероссийскую систему, определив правовой статус сословий в соответствии с российскими законами, подготовило нормативную основу для полного введения Калмыкии в Астраханскую губернию. Введение Калмыкии в конце XIX – начале XX в. в состав Астраханской губернии фактически на правах особого уезда, на наш взгляд, неправомерно рассматривать как завершение полной интеграции калмыцкого народа в систему общеимперского управления России. Калмыкия была трансформирована в общероссийскую систему управления значительно раньше. А с введением в другую административно-территориальную единицу Калмыкия утратила статус субъекта государства.

Таким образом, калмыки, войдя в состав Российского государства, и даже утратив государственность после откочевки значительной части, сохраняли до начала XX в. в различных формах самоуправление, которое строилось и обеспечивалось своей исторической традицией управления и российскими нормами права в соответствии с их этническими и экономическими особенностями. В результате приобретенный исторический опыт децентрализованного развития позволил калмыцкому народу, как и многим другим народам России, получить у советской власти областную автономную форму управления. Хотя советские национально-государственные образования признавались декретами, Конституцией РСФСР субъектами провозглашенного федеративного государства, по сути дела, РСФСР являлась унитарным государством с элементами федерации. Поэтому образование, статус национально-административной и национально-государственной автономий в составе РСФСР практически носили формальный характер.

Однако было бы неправомерно отрицать роль достаточно действенного функционального механизма (государственного и партийного) в сфере управления национальной политикой советской власти. К началу 40-х годов XX в. в

культурном, экономическом развитии ряда народов, в том числе и калмыцкого, были достигнуты ощутимые успехи. Но в то же время произвол, беззаконие, творимые руководством государства, нанесли огромный моральный и физический ущерб народу страны, а репрессивная политика привела к геноциду многих народов, в том числе и калмыцкого.

В связи с этим в годы “перестройки”, начавшейся демократизации общественно-государственной жизни советского народа вопросы о государственности, статусе автономий, национальных отношениях приобрели достаточную остроту. Автономные республики и автономные образования проявили заинтересованность в повышении своего статуса, строительстве подлинного федеративного государства в соответствии с конституционными принципами федерализма и нормами международного права. Возможно, некоторые автономные республики решили тогда, в “смутное” время, воспользоваться случаем и добиться государственного суверенитета, тем более что крупные политики, руководители государственных органов провоцировали их. Но я уверен, что большинство автономных республик и областей, учитывая общность многовековой исторической судьбы, опыт исторически сложившегося государственного единства, искренне стремилось обновить и укрепить Российскую Федерацию.

В этой работе исследуются вопросы сближения, взаимоотношений калмыков с Россией, вхождения их в состав Российского государства во взаимосвязи с внутренней и внешней, национальной политикой России в XVII–XIX вв., а также вопросы особого статуса Калмыцкого ханства как политической автономии до определенного времени, постепенной трансформации Калмыкии в общероссийскую единоуправляемую систему. Особое внимание уделяется структуре, механизмам административного управления национальными окраинами, государственной политике Российской империи по отношению к калмыкам. Значительное место в работе занимают вопросы истории Калмыкии в годы советской эпохи (национальной политики, национально-государственного строительства и т.д.), а также в условиях становления реального федерализма. Главная цель работы – выявить особенности и закономерности генезиса Калмыкии в составе России, Российской империи, РСФСР, механизм вза-

имоотношений и взаимодействия России и Калмыкии, изучить процессы постепенного распространения общероссийской системы органов государственно-административного управления, законодательства, бюрократии, правового статуса сословий на Калмыкию. Наряду с этим ставится цель исследовать состояние образования и развитие управленческих структур (административных, судебных, местных) Калмыкии, их адаптацию к новой исторической, экономической, политической обстановке региона, интеграцию в общероссийскую систему управления.

Хронологические рамки данной работы – от времени установления официальных контактов калмыков с Россией, добровольного их вхождения в состав Российского государства и вплоть до современности – периода Республики Калмыкия в качестве равноправного субъекта Российской Федерации в статусе государства. Изучение поставленных в данной работе вопросов показывает, что большинство субъектов Российской Федерации, имеющих статус государств, автономий, образовались и развивались в составе России как неотделимая, составная ее часть, в своем генезисе, сохраняя благодаря политике государства свой этносостав, достигли уровня этнополитических образований. Поэтому исторически сложившиеся субъекты Российской Федерации по национальному и национально-территориальному признаку имеют перспективу устойчивого развития в федерации, а также при правильном научном подходе могут выступать стабилизирующим фактором Российской Федерации. В связи с этим мне представляется, что политику развития российского федерализма, совершенствования федеративных отношений следует строить с учетом имеющегося ценнейшего опыта взаимоотношений России с национальными окраинами и управления ими во имя сохранения и укрепления единства Российского многонационального государства.

Глава первая

ПОЛИТИКА РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КАЛМЫКАМ (конец XVI – середина XVII века)

1. Политика России на начальном этапе вхождения калмыков в ее состав (конец XVI – начало XVII века)

Во второй половине XVI в. окончательно завершается процесс создания Русского централизованного государства, которое складывалось на полиэтнической основе, формировалось как многонациональное. Если до середины XVI в. в состав Русского государства вошли карелы, коми, ханты, мещеры, мордва, удмурты и другие народы, то во второй половине XVI в. его территория была расширена за счет завоевания Казанского, Астраханского, Сибирского ханств. В конце XVI в. в состав России полностью вошла Башкирия, добровольно приняли российское подданство чатские, барабинские, теренинские татары, в начале XVII в. – томские.

К началу XVII в. в связи с продвижением России за Волгу, в глубь Сибири, не только увеличивается ее территория (с 2,8 до 7–7,5 млн км^2) и количество населения (с 6,5 до 7 млн человек), но и она становится более полиэтничным государством[1]. В числе этносов, оказавшихся в конце XVI в. на территории России, были ойраты (калмыки). Калмыки (дербетовский правитель Далай-Батыр и торгоутский владелец Хо-Орлюк), покинув пределы Джунгарии и двигаясь от озера Зайсан двумя потоками вдоль Иртыша на северо-запад, достигли его верховьев и вступили в переговоры с представителями местной и центральной власти о принятии российского подданства. Они на всем пути от Джунгарии на северо-запад (до Тары, Тобольска и т.д.) и запад (до Урала и Яика), несмотря на внушительную военную силу (свыше 80 тыс. воинов и 200 тыс. остального населения)[2], достаточные материальные ресурсы (лошади, верблюды и другие виды скота), не развязывали и не вступали в крупномасштабные военные конфликты и сражения, хотя были из-

вестны как воинственный народ. Продвигаясь неизведанными путями, не имея полного представления о будущем постоянного месторазвития, калмыки проявляли в рассматриваемый нами период осмотрительную и вполне взвешенную политику, стремились держаться нейтралитета. В связи с главными целями движения на северо-запад (поиском новых территорий для пастбищ) и соприкосновением с новыми народами геополитические представления калмыцких тайшей уже не ограничивались своими улусами, а стали расширяться.

Об этом свидетельствует осторожная политика калмыков в ходе экспедиционной войны России с Сибирским ханством. В августе 1598 г., когда помощник тарского воеводы А. Воейков с небольшим отрядом, всего 400 человек, передвигался по Барабинским степям, чтобы отыскать и разгромить Кучума, в двух днях пути от его кочевий находилось крупное сосредоточение воинов-калмыков, насчитывавшее 5 тыс. человек. А какова была их цель – для руководителя экспедиционного отряда осталось неизвестным. В то же время калмыки проявили гуманное отношение к детям поверженного сибирского хана. Три сына Кучума (два сына были пленены и увезены в Москву) – Алей, Азим и Ишим – со своими домочадцами долгое время жили в калмыцких улусах. Ишим даже был женат на дочери главного тайши торгоутов Хо-Орлюка. Видимо, этот факт стал в какой-то степени основанием для вывода авторов "Истории СССР" (Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1947) о том, что "кучумовичи нашли поддержку со стороны калмыков...". В это заключение вложен прежде всего политический смысл. Калмыки в то время, когда писалась "История СССР", находились в депортации в Сибири. Между тем из отписки уфимского воеводы Михаила Федоровича Нагова (датируемой 1601 г., после 9 марта) известно, что сыновья Кучума были уверены в том, что их отца, "заманив в Колмаки, оманом убили". Исследователи этого вопроса правильно отмечали, что после разгрома Сибирского ханства дети Кучума не располагали никакой реальной силой для восстановления прежнего могущества. Тем более что после набега Ишима (1606–1608) на Тюменский уезд калмыки разорвали всяческие отношения с "кучумовичами"[3].

Осторожную политику калмыков, видимо, можно объяснить тем, что в это время в Сибири была сложная обста-

новка. Россия набирала силу и стремительно расширяла на востоке свою территорию (кто-то пытался противоборствовать, кто-то внимательно следил, взвешивал и в зависимости от хода событий определял свою политику). Все же Россия настороженно встретила появление в Сибири калмыков, поскольку "владычество русских в Сибири далеко еще не было упрочено"[4]. Россия, раздвигая свои границы, использовала гибкую мирную дипломатию, предлагая взаимовыгодные условия, свое покровительство. Калмыки, учитывая эту важнейшую особенность национальной политики России, а также наличие в ней огромных свободных территорий, целенаправленно устанавливали контакты с городами-крепостями путем активной торговли и взаимообщения. Постоянно углубляя эти связи и встречая заинтересованное отношение даже со стороны центральной власти, калмыки все увереннее продвигались в глубь России, стремясь установить политические отношения на принципах сюзеренитета–вассалитета, где обе стороны должны были выступать носителями суверенитета. Но при таких политических отношениях калмыцкие тайши не отрицали установления по свободному соглашению иерархии, т.е. верховного права российского царя по отношению к ним. Однако царская администрация желала иметь отношения с калмыками только на основе государственного подданства. Это отвечало не только политическим и экономическим интересам России, но и ее этапу государственного развития.

Власти России, настороженно относясь к ойратам, как к значительной военной силе, решали дилемму: калмыков, находящихся уже на российской территории, оставить и попытаться мирным путем ввести в свое подданство или насильственно прогнать со своей, только что завоеванной территории, вступив в серьезный военный конфликт с огромной массой воинственных ойратских племен.

Однако царская администрация, зная и понимая хорошее экономическое положение калмыков (огромные стада всех видов скота, особенно лошадей), природные качества их воинов, выдержанность проводимой ими политики на всем пути своего продвижения, истинные миролюбивые стремления, проявила заинтересованность в принятии калмыков в свое подданство. Кроме того, устанавливая контакты и сближаясь с калмыками, Россия учитывала, по всей

вероятности, и международную ситуацию, которая складывалась на юго-востоке страны в связи с образованием двух ойратских государств – Джунгарского ханства в Западной Монголии и Хошоутовского ханства в Кукуноре (современная провинция Цинхай КНР). Эти ханства вели самостоятельную внешнюю политику и активно противодействовали (особенно Джунгария) Цинской империи. Через Сибирь и эти ханства России открывался путь к Китаю и Индии.

В историографии (особенно в работах И.Я. Златкина, М.Л. Кичикова и др.) сложились, как известно, две противоположные точки зрения по вопросу движения части ойратов от Джунгарии на запад, в сторону Каспия и образования Джунгарского и Хошоутовского ханств. Одна концепция – восстановить империю Чингисхана и развернуть широкую экспансию против сопредельных стран (Н.Я. Бичурин, А.М. Позднеев, Н.И. Веселовский, С.А. Козин и др.), другая – борьба между ойратскими владетельными князьями, рост численности поголовья скота у ойратов, ограниченность пастбищ, кормовых ресурсов, а также торгового обмена (Г. Грумм-Гржимайло, И.Я. Златкин и др.)[5].

Невозможно согласиться с концепцией экспансии ойратов, поскольку в 70–80-е годы XVI в. происходили серьезные вооруженные конфликты между восточными монголами и ойратами, выходящие за рамки локальных. В этих условиях не могло быть и речи о слиянии и единой политике восточных и западных монголов. Прав был академик В.В. Бартольд, отмечавший, что "калмыцкое, или ойратское, движение произошло гораздо позже и не имело к монгольской империи никакого отношения"[6].

Поддерживая вторую концепцию, следует отметить, что все эти объективные процессы периода феодальной раздробленности второй половины XVI в. привели к образованию трех крупных ойратских групп, самостоятельно определивших свою судьбу. Объективный фактор этногенеза ойратов – период плавного подъема, возможно аналогичный эпохе Возрождения, создал необходимые условия для образования почти в одно время в разных регионах Евразии ойратских ханств (Джунгарского в Западной Монголии, Хошоутовского в Кукуноре и Калмыцкого в степях Нижнего Поволжья).

Отправляясь в сопредельные территории Западной Сибири и России, ойраты не могли не знать, что происходит в государстве, каково его положение на международной арене, а также какова его политика в отношении народов соседних территорий. Россия также внимательно следила за передвижениями калмыков еще до вступления их в ее пределы, имела достаточные сведения о них. Тем более что в начале 70-х годов XVI в. Россия, разгромив сильную турецкую армию в 1569 г. под Астраханью и крымскую орду в 1572 г. под Москвой, получила возможность обратить пристальное внимание на восточные дела. Поэтому она не препятствовала, а более того – проявляла заинтересованность в развитии торгового обмена со всеми народами Сибири, в том числе и с калмыками. Не случайно Иван IV в своей Жалованной грамоте от 30 мая 1574 г., разрешавшей Строгановым в целях распространения их владений за Урал и расширения торговых отношений с сибирскими народами, в том числе и с калмыками, строить городки на реках Тоболе, Иртыше, Оби и на "других реках", указывал: "А когда станут в те крепости приходить к Яков и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с каки-ми товары, и у них торговати повольно беспошлинно"[7].

Можно с уверенностью предположить, что в появлении указанной Жалованной грамоты велика роль внешнеполитического ведомства России – Посольского приказа, основанного в 1549 г. для осуществления дипломатических сношений с иностранными государствами, а также Приказа Казанского дворца, учрежденного в 60-е годы XVI столетия в целях управления территориями бывших Казанского и Астраханского ханств, с 1599 г. – Сибирью. Деятельностью обоих приказов в то время руководил крупный государственный и политический деятель России второй половины XVI в., опытный дипломат думный дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов, активно проводивший политику расширения территории государства не только на западе, но и на юго-востоке[8]. О значении этих двух государственных ведомств и проводимой ими политики свидетельствует тот факт, что они находились в непосредственном подчинении у самого Ивана IV и Боярской думы.

На рубеже XVI–XVII вв., когда начались предприниматься с обеих сторон (калмыков и России) реальные дейст-

вия к сближению, Российское государство, как известно, переживало трудное время. В 1601–1603 гг. страну постиг жестокий голод, в обстановке которого начались вооруженные выступления низов (Хлопка в Подмосковье и вольных казаков на Нижней Волге). В это же время (1602–1603) в пределах Речи Посполитой объявился самозванец на российский престол, Лжедмитрий I, войска которого осенью 1604 г. перешли границу России.

После смерти в апреле 1605 г. царя Бориса Годунова в мае началось восстание в Москве, в результате чего в июне самозванцу удалось вступить в Москву. В такой сложной обстановке и отношения между Россией и Крымом оказались неустойчивыми. Угроза татарского вторжения в пределы России резко усилилась еще в начале 1604 г., когда крымский хан в одностороннем порядке разорвал мирные отношения[9].

Однако и после убийства Лжедмитрия I и вступления в мае 1606 г. на царский трон Василия Ивановича Шуйского спокойствия в стране не наступило. В 1607 г. с появлением Лжедмитрия II вновь вспыхнули мятежи. Вся Южная Россия, от Десны до устья Волги, за исключением немногих городов, признала царем мнимого Дмитрия. Восстания дошли до Сибири. Трудным положением Москвы намеревались воспользоваться некоторые народы Западной Сибири (остяки, сибирские татары, стремившиеся, "чтобы быть им себе царством, как было при Кучуме царе"). В это же время началась открытая польско-литовская и шведская интервенция[10].

Несмотря на чрезвычайно сложную обстановку в стране, царская администрация не забывала восточные дела и не ослабляла внимания к Сибири, принимала все меры к прочному закреплению ее земель за Россией. В этих целях велось активное строительство дорог, городов-острогов (Кетский и Нарымский – 1596 г., Верхотурье – 1598 г., Туринск – 1600 г., Мангазея – 1601 г., Томск – 1604 г., Новая Мангазея (Туруханск) – 1607 г.). В новопостроенные сибирские города-крепости направлялись не только "служилые и пашенные люди", но и "торговые люди", охотники и плотники. Одновременно проявлялась забота и о коренных народах, местном населении Сибири. В 1598 г. Борис Годунов указывал верхотурскому воеводе, что не следует "брать у

тюменских татар подвод для гонцов, не взыскивать ясака с татар и остяков бедных, старых, больных и увечных, заботиться о примирении выгод туземцев и русских переселенцев, выделить вогуличам с верхотурскими торговыми людьми сенные покосы, рыбные и звериные ловли и всякие угодья поделить, как доводится, чтобы вогуличам нужды не было и верхотурским людям чтобы также нужды не было"[11].

По мере упрочения позиции России в Сибири калмыки в начале XVII в. начинают вступать в официальные отношения с местными представителями царской власти. Эти первые контакты калмыков в основном касались вопросов территорий для кочевий и ведения торговли в сибирских городах. К такому контакту, положившему начало официальным русско-ойратским отношениям, следует отнести прибытие 20 сентября 1606 г. в Тару Катачея Бурулдуева, представителя торгоутского тайши Хо-Орлюка, за разрешением кочевать в верховьях Иртыша (вдоль его притоков – Камышлова и Ишима) и вести торговлю. Самым главным достижением этой встречи явилось, на наш взгляд, получение разрешения на прибытие к тайше официального представителя воеводы ("нашего посла к нему послати") с ответом (надо полагать, положительным). Выехавшие 2 октября 1606 г. служилые люди тарского воеводы казак Томила Алексеев и татарин Урдубай имели поручение сказать Хо-Орлюку, что он "кочует на нашей земли, нам не бив челом..." и если "он похочет под нашею царскою высокою рукою быть", то "он бы прислал в город на Тару лутчих людей для шерти и укрепленья". А если не хочет, то "он бы шел с нашие земли и от соляных озер прочь..."[12].

В связи с тем, что в условиях уже нарождавшейся бюрократизации центральной власти, а также власти на уровне воеводы уезда такие вопросы, как территориальные и отправка послов к царю, не могли быть разрешены, тарский воевода князь Сил Иванович Гагарин, надо предполагать доложив тобольскому (окружному) воеводе Р.Ф. Троекурову, обратился в царскую администрацию. Он в своем письме от 12 января 1607 г. в Приказ Казанского дворца не только информировал о прибытии представителя от одной из крупных групп калмыков-торгоутов, кочующих по территории русских земель во главе с тайшой Хо-Орлюком, и об их просьбах, но и просил дать ему указания по дальнейшим действиям в отношении калмыков.

Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана

В ответ на свое обращение и на информацию тобольского воеводы, по указанию царя Василия Шуйского тарский воевода С.И. Гагарин получил из Приказа Казанского дворца (судья боярин князь Дмитрий Иванович Шуйский) Грамоту, датированную 30 марта 1607 г. В ней тарскому воеводе С.И. Гагарину поручалось направить служилых людей в калмыцкие улусы для переговоров о том, "чтоб колмацкие князи и мурзы и всякии улусные люди были под нашею царскою рукою и шерть и утверждение и заклады дали, что им быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и нам ясак с себя платить на вся годы безпереводно, и заклады б они в город на Тару дали, и ясачных волостей, нашим ясачным людем, тесноты не чинили и не побивали, а мы их также велим беречи и от недругов оберегати"[13]. Если эти условия калмыки считают приемлемыми, то они должны дать "шерть (обязательство, договор. – *К.М.*) по своей вере".

С этого времени центральные учреждения России целенаправленно стали вести поиск путей юридического введения калмыков в состав Российского государства. О придании важного значения решению этого вопроса свидетельствовало установление контроля со стороны центральной власти. В этой же Грамоте предписывалось тарскому воеводе сообщить о ходе переговоров с калмыками, которые было поручено предварительно провести С.И. Гагарину, в Приказ Казанского дворца, на имя самому боярину Дмитрию Ивановичу Шуйскому.

Доложив Приказу Казанского дворца о своих предложениях по вопросам складывающихся отношений с калмыками, воевода князь Сил Иванович Гагарин, как опытный государственный деятель в делах присоединения народов Сибири и восточной политики, 27 января 1607 г., не дожидаясь официальных указаний центра (которые, как выше отметили, были получены только 30 марта 1607 г.), направил своих посланцев к Далай-Батыру, тайше дербетов, и Хо-Орлюку, тайше торгоутов, с предложением принять российское подданство и прислать в Тару для шертвования самых "лутчих людей". Впоследствии эти действия воеводы были одобрены Приказом Казанского дворца.

Если судьба посланных 2 октября 1606 г. к торгоутам казака Томилы Алексеева и татарина Урдубая оказалась тра-

гичной (пропали без вести), то удачной явилась миссия представителей тарского воеводы ясачных татар "Енобая-князька да Куготая с товарищи" к Далай-Батыру, которые вернулись в Тару 16 июня 1607 г. вместе с делегацией от тайшей Далай-Батыра и Изенея. Калмыцкую делегацию в составе 21 человека возглавлял "колмацкий тайши Кугона Тубиев", представлявший, по его словам, пять главных правителей ойратов ("тайши Баатырь Янышев, да Ичиней Уртуев, да Кугонай Турбеев, да Ужен Конаев, да Юрикты Конаев"), в подчинении которых находились 45 тайшей (малых владетельных князей). Во владениях всех указанных тайшей имелось 12 санов (сан – 10 тыс. человек, и, возможно, по традиции того времени имелось в виду только мужское население). Тогда можно предположить, что население указанных правителей составляло свыше 200 тыс. человек. Поэтому вполне можно согласиться с мнением профессоров С.К. Богоявленского и У.Э. Эрдниева, что к границам России к концу XVI в. прикочевало около 80 тыс. калмыцких воинов и 200 тыс. остального населения[14].

Глава официальной калмыцкой делегации тайша Кугонай Тубиев впервые в июне 1607 г. от имени значительной части калмыков (дербетов), за исключением групп Хо-Орлюка и Курсугана, кочевавших отдельно в верховьях Иртыша, устно дал шерть (присягу) России (в лице крупного государственного чиновника – тарского воеводы князя С.И. Гагарина) на подданство ей.

О состоявшейся встрече в июне 1607 г. с калмыцкой делегацией и даче ею шерти на российское подданство тарский воевода С.И. Гагарин направил в Приказ Казанского дворца отчет от 30 сентября 1607 г. В нем он писал: "А в роспросе вам Кугонай-тайши сказал, что прислали его, Кугоная, колмацкие люди тайши Баатырь да Ичиней с товарищи нам, великому государю, бити челом, чтоб нам их пожаловати, воевати их не велети, велети им быти под нашею царскою высокою рукою и кочевати на нашей земле вверх по Иртишу к соленым озерам, а что-де нам с них, с колмацких людей, имати годно коньми, или верблюды или коровами, и они-де тем нам бьют челом... и на Таре Кугонай-тайши нам, великому государю, шертовал за всех своих товарищив, за 40 за 9 тайшев, и улусов за колмацких людей, опричь Урлюка-тайши да Курсугана-тайши".

Калмыцкая делегация отбыла в улусы в сопровождении пяти служилых людей тарского воеводы, задача которых была встретиться с калмыцкими тайшами и разъяснить им суть предлагаемого договора царского правительства, подчеркнув взаимовыгодность вхождения калмыков в состав Российского государства. Основная цель заключалась в том, чтобы "им (калмыкам. – *К.М.*) сказати наше царское жаловальное слово, что мы, великий государь, их пожаловали, велели им по их челобитью кочевати вверх по Иртышу и в-ыных местех, где похотят, и держати их велели под нашею царскою высокою рукою, и велели их ото всех недругов от Казацкие орды и от Нагаи и от иных недругов беречи и обороняти, и во всем бы они на наше царское жалованье были надежны, а наше жалованье к ним пришлем вскоре, а ясак велели есмя имати с них лошадьми и верблюды или иным чем, чтоб им не в нужу"[15]. И эти договорные отношения должны были быть заключены на самом высоком уровне – в Москве с российским царем и главными тайшами Далай-Батыром и Изенеем – и закреплены в Жалованной грамоте "за золотыми печатьми". Чиновникам поручалось, чтобы они гарантировали тайшам все удобства и безопасность поездки в Москву.

Приказ Казанского дворца напоминал тарскому воеводе о том, чтобы он не упускал из виду торгоутских тайшей Хо-Орлюка и Курсугана и послал к ним своих представителей для ведения переговоров о принятии ими российского подданства. В то же время он советовал ему проводить осторожную, выдержанную политику по отношению к этим двум тайшам. "А будет Урлюк да Кусурган под нашею царскою высокою рукою быти не похотят, и закладов не дадут и ясаку давати не учнут, и вы б от них наших ясачных волостей велели оберегати, а на них воевати не посылали, покаместа большие колмацкие тайши Изеней с товарищи в нашем жалованье укрепятца". Отсюда видим, что до заключения официальных договорных отношений с дербетскими тайшами Далай-Батыром и Изенеем центральная власть рекомендовала воеводе не применять какие-либо силовые действия, чтобы "не отпугнуть, не насторожить" больших калмыцких тайшей.

Грамота Приказа Казанского дворца от 18 октября 1607 г. является одним из важнейших исторических источ-

ников по изучению национальной политики России начала XVII в., составной частью которой явилось введение кочевых народов Сибири в свое подданство на добровольных началах, без принуждения, на взаимовыгодной основе. В этих целях государственные органы должны были проводить гибкую миролюбивую линию, направленную на мирное соглашение, развитие взаимовыгодной торговли, обеспечение безопасности торгующих, свободное общение. Об этом свидетельствует указание Приказа Казанского дворца тарскому воеводе: "И держать бы вам к ним ко всем ласка и привет во всем, и с торги велети бы им приезжати на гостин двор, а вам б в том от них бережение держати. И выбрали б есте из наших ис служивых людей и ис татар или ис полоняников колмацкого толмача и переводчика добра или дву, чтоб были горазды колмацкому языку и грамоте...". Следующая особенность этой политики заключалась в том, что Россия, предлагая свою территорию, покровительство и защиту, взамен требовала ясак лошадьми, верблюдами и другими видами домашних животных, но чтобы все это не было в тягость народу.

После первого удачного соглашения, достигнутого делегацией Кугоная Тубиева, вскоре, 21 сентября 1607 г., прибыла в Тару вторая дербетовская делегация, в составе которой был и посланец от торгоутов, но более представительная – четыре посла (Баучин, Девлет Тахабакшеев, Арлей Алаков, Кесенчак Чиганов) от пяти главных тайшей (дербетовские Баатырь, Ичиней, Урухту, Унгинай, торгоутский Шунхай (Сюнке) – сын Хо-Орлюка). Вместе с делегацией в Тару прибыл купеческий караван (только купцов 90 человек), пригнавший на продажу 550 лошадей в целях приобретения необходимых товаров. Согласно договоренности тарские власти освободили калмыцких торговцев от пошлинных сборов. Это явилось не только финансовым вопросом, но и политикой привлечения калмыков, "их сперва не ожесточить и от наше царские милости не отгоняти".

В соответствии с указанием Приказа Казанского дворца калмыцкая делегация в полном составе (Алаков, Баучин, Тахабакшеев, Чиганов) была отправлена в сопровождении служилого тарского воеводы Болдана Бойкача в Москву на встречу с российским царем. 12 января 1608 г. тарский воевода С.И. Гагарин доложил Приказу Казанского дворца о

том, что калмыки расширяют территорию своих кочевий ("прикочевали со всеми своими улусы и кочуют на Оми реке"), тайши по-прежнему просят "великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии самодержца... быти под нашею царскою рукою... от Алтын-царя велети их оберегати...".

Калмыцкая делегация по прибытии в Москву 7 февраля 1608 г. была принята в Посольском приказе высоким должностным лицом – дьяком Василием Григорьевичем Телепневым*, товарищем судьи, ведавшим, по всей вероятности, восточными вопросами. 14 февраля 1608 г. калмыцкая делегация в полном составе в сопровождении посольского дьяка В.Г. Телепнева была на приеме у царя Василия Ивановича Шуйского. После церемонии представления послов государю, пожалования к его руке, послы через переводчика изложили челобитные калмыцких тайшей. Ответ царя В.И. Шуйского на их челобитную был оглашен посольским дьяком В.Г. Телепневым. Тайшам со всеми их улусами разрешалось "кочевати в Сибирской земли по Иртишу и на Оми реке и по Камышлову и в-ыных местех, где похотят, и велели им под нашею царскою рукою быти навеки неотступным, и ото всех недругов, от Казацкие орды и от Нагай и от Алтын-царя, велели их оберегати и обороняти, и во всем бы они на наше царское жалованье были надежны. И они б нам, великому государю, служили и прямили во всем навеки неподвижно". А ясак с калмыков предполагался "лошадьми по их воли, сколько они дадут". В заключение приема было высказано пожелание, чтобы "ехали бы они, лутчие люди, сами к нам, великому государю"[16].

Однако по результатам первого официального приема царем В.И. Шуйским калмыцкой делегации, по всей вероятности, не был составлен какой-либо документ об их договорных отношениях. Косвенные исторические источники говорят о том, что 14 февраля 1608 г. была лишь аудиенция у царя, положившая начало официальному решению вопроса о приеме калмыков в российское подданство.

* В 1609 г. В.Г. Телепнев был назначен уже думным дьяком, т.е. фактически руководителем Посольского приказа (Хрестоматия по истории России: В 4-х т. Т. 1. С древнейших времен до XVII века / Сост. И.В. Бабич и др. М., 1994. С. 328).

При отбытии калмыцких послов из Москвы в Тару Приказ Казанского дворца дал указание тарскому воеводе И.В. Мосальскому (Грамота от 27 февраля 1608 г.) о том, чтобы делегацию сопроводили в "Колмаки" в целях разъяснения условий принятия калмыками подданства, а также организации приема присяги (шерти) от больших тайшей в Таре, а от меньших – "к шерти на Оми или Комышлов реку". Калмыцкая делегация в сопровождении служилых людей тарского воеводы во главе с казаком Аникой Черным выехала из Тары в "Колмакию" 23 августа 1608 г.

Посланники Приказа Казанского дворца, вернувшись 5 декабря 1608 г. "ис Колмаков", составили подробный отчет с указанием, что "они были у всех колмацких тайшей в улусах и нашего де жалованья им сказывали". Самое главное в отчете сводилось к тому, что калмыки приняли наши условия и "нашему де жалованью они рады и под нашею рукою быти хотят". Но поскольку "они были в походе, ходили Алтын-царя воевати, и им-де осенью к шерти были неколи, снеги упали, и с торгом на Тару послати немочно". Предполагалось, что приведение к шерти может состояться только весной следующего года у соляных озер или на Оме, но "на Тару быти не хотят"... "и закладов и ясаку не довывати". Эти факты свидетельствуют о том, что калмыки до конца 1609 г. не были в письменных договорных отношениях, а также о появившихся нотках недовольства калмыков условиями договора о подданстве.

Поэтому Приказ Казанского дворца, официально признав договорные отношения России с калмыками, в следующем году, 20 августа 1609 г., послал от имени царя В.И. Шуйского Грамоту тарскому воеводе Ивану Володимеровичу Мосальскому о направлении служилых людей к калмыцким тайшам Изенею и Далай-Батыру для подтверждения шерти, данной их делегацией в Москве, и разрешения калмыками беспошлинной торговли в сибирских городах.

Приказ Казанского дворца, узнав о выступлении калмыков против казахов, в ответ на обращение калмыков (посланцев Игитея и Катоя от тайшей Изенея и Далай-Батыра) от 10 декабря 1608 г. в этой же Грамоте уже в соответствии с договоренностью гарантировал безопасность всем кочующим калмыцким улусам вблизи Тары, "обнадежась на нашу царскую милость". В этот же день, 20 августа 1609 г.,

Приказ Казанского дворца отправил И.В. Мосальскому вторую Грамоту о посылке служилых людей к калмыцкому тайше Хо-Орлюку для приведения его к шерти. Предлагалось привести к присяге Хо-Орлюка в Таре на условиях, достигнутых в Москве 14 февраля 1608 г. При желании калмыцкие тайши могли заключить договорные отношения о подданстве непосредственно с российским царем в Москве. В Грамоте говорилось, что "а будет тайши, лутчие люди, похотят ехати к нам, великому государю, к Москве, сами, и они б к нам ехали безо всякого опасенья... а мы их пожалуем великим своим жалованьем".

Некоторая активизация царской администрации по приведению калмыцких тайшей к шерти в 1608–1609 гг., скорее всего, объясняется не только адекватной активностью калмыков, особенно в 1608 г., но и стремлением быстрее завершить введение калмыков в состав Российского государства в связи со сложной обстановкой в стране, на ее южных рубежах, с непрекращающимися претензиями Польши. Кроме того, царская администрация, по всей вероятности, улавливала изменяющуюся политику крупных калмыцких тайшей, добившихся объединенными усилиями в 1609 г. победы над халхасским Алтын-ханом и казахами.

О происходивших в "Колмакии" событиях и о настроениях калмыцких тайшей излагал (об этом ранее докладывал и А. Черный) Приказу Казанского дворца в своем отчете от 20 июля 1609 г. посланец тарского воеводы Поспела Голубин, находившийся в калмыцких улусах с марта по июль 1609 г. и присутствовавший на чулгане (съезде) с участием тайшей Хо-Орлюка, Кошевчея и Абай, вдовы тайши Изенея. Он писал, что большие тайши на Тару, меньшие тайши на Омь и Камышлов для подтверждения прежних шертей прибыть не могут, а предлагают прислать к ним послов тарского воеводы для ведения переговоров. Относительно "о ясаке де они с послы своими к нам бити челом не приказывали и ясаку никому не давывали... и вперед де ясаку давати никому не хотят". Кроме того, П. Голубин уловил очень важную деталь в настроениях калмыков, которую он изложил в отчете словами тайшей: "Что люди-де они кочевые, а не месные, где похотят, тут и кочюют".

С середины 1610 г. царская администрация, владея ситуацией в калмыцких улусах, вносит некоторые коррективы в

свою политику по отношению к калмыкам. Россия, не отрицая мирную дипломатию по добровольному введению калмыков в состав Российского государства, уже не исключала возможности оказания силового давления. Приказ Казанского дворца в Грамоте от 15 июня 1610 г. предлагал тарскому воеводе И.В. Мосальскому послать служилых людей "в Черные Колмаки к лутчим тайшам к Кошевчею и к Баатырю с товарищи, а велели им говорити по прежнему нашему указу, чтоб тайши и все улусные люди были под нашею царскою рукою и нам служили и прямили, и ясак с себя давали, и кочевали на нашей земле по Иртышу и по Камышлову". В случае отказа калмыцких тайшей от указанных предложений Приказ Казанского дворца от имени царя В.И. Шуйского поручал И.В. Мосальскому при переговорах прибегнуть к угрозе, "чтоб они на нашей Сибирской земле по Иртишу и по Оми и по Камышлову и к соляным озерам не кочевали, и рыбными и звериными ловлями не владели, и шли с наши земли Сибирские земли прочь. А будет учнут они кочевати на нашей земле насильством, и на них велим послати изо всех сибирских городов рать свою с вогненым боем. И велим их и их улусы воевати, и жон их и детей в полон имати"[16].

В то же время руководство Приказа рекомендовало тарскому воеводе быть бдительным, но не применять преждевременно военную силу, а, наоборот, искать пути к продолжению прежних мирных переговоров о принятии калмыков в российское подданство. В этом документе, как видим, звучит нотка восточной политики – осторожность, по возможности мирное улаживание внешнеполитических вопросов.

Это была последняя Грамота администрации царя Василия Шуйского. Буквально через месяц после ее отправки в Тару он был низложен и арестован вместе с двумя братьями – Дмитрием и Иваном. Временное управление государством (с 17 июля до конца 1610 г.), осуществляла группировка из семи наиболее влиятельных членов Боярской думы (Ф.И. Мстиславский, А.В. Трубецкой, З.П. Ляпунов, В.В. Голицын, М. Воротынский и др.). Это правительство у современников получило наименование "Семибоярщина". Междуцарствие, длившееся с 17 июля 1610 по 7 февраля 1613 г., оказалось для России чрезвычайно сложным и труд-

ным периодом. В условиях продолжавшейся борьбы России против польско-литовской (с претензиями на престол) и шведской интервенции, борьбы различных группировок бояр за власть (с последствиями самозванства), а также фактически разрушенного государственного управления, по-видимому, калмыцкие дела были отложены. В это время и калмыки, почувствовав себя несколько безопаснее после победы над халхасским Алтын-ханом и казахами, не проявляли особой активности к установлению политических отношений, как в предыдущие годы. Так завершился мирный, относительно спокойный начальный этап сближения калмыков с Российским государством и официального принятия ими российского подданства.

Россия в XVI–XVII вв., продвигаясь в глубь Сибири, стремилась присоединять, принимать, вводить в состав государства сибирские народы главным образом мирным путем, на основе заключения договорных отношений на различных государственных уровнях, вплоть до самого высокого – царского. При этом ею придавалось важное значение развитию торгового обмена, обеспечению взаимовыгодных обязательств. Царская администрация, проводя эту гибкую восточную политику, прежде всего преследовала конкретные цели: она была заинтересована в обеспечении безопасности обширной сибирской территории, развитии торговых отношений, экономики, получении экономической выгоды (в виде дани от подданных, но не очень обременяя их). В восточной внешнеполитической линии царской администрации, как известно, особое место занимала политика по обеспечению дальнейшего продвижения России в Восточную Сибирь, на Дальний Восток, а также по установлению безопасных новых торговых путей в юго-восточные страны.

Проблемы развития взаимоотношений и введения калмыков в состав Российского государства при всем своеобразии являлись составным звеном политики России в Сибири, внешней политики юго-восточного направления. Поэтому калмыцкие вопросы рассматривались и решались царем и в высших органах государственной власти России – в Боярской думе, Посольском приказе, ведавшем вопросами внешней политики, в Приказе Казанского дворца, осуществлявшем административное, финансовое, судебное управление

завоеванными землями на восточных границах страны, а также в территориально-административных управлениях – в Тобольском (окружном) и Тарском (уездном) воеводствах, являвшихся и общегосударственными учреждениями с весьма широкими функциями и полномочиями (гражданскими, военными, сбора ясака и т.д.), вплоть до дипломатических (отправка, прием посольств, ведение переговоров и заключение договорных соглашений от имени центральной власти).

Все названные нами Грамоты Приказа Казанского дворца редактировал, правил и подписывал дьяк Алексей Шапилов. Следовательно, калмыцкий вопрос находился в руках довольно крупного государственного чиновника, одного из товарищей (заместителей) судьи (главы приказа), целенаправленно проводившего национальную политику, единую внешнеполитическую линию центральной власти во взаимоотношениях с восточными и южными странами.

Россия, присоединяя и предоставляя народам Сибири гражданство, беря их под покровительство и защиту, оставляя власть над своим населением местной знати (тайшам), не ущемляла свои территориальные, экономические и государственные интересы, а, наоборот, расширяла территорию, увеличивала природные, трудовые, военные ресурсы. Это вполне отвечало интересам Российского государства при проведении не только своей внутренней, но и энергичной внешней политики.

Народы, принимавшие российское подданство, приобретали сильного покровителя и защитника, остановившего кровопролитные, истребительные войны сибирских народов с их соседями, имевшие для многих трагические последствия. Кроме того, они вовлекались в общее экономическое, геополитическое пространство, открывая новую страницу своей летописи в общей истории народов России.

2. Политика России по отношению к калмыкам в 20–50-е годы XVII века

Начальный этап развития взаимоотношений калмыков с Россией длился почти десять лет, но в силу сложившихся внутренних обстоятельств как в Российском государстве, так и в калмыцких улусах он на некоторое время был практически прерван. Новое движение с обеих сторон в разви-

тии этого процесса началось после окончания в России Смутного времени.

Междуцарствие прекратилось в феврале 1613 г.: Земский собор избрал на царский престол Михаила Федоровича Романова. С этого времени восстанавливается российская государственность, складывается устойчивая самостоятельная политика, которые окончательно утверждаются с ликвидацией последствий самозванства (середина 1614 г.). Смутное время завершилось заключением с Польшей в декабре 1618 г. Деулинского перемирия. Его итоги были для России неутешительны: европейская территория страны заметно сократилась (за Польшей остались русские города Смоленск, Чернигов и новгород-северские земли с 29 городами, а также Запорожье. Шведы оставили за собой устье Невы и все побережье Финского залива, плотно закрыв доступ России к Балтийскому морю). Но главным политическим достижением перемирия был отказ польского королевича Владислава от притязаний на российский царский трон[17].

Россия, занимаясь западными делами, не забывала развивать и поддерживать мирные взаимоотношения с Турцией, Персией, Крымом, по возможности настраивая их против Польши, а также улаживать отношения с ногаями, которые в Смутное время активизировали набеги на русские территории.

Если дела России на западе складывались не очень удачно, то на востоке она продвинулась к океану, к китайским границам и увеличила свою территорию на 70 тыс. кв. миль, "приводя под высокую руку государя рассеянные толпы дикарей, сбирая с них ясак, часто выводя их из терпения грабительствами..."[18]. Эти "грабительства" являлись следствием не только тяжелого экономического положения страны, но и ослабления контроля со стороны центральной власти за местными сибирскими властями. О сложном, трудном финансово-экономическом состоянии России свидетельствует письмо царя Строгановым. В мае 1613 г. Михаил Федорович, обращаясь с просьбой к Строгановым дать государству взаймы денег, хлеба, писал, что "в казне нашей денег и хлебных запасов в житницах нет, служивым людям жалованья дать нечего". В этих условиях одним из основных источников пополнения казны являлся сбор ясака с сибирских народов.

Однако служилые люди воеводств сибирских городов, собирая ясак и не забывая о себе, по-видимому, явно "переусердствовали". В связи с этим царская администрация неоднократно напоминала воеводам, чтобы "они обращались кротко с покорившимися туземцами... ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, сбирали бы с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не приветом, чтоб с них сбирать государев ясак с прибылью, брать с них ясак сколько будет можно, по одному разу в год, а по два и по три ясака на один год не брать".

В период междуцарствия в России (1610–1613) у ойратов (группа Абай-Кошевчея), кочевавших по берегам Иртыша, Оми и Ишима, прекратилась междоусобная борьба, наступили затишье и внутренний мир. Это позволило им покорить некоторые племена (барабинских, кузнецких татар) и взимать с них дань. В результате замедлился темп их движения на запад, а также процесс принятия российского подданства. В это время, как выше отмечено, усиливается со стороны местной царской администрации ясачное давление на народы, еще не вошедшие в состав России. "Которые новых землиц люди станут непослушны, таких прежде уговаривать ласкою, а если никакими мерами уговорить будет нельзя, то смирять их войною, небольшим разорением, чтоб их смирить слегка"[19]. Эта политика администрации сибирских городов, несколько в смягченном варианте поддержанная центральной властью, коснулась и калмыков, что вызвало между русскими и ойратами конфликтные ситуации, вплоть до вооруженных столкновений. В них участвовал, как отмечал Н.Я. Бичурин, не целый народ, а отдельные мелкие князьки[20].

Особенно участились подобного рода столкновения между русскими и калмыками в 1612–1613 гг. Возможно, указание центральной власти "смирять их войною, небольшим разорением, чтоб их смирить слегка" явилось для тарского воеводы Ивана Михайловича Годунова основанием для организации карательных экспедиций в отдельные калмыцкие улусы. Эти действия тарского воеводы на определенном этапе активно поддерживались и поощрялись царской администрацией[21]. В 1613 г. тарский воевода дважды (в июле и сентябре) направлял в некоторые кочующие группы

калмыков значительные экспедиционные отряды с привлечением юртовских и волостных татар. В результате ему удалось "смирить слегка" калмыков. 25 ноября 1613 г. в Тару прибыли послы (Авгачка, Далан, Чедутай) от калмыцких тайшей Тюргеня и Далай-Батыра с предложением шертовать (дать обязательство) по своей вере о прекращении взаимных нападений. Приказ Казанского дворца, получив в феврале 1614 г. уведомление о прибытии в Тару калмыцких послов, поручил И.М. Годунову (4 апреля 1614 г.) немедленно вступить в переговоры и направить служилых людей "в Колмаки с калмыцкими людьми к Тюргеню да к Батырю для договору...". О серьезном внимании царской администрации к возобновлению мирных отношений с калмыками свидетельствовал тот факт, что тарский воевода обязывался постоянно докладывать о ходе переговоров Приказу Казанского дворца (думному дьяку Алексею Шапилову, дьякам Петру Микулину и Офонасью Овдокимову).

Следующая делегация от калмыцких тайшей Батыра, Тюргеня и Хо-Орлюка прибыла в Тару 3 мая 1615 г. и была отпущена "в Колмаки" 16 мая в сопровождении толмача Олешки Масалитина. Но не совсем понятно, что же произошло в пути. Олешка Масалитин, подозревая, что его хотят убить, сбежал и сообщил атаману Еремею Прутинкину, находившемуся у соляных озер, что якобы он видел "шли степью люди великие вверх по Камышлову к Ишиму". Однако разведка тюменского воеводы М.М. Годунова установила "у Ишима колмацких людей 5 человек о дву конь".

В том же 1615 г., посланный к калмыцким тайшам Тюргеню, Бутаку, Малдышеру тарский служилый казак Власко Колашников полностью справился с поручением второго тарского воеводы, Петра Мутохина, "и колмацких тайшей к шерти привел на том, что им быти под нашею царскою высокою рукою, и хотели тайши послать к нам послов своих лутчих людей". Однако с наступлением зимы В. Колашников вынужден был остаться у Малдышеря-тайши и жил до весны. А по весне "ево колмаки отпустили, а с ним послали в Тару колмацкие тайши Табутай да Малдышеря послов своих Куная да Батыря".

Власко Колашников по поручению тарского воеводы К. Вельяминова, в июне 1616 г. лично доложил тобольскому (окружному) воеводе боярину князю Ивану Семеновичу

Куракину о положительных результатах своей миссии к калмыцким тайшам. Тобольским воеводой было принято решение расширить и закрепить достигнутые договоренности с калмыками. Поэтому он в марте–апреле (с 31 марта по 6 апреля) 1616 г. "послал в Колмаки к тайшам к Батырю да х Кузенею, х Чигиру, к Урлюку и к иным тайшам тобольских служилых людей (надо понимать, более высокий уровень (окружной). – *К.М.*). Томилка Петрова да Ивашка Куницына с товарыщи, а велел им говорить тайшам, чтоб оне были под нашею царскою высокою рукою, и послов бы оне своих к нам посылали, и торговым людям со всякими товары в наши сибирские города ходить велели, и без нашего б указу в нашей отчине на Оме и на Камышлове реке не кочевали".

Сразу же тобольский воевода сообщил тюменскому воеводе Федору Семеновичу Коркодинову о том, "что посланы в Колмаки тобольские и тарские служилые люди для нашего посольского дела" и чтоб вы тюменских служилых людей на колмаков войною не посылали". О всех своих предпринятых действиях, в том числе и об отписке тюменскому воеводе, Иван Семенович Куракин 20 сентября 1616 г. доложил Приказу Казанского дворца, который, в свою очередь, придавая важное значение развитию мирных процессов в отношениях с калмыками, сразу же отреагировал одобрением действий тобольского воеводы и осуждением действий тюменского воеводы ("князь Федор, делаешь не гораздо"). Приказ строго указывал тюменскому воеводе Ф.С. Коркодинову, что он продолжает отгонять и посылать "на колмаков тюменских служилых людей войной... воевать воровством" (т.е. преступным путем. – *К.М.*). В связи с этим Приказ Казанского дворца Грамотой от 15 октября 1616 г. директивно поручал тюменскому воеводе "впредь на колмаков наших тюменских служилых людей и татар войной не посылали, от нас их не отгоняли... А будете вы вперед учнете воровати и на колмаков без обсылки ис Тобольска посылать войною тюменских служилых людей и татар, и вам от нас быти в великой опале и в казни" (подчеркнуто мной. – *К.М.*).

Приказ Казанского дворца, получив сообщение тобольского воеводы от 20 сентября 1616 г. о посылке в марте–апреле 1616 г. послов к калмыцким тайшам, доложил об этом

Посольскому приказу (остававшемуся в основном исполнительным органом царя и Боярской думы). Посольский приказ (фактически внешним ведомством руководил царь) Грамотой от 2 октября 1616 г. предписывал тобольскому воеводе И.С. Куракину, чтобы он после возвращения тобольских посланцев и прибытия (или не прибытия) калмыцких послов подробно доложил о результатах миссии Томилки Петрова и Ивашки Куницына. При положительном исходе переговоров прибывшую калмыцкую делегацию воевода должен был направить к царю в сопровождении Т. Петрова и И. Куницына с обеспечением безопасности, предварительно уведомив центр об условиях договора и количестве сопровождающих лиц.

И.С. Куракин доложил Посольскому приказу о возвращении (в октябре–ноябре 1616 г.) тобольских посланцев вместе с калмыцкими послами от тайшей Батыра и Исентура с подарками царю (две лошади). В этой отписке тобольского воеводы в Посольский приказ отмечалось, что "колмацкие тайши бити челом тебе, государю, чтоб им кочевати на твоей государеве земле близко сибирских городов, а они под твоею государевою высокою рукою быти хотят". Прибывшим калмыцким послам было предложено довести до своих тайшей необходимость обдумать условия переговоров, совместно подготовить проект договора и снарядить послов "к тебе, к государю, к Москве, лутчих своих людей". Калмыцкими послами тобольскому воеводе было передано решение тайшей направить своих послов к царю. Но их беспокоили два обстоятельства: неизвестность судьбы и результатов миссии калмыцких послов от тайшей Четана, Байбагиша, Керенти в Тюмень, направленных еще летом 1616 г.; второе – безопасность в пути послов в Москву, поскольку "от прежних воевод, которые были в Тобольску и на Тюмени, была людям их (калмыкам. – *К.М.*) теснота и обида и грабеж".

Опасения калмыцких тайшей за судьбу своей делегации в Тюмень в какой-то степени оправдались. Стало известно от тюменских служилых людей, Гаврилки Иванова "с товарыщи", что тюменский воевода князь Федор Семенович "Коркодинов тех колмаков пограбил, многие лошади и овцы поимал на себя". "И князь Федор деи, государь, держал их на Тюмени многое время неведомо для чего, а норму им

ис твоей государевой казны не давал и не отказывал им, что... и колмаки де от пути мертвые лошади ели". Все это было подтверждено сыскной справкой служилого окружного воеводства Василия Тырнова и обыскными речами (докладными) калмыцких послов, убывших из Тюмени 12 октября 1616 г. вместе с В. Тырновым. На основании всего этого тобольским воеводой было сделано заключение, что "князь Федор колмаков гробил и тесноту чинил, и голодом морил, и мы, государь, чаем того, что он твоему государеву делу учинил поруху". Вместе с этим заключением и сыскная справка, и обыскные речи были посланы в Приказ Казанского дворца на имя царя Михаила Федоровича.

Однако действия тюменского воеводы Ф.С. Коркодинова не ограничивались грабежом калмыцкого посольства. Он в 1616 г. держал в плену калмыцкого абыза Бакшу, за которого ему дали выкуп 30 лошадей и 100 овец. Приказ Казанского дворца 16 ноября 1616 г. требовал срочно "бережно отправить Бакшу в Тобольск", сообщив о дате отправки боярину князю Олексею Юрьевичу Сицкому (надо полагать, главе Приказа Казанского дворца). В связи с указанными причинами в 1616 г. калмыцкая делегация не смогла выехать в Москву. Поэтому в ноябре–декабре 1616 г. в Посольский приказ для доклада государю о калмыцких делах тобольским воеводой были направлены служилые люди "литвин Томилка Петров да конный казак Иванка Куницын... которые были в Колмаках" в июне–июле того же года[22].

Они в подробной докладной записке (расспросные речи), написанной, по всей вероятности, во второй половине декабря 1616 г., указали цель (по заданию И.С. Куракина) своей поездки в "Колмацкую землю" во главе с дербетским Далай-тайшой – калмыцких тайшей приводить под государеву руку, "чтоб они под государевою рукою были и в государеву отчину в Сибирь и в-ыные в сибирские города с товара приходили". Они в Колмацкой земле были встречены на самом высоком уровне, и их предложения о принятии российского подданства были восприняты тайшами доброжелательно.

Калмыцкая земля, о которой они писали, представляла тогда собой весьма большую группу ойратов во главе с Далай-тайшой, объединявшую четверых его родных братьев,

двоюродных братьев, племянников, торгоутского тайшу Хо-Урлюка, чоросского тайшу Чохура. У них (ойратов этой группы) находились "ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда" (казахи Большого жуза и енисейские киргизы)[23]. Однако эта группа ойратов зависела от халхасского Алтын-хана, находившегося "в одном совете с китайским царем, и вынуждена была платить им "ясак по 200 верблюдов да по 1000 лошадей и овец на год со всякого тайша, с лутчих тайшей, опричь мелких тайшей"[24].

Результаты возобновления и развития взаимоотношений с калмыками после воцарения Михаила Федоровича, практические шаги исполнительных органов, воевод сибирских городов в этом направлении, сведения, изложенные в расспросных речах Т. Петрова и И. Куницына, 31 декабря 1616 г. были обстоятельно рассмотрены на заседании Боярской думы (царь Михаил Федорович, бояре князья Федор Иванович Мстиславский, Иван Никитич Романов, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Дмитрий Михайлович Пожарский, Иван Михайлович Воротынский, Василий Петрович Морозов, Иван Васильевич Голицын, Федор Иванович Шереметев, Иван Борисович Черкасский, Михаил Михайлович Салтыков, Григорий Волконский, Иван Семенович Куракин и др.). Боярская дума приговорила: "...вперед ссылатца... с колмацкими людьми... и приводить их под государеву руку. А которых послов (высокий уровень дипломатического состава. – *К.М.*) или посланников (следующий уровень дипломатического состава. – *К.М.*) колматцкие люди учнут присылать к государю, и тех ис Тобольска совсем отпускать к государю к Москве, не задержав". В соответствии с вердиктом Боярской думы царем был принят указ аналогичного содержания и разослан в сибирские города.

Калмыцкий вопрос был рассмотрен Боярской думой как часть внешней политики юго-восточного направления. Поэтому вместе с ним решались проблемы об отношении к халхасскому Алтын-царю, Китайскому государству, бухарскому царю. Что касалось дела тюменского воеводы Ф.С. Коркодинова, то Боярская дума признала, "что в Тюмени воеводы колматцким послам чинят обиды и насильства и грабежи". В этом приговоре была сделана ссылка на то, что указ по этому вопросу находится в Приказе Казан-

ского дворца. Тем не менее его содержание осталось неизвестным. Но после этого заседания Боярской думы больше нигде не упоминался Ф.С. Коркодинов.

Выполняя приговор Боярской думы от 31 декабря 1616 г. и соответствующий царский указ, тобольский воевода И.С. Куракин 29 мая 1617 г. направил атамана Ивана Савельева и служилого Первушка Петрова вместе с прибывшим послом Буга от Далай-тайши к "большому Багатырю-тайшу и всем колматцким людям, чтоб они были под государевою рукою и с товары своими со всякими, что у них ведутца, в государевы города торговых своих людей посылали".

Посланцы тобольского воеводы прибыли в стан дербетского тайши Далай-Батыра, стоявшего во главе северо-западных ойратов, в первой половине августа 1617 г. и находились у него два месяца. На приеме у Далай-Батыра, в присутствии двух лам, двух его сыновей, жены, послов от казахов Большого жуза и от енисейских киргизов, атаман Иван Савельев изложил цель своей миссии "по государеву наказу": "...чтоб он был под государевою рукою со всего своей Колматцкою землею, и на государевы города людей своих войною не посылал, и царевича Ишима, который ныне учинился у государя в непослушанье и приходил на государевы волости войною, изымав, прислал к государю, и послов своих к государю с ними вместе послал". Далай-Батыр, принимая предложение русских посланцев, отвечал, "что он под государевою рукою быти готов, и послов своих бити челом государю о ево государской милости с ними вместе пошлет, и на непослушников государевых стоять готов, где ему царского величества повеление ни будет".

Делегация И. Савельева вернулась в Тобольск 23 ноября 1617 г. в сопровождении калмыцких послов Буга и Коодана от тайши Далай-Батыра, которые через месяц, т.е. 25 декабря, были отправлены в Москву. Калмыцкая делегация в составе двух указанных послов в сопровождении тобольских служилых людей И. Савельева и П. Петрова прибыла в Москву 12 февраля 1618 г. По указанию царя Михаила Федоровича калмыцкое посольство было принято в Посольском приказе 20 марта 1618 г. дьяком Савой Романчюковым.

На встрече в Посольском приказе калмыцкие послы изложили дьяку цель своего прибытия. Они заявили, что на

территории Сибири находятся уже 13 лет и все эти годы поддерживают добрые торговые отношения с сибирскими городами. Ныне они прибыли от Богатыря-тайши к государю со словесным приказом о том, "только Богатыря-тайшу с товарыщи царское величество под свою царскую высокую руку примет, и оне со всею Колматцкою землею под государевою высокою рукою быти хотят и во всем царском повеление, куды им царское повеление на недругов ево не будет, стоять готовы". Далее они добавили, что сами об этом царю объявят[25].

По итогам приема в Посольском приказе послов калмыцкого тайши Далая-Батыра для Боярской думы и для царя дьяком С. Романчюковым была составлена записка, а также справка о приезде в 1608 г. калмыцких послов к царю Василию Шуйскому. Все эти материалы Посольского приказа были представлены Боярской думе, которая, рассмотрев их и подготовив предложения, вынесла государю на окончательное решение. В связи с тем что в длительном пути (сентябрь 1617 – февраль 1618 г.) калмыцкая делегация весьма поиздержалась, она получила по указанию царя такую же одежду и такие же подарки точно в таком же количестве и ассортименте, как и делегация 1608 г. (за исключением серебряных ковшей).

29 марта 1618 г. калмыцкие послы Буга и Коодан были приняты во дворце царем Михаилом Федоровичем. По результатам этой аудиенции калмыцкие послы получили первый официальный нормативный документ от Российского государства – Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича калмыцкому тайше Далай-Батырю о принятии его в русское подданство, составленную на русском и татарском языках и датированную 14 апреля 1618 г.[26] В этом акте были в общих чертах выражены политика взаимоотношений России с калмыками ("быть в любви и в дружбе... во всем береженье держати"), основные условия нахождения в составе единого государства. Россия принимала калмыков тайши Далай-Батыра не только под свое покровительство, но и в свое подданство, устанавливая жалованье и призрение, гарантируя защиту от всех недругов, свободу передвижения и торговли в отчинных сибирских землях. Калмыки, по Жалованной грамоте, должны были не только находиться "под нашего царского величества высокою рукою", но "и нам,

великому государю, служили и прямили, и на непослушников наших, куда вам наше царское повеление будет, со своими ратными людьми ходили...".

Содержание Жалованной грамоты от 14 апреля 1618 г. раскрывало несколько изменившуюся политику России по отношению к калмыкам. Если до 1618 г. царская администрация требовала от калмыцких посольств в качестве основных обязательных условий нахождения в составе Российского государства, кроме верной службы, заложников и выплату определенной дани, то позднее главным условием становится военная служба – "на непослушников со своими ратными людьми ходить". Такой корректировке политики, по всей вероятности, способствовало настойчивое упорство калмыков "не давывати ясака и заклада", а также прямые и откровенные высказывания отдельных калмыцких тайшей о том, что они кочуют по захваченным Россией землям. Кроме того, введение улусов Далай-Батыра в состав России значительно укрепило бы ее позиции в Сибири.

По взаимному согласию, начав официально принимать калмыков в свое подданство отдельно по крупным группам, Россия продолжала сочетать мирную дипломатию и политику силового давления ("смирить слегка"). Посольский приказ, похвалив тобольского воеводу И.С. Куракина за организацию в 1618 г. "погрома колматцких людей", а также за ведение с ними переговоров (был послан служилый человек Ян Куча к тайше Хара-Хуле), в Грамоте от 30 января 1619 г. указывал развивать отношения и настойчиво проводить политику по приведению калмыков к шерти. В ней подчеркивалось: "Вы б с колматцкими послы о всяких наших делах ссылались, и под нашу царского величества руку их приводили, и нашим царским жалованьем их обнадеживали...". В то же время Посольский приказ строго предупреждал воеводу о том, чтобы "нынешних бы есте послов ис Тобольска отпустили и корм им в дорогу дали, примерясь к прежнему, как им мочно сытым быти". Выполняя поручение Посольского приказа, тобольский воевода во второй половине 1619 г. направил в Москву послов от калмыцкого тайши Хара-Хулы с предложением, "чтоб он был под нашею царскою высокою рукою"[27].

Царская администрация в 1618–1619 гг. стала нередко использовать любые возможности для оказания силового

давления на калмыков. В связи со столкновениями с Алтын-ханом и казахами в тот период наблюдалось интенсивное движение калмыцких улусов, которые приближались к Тобольску, Тюмени, Таре. На основании доноса (преднамеренного или ошибочного) Саргул-мурзы барабинских татар (фактически находившихся в зависимости от калмыков), что якобы калмыки по первым заморозкам намереваются напасть на тобольские и тарские волости, тарский воевода К.С. Вельяминов-Воронцов в октябре 1618 г., когда уже в Сибири начались заморозки, организовал на калмыков улуса Сенгил-тайши нападение крупного отряда совместно с юртовскими и ясачными татарами. В результате этого "в степи многих колмацких людей Сенгила-тайшу с товарыщи побили и улусы их погромили и полон многой поимали", а также захватили 50 верблюдов. Эти действия тарского воеводы были одобрены Приказом Казанского дворца, и ему предписывалось "а верблюда бы еси прислал к нам к Москве". Одновременно было организовано нападение (руководитель отряда стряпчий Олексей Вельяминов-Воронцов) на калмыцкие улусы тайши Хара-Хулы и тобольским воеводой И.С. Куракиным[28], хотя он считался сторонником мирного процесса введения калмыков в российское подданство. После этого вооруженного столкновения Хара-Хула начал вести активные поиски путей к установлению мирных отношений с русскими.

Халхасский Алтын-хан, находясь, особенно в последние годы, в напряженных отношениях с калмыками, решил незамедлительно воспользоваться русско-калмыцкими столкновениями. В мае 1619 г. он прислал в Москву своих послов с предложением организовать совместное выступление против калмыков, которые якобы мешали и препятствуют развитию между ними торговых и дипломатических отношений. Ответ Алтын-хану был дан почти через год. Михаил Федорович в Грамоте от 24 апреля 1620 г., пообещав ему защиту "тебя и твоей земли от колматцкого Каракулы-тайши", почти одновременно (7 мая 1620 г.) дал поручение томскому воеводе И.Ф. Шаховскому внимательно, в соответствии с приговором Боярской думы от 31 декабря 1616 г., изучить Халхасское и Китайское государства и срочно доложить в Посольский приказ. А до этого времени, указывалось в Грамоте, под всяким предлогом не предпринимать

самостоятельных шагов к сношению с этими государствами, а также отказывать Алтын-хану "в помочи наших ратных людей".

Некоторое изменение политики России по отношению к Алтын-хану, по всей вероятности, объясняется тем, что со стороны калмыков не проявлялось агрессивности, более того, в ноябре 1619 г. Посольскому приказу стало известно о нахождении в пути из Тобольска в Москву послов от калмыцкого тайши Хара-Хулы, главного противника Алтын-хана. Калмыцкая делегация прибыла в Москву одновременно с послами Алтын-хана, 10 января 1620 г., и царем были приняты обе делегации уже 29 числа в присутствии думного дьяка Посольского приказа Ивана Тарасовича Грамотина.

Калмыцкие послы во главе с Анучаем изложили царю Михаилу Федоровичу поручение чоросского тайши Хара-Хулы о том, что "велели бити челом, что он, Харахулы-тайша, з братьею и з детьми и с племянники и со всеми своими улусы учинилися под вашею царского величества рукою, и перед вашими государевыми людьми правду дали, шерть учинили, что быти нам под твоею царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным". Здесь имелась в виду шерть, данная послами Хара-Хулы тобольскому воеводе в 1619 г.[29] После того как были выслушаны калмыцкие послы и получены от них подарки, ответ царя был озвучен думным дьяком И.Т. Грамотиным: "Мы, великий государь, на те ваши речи наше царское повеленье и ответ велим учинить нашим приказным людям иным времянем". Калмыцкие послы вторично были у царя Михаила Федоровича 23 мая 1620 г., а через месяц, 23 июня, с Грамотой отбыли из Москвы в сопровождении казачьего атамана И. Белоголова[30].

Личная аудиенция у царя калмыцкого посольства от тайши Хара-Хулы, устные его заверения явились основанием для выдачи 25 мая 1620 г. Жалованной грамоты царя Михаила Федоровича калмыцкому тайше Хара-Хуле о принятии его в российское подданство. В ней были зафиксированы основные принципы и условия взаимоотношений России с калмыками улусов Хара-Хулы в составе Российского государства. Россия, принимая калмыков в свое подданство ("тебя, Каракулу-тайша, и твоих людей пожаловали, в нашу царскую милость"), гарантировала царское жалованье и

призрение, защиту от недругов. В соответствии с данной Жалованной грамотой тайша Хара-Хула со всеми своими улусными людьми "были под нашею царскою высокою рукою и нам, великому государю, служили, а на наше царское жалованье во всем были... смотря по вашей к нам, великому государю, службе и правде".

В связи с продолжавшимися военными действиями, усилением натиска Алтын-хана, казахов, киргизов калмыцкие тайши Байбагиш, Чохур (сыновья Хара-Хулы), Хо-Орлюк, Далай-Батыр собрались, предположительно в первой половине 1620 г., на совет. "И на том договорились, что послать бити челом тебе, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, чтоб ты, государь, пожаловал, велел им быти под твоею государевою высокою рукою"[31]. В соответствии с этим решением четырех калмыцких правителей в 1620 г. заметно оживились контакты калмыцких послов с сибирскими городами в целях шертования, заключения договорных отношений, принятия российского подданства, развития и упрочения торговых связей. Одной из особенностей развивающихся отношений между Россией и калмыками в 1620 г. являлось то, что царская администрация, внимательно следя за этим процессом, решение вопросов о приеме калмыков в российское подданство отдала на откуп воеводам сибирских городов, которые строго руководствовались указаниями сверху по каждому конкретному случаю.

В июне 1620 г. в Тобольск прибыла делегация в составе 27 человек от калмыцкого тайши Далай-Батыра, принявшего российское подданство в 1618 г., "чтоб ты, государь, ево жаловал, велел им приходить в свои государевы сибирские города с торги". Как видим, основной целью купцов было установление стабильных торговых связей. В том же году в Тобольск прибыли послы тайши Далай-Батыра для информации местных властей о том, что его улусы кочуют "блиско твоих госдаревых сибирских городов для того, что воюют де их, калмыцких тайшей, Алтын-царь да Казачья орда". Воеводы сибирских городов располагали сведениями о перемещении калмыков на Ишим и Тобол также из других источников.

12 сентября 1620 г. в Тобольск прибыла представительная делегация от калмыцких тайшей Хо-Орлюка, Чохура,

Мандашера, Мангытая, Байбагиша. Надо полагать, что приезд этого посольства уже был связан с решением съезда четырех правителей калмыцких улусов. Калмыцкие послы от тайшей привезли подарок царю Михаилу – пять лошадей разных мастей. Посольство было принято тобольскими властями на соответствующем уровне и с обещанием доложить государю отпущено в улусы. В связи с необходимостью выяснения обстановки на месте, т.е. в улусах, тобольским воеводой М.М. Годуновым было решено направить к Далай-Батыру и другим тайшам служилых людей во главе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым.

Подробная отписка тобольского воеводы боярина Матвея Михайловича Годунова, который вступил в эту должность в сентябре 1620 г., в Приказ Казанского дворца о приезде послов от калмыцких тайшей, была рассмотрена 20 января 1621 г. на заседании Боярской думы.

Одновременно калмыцкие тайши посылали своих послов и в другие сибирские города с аналогичными миссиями. 6 октября 1620 г. в Уфу прибыло посольство в составе четырех человек от калмыцких тайшей Хо-Орлюка, Чохура и от Ишима-царевича (сына хана Кучума). 9 октября 1620 г. послы от имени своих тайшей присягали перед уфимским воеводой О.Я. Прончищевым царю Михаилу Федоровичу "быти под твоею государевою высокою рукою... приезжати к Уфинскому городу с торги... на уфинские волости воевать не ходить".

19 октября 1620 г. в Уфу приехали послы от калмыцкого тайши Байбагиша (Байбагаса), от его брата Тюгурчея, а также от его сына Аркеля, от тайшей Толая (Далая), Чокура, Урлюка (Хо-Орлюка) шертовать от их имени перед государем. Послы от имени своих тайшей были приведены 23 октября О.Я. Прончищевым к присяге "быти под твоею государевою высокою рукою". Кроме того, воевода по своему усмотрению "пожаловал, велел дати торг с рускими людьми... и велел у них лошади купить и менять на рухледь". Однако он без указания центральной власти не отпустил калмыцких послов в Москву под предлогом, "что путь приспел зимней".

По результатам приема в октябре 1620 г. послов от калмыцких тайшей и от Ишима-царевича, переговоров с ними, по фактам приведения их к шерти на подданство уфимским

воеводой О.Я. Прончищевым были составлены две отписки в Приказ Казанского дворца (октябрь–ноябрь 1620 г.). Они рассматривались царем и Боярской думой. Действия О.Я. Прончищева были полностью одобрены. Заслушав письменные отчеты уфимского воеводы, "государь указал и бояре приговорили", что воевода "добро учинил, что колмаков привел под государеву руку, и вперед бы им з базаром и с торгом приезжать велел, и ласку к ним держал и береженье, чтоб им ни от кого обид не было, и торговали б с ними правдою, чтоб их приучить, а не отогнати". В этом документе высшего органа государства, как видим, выражены основные направления политики России по отношению к калмыкам – продолжать вводить калмыков в состав Российского государства, активно используя переговоры, мирную дипломатию, торговые отношения, открыто их защищая. Уфимскому воеводе было предложено, в целях закрепления развивающихся договорных отношений впредь "учнут приезжать... послов колматцких отпустить к Москве".

В связи с обострением в 1621 г. продолжавшейся войны между Алтын-ханом, выступавшим в союзе с казахами и ногаями, и калмыцким тайшой Хара-Хулой, которому начали активно помогать и другие тайши, резко сократились контакты калмыков с русскими. В 1621 г. в Томск прибыли послы от калмыцкого тайши Мангита (брат Далай-Батыра) с предложением "быть под государевою царскою высокою рукою безотступно и государю служить и прямить во всем". Томский воевода И.Ф. Шаховский 17 марта 1621 г. отправил вместе с калмыцкими послами свое посольство в составе пана Мартына Боржевицкого, казака Ивашки Широкого, толмача Дружинки Ермолина, "чтоб им Мангут-тайша государю шертовал и был под государевою царскою высокою рукою безотступно и государю служил и во всем прямил без всякие шатости неподвижно"[32]. В феврале того же года, по свидетельству профессора М.Л. Кичикова, калмыцкие послы прибыли в Москву с заверениями, что "калмыцкие тайши верность свою Российскому государю вечно сохранят, имея свое на р. Тоболе кочевье"[33]. Но здесь не понятно: от каких тайшей, где и кем были приняты калмыцкие послы, с какими результатами вернулось посольство? В том же году томский воевода И.Ф. Шаховский сообщил

тобольскому воеводе М.М. Годунову, что "меж Иртыша и Оби, около того соляного озера кочуют чорные колмаки: Талай-тайша, да Бабаган-тайша, да Мерген-тайша, да Шукур-тайша, да Саул-тайша и иные многие тайши со всеми своими улусы, потому что де задрали черные колмаки Каракул-тайша, да Мерген-Теменя-тайша Алтын-царя"[34].

В связи с наступлением некоторого затишья в военном конфликте между халхами и калмыками для выяснения обстановки в калмыцких улусах к тайше Далай-Батыру в 1622 г. тобольским воеводой было отправлено авторитетное посольство во главе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым (категория средних и мелких феодалов). В это время заметно усиливается "информационная война" не в пользу калмыков. С одной стороны, в дезинформации центральной власти о якобы предстоящем нападении калмыков на сибирские города и волости оказались заинтересованными сами воеводы некоторых сибирских городов в целях получения "служилых людей с вогненным боем", "государева жалованья (денежного, хлебного запаса)", с другой – противники калмыков, с тем чтобы настроить русских против них.

В начале апреля 1623 г. Д. Черкасов прибыл в кочевья улусов мелких тайшей, а затем к калмыцкому тайше Сенгилу, который, выслушав предложение тобольского воеводы о "быти под государевою царскою высокою рукою...", дал положительный ответ. Тайша Сенгил говорил, что "я-де не хочю з государевыми воеватца людьми, под его царскою высокою рукою быти хочю де, как наши большие тайши с нашими бояры и с воеводами ссылаются, и я-де тако ж хочю быти под государевою царскою высокою рукою, как и те тайши". Сенгил, дав "государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии шерть", для подтверждения и подкрепления своих обязательств послал в Тюмень вместе с Черкасовым своих послов.

В апреле 1623 г. уфимский воевода Григорий Васильевич Измайлов послал посольство во главе с сыном боярским Василием Волковым "в колматцкие улусы к тайшам к Талаю, да к Урлюку, да к Байбагишу, да к Чокуру-тайше з грамотою от себя...". Уже в конце мая В.Волков встретился с калмыцким тайшой Мангиром (братом тайши Далай-Батыра), шертовавшим в 1621 г. томскому воеводе. Ман-

гит-тайша сообщил В. Волкову, "что брат его Талай с товарыщи ныне пошли битись против муганского Алтын-царя и... до него, Талая, ехать месяца з 2...". Мангитом была замечена некоторая особенность в составе делегации, свидетельствующая о значении и авторитете русского посольства. Он говорил, что "наперед сего от царского величества у них, тайшей, на сибирских городов и с Уфы дети боярские не бывали, присылали де для посольства к ним, тайшам, ис сибирских городов казаков и служилых монгольских татар".

В связи с отсутствием многих тайшей (находились в походе против Алтын-хана) Мангитом было принято решение шертовать тобольскому воеводе М.М. Годунову по записи, привезенной посольством. Мангит шертовал в июне 1623 г. перед посольством "за себя и за братью свою колматцких тайшей за Талая, и за Урлюка, и за Илтеря, и за Шуклея, и за Кульбосара, и за Тангиря, и за Тепеля, и за Шаракуба, и за Кубоная, и за Маншира, и за Мойдара, и за Вчемергеня, и за Волбуя, и за Илдана и за Кундербея, и за всех дюрбенских тайшей 30-ти улусов на том, что им, тайшам, быть под государевою высокою рукою". Вместе с уфимскими послами Мангит "послал бити челом к государю послов своих дву человек, да к уфинскому воеводе человека".

Сын боярский Василий Волков возвратился в Уфу 1 августа 1623 г. и на следующий день написал подробный отчет о поездке в калмыцкие улусы и о приведении к шерти калмыцкого тайши Мангита. 7 августа 1623 г. калмыцкие послы Елгутай Мензибаев, Каракай Кайдерев в сопровождении В. Волкова (с собой имел подробный отчет) выехали в Москву, куда прибыли в начале октября, так как посольство было задержано во Владимире до указания царя. Царь Михаил Федорович, 8 октября рассмотрев отписку уфимского воеводы Семена Гавриловича Коробьина от 2 августа 1623 г. и отписку уфимского сына боярского В. Волкова от 15–18 сентября 1623 г. в Приказ Казанского дворца о пребывании у калмыцкого Мангита (в них была дана полная информация о лояльности тайши Далай-Батыра), поручил Приказу Казанского дворца принять и выслушать калмыцких послов.

В соответствии с пометой на отписке уфимского воеводы, сделанной по указанию царя, вносились принципиаль-

ные коррективы в российскую политику по отношению к калмыкам. Администрации сибирских городов предлагалось устанавливать и развивать отношения с калмыками, в том числе и торговые, всячески содействовать принятию ими подданства. Но все вопросы о взаимоотношениях с калмыками должны были решаться на месте, в сибирских городах, где с ними "говорили пословно и ко государевой милости их приводили", но "не велеть послов колматцких к Москве отпускать по прежнему государеву указу" и "им ратного оружья не продавать"[35]. Одна из причин изменения политики царской администрации заключалась в том, "что они (калмыки. – *К.М.*) люди многие и воинские, и они б к Москве пути не познали". Это объяснялось необходимостью обеспечения безопасности Москвы в условиях обострившихся отношений с Польшей, Литвой, Турцией (после убийства султана Османа), с крымским ханством, движения ногайцев. Кроме того, царская администрация пока еще не видела и не ощутила ни экономической, ни военной помощи от калмыков. Поэтому не случайно в помете отмечалось: "А прибыли в них нет никоторае". Эта новая политика царской администрации по отношению к калмыкам была определена, конечно, руководством Приказа Казанского дворца (князем бояриным Иваном Михайловичем Воротынским) и Посольского приказа (думным дьяком Ефимом Телепневым, назначенным на эту должность 21 декабря 1620 г. по рекомендации святейшего патриарха Филарета – отца царя[36]). Вместе с тем Посольский приказ предложил все материалы по сношению с калмыками сосредоточивать в Приказе Казанского дворца.

1624–1625 годы были относительно благополучными во взаимоотношениях калмыков с русскими. В это время заметно активизировалась взаимовыгодная торговля между калмыками и сибирскими городами, участился обмен посольствами. Основная цель калмыцких посольств – разрешение торговых проблем, а посольств сибирских городов – изучение обстановки, внутреннего положения в калмыцких улусах (взаимоотношения калмыков с другими народами, между калмыцкими группами), слежение за настроением калмыцких тайшей, улусов. Судя по документам официального характера, в основном дипломатическим, с июня 1624 по ноябрь 1625 г. в сибирских городах побывало пять

посольств от различных калмыцких тайшей, а от сибирских городов (Тобольска, Тюмени) за 4–5 месяцев 1625 г. в калмыцких улусах – четыре. Хотя тобольским воеводой Юрием Яншеевичем Сулешевым в 1624 г. сибирским городам предписывалось "русских людей с ними в посольстве в Колмаки не посылати". Одновременно воевода в связи с оживлением торговых связей и активным перемещением калмыцких улусов разослал в сибирские города отписку о том, чтобы "на колматцких людей посылок посылати не велено, чтоб с колматцкими людьми война не вчаялась"[37].

Царская администрация была вынуждена внимательно следить за разгоревшейся в 1625 г., среди калмыков ожесточенной междоусобной борьбой. В конце 1624 г. (или в начале 1625 г.) умер старший брат Чохура и Байбагиша – Чин-тайша (все они сыновья Хара-Хулы), из-за наследства которого между двумя братьями началась ссора. В эту распрю вмешались в целях примирения двух братьев (Чохура и Байбагиша) чоросский тайша Хара-Хула (их отец) и дербетский тайша Далай, которые были заинтересованы в установлении мира и согласия среди калмыцких тайшей, в обеспечении внешней безопасности, особенно от Алтын-хана. Позже к ним присоединился торгоутский тайша Хо-Орлюк. Однако Чохура, претендовавшего на все наследство Чин-тайши, поддержали другие тайши (зюнгарский тайша Табитай, торгоутский тайша Мерген-Тюмен, а также Баты-Куян – предположительно хошоутовский тайша)[38]. Ожесточенные столкновения между двумя враждующими группировками продолжались до осени 1629 г. В своем противоборстве обе стороны пытались настроить русских друг против друга.

В 1629 г. уфимской администрации стало известно о нападении на Каратабанскую волость Уфимского уезда, организованном якобы Чохуром-тайшой. Однако он отверг и переложил всю вину за нападение на Далай-тайшу, своего противника. Для выяснения истинных организаторов набега уфимский воевода И.Г. Желябужский 15 августа 1629 г. направил Далай-тайше служилых людей во главе с сыном боярским Артемом Гладышевым. Уфимское посольство было принято в ставке Далая на достойном уровне. Далай-тайша "з детьми перед ними шертовал на том, что им быти под государевою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным"[39]. Для подкрепления своей шерти Далай

направил с А. Гладышевым "ко государю послов своих Балту да Бочея", которые выехали из ставки в Уфу 15 октября 1629 г.

В октябре 1629 г. калмыцкие тайши Далай и Гуши, отправив уфимское посольство вместе со своими послами, выступили "на Чекура и на Мерген-Таменея войною за то, что они государю непослушники, и на государевы городы приходят войною, и башкирцов побивают, и в полон емлют, а ему они недруги"[40]. Отсюда видим, что Далай не только показал свою лояльность русским, крепость шерти, данной его сыном Дорджи в 1624 г., но и под предлогом "службы" государю и преследования его "непослушников" разгромил группировку Чохура. После поражения Чохур и его сторонники вынуждены были подчиниться торгоутскому тайше Дайчину (старшему сыну Хо-Орлюка), кочевавшему у реки Яик.

Возможно, с этого времени образовалась новая группировка во главе с Дайчином, а также окончательно прервались взаимоотношения Далай-тайши с торгоутской группой Хо-Орлюка, двигавшегося с сыновьями и торгоутскими владетельными князьями к низовьям Волги[41]. В связи с этим можно предположить, что междоусобная война 1625–1629 гг. ускорила перегруппировку калмыцких улусов, а также выбор маршрута движения каждой из групп к постоянному месторазвитию.

Источники свидетельствуют, что в 1625 г. тайша Хо-Орлюк еще окончательно не определился с местом постоянной кочевки, но присматривался к прежним местам – "по обе стороны Иртыша по речкам по Камышлову и по Оми". Руководитель тарского конного отряда Назар Жедовский, встретив в сентябре 1625 г. тайшу Хо-Орлюка на речке Саргатке в верхнем течении Иртыша, предложил ему, чтобы он получил разрешение у царя кочевать на государевой земле, где укажет государь. При этом Н. Жедовский пригрозил, что если тайша так не поступит, то "ис Тарского города по твоему государеву указу пошлют на него войною многих ратных людей с вогненым боем"[42]. Хо-Орлюк, выслушав Н. Жедовского, заявил, что он не хочет быть под царскою рукою, пока не разрешится вопрос, "где ему кочевать ты, государь, укажешь". После того "как он увидит во всем к себе твою государскую милость, и он-де тебе, вели-

кому государю, и шерть даст, что ему быти под твоею царскою высокою рукою". Отсюда видим, что главная проблема у калмыков этой группы состояла в определении постоянного места кочевки. С этой основной целью от Хо-Орлюка 25 сентября 1625 г. прибыло в Тару посольство в составе Чютюндея, Кундея, Коная, Чюния. Однако тарская администрация отказала Хо-Орлюку в кочевке на указанной территории, предложив ему принять присягу и кочевать "на своей государевой земле в степи против Каратунского урочища, а блиско бы Иртиша и ниж к Тарскому городу к Каратуни люди бы его не были". Однако Хо-Орлюк, дав ответ только в конце ноября 1625 г. и сославшись на зиму, отложил решение этого вопроса до весны следующего года. В связи с этим нужно согласиться с мнением И.Я. Златкина, отмечавшего, что «в это же время (имеется в виду 1625 г.; вернее было бы сказать "с этого времени". – *К.М.*) Хо-Орлюк с сыновьями и большей частью торгоутских владетельных князей ускорили продвижение в район Астрахани, куда привели и улусы некоторых примкнувших к ним неторгоутских правителей»[43].

В эти же годы дербетский тайша Далай-Батыр со своими детьми продолжал кочевать поблизости от Уфы, Тюмени и Тобольска, как свидетельствовали послы Балта и Баучин в Москве в апреле 1630 г., "кочюют-де их тайши в Дембинских верашках в большом займище на Черном песке блиско Юргенчи, а кочюют де тайш их Талай один з детьми своими". Послы Балта и Баучин от калмыцкого тайши Далай-Батыра прибыли в Москву почти через полгода, весной 1630 г. По указанию царя Михаила Федоровича они были приняты в Посольском приказе 16 апреля 1630 г. думным дьяком Ефимов Телепневым и дьяком Максимом Матюшкиным. Послы, изложив цель прибытия: "Талай-тайш бити челом, чтоб государь его пожаловал, велел его принятии под свою царскую высокою руку в холопство и велел бы ему кочевать блиско Уфинского города...", сообщили, что "Мерзи-тайш (Доржи-тайша, сын Далая. – *К.М.*) в Уфинском городе государю правду дал, шерть учинил за отца своего и за братью и за всех своих колматцких людей на том, что им быть под царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным и быть в его царском повеление и в послушанье и служить ему, государю, и прямить"[44].

Е. Телепнев и М. Матюшкин, одобрив принятие присяги Доржи-тайшой, подробно интересовались внутренним положением, вооружением калмыков, в частности группы Далай-тайши, происходившими событиями и столкновениями в других улусах, с другими народами. Все полученные сведения от калмыцких послов, надо полагать, были доложены царю. Об этом свидетельствует выписка, составленная в мае того же года в Приказе Казанского дворца, где указана цель калмыцкого посольства, а также решение царя о том, что "калмыцкого тайша Талая з детьми его пожалует, укажет к ним послать своего государева жалованья".

После доклада царю о результатах первого приема калмыцких послов Балта и Баучина в Посольском приказе думный дьяк Е. Телепнев и дьяк М. Матюшкин повторно их приняли 24 июня 1630 г. На этой встрече высокие чиновники Посольского приказа довели до сведения послов, что "великий государь тайшей их пожаловал, под своею царскою высокою рукою в прямом холопстве быти велел и свое государево жалованье к тайшам их на Уфу послати велел...". Что касалось территории для кочевий, то дербетам не было разрешено кочевать в Приуралье, по Эмбе, и ответ был таков: "...чтоб они шли кочевать в старые свои кочевья и сибирским городом, где преж сего кочевали, чтоб им с нагай и з башкирцы ссор не было". Калмыцкие послы вынуждены были согласиться: "...будет государь укажет им кочевать на прежних кочевьях за Иртышем, и там де место пространно и кочевать там ради".

Надо полагать, что после согласования всех вопросов в Посольском приказе и доклада царю калмыцкие послы Балта и Баучин в конце июня – начале июля 1630 г. были приняты государем: "...У нас, царского величества, были и наши царские очи видели, и нашим царским жалованьем пожалованы". По всей вероятности, состоялась кратковременная аудиенция калмыцких послов у царя Михаила Федоровича, поскольку эта была вторая официальная делегация от калмыцкого тайши Далай-Батыра, первая – в марте 1618 г. Послам Далай-Батыра в апреле–июле 1630 г. Жалованная грамота царя не была выдана, поскольку дербетский тайша ее получил в апреле 1618 г., и, кроме того, в 1624 г. Доржи-тайша, сын Далая, в Уфе не только от себя, но и от имени отца "шерть учинил, что им быть под нашею

царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным и быть в нашем царском повеленье и в послушанье". Однако следует отметить, что Приказ Казанского дворца при составлении доклада в мае 1630 г. не смог сослаться и подтвердить результаты предыдущего посольства калмыцкого тайши Далай-Батыра в связи с тем, "что калмыцкие столпы в пожарное время згорели".

Калмыцкие послы Балта и Баучин в сопровождении уфимского сына боярского Алексея Лопатина в начале июля 1630 г. отбыли из Москвы в Уфу. Посольский приказ в Грамоте от 12 июля 1630 г. уфимскому воеводе И.Г. Желябужскому, подробно информируя его об итогах принятия представителей тайши Далай-Батыра, дал указание пригласить лично калмыцких тайшей в Уфу и изложить им предложенные условия нахождения калмыков в составе Российского государства. Прежде всего ему предписывалось быть твердым и последовательным в территориальном вопросе: "...Велели им кочевать на прежних местех в Сибири, где они преж сего кочевали, блиско Иртыша кочевать им нельзе, потому что тут подошли наши волости блиско...". Однако воевода должен был учитывать, "где им (калмыкам. – *К.М.*) лутче качевать и в которых местех, чтоб их от нашие государские милости не отогнать и не ожесточить, а нашим б людем, башкирцом, и иным волостям и Большим Нагаем утесненья от них не было, того б еси всего розсматривал".

Посольский приказ, сообщая И.Г. Желябужскому о шертовании калмыцких послов от имени тайши "быти под нашею царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступны...", предлагал, чтобы калмыцкие тайши лично в Уфе "шерть перед тобою им знова учинят, и заклады в Уфинский город дадут".

В Грамоте Посольского приказа предусматривался и вариант отказа калмыцких тайшей приехать в Уфу. В этом случае предлагалось выяснить причины неприбытия, местонахождение и намерение калмыков, обратив особое внимание на "калмыцких воинских людей и какой у них бой и каким строем бьютца". Местные уфимские власти срочно должны были доложить всю информацию: "о посольских делех писал бы в Посольской приказ, а о воинских делех писал бы еси в Казанской приказ" (боярин князь Дмитрий Маметрюкович Черкасский).

Грамоту Посольского приказа от 12 июля 1630 г. уфимский воевода получил 29 августа того же года, т.е. одновременно с прибытием в Уфу калмыцких послов Балта и Баучина. И.Г. Желябужский в соответствии с предписанием Посольского приказа от 10 сентября 1630 г., оставив у себя посла Балту, направил к Далай-тайше уфимского сына боярского Антона Уракова вместе с Баучином, калмыцким послом. Однако в связи с неприбытием в Уфу ни калмыцких тайшей, ни представителей от Далай-тайши Посольский приказ разрешил только 22 февраля 1632 г. И.Г. Желябужскому отпустить посла Балту в калмыцкие улусы, так как его посольская миссия продлилась почти три года, с поручением сообщить тайшам, что их царское жалованье сохранено и они могут приехать за ним в Уфу[45].

Посольский приказ постоянно держал на контроле и напоминал уфимскому воеводе о необходимости закрепления в Уфе московских договоренностей 1630 г., одновременно информировал о калмыцких делах царя Михаила Федоровича и святейшего государя патриарха Филарета Никитича, которые непосредственно курировали внешнеполитическое ведомство. Это свидетельствовало о том, что Российское государство придавало серьезное значение развитию взаимоотношений с калмыками, введению их в российское подданство.

В это же время уфимский воевода не получил указаний относительно посла Култайко от калмыцкого тайши Куйши (Туру-Байху, брат Байбагиша, сын Хара-Хулы), находившегося в Уфе уже полгода, с августа по декабрь 1630 г. В ноябре 1631 г. в Уфу прибыло довольно представительное посольство от хошеутовских и торгоутских групп (представлявших тайшей Дайкуша, Ургучия, Тайзи, Чинбея, Толбая). Это посольство во главе с Мурзеем, умершим в Москве, по указанию царя было принято 12 января 1632 г. в Посольском приказе думным дьяком Федором Лихачевым и дьяком Максимом Матюшкиным. Послы заявили, что "грамот-де ко государю с ними от тайшей нет, наказали им бить челом словом...". Основная их просьба заключалась в том, "чтоб их государь пожаловал, велел их держать в своем царском жалованье, и своим б государевым людем на улусы их приходить и воевать не велел... велел их от недругов их оберегать". В свою очередь тайши готовы были взять на себя

обязательство, что "где им государь велит итти на своих недругов и на непослушников, и они готовы итти по государскому повелению головами своими". На самый главный вопрос: "Тайши их хотят ли быть под государевою рукою в холопстве?" – ответ послов был весьма уклончивый: "А под царскою рукою в холопстве тайши их быти хотят ли или нет, того они не ведают"[46].

Последующие, в 1630-е годы, посольства от калмыцких тайшей в Уфу, Томск, Тобольск показали, что эта торгоутско-дербетская группа калмыков стремилась развивать взаимовыгодные отношения, установить мирные, торговые, союзнические связи, особенно военные. Весьма оживленные взаимоотношения установились в середине 1630-х годов между администрацией Томска и калмыками, только в течение 1636 г. калмыки приняли участие в трех крупных торгах, четырежды обменялись посольствами, калмыцкие послы шертовали от имени своих тайшей[47]. В конце 20-х – начале 30-х годов XVII в. эта группа калмыков находилась еще в степях в районе Иртыша, затем Ишима, Тобола, но больше всего в степях Приуралья и Поволжья. Поэтому калмыцкая посольская делегация в январе 1632 г. в Посольском приказе не случайно отвечала, что "тайши их кочюют от Уфинского города в дальном кочевье, езду 2 месяца, а коли прикочюют к Уфе в ближние кочевья, и от Уфы кочюют езду месяц или недели три"[48].

Напряженные отношения сложились в 1634–1636 гг. между тобольской администрацией и калмыцким Куйши-тайшой (Туру-Байху), требовавшим выдачи ему бухарского посла Казыя и кучумовичей, пребывавших в плену у русских. После нападения вместе с зятем Онбо (торгоут) на Тару в сентябре 1634 г. и угрозы, что "будет ходить войной под Тару, Тюмень, Тобольск", тобольский воевода М.М. Темкин-Ростовский, чтобы не обострять обстановку, вынужден был отпустить бухарского посла Казыя. О всех событиях, связанных с взаимоотношениями с Куйши-тайшой, тобольский воевода в августе 1636 г. подробно доложил Приказу Казанского дворца, лично боярину князю Борису Михайловичу Лыкову. Отписка М.М. Темкина-Ростовского в октябре 1636 г. была доведена до сведения царя Михаила Федоровича. По указу царя на отписке была сделана помета: принять меры предосторожности в сибирских

городах от внезапного нападения калмыков; ограничить торговлю с ними, принимать небольшие торговые группы за пределами городов, в специально отведенных местах; усилить разведку в калмыцких улусах[49].

Таким образом, в начальный период (конец XVI в. – 30-е годы XVII в.) возникновения и развития отношений России с ойратами (калмыками) прослеживаются два этапа. С 1607 г. и до начала 1620-х годов проявляются взаимная заинтересованность, стремление оформить устанавливающиеся отношения официальными государственными актами, подкрепить дипломатическими связями (имеется в виду обмен посланниками). О результатах первого официального приема послов царем Василием Шуйским зафиксированных договорных отношений не сохранилось, так как на аудиенции у царя калмыцкое посольство шертовало устно. В обеих Жалованных грамотах царя Михаила Федоровича (1618 и 1620 гг.), данных соответственно дербетскому тайше Далай-Батыру и чоросскому тайше Хара-Хуле, выражено достойно уважительное отношение со стороны России к калмыкам, несмотря на иную предварительную позицию официальной власти. Согласно этим грамотам царская администрация гарантировала территорию и свое высокое покровительство, а калмыки, в свою очередь, верную военную службу.

Отсюда видим, что с самого начала установления официальных отношений России с калмыками они строились на иммунитетных договорных началах – на принципах самостоятельности отдельных калмыцких княжеств внутри Российского государства. Но начиная с 1620-х годов царская администрация стремится изменить юридическую природу отношений с калмыками, искавшими скорее российского покровительства, чем подданства. Эти отношения постепенно начали строиться на принципах "холопства" единой государственной службы – царь, его администрация, воевода, тайша. Поэтому не случайно царская администрация отказывала калмыцким послам в аудиенции у царя (так, после 1620 г. была только одна аудиенция в 1630 г., завершившаяся без принятия официального документа), ограничивая их воеводами сибирских городов, которые сами навязывали условия нахождения калмыков в подданстве – "прямое холопство навеки". Однако эти отношения не были оформлены

официальными государственными актами, за исключением устных шертей, которые давались воеводам в большом количестве "большими" и "малыми" тайшами через своих посланников. Эти шерти обе стороны зачастую нарушали, поскольку они (шерти) не имели под собой прочных правовых, политических и экономических оснований.

Политика царской администрации в установлении отношений с калмыками на принципах "прямого холопства", вертикальной единой государственной службы, по всей вероятности, была рассчитана на сохранение разобщенности калмыцких тайшей (с их улусами) и подчинение их отдельным сибирским регионам (городам). Поэтому царская администрация (Приказ Казанского дворца, Посольский приказ, воеводы) активно вела переговоры с отдельными калмыцкими тайшами и принимала от них шерти.

Вскоре после образования в 1635 г. Джунгарского ханства во главе с Эрдэни-Батур-хунтайджи (сын чоросского тайши Хара-Хулы), второго ойратского ханства – Хошоутовского (между 1636–1638 гг.), в прилегающих к Тибету районах Кукунора, во главе с Туру-Байху (Гуши-хан, брат хошоутовского тайши Байбагаса) политика России по отношению к ойратам меняется и дифференцируется (отдельно к оставшимся в пределах ее территории, отдельно к ханству). Взаимоотношения России с Джунгарским ханством развивались на основе мирного соседства и взаимовыгодной торговли, поскольку это отвечало интересам безопасности границ Российского государства от набегов. В свою очередь и Джунгарское ханство нуждалось в России, потому что его правителям необходимо было опереться на ее помощь в укреплении своей власти, внешнеполитического положения. Вместе с тем царская администрация, используя мирную дипломатию, имея взаимоотношения с ханством большей частью на уровне сибирских городов, стремилась превратить его правителей в своих подданных.

После смерти в 1637 г. Далай-Батыра крупное дербетовское княжество распалось на уделы, а группировка калмыков во главе с тайшой Дайчином (сыном Хо-Орлюка) находилась уже в Приуральских степях (междуречье Яика и Волги и Приуралье). Хо-Орлюк с низовьев Яика и Эмбы двигался к Дайчину, своему сыну, особенно после нападения на него зюнгарских, дербетовских тайшей, казахов во

главе с Янгир-царевичем (султан Джахангир). Дайчин настойчиво добивался у астраханских властей разрешения кочевать между Яиком и Волгой, вблизи Астрахани, отказываясь возвращаться в далекие кочевья под сибирские города из-за угрозы "чекурских калмыков" (зюнгарские, дербетовские, хошоутовские), Далай-тайши и его братьев[50].

Царская администрация, видя упорство Дайчина, его заверения о готовности бороться с "недругами и изменниками государя", а также учитывая сложную обстановку на юго-востоке страны в связи с развернувшейся борьбой с Крымским ханством и его союзниками, в 1636 г. разрешила "ему кочевать по Яику и по Волге, Астрахани блиско...". Однако после наступления затишья в межфеодальной борьбе Дайчин откочевал из-под Астрахани "на ишимские вершины" и расположился главным образом по Яику.

В конце 1630-х годов калмыцкий тайша Хо-Орлюк (после некоторого перерыва, в 1636–1638 гг., он воевал, говорят некоторые источники, "в Мугальской и в Китайской земле и в Кутанах, а во 146 год пошли под бухарские города") заметно активизировал свои отношения с сибирскими городами. Возможно, это было связано с продвижением Дайчина в Сибирь. В июле 1639 г. он, кочуя "вверх по реке по Тоболу", прислал в Тобольск послов и торговых людей, всего 53 человека. Тобольскую администрацию насторожило не только близкое нахождение Хо-Орлюка, но и проявление его интереса к Астрахани. В целях выяснения намерений Хо-Орлюка к нему и к его сыну Елденю-тайше были посланы в июле 1638 г. казак Лучка Выходцов и татарин Енигейко Енбулатов, а в ноябре того же года – казак Петрушка Филипов и татарин Буланко Сантагулов, имевшие в основном поручения разведывательного характера[51].

Посланцы Л. Выходцов и П. Филипов установили причины появления Хо-Орлюка и его детей в верховьях Ишима: "... в улусах многие люди, и им кочевьем своим по Волге и в Ногайской степи уместитца негде; в ногайской стороне торговать не с кем..."[52]. Профессор М.Л. Кичиков предполагал, что Хо-Орлюк двигался по сибирским городам к Джунгарии на предстоящий в 1640 г. съезд халхасских и ойратских князей.

В условиях некоторого затишья в межфеодальных противоречиях состоялся в сентябре 1640 г. на территории

Джунгарии монголо-ойратский съезд ханов и князей Халхи, Кукунора, Джунгарии и Поволжья с участием представителей высшего ламаистского духовенства. В "Великом Уложении" (Ике Цааджи), принятом съездом, главное внимание было уделено созданию правовых гарантий для предотвращения новых междоусобиц, которые были подкреплены клятвенными обещаниями участников чулгана не допускать никаких распрей и несогласий. Но вскоре эти установления были нарушены из-за начавшегося в 1641 г. дербето-торгоутского конфликта (развод дочери Хо-Орлюка с мужем, дербетовским Дайчингом Хошучи, погибшим в этом конфликте). Кроме того, в напряженном состоянии находились отношения Батур-хунтайджи с детьми Далай-тайши и Кунделен-тайши (тобольский сотник В. Кляпиков сообщал, что "в том стала большая ссора и без войны-де у них, чает, не будет").

Хо-Орлюк с детьми, опасаясь нападений "дальних калмыков" (джунгарских), в 1642 г. перешел на правый берег Яика и кочевал по "астраханской стороне" до самой Камыш-Самары.

Тобольский воевода боярин князь Григорий Семенович Куракин, ориентируясь на официальную политику в ойратском вопросе (вернуть их на прежние сибирские кочевья или же в Джунгарию), решил воспользоваться этой непростой ситуацией между "дальними" и "ближними". Он направил 6 февраля 1644 г. посланника Ивана Малиева к Аблай-тайше, сыну хана Байбагиша, и Кунделен-тайше с предложением о нападении "на государева недруга на Урлюка-тайшу войною...". Однако в это время 10-тысячное войско Хо-Орлюка, выступившее в поход на Казыевские улусы (ногайские татары мурзы Казыя), было разгромлено в теснинах гор Кабарды русскими, кабардинскими, черкесскими, казыевскими и ногайскими людьми. В этом бою погибли Хо-Орлюк, его сын Кересан, двое внуков и около 8 тыс. воинов[53].

Царская администрация была недовольна самостоятельными военными действиями калмыцких тайшей и решила их покарать. Самарский и астраханский воеводы Л.А. Плещеев и Ф.Ф. Волконский организовали нападение на калмыцкие улусы и оттеснили их за Яик. Кроме того, на торгоутов усилилось давление "дальних калмыков". В такой

обстановке калмыцкие тайши Дайчин и Ельден срочно, в апреле–мае 1645 г., направили к царю Михаилу Федоровичу послов Бакши Сабинова и Кулачи дархана Азраева "бить челом о принятии их под Российскую державу в послушание". Просьбы указанных калмыцких тайшей – "чтобы государь велел им быть под своею царскою высокою рукою в холопстве, а они ему, великому государю, учнут служить и во всем добра хотети" – были доложены в июне 1645 г. царю Михаилу Федоровичу думным дьяком Посольского приказа Григорием Львовым, владевшим всеми материалами о калмыцких делах. Калмыцкие послы, по всей вероятности, не были приняты Михаилом Федоровичем, поскольку он в это время тяжело болел и вскоре, 13 июля 1645 г., скончался. Просьбы и предложения послов Дайчина рассматривались и решались, надо предполагать, бояриной Борисом Ивановичем Морозовым, дядей нового царя Алексея Михайловича, и Г. Львовым. Посольский приказ, благосклонно относясь к просьбам калмыцких тайшей, заявил, что они могут быть положительно разрешены при условии дачи тайшами аманатов, обязательств "быть им Российскому государству покорными", выступить в поход против крымского хана. Но в связи с тем что калмыцкие послы не были уполномочены по вопросу о заложниках, переговоры были прерваны, а затем по указанию царя Алексея Михайловича продолжены с участием представителя уфимской администрации стрелецкого сотника А.Б. Кудрявцева в ставке тайши Лаузана в присутствии тайшей Ельденя, Шункея. Но и эта встреча в апреле 1646 г. в связи с отсутствием Дайчина завершилась безрезультатно, даже не подействовала на тайшей угроза А.Б. Кудрявцева, что "государь пошлет на них ратных людей, башкирцев и татар"[54]. Тайша Дайчин в то время находился в пути из Тибета и прибыл в свои улусы только в 1647 г.

Главная причина срыва переговоров заключалась в обострении отношений их с башкирами из-за неурегулированности вопроса о кочевьях в верховьях Яика. Поэтому одной из первых мер в попытке урегулировать вопросы о конфликте с башкирами и о кочевьях было направление Дайчином в 1648 г. в Уфу послов Батырки и Бастяка, которые были приняты воеводой Дмитрием Долгоруковым и посланцем, уфимским сыном боярским Владимиром Голуб-

цовым. Калмыцким послам было предложено передать Дайчину, чтобы он "з башкирских вотчин сойтить в дальние свои прежние кочевья на Черные Пески и на Иргиз-реку, и где ты преж сего кочевал". Послы Дайчина шертовали перед воеводой и посланцем от его имени, а также от имени его братьев и детей, племянников, улусных людей "на государевы городы и уезды войною не приходить и государевых людей не воевать, и в полон не имать"[55]. Эти же условия шерти были повторены "лутчими людьми Дурал-тарханом да Зюргачим" в ставке Дайчина перед посланником В.К. Голубцовым, прибывшим к Дайчину в 1648 г.

В связи с неоднократным обращением калмыков по поводу башкирских набегов уфимский воевода князь Дмитрий Долгоруков по указанию царской администрации созвал в сентябре 1648 г. башкирских старшин и объявил им, «что калмыцкие тайши со всеми своими улусами стали кочевать по Яику, Ори, Киилу, Сакмаре и другим рекам, и башкирам давно был дан указ, чтобы они на калмыцкие улусы не нападали, скот и пленных у них не отгоняли. Башкирам был брошен упрек в том, что они беспрестанно нападают на калмыков, чинят им "задоры" и так ожесточили последних, что те стали вторгаться не только в Уфимский, но и в Казанский и Самарский уезды»[56]. Воевода указал правителям башкир, чтобы они впредь с калмыками не ссорились и не нападали на них.

Одновременно царская администрация в Грамоте от июля 1649 г. предлагала Дайчину отойти за Яик и Эмбу для прекращения столкновений с башкирами. В ней же Дайчина уведомляли о том, что воеводам Астрахани, Уфы и других городов дан указ на калмыков не нападать и произвести обмен пленными.

В начале 1649 г. на Эмбу, после очередной междоусобицы в Джунгарии, прикочевали улусы хошоутского тайши Кунделена-Убаши и дербетского тайши Даяна-Омбо, численность населения которых составила около 20 тыс. человек. В связи с трудностями в решении вопроса о пастбищных территориях тайши Дайчин и Лаузан были вынуждены просить астраханские власти позволить им кочевать не только в междуречье, но и по лево- и правобережью Волги. Однако посольство тайши Лаузана по указанию астраханского воеводы было арестовано за то, что "лаузановы

люди побили и в полон поимали государевых людей, которые шли в станице руские люди и татаровя с Москвы в Астрахань". В ответ "он-де, Лаузан, за то ходил под Астрахань и повоевал государевых руских людей и ногайских татар"[57].

Уфимский воевода Ф.Я. Милославский, получив 9 сентября 1649 г. указ царя Алексея Михайловича и Грамоту Посольского приказа за подписью думного дьяка М. Волошенинова, направил 21 сентября к тайше Дайчину представительную делегацию в составе четырех человек во главе с уфимским служилым человеком Иваном Ивановичем Онучиным в статусе посланника. Основная цель И.И. Онучина состояла в том, чтобы разобраться в истинных причинах конфликта между астраханцами и калмыками, убедить калмыков уйти на "прежние свои дальние кочевья", добиться прекращения взаимной вражды с башкирами.

Встреча И.И. Онучина с Дайчином, как главным тайшой калмыков, состоялась 8 ноября 1649 г. На упреки И. Онучина в том, что Дайчин нарушает шерти "быть у великих государей царей... со всеми своими калматцкими улусными людьми в повеленье и в послушанье", данные его предками, последний отвечал достаточно откровенно и твердо. Он говорил, что "отцы-де наши и деды и прадеды от веку в холопстве ни у кого не бывали. Да и в книгах-де у нас того не написано, чтоб мы у ково были в холопстве, а живем-де мы о себе, владеем сами собою и улусными своими людьми. Да и ныне-де мы, окроме бога, никово не боимся, а послами-де мы ссылалися наперед сего и ныне ссылаемся ж о миру и о совете". В этом отношении Дайчин в какой-то степени был прав, поскольку шерти давались посланниками тайшей устно.

На предложение И. Онучина: "...а кочевали б в прежних своих в дальних кочевьях, а меж Яика и Волги, где преж сего калматцкого кочевья не бывло, на государеве ясачных людей земле не кочевали", Дайчин отвечал, что "земля-де и воды божьи, а прежде всего та земля, на которых мы и ногацы ныне кочюем, была ногайская... они, ногайцы, ныне стали наши холопы. А наперед сего по тем местам и по рекам кочевали они и нам де в тех местех и ныне зачто не кочевать. Да и кочевать-де нам, окроме тех мест, негде"[58].

Переговоры о кочевьях в междуречье были продолжены в 1650 г. в Уфе и Астрахани между местными властями и послами Дайчина и Лаузана. Решение вопросов о кочевьях и о торговле уфимцы и астраханцы поставили в зависимость от прежних условий – выдачи аманатов (заложников) и примкнувших к калмыкам едисанских и ногайских татар. Послы Дайчина вынуждены были шертовать, что "калмыки будут в вечном послушании, готовы служити и прямити и з государевыми изменниками и непослушными битися до смерти, не щадя голов своих"[59]. Однако в последующем ни одна из сторон не выполняла взятые обязательства: тайши не хотели выдавать аманатов, проявлять послушание, а царская администрация без аманатов не решала вопрос о кочевьях.

В "Очерках истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период". (М., 1967. С. 111) написано, что "решительным образом позиция русского правительства по вопросу о кочевьях была пересмотрена в 1655–1657 годах...". А причина заключалась в том, что начавшаяся в 1654 г. война России с Речью Посполитой, в которой приняли участие Швеция, Турция и ее вассальные государства – Молдавия и Крымское ханство, потребовала мобилизации всех ресурсов Российского государства[60], привлечения дополнительных военных сил. В это время активизировались калмыки с обращениями о разрешении территориального вопроса, одновременно заявляя о своем намерении "однолично" служить Русскому государству "прямою правдою".

С учетом сложной военной обстановки на юго-западе страны и готовности калмыков принять участие в борьбе против Турции и Крымского ханства было ускорено положительное решение территориального и торгового вопросов. Одним из первых нормативных документов, положивших начало новому этапу договорных связей России с калмыками и окончательно урегулировавших русско-калмыцкие отношения, была шертная запись от 4 февраля 1655 г. По ней калмыцкие послы Дурал-Тархан, Серен-тайша, Чокул-зайсанг клялись за тайшей Дайчина, Лаузана, Санжина, Мончака, Нима Серена, за их братьев, детей, племянников, за всех улусных людей великому государю Алексею Михайловичу быть "в вечном послушанье" государевой службе, участвовать в ратных делах, не вступать в

связь с неприятелями России, не воевать с подданными царя и не грабить их.

За невыполнение предусмотренных условий шертной записи должны были последовать "божий гнев и огненный меч, и будем бы прокляты..."[61]. По этому первому письменному документу калмыки, принимая российское подданство, сохраняли самостоятельность и самоуправление внутри Российского государства, но с соблюдением и обязательным выполнением условий, в основном носивших военно-политический характер. Однако одновременно центральные учреждения наделялись полномочиями давать в необходимых случаях указания боярам, воеводам, чтобы они через уполномоченных (присыльщиков) могли поручать калмыцким тайшам выполнение "государевых всяких дел". Впервые шертная запись была подкреплена подписью калмыцким письмом поверенного тайшей писаря Батырки. Проект первой письменной шерти тщательно, почти целый год, готовился в Посольском приказе. Несмотря на чрезвычайную загруженность в связи с началом войны с Речью Посполитой и Турцией, Посольский приказ в 1654 г. серьезное внимание уделил дипломатической подготовке проекта шерти, организации переговоров, согласованию с тайшами. Поэтому шертная запись от 4 февраля 1655 г., как документ, имеющий юридическую силу, была включена в Полное собрание законов Российской империи, том I.

В связи с подписанием 4 февраля 1655 г. калмыками шертной записи на подданство Посольский приказ по указанию царя Алексея Михайловича подготовил и в апреле того же года разослал Грамоту воеводам Астрахани, Казани и других поволжских городов. В ней центральная власть впервые официально закрепила определенную территорию за калмыками – "улусам их велено кочевать по Волге по ногайской стороне, и по Ахтубе, и по Белужью или близко наших городов, где они кочевать похотят" – и дала указание, запрещавшее русским людям, башкирцам и иностранцам "чинить дурно" калмыкам[62].

В соответствии с договоренностью быть с "государевыми ратными людьми вместе" весной того же года последовал царский указ о призыве калмыков на борьбу с Крымским ханством. Калмыцкие полки должны были идти на соединение с донскими казаками и с гетманом войска Запо-

рожского – Богданом Хмельницким. В это время крымский хан и персидский шах попытались помешать закреплению калмыков в составе России и склонить их на свою сторону. Но калмыками уже был сделан выбор – быть верными России и вместе бороться с ее врагами. Но тем не менее обеспокоенная царская администрация, стремясь предотвратить возможное сближение калмыков с врагами России, потребовала подписания калмыцкими тайшами новой шерти. В этой сложной ситуации астраханский воевода В.Г. Ромодановский, выполняя указание центральной власти, предлагал тайшам непосредственно самим подписать шерть и прислать калмыцких аманатов в Астрахань.

30 марта 1657 г. Мончак, сын Дайчина, и Манжик подписали шертную грамоту. В тот же год от Дайчина и Мончака были присланы в Астрахань первые калмыцкие аманаты (трое заложников), – близкие родственники тайшей. Калмыцкие аманаты были встречены торжественно и приведены к присяге.

Шертная запись 1657 г. принципиально изменила взаимоотношения России с калмыками. В отличие от предыдущих шертей (устных и письменных), где имело место не совсем определенная формулировка отношений "быть в вечном послушании", базировавшихся в основном на отживших к тому времени в России принципах вассалитета "под государевою высокою рукою", новая шертная запись конкретно определила "быть в вечном подданстве и послушанье", отразив формулу отношений "государь–холоп", характерную суть самодержавной монархии. Поэтому Калмыкия, войдя в глубь России и оказавшись в геополитическом пространстве Российского государства, объективно вынуждена была изменить свой политический и социальный статус, вступить в отношения государственного подданства. Новые условия отношений уже в составе России – беспрекословная покорность подданных и безграничная власть правителя – были отражены в письме главного тайши Дайчина от июня 1657 г. царю Алексею Михайловичу, в котором калмыцкий правитель, признав личную верность царю, впервые назвал себя холопом великого государя[63]. С появлением этой официальной формулы определился новый рубеж в отношениях России с калмыками – добровольное государственное подданство,

но пока без приобретения населением, можно сказать, российского гражданства.

Россия, признав с одобрением факт добровольного вхождения калмыков в ее состав, официально от имени великого государя законно закрепила Грамотой Посольского приказа от 6 июля 1657 г. за своими новыми подданными территорию: "...им летом кочевать от Астрахани вверх по Волге по обе стороны и на перевозках бы их нигде не задерживали, а зимой бы им кочевать в Мочагах" (побережье Каспийского моря, поросшее камышом), а также предоставила им право беспошлинной торговли в городах Поволжья. Одна из главных обязанностей калмыков как подданных заключалась в участии в военных действиях России – "идти в Крым войною вместе с астраханскими служивыми людьми". Действительно, калмыки в том же году выступили в поход под Азов и нанесли поражение казыевским татарам, находившимся под протекторатом Турции[64].

Калмыкия, войдя в состав Российского государства и приняв на себя обязательство "с турским салтаном и с крымским царем нам, тайшам и детям нашим и улусным нашим калмыкам, в ссылке и в соединенье не быть", утрачивала, кроме того, статус правосубъектности во внешних сношениях. Ведущие калмыцкие тайши, как подданные, приобретали статус государственных чиновников с денежным содержанием.

В шертной записи 1657 г. впервые был определен механизм соблюдения и выполнения договорных обязательств – дача калмыцкими тайшами аманатов (заложников). Но в этот период царская администрация не вмешивалась в дела внутреннего управления калмыков. В шертной записи вопросы местного управления не затрагивались, и они попрежнему оставались прерогативой калмыцких тайшей.

Условия принятия калмыками российского подданства были уточнены и подкреплены в 1661 г. двумя шертными записями. Этому предшествовал ряд объективных событий, активизировавших царскую администрацию принять решение потребовать подписать калмыцкими тайшами новые обязательства. В конце 50-х годов XVII в. Крымское ханство предприняло настойчивую попытку (безуспешную) склонить калмыков на свою сторону. В 1660 г. на Украине оказались неудачными военные действия русско-украинской

армии против войск Польши и Крыма[65]. В целом, по всей вероятности, это было связано с продолжавшимися военными действиями России против Польши и Швеции, с высадкой военного десанта турок под Азовом, с выступлением крымского хана и подписанием в июне 1661 г. невыгодного "вековечного Кардисского мирного договора" со Швецией.

В этой тяжелой военной обстановке на юго-востоке страны царская администрация приняла ряд экстренных мер по мобилизации военных ресурсов, где немаловажное значение придавалось и калмыцкой коннице против польских и крымско-турецких войск. В целях привлечения калмыков к войне на южных рубежах, а также к выполнению дипломатического поручения в феврале 1661 г. к тайше Дайчину прибыл представитель центральной власти Иван Савинович Горохов, думный дьяк Посольского приказа. Он передал тайше указ царя Алексея Михайловича, "чтобы Дайчин тайша послал к крымскому хану спрещение, чтобы крымский хан от польского короля отстал и помочи ему не чинил", а в случае если крымский хан не отстанет и не прекратит военные действия против России, "то калмыки будут воевать крымские юрты"[66].

По результатам переговоров И.С. Горохова и тайши Дайчина 8 июня 1661 г., в присутствии уполномоченного по военным делам от царской администрации в Калмыкии князя Каспулата Муцаловича Черкасского были выработаны условия договора и царю Алексею Михайловичу дана шерть от имени тайшей Дайчина и Мончака их поверенными Зоргучи Тарханом и Дазаном Кашка. В шертной записи подчеркивалось, что договор учинен "по указу Великого Государя", который следовало понимать как обязательный для подданных. По данному договору калмыки должны были "идти войною ратным нашим Калмыцким людем нынешнего 169 году июня с первого надесять числа на крымские улусы, и с Крымским ханом в миру и в соединении нам не быть, а Великого государя с людьми быть в вечном миру и в соединении, и вспоможение руским людем везде чинить неоплошно"[67]. Царская администрация, в свою очередь, брала обязательство в том, что "Великого Государя люди меха нам (калмыкам. – *К.М.*) чинити не станут", и что за службу калмыкам будут выплачивать государственное жалованье.

Согласно этому договору была составлена роспись калмыцких ратных людей общей численностью до 10 тыс. всадников и уже 16 июня того же года подписана тайши Мончаком. В феврале–марте 1661 г. калмыки и донские казаки (представители Федор Будан и Степан Разин) с участием И.С. Горохова и князя К.М. Черкасского согласовали планы совместных военных выступлений против турецко-крымских войск. По сообщению астраханского воеводы боярина князя Григория Санчулеевича Черкасского осенью 1661 г. в Москву, "Дайчин и Мончак тайши послали ратных людей под Крым и Азов и под Басней. А Манжин тайша ходил на Малые и Большого нагая улусы, которые кочуют под Кабардой, и под Кумыки". А в следующем докладе царю говорилось: "Калмыцкого Мончака тайши ратные люди Будан и Черен, да Серен с товарищи убили под Крымом крымского Сарп-мурзу, который хаживал на твои, Великого Государя, украинские города войною со многими крымскими людьми, да крымских людей, которые с ним и с Крыма выезжали на бой, побили семь тысяч и многие крымские улусы в полон поймали и животинные стада отогнали"[68]. Хотя еще до подписания июньской шерти 1661 г. предпринимались успешные выступления калмыков в этом регионе по распоряжению царской администрации.

Шертными записями 1655, 1657 и 1661 (июньская) годов был определен статус Калмыкии, установлены принципы взаимоотношений России с калмыками. Калмыки, верные своим обязательствам и в соответствии со своим новым положением, активно включились в борьбу с врагами России. Но вдруг царская администрация в конце 1661 г. решила привести калмыцких тайшей к новой шерти. Специально для этой цели в Калмыкию вновь прибыл думный дьяк И.С. Горохов. В нашей литературе о причинах столь внезапного и ускоренного принятия шерти от калмыков есть две точки зрения. Одна – необходимость привлечения калмыков к военным действиям; вторая – начавшиеся довольно серьезные столкновения между калмыками и башкирами, чувашами и марийцами[69]. На наш взгляд, истинная причина заключалась в следующем. В начале 60-х годов XVII в. в калмыцком обществе Поволжья фактически произошла смена лидера. Этот процесс царской администрацией был своевременно замечен.

События 1661 г., как военные, так и организационные и другие, показали возрастающую роль тайши Мончака, фактически все крупные калмыцкие феодалы объединились вокруг него. Дайчин стал сдавать свои позиции, и его роль в политической жизни калмыцкого общества сошла почти на нет. В 1661 г. он практически самоустранился от управления народом в связи с возрастом. Поэтому не случайно Дайчин говорил еще в начале 1661 г. И.С. Горохову, что "Мончак сам владелец, а я стар, и улусные люди прочат Мончака"[70].

9 декабря 1661 г. тайша Мончак, в присутствии думного дьяка И.С. Горохова, ногайских, едисанских, ембулуцких и малисбашских мурз, калмыцких тайшей, перед астраханским воеводой дал клятву от себя, от отца своего, Дайчина, от племянника тайши Манжика, от иных калмыцких тайшей, а также от всех, кто вместе с ними кочевал (ногайских, едисанских, ембулуцких, малисбашских, келенчинских мурз), царю Алексею Михайловичу быть "в вечном подданстве и в послушанье", верой и правдой ему служить, "Великаго Государя с изменники и непослушники битись до смерти" и по его велению на недругов "войною ходить". В этой шерти по сравнению с предыдущими более развернуто сформулировано обязательство калмыцких тайшей "с его государевыми непослушники и с изменники ни с кем ни о чем не ссылатися, и за них не стоять", а также "с турским султаном, и с кызыльбашским шахом, и с крымским ханом, и с азовским беем с Темрюки, и с Табаны, и с Бесленейцы, и с Кумыки нам тайшам... в ссылке и в соединенье и в миру не быть, и ружьем и лошадьми их не ссужать, и людей в помочь не давать"[71]. От имени царя Алексея Михайловича эта шерть в отличие от предыдущих была принята высоким должностным лицом царской администрации – астраханским губернатором бояриным князем Г.С. Черкасским, уполномоченным центральной власти России по организации вооруженных сил юго-востока страны.

В шертной записи от 9 декабря 1661 г. подтверждался институт уполномоченных (посыльщиков) царской администрации, предусмотренный шертной записью 1655 г. Одним из первых в 1660-е годы уполномоченных по военным делам в Калмыкии, как отмечено выше, был князь К.М. Черкасский, племянник боярина Г.С. Черкасского.

В договорных документах до начала 1660-х годов определялся механизм соблюдения и выполнения принимаемых условий – дача калмыками аманатов (заложников). В двух шертных записях 1661 г. аманство как рычаг воздействия на соблюдение договора уже отсутствовало. Однако в последующем царской администрацией был найден завуалированный, но весьма эффективный подход к обеспечению выполнения взаимных обязательств. Администрация России, беря на государственное жалованье правителей Калмыкии (тайшу, его близких родственников), включала их в разряд своих особых государственных чиновников, находившихся на службе непосредственно у великого государя.

Гарантом выполнения всех принятых калмыками обязательств были фактическое их участие в военных походах, в боевых сражениях, а также клятвенные заверения, данные с соблюдением обрядов по буддийской вере: "...целую бога своего Бурхана, и молитвенную книгу Бичик, и чотки и ножик свой лижу и к горлу прикладываю"[72]. Дававший клятву обязательно подчеркивал, что, если калмыками будет нарушена шерть, на них, на их людей обрушится божий гнев и огненный меч и они будут прокляты по своей калмыцкой вере. В шерть от 9 декабря 1661 г., данную лично тайшой Мончаком, был внесен очень серьезный психологический момент: "...тем ножем, который я Бунчук тайша, выняв из ножен, лизал и к горлу прикладывал, от неприятеля своего буду зарезан по горлу своему".

В последних шертных записях прослеживается еще одна особенность, свидетельствующая о происходивших начиная с середины XVII в. процессах объединения калмыцких улусов Поволжья под руководством единого правителя. Во всех трех актах (в последующем, как нормативные документы они были включены в Полное собрание законов Российской империи) ведущей фигурой, обладающей реальной властью, выступал "первенствующий" (ахалакчи тайша) тайша Дайчин со своим сыном Мончаком, а в последней шерти – тайша Мончак.

Нормативные документы 1655, 1657 и 1661 гг. окончательно оформили принятие калмыками российского подданства и территорию их обитания. С начала второй половины XVII в. калмыки обрели постоянную и обширную территорию – оба берега Волги (имеется в виду право- и

левобережные стороны), от Астрахани до Царицына и Самары, к степи Придонья, – по которой они могли беспрепятственно и спокойно кочевать, вести беспошлинную торговлю, способствующую не только развитию экономики в регионе, экономических связей, но и заинтересованности калмыков в покровительстве России. А Россия приобретала надежного, верного союзника в лице калмыков, способных умело и мужественно защищать и отстаивать ее интересы. Следует отметить, что территория для кочевий калмыков не только закреплялась царской Грамотой от 6 июля 1657 г., но и гарантировалась общероссийским законодательством – Соборным Уложением 1649 г. Статья 41 главы XVI устанавливала: кто получил земли "по государевым грамотам, а иные по боярским грамотам" и "государеву службу служат, и у них тех земель не отнимать"[73].

Вышеназванные факторы с точки зрения де-факто и де-юре свидетельствовали о том, что Россия, приняв калмыков в свое подданство, и калмыки, войдя в ее состав, совместно и согласованно выработали и установили свои взаимоотношения на нормативно-договорных принципах при добровольном волеизъявлении обеих сторон. Вопросы политического и военного характера согласовывались через специально уполномоченных посланцев с обеих сторон, которые пользовались особым положением (на уровне посланников). Такой характер подданства калмыцкого народа и его взаимоотношений с Россией объясняется тем, "что калмыки не были побеждены силой русского оружия, но добровольно признали над собой государственную власть страны, где поселились"[74].

Калмыки, окончательно осев на определенной территории России, консолидировались в единый народ. С этого времени в России появился, можно определенно сказать, новый субъект – Калмыкия как особая составная часть. Ее подданство в основном носило политический и государственный характер (но нельзя исключать и в какой-то степени социальный смысл): было основано на чувстве государственного и территориального единства, а также на сознании общих внешних опасностей, угрожавших и калмыцкому народу, и южным территориям России. Поэтому обоюдно принятые и нормативно закрепленные условия нахождения Калмыкии в составе Российского государства

носили в значительной степени федеративный характер. Россия предоставила территорию, взяла Калмыкию под свое покровительство, наделив ее самостоятельностью в управлении своими внутренними делами, особым статусом политической автономии. Калмыки, в свою очередь, гарантировали России верную службу, совместное участие в ее военных походах, невступление ни в какие сношения с ее недругами.

С завершением выбора и официального определения месторазвития, с начавшейся консолидацией вокруг единого правителя калмыки Поволжья к середине XVII в. уже представляли собой обособившуюся самостоятельную группу, объединенную этническим составом, складывающимся социально-политическим положением, идеологически сплоченную на основе официальной религии – буддизма-ламаизма. В связи с этими процессами началось формирование единой системы административного и военного управления, правовой системы в калмыцком обществе. С этого времени в Поволжье завершается процесс формирования калмыцкого этнополитического образования в форме феодального ханства. Образование почти в одно время в разных регионах Евразии ойратских (Джунгарского, Хошоутского, Калмыцкого) ханств – вряд ли простое совпадение: скорее всего, здесь действовал объективный фактор этногенеза ойратов – период плавного подъема, возможно аналогичный эпохе Возрождения. Складыванию объективных внутренних факторов государственности Калмыкии способствовали внешние субъективные условия: центральные власти России, внимательно следя и активно не вмешиваясь во внутренние дела калмыков, придерживались той политики, что все то, что делается в пределах ее территории, должно быть полезно и выгодно Российскому государству.

[1] *Пашков Б.Г.* Русь – Россия – Российская империя: Хроника правлений и событий, 862–1917 гг. – 2-е изд. М., 1997. С. 220–223, 228, 229; Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С. 36–38; *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России: В 3 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 35–39; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1989. Кн. IV: История России с древнейших времен, т. 7/8. С. 270–272; *Гумилев Л.Н.* Сочинения: От Руси до России / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. М., 1997. Т. 4. С. 214–218; *Скрынников Р.Г.* Россия на-

кануне "Смутного времени". М., 1981. С. 95–100; *Он же.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 44–55; *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 23, 27 и др.

[2] *Эрдниев У.Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 1985. С. 34 и др. Это подтверждается и другими авторами: "В 1606 г. земли ногайцев были заняты толпами калмыков" (Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон. Репр. воспроизведение 1890 г. М., 1992. Т. 58. С. 800); "дальнейшее развитие... связей России с казахскими ханствами с начала XVII в. было значительно затруднено, а затем на время почти прервано в связи с передвижением больших масс ойратских племен..." (История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. 1. С. 226).

[3] *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв.: В 2-х кн. Элиста, 1993. С. 24; *Митиров А.Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 61; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 218–219; История СССР / Под ред. Б.Д. Грекова и др. 2-е. изд., М., 1947. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. С. 347; *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства, 1635–1758 гг. 2-е изд. М., 1983. С. 311; Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг.: Сб. документов. М., 1959. С. 307 и др.

[4] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1992. Кн. VI: История России с древнейших времен, т. 11/12. С. 559.

[5] *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 59–74; *Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: Образование калмыцкого государства в составе России.. Элиста, 1966. С. 13–18; *Грумм-Гржимайло Г.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 570–590; *Козин С.А.* Джангариада. М.; Л., 1940. С. 79; *Позднеев А.М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия. Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Ч. CCXIV. С. 244.

[6] *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1968. Т. V: Работы по истории и филологии тюрских и монгольских народов. С. 211.

[7] *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 74; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1980. С. 188 и др.

[8] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 40, 42; *Скрынников Р.Г.* Россия накануне "Смутного времени". С. 108–115; Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. М., 1976. Т. 6. С. 383 и др.

[9] *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 245–264; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в.: "Смута". М., 1988; История СССР. Т. 1. С. 366-375; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IV, т. 7/8. С. 388–450; *Платонов С.Ф.*

Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в "Смутное время"). Переиздание. М., 1937. С. 188–216 и др.

[10] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IV, т. 7/8. С. 563–661; *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 270–292; История СССР. Т. 1. С. 394; *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 158–170, 217–340 и др.

[11] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IV, т. 7/8. С. 365, 366.

[12] *Батмаев М.М.* Указ. соч. С. 25; Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 28, 29.

[13] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 21.

[14] Там же. С. 22; *Эрдниев У.Э.* Указ. соч. С. 31; *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 79; *Батмаев М.М.* Указ. соч. С. 25, 26.

[15] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 22, 23.

[16] Там же. С. 27, 34, 37–39.

[17] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1990. Кн. V: История России с древнейших времен, т. 9/10. С. 107–112; *Гумилев Л.Н.* Сочинения: От Руси до России. М., 1997. Т. 4. С. 246; *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 304 и др.

[18] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. V, т. 9/10. С. 296, 297.

[19] Там же. С. 16, 17, 298.

[20] *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 37.

[21] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 40–42.

[22] Там же. С. 41, 43–47, 50–52.

[23] Там же. С. 53; *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 57.

[24] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 53.

[25] Там же. С. 55, 70–73.

[26] Там же. Док. № 29.

[27] Там же. С. 75–77, 111.

[28] Там же. С. 78, 79; 110.

[29] Там же. С. 79, 80, 97–99, 111.

[30] Там же. С. 92, 93, 311.

[31] Там же. С. 99, 107.

[32] Там же. С. 101–103, 108, 111.

[33] *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 54.

[34] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 113.

[35] Там же. С. 121, 124, 125, 128, 130.

[36] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. V, т. 9/10. С. 262.

[37] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 133, 142.

[38] Там же. С. 136–139; *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 93–96; *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 56, 57; *Батмаев М.М.* Указ. соч. С. 32; *Митиров А.Г.* Указ. соч. С. 67.

[39] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 151.

[40] Там же. С. 152, 155.

[41] *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 58, 59, 63; *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 95, 96.

[42] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 143.

[43] *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 95, 96.

[44] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг. С. 148.

[45] Там же. С. 155–158, 173, 174.

[46] Там же. С. 171, 172.

[47] Там же. С. 173; *Борисенко И.В.* Расселение калмыков в процессе их добровольного вхождения в состав России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: Исторические корни и значение. Элиста, 1985. С. 27.

[48] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1636–1654 гг.: Сб. документов. М., 1974. С. 24, 68, 70.

[49] Там же. С. 27, 28, 30, 67, 181.

[50] *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 66, 70–72.

[51] *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 110, 127.

[52] *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 77.

[53] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1636–1654 гг. С. 235; *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 81, 82; *Батмаев М.М.* Указ. соч. С. 95.

[54] *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 86–89; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VI, т. 11/12. С. 552–554.

[55] Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С. 107.

[56] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1636–1654 гг. С. 354, 357.

[57] Там же. С. 356; *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 95, 96.

[58] Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1636–1654 гг. С. 355, 358.

[59] *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 98.

[60] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. V, т. 9/10. С. 596–615.

[61] *Максимов К.Н.* Калмыкия – субъект Российской Федерации. М., 1995. С. 16.

[62] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 112; *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 102.

[63] *Кичиков М.Л.* К вопросу образования Калмыцкого ханства в составе России. // Вестник института: Ист.-филол. сер. Элиста, 1963. С. 12; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 119.

[64] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992. С. 43.

[65] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VI, т. 11/12. С. 86–90.

[66] Там же. С. 555–558; *Кичиков М.Л.* К вопросу образования... С. 19.

[67] Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленное. СПб., 1830. Собрание первое, с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. Т. 1: С 1649 по 1675 гг. С. 531–532, № 300. (Далее: ПСЗ Российской империи).

[68] *Кичиков М.Л.* К вопросу образования... С. 19; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 123–125.

[69] *Кичиков М.Л.* Исторические корни... С. 128; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 121.

[70] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VI, т. 11/12. С. 556.

[71] ПСЗ Российской империи. Т. 1. С. 561–563, № 316.

[72] Там же. С. 564.

[73] Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. С. 171.

[74] *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1929. Ч. 3/4. С. 5; *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 6: Специальные курсы. С. 307.

Глава вторая

КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО В СОСТАВЕ РОССИИ (середина XVII – вторая половина XVIII века)

1. Политическая автономия Калмыцкого ханства (середина XVII – первая четверть XVIII века)

Объективные факторы общественно-политического, государственного, экономического, социального развития калмыков привели к завершению образования национальной государственности в форме ханства в составе Российского государства. Разделяя мнение профессора М.Л. Кичикова, можно сказать, что фактическое признание и оформление Калмыцкого ханства, произошло в 1664 г., когда тайше Мончаку царской администрацией были вручены символы государственной власти – серебряная с позолотой, украшенная яшмами булава, а также знамя, в середине которого была изображена эмблема государственного герба России (двуглавый орел и всадник, поражающий змея) в сочетании с восточным элементом – полумесяцем. В честь официального признания Мончака правителем Калмыкии ему были преподнесены ценные подарки, сабля, пистолеты, карабин и военное снаряжение[1].

В связи с необходимостью поддержания постоянного контакта с Калмыцким ханством в 1661 г. был создан российский государственный орган территориального управления – Калмыцкий приказ на правах отделения Посольского приказа, наряду с Малороссийским, Смоленским, Литовским и др. Основная задача Калмыцкого приказа состояла в организации и координации военного участия калмыков, в осуществлении сношения центральных органов власти с калмыками. Во главе Калмыцкого приказа были поставлены боярин князь Василий Григорьевич Ромодановский, ранее служивший астраханским воеводой, и думный дьяк Иван Савинович Горохов, талантливый дипломат, один из активных организаторов подготовки принятия калмыцкими тайшами шертных записей в 50–60-е годы XVII в.[2]

В начале 60-х годов XVII столетия население Калмыцкого ханства стабилизировалось и составило свыше 400 тыс. человек. Если население Калмыкии в 1660 г. насчитывало, вместе с прибывшими в 1642 и 1660 гг. дербетами, свыше 300 тыс., то в 1663 г. оно пополнилось еще 100 тыс. человек за счет прибывшей из Джунгарии хошоутовско-дербетовской группы во главе с тайшой Кунделеном и его сыном Доржи. Все прибывшие в 1642, 1660 и 1663 гг. группы калмыков соединились с улусами тайши Мончака, признали его власть и российское подданство[3]. Население Калмыцкого ханства состояло не только из торгоутов и дербетов, в него входили также и улусные люди отдельных зюнгарских и хошоутовских тайшей, ногайских, едисанских, ембулуцких, малисбашских, алтыульских и туркменских мурз.

Социальная структура феодального калмыцкого общества представляла собой феодалов и рядовых кочевников (простолюдины – харчуды, зависимые от правителей улусов). Рассматривать калмыцкое феодальное общество как поделенное исключительно на эксплуататоров и эксплуатируемых – явное упрощение. Оно было в определенной степени стратифицировано, т.е. поделено на сословия, имеющие свой юридический статус, права и обязанности которых определялись нормами обычного права и "Великого Уложения" 1640 г.

В господствующий класс калмыцкого феодального общества входили нойоны, или князья, относившие себя к категории людей "белой кости", среди которых верхнюю ступень занимали тайши (титул китайского происхождения, дословно означающий великий наставник). Тайши, или высшие сословия, делились на "больших" – владетельный, главный князь, получавший этот титул по наследству вместе с улусами, людьми, скотом, кочевьем (нутугом), "средних" ("Уложение" предусматривало ограниченный круг тайшей), "младших" – владельцы меньшего ранга, находившиеся в вассальной зависимости от главного князя. По "Великому Уложению", к феодальным сословиям относились табунанги (зятья, близкие родственники главного тайши), сановники (четыре правителя), придворные служители. Феодалы были взаимосвязаны системой вассалитета. К следующей иерархии феодалов принадлежали зайсанги (бага нойод –

малые господа, правители аймаков), а также улусные, аймачные чиновники – "дарга" (начальник), "демчи" (помощник начальника), "заргачи" (судья) и т.д. Положение и прочность власти тайши определялись ресурсами его личного владения – доменом. Поэтому не случайно разгорались между тайшами ожесточенные схватки за владение улусом, скотом, людьми.

"Большой" тайша выполнял функции гражданского управления в своих улусах, военачальника, высшего судьи, распределял кочевья между отдельными улусами. "Младшие" тайши подчинялись "большим" и обязаны были платить подати (албан) скотом и нести другие повинности, а также участвовать в военных походах (это был важный источник обогащения за счет захваченных трофеев, ясырей – пленников).

Клан феодалов калмыцкого общества постепенно пополнялся за счет слуг тайшей, которые, находясь при "большом" и "малом" тайшах, выполняли различные их поручения, рядом с ними участвовали в сражениях, а также за счет отличившихся воинов. Слуги, воины, спасшие жизнь тайши в бою, оказавшие ему другие важные услуги, наделялись особым статусом – дархана (привилегированное сословие, которое имело свободный доступ к тайше, освобождалось от всех повинностей и податей, от наказаний за первые девять совершенных проступков). Звание дархана было наследственным. Поэтому относить дарханов к статусу промежуточного положения в калмыцком обществе будет не совсем правомерно[4].

К привилегированной социальной группе калмыцкого общества относилось и духовенство, которое утвердилось с принятием калмыками ламаистской веры в первой четверти XVII в., а его правовое положение оформилось с принятием "Великого Уложения", узаконившего ламаизм как официальную государственную религию всей Монголии, всех ее ханств и княжеств. Принятие ламаизма стало важным фактором укрепления калмыцкой государственности на начальном этапе ее развития. С принятием буддийского вероисповедания, сменившего шаманизм, калмыцкие нойоны стали обосновывать свое небесное (божественное) и "золотого рода" (Чингисхана) происхождение.

После принятия ламаизма калмыцкие тайши стали широко практиковать раздачу скота, земельных пожалований

(джиса), крепостных людей высшим представителям духовенства (ламам), монастырям (сюме и киит). В "Очерках истории Калмыцкой АССР (дооктябрьский период)" сообщается о факте дарения Дайчином старшему ламе (хутухте) 20 тыс. жеребят. И.Я. Златкин отмечал, что в 1645 г. Зая-Пандита и другие ламы получили от князей богатые дары: самому Зае досталось 10 тыс. лошадей, другим высшим ламам – по 1 тыс. и 500, рядовым ламам – по 100, 60 и 10 лошадей[5]. Одновременно калмыцкие тайши дарили ламам, хурулам (монастырям) своих крепостных (целыми кибитками), а также мальчиков в ученики – шаби, с которыми связано появление института шабинерства (крепостных хурулов). В 1658 г. Зая-Пандита получил от ряда тайшей 40 банди-манжиков (мальчиков), 40 кибиток и т. д.[6]

Ламаистская церковь имела сложную иерархию. Высшим верховным лицом ламаистской церкви был тибетский Далай-лама, который имел среди монголов и ойратов (калмыков) своих наместников-хутухт. С 1639 г. первым хутухтой среди ойратов был рабджамба (ученая степень духовного лица) Зая-Пандита (создатель калмыцкой письменности и переводной литературы).

Главными проповедниками ламаизма в Калмыкии были ламы (верховные священники), цорджи-гелюнги (руководители хурулов, старшие жрецы), бакши (настоятели хурулов), гецулы (служители веры), эмчи-гелюнги (жрецы-исцелители), заягачи (предсказатели)[7].

Феодально-зависимое население калмыцких улусов именовалось харачуд ("люди черной кости"). Оно имело свои хозяйства, скот, но было лишено прав собственности на пастбищные угодья. "Черные люди" находились в личной зависимости от владельца (эзен), который распоряжался крепостными по своему желанию (мог продать, подарить), не могли откочевать от своего хозяина. По закону откочевавший от владельца объявлялся беглецом и подлежал немедленному возвращению. "Уложение" гласило: "Если к кому придут перебежчики, то, взявши половину (их имущества), таковых возвращать"[8]. Серьезные меры имущественного наказания предусматривались по отношению к князьям, укрывшим беглецов. "Черные люди" несли имущественную ответственность за владельца: они входили в перечень штрафных санкций. В "Великом Уложении" отмечалось,

что, "если, под каким либо предлогом, убегут от неприятеля главные князья, с таковых брать по сту панцырей, по сту верблюдов, по пятидесяти кибиток людей (семейств) и по тысяче табуна; ...с малых князей по десяти панцырей, по десяти верблюдов, по десяти кибиток людей и по сто табуна..."[9].

Главные повинности крепостных скотоводов своему феодальному владельцу заключались в выплате натурального оброка – скота и продуктов животноводства, в трудовой повинности (уход и содержание господского скота, сбор топлива и пр.), в службе при ставке феодала, военной службе, участии в облавных охотах, транспортной повинности.

Непосредственно обслуживавшие княжеский двор и работавшие в качестве слуг, по всей вероятности, относились к холопам (кубэгуд).

С принятием ламаизма и формированием духовенства, монастырских учреждений (хурулов) выделяется еще одна группа зависимых крестьян – шабинеры. Первые упоминания о крепостных ламаистского духовенства и хурулов относятся к 40-м годам XVII в. Основными источниками пополнения части сословия крестьянства – шабинеров были крепостные, пожертвованные ханами, нойонами, зайсангами – духовным лицам и хурулам, а также купленные, добровольно перешедшие в крепостные хурулов.

Шабинеры, принадлежавшие хурулам, выполняли все работы по уходу за их многочисленным скотом (заготовка сена, пастьба, доение коров, стрижка овец, принятие приплода и пр.). Кроме ухода за скотом и его содержания, шабинеры должны были поддерживать чистоту на территории хурула, ремонтировать его, заготавливать топливо, перерабатывать продукты животноводства и пр. А шабинеры, принадлежавшие лично духовным лицам, составляли их домашнюю прислугу. Они обязаны были ухаживать за их личным скотом, а также шить им одежду, стирать, варить пищу и т. д.[10]

Ремесло среди калмыков носило в основном домашний характер. В хотонах калмыцких улусов трудились ремесленники, находившиеся на положении крепостных. Одна из важнейших отраслей ремесленного производства – обработка шерсти, кожи домашних животных и изготовление из них различных изделий. В достаточной степени ремеслен-

ники удовлетворяли потребности в деревянных изделиях (седла, мебель, посуда, курительные трубки и т. д.). Наряду с ними работали ювелиры, мастера по дереву, металлу[11]. В калмыцких улусах действовали простейшие кузницы по изготовлению необходимых железных изделий – лат, панцирей, наконечников для стрел и т.д. Калмыцкие мастера в большом количестве изготовляли луки и стрелы.

Судя по нормативному источнику ("Великому Уложению"), можно предположить, что в калмыцком обществе, поскольку приходилось почти постоянно воевать, помимо крепостных-скотоводов (аратов), холопов, были и рабы (цоохор), главным образом ясыри (пленные). Раб в калмыцком обществе не являлся субъектом правоотношений. Рабство в калмыцких улусах не получило распространения как общественный уклад, поскольку раба занять было нечем (калмыки со скотоводством сами справлялись), были сложности и с охраной рабов в кочевых условиях. Захваченные в бою пленные и в качестве ясыря мирное население продавались калмыками на невольничьих рынках. Калмыцкие тайши рассматривали работорговлю как дополнительный источник обогащения.

Имеющиеся литература, документальные источники по истории ойратов, в том числе и калмыков, монголов XVI–XVII вв., хотя дают отрывочные и иногда противоречивые сведения, позволяют в какой-то степени представить сложившийся к середине XVII в. общественный и государственный строй Калмыцкого ханства[12]. Наше мнение основывается на том, что к середине XVII в., во-первых, общие черты общественного и административно-политического строя Джунгарского ханства еще оказывали заметное влияние на характер развития отошедших от него племен, а, вовторых, джунгарские, монгольские, калмыцкие феодалы до определенного времени руководствовались единым, совместно принятым законом – "Великим Уложением" 1640 г., известным в литературе и под названием "Степное Уложение".

К 40-м годам XVII в. началось возвышение Дайчина, особенно после смерти его отца, Хо-Орлюка, в 1644 г., что было связано с объединением калмыцких улусов, централизацией власти в его руках, выступлением в роли главного правителя приуральских и приволжских калмыцких улусов.

В этот период Дайчин, как главный правитель, по наследству получил звание ахалакчи-тайши (владетельный, главный тайша – главный князь). После расправы с братьями Ельденом и Лаузаном, противниками объединительного процесса, Дайчин в 50-е годы XVII в. фактически становится первым всекалмыцким правителем. Этот факт в 1650 г. был подкреплен ханским титулом, пожалованным ему верховной духовной властью Тибета, Далай-ламой. Но Дайчин не принял символы государственной власти и не называл себя ханом в течение длительного времени[13]. Это было связано, по всей вероятности, с тем, что в это время активно решались вопросы определения территории кочевий и окончательного оформления принятия калмыками российского подданства. В этой обстановке Дайчин, видимо, не желал вызывать у царской администрации какие-то подозрения, сомнения. Действительно, только после окончательного решения территориального вопроса и завершения процесса добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства, после успешных военных действий на стороне России в середине XVII в. Дайчин начал именовать себя ханом. Тем самым, по существу, государственность калмыцкого народа носила элитарный характер, т.е. управляла государством элита, сформировавшаяся по происхождению (род Буйго-Урлюка, Зулзуган-Урлюка, Хо-Орлюка, Дайчина, Мончака и т.д.).

Главному тайше (ики нойд) принадлежали исполнительная власть, функции военачальника, высшего судьи. Государственное единство Калмыцкого ханства держалось на системе сюзеренитета–вассалитета. Вся структура государства покоилась на лестнице феодальной иерархии. В вассальной зависимости от главного тайши находились правители улусов – тайши (олон ами нойод – малые князья), состоявшие с ним в близких родственных отношениях. При главном тайше постоянно были на службе четыре знатных сановника (тушимэты–правители), которые представляли как бы его центральный аппарат управления – администрацию. Кроме того, главный тайша имел постоянно действующий совещательный орган (типа Боярской думы) – совет из малых князей и бага нойодов (табунангов – зятьев тайши, других ближайших родственников) со сравнительно стабильным составом. Решения данного совещательного

органа вступали в силу лишь после их утверждения главным тайшой, т.е. деятельность этого органа выражалась известной формулой "государь указал и бояре приговорили". В этом отношении главный тайша выступал и как законодательная власть.

В структуру администрации главного тайши входил дарга, являвшийся не только помощником тушимэтов (как бы думный дьяк), не только управляющим большим хозяйством главного тайши, но и исполнителем судебных решений. У дарги по штату был помощник (демчи – дьяк) по управлению хозяйством, которому помогал шулэнга (подьячий). Тем самым по осуществлению политической власти Калмыцкое ханство характеризовалось наличием трех основных функций – законодательной, исполнительной, судебной.

Калмыцкое ханство имело свое войско (цэрэг, дайсун), комплектуемое из взрослого мужского населения, и возглавлял его, как правило, сам главный тайша со своими правителями улусов – командирами тюменов. Главный тайша мог назначить главой войска одного из преданных ему сановников. О стройной организации армии свидетельствуют введенные категории боевых подразделений (хошун – дивизия во главе с хошучи, зун – сотня во главе с зайсангом, "сорока", "двадцатка", "десятка"). Крупные подразделения имели знаменосца (тугчин), трубача (буречин), относившихся к почетным военным должностям, вестового (элчи) и т.д.[14] Это свидетельствовало о том, что Калмыцкое ханство как государство имело не только внутренние функции (обеспечение господствующего положения социальной группы, собственности, распределение пастбищ и т.д.), но и внешние (оборона ханства, внешние сношения и т.д.).

В административном отношении Калмыцкое ханство состояло из улусов, которые делились на аймаки (возможно, первоначально на отоки). Аймак формировался из нескольких хотонов, или групп семейств, связанных узами близкого кровного родства, совместно кочевавших и хозяйствовавших.

Во главе улуса стоял в качестве наследственного владельца и военного предводителя тайша (князь). В распоряжении тайши имелись чиновники (нутук отокин тушимэт), обычно чиновника называли дарга (начальник), демчи

(помощник начальника). В администрацию аймака входили сайт-зайсанг (старший зайсанг), его демчи (помощник), который одновременно исполнял обязанности старосты сорока кибиток (дворов-семей), а его заместителем был шуленга (староста двадцати кибиток), который, в свою очередь, имел подчиненного – арванаха (староста десяти кибиток). В аппарат управления аймака входила и налоговая служба во главе с начальником (албачи-зайсанг) и сборщиками (албачи).

Таким образом, в процессе государствообразования создалось калмыцкое общество, построенное по образцу пирамиды: наверху единовластный монарх – хан, ниже – круг его ближайших соратников, далее – чиновники более низкого ранга. В основании пирамиды – простолюдины, являвшиеся объектом эксплуатации. По организации государственной власти и ее устройству (по форме государства) Калмыцкое ханство (по форме правления) представляло собой монархию унитарного государства (по форме государственного устройства) с автократическим политическим режимом.

Процесс образования Калмыцкого ханства завершился с принятием письменного памятника монголо-ойратского права – "Цааджин бичиг" ("Великое Уложение" 1640 г.), утвержденного 5 сентября 1640 г. на съезде ханов и князей Халхи, Кукунора, Джунгарии и Поволжья (Хо-Орлюк с сыновьями). На съезде (чулгане) были представлены главы высшего ламаистского духовенства. Этот памятник права, ставший сводом законов и волжских калмыков, сыграл немаловажную роль в завершении объединения калмыцких улусов, образовании Калмыцкого ханства, а в последующем в его укреплении и развитии.

Принимая единый свод законов, законодатели ставили перед собой цель: урегулировать внутренние взаимоотношения феодалов и предотвратить междоусобную борьбу, объединить силы против внешних опасностей, заключив военно-политический союз, укрепить феодальные порядки. Поэтому данный свод законов охватывал различные отрасли права – уголовное, гражданское, духовное, военное, а также процессуальное (порядок производства степного суда). В нем в какой-то степени регламентировались вопросы административного управления (права и обязанности посланного по делам веры, нойона, полномочия чиновников

по контролю за сбором налогов – албана, за исполнением повинностей и т.п.).

Значительное внимание в своде законов уделялось регулированию брачно-семейных отношений. Брачно-семейное право отражало патриархальный уклад жизни, непременными признаками которого были подчинение воле старшего и приниженное положение женщины. Ярче всего патриархальные черты быта проявлялись в период создания новой семьи: при ее возникновении главными действующими лицами были не молодые люди, которым предстояла совместная жизнь, а их родители. Брачный возраст был установлен с 14 лет. Однако в вопросах бракосочетания явно наблюдалось социальное неравенство. Путем брака могли породниться люди только равного сословия.

При наследовании по данному своду преимущество имели сыновья умершего родителя. При их наличии дочери не получали ничего (на наследников, по всей вероятности, возлагалась лишь обязанность выдать сестер замуж). Наследство, к которому относились скот, земля, другое имущество, делилось между сыновьями, очевидно, поровну.

Законодатели не оставили без внимания проблему воспроизводства населения. В своде указывалось, что "из сорока (кибиток) четыре кибитки должны ежегодно женить своих сыновей"[15]. Причем, как видим, это воспроизводство должно было осуществляться планомерно.

В уголовном праве наибольшее место было отведено охране собственности на скот, поскольку он являлся основой экономики кочевого хозяйства, главным источником жизни, благосостояния кочевников, средством передвижения (лошади, верблюды, волы), предметом меновой торговли и т.д. В связи с тем что скот выступал одним из объектов феодальных междоусобиц, кражи, уничтожения и т.п., предусматривались различные виды имущественного наказания, например, пеня "за (украденный) скот: восемь девятков (одна девятка состояла из девяти голов различного вида скота. – *К.М.*) и один девяток свидетелю"[16]. Однако количество девяток определялось видом похищенного скота, социальным положением потерпевшего и ответчика.

Среди преступлений против личности наиболее серьезным считалось умышленное убийство, а к менее тяжким относились удары рукой, оружием, а также клевета, оскорб-

ление. В своде предусматривалось суровое наказание за самовольную откочевку крепостных от своих владельцев, за невыполнение распоряжений тайшей, нойонов, чиновников. Законодатели определяли, что если “кто из чиновных князей и табунангов, сановников (управителей), из малых князей и табунангов, дэмчеев и шуленг побьет кого-либо ради (исполнения) распоряжений, приказаний и законов государя, то в этом вины нет; если кто после побоев (в этом случае) и умрет, то и тогда в вину не ставить”. В то же время была сделана попытка оградить простого человека от произвола чиновников – “если все эти сановники побьют кого-либо только по своему высокомерию, то с таковых брать за большие побои по девятку, за средние побои – по пяти (скотин) и за малые побои – по лошади”[17].

Особое внимание было обращено на государственные преступления. К ним законодатели отнесли: нарушение порядка управления, нападение на пограничные поселения, не своевременное оповещение о приближении неприятеля, не оказание помощи князьям в бою, не предпринятие мер к отбивке у неприятеля скота, имущества своих улусов, покушение на честь и достоинство князей, других сословий феодалов, чиновников всех рангов и т.д.

В “Великом Уложении” ряд статей был посвящен институту военного права, направленному на укрепление боеспособности войска, дисциплины воинов. К тяжкому преступлению, влекущему за собой смертную казнь, была отнесена неявка воина к месту сбора для участия в походе. Остальные преступления и проступки воинов в своде законов квалифицировались как менее тяжкие, не требовавшие столь сурового наказания. Но виды и тяжесть наказания воинов зависели от занимаемых ими военных, гражданских должностей и социального положения. Воины-феодалы, чиновники подвергались конфискации скота и крепостных в определенных размерах и моральному наказанию – “надеть женский безрукавный камзол”. А с воина-простолюдина, покинувшего поле боя, “брать по колчану и по одной лошади”. Паникер предавался позорному наказанию – “надеть на того женский безрукавный камзол”. Вместе с тем свод законов определял меры поощрения, награждения воинов, проявивших доблесть и мужество[18].

Важно отметить, что законодатели в условиях усилившейся внешней опасности, а также с учетом кочевого общественного строя монголов и ойратов на первое место поставили военное право, касавшееся всех слоев населения ханств и княжеств. Установленные в "Великом Уложении" все три вида преступления, предусматривавшие смертную казнь, были отнесены к военным.

В своде законов 1640 г. официальной государственной религией всех участвовавших ханств и княжеств был признан ламаизм. Поэтому на третье место, после государственных и военных преступлений, законодатели поставили преступления против религии. Статьи, посвященные ламаистскому духовенству, церкви, были направлены на защиту чести и достоинства священнослужителей – "кто оскорбит словами цорджи, с того взять девять девятков скота", на охрану их имущества – "кто возьмет подводы у лам и банди, с того взять одну корову...". В то же время законодатели позаботились об укреплении порядка в хурулах, о соблюдении обетов, принятых священнослужителями[19]. Тем самым положения "Великого Уложения", посвященные религии, были направлены на защиту идеологической опоры монгольских и ойратских феодальных государств.

Принятие "Великого Уложения" 1640 г. явилось важной правовой основой становления и развития калмыцкой государственности в виде ханства, поскольку в нем регулировались не отдельные группы общественных отношений, а все стороны общественно-политической жизни калмыцкого общества того времени.

Форма и механизм принятия "Великого Уложения" свидетельствуют о его соборном (участники – ханы, великие, средние, мелкие тайши, представители высшего духовенства), относительно демократическом характере, если учесть, что каждый участник чулгана от светской власти представлял собой высшее должностное лицо, обладающее законодательными полномочиями.

Исторически сложившимся, с учетом кочевой жизни народа, географических условий, основным направлением хозяйственной деятельности калмыков испокон веков являлось скотоводство. Животные содержались на подножном корму. Все хозяйство базировалось на экстенсивных формах его ведения. Из ранних исторических источников мы

узнаем, что в условиях кочевой жизни наиболее распространенными видами животных были овцы, козы, крупный рогатый скот, служившие для получения продуктов питания, сырья для изготовления одежды, обуви, жилья, сбруи, седел и т.д., а лошади, верблюды кроме того, чаще всего использовались как гужевой транспорт, средство передвижения в военных целях.

Таким образом, от наличия и количества скота зависели жизнь и благополучие кочевников. В исторических источниках точные данные о количестве скота у калмыков до начала XIX в. установить почти невозможно. Но есть сведения, позволяющие сделать вывод, что уже в начале XVIII в. показатель обеспеченности скотом был критерием социального положения кочевника. Об этом красноречиво свидетельствуют статьи Ик Цааз ("Великое Уложение"), предусматривавшие разные наказания в виде штрафа скотом за одинаковое преступление: если владетельный князь за бегство с поля боя должен был заплатить в виде штрафа, кроме ста панцирей и пятидесяти дворов, сто верблюдов и тысячу лошадей (ст. 14), то простолюдин отдавал в таком случае одного коня (ст. 14–17) с колчаном. Эти данные говорят о том, что скот являлся источником не только существования, но и богатства кочевника, определявшего его имущественное, социальное положение.

В зависимости от природных условий кочевий в хозяйстве калмыков имели место охота на диких зверей, таких, как антилопа, волк, лиса, корсак, бобр, горностай, росомаха и др., и рыболовство. Немаловажное значение занимали переработка сельскохозяйственного сырья для собственных нужд и рынка, ремесленное производство, особенно связанное с изготовлением оружия, предметов домашнего обихода, одежды, орудий труда и т.д. Калмыкам были известны такие ремесла, как кузнечное, шорное, катание войлока, сапожное, портняжное и другие.

Важную роль в развитии взаимоотношений с русскими, в обеспечении жизнедеятельности и становлении экономики кочевников играли торговля, установление торговых отношений с соседями. Основным товаром, поставлявшимся калмыками на рынки русских городов, были скот, продукты животноводства, сырье (кожа, шерсть и т.д.). Подобные связи устанавливались с крупными городами, и царская

администрация в основном не препятствовала развитию взаимовыгодных торговых отношений с калмыками, поскольку на российский рынок в значительном количестве доставлялись лошади, овцы, а также войлок, шерсть, кожа и пр. Взамен калмыки приобретали на рынках одежду, ткани, посуду, металлические изделия и т.д.

Вопрос о торговых отношениях был настолько актуален, что он постоянно находил отражение и регулировался в договорных соглашениях, заключавшихся между администрациями городов Сибири, Урала, Волги и калмыцкими тайшами. Почти во всех нам известных шертных записях эта проблема обязательно и достаточно основательно регламентировалась, поскольку торговля способствовала развитию не только хозяйственно-экономических связей Калмыкии с окружающим населением государства, но и русско-калмыцких отношений.

Таким образом, судя по социальному, имущественному положению отдельных слоев калмыцкого населения, развитию торговых отношений, по постоянно волнующей проблеме – пастбищ, а также по готовности в необходимых случаях выставить большое количество профессиональных воинов, доходившие до 36 тыс. всадников в сопровождении обоза караван в составе до 2,5 тыс. верблюдов[20], калмыки могли в любое время отстоять, защитить себя, свое хозяйство, отразить нападение многочисленных врагов. Это позволяет нам сделать вывод, что калмыки в XVI–XVII вв. располагали весьма достаточным количеством скота, который являлся основным источником питания, получения одежды, обуви, жилья, а также определял их военное состояние, боеспособность. Мы вынуждены говорить именно так, поскольку до начала XIX в. официальных статистических данных не имеется.

Многочисленные письменные исторические источники и историография свидетельствуют о том, что калмыки в период появления в пределах России имели богатую литературную традицию как собственного, так и переводного характера. До введения новой письменности Зая-Пандиты (середина XVII в.) калмыки пользовались на протяжении многих веков старописьменным монгольским алфавитом. В архивах, библиотеках России и других государств до сих пор хранятся уникальные рукописи, подтверждающие и рассказывающие о богатой культуре калмыков.

Новый этап в духовной жизни калмыков был связан с принятием в конце XVI в. ламаизма и с деятельностью крупного ученого, просветителя своего времени Зая-Пандиты. Ламаизм в соответствии с "Великим Уложением" 1640 г., как отмечено выше, стал господствующей идеологией ойратов, а затем был закреплен в дополнениях к законам, составленных при калмыцком хане Дондук-Даши в период с 1741 по 1753 г.[21]

Ламаизм проявил терпимость к древним верованиям и обрядам ойратов, особенно к народным праздникам. Распространение ламаизма, в свою очередь, способствовало возникновению и развитию у ойратов архитектуры, скульптуры, живописи, литературы, народной медицины, а также появлению интеллигенции с духовным образованием. Религия играла огромную роль в нравственном воспитании людей.

С этого времени широкое распространение получает переводная литература. На калмыцкий язык было переведено большое количество религиозных, исторических, художественных произведений. Только Зая-Пандита перевел с тибетского не менее 170 произведений: мелкие трактаты и объемистые книги, сложные философские сочинения и сборники доступных всем легенд и т.п.[22] К числу таких переводов относится сочинение "Повесть о Чойджид-дагини", пропагандирующее и популяризирующее идеи буддийской нравственности и права. В Калмыкии были известны переводы крупных индийских систематизированных сводов – "Переводы наставлений" (Ганджур) и "Переводы трактатов" (Данджур). Из канонических произведений, вошедших в Ганджур, распространение получили "Улигэрийн далай" – беседы Будды с учениками о нравственности и философии.

Наряду с оригинальной, переводной литературой у ойрат-калмыков широко было распространено устное народное творчество, характеризующее его самобытную культуру. Это творчество отличается богатством, многожанровостью, представленной в сказках, поговорках, пословицах, песнях, загадках, легендах, эпических сказаниях. В сокровищницу мировой литературы входит калмыцкий героический эпос "Джангар", возникший, несомненно, задолго до принятия ламаизма, корнями уходящий в глубь веков, доchingисову эпоху. Героический эпос представляет собой

органически целостное и стройное произведение и относится к шедеврам мирового фольклора, раскрывающим героику, традиции, духовное наследие и великую культуру народа. Эпос вдохновлял ойратов, они им жили, для них он был духовной пищей, историческим, художественным, политическим, философским источником. Мир и благополучие приходят в страну Бумбу в результате богатырских подвигов героев "Джангара", где на обетованной земле люди живут мирно и счастливо, не зная бедности и сиротства, они бессмертны.

Устное народное творчество калмыков дает ценнейшие сведения об их жизни, быте, хозяйстве, труде, традициях, обычаях. В нем воспеваются храбрость, доброта, миролюбие, щедрость души человека, честность, любовь к людям, родной земле, осуждаются человеческие пороки. Все это свидетельствует о высокой духовной, нравственной культуре народа.

У калмыков широко было развито народное искусство, особенно песенное, музыкальное, танцевальное, прикладное, а также спортивные игры, такие, как альчики, шахматы, борьба, скачки и т.п.). С принятием ламаизма стала распространяться живопись, преимущественно хурульная, на религиозные сюжеты.

Знания народа в различных областях отличаются большой целесообразностью и глубиной. Монахи в монастырях вели философские диспуты о законах мироздания, оперируя сложнейшими категориями. Калмыки проходили обучение в известных буддийских центрах Тибета, где получали сведения о последних достижениях научной мысли Индии, Китая. Переводили научные трактаты на калмыцкий язык.

Калмыки в рассматриваемый нами период имели довольно общие географические понятия о земном шаре, знали о существовании морей, океанов, других народов, стран. Кочевник имел богатые практические знания по ботанике, хорошо разбирался в растениях, применяемых в различных целях. Скотовод прекрасно знал анатомию животных, ветеринарию, и эти знания помогали ему разводить и сохранять скот.

У калмыков была разработана целая система измерения мер веса, счета времени, площади, им был известен матема-

тический счет со своим названием чисел. Древняя система народных мер действовала в практической жизни калмыцкого народа довольно длительное время, т.е. вплоть до 1930 г. Некоторым звездам, созвездиям, планетам и Солнцу калмыки дали свои названия: Солнце – Нарн, Луна – Сар, Марс – Мингмер, Меркурий – Улюмджи, Юпитер – Пюрвя, Венера – Басанг, Сатурн – Бембя, Полярная звезда – Алтн Гасн.

Свое летосчисление калмыки вели по 12-летнему циклу, согласно которому каждый год носил название определенного животного. Порядковые и циклические исчисления такого календаря состоят из 60-летнего периода, который имеет пять циклов в каждом. Год состоит из 12 лунных месяцев, называемых именами тех же животных, что и годы 12-летнего цикла. В неделе – семь дней, каждый день имеет имя планеты. Сутки делились на рассвет, середину утра, полдень, середину вечера, закат солнца, сумерки (светлые, полусветлые, темные), полночь, от полночи до рассвета[23].

Таким образом, несмотря на трудные условия кочевой жизни (постоянная опасность нападения врагов, длительный и долгий переход), калмыки создали и сохранили самобытную духовную культуру, внеся свою частицу в созвездие мировой культуры.

В конце XVII – начале XVIII в. в Калмыцком ханстве, впрочем, как и по всей России, складывается уже стройная система управления, основанная на принципах централизации и единоначалия. "Теперь патриархальные отношения подверглись крупным изменениям, – отмечал профессор Н.Н. Пальмов, характеризуя эти процессы, – полнота власти над народом сосредоточилась в руках хана; тайши должны были оказывать ему повиновение всегда и во всем"[24]. Это подтверждается и договором, где хан Аюка выступает единоличным правителем ("обещается всем тайшам приказать"... "дать указ" и т.д.), обладающим высшими административными, законодательными, военными, судебными полномочиями, самостоятельно решающим вопросы внутренней жизни и управления, комплектования войска, распределения и использования пастбищ. Решение вопросов хозяйственного характера находилось в руках нойонов – владельцев (тайшей) улусов. Но в силу необходимости обеспечения коллективной безопасности улусов, а также

потребностей в значительном территориальном пространстве (пастбищном) объективно усиливалась ханская власть, централизация управления. Однако в то же время не прекращалась борьба за власть, проявлялись сепаратистские тенденции у тайшей (откочевка от ханства, но под покровительством царской власти), ведущие к ослаблению Калмыцкого ханства. Царская администрация учитывала и активно использовала эти обстоятельства в своих интересах, с одной стороны помогая Аюке укреплять власть, а с другой – разрешая тайшам вести относительно независимую политику от Аюки (но под своим контролем и по своим направлениям).

В связи с определенной централизацией управления, расширением объема полномочий и функций правителя Калмыкии в начале XVIII в. несколько усложнились структура и штаты административной службы хана, она приобрела характер общегосударственной канцелярии. Хотя центральный аппарат управления по-прежнему находился в ведении хана, было все же произведено заметное разграничение дворцовых и государственных функций.

Во главе этого исполнительного органа и органа высшей судебной инстанции, впоследствии получившей название "Зарго", стоял сам хан, а его помощником, заместителем или начальником штаба, был дархан, одновременно обладавший полномочиями судьи. В высший разряд чиновников входили тайные советники (даян дутоно), выполнявшие также функции судей, чиновники дипломатического ранга для особых поручений (элчи) и штат писцов (бичачи).

В это же время из центрального аппарата управления Калмыцкого ханства выделилось как самостоятельное дворцовое управление со своим руководством – управляющий всеми делами и хозяйством хана (дарга) и его заместитель (дэмчи), руководивший налоговой службой. Отдельную службу представляла личная охрана хана во главе с начальником (шидар кя) и охранниками различного ранга (олдар кя, олзята кя), а также личная охрана ханши.

Администрация улусов (во главе с нойоном) и аймаков (во главе с зайсангом) осталась почти без изменения, за исключением введенной в улусах должности бодокчеи по спорным судебным делам таможенного характера[25].

В начале XVIII в. в калмыцком обществе стала строго вырисовываться структура самого класса феодалов: круп-

ные феодалы – хан, нойон (тайша), ламаистское духовенство; низший слой – зайсанги, чиновники центрального аппарата управления, слуги хана и нойонов. Кроме того, в социальной структуре населения Калмыцкого ханства сохранилась особая группа (дарханы, эркетены), которая начала формироваться, как отмечено выше, несколько ранее, представлявшая собой особый слой в классе феодалов. Дарханы (эркетены) не только находились в привилегированном положении (а также члены его семьи, возможно, и родственники освобождались от всех повинностей и податей), но и имели возможность продвигаться по иерархической лестнице, дослуживаясь до высоких должностей.

Со второй половины XVII в. важным элементом политической системы калмыцкого общества стала ламаистская церковь (хурул) во главе с хамбо-ламой (главный лама), который назначался из Тибета. Ламаистская церковь представляла собой организованную и стройную систему. Во главе ее администрации, которая располагалась в главном хуруле (дацане), стоял сам хамбо-лама, при нем были секретарь (донир) и коллегиальный орган – совет управления, в состав которого входили: настоятель дацана, управляющий делами (ширэгэту), и он же руководил советом, заведующий канцелярией дацана (цорджи) и два его помощника (шалдзаба и дзасак), заведующий учебной частью Да-ламы, (нансу)[26].

Священнослужителей хурулов представляли гелюнги, гэцулы, манджики (ученики). Ламаистское духовенство было освобождено от податей, военной службы и других повинностей.

Административный аппарат управления хурулов состоял из следующих должностных лиц духовного звания: 1) настоятель хурула – бакша; 2) руководитель богослужений в хурулах – цорджи (в этом качестве выступал один из гелюнгов); 3) наблюдатели за порядком в хуруле во время богослужений – старший гебкуй и младший гебкуй; 4) помощник гебкуя – геик; 5) уставщики – старший гунзуд, младший гунзуд, вольные гунзуды (чтецы молитвы); 6) распорядитель культовых предметов – гонир; 7) казначей, эконом – шерва; 8) помощник шервы – зама; 9) разносчик пищи, "святой" воды во время богослужения – царвучи; 10) группа музыкантов, как правило, из числа манджи.

Кроме того, в штате хурула обязательно имелись: эмчи – лекарь, в обязанность которого входили не только лечение, изготовление лекарств, но и обучение манджиков тибетской медицине; зурхачи – астролог; зурачи – живописец[27].

В Калмыцком ханстве крестьянство полностью находилось в феодальной зависимости. Основное зависимое население относилось к податному сословию (албату), которое можно в какой-то степени сравнить с государственными крестьянами, а с вотчинными – абганеров и котчинеров, с церковными (ламаистского духовенства) – шабинеров. Существовали и другие категории феодального зависимого люда. Среди них немаловажную роль играли проживавшие в хозяйстве феодала и полностью эксплуатировавшиеся хозяином цоохоры.

Другая категория феодально-зависимого человека – холопы, рабы (китад, мухулы), которые с точки зрения закона не являлись субъектом права (ст. 99 "Великого Уложения" 1640 г. гласила: "рабыня-свидетельница не принимается во внимание").

В начале XVIII в. наблюдается заметное влияние на организационное строение калмыцкого войска структуры российской армии. Крупным воинским соединением в калмыцком войске стала дивизия (хошун), и ее командиром был правитель улуса (хошучи). Полком (заланом), состоявшим из эскадронов (сулунов), командовал зайсанг.

Основные принципы взаимоотношений России с Калмыкией особенно ясно проявлялись в главном направлении их сотрудничества – военном. Согласно договоренности к правителю Калмыкии, как отмечал историк К.П. Шовунов, поступал сверху царский указ о необходимости предоставления военной силы калмыков на театр военных действий, однако возможность и сроки его реализации решались ханом с правителями улусов.

Царская администрация после получения положительного ответа направляла на переговоры к хану своих военных представителей высокого ранга для определения конкретных сроков сбора войска и его количества.

Рассмотрев и согласовав с представителями центра все детали, хан издавал указ для улусных нойонов о комплектовании войска, месте его сбора и маршруте движения.

Особенность и характер этого сотрудничества достаточно раскрывают сущность их взаимоотношений, основанных на принципах сюзеренитета, но в данном случае вассал (хан) в пределах своей территории обладал иммунитетом. Вассалами хана были правители улусов.

Калмыки, окончательно войдя в состав России, образовав свою государственность, в первые же годы начали активно защищать интересы и безопасность Российского государства. К этому времени близилась к концу русско-польская война, но переговоры между воюющими сторонами затягивались (длились с июля 1664 до начала января 1667 г.). Вплоть до подписания Андрусовского перемирия (30 января 1667 г.) не прекращались военные действия между Польшей, Крымским ханством и Правобережной Украиной, с одной стороны, и Россией и Левобережной Украиной – с другой. На завершающем этапе войны калмыцкой коннице придавали особое значение, и обе противоборствующие стороны достойно ее оценивали. Польская делегация в ходе переговоров в 1664 г. пыталась шантажировать русскую делегацию тем, что калмыки и астраханские татары могут присоединиться к крымскому хану, тогда "сами рассудите: когда мы со всеми этими государями соединимся, то вам придется плохо"[28].

Между тем в первой половине мая 1665 г. в сопровождении думного дворянина Я.Т. Хитрова 17-тысячный отряд калмыков прибыл в Левобережную Украину на помощь русским войскам и запорожским казакам. Одна часть калмыцких всадников, в количестве 10 тыс., была направлена против польских войск к Белой Церкви, их появление оказалось полной неожиданностью для поляков. Гетман И. Брюховецкий в своей отписке от 25 мая 1665 г. царю Алексею Михайловичу писал, что калмыки поляков "так знатно поразили, что едва с табором к Белой Церкви, таборище загеши, утекли", а калмыки, взяв богатые трофеи, "щастливо назад возвратились". А другая группа, в составе 7 тыс. всадников, вместе "с запорожцы были под Перекопом, и крымских людей побили, и полон (русских и украинских пленников) многой отбили и добычу себе многую учинили"[29]. Поэтому крымский хан Магмет-Гирей не случайно не раз заявлял, что "от калмыков крымские люди добре страшны" и он не может послать свои войска за пределы

своих владений, так как "опасен приходу калмыков и запорожских казаков в Крым"[30].

Активные боевые действия калмыцкой конницы являлись одним из весомых аргументов русской делегации при переговорах с поляками о союзе в связи с угрозой нападения на Россию Турции и Крыма после Андрусовского перемирия. В октябре 1667 г. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, глава Посольского приказа, говорил полякам, что "от бусурманского прихода царского величества войска готовы, ...калмыки также наготове"[31].

В ходе октябрьских переговоров глава иностранного ведомства России А.Л. Ордин-Нащокин пообещал полякам, что "для отвлечения сил неприятельских калмыки и донские казаки будут воевать Крым"[32]. Действительно, уже в следующем году объединенные силы запорожских и донских казаков и калмыков нанесли Крыму ряд серьезных поражений, только в одном походе было побито около 3 тыс. и взято в плен 500 татар, "а после третьего похода ходил четвертым на город Бахчисарай"[33].

В это время в Калмыцком ханстве произошли важные политические события, положившие начало новому этапу его развития. В 1669 г. умер правитель Калмыцкого ханства Мончак, основавший вместе со своим отцом, Дайчином, феодальное государство в составе России. По наследству и устному завещанию управление ханством перешло к его старшему сыну, 27-летнему Аюке. Его правление начиналось в довольно сложной обстановке как в России (агрессивная политика Турции и Крыма, предательство гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко, волнения под предводительством С. Разина), так и в самом ханстве (сепаратистские выступления двух тайшей – Дугара и Бока, борьба с хошоутовским правителем Аблаем, прибывшим на Яик из Джунгарии, а также за возвращение под свою власть едисанских, ембулуцких, ногайских мурз).

Молодому правителю Калмыкии Аюке удалось за довольно малый срок (1669–1671) победить своих соперников (разгромил и пленил тайшу Дугара и его сына Церена, отправил их в Астрахань, нанес поражение и пленил тайшу Аблая), преодолеть сепаратистские тенденции, вернуть в свое подданство указанных мурз, укрепить ханство. В результате этой борьбы к Калмыцкому ханству были присое-

динены улусы калмыцких тайшей Дугара и его сына Церена, Аблая, возвращены улусы Дайчина, деда Аюки, Кунделена-Убаши, захваченные Аблаем. Кроме того, в 1671 г. Калмыцкое ханство пополнилось еще тысячью кибитками, прикочевавшими из Джунгарии, родной сестры Аюки Доржи-Рабдан, муж которой, Очирту-Цецен-хан, правитель джунгарских хошоутов, был там убит[34]. Но в 1669–1670 гг. от ханства отделились ряд улусов торгоутских владетельных князей Дугара и Бока и откочевали на Дон и к Азову. Здесь следует сказать, что улус Бока остался в войске Донском и стал основателем донского казачьего поселения калмыков[35].

После того как упрочились позиции Аюки в Калмыкии и он получил признание в монголоязычном мире, царская администрация решила закрепить его статус правителя ханства новой шертной записью. По инициативе царской администрации (Посольского приказа, Калмыцкого приказа, с одобрения Боярской думы) 27 февраля 1673 г. состоялась церемония (на правом берегу Волги, недалеко от Астрахани, у речки Соляной) дачи шертной записи тайшой Аюкой царю Алексею Михайловичу перед высокопоставленными государственными чиновниками (одно из главных лиц в управлении государством – воевода, боярин князь Яков Никитич Одоевский, стольник князь Иван Михайлович Коркодинов, полковник Василий Лаврентьевич Пушечников, дьяк Петр Самойлов).

Эта была первая шертная запись, данная правителем Калмыкии после шерти Мончака от 9 декабря 1661 г. Важно отметить, что шертная запись от 27 февраля не была ни договорным, ни обязательственным новым документом, а подтверждала, подкрепляла шерти, ранее данные тайшами Дайчином и Мончаком. Следующая особенность заключалась в том, что тайша Аюка в присутствии двоюродных братьев Назара Мамута и Мелюша, лично присягнул царю Алексею Михайловичу от имени всего народа Калмыкии, от имени братьев, владетельных князей, ногайских, едисанских, ембулуцких, малибашских и кемчинских мурз быть, как его дед Дайчин и отец, Мончак, "в вечном подданстве и в послушанье". Однако в документе ясно было подчеркнуто, что "государское повеление исполняли мой Аюкаев дед Дайчин, и отец мой Мончак тайши... на его государских

неприятелей ходили по своей шерти и договором"[36], т.е. хотя было принято подданство, но взаимоотношения между Россией и Калмыкией строились на добровольных договорных началах. Поэтому согласно новой шертной записи, можно сказать, статус Калмыкии не изменился. Хотя она оставалась "в вечном подданстве и в послушанье", царская администрация во внутренние дела ханства не вмешивалась, по обоюдному согласованию сношение осуществлялось через "посыльщиков по указу великого государя" и "посланных" Аюкой к царю, боярам и воеводам.

В качестве главной устанавливалась военная сфера сотрудничества: "...его Великого Государя повеление будет, войною ходить.., а на Крым и на Крымские улусы и на иных его Государских непослушников ходить безо всякого мотчанья". В связи с этим предусматривалась возможность выступлений в поход "одним или с своими Великого государя ратными людьми вместе"[37]. Однако документ свидетельствует, что царская администрация настойчиво искала такие формы отношений, которые обеспечивали бы исполнение повелений государя, характерных для зависимых от него. Особое внимание обращалось на исключение возможных связей Калмыкии с другими государствами. В шертной записи от 27 февраля по обоюдному согласию калмыки брали обязательство "с Турским Салтаном, и с Кизылбашским Шахом, и с Крымским Ханом, и с Азовским Беем, и с Темрюки, и с Табаны, и с Бесленейцы, и с Кумыки, и иных разных вер с иноземцы... в ссылке, и в соединенье, и в миру не быть, и ружьем и лошадьми их не ссужать, и людей в помочь не давать"[38].

Отличительная особенность шертной записи от 27 февраля 1673 г. от предыдущих заключалась в том, что она была составлена в соответствии со всеми требованиями правовых документов. Проект этого документа, как и в обычном порядке, был подготовлен в Калмыцком приказе и согласован с Посольским приказом (глава – боярин князь Артамон Сергеевич Матвеев), а затем представлен к слушанию на Боярской думе. После повторного слушания на Боярской думе уже с участием царя Алексея Михайловича, надо предполагать, проект получил одобрение и рекомендацию (указание) к подписанию.

Шертная запись была скреплена подписями представителей обеих сторон, а также личной печатью Аюки и малой

государственной печатью Посольского приказа, предназначенной для скрепления жалованных грамот[39]. Шертная запись имела юридическую силу закона, поскольку она была составлена с соблюдением всех требований и элементов (реквизитов) формуляра (наименование, авторы, заголовок, содержание, подписи и печати). Поэтому данный документ, как имеющий юридическую силу и носящий договорной характер, был опубликован в 1830 г. в первом томе Полного собрания законов Российской империи под номером 540.

Верный своим обязательствам, Аюка не прекращал военные действия против турок и крымских татар. В июле 1670 г. командир объединенного отряда донских и запорожских казаков и калмыков И. Серко сообщал белгородскому воеводе Г.Г. Ромодановскому, что "...калмыки на Перекоуп у Крым увойшедши, неприятелям нашим много беды учинили". Особенно успешно выступали калмыки совместно с казаками в летних кампаниях 1672 и 1673 гг. В августе 1672 г. калмыки вместе с казаками под Азовом "истребили много турок" и "около 400 взяли в плен да угнали 9 тысяч голов скота". А летом 1673 г. 5-тысячный отряд калмыцких воинов участвовал совместно с казаками "над турецкими войсками и над Крымом". Калмыки не только участвовали в совместных походах с казаками, но и предпринимали по поручению царской администрации самостоятельные выступления. Весной 1673 г. Аюка направил большой отряд калмыков "в Крым войною, и те... его калмыки... Мелебашев Крым и улусы воевали"[40].

Во второй половине XVII в., как известно, продолжался процесс укрепления Российского государства как единого и централизованного, и в его форме правления наметилась тенденция перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной. В этих условиях постепенно вносились изменения в правовое положение национальных районов России и в их взаимоотношения. Если ранее заключаемые договорные акты оформляли, уточняли, закрепляли и подтверждали принятие калмыками российского подданства, то шертная запись 1677 г. внесла новые элементы в правовое положение Калмыкии, как находящейся в составе России. Поэтому в 1677 г. администрация России не случайно потребовала от правителя Калмыкии

новой шерти, хотя со времени предыдущей прошло всего три–четыре года.

Поводом для составления нового документа стало восшествие в январе 1676 г. на престол Федора Алексеевича, а также вновь прибывшие в пределы Калмыкии пять улусов во главе со своими тайшами Дояном, Сереном, Долем, Баушем, Шараповым. А причинами, ускорившими появление шерти, стали прокатившиеся серьезные крестьянские восстания в Поволжье, несоблюдение отдельными владетельными князьями некоторых пунктов шертной записи 1673 г. В условиях обострившихся отношений России с Турцией из-за Украины, начавшейся с ней новой войны требовалось, видимо, более прочно закрепить прежние договорные обязательства калмыков участвовать в войне и не вступать ни в какие отношения с Турцией и Крымом.

Но на самом деле истинная причина заключалась в необходимости отразить новые основные моменты в правовом положении Калмыкии и ее населения. Шертная запись, данная 15 января 1677 г. тайшами Аюкой и Замсой царю Федору Алексеевичу перед астраханским воеводой окольничим князем К.О. Щербатовым, думным дворянином К.О. Хлоповым, дьяками С. Румянцевым и А. Симоновым, вносила принципиальные изменения не только в отношения обеих сторон, но и в статус Калмыкии. В этом правовом документе калмыцкие тайши, подтвердив прежние обязательства (в первую очередь в военной сфере), впервые лично дали клятву "быть под Самодержавною их Государскою высокою рукою в вечном подданстве, навеки неотступным". В соответствии с данным положением в шертной записи фиксировалось, что Калмыкия вступает в "совершенное повиновение Российской державе" и ее правитель будет "грамоты принимать встав и сняв шапку, с великою честью", а также "Его Государское повеление во всем исполняти"[41].

Следует отметить, что шертная запись 1677 г. существенно ограничивала внешнеполитические связи Калмыкии, вводя контроль за ее внешними сношениями. По этому документу правитель Калмыкии обязан был докладывать российскому царю о чужеземных послах, посланниках, посредниках, прибывающих в Калмыкию, о содержании полученных писем, посланий и "безо всякого мотчанья... те при-

сланные письма посылать к Великому Государю", а послов "отпускать их и листы писать с его государского повеления"[42]. Анализируя эти пункты, вполне можно согласиться с мнением профессора Н.Н. Пальмова, писавшего о том, что царской администрацией была сделана попытка свести положение Калмыкии во второй половине XVII в. в вопросах внешних сношений до уровня "своих прямых подданных"[43].

По содержанию документ был не только обязательственного характера, но и договорного: «По нынешнему нашему новому договору, как мы ныне договорились и в статьях положили: "...жить с Его Государскими людьми в миру и в совете" и "с русскими людьми и с иноземцы под Астраханью нам торговать, против прежнего Великого Государя улуса, безо всяких ссор и задоров"»[44]. Кроме того, впервые в этом официальном документе обе стороны гарантировали, что не будут препятствовать принятию желающими калмыками православной христианской веры[45]. Если этот факт рассматривать с позиций историзма, то следует сказать, что в 60–70-е годы XVII в. это была не только политика царской власти, поскольку новая национальная, социальная среда уже начала втягивать калмыков в экономические, торговые, бытовые отношения с русскими. У калмыков стала исчезать былая отчужденность, и они почувствовали себя равными с другими народами России, в том числе и в выборе вероисповедания. Не исключено, что принятие калмыками православия позволяло в значительной мере упростить совершение различных сделок между ними и русскими людьми[46].

В ходе русско-турецкой войны 1677–1681 гг., в июне 1677 г., 100-тысячная турецкая армия (в том числе 40 тыс. татар) под командованием Ибрагима-паши вторглась на территорию Правобережной Украины и вновь в начале августа осадила город Чигирин, бывшую ставку атамана П.Д. Дорошенко. В крупном сражении под Чигирином вместе с казаками участвовал 3-тысячный отряд калмыков, а в следующем году на Чигиринских высотах калмыцкие отряды в количестве 5 тыс. человек воевали в составе армии под командованием князя К.М. Черкасского. Активно участвовали значительные силы калмыцких конников в военных сражениях 1678–1680 гг.[47]

В 1678 г. с Польшей был заключен мир на 13 лет, который вступал в силу с 1680 г. В январе 1681 г. был подписан Бахчисарайский мирный договор с Турцией и Крымским ханством, установивший перемирие на 20 лет. Но в это время еще продолжалась в Южной Сибири борьба с киргизами.

Однако в эти годы, несмотря на принятие тайшой Аюкой и царской администрацией обоюдных обязательств, обе стороны допускали нарушения отдельных пунктов шертной записи, что приводило к серьезным недоразумениям. Царская администрация длительное время не предпринимала каких-либо реальных шагов по предотвращению набегов башкирских мурз, особенно в годы их волнения, и донских казаков на калмыков[48]. Все же царская администрация в ходе войны вынуждена была приступить к улаживанию отношений между калмыками и казаками. По этой проблеме астраханскому воеводе были направлены две грамоты: в первой, от 2 февраля 1678 г., предлагалось убедить казаков, чтобы они "с калмыками ссор и задоров не чинили и войною на них не ходили". Вскоре взаимоотношения между ними были урегулированы, и донской казак Ф. Минаев писал в Москву, что с калмыками донские казаки "ныне в миру и задоров между них никаких нет... многие калмыки и пригнали на продажу быки и овцы и на Дону меняли на запасы и вино". В дальнейшем он еще раз подтвердил, что с Аюкой и другими тайшами "помирились вечным миром" и организовали совместный поход калмыцко-казачьего отряда во главе с Мазан-Батыром и Василием Пятиизбенским на крымскую сторону[49].

Однако в начале 80-х годов XVII столетия внутренние и внешние обстоятельства заставили царскую администрацию вновь вернуться к вопросу о соблюдении договорных обязательств. Одна из причин заключалась в том, что Калмыкия стала проявлять самостоятельность во внешнеполитических делах (сближение с Крымским ханством). В целях нормализации отношений с Калмыцким ханством царская администрация предприняла ряд мер. В первую очередь было дано указание воеводам ряда городов Поволжья, Дона запретить набеги казаков на калмыков. Все дела по ведению отношений с калмыками были сосредоточены в Посольском приказе (думный дьяк Ларион Иванович Иванов). Непосредственно калмыцкими делами занимался думный

дьяк И.С. Горохов, неоднократно побывавший в калмыцких улусах и достаточно представлявший обстановку в Калмыкии.

Поэтому в течение двух лет (в 1681 г., незадолго до смерти царя Федора Алексеевича, и в 1683 г.) тайша Аюка принес две шерти. В связи с возобновлением набегов казаков и башкир в условиях московской смуты (стрелецкие волнения, внутридинастические распри) по инициативе Аюки в марте 1681 г. состоялась церемония подтверждения условий последней официальной шертной записи перед астраханским воеводой окольничим Матвеем Степановичем Пушкиным. Основная цель шерти 1681 г. заключалась в обеспечении соблюдения обеими сторонами договора и не допущении сближения калмыков с Крымским ханством. Никаких новых условий документ не содержал и не относился к категории нормативных. Поэтому он не был включен в Полное собрание законов Российской империи.

Вторая шерть (от 24 января 1683 г.) была принесена Аюкой по указу великих государей Ивана и Петра Алексеевичей на втором году их царствования перед астраханским воеводой бояриным князем Андреем Ивановичем Голицыным, представителем центральной власти окольничим князем Никитой Ивановичем Примаковым, вторым воеводой думным дворянином Степаном Богдановичем Ловчиковым. Аюка от своего имени и имени брата Замса, тайши Серена, своих братьев, детей, племянников и внуков подтвердил "старшему" и "младшему" царям "быть под высокодержавною рукою в подданстве на веки неотступно"[50].

Из содержания шертной записи 1683 г. видно, что необходимость принятия этого документа, озаглавленного "О подданстве его Российским государям, о содержании в ненарушимости договорных статей, о бытии ему в походах противу неприятелей России, о нечинении разорения Российским городам и людям, о невступлении в сношение с бунтовщиками, об отсылке в Москву писем и послов из Крыму и об отпуске Российских пленников без задержания", была продиктована не только допущенными нарушениями условий предыдущей шерти, но и вступлением на престол "старшего" и "младшего" царей. Большей частью в новом документе были повторены обязательства обеих сторон, изложенные в шерти 1677 г. Но в нем было добавлено,

что калмыки "с изменники Башкирцы в Казанские и в Уфимские уезды ходили, также и под иные Украинные города и села и деревни разоряли... и будет впредь... к воровству их не соединяться..."[51]. Кроме того, упоминалось о том, что дед Аюки Дайчин, отец Аюки, Мончак, "во всем их царское повеление исполняли безо всякой шатости". Впервые определялись суровые меры наказания, вплоть до смертной казни, зачинщикам в нападении и разорении русских сел и городов, в угоне людей в плен. Вместе с тем царская администрация стремилась все проблемы взаимоотношений разрешать мирным путем, для того чтобы привлечь калмыков к совместной борьбе с врагами, а также не допустить возможного их ухода за пределы России.

К этому времени благодаря усилиям царской администрации стали стабилизироваться взаимоотношения калмыков с казаками, другими народами Поволжья. Как показали последующие события, уже в спокойной обстановке калмыки во главе с Аюкой успешно несли государственную службу по защите южных границ России и борьбе с ее врагами, активно участвовали во всех войнах конца XVII – начала XVIII в.

В целях обеспечения безопасности южных границ Россия в 80–90-е годы XVII в., как известно, предприняла несколько попыток выйти к Черному морю. Первой победой русского оружия над турками стало взятие крепости Азов в июле 1696 г. В азовском сражении приняли участие калмыцкие конники совместно с донскими казаками и московским полком в авангарде генерала Патрика Гордона. Второй 3-тысячный отряд калмыков вошел в состав большого полка воеводы боярина Алексея Семеновича Шеина, удостоенного Петром I самых высоких наград за эту кампанию. Отмечая заслуги калмыцких воинов во взятии Азова, царь приказал выдать "Аюки и иным тайшам и улусным людям из приказу Казенного дворца... десять партищ объярей разных цветов, мерою по 5 аршин...", а рядовым калмыкам, как и всему рядовому составу, выдали по золотой копейке[52].

Придавая важное стратегическое значение Азову, хотя он был значительно разрушен ("понеже фортеция Азова разорена внутри и выжжена до основания"), 20 октября 1696 г. на "Преображенском сиденье с боярами о делах"

приговорила: в Азов направить из низовых городов 3 тыс. семей, а также "коннице быть 400 с калмыками"[53].

Завершив первый этап укрепления южных границ, Петр I обратил свой взор на запад. В марте 1697 г. царь отбыл за границу в составе так называемого Великого посольства. Уезжая на полтора года, управление государством Петр I поручил трем знатнейшим людям: боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексеевичу Голицыну и князю Петру Ивановичу Прозоровскому, а охрану юго-восточных границ государства официально возложил на хана Аюку под руководством князя Б.А. Голицына. В предписании, данном Петром I перед отъездом, указывалось: "1. В случае похода против Бухарцев, Каракалпаков, Киргиз-кайсаков снабжать хана Аюки артиллерию с достаточным количеством ядер и бомб. 2. Указами предписать в Уфу, на Яик и в Донские городки, чтобы казаки и Башкирцы не заводили ссор с калмыками и запретить им сие под смертною казнию. 3. Ежегодно давать хану Аюки по 20 пудов пороха и 10 пудов свинца"[54]. В соответствии с данным поручением царя Б.А. Голицын в июле 1697 г. выехал на встречу с ханом Аюкой и заключил с ним договор. Согласно условиям договора в том же месяце были разосланы воеводам Поволжья и Дона грамоты "не чинить обид и тесноты" Аюке, а, наоборот, оказывать ему помощь в борьбе с кубанскими и крымскими татарами.

Хан Аюка успешно справился с поставленной задачей. Когда крымские татары возобновили в 1698 г. набеги на пограничные русские земли, туркам и татарам был нанесен ощутимый урон. Придя на помощь гарнизону Таванской крепости, "российские калмыки и, многих положа на месте, принудили с великим страхом оставшихся к бегству", осталось на месте "только одних убитых около 4000 человек". Дважды (в 1698 и 1700 гг.) калмыки совместно с казаками нанесли поражение крупным отрядам татар Казиевского улуса[55].

Упрочение позиции Аюки в своем ханстве и в России способствовало повышению его авторитета в мире монголоязычных народов, который был признан и ламаистской церковью Тибета. Юридическое оформление духовной властью высокого положения Аюки как руководителя государства произошло в 1690 г., когда Далай-лама возвел его в

ранг хана (хан цоло) и вручил ему грамоту (документ о статусе) и ханскую печать (тамги)[56]. Однако центральной властью России Аюка стал официально признаваться ханом лишь, как выше отмечено, с 1697 г. В переписке правительственных и губернских учреждений до 1710 г. он иногда именовался ханом, а большей частью к нему обращались как к правителю, тайше.

В 1700 г. Петр I, подписав в Стамбуле перемирие с Турцией на 30 лет, заключил с Данией и Польшей союз против Швеции, а 9 августа объявил ей войну. В декабре 1701 г. боярин Борис Петрович Шереметев нанес первое значительное поражение шведам в Прибалтике. Но до начала этого крупного сражения Б.П. Шереметев активно использовал калмыцкую конницу. В мае калмыцкая кавалерия вместе с драгунским полком разбила внушительные силы шведской конницы и пехоты, захватила две пушки, три знамени и пленных, а в августе отдельное подразделение калмыков разгромило большой отряд противника ("доказательством чего были привезенные ими в главный лагерь 300 шведских ружей, за которые монарх повелел выдать деньги")[57]. В конце 1701 г. генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев нанес шведам еще одно тяжелое поражение, захватив 8 пушек, 16 знамен, 1500 человек пленных. Перед этим сражением Б.П. Шереметев послал в обход противника калмыков и легкую конницу, которые стремительным и неожиданным ударом в тыл заставили шведов поспешно отступить.

В июле 1702 г. Б.П. Шереметев с 30-тысячной армией, действуя в Прибалтике, выступил против армии шведского генерала Шлиппенбаха, у которого было около 8 тыс. человек. 18 июля шведы потерпели сокрушительное поражение. В этой и последующих битвах принимали участие и калмыки: во взятии городов Вольмар 14 августа 1702 г., Алыст 25 августа, Орешек 12 октября, Дерпт 13 июля 1704 г., Нарва 9 августа, крепостей Копорье и Ямбург в 1703 г.

В 1705 г. положение на западном направлении несколько осложнилось: нуждался в усиленной поддержке польский король Август II; потерпел поражение Б.П. Шереметев от шведского генерала Адама Левенгаупта; начался бунт в Астрахани, в подавлении которого наряду с регулярной армией под командованием фельдмаршала Б.П. Шере-

метева участвовала "многотысячная калмыцкая конница тайши Аюки"[58]; шведский король Карл XII двинулся в поход на Гродно. В этих условиях Петр I проводит очередной рекрутский набор, в том числе и калмыков, в целях укрепления юго-западной границы, передвигает армию на запад. В августе 1706 г. прибыл 8-тысячный отряд калмыков и яицких казаков в Киев, где в это время находились Петр I и А.Д. Меншиков. 18 октября А.Д. Меншиков под Калишем (Калицем) разбил 28-тысячную шведскую группировку во главе с генералом Мардефельдом, который был пленен вместе с 4735 солдатами и офицерами. На поле битвы осталось убитыми более 6 тыс. человек. Калмыки в этом бою вместе с московской конницей бились на правом фланге под непосредственным командованием А.Д. Меншикова[59].

1707 год оказался для России сложным: с запада нависла угроза нападения Карла XII, а на востоке продолжался большой бунт башкир, татар, чувашей, удмуртов), поднялось восстание казаков во главе с К.А. Булавиным. Казанский вице-губернатор Н.А. Кудрявцев писал царю 7 января 1708 г.: "Башкирское воровство умножается, и татары Казанского уезда многие пристали, и многие пригородки закамские..." В январе 1708 г. стольник Иван Бахметев получил приказ царя ехать к Аюке и уговорить его выслать 20 тыс. калмыков против башкирцев. И. Бахметев вынужден был разделить полученных воинов-калмыков на два отряда: 10 тыс. отправил под Саратов против восставших казаков, которых калмыки разгромили летом, а другие 10 тыс. отправились с Бахметевым на башкирцев[60]. Кроме того, в феврале 1708 г. астраханский воевода боярин П.М. Апраксин послал на помощь осажденной Терской крепости 1200 солдат, несколько сот верных татар и 3 тыс. калмыков. 26 февраля крепость была освобождена, а восставшие полностью разгромлены[61].

Петр I, внимательно следя за передвижением Карла XII, продолжал укреплять Санкт-Петербург, армию и координировать действия русских войск. В июне 1708 г. Карл XII переправился через Березину, и в начале июля произошла первая боевая встреча русских со шведами. 29 августа у местечка Доброе, на речке Черная Напа, русские войска под командованием генералов М.М. Голицына и Г. Флюка атаковали шведов. Об исходе этого сражения Петр I писал:

"По двучасном непрестанном огне Голицын и Флюк неприятелей сбили и с 3000 трупом, кроме раненых, положили, знамена и прочее побрали"[62].

В этих битвах в составе русской регулярной армии сражалась и калмыцкая конница. В бою со шведами, насчитывавшими 6 полков конницы и 4 тыс. пехоты, недалеко от Белина 22 сентября 1708 г. в составе русского корпуса, в котором было 10 тыс. регулярных войск, под командованием генерала Р.Х. Боура приняли участие 6 тыс. калмыков. Остроградский королевский полк, возглавляемый Карлом XII, был окружен калмыками и полностью уничтожен. Сам король чудом спасся от плена. Вплоть до Смоленска калмыки вместе с русскими конными частями вели арьергардные военные действия с наступающими войсками противника, изматывая его силы и нанося ему серьезный урон[63].

Карл XII, не дождавшись генерала Левенгаупта, как известно, 14 сентября повернул к Украине. Группировка Левенгаупта была настигнута Петром I 27 сентября 1708 г. недалеко от города Пропойска, при деревне Лесной. 28 сентября шведы потерпели сокрушительное поражение. Петр I писал приближенным: "...оного неприятеля сломив, побили наголову, так что трупом с 8000 на месте осталось (кроме что по лесам от ран померло и калмыки побили); обоз весь, с 2000 телег, 16 пушек, 42 знамя и поле осталось нам... достальные шведы побежали вниз по реке Соже и в шести милях вплавь за реку переплыли, за которыми сзади калмыки гнали и зело много побили"[64].

В это же время, в конце 1708 г., царь, беспокоясь о безопасности южных границ, поручил казанскому губернатору Петру Матвеевичу Апраксину встретиться с ханом Аюкой и убедить во "всегдашнем его при Волге пребывания и защищении низовых городов от всех неприятелей". Основным условием договора явилось то, что "он, Аюка-хан, говорил и обещал великому государю служить до смерти своей во всякой верности непременно и кочевки улусов своих от Волги реки он, Аюка-хан, отходить не будет". Вместе с тем в связи с просьбой П.М. Апраксина Аюка пообещал направить на Северный Кавказ 5-тысячный отряд во главе со своим сыном Чакдоржапом[65].

Одним из генеральных сражений в Северной войне 1700–1721 гг., как известно, была Полтавская битва, состо-

явшаяся 27 июня 1709 г. Готовясь к этому сражению, Петр I принимал все меры для увеличения и оснащения армии, в том числе и нерегулярной части войска, особенно кавалерии. В связи с этим он дал указание казанскому губернатору П.М. Апраксину, чтобы он приложил все усилия, "дабы от Аюки получить... к майю месяцу... к главной армии калмык... тысячи три". Однако конный отряд в количестве 3300 человек во главе с сыном хана Аюки Чакдоржапом несколько задержался в пути по вине сопровождавшего стольника И. Бахметева, так как он распорядился выступить против действовавшего в районе Бузулука отряда булавинцев. Этот калмыцкий конный отряд, надо полагать, был дополнительно запрошен к тем частям, которые действовали в составе регулярных русских войск. Для преследования и пленения остатков шведской армии, как известно, Петром I был сформирован специальный сводный отряд, в состав которого вошло и "легкое конное войско калмыков, бывшее при фельдмаршале-лейтенанте Гальце...". Еще накануне Полтавской битвы калмыцкие конные отряды вместе с казаками, частями регулярного войска участвовали в нападениях на шведов[66].

В эти же годы, как отмечалось выше, калмыцкие отряды также принимали участие в укреплении внутреннего положения Российского государства. В 1709 г. по указанию царя хан Аюка усмирил кубанских горцев – кумыков, перешедших на сторону Турции, и вернул их в российское подданство[67].

В то время когда Аюка участвовал в решении российских проблем, не совсем благополучно обстояли дела в его ханстве: начались распри в родственном клане, брожение среди владетельных князей, отразившиеся на обстановке в улусах, напряженные отношения складывались также с соседними народами в связи с активным привлечением царской администрацией калмыков к подавлению восстаний. Кроме того, в начале XVIII в. несколько осложнились отношения с Джунгарским ханством, которое охотно принимало откочевавших от Аюки владетельных тайшей. Цэван-Рабдан, правитель Джунгарии, несмотря на неоднократные требования Аюки, не вернул 15–20 тыс. кибиток, которые он отобрал у сына Аюки хана Санчжаба, прикочевавшего в 1701 г. в Джунгарию.

Китай в своей борьбе с Джунгарским ханством решил воспользоваться ухудшившимися отношениями между Джунгарией и Калмыцким ханством. С этой целью в 1712 г. в Калмыкию прибыло цинское посольство. Его миссия не увенчалась успехом, не удалось склонить Аюку к выступлению против Джунгарского ханства.

Хан Аюка, заручившись поддержкой царской администрации и закрепив ее новым договором в 1710 г., начал прежде всего с усиления центральной власти. Он официально объявил в 1714 г. старшего сына, Чакдоржапа, своим преемником и в подтверждение передал ему ханскую печать. Значительно укрепилась власть Аюки с прибытием в 1718 г. на Волгу из Лхасы видного ламаистского деятеля Шахур-ламы, занявшего пост верховного ламы Калмыцкого ханства[68].

Первым юридическим документом, где Аюка, правитель Калмыкии, титуловался ханом, был договор "О подданстве хана Аюки со всеми тайшами и с людьми его Российскому государю", подписанный 5 сентября 1710 г. от имени государя России казанским и астраханским губернатором боярином П.М. Апраксиным и от Калмыкии ханом Аюкой, тайшами Чеметом, Четером и Дондук-Омбо[69]. Этот документ, опубликованный в четвертом томе (№ 2291) Полного собрания законов Российской империи, отличался от шертных записей не только по структуре (текст имеет заголовок и разделен на шесть статей, есть подписи и печати губернатора и хана), но и конкретностью и направленностью содержания, иными формами обращения друг к другу договаривающихся сторон. С 1683 г., как видим, калмыцкие тайши уже не давали шерть. Проблемы взаимоотношений стали регулироваться договорами, письменными и устными, заключавшимися крупными государственными чиновниками от имени царя. Появление этого договора, скорее всего, не следует считать случайностью. В декабре 1708 г. в России была проведена административно-территориальная реформа – было создано восемь губерний, в том числе Казанская во главе с Петром Матвеевичем Апраксиным. В состав этой губернии вошли территории кочевий калмыков. Поэтому по инициативе нового губернатора, являвшегося командующим всеми войсками, расположенными в губернии, отвечавшего за безопасность региона, надо полагать,

появился договор. Основное его назначение вытекало из общей внешней политики Петра I, когда он, при ослаблении своих позиций на западе, углубился в южные степи. Кроме того, договор, как отмечено выше, удовлетворял и интересы Аюки.

В договоре от имени государя были признаны заслуги хана Аюки в защите южных границ и русского населения, отмечена его верная служба Российскому государству. Петр I, выразив удовлетворение службой калмыков, значительно увеличил жалованье хану Аюке и его тайшам, выделил пороху и свинца, обещал и впредь оберегать и охранять Калмыкию от внешних врагов. Содержание первой статьи и ответ хана Аюки, "что он великому государю служить обещался до смерти своей, во всякой верности...", свидетельствовали об упрочении отношений России с Калмыцким ханством, закрепляли особый статус Калмыкии как государства, хотя и вассального типа, в составе Российской империи.

В основном договор 1710 г., в условиях назревающей войны с Турцией и Крымским ханством, был посвящен военному союзу, объединению усилий обеих сторон на обеспечение безопасности городов Казанской губернии, Поволжья, Дона, а также и Калмыцкого ханства, упрочению установившейся дружбы и "названного братства". Впервые в этом документе на государственном уровне признавалось, что Аюка является владетельным ханом "над многими степными ордами"[70], имелись в виду ногайские, едисанские, ембулуцкие, малибашские мурзы.

Следует отметить, что к этому времени отношения России с калмыками развивались уже на протяжении более 100 лет. Верность калмыков была проверена в сражениях с врагами России. Поэтому она рассчитывала на калмыков в предстоящей войне с Турцией. Особое значение придавалось калмыцкой коннице на Азовско-Кубанском направлении, в борьбе с крымскими татарами. Поэтому в договоре (статье) от 5 сентября 1710 г., в целях приближения калмыков к театру будущих военных действий Аюка обещал послать "к Дону против Манацкого городка, которой недалеко от Черкасского, калмык с двумя тайшами с Чеметем Батырем, да Четерем Мункотемировым сыном, кочевать 10 000 человек"[71].

Этот 10-тысячный отряд в последующем, в январе 1711 г., стал главным сдерживающим фактором выступления кубанских татар на помощь крымским татарам. Кроме того, в июне 1711 г. Аюка направил в распоряжение генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина, организатора обороны Азовско-Кубанского направления, 20,5 тыс. калмыков. Из них 14 тыс. во главе с Дондок-Омбо в составе драгун (3,5 тыс.) под руководством князя П.Г. Львова были посланы для преследования и уничтожения кубанских татар, потери которых убитыми и утонувшими были около 17 тыс. человек, пленными – около 3 тыс., захвачено верблюдов 2 тыс., лошадей 32,2 тыс., крупного рогатого скота 120 тыс., овец 227 тыс. голов. Затем калмыцкий отряд полностью уничтожил отряд кубанского мурзы Чар-Аслана, возвращавшегося из набега на города и села Саратовского и Пензенского уездов, освободил до 2 тыс. русских пленных[72].

Однако прутский поход русской армии, как известно, кончился неудачно. Россия вынуждена была подписать 12 июля 1711 г. невыгодный мир, по которому Турции возвращали Азов, разрушили Таганрог. Но подписание русско-турецкого договора давало возможность сосредоточить все усилия на продолжавшейся войне со Швецией, в результате которой должна была решиться основная задача того времени – утверждение России на берегах Балтийского моря. Северная война завершилась подписанием 30 августа 1721 г. Ништадтского мирного договора, по которому Швеция уступала России в полное "неотрицаемое вечное владение и собственность" Ингерманландию, часть Карелии, всю Эстляндию и Лифляндию с городами Рига, Ревель, Дерпт, Нарва, Выборг, Кексгольм, островами Эзель и Даго. Россия возвратила Швеции княжество Финляндское[73].

Удачно завершив Северную войну, Петр I вновь обратил свой взор на юг – на Каспийское море, западные и южные берега которого принадлежали Персии. Готовясь к персидскому походу, Петр I в мае 1722 г. выехал из Москвы в Астрахань, к месту сбора армии. 20 июня, по пути следования в армию, царь остановился в Саратове для встречи и переговоров с ханом Аюкой по вопросу участия калмыков в этом походе. Для предстоящей войны Петр I просил выделить 10-тысячный отряд калмыков. Но Аюка не располагал

такой возможностью, поскольку ханство еще не успело оправиться от предыдущих войн. В конечном счете Петр I согласился снизить численность калмыцкой конницы до 7 тыс. Во время этой встречи за верную службу Петр I преподнес хану Аюке почетную золотую саблю и пояс, усыпанный драгоценными камнями[74].

Уже в 1722 г. калмыцкие конницы активно включились в боевые действия против Персии. После заключения в сентябре 1723 г. Петербургского мирного договора между Персией и Россией калмыки продолжали нести военную службу. Они участвовали в строительстве крепости Святого Креста, охраняли, боролись с набегами крымских и кубанских татар.

Участие калмыков в русско-персидской войне, как отмечают историки, было их последним крупным вкладом в борьбу русских за укрепление южных государственных границ в период правления хана Аюки, умершего на 82-м году жизни 19 февраля 1724 г.

Следует отметить, что Петр I на Калмыцкое ханство смотрел не только как на военного союзника, но и как на экономического партнера. В целях развития экономических связей 28 ноября 1715 г. царем был издан указ "О дозволении Аюки-хану присылать к Москве для продажи лошадей без взятия по дорогам мостовщины". Указ в категорической форме запрещал местным властям взимать с калмыков пошлины ("мостовщины по дороге нигде не имать и обид не чинить"). Вторым крупным нормативным актом подобного рода был указ "О ежегодном отпуске провианта калмыцкому хану Аюке, и об освобождении посланцев его от платежа пошлины с товаров, при них находящихся, коих цена не выше 3000 рублей", подписанный Петром I в феврале 1719 г.[75].

2. Административная автономия Калмыцкого ханства (первая четверть XVIII – последняя четверть XVIII века)

Говоря о политике России по отношению к Калмыкии, следует, на наш взгляд, отметить, что царская администрация, хотя с военной точки зрения она была заинтересована в едином и сильном ханстве, не очень-то желала иметь "строптивого" вассала, пытавшегося вести независимую

политику и даже пользовавшегося определенным авторитетом на международной арене.

Поэтому правительство, во-первых, не препятствовало отделению и перекочевке некоторых калмыцких улусов на новые места (учитывалась также необходимость приближения калмыков к театру военных действий), а иногда этому способствовало (например, уход части калмыков в 1690 г. на Дон); во-вторых, оно стремилось создать благоприятные правовые условия для перехода калмыков в православие, которое в Петровскую эпоху превратилось в способ, идеологию, формирующие благонадежного гражданина. Вопрос о распространении христианства среди калмыков начал рассматриваться уже в договорных документах с 1677 г., и он оказался настолько важным, что даже обсуждался в 1725 г. в Сенате, который потребовал от астраханского губернатора А.П. Волынского активно проводить эту политику "ласкою, а не принуждением"[76]. Поэтому не случайно в 1726 г. фельдмаршал М.М. Голицын поддержал Баксадая-Доржи, одного из внуков хана Аюки, принявшего православие под именем Петра Тайшина[77]. Официальную политику царской администрации, которая активизировалась особенно со второй половины XVIII в., по обращению калмыков в православие следует, на наш взгляд, рассматривать как попытку разобщить нерусские народы, начать их духовное порабощение известным в истории методом – путем уничтожения в первую очередь коренной и привычной религии калмыков, которая была и есть не просто религия, в ней заложены обычаи, традиции, культура, духовные ценности народа. К середине XVIII в., как известно, было крещено 400 тыс. душ нерусского населения Поволжья.

Следующим шагом правительства, направленным на включение Калмыкии в систему единоуправляемости Российского государства, на овладение ситуацией в ней, стало установление неофициального и официального контроля за действиями правителей ханства. Петр I, воспользовавшись просьбой хана Аюки о защите калмыков от крымских и кубанских татар, башкир и каракалпаков, в середине 1715 г. направил в Калмыкию стольника Д.Е. Бахметьева с отрядом в количестве 600 человек. С этого времени (имея с 1709 г. опыт на Украине) наблюдается официальное наступление государственной власти России на суверенитет Кал-

мыцкого ханства. По инструкции Коллегии иностранных дел, данной стольнику Д.Е. Бахметьеву, командиру охраны хана калмыков, ему поручался "надзор за политическим поведением хана и калмыков". Бахметьеву прежде всего следовало "приводить хана посредством советов к тому, чтобы он был к его царскому величеству во всякой верности". Контролируя настроение и поведение хана, Бахметьев должен был секретно разведывать "и держать сие тайно" и, никому не объявлять[78], а также докладывать по инстанции. Одна из главных задач Дмитрия Бахметьева заключалась в том, "чтоб хан и калмыки его с турецкими подданными не ссорились и без указа государева не входили с ними в мирные договоры, пересылок тайных и письменных не имели"[79].

С этого времени в Калмыцком ханстве формируется полномочный представительный орган центральной администрации России – "Калмыцкие дела", – входящий в систему исполнительной власти (это Коллегия иностранных дел, Казанский губернатор, позднее астраханский губернатор), с функциями административного и надзирательного характера. Постепенно он стал активно вмешиваться во внутренние дела Калмыцкого ханства. Хан Аюка, поняв вскоре истинную роль Д.Е. Бахметьева, потребовал, чтобы он со своим отрядом был перебазирован в Саратов. Однако стольнику это не мешало выполнять свои функции по наблюдению за ханством.

Новая политика царской администрации по отношению к Калмыцкому ханству была отражена и в инструкции астраханскому губернатору Артемию Петровичу Волынскому, данной в июле 1720 г. Сенатом. А.П. Волынскому предписывалось проявлять к Аюке, ко всем калмыкам "доброе и ласковое обхождение, пересылку и корреспонденцию, со всяким учтивством, применяясь к их прежним обычаям, и смотреть того накрепко, чтоб им ни от кого никаких противностей и озлобления чинено не было, но наипаче трудиться их привесть в вящную верность и послушание к стороне Царского Величества". Особо в инструкции подчеркивалась необходимость "держать при них явно и тайно, при Аюке и сыне его Чавдержапе и буде мочно и потребно, при других главных владельцах, в которых сила есть, от себя людей, чрез которых бы о всем, что у них делается, он мог

выдать, и вредительное его Царского Величества интересам, престерегать; особливо же отводить их от дружбы с Турки, Першаны, с Крымцы и Кубанцы (а особливо, чтоб не имели дружбы и сообщения) и с Бахты Гиреем Дели-Солтаном и его единомышленники, и не делали б им никакой помощи и способов к нападению на его Царского Величества земли..."[80].

Кроме того, губернатору поручалось принимать все меры по защите калмыков от нападения "турских и других народов", по предотвращению "ссор с казаками Донскими, и Яицкими, и Гребенскими, и прочими Его Царского Величества подданными". Особая задача ставилась перед губернатором по организации принятия татарами и другими народами православной веры, по развитию торговли, экономических связей[81].

Одновременно царское правительство, все же еще учитывая силу и значимость Калмыцкого ханства, его конницы, стало предпринимать меры к подбору кандидата на ханский престол, который бы подчинялся и выполнял волю и указания администрации центра. Это поручение было возложено на капитана В.П. Беклемишева, назначенного в декабре 1722 г. на должность командира охранного отряда. Таким человеком, по мнению центра, был племянник хана Аюки Доржи Назаров, давший еще в 1722 г. реверс, согласно которому в обмен на ханский титул должен был отдать своего сына в аманаты.

В апреле 1724 г. после смерти хана Аюки, Сенат специально рассмотрел вопрос о положении в Калмыцком ханстве. В мае 1724 г. астраханский губернатор А.П. Волынский выехал в калмыцкие улусы, получив от Петра I указание во что бы то ни стало ("ласкою и подарками; если же и это не поможет, то действовать против них войском, как против неприятеля"[82]) избрать ханом Калмыкии Доржи Назарова, с которым была достигнута предварительная договоренность. Но он впоследствии сам отказался от этого предложения. Д. Назаров обосновал свой отказ А.П. Волынскому тем, "что по смерти хана Аюки по линии должно быть ханом сыну его Черен-Дундуку или ближним их фамилий, Дундуку-Омбо или Досангу, а я хотя и той же фамилии, но дальше их: итак, если я буду ханом, то они мне послушны не будут..."[83].

События показали, что царская администрация была заинтересована в слабом кандидате на ханский престол. А.П. Волынский, характеризуя одного из кандидатов, сына хана Аюки Церен-Дондука, глупым, в отличие от Дондук-Омбы, который может решать, действовать "без общего согласия", все же выбор свой остановил на первой кандидатуре.

В этом, по-видимому, немаловажное значение имело пожелание хана Аюки. В становлении его ханским наместником огромную роль сыграл Шахур-лама, говоривший А.П. Волынскому, "что и впредь императорскому величеству будет верен и никуда не уйдет, а если Церен-Дондук задумает что-нибудь недоброе, то я донесу, тогда его и переменить можно будет"[84]. Но тем не менее царской администрации не удалось изменить порядок наследования власти в ханстве и установить в нем полный контроль через своего ставленника.

19 сентября 1724 г. Церен-Дондук присягнул служить императорскому величеству верно и все чинить по его указам; "противности никакой не чинить, и прочих владельцев к тому не допускать, а за кем какое зло уведает, о том заблаговременно доносить; с неприятелями императорского величества никакого дружелюбия не иметь и с чужестранными без указа пересылок не иметь; суд и справедливость чинить надлежащую, никого до разорения не допускать, кражи и воровства всеми мерами искоренять и в том никого не жалеть; татар никаких в своих улусах не держать и прочих владельцев до того не допускать"[85].

22 февраля 1725 г., после принятия присяги, Церен-Дондук, как верноподданный, был жалован и утвержден высочайшим указом императрицы Екатерины I наместником ханства Калмыцкого. Интересно отметить, что 19 сентября 1724 г. присягнул Петру I не только Церен-Дондук, но и Дондук-Омбо, Дондук-Даши и другие калмыцкие владельцы. Знатные зайсанги также дали шерть Петру I и обещали быть послушными наместнику Церен-Дондуку до назначения указом хана[86]. Приведение к присяге вместе с Церен-Дондуком и остальных владетельных тайшей, видимо, было идеей А.П. Волынского, чрезвычайно беспокоившегося о сложившейся сложной ситуации в Калмыцком ханстве в результате борьбы за власть. А.П. Волынский, характеризуя политическое положение в ханстве, в июле 1724 г. писал

Остерману: "...сколько дел, государь мой, я не имел, но такого бешеного еще не видал, отчего в великой печали..."[87] Однако следует отметить, что складыванию такой обстановки в ханстве и он способствовал, активно включившись в борьбу детей, внуков хана. А.П. Волынский писал императрице Екатерине Алексеевне: "...буду всеми мерами трудиться, чтоб Досанга до разорения не допустить, а для того ныне послал к нему по прошению его пять пудов пороху и пять пудов свинца (и то сделал тайно от хана, о чем, чаю, и не проведает), понеже я смотрю на то, чтобы между ханом и Досангом баланс был, а ежели тот или другой из них придет в силу, тогда трудно много будет по смерти Аюкиной учинить ханом"[88].

Само содержание присяги свидетельствовало о стремлении царского правительства односторонне изменить правовой статус Калмыцкого ханства, отойти от прежних договоренностей, поставить его под контроль и лишить самостоятельности, включив в единый механизм государственного управления и определив даже основные направления его внутренней деятельности. Поэтому, чтобы упрочить свои позиции в этом отношении, проводить выгодную ей политику, царская администрация стала активно поддерживать развернувшуюся междоусобную борьбу в Калмыцком ханстве. "Я желал, – писал А.П. Волынский, – чтоб калмыки были разделены на две партии, и до сего времени держал больше Досангову сторону"[89] (оппозицию Церен-Дондука. – *К.М.*). Эту политику искусственного раскола и натравливания успешно проводили на протяжении столетий многие его единомышленники.

Поэтому не случайно при рассмотрении на заседании Тайного совета, состоявшемся 15 декабря 1725 г. под председательством императрицы Екатерины Алексеевны, положения дел в Калмыцком ханстве было принято решение оставить калмыцкие дела в ведении А.П. Волынского, но подчинив его по этим вопросам фельдмаршалу князю М.М. Голицыну, командующему войсками Поволжья и Дона. Учитывая значимость проблем Калмыкии, императрица разгрузила А.П. Волынского от некоторых губернских функций, назначив ему вице-губернатора. Почти через год, осенью 1726 г., Верховный тайный совет освободил А.П. Волынского от калмыцких дел[90].

В такой политике затянувшееся семилетнее ханское наместничество Церен-Дондука, на наш взгляд, было закономерным явлением. Лишь в начале 1731 г. императрица Анна Иоанновна, как известно, вынуждена была в силу объективных обстоятельств (вновь вспыхнули открытые вооруженные столкновения между владетельными тайшами, направлялось в ханство посольство маньчжурского двора) возвести его в ранг хана. В Жалованной грамоте "На достоинство Калмыцкого хана, Чрен-Дондуку" от 17 февраля 1731 г. отмечалось, что Церен-Дондук, будучи наместником Калмыцкого ханства, "со всякою верностию к нам и к Государству поступал, для лучшего управления того Калмыцкого народа и охранения от всяких обид и содержания в восточной верности и подданстве к Нам, Всемилостивейше пожаловали и учредили оного Черен-Дондука Ханом Калмыцким". Далее в ней подчеркивалось, что "так верно и прилежно нам... служить и во всем по указам Нашим поступать и исполнять будет, как то чинил отец его, Аюка Хан, и как верным подданным надлежит"[91].

Здесь следует отметить очень важную деталь, внесшую принципиальные изменения во взаимоотношения с Россией: правителю Калмыкии отныне ханский титул присваивался высшей властью России – императором, а это свидетельствовало о том, что Калмыкия с 30-х годов XVIII в. стала в полном юридическом смысле неотъемлемой и составной частью России.

В связи с этим в присяге, данной 1 мая 1731 г. Церен-Дондуком императрице Анне Иоанновне перед астраханским губернатором И.П. Измайловым и подполковником В.П. Беклемишевым, появилось существенное дополнение: "Ныне по вручению мне ханства и главной команды над всем народом калмыцким служить верно, как подданному надлежит... быть верным, добрым послушным подданным"[92].

Почти полуторавековые исторические события, свидетельствовавшие о сложных процессах вхождения калмыков, принятия ими нового подданства, эволюции взаимоотношений России с Калмыкией, дают достаточные основания согласиться с мнением крупного историка С.М. Соловьева, что "сильная Орда Калмыцкая, зашедшая к Волге, охвачена была государством и понапрасну билась в его крепких объятиях"[93].

С 30-х годов XVIII в., почувствовав крепость своих "объятий", Россия приступила к решению калмыцких дел с совершенно иных позиций – как подлинно подданных (снимать, назначать правителей Калмыкии, присваивать им высшие титулы и знаки местной власти), как это произошло в марте 1735 г., когда Церен-Дондук был отрешен от ханства со странной формулировкой "...учинил себя весьма слабо, а к тому ж и спился...", хотя еще четыре года назад в названной грамоте отмечалось, что, "усмотря, что оной наместник Церен-Дондук от того времени такожде со всякого верностью к нам и государству нашему поступил...".

На самом же деле, по нашему мнению, указанная формулировка – это повод к устранению Церен-Дондука, а причина была совершенно иная. Несмотря на некоторые недостатки личностного характера, Церен-Дондук до определенного времени устраивал царскую администрацию, когда же России, в связи с назревавшим конфликтом с Турцией и Крымским ханством стала необходима сильная и авторитетная фигура для мобилизации военных ресурсов Калмыкии, произошла замена прежнего правителя на Дондук-Омбо[94], внука хана Аюки. И действительно, это подтверждают отдельные положения из "Грамоты, данной главному калмыцкого народа управителю Дондук-Омбо, на ханское достоинство" от 3 марта 1737 г., где, в частности, говорилось: отмечая "показанную ревность и прилежность и знатное поиски над неприятели нашими кубанцами, всемилостивейше жалуем тебя, подданного нашего, и учреждаем ханом Калмыкии... и по указу нашему будет тебе объявлять и говорить о походе в Крым..."[95].

Все же была и другая причина (внутренняя) для замены Церен-Дондука. Провозглашение его ханом вызвало сильное недовольство Дондук-Омбо и его сторонников. С этого времени началось открытое противостояние двух основных группировок, доходившее до вооруженных столкновений. В результате раздора некоторые калмыцкие улусы (Дондук-Омбо) двинулись к землям кубанских татар, т.е. турецких подданных, другие (Доржи Назарова) – за Яик. В обстановке непрекращавшихся столкновений тайшей, хаоса и смятений в калмыцких улусах участились набеги калмыков на соседние народы, на отдельные населенные пункты Поволжья. Сенат 9 сентября 1731 г., рассмотрев вопрос о

набегах, предписал Коллегии иностранных дел и Военной коллегии принять меры к тому, "чтоб они калмыков от того воровства удержали, и виновных наказывали, и в том крепкое над ними смотрение имели. А ежели их несмотрением или послаблением калмыки от воровства будут не удержаны, то неотменно взыщется на них владельцах"[96]. Создавшееся в Калмыцком ханстве положение рассматривалось 27 июля 1734 г. на заседании Кабинета министров в составе трех его основных членов – графа А.И. Остермана, графа Г.И. Головнина, князя А.М. Черкасского. Кабинетом министров было принято решение о примирении Дондук-Омбо с ханом[97]. Действительно, через некоторое время "взыскалось" с Церен-Дондука.

7 марта 1735 г., "для возстановления прежней тишины и покоя и содержания в должной к Нам верности", высочайшим указом императрицы Анны Иоанновны главным управителем калмыцкого народа был назначен Дондук-Омбо, которому ханский титул был пожалован лишь через два года[98]. Дондук-Омбо был объявлен ханом и вручены ему знаки ханского достоинства – знамя, сабля, шуба и шапка – крупным государственным сановником и ученым Федором Ивановичем Соймоновым, огласившим также указание императрицы о выступлении в поход против Крымского ханства. При этой официальной церемонии присутствовал донской старшина Данила Ефремов[99].

Дондук-Омбо в первые же годы своего правления активно включился в военные операции на Северном Кавказе. Особые его военные успехи по разгрому кубанских и горских татар были дважды отмечены императрицей, в 1736 и в 1738 гг. "А ныне мы, великая государыня, – читаем в грамоте императрицы Анны Иоанновны от 11 августа 1736 г., – усмотрели доброе твое, по указам нашим, послушание и скорое исполнение и к службе нашей ревностное прилежание, учиненным знатным поиском над кубанцами, нам доказанное, и уповаем, что ты по прежде отправленным нашим к тебе грамотам, знатной и сильной корпус калмык своих в Крым немедленно отправишь; того ради в знак превысочайшей нашей к тебе и ко всем калмыцким владельцам императорской милости всемилостивейше повелели: во всю жизнь твою давать тебе нашего императорского жалованья, сверх прежде определенного тебе оклада, денег

по две тысячи по пятисот рублей, муки – по тысячу четвертей на год", а в ноябре того же года за верную службу "при нынешней с Турки войне, в знак превысочайшей к нему Дондук-Омбо" Кабинет министров внес предложение об увеличении жалованья хану вдвое, которое было утверждено императрицей[100].

Прав был профессор Н.Н. Пальмов, отмечая, что "щедры были награды Дондук-Омбе и калмыцким владельцам от русского правительства, но велики были и их услуги России во время турецкой войны 1735–1739 годов, когда значительные военные силы калмыков оперировали на Северном Кавказе и в Крыму"[101].

Небольшой период правления хана Дондук-Омбо (1735–1741) характеризуется заметной централизацией верховной власти в ханстве, усилением его самостоятельности в управлении местными делами. Этому способствовали не только его целеустремленность, энергичность, авторитет, но и военные успехи, поддержка российским правительством, которая им же (правительством) была сбалансирована путем протекционирования Дондук-Даши, основного противника Дондук-Омбо.

Кроме того, царская администрация, обеспокоенная все более ухудшающимся положением в калмыцких улусах, которое проявилось и в открытом выступлении против хана его сына Галдан-Норбо в целях пресечения произвола Дондук-Омбо по отношению к владельцам, приняла меры по ограничению его самовольной деятельности. В сентябре 1739 г. для постоянного пребывания в летнее время в улусах, а зимой в ближайших городах от ставки хана был направлен вооруженный отряд во главе с полковником Л.В. Боборыкиным. Главная его задача заключалась в обеспечении ханских обязанностей строго в соответствии с директивами центра[102].

После смерти хана Дондук-Омбо престол оставался свободным более четырех месяцев из-за развернувшейся междоусобной борьбы за власть, хотя он перед смертью назначил своим преемником десятилетнего сына Рандула, а до его совершеннолетия – жену Джан. Однако одним из реальных кандидатов на ханство был последний сын хана Аюки Галдан-Данжин, поддерживаемый многими владельцами, за исключением ханши Джан и ее сторонников. В происшед-

шем летом 1741 г. военном столкновении между двумя основными группировками за власть Галдан-Данжин потерпел поражение и погиб.

После этих событий царская администрация, поддерживавшая кандидатуру Дондук-Даши, получила в июле 1741 г. "снизу" желаемое предложение о передаче власти над калмыцким народом Дондук-Даши, внуку хана Аюки. Наместником Калмыцкого ханства Дондук-Даши был назначен 31 июля 1741 г. высочайшим указом императора Ивана VI Антоновича, а утвержден 15 декабря в качестве правителя калмыцкого народа императрицей Елизаветой Петровной (реверс он дал правительству 4 сентября, принятие же присяги состоялось 16 ноября 1741 г.)[103].

Обязательства, которые принял Дондук-Даши при вступлении в должность наместника ханства, по существу ничем не отличались от тех, которые давались его предшественниками. Это – верно и прилежно выполнять указы, не принимать в улусы крещеных калмыков и т.п. В них общим было то, что царская администрация неуклонно проводила линию на ограничение и ослабление власти правителя Калмыкии и его полномочий в сфере внешних сношений, на раскол калмыцкого населения, используя и религию.

Что касается внешнеполитической деятельности, то российский Сенат еще в 1731 г. ясно высказался, что "калмыцкий народ, состоя в подданстве Российской державы, без воли Российского Правительства ничего сам собою делать не может..."[104].

В силу сложившихся обстоятельств Дондук-Даши, отдав своего малолетнего и единственного сына Асарая в заложники "в знак вящей верности", впервые из всех правителей попал в личную зависимость даже от губернской администрации, что явилось серьезным фактором, ограничивавшим свободу его действий, заставляло строго соблюдать и выполнять принятые обязательства, действовать, как "указом будет повелено". Но это имело и негативные моменты для России, поскольку Дондук-Даши не покидало постоянное чувство глубокой обиды за аманат. Недоверие к нему, а также отдача сына в заложники получили в Калмыкии неоднозначную оценку, повлияли на его авторитет.

Почему все же царская администрация настояла на аманате сына, когда, казалось бы, в середине XVIII в. в этом не

было острой необходимости? Думается, мотивы здесь были более значимые, нежели простое желание заставить калмыцкого правителя верно служить и выполнять свои обязательства. Основная причина, видимо, была в стремлении удержать калмыков, предотвратить их уход за пределы России – в Джунгарию, так как царская администрация располагала такой информацией.

В историю Калмыкии Дондук-Даши, хотя он в наместниках, до назначения ханам пребывал дольше всех, почти 16 лет, вошел как государственный деятель, внесший заметный вклад в развитие экономики, законодательства, в установление порядка в ханстве, поддерживавший ровные и принципиальные отношения с российскими властями. Однако в период его правления чиновники российских учреждений различных уровней стали активно вмешиваться в управление и во внутренние дела Калмыцкого ханства.

Об этом подтверждает письмо Дондук-Даши, направленное в октябре 1745 г. астраханскому губернатору. В нем он сетовал на владельцев своих улусов, упрекал губернских чиновников, вносивших разлад между ним и его подвластными. Положение Калмыцкого ханства в системе Российского государства и его управления в середине XVIII в. точно отразил Дондук-Даши в другом письме астраханскому губернатору Д.Ф. Еропкину: "...хотя я над своими и командир, однако ж без вашего позволения собою ничего сделать не могу"[105].

В соответствии с формой правления и государственным устройством ханства его правитель, казалось бы, должен был обладать неограниченной властью в делах внутреннего управления. Но эта власть главы ханства с утверждением абсолютной монархии в России становилась все более призрачной и формальной. Если до начала XVIII в. воеводы не вмешивались во внутренние дела калмыков, выступали посредниками в установлении их отношений с центральной властью, то казанский, астраханские губернаторы (1708–1771), представители российской администрации при ханах (1715–1771) жестко контролировали и активно вмешивались во внутренние дела ханства, определяя кадровую политику высшего звена. Фактически в их руках были все нити управления. Прикомандированные полномочные представители со специальными военными отрядами

(Д.Е. Бахметьев, В.П. Беклемишев, Л.В. Боборыкин, Н.Г. Спицын и др.) осуществляли функции надзора в Калмыцком ханстве. Но с 1741 г., с назначением Дондук-Даши наместником, на военный особый отряд возлагался не только надзор, но и в случае необходимости военное вмешательство во внутренние дела ханства. С такими полномочиями в 1741 г. в Калмыцкое ханство был направлен тайный советник Василий Никитич Татищев, в распоряжении которого имелась крупная вооруженная сила – команда до 1 тыс. донских казаков. Если до этого времени указанные представители находились при ставке хана, то В.Н. Татищев со своей службой расположился в Енотаевской крепости.

Таким образом, официально введенная в 1715 г. политика контроля и тайного надзора, подтвержденная Сенатом в 1720 г., постепенно превратилась в один из главных механизмов контроля и управления Калмыцким ханством, все нити которых были сосредоточены в Посольском приказе, затем в Коллегии иностранных дел, а по оперативным, текущим калмыцким делам представители координировали свою деятельность с астраханским губернатором.

С назначением В.Н. Татищева астраханским губернатором (31 декабря 1741 г.) ему были полностью переданы вопросы местного управления Калмыкии, а общее руководство по-прежнему находилось в ведении Коллегии иностранных дел (канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин и вице-канцлер Михаил Илларионович Воронцов). Елизавета Петровна, вступив на престол 25 ноября 1741 г., активно занялась и калмыцкими делами. В этом отношении была велика роль канцлера князя Алексея Михайловича Черкасского, ведавшего иностранными делами в Сенате и хорошо разбиравшегося в калмыцких проблемах. В первую очередь были приняты меры по укреплению власти наместника Дондук-Даши: по указанию Коллегии иностранных дел ему были переданы улусы Церен-Дондука и Галдан-Данжина[106].

Одновременно были приняты меры по "успокоению" Джан, вдовы хана Дондук-Омбо. Она вместе с дочерьми и младшим сыном Рандулом в сентябре–октябре 1742 г. была отправлена в Москву и крещена под именем княгини Веры Дондуковой. Через год в Москву были доставлены к ней трое ее сыновей – Додба, Асарай, Джубасар и тоже крещены

(Асарай под именем князя Ионы Дондукова, начав род Дондуковых-Корсаковых). В июне 1745 г. Дондук-Даши арестовал своего брата Бодонга, одного из основных соперников, которого власти отправили на жительство в Архангельск.

Однако, несмотря на просьбы Дондук-Даши во время аудиенции у Елизаветы Петровны 17 июня и 16 сентября 1742 г. о присоединении к ханству отдельно кочующих улусов (в основном имелся в виду дербетовский улус Лабан-Дондука, кочевавший на Дону), а также о предоставлении большей самостоятельности во внутренних делах, царская администрация не торопилась их выполнять, хотя она неоднократно предупреждала В.Н. Татищева о недопустимости мелочного вмешательства во внутрикалмыцкие дела, с тем чтобы не показывали "не похотели мы и всю их вольность отнять"[107].

В связи с проводимой по отношению к Калмыцкому ханству сбалансированной политикой между наместником и тайшами длительное время Дондук-Даши оставался в должности наместника. Лишь 21 марта 1757 г. Елизавета Петровна подписала указ о назначении Дондук-Даши ханом, а его сына Убаши – наместником ханства, чтобы предупредить междоусобную борьбу за власть. Дондук-Даши был извещен 11 мая 1757 г. о возведении его в ранг хана главой иностранного ведомства России канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым. Нельзя исключать, что на назначение Дондук-Даши ханом повлияли и события, связанные с подготовкой вступления России в Семилетнюю войну (1756–1763), когда появилась необходимость привлечения калмыков к участию в военных операциях. 7 февраля 1757 г. на заседании Конференции при высочайшем дворе, рассматривавшей вопрос о войне, с участием императрицы, руководителей военного и внешнего ведомств страны, по предложению фельдмаршала С.Ф. Апраксина было принято решение "о снаряжении в поход осьми тысяч человек калмыцкого войска"[108]. Уже в том же месяце калмыцкая конница в составе нерегулярного соединения под командованием генерала Сибильского двинулась к месту назначения.

Официальная церемония провозглашения Дондук-Даши ханом состоялась более чем через год, 30 апреля 1758 г., с участием астраханского губернатора А.С. Жилина. А в это время калмыцкая конница в составе русской армии успешно

сражалась на театрах военных действий Семилетней войны. В последующем генерал Сибильский в своих мемуарах напишет: "...русские офицеры говорят, что они сами употребляют калмыков только для авангардной службы, освещения пути для армии и распространения страха и ужаса"[109].

В статусе хана Дондук-Даши находился не более трех лет – он умер 21 января 1761 г. В последние годы жизни Дондук-Даши уделил внимание составлению нового Свода законов в дополнение к "Великому Уложению" 1640 г. Между "Великим Уложением" и Сводом законов Дондук-Даши пролегло более столетия; это время было насыщено крупными социально-политическими событиями. Калмыки окончательно отделились от основной части ойратов, образовали свое ханство, оказались в иной этнополитической среде, оказывающей влияние на их экономическую, социальную, политическую и духовную жизнь. Поэтому появилась объективная потребность в создании новой правовой базы, отвечающей интересам калмыцкого общества того времени. На содержание законов, по-видимому, заметное влияние оказало российское законодательство, особенно манифест "О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству" 1762 г.

Основная цель принятия Свода – укрепление самостоятельности в управлении внутренними делами ханства, а также единства тайшей, прекращение междоусобной борьбы. Законодатель был озабочен прежде всего дальнейшей судьбой своего народа. В нашей историографии авторство Свода законов приписывается только Дондук-Даши. Можно согласиться с названием "Свод законов Дондук-Даши", в котором "Дондук-Даши" выступает не как автор, а как руководитель авторского коллектива. В предисловии сказано, что "Дондук-Даши, посоветовавшись с высшими духовными лицами – Рабджамба-Лузаном, Рабджамба-Санджи-Джамцой, Балданом-Габцу, Абу-гелюнгом, Лонгрик-Цорджи, Нагбан-Санджи, вместе с их учениками написал (изложил) кратко" принципы религиозных, государственных, гражданских норм права.

Структура и содержание законов показывают, что составители были знакомы с российским законодательством. Первый раздел свода законов в отличие от "Великого Уложения", так же как и Соборное Уложение 1649 г.,

посвящен религии и ее служителям, защите духовных лиц, но в значительной степени со ссылкой на нормы "Великого Уложения". В Своде добавлены нормы, поощряющие учебу духовных лиц: "кто из духовных лиц, проявляя старание, будет учиться грамоте и искусству, того вознаградить и уважать по степени старания и достоинства". Законодатель был озабочен проблемой образования не только духовенства, знати, но и простолюдинов. Статья 7 второго раздела гласила: "Если кто из сыновей знатных людей не будет обучаться монгольской грамоте, то с отца взять штраф – трехлетнюю лошадь, а сына отдать на обучение учителю; штраф за то же с известного обществу человека – трехлетнюю овцу; с простолюдина – пятнадцать копеек... Если не будут обучать сына до пятнадцати лет, за это наказывать отца".

Уголовное законодательство определяет систему наказаний. Если в "Великом Уложении" предусматривалось наказание только в виде штрафа скотом, то в законах Дондук-Даши прибавлены и телесные наказания. Среди преступлений против личности добавлено новое – "воровство человека", за которое предусматривалось наказание по "Великому Уложению" как за убийство. Среди имущественных преступлений наибольшее внимание уделялось краже скота. За воровство вещей наказание устанавливалось в зависимости от стоимости похищенной вещи (свыше ста копеек). В связи с распространением краж скота, имущества подробно регламентировался вопрос о разрешении на ночлег приезжего человека. Хозяин, пустивший человека на ночлег, обязан был подробно знать о нем и сообщить представителю местной власти, показать его своим знакомым. Человек, не выполнивший эти условия, нес имущественную ответственность.

В Своде законов значительное место было отведено процессуальному праву. В нем предусматривались должностные лица, осуществлявшие правосудие: яргаче – руководитель суда, главная обязанность которого заключалась в обеспечении справедливого суда; судья; посыльный; исполнитель принятых судьей решений. В Своде определены две специфические процессуальные формы досудебной подготовки дела – гонение следа и свод. Гонение следа – это отыскание преступника по его следам. Имелось в виду по снегу,

песку, сплошной грязи приведут следы украденного скота, но кроме того, еще должен быть свидетель.

Закон предусматривал определенную систему доказательств, в том числе свидетельские показания. Очевидцы воровства скота получали вознаграждение – четырехлетнего верблюда из имущества вора. Свидетель за ложные показания подвергался телесному наказанию – получал 15 ударов плетью и еще должен был отдать определенное количество скота в пользу княжеского двора. Особым видом доказательства была клятва (присяга) ответчика и истца. Последний должен был обеспечить явку на суд ответчика при свидетеле. Если ответчик не являлся на суд, то после третьего вызова и не явки, он должен был уплатить штраф двумя 3-летними лошадьми, а дело решалось в пользу истца.

После смерти Дондук-Даши в управление ханством вступил его сын Убаши, назначенный наместником еще в 1757 г. Несмотря на сложную обстановку в Калмыцком ханстве (проблема возвращения с Дона дербетовских улусов, уход на Дон икицохуровских нойонов и т. д.), власть к Убаши перешла спокойно, без борьбы. Он был утвержден центральной властью в должности наместника в августе 1762 г. и официально объявлен наместником Калмыцкого ханства в октябре того же года астраханским губернатором В. Нероновым[110].

К этому времени в России на царский трон вступила Екатерина II, а несколько ранее иностранное ведомство возглавил канцлер М.И. Воронцов. С их приходом к руководству страной и иностранными делами несколько корректируется политика царской администрации по отношению к Калмыцкому ханству. Наметилась тенденция к пресечению сепаратистских настроений внутри ханства, "к прекращению происходивших между ими несогласий", для того чтобы "целостность их и что они доныне остались совокупными, а не пришли в рассеяние..."[111], а также к укреплению ханской власти, повышению роли местных органов в управлении внутренними делами. Но в то же время ограничивалась ханская власть путем усиления роли коллегиального, судебного, представительного органа – Зарго.

Эта новая политика царской администрации была выражена в двух документах, принятых в один день, 12 августа

1762 г.: в Грамоте Екатерины II наместнику ханства Убаши и в письме канцлера, главы иностранного ведомства М.И. Воронцова дербетовскому тайше Галдан-Церену, запрещавшем ему кочевать отдельно от улусов ханства. Галдан-Церену и Цебек-Доржи, внуку Аюки, претендовавшему на весь Багацохуровский улус, в письме предлагалось все вопросы о кочевке разрешать в местном органе Зарго, а также с А.Д. Бахтеевым, назначенным уполномоченным по калмыцким делам вместо генерала Н.Г. Спицына.

В 30–70-е годы XVII в., несмотря на влияние экономики и рынка России на экономическую жизнь Калмыцкого ханства, в социальной структуре его населения принципиальных изменений не произошло, за исключением разве что заметной дифференциации двух основных классов – феодалов и феодально-зависимых. В связи с зарождением новых видов хозяйственной деятельности среди феодально-зависимых людей появились рыбаки, мелкие торговцы, ремесленники. Однако у взрослого мужского населения почти до последней четверти XVIII в. основное время уходило на воинскую службу, что в значительной степени подрывало экономику Калмыцкого ханства. На театрах военных действий России постоянно находилось до 30–40 тыс. калмыков, до 70–80 тыс. лошадей. Кроме того, этих воинов необходимо было кормить и снаряжать за счет населения ханства.

В XVIII в. в характере экономики, основу которой по-прежнему составляло кочевое скотоводство, и собственности на землю в Калмыцкой степи существенных изменений также не произошло. В структуру животноводства входили лошади, овцы, верблюды, крупный рогатый скот. Но значение последнего в хозяйстве постепенно начинает возрастать при одновременном падении роли лошади. Скот являлся не только основой экономики, но и источником существования, богатства, социального положения калмыка. Средняя калмыцкая семья, как отмечают исследователи, имела 60–150 голов овец, 10–50 лошадей, 10–30 голов крупного рогатого скота, 5–15 верблюдов[112]. Калмыцкие же феодалы располагали значительно бóльшим количеством скота (как отмечалось в записках путешественников, царских чиновников, “многотысячным”, “привеликим множеством” лошадей, овец, верблюдов).

В эти же годы не теряет подсобного значения охота, а некоторое развитие получает рыболовство. Начала зарождаться новая отрасль хозяйства – земледелие, которое еще не играло особо заметной роли в экономике калмыков. Переработка сельскохозяйственного сырья, продукция которого шла на собственные нужды и рынок, осуществлялась кустарным, ручным способом.

Хотя право собственности на территории кочевий калмыков оставалось за царской администрацией, а калмыцкий хан в этот период был лишь формальным собственником отведенной им земли, тем не менее он обладал монопольным правом распоряжаться пастбищами, кочевьями. Однако с середины XVIII в. право собственника стало определяющим фактором в перераспределении земель в Калмыцкой степи. Начали вноситься некоторые изменения в решение вопросов о землевладении и землепользовании. Несмотря на то что территории кочевий и пастбищ были отданы калмыкам во владение, царская администрация начала урезать их пастбищные территории и передавать переселенцам.

Низкий уровень общественного разделения труда, неразвитость перерабатывающей промышленности, меновой характер торговли определяли состояние внутреннего рынка. Но за пределы Калмыкии, в города Поволжья, стали поставляться калмыцкими феодалами большие партии лошадей, крупного рогатого скота. Этому способствовала поощрительная политика царской администрации, которая освобождала калмыков от уплаты торговых пошлин, если стоимость их товаров не превышала 3 тыс. руб. А в последующем громадное значение для роста и развития внутренней торговли России, и в том числе ее регионов, имела отмена внутренних таможенных сборов с 1 апреля 1754 г. (указ от 20 декабря 1753 г.).

Общественный и государственный строй Калмыцкого ханства в XVIII в., как свидетельствуют исторические и литературные источники, в основном продолжал соответствовать общественному и государственному строю Джунгарского ханства. Однако, сравнивая их в этом отношении, следует отметить существенное различие: Калмыцкое ханство находилось в составе другого государства и было зависимым. И если можно назвать несколько одинаковых принципов и

механизмов их государственного управления, то суть управления, круг и характер рассматриваемых и решаемых вопросов принципиально отличались. Калмыцкое ханство, как и Джунгарское, возглавлял хан и руководство своим государством осуществлял с помощью коллегиального органа, выросшего на основе совета из малых князей при главном тайше, – Зарго (суд), с полномочиями не только высшего судебного, но и исполнительного учреждения. Состав Зарго формировался ханом в количестве восьми человек, как правило, из своих улусов, т.е. из родственников, приближенных. Зарго являлся не только судебным, совещательным органом, но и выполнял функции канцелярии хана. В нем рассматривался и решался наиболее жизненно важный вопрос кочевого скотоводческого производства – распределение пастбищных территорий между владетельными князьями. Хан, не только как руководитель Зарго, но и как главный собственник земли, утверждал решение о распределении кочевий в ханстве[113].

Внутренний правопорядок, правосудие, судопроизводство, деятельность органов управления регламентировались и регулировались в Калмыцком ханстве "Великим Уложением" 1640 г., законами Дондук-Даши 1758 г., а с 1762 г. было введено в действие новое Положение о Зарго, утвержденное Екатериной II. По этому положению Зарго был реорганизован и фактически превращен в государственное учреждение Калмыцкого ханства, входящее в систему государственных органов России. Царская администрация рассматривала Зарго как "общенародное Калмыцкое правительство" со штатом чиновников, получавших государственное жалованье. В своей деятельности он был подотчетен не только Коллегии иностранных дел, но и непосредственно императрице Екатерине II. В новом Положении о Зарго указывалось, что в случае разногласий при решении важного вопроса и невозможности достижения согласованного мнения по нему "доносить сюда и ожидать нашего императорского величества указа"[114]. Это свидетельствовало о пристальном, внимательном отношении к Калмыцкому ханству.

В соответствии с Положением состав Зарго формировался в количестве восьми человек (судей) в следующей пропорции: от улусов наместника – три зайсанга; от духовенства – духовное лицо или зайсанг; один представитель от "торгоутов Цохуров"; один представитель от "торгоутов Табун

Отоков"; по одному представителю от дербетовских и хошоутовских улусов. Что касается персонального состава судей Зарго, то они стали избираться по жребию из числа зайсангов улуса, т.е. были введены элементы выборности. Все члены – судьи Зарго являлись равноправными и обладали решающим голосом. Председателем Зарго мог быть избран старший по возрасту судья или по должности из числа зайсангов. Право выбора председателя было предоставлено судьям с участием наместника. Под критерий "старший по должности" подпадал первый зайсанг ханства Даши-Дондук, в войсках выполнявший роль начальника штаба. Деятельность Зарго была поставлена под жесткий контроль царской администрации – в его состав по распоряжению центральной власти вводился русский офицер (уполномоченный по калмыцким делам Бахтеев)[115].

Особо регламентировался порядок принятия Зарго решений, которые в последующем не требовали утверждения наместником и принимались большинством голосов от количественного состава судей. В случае если "на обеих сторонах равное число голосов будет, тогда представлять о том нашему наместнику ханства и в то же время сообщать и находящемуся при калмыцких делах российскому коменданту". При необходимости срочного принятия решений по спорному вопросу законодатель рекомендовал "в Зарге собирать близ кочующих калмыцких нойонов и их знатных зайсангов и общим с ними советом решить и о том нам, великой государыне, доносить"[116].

Таким образом, Калмыцкое ханство к началу 60-х годов XVIII в. вошло в единую систему российского государственного управления. Поэтому не случайно в Грамоте от 12 августа 1762 г. указывалось "нашему наместнику ханства", но все же оно (ханство), сохраняя относительную самостоятельность, приобретало правовой статус административной автономии. Тем самым его положение в системе управления Российского государства стало постепенно изменяться. Царская администрация постоянно пыталась ограничить полномочия и самостоятельность хана. С этой целью Зарго был выведен из-под подчинения наместника, т.е. из системы органов государственной власти ханства, и преобразован в самостоятельный государственный орган, подконтрольный российским органам государственной власти. Статус главы

Калмыцкого ханства был приравнен к должности местной административной власти. Это подтверждает заключение Коллегии иностранных дел от 5 июля 1764 г.: "...что Наместник Ханства меньше власти в своем народе имеет и владельцы Калмыцкие, оставаясь в повиновении Правительству (Зарго. – *К.М.*), меньше, однако ж, имеют причины чаять и опасаться действий его к себе... и против его самого и представления свои делают"[117].

Эту политику царской власти нельзя считать "случайной", характерной только по отношению к Калмыцкому ханству. Она являлась частью общей национальной политики Российской империи во второй половине XVIII в. С 60-х годов, как известно, было начато более решительное наступление на остатки политической автономии Украины. В 1764 г. упраздняется должность гетмана, а в следующем году – общеукраинские учреждения, такие, как войсковые канцелярия и суд. Кроме того, эти процессы отражали принципиальные черты абсолютной монархии того периода, когда возобладали централизаторские, бюрократические тенденции абсолютизма.

Очень важным документом, раскрывающим государственную национальную политику Российской империи во второй половине XVIII в., и в частности политику по отношению к Калмыцкому ханству, является Высочайше утвержденный доклад Коллегии иностранных дел "О поселении калмыков на нагорной стороне реки Волги, при урочище, называемом Крымский Затон, и о переводе туда же Астраханских казаков" от 5 июля 1764 г. Поводом к официальному определению политики России по отношению к калмыкам послужило прошение "О желании Калмыцкого владельца Замьяна к поселению". По поручению императрицы с докладом по данному вопросу на расширенном заседании Коллегии иностранных дел выступил астраханский губернатор генерал-майор Н.А. Бекетов.

Коллегия иностранных дел под председательством Никиты Ивановича Панина, рассмотрев общие вопросы о целесообразности перехода калмыков к оседлости, выработала государственную позицию по отношению к калмыкам, получившую одобрение Екатерины II. В результате обсуждения было признано "поселение целого калмыцкого народа совсем неполезным теперь", поскольку калмыки

"по природе своей склонности к хищениям и грабительствам ни алчны", передвигаясь по обширной территории Приволжской степи, обеспечивали ее охрану, "служа некоторым прикрытием здешним пограничным жилищам от соседних варварских народов"[118]. Калмыкам отводилась роль заслона от проникновения в Приволжскую степь "киргис-кайсаков" и их объединения с кубанскими татарами, горскими народами. Помимо этого, калмыки, кочуя, представляли собой "всегда легкое войско, каково Калмыцкое, с пользою уже и употребленное при Турецких войнах".

В то же время Коллегия иностранных дел, считая калмыков спокойным народом, "древним своим обычаям весьма преданного, а при том сколько легкомысленного", предложила разрешать отдельным калмыцким владельцам переходить к оседлости "для размножения по берегу Волги от Царицынской линии к Астрахани... и для умножения же со временем тамошних нерегулярных войск"[119]. Преследуя в основном цели военного характера, Коллегия рекомендовала демонстрировать якобы проявляемую заботу о калмыках и убеждать их в том, "что имеют они во всем лучшие выгодности" в российском подданстве. При этом предлагалось внимательно следить за их настроением, с тем чтобы своевременно "повод к колебаниям предупреждены были".

Коллегия признавала, что, разрешая хошоутовскому тайше Замьяну стационарно вести хозяйство, она преследовала цель: провести опыт поселения и поддержать его, чтобы калмыки поняли преимущества оседлого образа жизни, однако рекомендовала не торопиться с массовым переводом калмыков к оседлости. В связи с этим предлагалось даже не назначать жалованья тайше Замьяну, переходящему на оседлый образ жизни, и остальным зайсангам, за исключением судьей Зарго. Несмотря на это ограничение, Коллегия признавала необходимым выделять калмыкам наиболее удобные и пригодные места для ведения стационарного хозяйства.

Замьяну решением Коллегии отводилось "урочище на нагорной стороне реки Волги в 60 верстах выше Астрахани, против приверха круглова острова, называемое Крымской Затон", где "лугов и сенных покосов очень довольно, да река Волга тут других мест уже", которое было наиболее пригодным для переправы "киргис-кайсаков". Отводя этот

участок территории Замьяну, власти снимали с себя заботу об охране переправы, о содержании заставы в том месте. Для примера оседлого хозяйствования ближайшие места Замьянова урочища заселялись казаками, основная задача которых состояла "всегда к службе готовыми быть..."[120].

Коллегия иностранных дел внесла принципиальные изменения в систему управления Калмыцким ханством. Коллегия, во-первых, одобрив изменение статуса института Зарго, ставшего "общенародным Калмыцким правительством", ослабившим роль и значение наместника в ханстве, ввела, во-вторых, дополнительное звено в управление Калмыкией – фактически местного, горизонтального уровня. Коллегия иностранных дел на этом же заседании приняла решение передать из своей системы ведомство "Калмыцкие дела" и находящегося при нем командира военного отряда астраханскому губернатору генерал-майору Н.А. Бекетову, "дабы он имел ближайшие способы содержать в калмыцком народе добрый порядок"[121].

В связи с проводимыми мероприятиями по централизации управления Калмыцким ханством (реорганизация Зарго, подчиненного центру, передача ведомства "Калмыцкие дела" и военного отряда астраханскому губернатору), по эксперименту перевода калмыков на оседлый образ жизни, а также в связи с продолжающейся политикой эксплуатации их как военной силы, Коллегия иностранных дел призывала все центральные и местные органы власти быть внимательными, осторожными, "чтобы сей народ не сделал снесения одного обстоятельства с другим и не восприял из того великой для себя опасности"[122].

Таким образом, цели государственной политики Российской империи во второй половине XVIII в. по отношению к калмыкам заключались в следующем: оставить калмыков в составе Российского государства и ввести Калмыцкое ханство в систему единоуправляемости как центрального, так и местного уровня; сохранить в основном их кочевой образ жизни как важное средство обеспечения безопасности обширной территории Приволжских степей; начать в качестве эксперимента частичный перевод калмыков на оседлый образ жизни, для того чтобы заселить волжские берега, особо опасные и слабоохраняемые, способствовать увеличению численности калмыцкого населения в связи с необ-

ходимостью подготовки нерегулярных войск, таких, как легкая кавалерия, а также путем христианизации, перевода на оседлость продолжать вводить калмыков в единое российское гражданство.

Калмыки по-прежнему и в 60-е годы XVIII в. продолжали нести военную службу по охране южных границ России. Летом 1765 г. 6-тысячный отряд калмыцкой конницы совместно с казаками остановил набеги кубанских татар.

С 1769 г. на фронтах русско-турецкой войны (1768–1774) участвовали, не считая небольших отрядов, до 1 тыс. человек, два крупных корпуса, в каждом по 20 тыс. всадников: один корпус действовал в составе армии под командованием генерал-аншефа П.А. Румянцева, второй под командованием наместника Убаши и подполковника И.А. Кишенского, осуществлявшего непосредственное наблюдение за Калмыцким ханством, вел военные действия против кубанских и крымских татар. В августе 1770 г. конный корпус под командованием наместника Убаши перешел в распоряжение генерала Де Медема. Однако из-за возникших разногласий с генералом наместник под предлогом ремонта конного состава в сентябре 1770 г. вернулся на Волгу, в свои улусы[123].

Составной частью национальной политики Российской империи являлась христианизация нерусского населения, в том числе и калмыков. Процесс официального крещения калмыков начался почти сразу после принятия подданства. В шертных грамотах 70–90-х годов XVII в., как выше отмечено, устанавливалось, что калмыки имеют право принимать православную веру и селиться в русских городах и селах, основывать новые отдельные поселения. В основу крещения было положено добровольное личное желание каждого. Этот принцип был закреплен указом Петра I от 14 января 1700 г.[124] Об официальной политике христианизации Российского государства свидетельствовали позиция и деятельность Сената, Синода, образование специальных государственных учреждений (Комиссия для крещения поволжских народов, “Новокрещенская контора” со штатом государственных чиновников, проповедников и воинской командой), а также материальное поощрение принимавших православие, освобождение их от наказаний за совершенные до принятия христианства преступления.

Калмыки, принявшие православную веру, воспринявшие новую идеологию и приобретшие российское гражданство, освобождались из-под власти своих владельцев. Одними из первых были крещены калмыки, ушедшие в 1696 г. на Дон, в 1697–1698 гг. – под Азов и Черкасск. К середине 30-х годов XVIII в. только в городах Астраханской губернии уже было крещено 5282 калмыка (1446 калмыцких семей). Одновременно стали появляться первые поселения крещенных калмыков в Чугуеве (Харьковская губерния), на Урале (Яике), Тереке, они были включены по месту жительства в казачьи войска (Уральское казачье войско, Моздокский казачий полк) для несения караульной службы, сопровождения почты и т.п.[125]

Первым крупным поселением крещеных калмыков была крепость, построенная в 1739 г. на левом берегу Волги и получившая название Ставрополь-на-Волге, ныне город Тольятти. Крепость находилась во владении княгини Анны Тайшиной, вдовы князя Петра Тайшина, внука Аюки, население ее к 1754 г. увеличилось с 2104 до 8695 душ. Управление всеми крещеными калмыками было поручено княгине Анне Тайшиной, а комендантом крепости был назначен полковник Змеев. В последующем крепость была введена в состав Оренбургской губернии, что способствовало переселению крещеных калмыков в Оренбуржье[126].

Крещеные калмыки, в основном находившиеся на поселениях, приобретали статус казаков. Остальные, в зависимости от того, кому они принадлежали, становились помещичьими или церковными крестьянами, а с 1764 г. – экономическими. Тем самым простые калмыки, уйдя от своих владельцев и приобретя российское гражданство, попадали в крепостную зависимость в соответствии с положениями Соборного Уложения 1649 г. (гл. XI "Суд о крестьянах"). Крещеный калмык, как и русский крепостной крестьянин, становился бесправным и в правовом отношении был приближен к холопу. В связи с таким положением он не являлся субъектом права, а был только объектом права, купли-продажи, имущественно ответственным за владельца.

В соответствии с указом Петра I от 1688 г., разрешившим продажу крестьян и без земли, 16 ноября 1737 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о разрешении продажи крещеных калмыков. Елизавета Петровна,

подтвердив это положение в 1744 г., указывала, что "...они (крещеные калмыки. – *К.М.*) стали быть равно яко их крепостные"[127]. В соответствии с этим положением купля-продажа, дарение калмыков приобрели заметное распространение. Только в течение одного года (1756–1757) в Астраханской губернии были проданы 186 калмыков. В 1758 г. архиерей Спасского монастыря окрестил 254 калмыка и оставил их при рыболовном заграждении (учуге) этого монастыря[128]. Этот период, как известно, совпадает с ужесточением крепостного права. Помещики получают право ссылать крестьян в Сибирь (1760 г.). Крестьянам запрещается жаловаться на владельцев (1767 г.). Законодательство не ограничивало помещиков подвергать крестьян телесным наказаниям.

Учитывая отрицательное влияние перехода калмыков в другую веру на духовность народа, на сохранение целостности этноса, на политическое, экономическое положение ханства, наместники, ханы, владельцы, ламы постоянно препятствовали христианизации калмыков, предпринимали меры к возвращению их в улусы. Некоторые калмыки, испытав тяжелые последствия крещения, добровольно возвращались в ханство. К 1764 г., по данным Коллегии иностранных дел, в улусы вернулось более тысячи семей.

Анализируя в докладной записке в Коллегию иностранных дел причины ухода крещеных калмыков в свои улусы, астраханский губернатор Н.А. Бекетов вносит предложение "сделать позволение крестившимся волею впредь калмыкам жить, где кто пожелает, на основании указов...", на что последовала 5 июня 1764 г. резолюция Екатерины II: "Дозволить можно, а публиковать не должно"[129]. По мнению Н.А. Бекетова, в результате этих мер уменьшился бы отток калмыков из Астраханской губернии, что привело бы не только к закреплению калмыков в христианской вере, но и к подъему экономики губернии.

Наступление на автономию Калмыцкого ханства, начатое с утверждением абсолютизма как формы правления, совпало с началом развития в России товарно-денежных отношений, способствовавших увеличению сельскохозяйственного производства. Это, в свою очередь, требовало освоения новых земель. Кроме того, территориальный рост России в XVII–XVIII вв. сопровождался увеличением численности населения, особенно центральной части: с 1646 г.

по 1762 г. оно возросло с 7 млн до 23,2 млн человек, т.е. более чем втрое[130]. Развитие экономики, рост населения страны привели к интенсивному освоению степей Юга, Юго-Востока, Поволжья.

Переселение населения в степи Поволжья происходило путем свободной колонизации – неорганизованное расселение и официального правительственного переселения, т.е. инициируемая и регулируемая центром колонизация. На пустующие земли шли, во-первых, лично свободные люди, которые не могли получить земельные наделы в родных местах, так как она принадлежала помещикам, или люди, которые уходили с непригодных земель в поисках плодородных. Во-вторых, в степи Поволжья бежали крепостные. В-третьих, официальная власть переселяла туда служилых людей, а также приглашала иностранных колонистов, например немцев, сербов и т.д., продавала, дарила землю крупным вельможам (в 60-е годы только 22 помещикам было продано, подарено, отмежевано 815 501 дес. лучшей земли, из них графу А.А. Безбородко – 175 тыс. дес., графу А.Г. Потемкину – 54 тыс. дес. и т. д.)[131].

В первой половине XVIII в. степи Нижнего Поволжья подверглись крестьянской и помещичьей колонизации. Ограничение территории калмыцких кочевий началось с устройством в 1731–1732 гг. Царицынской укрепленной линии, которая не только преградила выход калмыков на север, в междуречье Дона и Волги, где они беспрепятственно кочевали в зимнее время. Для охраны этой линии было призвано с Дона более тысячи семей донских казаков и поселено между реками Иловлей и Волгой[132]. В начале 40-х годов ниже Царицынской укрепленной линии уже появляются стационарные поселения русских, главным образом крестьян и помещиков Пензенского и Симбирского уездов, а в 50–60-е годы на левом берегу Волги от Самары до Царицына – поселения крестьян украинцев и русских, от Камышина и Дубовки вниз по обоим берегам Волги – казачьи станицы. В соответствии с указом Екатерины II "Об обмежевании земель под поселение иностранных колонистов" от 8 декабря 1765 г. стали появляться выше и ниже Саратова иностранные колонии[133].

В связи с тем что эти территории официально (они даже обозначены в карте Астраханской губернии 1766 г.) входи-

ли в район калмыцких кочевий (зимние кочевья – в нагорной степи от Царицынской крепости до Терека, летние – луговые степи от каспийского прибрежья до земель, лежащих на левобережье Волги, севернее Саратова, а также земли в междуречье Кумы и Терека, в пределах его нижнего течения), наместник Калмыцкого ханства вынужден был дважды, в 1765 и 1766 гг., обратиться к астраханскому губернатору Н.А. Бекетову с запросом о причинах появления этих поселений в Калмыцкой степи. Губернатором был дан однозначный ответ: по велению царской власти и в соответствии с Манифестом от 19 сентября 1765 г. о генеральном размежевании земель во всей России.

В связи с осложнением обстановки в Калмыцкой степи, связанным с земельным вопросом, по предложению руководителя "Калмыцких дел" подполковника И.А. Кишенского Коллегией иностранных дел с одобрения императрицы было принято решение провести межевание калмыцких кочевий и земель, занятых русскими селениями и колониями иностранных поселенцев. Однако центральная власть не успела это мероприятие реализовать: калмыки начали откочевку из пределов России в Джунгарию.

Колонизация Калмыцкой степи, бесспорно, привела не только к ограничению территорий кочевий, ухудшению экономического положения калмыцкого народа, но и к обострению политической обстановки в Калмыцком ханстве. Однако вопрос о колонизации земель Поволжья, по-видимому, с одной стороны, следует рассматривать как проявление объективного процесса нарождавшегося капитализма, а не отождествлять с великодержавной политикой России. С другой стороны, – колонизация, характеризовавшаяся некоторой произвольностью в перераспределении земель Поволжья, стала одним из элементов великодержавного курса самодержавия. Между тем процесс распределения земель должен был быть регулируемым, с выработанными принципами и механизмами распределения и перераспределения, обеспечения контроля.

Поэтому мнение некоторых историков о том, что причины ухода значительной части калмыков в 1771 г. в Джунгарию заключались "в переломе настроения калмыцких феодалов, особенно недовольных колонизацией"[134], на наш взгляд, представляется не совсем верным. Многие авторы

истории калмыцкого народа, в той или иной степени затрагивавшие эту проблему, в основном видели и видят в ней множество причин как объективного, так и субъективного характера: кризис Калмыцкого ханства, междоусобица, борьба за власть; идея ухода была постоянной; пророчество Далай-ламы и инициатива главного ламы ханства Лоузанга-Джалчина; колонизация земель, ухудшение экономического положения калмыков, изменение в хозяйственно-бытовой жизни (имеется в виду перевод на оседлость); частое привлечение на театры военных действий; христианизация калмыков; ограничительная политика России, грубость отдельных военачальников, оскорблявшая достоинство наместника[135].

Резюмируя, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что главной причиной откочевки значительной части калмыков в Джунгарию в 1771 г., по нашему мнению, явилась великодержавная политика России, которая практически осуществлялась методами колонизации, христианизации, ограничительной политики, политики "разделяй и властвуй" – сталкивания и разжигания междоусобиц, – находившей благодатную почву у калмыцкой феодальной верхушки. Колонизация для калмыков означала не только лишение пастбищ, ограничение территории калмыцких кочевий, но и смешение с другими этносами, изменение хозяйственного и бытового уклада жизни, а также ухудшение экономического положения всех социальных групп населения.

Политика христианизации калмыков вела к потере своей традиционной религии и привитию иной идеологии, к отходу от своей духовности, являвшейся основой государственности, к распылению, постепенному растворению народа в иной этносреде, к потере языка. А ограничительная политика в системе управления ханства привела к изменению статуса его политических институтов, к ликвидации самостоятельной государственной и политической жизни калмыцкого народа, ввела ханство в единоуправляемую систему России, население которой начало приобретать российское гражданство с четкой регламентацией правового положения сословий.

Одним из наиболее частоприменявшихся методов реализации великодержавного шовинизма явилась политика царской администрации "разделяй и властвуй", которая от скрытой в начале XVIII в. перешла в его середине к откры-

той форме – поддержке оппозиции наместника, (например, в 1764 г. хошоутовского тайши Замьяна), что способствовало междоусобной борьбе за власть. Начавшийся перевод некоторой части (улуса тайши Замьяна) на оседлый образ жизни, ведение стационарного хозяйства, в том числе и земледелия, ставили под сомнение дееспособность калмыка как воина, а самое главное, этот процесс вел к разрушению единства ханской власти. К этой политике следует отнести перевод части калмыков в состав казачества – оседлого населения, относящегося к военному сословию.

Серьезно подрывало экономику, а также генофонд калмыцкого народа частое привлечение людских и материальных ресурсов (верховые лошади, другие виды скота на питание, седла, сбруи, экипировка, вооружение воинов – все это за счет населения) на военные нужды России. Калмыцкое ханство, по сути дела, было привязано к России одной технологией власти – воинской повинностью, определявшейся рекрутской системой. За 120 лет пребывания в составе Российского государства калмыки в войнах России (в течение двух веков Россия, как известно, воевала 114 лет) провели 80 лет, не считая участия в подавлении восстаний отдельных народов. Привлечение калмыков к борьбе с башкирами, крымскими и кубанскими татарами, горскими народами привело к противопоставлению их другим народам.

К причинам, носившим субъективный характер, следует отнести "идею ухода", которая могла витать в умах и сердцах некоторых тайшей, была реально возможной при определенных обстоятельствах. К этой причине можно добавить благосклонное отношение и тайную поддержку "идеи ухода" тибетским духовенством, а также скрытое согласие китайской власти оказать содействие и принять калмыков.

В этих условиях, с одной стороны, активизации великодержавного шовинизма, с другой – видимой возможности избавиться и уйти от угрозы исчезновения этноса, наместник Убаши и его ближайшее окружение приняли, в целях спасения и сохранения калмыцкого народа как этноса, решение покинуть пределы России и вернуться на свою историческую родину – в Джунгарию. Поэтому к вопросу ухода калмыков не следует подходить упрощенно, как к стремлению "сохранить патриархальный образ жизни, а с ним и автономию ханства", как к результату тайной борьбы за

власть, за сохранение феодальных прав и привилегий[136]. Наместник Убаши, следует предполагать, понимал, что принимает очень ответственное, судьбоносное решение для калмыцкого народа, поскольку территория бывшего Джунгарского ханства уже была составной частью Китая. Поэтому трагедия Убаши заключалась, по нашему мнению, не в том, что он принял решение и повел народ из России, а в том, что произошло в пути из-за малой подготовленности, а также из-за недостаточно энергичной помощи китайских властей в выполнении своих тайных обещаний – оказать содействие в обеспечении безопасности движения, поселить калмыков компактно в Джунгарии.

Наместник Убаши и его единомышленники, Цебек-Доржи, Даши-Дондук, Лоузанг-Джалчин, осознанно и целенаправленно начали подготовку к откочевке после реформы Зарго и открытого противопоставления наместнику тайши Замьяна, т.е. с середины 60-х годов XVIII в. Это подтверждает письмо Замьяна Н.А. Бекетову от 28 февраля 1767 г., а также последующие его письма-донесения. В них он сообщал Н.А. Бекетову о всех подозрительных действиях наместника и его окружения. Кроме сообщений Замьяна к астраханскому губернатору поступали сведения о подготовке к откочевке и из иных источников. На основании имевшихся сведений Н.А. Бекетов обратился к полковнику И.А. Кишенскому и в Коллегию иностранных дел с предложением произвести расследование.

В ответ на его донесение в Коллегию последовали от 3 августа 1770 г. два документа – рескрипт Коллегии иностранных дел за подписью ее главы графа Н.И. Панина и вице-канцлера А.М. Голицына и указ императрицы Екатерины II. В них, отметив заслуги калмыков перед Россией, возложив всю вину за появившиеся слухи о подготовке к уходу на Замьяна, Коллегия и императрица отвергли подозрения и предложения Н.А. Бекетова.

Между тем подготовка к откочевке уже почти завершилась. Значительная часть калмыцких улусов были переведены на левый берег Волги, сформированы и распределены войска для их охраны, а также крупные арьергардные отряды. 3 января 1771 г. наместник Убаши объявил перед войском об откочевке в Джунгарию, а 4–5 января уже все улусы, находившиеся на левобережье Волги, двинулись в дале-

кий путь, продлившийся более семи месяцев и принесший огромные человеческие жертвы.

Это движение калмыцкого народа в Джунгарию великолепно отразил в известной поэме Сергей Есенин:

> "Послушайте, послушайте, послушайте,
> Вам не снился тележный свист?
> Нынче ночью на заре жидкой
> Тридцать тысяч калмыцких кибиток
> От Самары проползло на Иргис.
> От российской чиновничьей неволи,
> Оттого что, как куропаток, их щипали
> На наших лугах,
> Потянулись они в свою Монголию
> Стадом деревянных черепах"[137].

Начавшееся 5 января движение калмыков в Джунгарию для царской администрации явилось неожиданностью и застало ее врасплох. Фактически почти до конца месяца все предпринимавшиеся действия по остановке калмыков носили неорганизованный и разрозненный характер. Коллегия иностранных дел получила донесение об откочевке калмыков только после 10 января (отправлено оно было 9 января). Принятые оренбургским губернатором И.А. Рейнсдорпом меры по преследованию уходивших калмыков (отправка вдогонку казачьих частей, обращения к казахскому хану младшего жуза Нурали и к казахскому султану среднего жуза Аблаю) оказались тщетными.

Уход калмыков в Джунгарию оказался настолько важным (в разгаре была русско-турецкая война, обострение отношений с Австрией, восстание в Польше), что этот вопрос специально обсуждался 24 января 1771 г. с участием императрицы Екатерины II на Совете при высочайшем дворе. На нем было принято решение: найти возможности к возвращению калмыков на Волгу[138]. Совет дал поручения Коллегии иностранных дел, Военной коллегии, администрациям Сибири, Оренбурга, Астрахани и других городов, "чтоб крайнеше старались, сколько и где возможно будет, чинить над означенными бунтовщиками-калмыками поиск, везде их разбивать, назад возвращать и имущество истреблять, табуны отгонять и в полон их..."[139].

Однако предпринятые высшей властью меры не смогли остановить и вернуть калмыков. Судя по характеру резолю-

ции органа высшей власти государства, можно предположить, какая ждала калмыков участь в случае их возвращения. Если откочевка была приравнена к бунту, то их ждала жестокая расправа. Ушло, как предполагают историки, более 70% калмыков, или 30 909 кибиток. В пределах России, считают одни исследователи, осталось всего лишь 11 198 кибиток, а другие – более 13 тыс. (это количество подтверждается данными учета 1771 г.). Действительно, по переписи 1775 г. в России насчитывалось 11 198 калмыцких семей (кибиток)[140]. Но число откочевавших в Джунгарию кибиток, по данным праправнука хана Дондук-Омбо Алексея Дондукова-Корсакова, составило 73 016, т.е. около 400 тыс. человек[141].

Судя по той же резолюции Совета при высочайшем дворе, можно предположить, что царская администрация была озабочена не судьбой калмыцкого народа, а тем, что она теряла охранников южных границ государства, заметный контингент военных сил. Это подтверждает названная резолюция, где говорилось: "…не вознамериваются ли иногда воспользоваться сим случаем обитавшие в том краю и окрестные разные народы. И не покусятся ли сделать на границы наши нападения, почитая оные чрез то ослабевшими"[142]. В не меньшей, а может быть в большей, степени власть была обеспокоена тем, что Россия лишалась значительного количества скота и ценнейшего сельскохозяйственного сырья. Возможно, именно это предположение послужило основанием для С. Есенина, в известной той же поэме которого один из персонажей по поводу ухода калмыков и необходимости их возвращения говорил:

"… Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи
И угнали с собой весь скот...
Нет, мы не можем...
Допустить сей ущерб стране:
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших коней..."[143]

После того как стало ясно, что калмыков уже невозможно вернуть, а сами они не возвратятся, императрица Екатерина II указом от 19 октября 1771 г. упразднила Калмыцкое ханство и его учреждения, высшие должностные звания (хан, наместник ханства), а еще ранее, в марте, –

учреждение "Калмыцкие дела". Оказавшиеся без владельцев кибитки (6 892) в соответствии с тем же указом были распределены между оставшимися нойонами и владельцами (10), которые имели 6 597 кибиток, после чего в их владении оказалось 13 489 кибиток (семей).

Наступило время, нейтрализуясь от различных идеологий, отступив от конъюнктурных ветров, дать объективную оценку деяниям наместника Калмыцкого ханства Убаши по уводу значительной части калмыков в Джунгарию. Всесторонний, объективный анализ этого события, с учетом исторической обстановки того времени, российской политики по отношению к калмыкам, переживаемого Калмыцким ханством момента, позволяет прийти к выводу, что наместником двигали высокие помыслы – спасение, сохранение этноса, а не борьба за власть и с оппозицией, как представляли некоторые исследователи[144]. Все ранее существовавшие оценки, выводы основывались главным образом на исторических источниках субъективного характера. Авторы всех донесений о подготовке к откочевке калмыков преследовали свои корыстные цели: не столько, предупредить и предотвратить откочевку, сколько оклеветать, очернить наместника, сместить его и прийти к власти. Получавшие донесения чиновники (губернаторы, представители военной власти и т.д.) стремились поддерживать оппозицию власти и одновременно относиться лояльно к наместнику, балансировать власть на местах для удобства управления. В связи со случившейся откочевкой калмыков чиновники, ограждая себя, вынуждены были переложить всю вину лично на Убаши, наделив его отрицательными качествами. А документальных исторических источников, возникших в канцелярии и окружении наместника, к сожалению, не сохранилось, за исключением отдельных писем распорядительного характера ближайших родственников наместника. Документы секретного характера, тайного архива, как надо предполагать, были увезены с собой. Поэтому не случайно в некоторой нашей литературе наместник Убаши незаслуженно характеризуется как "слабохарактерный и недалекий", "бездарный"[145]. По нашему мнению, только талантливый, глубоко преданный своему народу человек смог сплотить значительную часть тайшей, приближенных, убедив их в необходимости откочевки, в тече-

ние длительного времени тайно готовить поход, продумать план движения и обеспечения безопасности, найти поддержку в высшем духовенстве Тибета и в руководстве Китая.

Но, к сожалению, высокие помыслы наместника Убаши обернулись трагедией. Калмыцкий народ оказался расколотым на две части, удаленные друг от друга на огромное расстояние, большие потери понес во время откочевки, оставшиеся калмыки к началу XX в. лишились территориального единства и проживали в разных губерниях России, а достигшие Джунгарии были расселены в нескольких районах Синьцзянской провинции Китая.

[1] *Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: Образование Калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С. 131, 132; *Преображенская П.С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII в. // Зап. Калмыц. НИИ ЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 83.

[2] Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 564; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1992. Кн. VI: История России с древнейших времен, т. 11/12. С. 627; *Кичиков М.Л.* Исторические корни… С. 127; *Преображенская П.С.* Указ. соч. С. 69.

[3] *Кичиков М.Л.* К вопросу образования Калмыцкого ханства в составе России // Вестник института: Ист.-филол. сер. Элиста, 1963. С. 22, 23, 26; *Преображенская П.С.* Указ. соч. С. 51; Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С. 134, 135; *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства, 1635–1758 гг. 2-е изд. М., 1983. С. 109.

[4] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 96.

[5] Там же; *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 66.

[6] Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Сб. ст. Элиста, 1980. С. 9.

[7] *Кичиков М.Л.* К вопросу образования… С. 14–15; *Бакаева Э.П.* Буддизм в Калмыкии: Историко-этнографические очерки. Элиста, 1994. С. 42–43; Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунъ-тайджия: Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями экстра-ординарного профессора в Санкт-Петербургском университете К.Ф. Голстунского. СПб., 1880. С. 39.

[8] Монголо-ойратские законы 1640 года… С. 37.

[9] Там же.

[10] Ламаизм в Калмыкии…С. 9–19.

[11] *Эрдниев У.Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 1985. С. 140–143.

[12] См.: Монголо-ойратские законы 1640 годы…; *Златкин И.Я.* Указ. соч.; *Батмаев М.М.* Калмыкия в XVII–XVIII вв.: В 2 кн. Элиста, 1993; *Митиров А.Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998; *Чернышев А.И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990 и др.

[13] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 129, 130; *Кичиков М.Л.* Исторические корни… С. 115–119.

[14] *Шовунов К.П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста, 1991. С. 69–72.

[15] Монголо-ойратские законы 1640 года… С. 43.

[16] Там же. С. 37.

[17] Там же. С. 39, 40.

[18] Там же. С. 37, 38.

[19] Там же. С. 39.

[20] *Шовунов К.П.* Очерки военной истории… С. 45, 50.

[21] Монголо-ойратские законы 1640 года… С. 61, 62.

[22] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972. С. 78.

[23] *Эрдниев У.Э.* Указ. соч. С. 239–245.

[24] *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1929. Ч. 3/4. С. 18–19.

[25] Подробно по вопросам о должностных лицах и социальной структуре калмыцкого общества XVIII в. см.: *Батмаев М.М.* Указ. соч.; *Эрдниев У.Э.* Указ. соч.; Монголо-ойратские законы 1640 года… С. 105–136 и др.

[26] См.: Монголо-ойратские законы 1640 года… С. 106, 135, 136.

[27] *Дорджиева Г.Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии: Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста, 1995. С. 23, 24.

[28] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VI, т. 11/12. С. 163.

[29] *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965. С. 27.

[30] Там же. С. 26, 29.

[31] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VI, т. 11/12. С. 177.

[32] Там же.

[33] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 31.

[34] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 137–139; *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутовского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 г. Элиста, 1995. С. 23, 24.

[35] *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста, 1992. С. 36.

[36] Полный свод законов Российской империи. Т. 1, № 540. С. 924. (Далее: ПСЗ Российской империи).

[37] Там же. С. 925.

[38] Там же.

[39] *Батмаев М.М.* Указ. соч. С. 189; Хрестоматия по истории СССР. 3-е изд., испр. и доп. М., 1949. Т. 1: С древнейших времен до конца XVII в. С. 401, 404.

[40] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 31–35.

[41] ПСЗ Российской империи. Т. 2, № 672. С. 80, 81, 84.

[42] Там же. С. 82.

[43] *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. С. 12.

[44] ПСЗ Российской империи. Т. 2, № 672. С. 82, 85.

[45] Там же. С. 84.

[46] Хотя по законодательству это касалось поместных и вотчинных земель См.: *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. М., 1992. Кн. 1. С. 89.

[47] *Митиров А.Г.* Указ. соч. С. 100, 101; *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 41–45.

[48] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 140, 141; *Пашков Б.Г.* Русь–Россия–Российская империя: Хроника правлений и событий, 862–1917 гг. 2-е изд. М., 1997. С. 343.

[49] *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества. С. 34–35.

[50] ПСЗ Российской империи. Т. 2, № 990. С. 494, 498.

[51] Там же. С. 496.

[52] *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 355–356; *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 48.

[53] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1991. Кн. VII: История России с древнейших времен, т. 13/14. С. 521; *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 356.

[54] *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 356–357; *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 50; *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992. С. 47.

[55] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 49.

[56] Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 70.

[57] *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 359–361; *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 52.

[58] История СССР / Под. ред. Б.Д. Грекова и др. 2-е изд. М., 1947. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. С. 570.

[59] *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 362, 363; *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 57.

[60] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. VIII: История России с древнейших времен, т. 15/16. С. 168, 169, 187.

[61] Там же. С. 167.

[62] Там же. С. 199.

[63] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 59.

[64] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VIII, т. 15/16. С. 200.

[65] *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества. С. 23.

[66] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 60–63.

[67] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 49.

[68] *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 221.

[69] ПСЗ Российской империи. Т. 4, № 2291. С. 547–550.

[70] Там же. С. 550.

[71] Там же. С. 548.

[72] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 67–68.

[73] *Пашков Б.Г.* Указ. соч. С. 379.

[74] *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества. С. 24; *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 71.

[75] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 70.

[76] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. IX: История России с древнейших времен, т. 17/18. С. 355.

[77] Там же. С. 601.

[78] Там же. С. 346; *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. С. 33, 34, 41, 42.

[79] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IX, т. 17/18. С. 346.
[80] ПСЗ Российской империи. Т. 6, № 3622. С. 228.
[81] Там же. С. 226.
[82] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IX, т. 17/18. С. 349.
[83] Там же. С. 351.
[84] Там же. С. 352.
[85] Там же. С. 353, 354.
[86] ПСЗ Российской империи. Т. 7, № 4660. С. 423, 424; № 4576. С. 352–354.
[87] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IX, т. 17/18. С. 349, 350.
[88] Там же. С. 348, 349.
[89] Там же. С. 598.
[90] Там же. С. 599–601.
[91] ПСЗ Российской империи. Т. 8, № 5699. С. 382.
[92] Там же. С. 383.
[93] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IX, т. 17/18. С. 597.
[94] *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 94.
[95] ПСЗ Российской империи. Т. 10, № 7191. С. 61, 62.
[96] Там же. Т. 8, № 5850. С. 543.
[97] *Митиров А.Г.* Указ. соч. С. 160.
[98] ПСЗ Российской империи. Т. 9, № 6705. С. 490, 491; Т. 10, № 7191. С. 61, 62.
[99] Там же. Т. 9, № 7191. С. 61, 62.
[100] Там же. № 7027. С. 897, 898; № 7103. С. 878, 879.
[101] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 44.
[102] *Батмаев М.М.* Указ. соч. С. 254.
[103] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 49, 50.
[104] *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Указ. соч. С. 96.
[105] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 50–56; *Батмаев М.М.* Указ. соч. С. 343, 344.
[106] *Батмаев М.М.* Указ. соч. С. 294.
[107] Там же. С. 298.
[108] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 84.
[109] Там же. С. 87.
[110] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 85.
[111] *Митиров А.Г.* Указ. соч. С. 237.
[112] История Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. С. 164.
[113] *Златкин И.Я.* Указ. соч. С. 259, 260.
[114] *Митиров А.Г.* Указ. соч. С. 244.
[115] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 90.
[116] *Митиров А.Г.* Указ. соч. С. 244.
[117] ПСЗ Российской империи. Т. 16, № 12198. С. 829.
[118] Там же. С. 827.
[119] Там же. С. 828.
[120] Там же. С. 831.
[121] Там же. С. 830.
[122] Там же.

[123] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 88–96.

[124] *Дорджиева Г.Ш.* Указ. соч. С. 33, 36.

[125] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 204; *Дорджиева Г.Ш.* Указ. соч. С. 34, 35.

[126] *Дорджиева Г.Ш.* Указ. соч. С. 40–42.

[127] ПСЗ Российской империи. Т. 12, № 8941. С. 112; Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Акты Земских соборов. М., 1985. С. 327.

[128] *Дорджиева Г.Ш.* Указ. соч. С. 43.

[129] ПСЗ Российской империи. Т. 16, № 12174, пункт 15. С. 789.

[130] *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973. С. 27, 54.

[131] *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 101.

[132] *Борисенко И.В.* Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII – начало XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Сб. науч. ст. Элиста, 1982. С. 45; Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. С. 196.

[133] Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. С. 200–201.

[134] *Бурчинова Л.С.* Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии // Вестник института. Элиста, 1968. № 3. С. 11.

[135] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 212; *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 92–96; *Беликов Т.И.* Указ. соч. С. 99–103; *Дорджиева Е.В.* Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 г.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 1999. С. 11–12; *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Указ. соч. С. 110 и др.

[136] *Дорджиева Е.В.* Откочевка… С. 11; *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 93, 94; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 213, 214 и др.

[137] *Есенин С.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1992. Т. 1: Стихотворения, поэмы. С. 333.

[138] См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 216, 217. Здесь ошибочно назван “Государственный совет”, который, как известно, был образован в начале XIX в.

[139] *Митиров А.Г.* Указ. соч. С. 269, 270.

[140] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 99.

[141] *Балакаев А.Г.* Трагедия калмыков // Сов. Калмыкия. 1991. 5 янв.

[142] *Митиров А.Г.* Указ. соч. С. 270.

[143] *Есенин С.* Собр. соч. Т. I. С. 333, 334.

[144] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 93–97. Его мнение поддержали историки М.М. Батмаев и А.Г. Митиров в указанных сочинениях.

[145] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории… С. 93–96.

Глава третья

СТАТУС КАЛМЫКИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (конец XVIII – начало XX века)

1. Поэтапное введение Калмыкии в административно-территориальное управление Российского государства (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века)

После откочевки в конце 1771 г. значительной части калмыков в Джунгарию, политическая карта Калмыцкой степи претерпела принципиальные изменения. С упразднением Калмыцкого ханства была не только ликвидирована государственность калмыцкого народа, но и аннулирован, применяя современную терминологию, субъект России. Калмыкия стала составной частью Астраханской губернии, а в административном отношении она была подчинена астраханскому губернатору. Улусы, как самостоятельные отдельные владения во главе со своими нойонами, фактически были приравнены к уездам. Для наблюдения за порядком в улусах губернатором назначались приставы, наделенные и административной властью. Калмыкия с этого времени вводилась в единое российское правовое пространство. В соответствии с нормами крепостного права за владельцами улусов была сохранена самостоятельность в управлении подвластными им людьми. По аналогии с вотчинным судом владелец мог вершить суд и расправу над людьми своего улуса "по... калмыцким правам и обыкновениям". Тем самым владельцы (нойоны) по своему статусу фактически были приравнены к дворянскому сословию. В связи с этим положением, согласно действовавшему российскому наследственному праву и нормам калмыцкого обычного права, владельческие права на улусы переходили от отца к сыну, а при отсутствии прямого наследника улус поступал в казенное ведомство.

Общее управление калмыцкими делами возлагалось на специальную структурную часть канцелярии астраханского губернатора – экспедицию калмыцких дел. В 1772 г. при

экспедиции был учрежден судебный орган – Зарго (сословный суд по типу верхнего земского суда), подчиненный местной администрации. В состав Зарго входили три зайсанга (по одному представителю от главных улусов – торгоутовских, дербетовских, хошоутовских), работавшие на штатной профессиональной основе. Были сделаны попытки ввести элементы принципа независимости судей. Кроме установления им жалованья "по сту рублев в год", судьи и их ближайшие родственники ("первого колена") освобождались от всяких штрафов, налагаемых зайсангами. В связи с тем что суд не был отделен от администрации, на практике Зарго в своей работе не обладал самостоятельностью, и его решения приобретали силу официального документа лишь после их утверждения губернатором. В местном управлении, как видим, совместились идея разделения властей и принцип государственного контроля (абсолютная модель).

Зарго осуществлял судопроизводство в соответствии с нормами "Великого Уложения", законами Дондук-Даши 1758 г. и древними калмыцкими обычаями. А уголовные дела между калмыками и соседним населением решались им на основании российского законодательства.

Завершив русско-турецкую войну (1768–1774) подписанием мирного договора, расправившись с крестьянским восстанием под предводительством Е. Пугачева с помощью армии, царская администрация в 1775 г. провела большую реформу местного управления и суда. 7 ноября 1775 г. Екатерина II своим манифестом обнародовала "Учреждения для управления губерний Всероссийской империи", в которых нашли отражение две тенденции – централизации и децентрализации управления ("целое только тогда может быть хорошо, когда части его находятся в устроении"). В результате реформы были разукрупнены губернии, на основе нескольких губерний предусмотрено наместничество или генерал-губернаторство. В соответствии с принципами проводимой реформы в мае 1785 г. было образовано Кавказское наместничество, в состав которого вошли Кавказская и Астраханская губернии вместе с кочующими калмыками.

Для управления делами калмыков в 1786 г. распоряжением астраханского губернатора П.С. Потемкина, одновременно исполнявшего обязанности наместника, была учреждена Калмыцкая войсковая канцелярия, в функции которой

входили административно-полицейские, финансово-хозяйственные и вопросы организации военной службы в соответствии с новым законом (1784 г.) о всеобщей воинской повинности. Вскоре, в 1788 г., в связи с изменением полномочий Калмыцкой войсковой канцелярии (снятие вопросов организации всеобщей повинности) она была преобразована в Калмыцкую канцелярию и переведена из Енотаевска в Астрахань, в администрацию губернатора[1].

В связи с реорганизацией общего управления калмыцкими делами и судебной реформой в России в 1786 г. был упразднен Зарго, а его функции переданы астраханским уездным судам, являвшимся сословными, т.е. дворянскими, судами первой инстанции.

С упразднением в 1796 г. Кавказского наместничества Астраханская губерния, в состав которой вошла территория Кавказа, выделилась в самостоятельную административно-территориальную единицу со своим административным управлением. В астраханской губернской администрации вместо Калмыцкой канцелярии было образовано в 1797 г. Калмыцкое правление, аналогичное структурным подразделениям по управлению кавказским населением губернии. В ведении Калмыцкого правления находились три группы улусов – торгоуты, дербеты, хошоуты, не считая донских калмыков, в составе 13 059 кибиток, что приблизительно равно 60 тыс. человек.

В это же время часть населения Большедербетовского улуса во главе с Екремом Хапчуковым двинулась на земли войска Донского и в 1798 г. была причислена к казакам, получив самоназвание большедербетов. Для управления их делами (3764 кибитки с населением 9 525 человек) при войсковой канцелярии Именным указом Павла I от 16 февраля 1799 г. было образовано Правление, вместо сыскного начальства войска Донского. По этому указу в состав Правления, кроме двух важных чинов, входил владелец Большой Дербетовской орды[2]. Основные задачи Правления заключались в проведении переписи калмыков, разрешении споров, жалоб, исков, формировании калмыцких воинских частей во главе со своими командирами. Что касается так называемых базовых калмыков, стародавних жителей Дона, численностью до 5 тыс. человек, то они по-прежнему оставались на своих местах и не входили в ведение Правления.

Буквально через год с небольшим, 11 августа 1800 г., Павел I подписал еще один указ, согласно которому орда Большого Дербета получала полную самостоятельность и фактически статус субъекта России. В соответствии с этим повелением императора калмыки орды Большого Дербета были обязаны избрать себе начальника, быть независимыми от казаков Дона, перейти в зависимость прямо от государя, переписываться напрямую с ним, по всем делам иметь сношение с Коллегией иностранных дел, как это и было прежде, по землям и сего рода сношениям – с генерал-прокурором[3].

Чуть раньше, 18 июля 1800 г., в связи со смертью владельца Большедербетовского улуса Екрема Хапчукова Павел I утвердил правителем этого улуса его младшего брата – Габун-Шарапа. Почти одновременно, в августе 1800 г., после смерти Бабула, правителя Малодербетовского улуса, находившегося на Волге, астраханский губернатор К.Ф. Кнорринг на его место назначил Чучея Тундутова[4].

Вскоре последовали еще два высочайших указа императора, изменившие правовой статус и положившие начало новому этапу развития самоуправления в Калмыкии и ее взаимоотношений с центральными органами власти. Павел I после встречи с представителями улусов, рассмотрев положение калмыков и учитывая возросшую численность населения, экономический потенциал, по-видимому, пришел к выводу, что калмыцкую проблему следует решать в целом, как единого народа, а не по улусам. Кроме того, в объединении калмыцких улусов, в создании единого высшего органа управления и восстановлении всесословного калмыцкого суда, подчиненных центральным органам государственной власти России, по нашему мнению, сыграл свою роль и субъективный фактор – желание Павла I следовать традициям великих деяний Петра I в “возобновлении древних узаконений высоких наших предков”.

Всемилостивейшей грамотой от 14 октября 1800 г. Павел I, как в ней подчеркивалось, “утверждая прежние калмыцкие права”, назначил наместником “в калмыцком народе нам подданном” Чучея Тундутова, владельца Малодербетовского улуса, а также определил территорию Калмыкии в прежних границах: “…от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Сялу, Манычу, Куме и взгорью простирающиеся, и

другие места, по коим предместники ваши кочевье имели, опричь тех, кои именными улусами уже пожалованы"[5].

Этим же указом вместо Калмыцкого правления учреждался для управления и местного судопроизводства Совет при наместнике – Зарго в составе восьми человек (светских и духовных лиц с учетом равного представительства зайсангов от улусов) на государственном жалованье и представителя российской центральной власти с правом решающего голоса (персонально был определен коллежский советник Макаров). В случае серьезных разногласий в Зарго спорный вопрос мог быть окончательно разрешен Коллегией иностранных дел, в исключительных случаях – даже и императором. Зарго предоставлялось право руководствоваться не только указаниями центральной власти, но и нормами обычного права, законами калмыцкого народа.

Наместник в Калмыкии, назначаемый из числа местной знати с соблюдением норм калмыцкого наследственного права о передаче власти (старшему сыну, в случае отсутствия – ближайшему родственнику), наделялся, как и прежде, атрибутами власти – знаменем, саблей, панцирем, а также государственными подарками – собольей шубой и шапкой. Но эти символы, хотя и восстанавливались прежние калмыцкие права, теперь не имели той значимости, как раньше. В данном случае вполне можно согласиться с мнением профессора Н. Пальмова, что, "утверждая Чучея наместником, правительство не вручало ему той полноты власти, какою пользовались прежние калмыцкие ханы"[6].

В тот же день, 14 октября, императором Павлом I была подписана Жалованная грамота "О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков". Главой калмыцкого духовенства – ламой был утвержден Собин – бакши, которому пожаловали знак высшего духовенства – посох, соболью шубу, государственное жалованье на год, превышающее в 6 раз жалованье члена Зарго. В грамоте определялись основные полномочия ламы – "по духовным обстоятельствам соблюдать и держать в должном к Нам, Великому государю, верном и усердном подданстве..."[7].

Таким образом, вполне уверенно можно утверждать, что император Павел I открыл новый период в истории Калмыкии, восстановив ее в качестве субъекта России на правах особой губернии с местным самоуправлением, но

подконтрольным органам центральной власти. Восстановление Калмыкии на правах субъекта было проведено в соответствии с основными принципами организации и управления губернии по “Губернскому учреждению 1775 г.”, но с учетом национальной специфики и традиций, опыта действовавшей системы местного самоуправления и взаимоотношений с центральными органами власти.

В организации административно-территориального управления Калмыкии проявились наиболее общие признаки ее сходства с губернией: определена конкретная территория; император ставит наместника, ответственного перед ним; при наместнике действует общесословный суд – Зарго, одновременно и как наместническое правление; императором назначается высшее духовное лицо – лама, выступающий и как государственный чиновник. В связи с этим вопрос о восстановлении Калмыцкого ханства является спорным[8], поскольку Калмыкия не обладала признаками национального суверенитета и не имела своей определенной системы государственного управления, допускавшей достаточную самостоятельность во внутренних делах. В данном случае мы можем говорить скорее о предоставлении Калмыкии статуса административной автономии, нежели политической.

Не внесли принципиальных изменений в правовой статус Калмыкии два Именных указа императора Александра I от 26 октября 1801 г., данные Коллегии иностранных дел и генерал-лейтенанту Кноррингу: “О утверждении прав и преимуществ, Калмыцкому народу присвоенных; о возстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном и от ентешних начальств, кроме от Коллегии, независимом”. Но более всего был усилен контроль за администрацией Калмыкии. В указах в основном было подтверждено установленное Павлом I правовое положение Калмыкии.

Александр I однозначно подтвердил, что Калмыкия непосредственно подчиняется Коллегии иностранных дел. Если в павловских указах Калмыкия наделялась правом выхода на императора и он являлся высшей инстанцией при сношениях с центральной властью, то в данном указе это положение не предусматривалось. Пунктом 2 указа от 26 октября определялось, что “все сношения по делам сего

народа возстановить в прежний их порядок, правам, ему данным, сообразный, и от внешних начальств, кроме Государственной Коллегии Иностранных дел, независимый...”[9].

В отличие от предыдущего периода (имеются в виду ханства) вводилось еще одно, дополнительное звено в систему управления Калмыкией. В Именном указе от 26 октября генерал-лейтенанту Кноррингу, астраханскому губернатору, предписывалось принимать участие в калмыцких делах, но “в тех случаях, когда помощи и покровительства вашего они взыщут... и то по сношению вашему с Коллегией Иностранных дел”. Одновременно выражалась уверенность в том, что губернатор будет “доставлять сему народу зависящие от вас пособия к охранению польз его и прав ему данных”[10]. Как видим, губернатор был весьма ограничен в своих правах по отношению к Калмыкии. Поэтому вызывает сомнение обоснованность в нашей историографии утверждения, что наместник Калмыкии именно в это время был подчинен астраханскому военному губернатору[11]. Другой вопрос, как это было на самом деле, на практике.

Содержание рассматриваемых двух указов убеждает нас в том, что Калмыкия была приравнена по статусу к губернии с особой спецификой. В 1801 г. по Именному указу Александра I, данному Коллегии иностранных дел, в штат управления Калмыкии вводилась отдельная должность Главного пристава “при всем калмыцком народе” с помощниками – частными приставами по улусам. Калмыцкий советник Макаров стал Главным приставом всех прочих вверенных ему народов в пределах Астраханской губернии[12]. Это высшее должностное лицо в Калмыкии выступало представителем центральной власти, – Коллегии иностранных дел, с правом участия в управлении калмыцкими делами и защиты ее интересов. Главный пристав, имея высокий ранг российского государственного чиновника, был как бы промежуточным, связующим звеном центра с местной властью в целях укрепления исполнительной власти Калмыкии (роли, авторитета наместника), а также вертикальной власти царской администрации на территории. Этим же указом Главным приставом Калмыкии был назначен коллежский советник Н.И. Страхов. Он приступил к исполнению своих обязанностей в середине 1802 г.

Институт приставов в России, как известно, был введен в 1782 г. в соответствии с губернской реформой, и основные их обязанности заключались в обеспечении охраны порядка, организации исполнения законов. Поэтому основная задача Главного пристава Калмыкии и частных приставов по улусам состояла в консолидации феодальной правящей верхушки, осуществлении надзора, в охране порядка, участии в судебных разбирательствах. Кроме того, Главный пристав со своими помощниками обязан был бдительно следить за происходящими процессами в калмыцком обществе и постоянно информировать соответствующие инстанции.

Постоянный контроль, мелочная опека и надзор со стороны Главного пристава Н.И. Страхова за работой наместника, Зарго и его членов вызывали, по всей вероятности, у них недовольство и раздражение. В результате взаимного недоверия и неприязни стали поступать в центральные органы власти жалобы, заявления, как с одной стороны, так и с другой, с обвинениями друг против друга. Н.И. Страхов писал в различные учреждения, такие, как Коллегия иностранных дел, вице-канцлеру князю А.Б. Куракину, Главноуправляющему в Грузии и на Кавказской линии князю П.Д. Цицианову, внося предложения о ликвидации должности наместника и реорганизации Зарго, о выработке нового законодательства по управлению Калмыкией. Сложившиеся взаимоотношения между Главным приставом и калмыцкой администрацией в значительной степени осложнили решение вопроса о наместнике Калмыкии после смерти в 1803 г. Чучея Тундутова, усилили раскол в калмыцком обществе и повлияли на коренную реорганизацию системы управления Калмыкии.

В сложившейся ситуации во взаимоотношениях между представителем центральной власти и местной и в связи с курсом на укрепление самодержавия Александр I по предложению Коллегии иностранных дел подписал 26 октября 1803 г. Именной указ “О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и Суда их Зарго астраханскому военному губернатору”. В нем подчеркивалось, что “для лучшего устройства в калмыцком народе и большей удобности к прекращению частых их распрей повелеваем, чтобы Главный пристав, при них находящийся, и Суд их, именуемый Зарго, оставаясь по прежнему в ведомстве Государственной

Коллегии Иностранных дел, были подчинены, по близости их кочевья, астраханскому военному губернатору". Все должностные лица по калмыцким делам должны были обращаться в центральные органы власти только через астраханского губернатора. А он, в свою очередь, наиболее важные вопросы должен был разрешать только с ведома Коллегии иностранных дел.

В данном указе не упоминалось о должности наместника Калмыкии, она была просто обойдена молчанием. Таким образом, должность наместника практически упразднялась. В связи с этим улусные владельцы по согласованию с Зарго стали утверждаться императором. Именным указом Александра I от 19 октября 1803 г. Санджи Убаши был утвержден владельцем торгоутовского Яндыковского улуса[13]. Владельцем Малодербетовского улуса в 1805 г. был утвержден Эрдени-тайши, сын наместника Чучея Тундутова, а владельцем Большедербетовского улуса – Габун-Шарап[14]. Постепенно Зарго был лишен административно-управленческих функций и полностью превращен в судебный орган с ограниченными полномочиями лишь по гражданским делам (с ценой иска от 25 до 5 руб.). Более крупные гражданские дела, а также все уголовные решались в уездных, верхних земских судах, в астраханской губернской судебной палате в соответствии с российским законодательством.

В те же годы были предприняты попытки решить территориальную проблему калмыков с учетом численности населения и его скота, а также с учетом земель, отведенных и розданных помещикам, казенным поселенцам. Именными указами от 31 мая и 12 июня 1803 г. поручалось саратовскому гражданскому губернатору Беляеву и Главноуправляющему в Грузии и на Кавказской линии князю П.Д. Цицианову организовать и провести работу по отводу и закреплению за калмыками земель в Астраханской и Саратовской губерниях. При этом особо подчеркивалось, чтобы калмыки имели доступ к Волге, оставили в прежних размерах территорию для кочевий владельца Тюменя между Ахтубой и Волгой[15].

В соответствии с этим поручением был подготовлен астраханскими военными и гражданскими властями проект землеустройства калмыков и других кочующих народов Приволжских степей, который одобрил министр внутрен-

них дел В.П. Кочубей. Данный проект был положен в основу "Положения об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и Саратовской", утвержденного Александром I 19 мая 1806 г. Это Положение вместе с приложениями было принято в виде нормативного правового акта – императорского указа "О назначении земель калмыкам и другим народам в губерниях Астраханской и Кавказской"[16].

Закон предоставил калмыкам право занимать своими кочевьями нагорную и отчасти луговую сторону Волги. В приложенной генеральной карте были обозначены границы весеннего, летнего и осеннего "общего кочевья" калмыков на нагорном берегу Волги с дачами помещичьих, казачьих и казенных поселян, а также предусматривались места для прогона калмыцкого скота к водопою, к Волге. Далее пограничная линия калмыцких земель прокладывалась по берегу Каспия, реке Куме до селения Владимировка, а оттуда по Манычу, от Маныча до земель войска Донского, вплоть до селений Чапурники и Цаца Саратовской губернии. Вся находящаяся внутри указанных границ степь предназначалась для "общего кочевья", ею могли пользоваться калмыки согласно существующим у них обычаям.

Большедербетовскому улусу выделялись земли за Манычем, по Калаусу, до самого Большого Егорлыка. По нему предусматривались места для прогона скота на водопой.

Согласно очередности ежегодно в начале лета одному из улусов разрешалось переправляться на луговую сторону Волги в районе селений Никольское и Пришиб. Здесь под кочевье отводилась территория вплоть до озера Баскунчак, а от него до дачи владельца Хошеутовского улуса Тюменя.

В указе обстоятельно регламентировался порядок зимнего кочевья калмыков. На Каспийском побережье им разрешалось занимать все свободные мочажные места и казенные земли. Что касается зимовки на нагорной стороне Волги, то калмыки получили возможность пользоваться займищными местами взамен на степную территорию (вырезки) от 10 до 15 верст.

В соответствии с законом калмыкам отводилась территория поселка Калмыцкий Базар, а также участки, ранее сданные казной в оброчное содержание. Доход с оброчных статей должен был поступать в Калмыцкое управление.

Калмыкам в пределах отведенной территории разрешалось заводить селения, строить дома, постоянные жилища.

В начале XIX в., в связи с наращиванием численности казачьих войск, было обращено внимание и на калмыков, компактно проживающих в других регионах. Именным указом императора от 21 апреля 1803 г., данным Сенату, чугуевские, доломановские калмыки (406 ревизских душ), кочевавшие в Мариупольском уезде, были переведены на земли войска Донского и причислены к казакам с правом несения службы наравне с ними. Но они были освобождены от взимания с них казенных податей и от рекрутской повинности.

Следующим мероприятием этого же направления явился высочайше утвержденный 2 ноября 1803 г. доклад министра военных сухопутных сил "Об устройстве Ставропольского калмыцкого войска". Имелись в виду калмыки, переведенные при Петре I на Волгу выше Самары (была построена крепость Ставрополь) и обращенные в христианскую веру. В докладе отмечалось, что "службу калмыки сии отправляли с усердием и подданическою верностью во все время их в Ставрополе поселения, были в походах против неприятелей в Прусскую и Шведскую войны, и употребляются поныне с прочими на стражу по Оренбургской линии против киргис-кайсаков". В связи с этим министр вносил предложение оставить "войско Ставропольское в отношении владения, пожалованного ему землею и другими выгодами как и внутреннего распорядка по хозяйственному его управлению, во всем на прежних правах без всякой отмены и предоставив оному на основании Грамоты 739 и указа Правительствующего Сената 745 право принимать в свое сословие и поселять на пожалованных войску землях имеющих выходить впредь единородцов из калмык и владельцев..."[17].

В соответствии с предложением министра подверглись реорганизации внутреннее устройство и управление Ставропольского калмыцкого полка. Управление было оставлено в составе Оренбургского казачьего войска, но уже в качестве отдельного полка численностью до 1 тыс. человек. Управление войском и гражданское управление сосредоточивались в Войсковой канцелярии, организованной по типу казачьей, во главе с войсковым атаманом (председателем), назначаемым Военной коллегией по представлению Оренбургской войсковой канцелярии. В штате Войсковой

канцелярии предусматривались: два непременных члена (штабные офицеры) или советника; один асессор, избираемый каждые три года; канцелярские служители; переводчик чиновник 14-го класса; секретарь чиновник 14-го класса по делам охраны правосудия, подчиненный губернскому прокурору; два толмача; два фельдшера. Служебный статус всех чиновников канцелярии определялся Генеральным регламентом.

По военным делам Войсковая канцелярия была подчинена специальному инспектору Оренбургской инспекции, а по гражданской части – симбирскому губернскому начальству (непосредственно губернатору). В связи с данным положением войсковой атаман был ограничен в своих полномочиях. Он имел право издавать постановления и приводить их в исполнение только по согласованию с инспектором Оренбургского войска и после утверждения Военной коллегией[18].

После проведенной реорганизации в начале XIX в. Ставропольское казачье войско состояло из 10 рот и 34 улусов. Всего в них насчитывалось 185 дворов с общим числом населения около 3300 душ обоего пола (по сравнению с 1760 г. оно увеличилось на 1535 человек)[19].

В это же время начались реорганизация управления донских калмыков (3907 семей, общее количество населения составляло 13 326 человек) и полное их введение в общеказачьи порядки. В первую очередь была установлена определенная территория для кочевий трех донских улусов (Верхний – 4 аймака (сотни), Средний – 5 аймаков, Нижний – 4 аймака), упорядочена низовая система управления – сотник, пятидесятник, хотонный приказной, избираемые из служилых или зажиточных калмыков на собрании населения сотен и хотонов. Все улусы непосредственно подчинялись приставу Калмыцкого правления, избиравшемуся по положению 1819 г. о порядке выборов окружного войскового начальства. Пристав непосредственно подчинялся Донскому войсковому управлению. Эта реформа по введению донских калмыков в казачье сословие и в казачью систему управления полностью завершилась в 1835 г.[20]

Несмотря на проводимые крупные реформы управления в Калмыцкой степи, в калмыцких казачьих поселениях, калмыки принимали активное участие во всех военных кам-

паниях первой четверти XIX в. (шесть войн и один заграничный поход). В Аустерлицком сражении 1805 г. в составе русских войск участвовал донской калмыцкий полк под командованием подполковника Сысоева, крещеного калмыка. А в русско-французской войне 1806–1807 гг. в составе конницы атамана М.И. Платова участвовал Ставропольский калмыцкий полк в количестве 560 человек. Оценивая заслуги этого полка, атаман Платов писал в рапорте: "Башкиры и калмыки выполнили приказание с отличным мужеством"[21].

В это же время на Кавказской линии находились пять калмыцких полков (общей численностью свыше 2,5 тыс. человек и свыше 5 тыс. лошадей) в распоряжении генерала Булгакова[22].

К началу Отечественной войны 1812 г. в составе русских войск, кроме указанных Ставропольского и донского калмыцких полков, действовали два астраханских калмыцких полка. Один астраханский полк, под командованием князя Джамбы-тайши Тундутова, имел в своем составе 552 человека и 1054 лошади, а другой под командованием князя Сербеджаба Тюменя, – 576 человек и столько же лошадей. Кроме того, в различных частях русской армии на полях сражений Отечественной войны участвовало до 3,5 тыс. донских калмыков. Значительная помощь фронту была оказана мирным населением. Только калмыки Калмыцкой степи в годы Отечественной войны внесли в фонд помощи фронту более 23,5 тыс. руб., 1080 строевых лошадей, 1100 голов крупного рогатого скота[23].

Калмыцкие полки участвовали во многих крупных сражениях Отечественной войны (в Бородинском, в "Битве народов" под Лейпцигом и др.) и в заграничном походе. Вместе с передовыми частями русской армии 1-й и 2-й калмыцкие полки 19 марта 1814 г. вступили в Париж. 1-й калмыцкий полк вернулся в Калмыкию 3 января 1815 г., 2-й – 20 ноября 1814 г. Из 1104 воинов двух полков вернулись 734 человека (66,5%). Многие воины-калмыки за проявленную доблесть были награждены орденами, медалями, повышены в званиях. Только за участие во взятии Парижа 216 калмыков награждены серебряными медалями. Командиры полков Д. Тундутов и С. Тюмень за проявленную отвагу и "...отличия, оказанные в сражениях против француз-

ских войск" были награждены именным оружием – золотой саблей с надписью: "За храбрость"[24].

Проводимые реформы управления свидетельствовали о продолжавшихся поисках путей совершенствования управления, определения правового положения и места Калмыкии в Российском государстве, форм и механизмов взаимоотношений Калмыкии с центральными и соседними губернскими властями. Эти затянувшиеся до 20-х годов XIX в. поиски были, конечно, не случайными, они явились следствием ухода значительной части калмыков из России, упразднения их национальной государственности. Кроме того, были причины и более общего характера: на рубеже XVIII и XIX вв. абсолютная монархия в России, как известно, стремилась приспособить все звенья (центральные и местные) государственного аппарата к происходившим изменениям в общественно-экономическом строе страны. В комплекс таких мер входила и реформа всех звеньев сибирского управления, управления инородцами, которая была завершена в 1822 г.[25]

В этой реформе учитывалась специфика национальных районов, требовавшая иных, чем в центральных губерниях, методов управления, а следовательно, и иной системы его организации. Эта особенность определялась не только национальными, но и местными задачами, определявшимися потребностями центральной власти. В Калмыкии, например, она вызывалась необходимостью иметь в постоянной готовности калмыцкие воинские части (С.М. Соловьев, опираясь на мнение русских офицеров, писал, что "калмыки лучше всех из нерегулярных войск")[26], а также увеличивать поставку калмыцкого скота на всероссийский рынок в условиях развития капиталистических отношений.

Царская администрация, подготавливая реформу управления в Калмыкии, уже имела достаточный опыт и готовые варианты организации управления на национальных окраинах (нормативные документы по управлению Сибирью "Общее учреждение для местного управления Сибири", "Общий устав об управлении сибирских инородцев" и другие, утвержденные императором в феврале 1822 г.). Поэтому "Правила для управления калмыцкого народа"[27], 10 марта 1825 г. высочайшим указом Александра I, не были для

царской администрации чем-то новым в системе проводимых в 20-е годы XIX в. реформ управления.

Согласно этим Правилам Калмыкия наделялась статусом субъекта России, приравненного к области – административно-территориальной единицы, введенной в России в результате реформы 1822 г. и равнозначной по правовому положению внутренней области в составе Астраханской губернии. Но Калмыцкая область со структурой 4-х степеней управления (главное, областное, окружное, улусное) имела свою специфику, связанную с калмыцким общественным устройством, традициями в управлении, а также с введением контроля со стороны территориальных гражданских и военных властей (Астраханской губернии и Кавказской области во главе с командующим войсками на Кавказе).

В высшем административном отношении Калмыцкая область была подчинена Министерству внутренних дел России, непосредственно министру В.С. Ланскому[28]. В данном случае министерство выступало высшей инстанцией управления областью – высшим звеном в системе управления. Калмыцкая область входила в непосредственное управление МВД, поскольку его основные задачи заключались в проявлении заботы "о повсеместном благосостоянии народа" страны, и, кроме того, ему были подведомственны губернаторы. Поэтому к компетенции Министерства внутренних дел было отнесено решение наиболее жизненно важных вопросов Калмыцкой области: назидание "вообще за благосостоянием калмыцкого народа", охранение "права его и пользы", а также установление или изменение организации управления областью; раздел улусов; разрешение споров между владельцами улусов, споров между калмыками и населением соседних губерний, областей с иском свыше 1 тыс. руб.; финансирование расходов на содержание аппарата управления[29].

Высшим должностным лицом Калмыцкой области в соответствии с Правилами являлся Главный пристав, назначаемый и увольняемый МВД по представлению Главноуправляющего Кавказским краем. Главный пристав, будучи непосредственным представителем министерства в Калмыкии, по вопросам обеспечения порядка, соблюдения законодательства, по судебным, военным делам на месте подчинялся Главноуправляющему, а по всем остальным делам

гражданского характера – астраханскому губернатору. В связи с большим объемом работы ("по многочисленности Орды калмыцкой, составляющей более 25 000 кибиток, и по большому пространству степей, кочевьем ею занимаемых") в помощь Главному приставу были определены два помощника.

Вопросы назначения, освобождения, перемещения всех остальных чиновников, входивших в аппарат управления Калмыкии, во главе с Главным приставом Министерство внутренних дел поручало осуществлять Главноуправляющему Кавказским краем по представлению астраханского губернатора.

В соответствии с Правилами 1825 г. высшим местным (областным) органом управления Калмыкии являлась Комиссия калмыцких дел – коллегиальное учреждение во главе с астраханским губернатором. В связи с тем что Калмыцкая область в административно-территориальном отношении входила в состав Астраханской губернии, вопросы управления ею были выделены в отдельную группу и поручены губернатору. По положению в состав Комиссии калмыцких дел входили вице-губернатор, Главный пристав, губернский прокурор, а также представитель от владельцев улусов и представитель от калмыцкого дворянства, которые в качестве депутатов делегировались путем выборов. Обслуживание работы Комиссии возлагалось на аппарат управления Главного пристава.

Правила устанавливали весьма обширный диапазон полномочий Комиссии (за исключением уголовных дел), строго регламентировали порядок ее работы, прохождения и рассмотрения дел, документирование деятельности. По характеру компетенции и полномочий Комиссия относилась к исполнительно-распорядительному органу, имевшему и функции суда высшей инстанции по гражданским делам на территории области. Решая административные, хозяйственные, финансовые, налоговые вопросы, она осуществляла надзор за правильным прохождением дел в Зарго, т.е. окружном суде, рассматривала кассационные жалобы на решения Зарго по делам на сумму свыше 400 руб., а также жалобы зайсангов на решения Зарго по делам управления аймаками, по разделу владений. Если рассматривать состав Комиссии и порядок ее формирования (конечно, не всего

состава, а только одной третьей части), то можно сказать, разумеется с известной оговоркой, что она имела элементы и сословно- представительного органа Калмыкии.

В Правилах достаточно четко были отрегулированы вопросы взаимоотношений Комиссии калмыцких дел с Главным приставом. Главный пристав был подотчетен в своей работе не только МВД, Главноуправляющему Кавказским краем, астраханскому губернатору, но и областной Комиссии калмыцких дел. Он ежемесячно должен был отчитываться перед министерством о положении дел в Калмыкии, о проведенной работе и особенностях разрешения сложных и спорных вопросов в Комиссии калмыцких дел. В обязательном порядке он должен был не менее одного раза в год лично выезжать в калмыцкие кочевья и на месте разрешать возникшие вопросы, а затем информировать Комиссию о проведенной в улусах, кочевьях работе.

Главный пристав в обязательном порядке вносил на рассмотрение Комиссии дела, требовавшие принятия коллегиальных решений. При переписке по этим рассмотренным делам он должен был ссылаться на решения Комиссии. Комиссия калмыцких дел имела право в любое время проверить работу Главного пристава, заслушать его и вынести свое заключение, доложить о нем Министерству внутренних дел и Главноуправляющему Кавказским краем.

Высочайшим указом Александра I от 9 марта 1825 г. Комиссии калмыцких дел предписывалось проанализировать имеющееся калмыцкое законодательство и совместно с владельцами улусов, представителями духовенства выработать новые законоположения, которые соответствовали бы реальному положению Калмыкии, времени, российским законам. Основная цель этого указа состояла, по-видимому, в том, чтобы местное (национальное) законодательство ввести в единое законодательное пространство страны. Предлагалось составить родословные книги нойонов, владельцев, зайсангов, духовенства, провести предварительную перепись кибиток по улусам. Эти данные необходимы были для подготовки к введению калмыцкого населения в общие российские сословия. Комиссии ставилась очень важная социально и политически значимая проблема – изучить вопросы взаимоотношений владельцев, зайсангов, простолюдинов с духовенством и степень влияния последнего

на них, а также степень зависимости простолюдинов от своих владельцев и их взаимоотношения. Эти данные позволили бы властям изучить социальный уровень развития калмыцкого общества, общественно-политическую обстановку в нем.

Правилами 1825 г. функции окружного органа управления были возложены на Суд Зарго – общесословный судебный орган (но по составу сословный) в составе восьми членов (два от духовенства – гелюнги, шесть от владельцев и зайсангов – по числу улусов), которые избирались в улусах сроком на три года и утверждались в должности члена суда Комиссией калмыцких дел. Судопроизводство должно было осуществляться в соответствии с калмыцкими законами и нормами обычного права. Зарго выступал по отношению к нижестоящим судам (улусным) высшей апелляционной инстанцией. Но фактически Суд Зарго работал под контролем исполнительного органа, поскольку содействие работе Зарго должен был оказывать один из специально прикрепленных помощников Главного пристава, а документирование вести один из его переводчиков.

Суд Зарго рассматривал гражданские дела трех категорий: сословные (феодалов) – споры, тяжбы владельцев улусов, по вопросам имений, зайсангов по управлению аймаками (на сумму иска свыше 200 руб.); всесословные – гражданские дела на сумму иска не менее 200 и не свыше 400 руб. (решения по данным делам могли быть обжалованы в течение года в Комиссии калмыцких дел); имущественные преступления – кража скота, иного имущества, воровство, мошенничество на сумму не свыше 400 руб., но не более трех раз, уход, побег, самовольный переход калмыков от одного владельца к другому. А уголовные дела подлежали рассмотрению в соответствующих российских судах на основе российских законов.

Впервые в этом нормативном правовом документе определились виды уголовного преступления в Калмыкии: измена (только не совсем ясно – кому, какая измена и т.д.); неповиновение властям; возмущение (имелся в виду бунт); побег за границу со злым намерением, вместе со злодеями; убийство; грабеж, насилие, преднамеренное провоцирование других (злодеев) на эти действия; изготовление фальшивых денег; воровство свыше трех раз. Кроме того, в

“Правилах” так же впервые разделены суды на гражданский и духовный. К последнему были отнесены дела, касающиеся религии, религиозных преступлений, духовных лиц, семейные.

Низовое звено в системе управления Калмыкии по Правилам составляли улусные управления, которые возглавляли во владельческих улусах – владельцы, в казенных – правители. В полномочия улусных управлений входили внутренние дела в основном бытового характера – регулирование взаимоотношений между подчиненными и подвластными, а также мелкие преступления, не входящие в перечень уголовных.

В состав улусных управлений входили частные приставы, наделенные функциями не только административного и полицейского надзора, но и судебными. Частный пристав, представляя вышестоящий орган управления – Главного пристава, не вмешивался в повседневную текущую работу улусного управления и улусного суда. В круг его основных обязанностей входило обеспечение общественного порядка и спокойствия в улусе. Он имел право брать нарушителей под стражу, производить следствие, отсылать дело и виновного в судебные органы; осуществлять контроль за работой всех улусных учреждений, не вмешиваясь в их деятельность; проверять исполнение повинностей, сборов, наряда на кордонную службу. Частный пристав обязан был владеть полной информацией о положении дел во всех сферах жизни улуса, о происходивших событиях и докладывать Главному приставу. Наряду с этим частный пристав разрешал мелкие судебные дела гражданского характера, сумма иска которых не превышала 200 руб.

Дела, связанные со спорами, оскорблениями личности, разбирались в улусных судах всесословного характера. Состав улусных судов избирался на год от представителей зайсангов и почетных лиц. В улусных судах разрешались дела, сумма иска которых не превышала 200 руб., а также если обе стороны не имели претензии ни к суду, ни друг к другу. Улусным судам было предоставлено право принятия решений, связанных с проступками, преступлениями, с кражей не свыше трех раз, но с согласия владельца или правителя, частного пристава. В отдельных случаях улусным судам разрешалось рассматривать дело, сумма иска которого была

больше 200 руб., но с предоставлением обвиняемому права в течение года обжаловать принятое решение в Суд Зарго.

Судопроизводство в улусных судах осуществлялось в соответствии с древними законами калмыков, ("Степным Уложением" 1640 г., законом хана Дондук-Даши 1758 г. и др.), и правовыми обычаями, а также в соответствии с новыми статьями уголовного, гражданского права[30].

Таким образом, после восстановления в начале XIX в. статуса субъекта России Калмыкия подверглась переустройству в соответствии с основными принципами проведенной реформы управления народами Сибири и инородцами. В результате этого был сделан значительный шаг в реализации поставленной в Правилах цели –"введения калмыков постепенным образом в состав гражданского управления"[31] страны. Калмыкия влилась в единую систему административно-территориального устройства страны на правах особой области Астраханской губернии. Учитывая национальные особенности Калмыкии и единые цели российской реформы (централизация управления), Правила 1825 г. установили ее правовое положение как субъекта с определенной структурой организации управления, системой областных и местных учреждений, компетенция и полномочия которых были производны не только от центральных органов власти страны, но и от губернских (гражданских), Кавказской области (военных). В них были заложены правовые основы взаимоотношений Калмыкии как субъекта с органами государственной власти и управления России, Астраханской губернии и Кавказской области. Подчинив Калмыцкую область Министерству внутренних дел и крупному территориальному военному ведомству (Главноуправляющему), царская администрация фактически ввела в ней военно-административную форму правления.

Правила 1825 г. заложили наряду с обычно действовавшим законодательством основы новой правовой системы Калмыкии – административное право, гражданское право, уголовное право, процессуальное право, а также установили систему судебных органов, которые, обладая некоторыми национальными элементами, вписывались в российское единое законодательное, судебное пространство.

Существенным недостатком Правил было то, что в них не определялось низовое звено управления Калмыкии –

аймачное, где наиболее сходился спектр общественных отношений, простолюдины абсолютно были исключены из участия в управлении своими внутренними делами, они не рассматривались как субъекты права. Не были также разрешены вопросы правового закрепления статуса сословий калмыцкого общества.

Десятилетний период нахождения Калмыцкой области в подчинении администраций двух административно-территориальных единиц (Астраханской губернии и Кавказской области) показал, что ее интеграцию в общероссийскую политическую и социальную систему целесообразнее провести в качестве самостоятельного административно-территориального управления, усилив контроль со стороны центральной власти. При этом учитывались исторические традиции государственности, судоустройства и судопроизводства калмыков, хозяйственное положение области. Однако в трансформации управления Калмыцкой области в начале 30-х годов XIX в. отразились процессы усиления централизации, бюрократизации формы управления, повышения роли послушного чиновничества, характеризовавшие эпоху Николая I.

В соответствии с указанными целями был принят новый документ, изменивший статус Калмыкии и систему ее управления. Таким нормативным правовым актом явилось "Положение об управлении калмыцким народом"[32], принятое Государственным советом и утвержденное 24 ноября 1835 г. императором Николаем I (опубликовано 28 декабря 1835 г.). В указе императора специально была подчеркнута необходимость издания данного "Положения" на двух языках – русском и калмыцком.

Положение принципиально изменило правовой статус Калмыкии: отныне она становилась самостоятельной областью (субъектом, не входящим в состав других административно-территориальных единиц), подчиненной напрямую Министерству внутренних дел империи (министр Д.Н. Блудов), а на месте – его, министерства уполномоченному (астраханскому военному губернатору). В нем специально подчеркивалось, что "для калмыцкого народа, имеющего кочевье в Астраханской губернии и Кавказской области, учреждается особое управление, отдельно от управления губернского".

Согласно "Положению" вводилась отдельная, самостоятельная система областного и местного управления, не входившая в губернскую. Поскольку астраханский военный губернатор выступал в качестве руководителя не как губернатор, а как представитель Министерства внутренних дел, то в его руках была сосредоточена вся полнота власти в Калмыцкой области, он был "главный и непосредственный начальник всех мест и лиц, принадлежащих к местному высшему и улусному управлению калмыцкого народа". Поэтому в канцелярии астраханского военного губернатора учреждался специальный Стол (отдел) для производства дел, относящихся к калмыцкому народу.

Астраханский военный губернатор, представлявший от МВД высшее должностное лицо в Калмыкии, обладал весьма широкими полномочиями. В перечень его основных обязанностей входили контроль за точным исполнением обязанностей, установленных Положением должностными лицами, нойонами, зайсангами, чиновниками всех рангов, а также надзор за прохождением дел в учреждениях, за соблюдением общественного порядка. Он имел право в любое время лично проверить или организовать проверку, изучение положения в области, в отдельных ее отраслях хозяйства и звеньях управления, улусах. Кадровые вопросы (назначение, перемещение кадров всех уровней, представление их к награждению) фактически зависели от него (рекомендовать или не рекомендовать, дать характеристику). Всей своей деятельностью он должен был содействовать переводу калмыков на оседлый образ жизни, занятию земледелием.

Значительное место в деятельности высшего должностного лица Калмыкии (военного губернатора) занимал контроль за состоянием делопроизводства в учреждениях области, за правильностью решений Суда Зарго. Если решение Суда соответствовало требованиям законов и было правильно оформлено, он давал согласие на его исполнение. В случае несогласия он должен был со своим заключением войти в Правительствующий Сенат. Кроме того, ему принадлежало окончательное слово в разрешении вопроса о возведении духовного лица в определенное духовное звание.

Положение строго регламентировало взаимоотношения астраханского военного губернатора с Министерством вну-

тренних дел, с должностными лицами областного и местного управления. Во всех своих действиях по управлению калмыцкими делами он был подотчетен МВД и ежегодно должен был отчитываться о финансовом положении области, о проведенной работе. Он имел право вносить предложения Главному попечителю, в Совет калмыцкого управления, в Суд Зарго и в улусные суды, а улусным попечителям – давать предписания[33].

В случае отсутствия по тем или иным причинам военного губернатора все его обязанности, права переходили к астраханскому гражданскому губернатору.

После астраханского военного губернатора следующим высшим звеном в управлении Калмыкии был Главный попечитель калмыцкого народа, одновременно возглавлявший коллегиальный орган – Совет управления калмыцким народом. Главный попечитель калмыцкого народа назначался царем из числа российских чиновников по представлению министра внутренних дел. Штат его аппарата управления состоял из десяти человек, двух помощников, и в улусах в его подчинении работали 22 человека. По тем временам это была солидная бюрократическая служба, охватывавшая многие сферы жизни и деятельности общества. Главный попечитель калмыцкого народа был подотчетен и подконтролен астраханскому военному губернатору.

На Главного попечителя были возложены надзорные функции, особенно в обеспечении общественного порядка, правильного исполнения налоговых сборов и других видов повинностей населением области, в организации службы благоустройства. В его функции входил контроль за работой учреждений, должностных лиц всех уровней (светских и духовных). Ежегодно в соответствии с российскими "Правилами о порядке производства в чины по гражданской службе" (1834 г.) он проводил аттестацию чиновников области, улусов и докладывал о ее результатах военному губернатору.

Попечительская служба под началом Главного попечителя обязана была большей частью заниматься хозяйственными, социальными делами: изучать и принимать меры к развитию экономики, здравоохранения в улусах, в необходимых случаях (стихийные бедствия, эпидемии) оперативно

обеспечивать людей продовольствием, скот фуражом, организовывать их лечение. Хотя Главный попечитель и попечители улусов осуществляли надзор за судами, они не вмешивались в их работу по уголовным делам. Но Главный попечитель обязан был организовывать в российских присутственных местах защиту калмыков, проходящих по уголовным делам[34].

В системе высших областных органов управления особое место занимал коллегиальный орган – Совет калмыцкого управления, в состав которого по должности входили: Главный попечитель – председатель Совета, два его товарища (заместители), назначаемые Министерством внутренних дел; секретарь и казначей, назначаемые астраханским военным губернатором; асессор, избираемый из нойонов сроком на три года; два заседателя, избираемые из зайсангов на такой же срок. Асессор и заседатели утверждались в должностях астраханским военным губернатором. Штат Совета с обслуживающим персоналом составлял 18 человек. По характеру компетенций и полномочий Совет относился к исполнительно-распорядительному органу, а по составу и форме организации – к сословно-представительному.

В Положении подробно определялись полномочия Совета, регламентировался порядок его работы, рассмотрения и прохождения дел. Совет уделял основное внимание решению хозяйственных, финансовых и налоговых вопросов, развитию торговли, контролировал и направлял работу улусных учреждений, в том числе и полиции, нойонов-владельцев и правителей улусов, а также определял численность духовных лиц в каждом хуруле и представлял их на утверждение через военного губернатора Министерству внутренних дел. При необходимости он имел право организовывать следствия по особо важным уголовным делам, такими, как разбой, грабеж, скотокрадство в значительном количестве, убийство и др., и принимать меры к исполнению приговоров по ним Суда Зарго. Совет был наделен полномочиями сбора налогов с казенных и владельческих улусов, взыскания штрафов, взимания пошлин, а также организации их целевого использования. По финансовым, судебным делам Совет был подотчетен астраханскому военному губернатору.

В Положении предусматривалось, что в Совете калмыцкого управления документирование ведется на русском языке

с обязательным переводом на калмыцкий. Контроль за качеством, законностью принимаемых Советом постановлений осуществлял губернский прокурор. В своей деятельности Совет и его председатель руководствовались российским законом – "Генеральным регламентом", были подотчетны астраханскому военному губернатору, уполномоченному МВД[35].

Высшим судебным органом Калмыкии, по Положению 1835 г., являлся Суд Зарго, рассматривавший гражданские, уголовные, а также семейные дела. По статусу практически он был приравнен к губернской палате уголовного и гражданского суда (реформа 1797 г.). В его состав входили: председатель, назначаемый императором из российских чиновников по представлению министра юстиции; два советника, назначаемые Министерством юстиции из российских чиновников по представлению астраханского военного губернатора; два асессора, избираемые из нойонов сроком на три года и утверждаемые в должностях военным губернатором. В рабочем аппарате Суда Зарго по штатному расписанию предусматривалось 17 единиц. По своему составу он представлял собой сословный суд, а по характеру разрешаемых вопросов – всесословный.

В Калмыкии Суд Зарго был высшей инстанцией по гражданским и уголовным делам, его решения по исковым и гражданским делам могли быть обжалованы только в Правительствующем Сенате. А решения Зарго по уголовным делам подлежали утверждению астраханским военным губернатором, исполнение относилось к компетенции Совета калмыцкого управления. Суд Зарго принимал к рассмотрению уголовные дела только в том случае, если они поступали из улусных судов в порядке апелляции, а также с резолюцией военного губернатора.

Суд Зарго руководствовался при рассмотрении уголовных дел российскими законами, а гражданских – древними калмыцкими законами ("Великим Уложением" 1640 г., законами Дондук-Даши 1758 г., обычным правом). Судопроизводство осуществлялось на русском языке и при необходимости с обязательным переводом на калмыцкий язык[36].

В условиях усиления бюрократической формы управления заметно ограничивалась политическая самостоятельность церкви, духовенства Калмыкии. К тому времени

имелось 105 хурулов, духовенство составляло 5270 человек[37]. Своеобразным аппаратом управления хурулов в Калмыкии было Ламайское духовное правление, сочетавшее в себе функции духовного и государственного учреждения по делам религии. В его состав входили: лама – председатель, назначаемый императором из калмыцкого духовенства по представлению министра внутренних дел (первый лама Джимбе-Габунг Намкаев был назначен 15 июня 1836 г.); четыре члена, которые избирались на общем собрании калмыцкого духовенства (бакшей и гелюнгов) сроком на три года и утверждались астраханским военным губернатором. Все должностные лица духовного правления по статусу являлись государственными чиновниками с соответствующими денежными окладами в год: лама – 2550 руб., каждому члену – по 750 руб. Лама по своему сану фактически приравнивался к епископу епархии и назначался императором.

В ведении духовного правления находились кадровые вопросы: назначение бакшей, гебков, гелюнгов, гецулей и манжиков, присвоение им соответствующих духовных званий; освобождение от должности и лишение духовного сана производились с разрешения астраханского военного губернатора. Духовное правление имело надзорные функции – наблюдение за действиями, поведением духовных лиц, а также функции духовного суда: судило духовных лиц, допустивших неприличные поступки, рассматривало дела о неправильном присвоении духовных званий, а также судило мирян по некоторым категориям гражданских дел, например семейным. Материалы об уголовных преступлениях, совершенных духовными лицами, об имущественных спорах подлежали передаче в Совет калмыцкого управления (для направления в улусный суд или в Суд Зарго). Правление контролировало поступление и правильный расход финансовых средств и приношений в хурулах.

Духовное правление практически находилось под контролем царской администрации. Положение запрещало духовным лицам вмешиваться в светские дела, оказывать помощь простым людям в составлении писем, иных документов, а также отлучаться из хурулов без письменного разрешения. Решения Ламайского духовного правления исполнялись Советом калмыцкого управления. В случае

возникновения разногласий или сомнений дела представлялись на окончательное разрешение астраханского военного губернатора. Правление, являясь одним из звеньев аппарата управления Калмыкии, непосредственно на месте подчинялось астраханскому военному губернатору и Совету калмыцкого управления, а о своей деятельности ежегодно отчитывалось перед Министерством внутренних дел[38].

Положение 1835 г. установило не только областные органы управления, но и улусные, аймачные и хотонные, которые соответствовали новому административно-территориальному устройству. По Положению Калмыкия подразделялась на семь улусов (Багацохуровский, Эркетеневский, Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыковский, Харахусовский), которые делились на аймаки, а последние – на хотоны. Улусное управление составляли: 1) в пяти владельческих улусах (Хошоутовском, Малодербетовском, Большедербетовском, Яндыковском и Харахусовском) – нойоны-владельцы, а в двух казенных (Багацохуровском и Эркетеневском) – правители; 2) улусные суды; 3) улусные попечители и их помощники. Кроме того, при Калмыцком Базаре и Мочагах предусматривались смотрители. Аймаки находились под управлением зайсангов, а хотоны – под управлением старшин, избираемых из благонадежных калмыков.

Правители казенных улусов избирались Советом нойонов, не имеющих улусов и почетных зайсангов данного улуса сроком на три года и утверждались в этой должности с разрешения Министерства внутренних дел астраханским военным губернатором. Положение впервые подробно регламентировало полномочия, права, обязанности улусных нойонов-владельцев, правителей улусов, аймачных зайсангов, хотонных старшин, которые должны были проявлять заботу о благосостоянии подвластных им калмыков. Одной из основных обязанностей правителей и нойонов-владельцев являлось обеспечение в подвластных улусах правопорядка, спокойствия, а также обеспечение своевременного и полного сбора налогов. Нойоны-владельцы, правители, зайсанги, старшины обязаны были строго контролировать правильность использования территории кочевий, особенно соблюдение границ кочевий, а также изучать и владеть общественно-политической обстановкой на подвластных территориях.

Кроме всех прочих обязанностей, полномочий, нойон-владелец был наделен судебными функциями. Ему предоставлялось право разбирать и окончательно решать мелкие гражданские дела (споры, обиды и др.) в соответствии с обычным правом и калмыцкими законами. В данном Положении отразились попытки Николая I хотя бы частично разрешить крестьянский вопрос. Всем руководителям, владельцам улусов, аймаков, хотонов строго запрещалось продавать, отдавать в заклад и дарить подвластных калмыков кому бы то ни было. В то же время был усилен контроль за простолюдинами, ограничены их права передвижения – до 500 верст от кочевий с разрешения зайсанга, а свыше 500 верст – нойона-владельца или правителя улуса. А из хотона запрещалось отлучаться более чем на два дня без разрешения старосты, а неблагонадежным вообще воспрещалось отлучаться от кочевья.

Улусные суды относились к судебным органам первой инстанции, рассматривавшим уголовные (воровство от 5 до 20 руб.), гражданские дела, дела по опекам, наделенным полномочиями следствия. В состав улусного суда входили: нойон-владелец или правитель улуса (председатель); улусный попечитель, его помощник; два заседателя, избираемые из зайсангов сроком на три года и утверждаемые в этой должности военным губернатором. В разделе об улусных судах обстоятельно был изложен весь процесс судопроизводства, который осуществлялся по инструкции, разработанной военным губернатором и утвержденной министерствами внутренних дел и юстиции. Гражданские дела и по опекунству разрешались в соответствии с калмыцкими законами, а дела уголовные, следственные и судебно-политические рассматривались в соответствии с нормами российских законов. Судопроизводство велось на русском языке с обязательным переводом на калмыцкий.

В улусных судах дела принимались к рассмотрению по предписаниям Совета калмыцкого управления, Суда Зарго, улусного попечителя, а также по просьбе частных лиц. Спорные дела незначительного характера могли быть разрешены в улусном суде при помощи посредника, избранного спорящими. Решение посредника считалось окончательным в соответствии с положением о третейских судах, высочайше утвержденным 15 апреля 1831 г.

Улусные суды имели право организовывать опись и оценку имущества ответчика, в необходимых случаях проводить торги по продаже описанного имущества (стоимостью до 200 руб., а свыше – через Совет калмыцкого управления). Они находились в непосредственном подчинении у Совета калмыцкого управления и перед ним ежегодно отчитывались о финансовых расходах и ежемесячно – о рассматриваемых делах и содержащихся под арестом.

Важным улусным звеном управления выступал улусный попечитель, обладавший как административными, так и полицейскими функциями, а также следственными. Улусный попечитель назначался Министерством внутренних дел по представлению астраханского военного губернатора. Он, не вмешиваясь в полномочия нойонов-владельцев, правителей улусов, осуществлял надзор за общественным порядком, вел учет населения улуса по сословиям, а также контролировал работу улусного суда. Для исполнения полицейских функций улусный попечитель имел команду, комплектуемую по указанию астраханского военного губернатора из казаков Астраханского казачьего войска и из калмыков.

Улусный попечитель строго контролировал правильность установления и сбора налогов, осуществление населением различных повинностей, установленных этим же Положением (гл. XIII "О повинностях калмыков"). Ежегодный денежный сбор и наряд на кордонную службу в улусах определялись нойонами-владельцами и правителями по согласованию с улусными попечителями. Калмыки владельческих и казенных улусов обязаны были ежегодно платить с кибитки по 28,5 руб., нести кордонную службу, выделять подводу для администрации улуса (ежегодное потребное число подвод утверждалось Министерством внутренних дел). Во владельческих улусах этот денежный сбор с кибитки распределялся следующим образом: зайсангам, управляющим аймаками, – 2 руб. с кибитки, 25 руб. с кибитки в доход нойона-владельца, 1,5 руб. – на содержание Совета калмыцкого управления и школ; в казенных улусах: зайсангам, управляющим аймаками, – 2 рубля, остальная сумма – 26,5 руб. – на содержание Совета калмыцкого управления и школ.

Служба попечителя следила за тем, чтобы улусы не допускали нарушений установленного порядка кочевий,

передвижения калмыков за пределы определенной территории, а духовные лица не вмешивались в светские дела. Из содержания раздела о полномочиях и функциях улусного попечителя видно, что последний играл значительную роль в управлении делами улуса. Аналогичными полномочиями обладали смотрители в Калмыцком Базаре (отдельный поселок под Астраханью) и в Мочагах (отдельные прибрежные районы). Улусные попечители, смотрители непосредственно подчинялись Главному попечителю, а по отдельным вопросам, таким, как судебные, – Совету калмыцкого управления, астраханскому военному губернатору (по вопросам общественного порядка)[39].

Ценность Положения заключается еще и в том, что оно определило социальную структуру калмыцкого общественного строя, состоящего из следующих сословий: феодалы-нойоны (владельцы), родовые зайсанги (владеющие и не владеющие аймаками), духовенство (ламы, бакши, гебко, гелюнги, гецули, манжики); феодально-зависимые – простолюдины (простые калмыки). В соответствии с Положением был узаконен особый статус нойонов, зайсангов, высшего духовенства. Они получили право избирать и быть избранными в органы управления всех уровней. К этой категории были отнесены и прямые родственники нойонов.

Положение отнесло нойонов, зайсангов, получивших чины 8-го класса по гражданской службе или офицерские чины или награжденных орденами, к российским потомственным дворянам с их правами и льготами. Нойоны, зайсанги, имевшие гражданские чины ниже 8-го класса, приравнивались по своему статусу к личным дворянам. Зайсанги, не имеющие чинов, но владеющие аймаками, были отнесены к потомственным дворянам, а не имеющие аймаков – к личным почетным гражданам[40].

Существенные изменения вносились в наследственное право, основной целью их являлось сохранение и упрочение владений нойонов и зайсангов, обеспечение сбора налогов. Отныне прекращалось разделение владельческих улусов и родовых аймаков между наследниками: в качестве единственного наследника выступал старший в роде по порядку наследства. Следующая цель, по всей вероятности, – заставить детей калмыцких дворян учиться и искать себе доход от государственной службы. Поэтому законодатель не слу-

чайно предоставил нойонам, зайсангам свободу передвижения в пределах России и разрешил им определять своих детей в военную и гражданскую службу, в казенные учебные заведения.

Положение открыто фиксировало неравенство перед законом лиц привилегированных и непривилегированных сословий: к первым телесные наказания не применялись (сюда относились нойоны-владельцы и члены их семейств). Помимо этого, строго разграничивалась подсудность по сословиям. Нойоны, члены их семейств, правители улусов и зайсанги, владеющие аймаками, по гражданским и уголовным делам судились только в Суде Зарго, а зайсанги безаймачные и не состоящие при должностях – в улусных судах[41]. Что касается калмыков-простолюдинов, то они получили право жаловаться на своих владельцев, чиновников областного и улусных управлений. Но эта ситуация носила успокоительный характер и оказалась формальной, поскольку разбор поданных простолюдинами жалоб должен был осуществляться теми же чиновниками и владельцами, которыми укомплектовывались исключительно все учреждения Калмыкии.

В Положении законодательным путем регулировался активно начавшийся процесс втягивания Калмыкии во всероссийский рынок, который был необходим не только для организации торгового снабжения населения товарами, получения денежных средств, продажи скота и продукции животноводства, но и для развития экономики, экономических взаимоотношений калмыков с другими народами. В этих целях предусматривалось проведение в Калмыкии в течение года трех крупных ярмарок: в Хошоутовском улусе, на левом берегу Волги, – с 25 сентября по 10 октября; в Малодербетовском улусе, на Аксае, – с 15 июня по 1 июля; в Большедербетовском улусе, на реке Куме, – с 15 мая по 1 июня. На ярмарках 1834 г. калмыками было продано скота и продуктов животноводства более чем на 1,5 млн руб. ассигнациями, что составило почти 430 тыс. руб. серебром, или около 100 тыс. голов скота[42].

Кроме того, предусматривались и другие меры развития торговли, такие, как допуск русских купцов, крестьян. При этом категорически запрещались ввоз и продажа в Калмыкии спиртных напитков, вплоть до привлечения к уголовной ответственности по российским законам.

Законодатель также определил порядок и условия отъезда калмыков за пределы области (особое письменное разрешение нойона-владельца или правителя улуса) для найма на работу. К этому времени значительное количество калмыков работало по найму на рыбопромыслах, приблизительно 9 тыс. человек, и на соляных разработках, ежегодно более 1 тыс. человек[43]. Положение предоставило калмыкам казенных улусов право перехода в казачье сословие с получением на 5-летний срок льгот, предусмотренных для казаков, – освобождение от всех повинностей.

В отличие от Правил 1825 г. Положение 1835 г., принципиально изменив порядок назначения высших должностных лиц Калмыкии, заметно повысило ее статус как субъекта административно-территориального управления. Если раньше, после 1771 г., высшие должностные лица Калмыкии назначались Министерством внутренних дел, то теперь по представлению МВД сам император высочайшим указом назначал Главного попечителя калмыцкого народа и ламу Ламайского духовного правления, а председателя Суда Зарго – по решению Министерства юстиции. При представлении лиц на эти должности, а также при назначении Министерством внутренних дел товарищей (двух заместителей) Главного попечителя, Министерством юстиции – советников Суда Зарго обязательно учитывалось мнение астраханского военного губернатора.

Однако при сохранении отдельных местных традиционных структур и институтов власти в Калмыкии русский элемент все более усиливался: русские люди назначались на высшие должности областного и улусных управлений, русский язык признавался обязательным в делопроизводстве и в деловых сношениях. А калмыцкое дворянство превращалось во вспомогательное средство государственной администрации на местах.

По сравнению с предшествующими органами управления и суда новые – Совет калмыцкого управления, Суд Зарго, Ламайское духовное правление – несколько отличались по принципу формирования и составу. В этом отношении они обладали большими элементами представительных органов (правда, сословного характера): собрания нойонов выдвигали кандидатов в асессоры Совета управления и Суда Зарго сроком на три года, а собрания зайсангов – кандидатов

в заседатели Совета на такое же время. Члены Ламайского духовного правления избирались общим собранием бакшей и гелюнгов на три года. Все избранные члены указанных коллегиальных органов в последующем утверждались астраханским военным губернатором.

Тем самым Положение, отразив дальнейшую централизацию и бюрократизацию управления в стране, процесс укрепления абсолютной монархии, ввело управление Калмыкии в общероссийскую систему, имевшую военно-административную форму. Калмыкия практически теряла все остатки политической особенности и превращалась в российскую провинцию. И закономерным началом этого процесса стали введение попечительства и причисление служащих органов управления Калмыкии к государственным чиновникам Российской империи, определение их места в этой служебной лестнице по Табели о рангах. С этого времени в Калмыкии, можно сказать, зарождается своя, калмыцкая бюрократия общероссийского характера.

Главный попечитель калмыцкого народа и председатель Суда Зарго по должности в соответствии с Табелью о рангах были приравнены к статскому советнику (5-й класс); товарищи Главного попечителя, советники Суда Зарго, асессоры Совета калмыцкого управления и асессоры Суда Зарго из рода нойонов – к надворным советникам (7-й класс); улусные попечители, чиновники особых поручений, заседатели Совета калмыцкого управления – к коллежскому асессору (8-й класс); помощники улусных попечителей и смотрители при Калмыцком Базаре и Мочагах – к титулярным советникам (9-й класс); секретари Совета, Суда Зарго, Ламайского духовного правления; казначей Совета – к коллежскому секретарю (10-й класс); письмоводители улусных судов – к коллежскому регистратору (14-й класс)[44].

Положение, введенное в действие 1 января 1836 г., следует рассматривать и оценивать как своеобразный нормативный правовой акт, поскольку в нем был заключен материал, относящийся ко многим отраслям права. Кроме административного, широко представлено гражданское право (собственности, наследования и т.д.), значительное внимание уделено уголовному, процессуальному. В Положении прежде всего была определена правовая основа Калмыкии – субъекта административно-территориального управ-

ления Российского государства. Поэтому организация управления исходила из общих и местных интересов, система областного и местного управления складывалась и формировалась как часть единого государственного механизма России, но с учетом этносоциальных особенностей. В связи с этим в Положении детально регламентировался порядок подбора, назначения кадров, а также взаимоотношений органов областного управления и должностных лиц с российскими государственными учреждениями.

С принятием этого документа принципиально определилось положение социальных групп, сословий населения калмыцкого общества: они в правовом отношении были приравнены (приблизились) к соответствующим сословиям Российской империи. Если анализировать это Положение с вышеназванных позиций, то в определении статуса Калмыкии был сделан значительный шаг вперед, который свидетельствовал о полном втягивании Калмыкии в общий процесс развития Российского государства.

Таким образом, Положение 1835 г. установило и закрепило основные черты политического и общественного строя Калмыкии, в основном интегрированного в общероссийскую общественно-политическую систему. В связи с этим в последующем признаки, характеризующие калмыцкое общество, оказались достаточно стабильными. Принятые в дальнейшем нормативные документы в основном его дополняли и развивали, внося большей частью изменения в организацию управления.

Одновременно реформе подверглось и управление донскими калмыками. В "Положении об управлении Донским войском", утвержденном 26 мая 1835 г. императором Николаем I, содержалась специальная десятая глава об устройстве Калмыцкого правления. Для руководства Калмыцким кочевьем Дона (образовано в 1803 г. в составе войска Донского) учреждался особый орган управления – Калмыцкое правление, состоящее из судьи, двух заседателей и стольких же депутатов. Судьи и заседатели назначались наказным атаманом из войсковых русских чиновников, а депутаты – из калмыков (один – из зайсангов, другой – из духовенства). В штат правления входили секретарь, два старших и два младших писца, назначаемые из войсковых русских чиновников, переводчик[45].

В административном отношении донские калмыки по-прежнему делились на три улуса, на сотни во главе с сотником на правах станичного судьи, на хотоны во главе с приказным. Сотенный и приказной избирались на собрании мужского населения соответственно сотни и хотона сроком на три года.

Калмыцкое правление находилось в двойном подчинении: по военной части – начальнику Войскового дежурства, по гражданской – Войсковому правлению. Кроме военной жизни, Положение регламентировало и хозяйственную, приближенную к оседлому образу (должны были заниматься заготовкой кормов для скота на зиму, земледелием, строить стационарное жилье и т.д.). Положением узаконивалось общественное землепользование в форме казачьей общины – юрта. Калмыки должны были нести различные повинности: выделять подводу и сопровождать арестантов, перевозить командированных чиновников, нарочных казаков, нести полевую и внутреннюю службу с личным конем, в полном обмундировании и вооружении. В списках 1836 г. служилых калмыков-казаков числилось 1820 человек[46].

Донские калмыки, получив определенную территорию, собственное административно-территориальное управление, построенное по типу управления российского войскового казачества, по правовому статусу были полностью приравнены к казакам (несение повинностей, служба, обучение детей в войсковых школах на общих основаниях со всеми казачьими детьми и т.д.). Однако, исходя из общей национальной политики, царская администрация высшее управление донскими калмыками сосредоточила в руках русских чиновников. В этот период началось формирование калмыцких сотенных и хотонных чиновников, которые по своему социальному положению приближались к привилегированному сословию.

В связи с усилением политики попечительства над государственными крестьянами и некоторыми изменениями их правового статуса (они получили ряд юридических возможностей для защиты своего права пользоваться государственной землей, им разрешалось заключать договора с частными лицами и ведомствами о поземельных арендных сделках; они могли в общем-то свободно выбирать род занятий, заниматься ремеслами, мелким предприниматель-

ством, переходить в городские сословия[47]). В 1837 г. департамент государственных имуществ Министерства финансов был преобразован в Министерство государственных имуществ. Новому министерству (министр граф П.Д. Киселев) наряду с управлением государственными имуществами вверено было попечительство над казенными крестьянами.

Министерство государственных имуществ имело свои местные органы: в губерниях – палаты государственные, заведовавшие казенными землями, лесами и прочими имуществами, они же наблюдали и над государственными крестьянами; в округах – окружные начальники; волостях и деревнях – крестьянское самоуправление и крестьянские суды.

Реформа устройства управления государственными имуществами и государственными крестьянами в определенной степени коснулась и Калмыкии. В соответствии с "Положением об управлении государственными имуществами в губерниях", утвержденным 30 апреля 1838 г., обязанности Главного попечителя калмыцкого народа были возложены на управляющего Астраханской палатой государственных имуществ.

Это совмещение должностей было связано с тем, что кочевья калмыков в Астраханской губернии и Кавказской области относились к казенным землям, надзор за которыми осуществляла Астраханская палата государственных имуществ. Таким образом, с 1838 г. фактически оставаясь в ведении Министерства внутренних дел, а на месте подчиняясь его уполномоченному – астраханскому военному губернатору, в высшем административном отношении Калмыкия переходила в подчинение Министерству государственных имуществ. В таком двойственном подчинении Калмыкия оставалась почти 10 лет. Окончательно вопрос о завершении реформы органов управления Калмыкии и уточнении ее статуса, основанные на принципах попечительства, разрешается в 1847 г.

В соответствии с данными принципами Министерством государственных имуществ было подготовлено новое "Положение об управлении калмыцким народом", которое было одобрено Государственным советом и 23 апреля 1847 г. утверждено высочайшим указом Николая I.

Двенадцатилетняя практика руководствования предыдущим Положением показала, что необходимо внести в от-

дельные его главы и статьи дополнения, уточнения, изменения с учетом развития калмыцкого общества и новых требований, связанных с отнесением калмыков к категории государственных крестьян. В Положении 1847 г. подчеркивалось, что калмыки, кочующие в Астраханской губернии и Кавказской области, являясь полноправными подданными Российской империи, пользуются особыми правами, характерными для государственных крестьян. Кроме того, точно был определен статус отведенных калмыкам земель: они были отнесены к казенным, находящимся в общем пользовании[48]. С учетом всех указанных факторов Министерство государственных имуществ подготовило проект нового "Положения об управлении калмыцким народом".

Основная цель этого документа заключалась в том, чтобы, говоря словами министра графа П.Д. Киселева, "управление народом сделать проще и по возможности сблизить в правилах и порядке с управлением государственными крестьянами, дабы таким образом, водворяя между калмыками постепенно русские начала, приуготовить их к слиянию с коренными жителями, подобно другим инородцам"[49]. Фактически в этих словах министра были выражены основные принципы национальной политики официальной власти по отношению к калмыцкому народу.

Практически новое Положение, состоящее из 11 глав, 254 статей, приложения № 21145, явилось нормативным правовым документом, дополняющим и развивающим Положение 1835 г. Поэтому их следует рассматривать и изучать в совокупности, как единый свод законов, как единую программу управления и развития Калмыкии. Если первое Положение в основных чертах закладывало правовую основу и подводило правовую базу под политическое и общественное развитие Калмыкии, то второе Положение создавало дополнительные правовые нормы для введения калмыцкого народа в общий уровень экономической, социальной, культурной жизни других народов государства. Помимо этого, оно уточнило статус отдельных сословий, более подробно регламентировало взаимоотношения между сословиями, создавало правовые возможности изменения статуса, вероисповедания человека.

Согласно новому Положению Калмыкия с 1838 г. попрежнему оставалась в ведении Министерства государст-

венных имуществ, поскольку оно руководило не только национальными окраинами, но и государственными крестьянами (а простолюдины по статусу были приравнены к ним), а также и казенными землями. По некоторым вопросам Калмыкию курировали и Министерство внутренних дел, и астраханский военный губернатор (например, по вопросам комплектования казачьих частей, выполняющих функции полиции, и др.). Фактически прямая связь Калмыкии с императором была прекращена, за исключением назначения калмыцкого ламы по представлению министра внутренних дел. В высшем административном отношении Калмыкия на месте была подчинена начальнику Астраханской губернии – губернатору. Это было связано с усилением власти губернаторов, ростом их влияния на местные органы всех ведомств в соответствии с "Наказом губернаторам" от 3 июня 1837 г., провозгласившим губернатора "хозяином губернии". Таким образом, Положение 1847 г. ввело дополнительное звено в управление Калмыкией в лице "начальника Астраханской губернии", т.е. был усилен контроль по горизонтали.

Непосредственным представителем Министерства государственных имуществ, руководителем Калмыкии попрежнему был оставлен управляющий палатой государственных имуществ Астраханской губернии. Он же являлся Главным попечителем калмыцкого народа, состоящим "под наблюдением и руководством начальника (Астраханской) губернии".

Положение 1847 г. внесло принципиальные изменения в организацию управления Калмыкии. Хотя она сохраняла статус внутренней губернии – области, тем не менее был сделан реальный шаг к превращению ее в составную часть Астраханской губернии путем формирования общего административно-территориального управления. По новому Положению не предусматривалось образование самостоятельного высшего областного коллегиального органа – Совета калмыцкого управления, руководитель которого назначался императором. Вместо Совета создавался исполнительно-распорядительный орган, действующий на принципах единоначалия, – Отделение по делам калмыцкого народа при Астраханской палате государственных имуществ во главе с его управляющим (он же Главный попечитель калмыцкого

народа, назначаемый министром государственных имуществ). В состав Отделения входили: советник; чиновник по особым поручениям; два столоначальника и два их помощника; делопроизводитель; бухгалтер; писцы, а также депутат от калмыцкого народа, который избирался от владельцев и родовых зайсангов сроком на три года. В этой представительной должности депутат утверждался министром государственных имуществ по согласованию с астраханским губернатором. Депутат одновременно был представителем Калмыкии в Астраханской палате уголовного и гражданского суда, поскольку в 1848 г. был ликвидирован областной Суд Зарго[50]. Кроме того, в ведении Отделения были врач и два фельдшера, ветеринар и его помощник.

Если по Положению 1835 г. главным руководителем области выступал астраханский военный губернатор, как представитель Министерства внутренних дел, то по новому Положению в этой роли значился управляющий одним из отраслевых органов Астраханской губернии, т.е. по статусу должностного лица губернского уровня он оказался ниже предыдущего, хотя тоже представлял министерство.

По новому Положению Главный попечитель стал высшим должностным лицом Калмыкии практически с неограниченными полномочиями. Объем его полномочий значительно расширился, особенно по кадровому составу областных и улусных учреждений. Он получил право отстранять даже нойонов-владельцев от управления улусами, назначать и отстранять правителей улусов, созывать улусные сходы для выбора опекуна по управлению владельческими улусами. Правители казенных улусов и опекуны владельческих улусов в последующем утверждались министром государственных имуществ.

Основная задача Главного попечителя состояла в организации управления, в обеспечении соблюдения общественного порядка в улусах, правильного распределения кочевий между улусами, рационального использования земель, пастбищ. Он руководил деятельностью полицейской службы, формируемой в основном из астраханских казаков по распоряжению военного губернатора. В число новых его обязанностей входила организация перевода калмыков на оседлый образ жизни, а также поселений калмыков вдоль трактов, пролегающих через Калмыцкую степь. Главный

попечитель осуществлял контроль за работой всех учреждений области и улусов, за организацией и проведением выборов и перевыборов должностных лиц областных и местных учреждений, а также за правильным распределением и сбором налогов, за выполнением повинностей, установленных законодательством[51].

Главный попечитель калмыцкого народа в своей деятельности руководствовался российскими законами. Законодатель не предоставил ему право сношения с органами центральной власти, за исключением Министерства государственных имуществ. Основные положения полномочий Главного попечителя калмыцкого народа основывались на политике министра государственных имуществ П.Д. Киселева, направленной на улучшение хозяйственного быта государственных крестьян. По новому Положению значительное внимание он должен был уделять вопросам медицинского обслуживания населения, развития продовольственного обеспечения (особенно в трудные годы скотом, хлебом и т.д.), охраны прав калмыков. В обязанность Главного попечителя входили ежегодный учет населения раздельно по сословиям и представление сведений в Министерство государственных имуществ, а также он должен был иметь точные данные о количестве хурулов, религиозных служащих. Строительство новых хурулов велось только с его разрешения и по утверждении Министерством государственных имуществ.

В Положении также определялась система местных органов управления и суда: в улусе – улусное управление, улусный суд Зарго; в аймаке – родовой зайсанг, если не было родового зайсанга, то аймачный старшина; в хотонах – хотонный староста. Религиозные дела находились полностью в ведении ламы. В соответствии с данным Положением впервые в Калмыкии формировались улусные и аймачные органы местного самоуправления – сходы. Эта новая система управления более соответствовала форме управления российских государственных крестьян, которые были объединены в особые сельские общества (из нескольких таких обществ составлялась волость), пользовавшиеся самоуправлением (имели "сходы", избирали для управления волостными, сельскими делами "голов" и "старшин", а для суда – особых судей)[52].

Местный исполнительно-распорядительный орган был представлен улусным управлением, в него входили: попечитель, который назначался Главным попечителем калмыцкого народа и утверждался министром государственных имуществ; нойон-владелец, управляющий улусом по наследству (в казенных улусах – правитель, назначаемый Главным попечителем и утверждаемый министром государственных имуществ по согласованию с начальником Астраханской губернии); два помощника попечителя, которые назначались палатой государственных имуществ и утверждались начальником губернии. Помимо этого, в штате управления состояли три демчея (сборщики денежных налогов) и три присяжных (ценовщики – оценщики вещей, убытков и пр.), которые избирались на улусных сходах и утверждались в должностях палатой государственных имуществ, а также переводчик – толмач, письмоводители. Поскольку на управление были возложены функции полицейского надзора, в его подчинении находилась военная команда.

Непосредственно работой улусного управления руководил попечитель со своими помощниками. Но что касается проблем улусов (владельческих и казенных), в том числе и финансовых, то в решении их непременное участие принимали нойон-владелец и правитель. По этим вопросам исходящая документация подписывалась попечителем и нойоном-владельцем или правителем. Разногласия между попечителем и нойоном-владельцем (правителем) разрешались Астраханской палатой государственных имуществ. На улусные управления были возложены функции нотариата ("принимают к засвидетельствованию всякого рода акты, заключаемые калмыками")[53].

В связи с фактическим введением Калмыцкой области в административно-территориальное управление Астраханской губернии функции ее высшего судебного органа – Суда Зарго, упраздненного в ноябре 1848 г. постановлением Правительствующего Сената[54], были переданы Астраханской палате уголовного и гражданского суда "для участия в разборе дел, имеющих какую-либо прикосновенность к калмыкам". Улусным судебным органом являлся Зарго, относившийся к инстанции первой ступени на правах сословного суда (для дворян и крестьян). Улусный Зарго

рассматривал гражданские, семейные, уголовные дела, вопросы опекунства, имущественных споров, если между калмыками, то они решались по старым калмыцким законам. Улусный Зарго состоял из председателя (нойон-владелец или правитель); двух членов: старшего, назначаемого улусным попечителем, и младшего, назначаемого помощником улусного попечителя; двух заседателей, избираемых улусным сходом из зайсангов или владельцев (предусматривался возможный вариант из простолюдинов) сроком на три года.

Новое Положение подробно рассматривало процесс судопроизводства улусного Зарго. Главная его цель состояла в примирении истца и ответчика. В случае примирения принятое решение подписывалось обеими сторонами. Улусный суд Зарго, являясь судебным органом по гражданским, уголовным делам, решал также вопросы опекунства. Он работал под наблюдением улусного попечителя и был подконтролен не только палате уголовного и гражданского суда, но и палате государственных имуществ (ежемесячно отчитывался).

Впервые были введены такие понятия, как отдача на поруки, принесение истцом и ответчиком присяги, текст которой составлялся ламой Калмыкии и утверждался министром государственных имуществ, обязательное присутствие свидетелей, но не более десяти, "прикосновенных к следственным и уголовным делам". Имущественные споры, сумма которых превышала 30 руб., а также уголовные дела, выходящие за пределы полномочий Зарго, передавались в вышестоящий или апелляционный судебный орган – Астраханскую палату уголовного и гражданского суда. Меры наказания по мелким гражданским делам, определяемые Зарго, должны были соответствовать сельским судебным уставам для государственных крестьян, а по уголовным – общим российским законам.

Следует обратить внимание на важную деталь, введенную Положением 1847 г. в судебную практику, которая позволяла учитывать социальную жизнь и быт калмыка. При определении денежных взысканий с калмыков в пользу истца и в других случаях ст. 169 Положения устанавливала, что в опись продажи имущества не должны включаться жизненно необходимые вещи (кибитка, одежда, семейные

припасы продовольствия на четыре месяца, скот, если у ответчика было не более одного верблюда, двух лошадей, трех коров и десяти овец, потребный двухмесячный запас кормов для скота), но в случае имущественной несостоятельности виновный должен был заработать и в течение полугода уплатить долг[55].

В улусных судах в обязательном порядке велся учет осужденных калмыков в "штрафной" книге по форме, установленной для сельских расправ в селениях государственных крестьян. Улусные суды относились к всесословным, но решения, касавшиеся владельцев и зайсангов, направлялись на утверждение Астраханской палаты уголовного и гражданского суда.

Аймаком по-прежнему управлял по праву наследства аймачный или родовой зайсанг (в случае его малолетства – опекун, избираемый аймачным сходом по представлению палаты государственных имуществ), который утверждался начальником губернии. В аймаках, не имеющих родовых зайсангов, избирались сходом аймачные старшины из безаймачных зайсангов. Хотоны возглавляли старосты, избираемые аймачными сходами из калмыков-простолюдинов и утверждаемые в должностях палатой государственных имуществ.

Положение 1847 г. впервые ввело в Калмыкии в систему местных органов самоуправления улусные и аймачные сходы, которые по составу и принципам действия более всего напоминали институты сословно-представительных органов, формируемых исключительно на основе цензового представительства. В улусных сходах имели право принимать участие владельцы, зайсанги, старшины, старосты и простолюдины (один от 20 кибиток), достигшие возраста более 25 лет, имеющие собственность и положительную репутацию, несудимые и не состоящие под следствием, а в аймачных сходах – зайсанги, старшины, старосты и простолюдины (один от пяти кибиток).

На улусных сходах, созываемых Главным попечителем один раз в три года, под председательством управляющего (владельца или правителя) обсуждались важнейшие вопросы жизни населения, выборы должностных лиц (заседателей в улусный суд Зарго, демчеев, ценовщиков, бодокчея, старшин для управления частью улуса) и по два кандидата

на каждую должность, распределение и выполнение натуральных повинностей, а также другие вопросы, связанные с общественными делами. На улусном сходе обязательное участие принимал попечитель улуса. Повестку заседания схода и принятое решение – общественный приговор – оформляли письменно.

На аймачных сходах избирались на очередной трехлетний срок старшина аймака, хотонные старосты и по два кандидата на каждую должность, обсуждались распределение и выполнение натуральных повинностей хотонами, назначались опекуны над сиротами и решались другие вопросы общественной жизни аймака. Явка на сход участников была обязательна, и отсутствие без уважительных причин, как, например, официальный выезд, болезнь, влекло штраф в размере одного рубля серебром в пользу общественного сбора.

Возраст лиц, избираемых на указанные должности в улусе и аймаке не должен был превышать 60 лет, среди других условий – хорошее состояние здоровья, первичное выдвижение[56].

По новому закону управление делами религии основывалось на принципах единоначалия и сосредоточивалось в руках ламы – высшего духовного лица и главы всех хурулов Калмыкии. Хотя в Калмыкии в соответствии с "Расписанием хурулов и духовенства", утвержденным в 1847 г. Министерством государственных имуществ, действовало 67 штатных хурулов с 1656 священнослужителями[57], законодатель не предусмотрел образование коллегиального органа – Ламайского духовного правления. Лама теперь избирался на съезде бакшей хурулов по предложению Главного попечителя и с учетом мнений управляющих улусами, владельцев или опекунов, правителей. Он в этом звании утверждался высочайшим указом императора по представлению министра государственных имуществ, согласованному с начальником Астраханской губернии[58].

Основными обязанностями ламы были: наблюдение за благоустройством и содержанием хурулов, за нравственностью духовных лиц; возведение в духовное сословие, присвоение им духовных званий, понижение в духовном звании или должности; ведение учета служителей хурулов. Лама строго следил за тем, чтобы хурулы, церковные служители

не вмешивались в светские дела, соблюдали церковные обряды и порядок отправления службы. Кроме того, он обладал и судебными функциями в отношении не только духовных лиц, но и мирян, например по семейно-брачным делам (выяснение перед браком степени родства будущих супругов, примирение супругов, развод и т.п.). Законодатель детально регламентировал обязанности ламы, порядок работы церковной канцелярии, его взаимоотношения со светской властью. Если лама и церковные служители общались с калмыками на родном языке, то их переписка с государственными учреждениями, должностными лицами губернии, центральной власти должна была вестись на русском языке.

Лама, по существу являясь государственным чиновником, в административном отношении подчинялся Главному попечителю. Если по Положению 1835 г. жалобы на духовенство направлялись на имя астраханского военного губернатора, то по новому Положению их следовало адресовать Главному попечителю.

Новым Положением калмыкам впервые предоставлялась свобода выбора вероисповедания, но в качестве основной религии предусматривался ламаизм. Однако не исключалась возможность принятия калмыками и другой веры, в том числе и православия, даже для них устанавливались определенные льготы. Нойоны, зайсанги, принявшие христианскую веру, сохраняли все привилегии, имущество, владения и подвластных калмыков. В случае принятия православия простолюдинами вместе со своими владельцами нойоны, зайсанги имели право передать свои владения в казенное ведомство и ежегодно получать из государственной казны сумму, равную годовому доходу от владений. Если принадлежавшие владельцам и родовым зайсангам калмыки принимали христианство, то владельцы и зайсанги, поскольку они лишались доходов, получали от российской казны вознаграждение в сумме, равной пятилетнему доходу (по числу семейств).

Калмыкам (одиноким, семьям, селению – хотону, аймаку), принявшим православие, разрешалось оставить владельца и приобрести статус государственных крестьян. В таком случае они имели право получить места для свободного поселения на казенных землях. Кроме того, селение получало право на организацию самоуправления по типу

сельских общин, волостей государственных крестьян. Всем калмыкам-простолюдинам, принявшим православие, оказывалась финансовая помощь из государственной казны на хозяйственное обзаведение: семейным – каждому члену семьи по 15 руб. серебром, одиноким – по 8 руб. серебром.

Помимо этого, Положение предоставляло калмыкам (с согласия владельца, казенным по предъявлении квитанции об уплате денежных налогов) возможность для перехода в казачье войско с определенными льготами, такими, как освобождение на пять лет от повинностей, отправляемых казаками.

Территория кочевий калмыков была распределена поулусно и в административном отношении подразделялась: на улусы – четыре владельческих (Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский и Харахусо-Эрдениевский) и три казенных (Багацохуровский, Эркетеневский и Яндыко-Икицохуровский); родовые и неродовые аймаки; хотоны (численность не менее 15 кибиток-семейств в хотоне). Законодатель, устанавливая определенное количество семей в хотоне, учел, по-видимому, положение "Устава об инородцах" 1822 г. о количественном составе родового управления у кочевых народов. По сравнению с предыдущим периодом количество казенных улусов увеличилось с двух до трех, так как добавился Яндыко-Икицохуровский, а владельческих соответственно уменьшилось с пяти до четырех.

Мочаги и Калмыцкий Базар, территория которых являлась общим пользованием всех улусов, находились в особом положении. Калмыцкий Базар был в основном центром крупной торговли скотом, найма рабочей силы. Во главе Мочагов и Калмыцкого Базара стояли попечители со своими помощниками (в Мочагах – старшина, в Калмыцком Базаре – бодокчей), избиравшиеся на улусных сходах.

В отличие от предыдущего в новом Положении более полно определялись статус и права феодалов (нойонов-владельцев, владельцев, имеющих по нескольку семейств, зайсангов, владеющих аймаками, зайсангов безаймачных, духовенства). Нойоны-владельцы и члены их семейств по-прежнему по статусу были отнесены к потомственным дворянам, имеющим право поступать на военную и гражданскую службу. Зайсанги, владеющие аймаками, были приравнены также к потомственным дворянам, безаймач-

ные зайсанги – к почетным гражданам, а если они занимались земледелием – к потомственным дворянам. Тем самым они были поставлены в привилегированное положение, как и русское дворянство. Если нойону, членам его семейства, ламе, зайсангу полагалось по решению суда наказание, связанное с лишением их чести, то оно не приводилось в исполнение без представления и заключения Правительствующего Сената. Они же освобождались от телесных наказаний, имели право беспрепятственно передвигаться по Астраханской губернии и Кавказской области. Однако нойонам-владельцам, аймачным зайсангам категорически запрещалось продавать, закладывать, дарить подвластных им калмыков.

В Положении 1847 г. было довольно широко представлено наследственное право: регламентированы вопросы наследования улусов, аймаков, имущества. В ст. 16 устанавливалось, что после смерти родителей право наследования переходит к их детям, а в случае отсутствия детей – к ближайшему родственнику в соответствии с общими российскими законоположениями. Если правонаследником оставался малолетний ребенок (сын, дочь), тогда в установленном порядке назначался опекун из ближайших родственников.

Владельческие улусы, родовые аймаки после смерти их владельцев или перехода в духовное сословие не подлежали разделу между наследниками, а переходили к старшему в роду. В то же время законодатель предоставил Главному попечителю полномочия на лишение (в исключительных случаях) нойона-владельца права на управление улусом, полученным в наследство. В таком случае улус должен был быть переведен в казенное ведомство.

В документе достаточно полно были определены статус и обязанности калмыков-простолюдинов, поскольку основное бремя налогов и повинностей (денежных и натуральных) было возложено на них. Каждая семья ежегодно должна была платить 8,15 руб. серебром (57 коп. серебром – аймачному зайсангу; остальная сумма: в казенных улусах – на содержание управления и в общественный капитал, во владельческих улусах – 44 коп. на управление и в общественный капитал, 7,14 руб. в доход владельца – албан). Сбор средств, идущих на управление и в общественный капитал, осуществляли демчеи, а сбор средств, предназначенных владельцам и родовым зайсангам, осуществляли они сами.

Кроме того, каждая семья должна была нести и натуральные повинности: предоставлять командировочным улусным чиновникам подводу, кибитку, топливо; принимать участие в конных пикетах, в кордонной службе на Астраханской линии в составе казачьих войск; участвовать в строительстве и ремонте дорог, в лесоразведении[59].

Правоспособность калмыков-простолюдинов была весьма ограниченна. Они не имели права вступать в заемные обязательства, заключать договорные отношения. Законодатель запрещал им брать взаймы денег свыше 1,5 рублей серебром без поручительства зайсанга и демчея, а свыше 30 руб. – только по поручительству владельца или правителя улуса. Простолюдинам даже запрещалось отлучаться из хотона в пределах улуса без разрешения хотонного старшины.

В связи с окончательным введением Калмыкии в состав Астраханского административно-территориального управления и предпринимавшимися правительством мерами по переводу калмыков на оседлый образ жизни законодатель только определил статус земель, отведенных калмыкам для кочевий. В разделе “О правах калмыков на землю” указывалось, что “земли, отведенные калмыкам от казны, считаются состоящими у них на правах общего пользования”. Поэтому территория, занимаемая калмыками, не принадлежала Астраханской губернии, а относилась к государственным, т.е. казенным, землям, находившимся в ведении Министерства государственных имуществ. Оно ежегодно получало отчет о соблюдении границ земель калмыков. В связи с этим царская администрация законодательно разрешала калмыкам на отведенных им казенных землях строить стационарные хозяйства, дома, фабрики, заводы, разводить леса, сады, огороды, заниматься хлебопашеством. Не разрешалось людям других ведомств селиться на отведенных калмыкам землях, даже временно пасти скот. В комплексе с землепользованием намечались конкретные меры и создавалась правовая база для развития экономики, торговли, стационарного ведения хозяйства, для строительства в населенных пунктах домов, загонов для скота, колодцев, разведения садов, огородов и т.д.[60]

Законодатель, по сравнению с предыдущим Положением значительно расширяя сферу торговых связей Калмы-

кии с другими регионами, втягивал ее во всероссийский рынок. Калмыкам разрешалось "свободно везде и во всякие времена продавать собственные изделия и скот, но для продажи в городах других товаров должны" были иметь установленные для торговли свидетельства. Вместе с тем продолжали действовать ежегодные ярмарки в Хошоутовском, Малодербетовском, Большедербетовском улусах.

Впервые для накопления и целевого использования финансовых средств создавался Фонд общественного капитала калмыцкого народа. Законодатель, определив источники поступления (суммы от экономии на содержание аппарата управления; за оброчные статьи на землю; от кибиточных сборов по 3 руб.; другие сборы, штрафы и т.д.), поставил использование средств под личный контроль Главного попечителя и министра государственных имуществ (свыше 300 руб.). Они предназначались калмыкам в случае стихийных бедствий, на строительство домов, общественных зданий, на развитие земледелия.

В комплексе всех мер, связанных с введением Калмыкии в общую российскую систему управления, предусматривалась подготовка переводчиков, мелких чиновников, владеющих русским языком. Основная ее цель заключалась в том, чтобы аппарат управления приблизился к населению и заговорил на понятном всем родном языке. В связи с этим особое внимание обращалось на открытие в Калмыкии первого учебного заведения – училища для подготовки переводчиков толмачей, для изучения русского языка. В соответствии с "Положением об училище для калмыков", утвержденным высочайшим указом от 23 апреля 1847 г., в училище должны были приниматься преимущественно дети нойонов, владельцев, зайсангов, а также из благонадежных, заслуженных семей. Контингент обучающихся определялся в количестве 50 детей в возрасте от 8 до 12 лет. Училище учреждалось при Астраханской палате государственных имуществ во главе со смотрителем, назначаемым Главным попечителем и утверждаемым астраханским военным губернатором[61].

В целом "Положение об управлении калмыцким народом" 1847 г. было направлено на осуществление "попечительства" об усовершенствовании жизни и быта, правового положения сословий, социальных групп населения, чтобы

ускорить их вхождение, интеграцию в социальную структуру российского общества. Особое "попечительство" было проявлено во внедрении усовершенствованных методов хозяйствования, в развитии новых отраслей хозяйства, земледелия, культуры, образования. Но следует отметить, что все эти намечаемые мероприятия проводились за счет средств самих калмыков – создание фонда общественного капитала, налоги и различные повинности, сборы – и были рассчитаны на "благожелательное попечительство" о калмыках, на увеличение доходов от экономики, на формирование опоры царизма из числа местной феодальной верхушки, на преодоление национальных особенностей в составе населения России.

Сама система "попечительства" в отношении калмыков превратилась в строгую государственную опеку непосредственно через центральные и местные, т.е. губернские, государственные органы, законодательство, религию, путем бюрократизации и монополизации управления и контроля, регламентации всей сферы жизни калмыков. В результате "попечительства" политические институты Калмыкии практически трансформировались в общероссийскую политическую систему. К середине XIX в. Калмыкия полностью утратила оставшиеся элементы административной автономии, статуса субъекта России, превратилась в одну из провинций Российской империи.

Несмотря на крупные преобразования императора Александра II (освобождение крестьян, повлекшее за собой остальные реформы – всесословные суды, всесословное земство, в образовании, армии и т.д.), осуществленные в 60–70-е годы XIX в., система управления Калмыкии, установленная в 40-е годы XIX в., и ее взаимоотношения с центральными и губернскими органами власти оставались длительное время почти без изменений. Только в 1867 г. Отделение по делам калмыцкого народа Астраханской палаты государственных имуществ было реорганизовано в Управление калмыцким народом Астраханского управления государственных имуществ в прежнем составе и руководстве. Эта реорганизация была связана не с чем иным, как с реформой органов государственных имуществ после отмены крепостного права[62]. Относительная стабильность аппарата управления Калмыкии объяснялась тем, что ее не коснулись

отмена крепостного права и связанные с ней реформы государственных учреждений, суда, местных органов управления.

В связи с тем что население Калмыкии со времени отмены крепостного права фактически интегрировалось – большей частью в правовом отношении – с населением России, Министерством государственных имуществ уже в начале 70-х годов была начата подготовка к отмене феодальных отношений у калмыков. Однако в силу субъективных причин, таких, как сопротивление калмыцких феодалов, административная волокита и т.д., решение этого вопроса затянулось более чем на 30 лет[63]. Своеобразная крестьянская реформа, отмена крепостнических отношений, в Калмыкии была проведена лишь в начале 90-х годов XIX в., т.е. уже в годы последствий падения крепостного права – быстрого капиталистического развития России.

2. Завершение введения Калмыкии в единоуправляемую систему Российской империи (первая половина XIX – начало XX века)

16 марта 1892 г. был утвержден Государственным советом и подписан императором Александром III закон "Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа", по которому калмыки-простолюдины освобождались от феодальной зависимости, им были даны все личные права, "предоставленные общими законами Империи свободным сельским обывателям", отменено "навсегда право калмыцких нойонов-улусовладельцев, мелких владельцев и родовых зайсангов на подвластных им калмыков, а равно взимание с сих последних денежного сбора...". Калмыки-простолюдины, как свободные сельские обыватели, получили гражданские права, например самостоятельно заключать договора, отлучаться с места своего жительства, переходить в другие сословия и т.д., а также и общественные права – участие в сходах для решения местных вопросов, формирование местных органов самоуправления и т.д.

Отмена крепостного права в Калмыкии имела свои особенности. Поскольку земля находилась в общем пользова-

нии, то калмыкам-простолюдинам нечего было выкупать у своих владельцев. Поэтому они, миновав этап временнообязанных, сразу же получали полную самостоятельность и независимость, а владельцы, такие, как нойоны-улусовладельцы, мелкие владельцы, родовые зайсанги, – выкуп за потерю дохода в виде "вознаграждения" в сумме, равной пятикратному сбору годового албана. Кроме того, независимо от вознаграждения "особо нуждающимся" мелким владельцам и родовым зайсангам выдавалось "единовременное пособие, устанавливаемое в каждом конкретном случае министерствами государственных имуществ, финансов, внутренних дел". Выкупные расходы ("вознаграждения", "единовременные пособия") выдавались не из государственной казны, а из фонда калмыцкого общественного капитала Астраханской и Ставропольской губерний.

В связи с отменой в Калмыкии феодальных отношений и согласно общему принципу подчинения Министерству финансов движения всех денежных сумм в казначействах империи, с 1892 г. по новому закону калмыцкое население облагалось денежным налогом в пользу государства. Новый налог в отличие от общегосударственной подушной подати исчислялся из расчета 6 руб. в год с кибитки (семьи), что по сравнению с прежним сбором (8 руб. 15 коп.) было меньше на 2 руб. 15 коп. Распределение сумм кибиточного сбора по улусам и аймакам производилось в Астраханской губернии местным Управлением калмыцким народом с последующим утверждением астраханским губернатором, а в Ставропольской губернии – Главным приставом кочующих народов с последующим утверждением ставропольским губернатором[64].

Распределение суммы сбора, причитающейся с аймака, было предоставлено аймачному сходу. Сход, раскладывая кибиточный сбор, мог уменьшить или вовсе освободить семью от налога, но не превышая другим надбавку свыше 20%. Его решение в обязательном порядке утверждалось улусным попечителем. Тем самым узаконивалась круговая порука, которая господствовала в русских сельских общинах после отмены крепостного права.

Кибиточные сборы в аймаках осуществлялись демчеями (сборщиками) по полугодиям, собранные деньги они сдавали улусному попечителю. Улусные денежные сборы посту-

пали в уездные казначейства Астраханской или Ставропольской губернии. Улусные попечители были наделены правом отдавать неплательщиков "калмыков-простолюдинов в работы до выручки всей суммы". Вся годовая сумма собранного в Калмыкии денежного налога поступала в распоряжение министра государственных имуществ для целевого использования на нужды.

Однако вскоре в результате резкого расслоения населения "кибиточная подать" в соответствии с законом от 10 июня 1900 г. "О замене у калмыков Астраханской губернии кибиточной подати сбором с принадлежащего им скота" была заменена налогом со скотовладельцев независимо от сословий (установлен налог с одной головы домашнего животного: верблюда – 75 коп., лошади и крупного рогатого скота – 40 коп., мелкого скота – 5 коп.)[65]. Переходу на новое налогообложение в какой-то степени способствовало и тяжелое стихийное бедствие, постигшее Калмыцкую степь зимой 1895/96 г., и в результате была подорвана платежеспособность населения, выросли недоимки по основному налогу.

Прежде родовыми улусами и аймаками управляли нойоны-владельцы, зайсанги, хотя и под контролем попечителей, на принципах помещичьей вотчинной власти. Теперь же, по новому закону, принцип наследственного перехода власти отменялся, и управлять ими должно было государство. Поэтому нойоны-владельцы и родовые зайсанги освобождались от обязанностей по управлению улусами и аймаками, а должности правителей улусов упразднялись. Управление улусами (бывшими владельческими, казенными) и улусными судами возлагалось на улусных попечителей и их помощников (было учреждено восемь новых должностей помощников). В аймаках, в том числе и родовых, практически приравненных к русским волостям, управление должно было осуществляться старшинами, избираемыми сроком на три года аймачными сходами[66]. Таким образом, с принятием нового закона последовало уничтожение всех особенностей в порядке самоуправления Калмыкии.

Закон 1892 г. не только отменил обязательные отношения, ликвидировал феодальную зависимость крестьян, предоставил ранее бесправной основной массе населения гражданские и общественные права, но и унифицировал со-

циальную структуру, сословия Калмыкии с российскими, интегрировал ее систему управления в губернское и общероссийское внутреннее устройство, упразднив последние признаки административной автономии, введя и подчинив Калмыкию Астраханской губернии. В связи с новым положением Калмыцкой степи была ликвидирована в 1897 г. должность Главного попечителя калмыцкого народа, а его функции переданы непосредственно астраханскому губернатору.

После откочевки значительной части волжских калмыков в Джунгарию их территория постепенно ограничивалась. К 20-м годам XIX в. площадь кочевий калмыков заметно стабилизировалась и была определена в Нижнем Поволжье в 10 млн дес. земли, находившейся в казенном ведомстве[67].

Основная территория, занимаемая калмыками, – Калмыцкая степь – разделялась Волгой на две неравные части. Бóльшая часть калмыцких земель находилась на правобережье. Правобережная часть территории Калмыцкой степи соприкасалась на севере с землями Саратовской губернии (у селений Большие и Малые Чапурники, Цаца, Сарепта). На северо-востоке, востоке и юго-востоке ее граница проходила по Волге и Каспийскому морю, а на юге – со Ставропольской губернией от Каспийского моря по реке Гуйдук – притоку Кумы, по Можарским соляным озерам, Восточному и Западному Манычу. На западе граница степи проходила вблизи селений Ремонтного, Торгового, речек Большие Кресты, Дубовая и Царица. Эта часть занимала площадь 7 128 352 дес. или 7 769 990 га.

Меньшая часть Калмыцкой степи располагалась на левобережье Волги. На севере она граничила с землями, отведенными до Баскунчакского озера и к киргизам Внутренней (Букеевской) орды, на востоке – с землями Букеевской орды и Кундровских татар, на юго-западе и западе – с землями сел Болхунского, Пироговского, Михайловского, Тамбовского, Княжьего Астраханской губернии. Левобережная часть Калмыцкой степи составляла 724 105 дес. т.е. 789 274 га.

Таким образом, общая площадь Калмыцкой степи к 1860 г. составляла 7 852 457 дес. (8 559 264 га), не включая сюда 716 529 дес. (781 017 га), которые были отведены для

русских поселенцев с 1848 по 1850 г. по окраинам степи, а также 12 840 дес. земли (13 996 га), которые были отмежеваны в 1815 г. к Можарским соляным озерам в соответствии с указом от 19 мая 1806 г. "О размежевании калмыцких земель". К началу XIX в. Калмыцкая степь занимала площадь 8 581 826 дес. (9 354 190 га).

Помимо этого, Большедербетовский улус, причисленный в начале 1860 г. к Ставропольской губернии, занимал площадь 2 000 000 дес. (2 180 000 га). Калмыки, жившие на земле войска Донского, занимали площадь в 1 034 000 дес. (1 127 060 га). Территория между Волгой и Доном, Сарептой и Каспием была определена для кочевья калмыцкому народу, как выше указывали, именными указами, данными Сенату императорами Павлом I от 27 сентября 1800 г., Александром I от 28 апреля 1802 г. и указом от 19 мая 1806 г. В указе от 28 апреля 1802 г. говорилось, что калмыкам отводится то количество земли, которое "нужно для пастьбы стад и табунов их, чтобы разные орды в кочевьях не были стеснены", а также для того, "чтобы калмыкам в отведенных угодьях как-то: луга, сенокосы, леса и прочее – им предоставить, отдаляя всякое посторонних к ним людей притязание"[68].

Что касается численности калмыков Нижнего Поволжья, то до проведения в 1862 г. официальной переписи в Астраханской губернии точных данных не было. По этой переписи в Астраханской губернии было зафиксировано 26 218 кибиток (семей) с населением в 115 260 человек, а с владельцами-нойонами, зайсангами и духовенством – 119 866 человек. В составе населения Калмыкии высшие сословия составляли 3,85%, а в России – 7%[69].

Точные сведения о численности калмыков в целом по России (190 648 человек), по регионам (в Калмыцкой степи – 138 582; в Ставропольской губернии – 10 814; в Терской области – 3595; в области войска Донского – 32 283 человека) были получены в ходе Всероссийской переписи 1897 г. За 35 лет население Калмыцкой степи вместе с калмыками Ставропольской губернии увеличилось с 124 989 до 149 396 человек, т.е. на 24 407 человек, или ежегодный прирост населения составлял в среднем 700 человек (был очень низкий – 0,5%, а по России – 1,31%). В связи с высокими темпами заселения губернии к 1897 г. по сравнению с 1795 г.

удельный вес калмыков в составе населения Астраханской губернии снизился с 48,2 до 17,2%[70].

В составе населения Калмыкии уровень высшего сословия к 1897 г., по сравнению с 1862 г., снизился с 3,85 до 3,12%, но к этому времени в структуре населения появились чиновники, купцы (4642 человека, или 3,52%). В 66 больших и малых хурулах несли службу гелюнги и гецюлы (272 человека), манджики (172 человека), ученики хурульных школ (1259 человек). Население Калмыцкой степи по вероисповеданию распределялось следующим образом: ламаисты – 134 948 человек (97,4%); православные – 4047 человек (2,92%); мусульмане – 678 человек (0,48%)[71].

Несмотря на происходившие изменения в хозяйстве калмыков под влиянием российской экономической жизни, основным их занятием в XIX – начале XX в. оставалось экстенсивное скотоводство. Говоря о его состоянии в рассматриваемый период, мы можем уже оперировать цифровыми данными, хотя, может быть, не совсем точными, но дающими определенную характеристику динамики поголовья скота в Калмыкии.

Если в начале XIX в. (1803 г.) калмыки имели 1 232 808 голов скота, в том числе лошадей 238 330, крупного рогатого скота 166 628, овец 767 398, верблюдов 60 452, то в 1897 г. – соответственно всего 477 337 голов (38,72%), из них лошадей 53 795 (22,6%), крупного рогатого скота 102 401 (61,5%), овец 300 404 (39,1%), верблюдов 20 737 (34,3%). Отсюда видим, что почти в течение века общее поголовье скота уменьшилось на 755 471 голову (61,2%). Основные причины значительного сокращения поголовья были связаны с падежом скота в связи с засухой, суровыми зимами, бескормицей (в зиму 1895/96 г. пало 303 441 голова, а если до этого учесть в 1891 г. – 244 098; в 1892 г. – 200 304; в 1893 г. – 178 117)[72], с потерей конского поголовья в годы войны 1812–1813 гг., с изменением структуры животноводства, так как значительно уменьшилось количество лошадей и верблюдов, участвующих в военных действиях, с социальной дифференциацией калмыцкого населения.

Надо полагать, что в указанное количество скота 1897 г., не вошло проданное в том же году – 181 462 головы. Видимо, трудности суровой зимы 1895/96 г. в основном испытали простолюдины. Ими в 1895 г. было продано всех

видов скота 198 105 голов (95,3% скота, проданного всеми сословиями), в 1897 г. – 174 984 головы (96,4%). В рассматриваемый период самое малое количество скота у калмыков зафиксировано в 1827 г. – 235 421, а самое большое – 1 446 706 голов – в 1890 г. Следует отметить, что положение в животноводстве к концу XIX в. начало несколько улучшаться: в 1900 г. числилось 527 945 голов скота и было продано 131 661[73].

XIX век характеризовался не только развитием товарного животноводства, но и переходом к новым отраслям – земледелию, огородничеству и садоводству, к стационарным формам ведения скотоводства, к оседлости калмыцкого населения. Но новые отрасли в хозяйстве Калмыкии развивалась очень медленно. Еще в 60-е годы в Астраханской губернии занималось земледелием только 153 семейства калмыков (обрабатывали 1120 дес. земли), а в Большедербетовском улусе – относительно несколько больше. К 1900 г. в Калмыцкой степи насчитывалось около тысячи хозяйств, занимавшихся земледелием, и земельная площадь под посевами зерновых культур увеличилась с 1,1 тыс. дес. до 4,5 тыс. Если в 1860 г. в Большедербетовском улусе под посевными находилось всего 600 дес. земли, то к 1890 г. уже засевалось 11,1 тыс. дес. (хотя 8,6 тыс. дес. принадлежало арендаторам)[74].

На начальном этапе развития земледелия наибольшее распространение получили злаковые культуры, такие, как пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, а в Малодербетовском улусе значительные площади занимали под горчицу и лен. Развитие новых отраслей в хозяйстве калмыков привело к концу XIX в. к формированию трех экономических зон (Западная, Центральная, Восточная), которые различались размером территорий, почвенно-климатическими условиями и в связи с этим соотношением животноводства и земледелия.

Западная зона (Большедербетовский улус Ставропольской губернии) – скотоводческо-земледельческая. Обрабатываемые пашни – 55 230 дес.; поголовье скота – 73 007.

Центральная зона (Малодербетовский, Манычский, Икицохуровский улусы Астраханской губернии) – скотоводческо-земледельческая. Посевная площадь – 13 378 дес. поголовье скота – 442 771.

Восточная зона (Багацохуровский, Харахусовский, Александровский, Эркетеневский, Яндыко-Мочажный улусы Астраханской губернии) – скотоводческая. Поголовье скота – 272 095. Эта зона, кроме того, характеризовалась развивающимся рыболовством. Однако собственными предприятиями рыбоперерабатывающей промышленности она не располагала, за исключением промысловых предприятий крупных русских рыбопромышленников. Калмыцкие семьи, лишенные скота, вынуждены были наниматься к ним. В 1862 г. на рыбных промыслах было занято 13 539 калмыков, на соляных промыслах – 1280[75].

С проникновением в Калмыкию рыночных отношений и изменениями в ее экономике начались качественные сдвиги в социальной структуре калмыков. Социальное расслоение калмыцкого населения в конце XIX – начале XX в. выглядело следующим образом: лишенные скота – 2984 хозяйства (12,3%); малоимущие (1–10 голов скота) – 15 597 хозяйств (64,4%); средние по обеспеченности (11–50 голов скота) – 4239 хозяйств (17,5%); зажиточные (51–100) – 812 хозяйств (3,5%); крупные (101–500 и свыше голов скота) – 556 хозяйств (2,3%). К крупным владельцам относились прежняя феодальная знать (нойоны, зайсанги, духовенство) и нарождающаяся буржуазия, которая занималась товарным производством в животноводстве и земледелии с использованием наемного труда. Основную массу населения составляли простолюдины – 96,77%. Часть феодалов сумели приспособиться к рыночным отношениям и превратились в крупных скотопромышленников (нойоны Д. Тундутов, М. Гахаев, Тюмени, зайсанги Э.Д. Дондуков, О. Оргечкиев, Ц.Д. Онкоров и др.)[76].

В конце XIX в. Калмыкия начала втягиваться во всероссийский рынок и развивать экономические связи с крупными городами России, выступая не только как поставщик животноводческого и земледельческого сельскохозяйственного сырья, но и как рынок сбыта промышленных товаров соседних сел и городов. Эти торговые, экономические отношения осуществлялись в своеобразных формах – разъездной, ярмарочной и стационарной. Развитию торговых отношений способствовал и начавшийся процесс превращения калмыцкого ремесла в мелкое товарное производство, обеспечивавшее рынок промышленными изделиями (войлок,

детали для кибитки, кожаная и деревянная посуда, седла, сбруя, кровати, ювелирные изделия и т.п.).

Влияние капиталистических отношений, устанавливающиеся тесные связи с русским и другими народами существенно отразились не только на социально-экономической жизни калмыцкого общества, но и на его культуре и быте. Калмыки стали постепенно переходить к оседлому образу жизни, новым типам жилища, таким, как стационарные постройки, к новым формам одежды, ассортимент пищи становился разнообразнее, вносились новые элементы в обычаи, обряды, праздники, заметно обогащалась духовная культура. Если в начале XIX в., 1805 г., были опубликованы Б. Бергманом на немецком языке две песни “Джангара”, то в начале XX в., 1910 г., было издано уже на калмыцком языке десять песен, записанных Номто Очировым у Ээлян Овла.

В XIX – начале XX в. проявляется особый познавательный интерес у русских (А.М. Позднеев, Н.Я. Бичурин, Н.И. Страхов, Н.А. Нефедьев, И.А. Житецкий, Г.Н. Прозрителев, В.Л. Котвич, Ю. Лыткин, А.А. Бобровников, Б.Я. Владимирцов и др.) и иностранных (Г.И. Рамстедт, А. Дюма и др.) ученых, писателей, публицистов к изучению истории, филологии, фольклора, этнографии калмыков. В 1905 г. В.Л. Котвич издал на русском языке сборник “Калмыцкие загадки и пословицы”. В этот же период благодаря применению типографского шрифта в калмыцкой письменности получает развитие оригинальная письменная литература, а также издаются калмыцкие произведения на русском языке (А.М. Позднеевым в 1885 г. опубликованы “Сказание о дербен-ойратах” Батур-Убаши-Тюменя (1819), “История калмыцких ханов”, “Хождение в Тибетскую страну” База-бакши Мэнкэджуева). Примечательно, что калмыцкие авторы стали писать свои произведения на русском языке (Е. Чонов – “Калмыки в русской армии XVII–XVIII вв. и 1812 г.”, Пятигорск, 1912; Н. Очиров – “Астраханские калмыки и их современное состояние”, СПб., 1915), начали выпускаться на калмыцком и русском языках периодические издания (в частности, “Русско-калмыцкий календарь”).

В середине XIX в. в Калмыкии зарождается светское образование. В 1848 г. было открыто калмыцкое мужское

училище, а в 1856 г. при нем – гимназия. К концу XIX в. действовали женское училище на 20 человек и 8 улусных школ на 240 мест. Кроме того, в учебных заведениях России обучалось 174 калмыцких учащихся. Хотя сеть образовательных и специальных учебных заведений развивалась недостаточно успешно и охват обучающихся был невелик, однако уделялось серьезное внимание подготовке учебников, пособий и словарей для калмыцких школ: букварь на русском и калмыцком языках (1804); букварь с этимологией калмыцкой грамматики (1843) и русско-калмыцкий словарь (1853) В. Дилигенского; калмыцко-русский словарь А. Воронцова (1888); русско-калмыцкий словарь П. Смирнова (1847); учебник русского языка для калмыков И. Ястребова (1892); калмыцко-русский букварь Н. Бадмаева (1910); калмыцко-русский словарь А.М. Позднеева (1911) и др. В этот период возникает и получает развитие совершенно новое научное направление – калмыковедение, изучающее и разрабатывающее проблемы истории, филологии, этнографии, культуры ойрат-калмыков[77].

Огромный вклад в становление и развитие калмыковедения как научного направления в российской и мировой науке внесли крупные ученые: П.С. Паллас (Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809; Записки о путешествии по южным губерниям Российской империи с 1793 по 1794 год. Лейпциг, 1799–1801), Д.Н. Анучин (Александр Гумбольдт, как путешественник и географ, и в особенности, как исследователь Азии. М., 1915), К.М. Бэр (Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы. / Научное наследство. Л., 1984. Т. 9), И.И. Мечников (Заметки о населении Калмыцкой степи Астраханской губернии // Географические известия, 1873), И.В. Бентковский, написавший серию статей по этнографии, культуре, экономике, истории калмыков, И.А. Житецкий (Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения (1884–1886 гг.). М., 1893), Г.Н. Высоцкий (Ергеня. Культурно-фитологический очерк. Пг., 1915), Г.Н. Прозрителев (Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Ставрополь, 1912).

Мы весьма признательны Г.Н. Прозрителеву за его объективную оценку заслуг калмыцкого народа перед россий-

ским отечеством, когда он писал, что "не может быть забыт и калмык, как сын великой страны, для оберегания единства которой и он проливал свою кровь". Глубокая мысль была заложена в его словах: "С верой в свои силы и надеждой на поддержку русского народа калмык не сойдет бесследно с исторической сцены"[78].

С начала XVIII столетия к калмыцкой тематике обращаются не только ученые, писатели, но и художники. К таким произведениям следует отнести картины всемирно известных художников: И.И. Голикова – "Деяния Петра Великого..."; И.П. Аргунова – "Портрет калмычки Аннушки", 1767 г.; X. Гейслера – "Калмык на коне", 70-е годы XVIII в.; Е. Скотникова – "Калмыцкая борьба", начало XIX в.; О.А. Кипренского – "Портрет калмычки Баяусты", 1813 г.; К.П. Бегрова – "Калмык", 1822 г.; И.Е. Репина – "Калмык", 1871 г.; В.В. Верещагина – "Калмык на лошади в степи", 1863–1864 гг., "Калмычонок", 1863 г., "Калмыцкий лама", 1873 г.; И.М. Прянишникова – "У кибитки", 1887 г., "Портрет мальчика-калмычонка Намро", 1887 г., "Портрет калмыка Чаадер", 1887 г., "Интерьер калмыцкой кибитки", 1887 г. и др.[79]

В конце XVIII – начале XIX в. в Калмыкии развивается зодчество, преимущественно культовое. Первые стационарные хурулы были построены в Багацохоровском (1798) и Малодербетовском (1800) улусах. К началу XX в. астраханские, ставропольские и донские калмыки имели 28 больших и 69 малых хурулов, сочетавшей в себе черты западноевропейского зодчества и архитектуры буддийского Востока[80].

Калмыкия и ее народ привлекали внимание и приобретали известность благодаря не только отечественным и зарубежным ученым, путешественникам, но и выдающимся представителям самого калмыцкого народа. Одной из таких личностей XVIII в. был Федор Иванович Калмык (1764–1824), закончивший художественное училище в городе Карлсруэ и совершенствовавший свое мастерство в Италии и Греции. Его произведения были оценены современниками и впоследствии специалистами как выдающиеся образцы живописи и гравюры.

Оставил замечательную страницу в истории русского искусства художник с мировым именем Алексей Егорович

Егоров (1776–1851), по национальности калмык. Высоко отзывались о его произведениях Т.Г. Шевченко, В.Г. Белинский, К.Н. Батюшков, писавший, что “вот художник, который приносит честь Академии и которым мы, русские, можем справедливо гордиться”. Учениками А.Е. Егорова были Ф.А. Бруни, К.П. Брюллов, А.А. Иванов, М.И. Скотти, ставшие выдающимися мастерами рисунка.

В музеях России сохранились прекрасные работы (“Петр I”, 1874 г.; “Сцена в кузнице”, 1875 г.) Евдокима Егорова, сына А.Е. Егорова, а также известного художника-калмыка Николая Николаевича Аберды (1807–1850)[81].

К выдающимся сыновьям калмыцкого народа относится талантливый самоучка-гидротехник, крупный деятель Петровской эпохи калмык Михаил Иванович Сердюков (1677–1754). Он вошел в историю как автор проекта реконструкции Вышневолоцкого водного пути и организатор строительства ряда водных коммуникаций. Впервые в мировой гидротехнике им было создано резервное водохранилище в Вышневолоцкой водной системе. Эта водная система находилась в управлении М.И. Сердюкова и его сына Ивана[82].

На рубеже XIX–XX вв. в полиэтнической России (57% населения составляли так называемые инородцы) самочувствие, правовой статус, экономическое, культурное, социальное, духовное состояние национальных масс зависели не только от их самоидентификации, внутриполитического курса государства, но и от позиции ведущих политических сил российского общества. Официальная власть, издав 23 апреля 1906 г. Свод основных государственных законов, подтвердила незыблемость своей политики в государственном устройстве. “Государство Российское, – гласила ст. 1, – едино и нераздельно”. Но следует отметить, что правовых ограничений по национальному признаку, за исключением евреев и поляков-католиков, в России не имелось. По “Уставу об инородцах” 1822 г. нерусские народы, в зависимости от ступени развития, подразделялись на три категории – бродячих, кочевых, оседлых, в которых устанавливалась определенная система взаимоотношений царской администрации с местным управлением.

Однако правовые ограничения действовали на основе конфессиональных различий (государственной религией

являлось православие) и степени владения государственным (русским) языком. "Русский язык, – гласила ст. 3 Свода, – есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях". Употребление национальных языков должно было определяться особыми российскими законами.

Официальной политикой государства, единой и неделимой России содействовали дворянская организация "Русское собрание", монархическая (правая) партия "Союз русского народа", которая поддерживалась императором "Николаем II как оплот государства"[83]. Последняя, наделяя русскую народность исключительным правом "государственного строения и управления", считала равными себе тех нерусских народов, которые издревле "проживали на территории коренной России". Партия октябристов ("Союз 17 октября"), базировавшаяся на принципах "Манифеста 17 октября", практически поддерживая исторически сложившееся унитарное государство и его единство, отвергая автономию, не исключала равноправие всех граждан России, а также возможность широкого развития самоуправления национальностей, выступала за конституционную монархию с народным представительством, основанным на общем избирательным праве.

В программе кадетов (Конституционно-демократическая партия, возникшая как левая оппозиция и сместившаяся к центру), крупнейшей либерально-центристской партии, отмечалось, что государство должно гарантировать всем народностям "помимо гражданской и политической равноправности всем гражданам право свободного культурного самоопределения", демократизировать избирательное право и созвать народное представительство[84]. Близко к кадетам в области государственной системы стояла умеренно-прогрессистская партия, выступавшая за цельность государства при самостоятельности местного самоуправления, против автономии и федерации.

Представитель либерально-демократической ориентации П.Б. Струве, ученый и публицист, был сторонником идеи национального русского государства и стоял на позициях укрепления его могущества на основе быстрого экономического развития, политического и культурного единства. Правые либералы, наоборот, требовали предоставить

нациям национально-территориальную автономию, видели возможность развития всех народов России в составе единой империи. Но эта их позиция не нашла поддержки у российских либералов, считавших неприемлемым построение федерации по национальному признаку. В отличие от Всероссийского национального союза, занимавшего правые позиции в национальном вопросе, национал-либералы выступали за демократизацию системы центрального и местного управления, за утверждение буржуазно-демократических свобод для всех граждан страны[85].

Партия социалистов-революционеров, вышедшая на политическую арену в начале XX в., настаивала на демократической республике с широкой автономией областей, на федеративной форме государственного устройства, на признании за национальностями права на самоопределение. Народно-социалистическая партия, близко стоявшая по своим взглядам на государственное устройство к эсерам, предлагала создать народное государство с обобществлением всех средств производства, ввести самоуправление. "Радикальная партия", стоявшая между эсерами и кадетами, видела свою политическую цель в созыве Учредительного собрания, создании "Соединенных штатов России" (политическая и административная автономия). Несколько правее этих партий стояла Партия свободомыслящих, в качестве государственной модели провозглашавшая "представительный образ правления с монархом", ограничение избирательного права цензом оседлости, введение автономии у "неразвитых народов"[86].

В начале XX в. в революцию вступила Российская социал-демократическая рабочая партия, поставившая политическую цель – свержение самодержавия и замена его демократической республикой, передача власти Учредительному собранию. Что касается национальной политики, то она выдвинула лозунг о праве наций на самоопределение, не наполняя его конкретным содержанием. На начальном этапе социал-демократы не ставили и не проповедовали ни федеративного принципа, ни децентрализации, а больше склонялись к идее крупного, централизованного государства, идее культурно-национальной автономии в рамках унитарного государства, не связывая его ни с одной определенной территорией, ни с характером социально-политического строя[87].

Несмотря на различные программные мнения, идеи общественных, политических организаций России, на национальные особенности, национальные интересы народов страны стали игнорироваться органами центральной власти, законодательно ограничивалось участие "инородцев" в политической жизни страны. Негативное значение, пагубность для России национальной политики, проводимой царской администрацией, ясно понимал крупнейший государственный деятель той эпохи С.Ю. Витте. Он писал, что "если бы Государь... смело стал на принцип веротерпимости, устранил явно несправедливые стеснения инородцев и пр., то не потребовалось бы 17 октября"[88].

Национальный вопрос в период конституционной монархии не только оказался предметом внимания политических партий, но и вызвал широкую дискуссию в обществе, особенно в связи с принятием властью решения о создании общегосударственного представительного органа – Государственной думы, с обнародованием Манифеста "Об усовершенствовании государственного порядка" (17 октября 1905 г.). Под влиянием революционных событий 1905 г., общественного мнения царская администрация вынуждена была внести изменения в ранее принятые законодательные акты ("Учреждение Государственной думы", "Положение о выборах в Государственную думу" от 6 августа 1905 г.). Были изданы новые законодательные акты, составившие правовую базу формирования и деятельности представительного органа: Указ "Об изменении положения о выборах в Государственную думу" (11 декабря 1905 г.), Манифест «Об изменении Учреждения Государственного совета и пересмотре "Учреждения Государственной думы" (от 20 февраля 1906 г.), а также новый Манифест "Учреждение Государственной думы"» (Указ от 20 февраля 1906 г.).

Несмотря на дискриминацию права национальных меньшинств участвовать в формировании общегосударственного представительного органа страны – Государственной думы, царская администрация все же признала в новых законодательных актах кочевых инородцев в качестве субъекта избирательного права, наделив их правом участия в многоступенчатых выборах по выдвижению кандидатов и голосованию и поставив, с оговоркой, в ряд с определенными губерниями и областями, отличающимися национальными

признаками. В "Положении о выборах в Государственную думу" от 6 августа 1905 г. указывалось: "Выборы в Государственную думу от губерний Царства Польского, областей Уральской и Тургайской и губерний и областей Сибирских, генерал-губернаторств Степного и Туркестанского и наместничества Кавказского, а также выборы от кочевых инородцев производятся на основании особых правил"[89]. В то же время статья 6-я этого законодательного акта исключала из числа избирателей на выборах "бродячих инородцев".

Законодательные акты, внесшие изменения в "Положение о выборах в Государственную думу", и изданные в дополнение к нему узаконения от 11 декабря 1905 г. регламентировали и представительство в Думе от ряда национальных регионов, в том числе и от Калмыкии. Так, по "Положению о выборах в Государственную думу для инородцев", кроме имущественного ценза, требовалось еще знание русского языка. По участию в выборах в Государственную думу кочевых инородцев Астраханской и Ставропольской губерний 25 марта 1906 г. были приняты по предложению Министерства внутренних дел специальные правила, установившие квоту от калмыков – один член Государственной думы. В связи с задержкой разработки и принятия подобных правил некоторые национальные районы организовали и провели выборы со значительным опозданием, а другие даже не успели избрать и направить депутата в Думу, так как она была распущена досрочно, в июле 1906 г.

Выборы депутата от Калмыкии в I Государственную думу в 1906 г. проходили в два этапа, так как он избирался не непосредственно избирателями (многоступенчатые выборы), а при помощи выборщиков. Первоначально избирались выборщики (по норме – один выборщик от каждого улуса и по одному выборщику от участковых избирательных съездов постоянных жителей оседлых поселений) на улусных сходах, председатели которых назначались управляющим калмыцким народом, путем "тайного" голосования, и на участковых съездах домохозяев и кибитковладельцев. Таким образом, по участию в выборах в Государственную думу избиратели Калмыкии были отнесены к категории третьей курии (волостных и сельских обывателей), хотя были установлены двухступенчатые выборы.

Сроки проведения улусных сходов населения и съездов, а также их председатели из аймачных старшин назначались (7 апреля 1906 г.) управляющим калмыцким народом. Выборщики, возраст которых должен был быть не менее 25 лет, избирались по заранее составленным спискам. Фактически избирательного права были лишены мужчины моложе 25 лет и женщины. Устанавливался достаточно высокий имущественный ценз. Мелкие собственники и часть средних из-за этого критерия не могли принять участие в выборах. Лица, не знающие русского языка, не могли быть избраны членами Государственной думы.

Первый этап выборной кампании по выдвижению кандидатов в депутаты Государственной думы от Калмыкии – избрание выборщиков в Калмыцкой степи Астраханской губернии состоялось 18 апреля 1906 г., а в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии – 12 мая. Выборщиками депутата I Государственной думы были избраны: от Малодербетовского улуса – нойон Д.Ц. Тундутов; Александровско-Багацохуровского улуса – зайсанг Ц.Д. Онкоров; Харахусовского улуса – О.-Г. Ергечкиев; Эркетеневского улуса – крупный скотовод Б. Булданов; Икицохуровского улуса – зайсанг Ц. Бадмаев; Хошеутовского улуса – зайсанг Б.-А. Шонхоров; Яндыко-Мочажного улуса – зайсанг О.У Джамбаев; Калмыцкого Базара и поселка Капкина – татарский мулла Али Агаев; поселков Бислюрта, Яшкуль и Чилгир – крестьянин-скотовод Н.Я. Носков; от Большедербетовского улуса – нойон М.М. Гахаев.

Второй этап избрания депутата I Государственной думы от Калмыкии прошел в мае 1906 г., в то время когда Государственная дума уже начала работать (27 апреля). Десять выборщиков из своего состава на альтернативной основе (кандидаты М.М. Гахаев и Д.Ц. Тундутов) тайным голосованием избрали депутатом I Государственной думы от Калмыкии нойона Д.Ц. Тундутова, полномочия которого продлились всего около двух месяцев (в июле 1906 г. I Государственная дума была распущена). Депутат Д.Ц. Тундутов был избран членом аграрной комиссии I Государственной думы.

Всего в I Государственной думе было представлено 17 национальностей, в том числе семь имели только по одному представителю. Наиболее многочисленны были

депутаты от русских (59,1%), поляков (11,3%), украинцев, белорусов, евреев. В Государственной думе первого созыва кадеты получили 179 мандатов (35,9%), а беспартийные – 105 (21%)[90], в том числе среди них был депутат от Калмыкии. Но поскольку депутаты Думы группировались в основном по партийной принадлежности, то Д.Ц. Тундутов примыкал к самой большой ее фракции – кадетской.

Разогнав I Государственную думу, царская администрация приступила в конце 1906 – начале 1907 г. к формированию Государственной думы второго созыва. А в Калмыцкой степи выборная кампания во II Государственную думу проходила с января по май 1907 г., т.е. она завершилась, когда Дума нового созыва работала уже третий месяц.

Всеми выборными делами в Калмыцкой степи руководила Астраханская губернская комиссия по делам о выборах, в состав которой от Калмыкии входил управляющий калмыцким народом. Непосредственное избрание выборщиков в Калмыкии состоялось 14 января 1907 г. В результате выборов первой ступени по прежним условиям были избраны Ц. Кармыков (южная часть Малодербетовского улуса), зайсанг Л.Б. Арлуев (северная часть Малодербетовского улуса, вместо умершего в марте 1907 г. Д.Ц. Тундутова), нойон С.-Д.Б. Тюмень (Александровский улус), зайсанг Т.О. Опогинов (Большедербетовский улус), мещанин Н.П. Смирнов (поселки Бислюрта, Яшкуль, Чилгир), А. Иванов (поселок Капкина), зайсанг Ц. Онкоров (Багацохуровский улус), Б. Булданов (Эркетеневский улус), О.-Г. Ергечкиев (Харахусовский улус), зайсанг Ц. Бадмаев (Икицохуровский улус), зайсанг О.У. Джамбаев (Яндыко-Мочажный улус), мулла Али Агаев (Калмыцкий Базар).

Собрание выборщиков в количестве 11 человек (отсутствовал А. Иванов), состоявшееся 5 мая 1907 г., тайным голосованием из двух кандидатов (Л.Б. Арлуева и С.-Д.Б. Тюменя) избрало от Калмыкии депутатом во II Государственную думу нойона С.-Д.Б. Тюменя. В Думе второго созыва он примыкал, так же как и депутат Д.Ц. Тундутов, к партии кадетов, которая, несмотря на уменьшение числа мандатов (со 184 до 123), сохранила руководство и во II Думе (председателем был избран кадет Ф.А. Головин). Это, по-видимому, можно объяснить тем, что члены фракции кадетов часто выступали с думской трибуны по национальному вопросу,

стремясь убедить представителей от малочисленных народов, что "лишь в партии кадетов все нерусские народности могут найти действительную опору и поддержку". Кадеты были инициаторами внесения и обсуждения на Думе проекта закона о гражданском равноправии (не был принят из-за разгона Думы). Поэтому не случайно к кадетам примыкали национальные и профессиональные группы, которые вместе с ними составляли до 180–190 человек[91].

В соответствии с Манифестом "Учреждение Государственной думы" от 20 февраля 1906 г. депутаты Думы не были подотчетны избирателям и не несли ответственности перед ними. Их отстранение от исполнения депутатских обязанностей могло быть осуществлено только Правительствующим Сенатом. Дума могла быть распущена досрочно решением императора. II Государственная дума, как известно, действовала всего 102 дня, указом императора она была распущена 3 июня 1907 г.

Калмыцкие депутаты I и II Государственной думы Д.Ц. Тундутов и С.-Д.Б. Тюмень, используя думскую трибуну для заявления о нуждах своих избирателей, хотели добиться определенной самостоятельности в управлении внутренними делами. Они входили в Думу с предложением избавить калмыцкий народ от административного попечительства. При обсуждении аграрного вопроса (в мае–июне 1906 г.), при рассмотрении запроса казахских депутатов о переселении русского крестьянства (май 1907 г.) вносили предложения возвратить калмыкам земли, отведенные под оброчные статьи, не допускать в дальнейшем отчуждения калмыцких земель, наделив приморских и приволжских калмыков рыболовными водами, а также заменить казенный сбор со скота подоходным налогом, списать недоимки, числящиеся за беднейшими калмыками, организовать взаимное страхование скота от падежа и кредит с основным фондом из сумм общественного калмыцкого капитала, принять меры к закреплению движущихся песков и обводнению Калмыцкой степи[92]. Однако, к сожалению, из-за роспуска Думы эти предложения не были рассмотрены и остались нереализованными.

3 июня 1907 г. были обнародованы Манифест "О роспуске Государственной думы и времени созыва новой думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу" и

новое “Положение о выборах в Государственную думу”, приведшее к существенному ограничению национальностей в избирательных правах. Манифест недвусмысленно определял, что “Государственная дума должна быть русскою и по духу. Иные народности, входящие в состав Державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских”[93].

По закону от 3 июня калмыки лишились возможности посылать представителя “нужд своих” в Государственную думу. По избирательному праву, по законодательству о формировании III и IV Государственной думы калмыки не были наделены ни активным, ни пассивным избирательным правом. Предлогом к дискриминации послужил их образ жизни – кочевой (были приравнены к “бродячим инородцам”). С введением “Положения о выборах в Государственную думу” от 3 июня 1907 г. избирательным правом могли воспользоваться лишь 15% населения Российской империи. Поэтому не случайно III и IV Государственная дума вошли в историю России как наиболее реакционные по своему составу.

Таким образом, в условиях явного проявления великодержавного шовинизма многие народы России, в том числе и калмыки, были исключены из политической жизни страны. Жизненные интересы национальностей, национальный вопрос стали игнорироваться. Это конкретно подтверждал закон “Об упорядочении землевладения оседлого (крестьянского и казачьего) населения и кочевого калмыцкого населения в районе 15-верстной полосы в пределах Астраханской губернии”, принятый IV Государственной думой 24 июня 1913 г. Согласно этому закону земельные проблемы переселенцев были решены за счет значительного сокращения земель калмыков.

Несмотря на то что в эти годы было положено начало государственно-политическому развитию России, а также парламентаризму в стране, одному из важнейших элементов российской политической системы, национальное неравноправие все больше подвергалось консервации.

К этому времени Калмыцкая степь и Большедербетовский улус “вместе с состоящими в их пользовании земля-

ми"[94] уже находились в ведении главного министерства империи – МВД. После отмены в Калмыкии феодальных отношений на калмыков-крестьян – были распространены положения манифеста 19 февраля 1861 г., согласно которым крестьянскими делами занималось ведомство (земский отдел) Министерства внутренних дел. Калмыцкое крестьянство в соответствии с указом от 23 декабря 1902 г. перешло в полное его подчинение.

С этого времени начались активные, целенаправленные поиски введения в Калмыкии общероссийского сельского административного деления (село, волость). К началу 1910 г. административная реформа в Калмыцкой степи была завершена, она унифицировала по статусу и в правах аймаки и хотоны Калмыкии с низовыми административно-территориальными единицами страны. В соответствии с этой реформой 1910 г. аймаки и хотоны были укрупнены и приравнены к русским селам и волостям. Число улусов (восемь) было сохранено, аймаков сократилось со 198 до 43, хотонов – с 772 до 180, теперь они строились по территориальному признаку и количественному составу населения (аймак – до 2000 кибиток-семей). Однако законодатель, значительно сократив аппарат управления (до реформы на 142 тыс. человек, или на 31 372 кибитки, приходилось чиновников различного уровня 13 231 человек, т.е. на 110 человек один чиновник), сохранил прежние местные органы самоуправления в улусах, аймаках, хотонах – сходы, а также административных руководителей – попечителя улуса (глава улусного управления), старшину аймака, старосту хотона, – установленных еще "Положением об управлении калмыцким народом" от 23 апреля 1847 г.

В соответствии с Положением 1847 г. по-прежнему сохранялась в Калмыкии система попечительства. Но, как выше отмечено, с 1897 г. обязанности Главного попечителя калмыцкого народа возлагались на астраханского губернатора. При губернском правлении было образовано Главное управление калмыцким народом во главе с управляющим.

Следует отметить, что в основу административной реформы 1910 г., кроме всего прочего, были положены принципы столыпинской аграрной реформы – окончательный подрыв вековых устоев феодальных отношений, разрушение сельской общины и круговой поруки, курс на развитие

экономических отношений (рынка). На наш взгляд, справедливо отмечает профессор А.Н. Команджаев, "этой реформой была объективно подорвана социально-политическая роль зайсангов", бывших владельцев аймаков, как носителей феодально-патриархальных отношений[95].

Таким образом, административная реформа вместе с несколько ранее проведенной полицейской реформой (взамен казачьих отрядов была введена полиция) в соответствии с "Временным положением о полицейской страже в Калмыцкой степи" от 19 декабря 1886 г. завершила реорганизацию местного административно-территориального управления Калмыкии, которое соответствовало по структуре не только российскому административному управлению, но и социальным, экономическим, политическим условиям страны.

Переход к рыночным отношениям и более благоприятные природные условия оказали заметное влияние на развитие экономики Калмыкии в начале XX в. Ведущей отраслью хозяйства по-прежнему оставалось животноводство. Поголовье скота в начале 1915 г. в Калмыцкой степи составило 1 252 905 голов, в том числе лошадей 75 980, крупного рогатого скота 223 016, овец и коз 933 357, верблюдов 20 552, т.е. по сравнению с 1901 г., увеличилось в целом в 2,3 раза (лошадей в 1,16 раза, крупного рогатого скота почти в два раза, овец в 2,65 раза, верблюдов на 11%). За этот же период в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии в связи с развитием земледелия поголовье скота уменьшилось со 154 900 голов до 102 500, особенно овцепоголовье – на 59%. За эти же годы (1901–1914) увеличилась продажа скота, возрос спрос на лошадей. Если в 1901 г. скотовладельцы Калмыцкой степи продали всего 89 373 головы (в том числе лошадей 5387), то в 1914 г. уже было реализовано 236 320 голов (в том числе лошадей 10 158), т.е. в 2,64 раза больше. А в Большедербетовском улусе за эти же годы продажа скота уменьшилась с 8085 голов до 5729, т. е. почти на 30%[96].

Участие России в Первой мировой войне серьезно подорвало экономику не только страны в целом, но и национальных районов. Поголовье скота в улусах Калмыцкой степи к 1917 г. сократилось на 32,5% и составило 846 700 голов, в том числе лошадей 77 100, крупного рогатого скота 231 100, овец и коз 525 500, верблюдов 12 900, свиней – 1500.

В Большедербетовском улусе к 1917 г. поголовье скота уменьшилось со 102 500 голов до 79 200, т.е. на 27,4%[97].

В результате начавшегося оседания калмыков и расслоения калмыцкого крестьянства к началу XX в. получает дальнейшее развитие в Калмыкии земледелие. Из-за разнообразия почвенно-климатических условий степень развития земледелия в улусах была неодинакова. Преимущественно земледелие получило распространение в северной части Малодербетовского улуса и в Манычском, Большедербетовском улусах, которые отличались не только почвенно-климатическими условиями, но и большей степенью оседлости населения. Основное место в их земледельческом хозяйстве занимали злаковые культуры, такие, как пшеница, рожь, овес, ячмень, просо. Если с посевных площадей улусов Калмыцкой степи в 1901 г. собирали озимой пшеницы 217 четвертей (четв.), яровой пшеницы – 2321 четв., ржи 2 553, ячменя 18, овса 334, просо 189 четв., то в 1914 г. сбор увеличился: озимой пшеницы – в 18 раз, яровой пшеницы – в 6,6, ржи – в 7, ячменя – в 332, овса – в 3,7, проса – в 4, горчицы – в 4 раза. За эти же годы в Большедербетовском улусе валовой сбор зерновых увеличился вдвое[98].

В Калмыкии наряду с зерновыми культурами начали заниматься огородничеством, бахчеводством, садоводством. В Малодербетовском улусе, где было развито огородничество, с 1902 по 1914 г. площадь огородов увеличилась более чем вдвое и составила 720 дес., а бахчевые в Калмыцкой степи увеличились почти в 6 раз. Кроме того, в Малодербетовском улусе заметное развитие получило табаководство, частично удовлетворявшее потребности населения.

В условиях товарно-денежных отношений для многих калмыков, проживавших по берегам Волги и Каспия, основным источником существования и преимущественным занятием было речное и морское рыболовство, в некоторых местах имелось и прудовое. В зависимости от финансового состояния калмыки, занимавшиеся ловом рыбы, подразделялись на свободных, подрядных и наемных рыбаков. А богатые калмыки имели возможность арендовать рыболовные участки и использовать труд наемных рыбаков. Тем самым появление на рубеже XIX и XX вв. новой отрасли производства – рыболовства – способствовало более широкой социальной дифференциации калмыцкого населения.

Важное место в экономике Калмыкии стало занимать ремесло, которое из натурального домашнего производства в основном превратилось в товарное. Если при господстве натурального хозяйства продукты домашнего производства большей частью шли на удовлетворение собственных потребностей, то в начале XX в. калмыцкое ремесленное производство начинает входить в рынок и подчиняться его законам. В связи с этим в конце XIX в. уже действовала довольно значительная сеть хозяйств (до 500), специализировавшихся на ремесленном производстве. Развитие видов ремесленного производства, естественно, уже диктовалось спросом рынка. Поэтому важное место в этом производстве занимали изделия из кожи, шерсти, конские сбруи, ювелирные изделия, одежда и т. д.[99]

В результате переселенческой политики с середины XIX в. (Указ императора от 30 декабря 1846 г. разрешил государственным крестьянам переселяться на калмыцкие земли) началось активное заселение земель, отведенных калмыкам. В процессе заселения калмыцких земель русскими и украинскими крестьянами, особенно с начала XIX в., активно велось строительство православных церквей и приходских станов, цель которых заключалась не только в религиозном обслуживании переселенческого населения. Немаловажное значение им придавалось в закреплении переселенцев, нелегально осевших на калмыцких землях. Кроме того, миссионеры использовали православные приходы как опорные пункты христианизации калмыков. И эта политика находила поддержку у государственной власти. В 1852 г. императором Николаем I был подписан указ, разрешающий строить церкви за счет средств фонда калмыцкого общественного капитала в тех станицах, где имелись крещеные калмыки. В соответствии с этим указом в некоторых селениях (в 1852 г. в Торговом, в 1878 г. в поселке Бислюрта, в 1895 г. в Чилгире и др.) были построены православные церкви за счет средств фонда калмыцкого общественного капитала, хотя они в основном обслуживали переселенцев[100]. А миссионерские станы в Калмыцкой степи, действовавшие под руководством Астраханского епархиального комитета православного миссионерского общества, созданного в январе 1871 г., постепенно вытеснив крещеных калмыков, превратились в населенные пункты рус-

ских и украинцев с обычными церковными приходами. Тем не менее к началу XX в. общая земельная площадь Калмыцкой степи составляла 7,5 млн. дес. Кроме того, Большедербетовский улус Ставропольской губернии (объединявший 13 аймачных управлений) Ставропольской губернии занимал территорию площадью 290 тыс. дес.

В Калмыцкой степи (148 025 калмыков), Большедербетовском улусе (8512 калмыков), в составе 13 станичных управлений области войска Донского (около 36 тыс. калмыков-казаков), в Кумском аймаке (4392 калмыков), Оренбургской губернии (около 2 тыс. калмыков) в 1914 г. проживало около 200 тыс. калмыков, т.е. общая их численность в указанных регионах увеличилась на 12 520 человек (за 17 лет на 6,7%). А численность населения России с 1897 по 1914 г. увеличилась со 117 млн до 163 млн человек (без польских губерний и Финляндии), т.е. на 39% (среднегодовой рост населения России составлял 1,31%, по Калмыкии этот же показатель равнялся 0,3%)[101].

В эти же годы имущественная дифференциация в Калмыцкой степи достигла значительных размеров. Если в 1897 г. количество хозяйств, не имеющих скота, составляло 2984 (12,3% всего числа калмыцких хозяйств), то в 1914 г. их уже было 4098 (16,6%). А вместе с малоимущими оно составило 87% всех хозяйств калмыков, т.е. увеличились по сравнению с 1897 г. на 10,3%. Остальные 13% хозяйств, примерно 4 тыс. скотопромышленников, держали в своих руках до 80% общего поголовья скота Калмыкии[102]. В результате интенсивной социальной дифференциации многие калмыцкие семьи, оказавшиеся в разряде батраков, вынуждены были наниматься в качестве рабочей силы к местным крупным скотовладельцам, богатым переселенцам. Часть неимущих и бедняков были вынуждены уходить на заработки в русские села, на рыбные и соляные промыслы.

К богатому, привилегированному сословию относилось духовенство, позиции которого в начале XX в. в общественной жизни калмыков заметно усилились. Учитывая роль ламаистской церкви в формировании общественного сознания, в начале 1905 г. по инициативе группы калмыцкой знати (нойон Д.Ц. Тундутов, зайсанги Л. Арлуев и О. Норзунов, бакши Д. Сетенов) перед официальной властью (докладная записка председателю Комитета министров

С.Ю. Витте) был поставлен вопрос об уравнении в правах ламаистов с православными. По сути дела, ставился вопрос о национальном равноправии. В условиях начавшейся буржуазно-демократической революции царская администрация вынуждена была пойти на уступки и 17 апреля 1905 г. приняла указ "Об укреплении начал веротерпимости"[103]. Основная цель этого документа состояла в том, чтобы успокоить калмыцкий народ и направить пробуждавшееся национальное движение в управляемое русло. Его основные принципы вскоре были подтверждены в Манифесте 17 октября 1905 г., провозгласившем свободу совести.

С этого времени прекращалась политика попечительской администрации по "наведению порядка" в хурулах, преследовавшая сокращение хурулов и их служителей. Количество больших и малых хурулов в Калмыцкой степи к 1914 г., по сравнению с 1904 г. увеличилось с 62 до 78, а число духовных лиц – с 679 до 1399, т.е. более чем вдвое, учеников в хурулах – со 113 до 702 манджиков[104]. В эти же годы в Петербурге был построен и введен в действие буддийский храм, в Казанской духовной академии открыт монгольский отдел для подготовки миссионеров для монгольских народов, а также начали работать два духовных училища (в Манычском и Икицохуровском улусах). Поэтому не случайно ламаистское духовенство стало официальной опорой проводимой в Калмыцкой степи царской политики.

Одной из сфер жизни калмыцкого народа – образованию не уделялось должного внимания, и оно оставалось почти законсервированным, за исключением подготовки кадров для ламаистской церкви. По Всероссийской переписи населения 1897 г., грамотность калмыков составляла всего лишь 2,6%, а высшее образование имели только 13 человек (население Калмыцкой степи 138 582, а всего с учетом других регионов 190 648 человек), среднее – 68, среднее военное – 8. Несмотря на катастрофически низкий уровень образования калмыков, школьное строительство развивалось очень медленно, не предпринимались меры к подготовке учительских кадров. Если в 1903–1905 гг. функционировали всего восемь улусных школ и одна родовая, в которых училось 184 ребенка, то к 1917 г. прибавились лишь одна родовая школа и 31 школа грамоты. В школах всех типов работало всего 16 учителей, а училось 311 детей[105], которые по

окончании улусных школ могли продолжить занятия в калмыцком училище в Астрахани. Так как оно не имело статуса гимназии, то его выпускники не могли поступать в высшие учебные заведения. Несмотря на то что в начале XX в. все же калмыкам был открыт доступ к получению среднего специального и высшего образования даже в столичных городах, этой привилегией из-за финансовых возможностей воспользовались исключительно единицы. Но тем не менее в вузах России в 1916/17 учебном году обучалось 15 калмыков, а получили высшее образование до 1917 г. около 50 человек[106].

Развитие экономики, образования привело к некоторому оживлению в Калмыкии общественной жизни, прежде всего начались поиски путей национального развития. В первую очередь было обращено внимание на прекращение преследования властью калмыцкого духовенства и ущемления свободы вероисповедания. Особую озабоченность вызывали аграрные противоречия, стеснения в области культуры, просвещения. В связи с этим в Калмыкии зарождается просветительское движение, основными участниками которого являлись калмыцкая интеллигенция, передовые русские учителя, врачи, работавшие в улусах, а также представители высшего сословия (зайсанги, духовенство). Серьезную остроту приобретал вопрос о выпасе "постороннего" скота на всей территории Калмыцкой степи, который был рассмотрен на съезде скотоводов в 1903 г.. По существу, ставился вопрос о границах Калмыкии.

В годы революционных событий (1905–1907) активизировалась борьба за землю калмыцких крестьян с русскими крестьянами, а также со своими крупными землевладельцами. Но эту борьбу советская историография с позиций марксистско-ленинской методологии рассматривала как революционное движение крестьянства. Однако, по нашему мнению, она носила чисто экономический характер с обеих сторон, противоборствовавшие силы не вкладывали в нее политического смысла и политической цели.

В те годы впервые нарождавшееся национальное движение приобретает организационную форму в виде союза калмыцких учителей и деятелей народного образования "Знамя калмыцкого народа", вошедшего в 1907 г. в состав федерации национальных и территориальных учительских

союзов России. Национально-демократическая организация "Знамя калмыцкого народа" ставила задачу не только национального возрождения, просвещения народа, но и задачу "добиваться полного самоопределения калмыцкого народа и автономии"[107]. Лозунг о территориальной автономии был не случаен. Он в эти годы получил довольно значительное распространение в среде интеллигенции многих народов, а также являлся программным требованием не только социал-демократической партии, но и конституционно-демократической (кадетов) до определенного времени. Кадеты, поддерживавшие в Государственной думе всех созывов требования национальной буржуазии окраин об автономии, став правящей партией, встали на позиции царизма о "единой и неделимой России".

Первая мировая война, обострив социально-экономическую и политическую обстановку в стране, также вовлекла Калмыкию в начавшиеся революционные события 1917 г. На формирование общественно-политической обстановки оказали влияние развернувшиеся в марте 1917 г. события в Ставропольской и Астраханской губерниях, где были созданы новые губернские органы управления: в Ставропольской – Комитет общественной безопасности; в Астраханской – Временный комитет по управлению (губернатор генерал-лейтенант И.Н. Соколовский, который одновременно являлся Главным попечителем калмыцкого народа, был арестован). Временное правительство, упразднив должности и учреждения царской администрации на местах, ввело институт комиссаров. Представителями (комиссарами) Временного правительства были назначены: в Астраханской губернии – казачий генерал И.А. Бирюков, в Ставропольской – крупный землевладелец А.И. Кухтин[108].

По инициативе Временного астраханского губернского комитета с 26 по 31 марта 1917 г. в Астрахани состоялся 1-й съезд представителей калмыцкого народа, в работе которого приняли участие более 100 делегатов от всех улусов и большинства аймаков. Основная задача съезда заключалась в организации новой власти, обсуждении и принятии нового порядка управления Калмыцкой степью. Съезд в первую очередь упразднил систему попечительства и заменил ее местным самоуправлением, которое должно было формироваться выборным путем на основе всеобщего рав-

ного прямого избирательного права при тайном голосовании. Вопрос об автономии съездом был поставлен в очень осторожной и завуалированной форме, поскольку Временное правительство не решалось строить федеративное государство и предоставлять автономию национальным районам.

Съезд определил систему центральных и местных органов, действующих до окончательного решения вопроса о самоуправлении, и принципы их формирования. Центральным органом управления Калмыкии учреждался Центральный комитет по управлению калмыцким народом, формируемый съездом в составе председателя, четырех членов и пяти кандидатов. На местах предусматривались улусные (в составе от трех до шести членов и двух кандидатов) и аймачные (в составе не менее трех членов и двух кандидатов) исполкомы, избираемые соответственно улусными и аймачными сходами.

На этом же съезде был сформирован новый государственный орган управления Калмыкии – Центральный комитет по управлению калмыцким народом (ЦК УКН) Астраханского края в составе: председатель – Б.Э. Криштафович (бывший управляющий калмыцким народом); члены – адвокаты Номто Очиров и Санджи Баянов, нойон Данзан Тундутов, зайсанг Бадма-Ара Шонхорова кандидаты – нойон Темир Тюмень, зайсанг Болта Сарангов, ветеринарный врач Ордаша Босхомджиев, врач Сангаджи-Гаря Хадылов и ветеринарный врач Надбит Дулаханов.

В апреле–июле 1917 г. на сходах были избраны улусные и аймачные исполкомы в основном в составе бывшей администрации улусов и аймаков. Все избранные сходами члены улусных и аймачных исполкомов были утверждены решением ЦК УКН. Улусная полицейская стража была заменена улусной милицией. Улусные и аймачные исполкомы просуществовали до введения земств, т.е. до конца сентября 1917 г.

Основная задача ЦК УКН заключалась в обеспечении нормального функционирования новой системы временных органов управления до Всероссийского Учредительного собрания, на рассмотрение которого он должен был представить проект "неотложных мероприятий в областях самоуправления, суда, земельной, народнохозяйственной и об-

щекультурной", и в распространении образования среди населения Калмыцкой степи[109].

Особенностью построения органов управления Калмыкии, их функционирования и взаимоотношений с губернскими учреждениями являлось то, что они представляли собой еще не оформленное в правовом отношении автономное образование, находящееся в составе Астраханского края, не санкционированное Временным правительством. Но независимо от такого положения они обладали правами самостоятельного управления делами калмыцкого народа и непосредственного сношения с центральными учреждениями. Центральный комитет по управлению калмыцким народом, как доносил астраханский губернский комиссар И.А. Бирюков, главе Временного правительства князю Георгию Евгеньевичу Львову 3 мая 1917 г., действует в качестве независимого от губернской власти выборного органа с правом непосредственного сношения с центральными ведомствами[110]. Но в то же время не исключалась возможность участия представителей Калмыкии в решении общегубернских дел.

В результате буржуазно-демократической революции идеи автономии Калмыкии, выраженные в решениях двух съездов (март и июнь 1917 г.) представителей калмыцкого народа, не получили реализации. Временное правительство, не поддержав стремления национальных районов к свободе и национальному равноправию, в тех сложных условиях России отказало калмыцкому народу в демократическом праве на автономию. Оно дало согласие лишь на введение областного земства в губернской форме организации, но в границах существующего административно-территориального деления, т. е. отдельно в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии и в Калмыцкой степи Астраханской губернии.

Однако Временное правительство настойчиво проводило идею о разграничении государственного управления и земского самоуправления как важнейшем принципе строительства демократического общества. В соответствии с данным принципом государственное управление губерниями, областями, национальными районами должно было осуществляться комиссарами правительства, а управление в них хозяйственными и иными местными делами передава-

лось земским учреждениям. Центральный комитет по управлению калмыцким народом, негативно относясь к этому принципу, стремился сохранить государственный аппарат, соединив его с местным самоуправлением. Эта идея ЦК УКН могла быть реализована при получении автономии. А позиция Временного правительства в отношении автономии Калмыкии ясно была выражена в следующей формулировке: "Самоопределение культурное – не автономия государственная"[111].

В этой ситуации ЦК УКН, пытаясь осуществить автономию Калмыкии, самовольно вводит новое понятие "Степная область калмыцкого народа" соответственно идее областничества, получавшей распространение в некоторых регионах России. Фактически Калмыцкая степь и Большедербетовский улус продолжали находиться в административном управлении Астраханской и Ставропольской губерний, поскольку функции правительственного надзора за калмыцким народом выполняли астраханский и ставропольский губернские комиссары.

Все же Временное правительство, учитывая национальные моменты при осуществлении реформы местного управления, подходило конкретно к каждому национальному району. Оно, идя в какой-то степени навстречу ЦК УКН, приняло решение выделить Калмыцкую степь в самостоятельную земскую единицу, обособленную от Астраханского губернского земства. В соответствии с постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. Калмыцкая степь получила статус областного (губернского) земства. В связи с этим статусом Временное правительство решило следующее.

1. Положение о губернских, уездных земских учреждениях и временное положение о волостном земском управлении ввести в действие в местностях, занятых в Астраханской губернии кочующими калмыками.

2. Выделить из Терской области один аймак и присоединить его к территории, отведенной астраханским калмыкам.

3. Территорию калмыков приравнять к соседним губерниям в отношении дел местного управления и хозяйства.

4. Управлению земель присвоить наименование "Калмыцкое степное земское управление", местом пребывания которого назначить поселение Элиста.

5. Улусы Калмыцкой степи приравнять к уездным управлениям, присвоив наименование улусных[112].

Аналогичное отдельное постановление 1 июля 1917 г. было принято Временным правительством по Большедербетовскому улусу, в котором вводились земские учреждения в составе Ставропольской губернии.

Вопросы формирования областного, улусных земских учреждений (собраний, управ) Калмыкии были рассмотрены съездом представителей калмыцкого народа, состоявшимся 24–25 июля 1917 г. В соответствии с положением о выборах съезд образовал в Калмыцкой степи вместо восьми улусов шесть земских участков (Малодербетовский, Манычский, Яндыко-Мочажный, Эркетеневский с Кумским аймаком, Икицохуро-Харахусовский, Багацохуро-Хошеутовский с Калмыцким Базаром).

Выборы гласных в улусные земские собрания были проведены в сентябре–октябре 1917 г., в Большедербетовском улусе – в августе; по их завершении предполагалось созвать улусных гласных на I земское собрание для избрания гласных в областное земство, а также сформировать областную управу. Но в силу недостаточной организованности улусных и аймачных исполкомов, борьбы некоторой части калмыков за переход в казачество и развернувшихся в центре революционных событий формирование земских учреждений так и не было завершено.

Принятые Временным правительством декларации знаменовали важный шаг на пути движения России к правовому государству и формированию гражданского общества. Оно в первом своем документе – Декларации о составе и задачах Временного правительства от 3 марта 1917 г. – сформулировало следующую цель: немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое должно решить все вопросы государственного устройства России, определить форму правления, принять Конституцию и избрать постоянные органы управления государством, а также организовать и провести выборы в органы местного самоуправления на тех же началах. Временное правительство, к сожалению, ни словом не обмолвилось о национальных проблемах, лишь декларировало, что отменяются национальные ограничения.

В целях подготовки проекта “Положения о выборах в Учредительное собрание” Временное правительство 25 марта 1917 г. сформировало особое совещание во главе с известным юристом Ф.Ф. Кокошкиным. К концу сентября 1917 г. проект этого Положения совещанием был подготовлен и представлен Временному правительству окончательный вариант (третий раздел, заключительный, утвержден правительством 23 сентября). “Положение о выборах в Учредительное собрание” явилось одним из наиболее демократичных выборных актов, по которому населению страны предстояло формировать, как говорил председатель Временного правительства Г.Е. Львов, “высший орган государственной воли народной, который должен завершить великую русскую революцию, который должен выработать все основы жизни будущего строя свободного демократического государства”[113]. В соответствии с Положением Учредительное собрание должно было формироваться “из членов, избранных населением на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права посредством прямых выборов и тайного голосования с применением начала пропорционального представительства”[114].

Данное Положение о выборах, закрепив наиболее демократичные принципы участия населения в избрании членов Учредительного собрания, ввело пропорциональную систему выборов по кандидатским спискам, выдвигавшимся политическими партиями, группой избирателей не менее 100 человек, а также допускало возможность проведения выборов, особенно для национальных регионов, и по мажоритарной системе (кандидат считался избранным в округе, если он получал большинство голосов избирателей). Впервые в избирательном праве России были сняты ограничения по признакам оседлости, грамотности, а также по имущественному, национальному и религиозному. Положение о выборах, установив минимальный возраст для всех избирателей – 20 лет, предоставило избирательные права женщинам, военнослужащим, кроме дезертиров, признанных виновными в преступных деяниях, а также монашествующим. Положением предусматривался ряд гарантий для участия в выборах нерусского населения. Например, статья 60 “Положения о выборах в Учредительное собрание” устанавливала возможность перевода текста кандидатского

списка, включенного в избирательные записки (избирательные бюллетени), на любой национальный язык, указанный предложившей список группой.

В значительной степени демократизировав характер выборов, законодатель ограничил избирательные права отдельной категории избирателей. Устанавливался довольно обширный перечень лиц, лишенных права участия в выборах. Лишались активного и пассивного избирательного права глухонемые, умалишенные, находящиеся под опекой, осужденные к лишению свободы, каторжным работам, ссылке и т.д., несостоятельные должники, члены царской семьи.

Для проведения выборов в Учредительное собрание территория России делилась на территориальные избирательные округа, в основу которых было положено административно-территориальное деление (губернии, национальные области). Из входящей в состав Астраханской губернии Калмыцкой степи, населенной кочующими калмыками, для выборов в Учредительное собрание был образован особый Прикаспийский избирательный округ (аймак кумских калмыков Терской области первоначально был включен в состав Астраханского избирательного округа, а затем причислен к Прикаспийскому).

Подготовка и проведение выборов в Учредительное собрание в данном избирательном округе возлагались на Прикаспийскую окружную по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию, образованную 16 сентября 1917 г. Центральным комитетом по управлению калмыцким народом. В соответствии с Положением о выборах комиссия была сформирована в составе: председатель – Б.Э. Криштафович, председатель ЦК УКН; члены – Н.О. Очиров, товарищ (заместитель) председателя ЦК УКН, С.Б. Баянов, член ЦК УКН, Э.А. Сарангов, кандидат в члены ЦК УКН, Э.С. Бакаев, председатель Калмыцко-Базаринского аймачного исполнительного комитета; секретарь – Ф.И. Плюнов, секретарь ЦК УКН. 23 сентября 1917 г. в состав Прикаспийской избирательной окружной комиссии были дополнительно введены: член Астраханского окружного суда А.И. Истомин, мировые судьи Астраханского городского округа А.И. Бирюков и И.П. Пономарев, направленные согласно ст. 162 Положения о выборах по распоряжению Саратовской судебной палаты.

В тот же день, 23 сентября, окружная избирательная комиссия образовала на территории Прикаспийского избирательного округа 52 избирательных участка (в Малодербетовском улусе – 10, Манычском – 10, Яндыко-Мочажном – 7, Икицохуро-Харахусовском – 12, Багацохуро-Хошеутовском, Эркетеневском – 9, Кумском аймаке Терской области – 4)[115]. В основу избирательных участков была положена территория аймака. На избирательных участках улусными исполкомами создавались избирательные комиссии в составе четырех членов, в том числе председатель и секретарь. Кроме того, в состав участковых избирательных комиссий мог быть включен на правах члена с решающим голосом один представитель от каждой группы избирателей, заявившей кандидатский список и указавшей своего представителя в комиссии. В октябре 1917 г. аймачными управами были составлены и сверены списки избирателей, сформированы составы избирательных участков.

Кандидатура в члены Всероссийского Учредительного собрания была рассмотрена Прикаспийской окружной избирательной комиссией 13 октября 1917 г. В кандидатском списке, подписанном 137 избирателями, была предложена только одна кандидатура – 33-летнего Санджи Баяновича Баянова, присяжного поверенного округа Саратовской судебной палаты, проживающего в городе Астрахани. Представителем группы, заявившей кандидатский список о С.Б. Баянове, выступил князь Темир Батикович Тюмень, подписавший первым список избирателей в его поддержку. Окончательно официальным кандидатом в члены Всероссийского Учредительного собрания по Прикаспийскому избирательному округу Прикаспийской окружной избирательной комиссией 19 октября 1917 г. был зарегистрирован Санджи Баянович Баянов, имеющий высшее юридическое образование (окончил в 1909 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета).

Выборы в Учредительное собрание, назначенные Временным правительством на 12–14 ноября 1917 г., состоялись в стране в основном в указанные сроки. Однако Положение о выборах допускало возможность продления сроков голосования в отдельных избирательных округах. В соответствии с данным Положением Прикаспийская окружная избирательная комиссия, учитывая задержку в подготовке

избирательной документации и отдаленность избирательных участков, 1 ноября 1917 г. приняла решение перенести голосование за кандидата в члены Учредительного собрания по Прикаспийскому избирательному округу с 12–14 ноября на 26–28 ноября 1917 г.[116]

Выборы депутата в Учредительное собрание от Калмыкии в Прикаспийском избирательном округе проводились в течение трех дней – 26, 27, 28 ноября – в 52 избирательных участках. Явка избирателей на некоторых избирательных участках была очень низкая. Например, на Овордыкском избирательном участке (Овордыкский аймак Эркетеневского улуса) из 1084 избирателей проголосовали всего лишь 150 (14%), на Цаган-Нурском избирательном участке (Малодербетовский улус) из 2196 избирателей – 701 (32%), на Центральном избирательном участке того же улуса из 1600 избирателей – 603 (38%)[117]. В соответствии со ст. 88 Положения выборы на избирательном участке считались состоявшимися, если число проголосовавших избирателей составляло не менее одной десятой общего числа избирателей этого избирательного участка. Судя по имеющимся протоколам избирательных участковых комиссий, можно считать, что на территории Калмыцкой степи выборы депутата в Учредительное собрание состоялись. Кандидатура С.Б. Баянова была поддержана большинством голосов избирателей Прикаспийского избирательного округа. Таким образом, Калмыкию среди 707 депутатов Учредительного собрания, провозгласившего 6 января 1918 г. Россию демократической федеративной республикой, представлял Санджи Баянович Баянов.

Период подготовки к выборам в Учредительное собрание и проведения выборов в земство Калмыкии совпал с практическими действиями правящих кругов Калмыцкой степи по переводу калмыцкого народа в казачество. Вопрос о переходе калмыков в казачье сословие окончательно был решен на учредительной конференции "Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей" 16–20 октября 1917 г. Затем в середине ноября, 14-го числа, состоялся первый калмыцкий казачий круг, переименовавший ЦК УКН в войсковое правительство во главе с Б.Э. Криштафовичем, а областное земское собрание, хотя оно не было сформировано, – в малый законодательный войсковой круг. Улусные земские управы преобразовыва-

лись в округа во главе с окружными атаманами. С.Б. Баянов был назначен представителем при правительстве Юго-Восточного союза, а Д.Д. Тундутов избран помощником И.А. Бирюкова, атамана Астраханского казачьего войска, по калмыцким делам с производством в чин полковника[118]. Калмыцкий народ оказался окончательно втянутым в водоворот возникшего социально-политического противостояния.

25 января 1918 г. Астраханское казачье войско, в составе которого находилась калмыцкая казачья часть, потерпело поражение от красногвардейцев. Вместе с казачьим отрядом численностью до 400 человек, направившимся через Калмыцкую степь на Дон, ушли и руководители Калмыцкого войскового правительства. С этого времени оно прекратило существование.

Оставшиеся работники Центрального комитета по управлению калмыцким народом во главе с его секретарем Ф.И. Плюновым 30 января 1918 г. высказались за признание советской власти. С этого времени в Калмыцкой степи развернулась борьба за повсеместное установление новой власти и ее государственных органов управления во главе с большевиками.

* * *

Рассмотрев основные этапы развития взаимоотношений калмыков с Россией, которые определялись политикой Российского государства и калмыцких тайшей в зависимости от внутренних и внешних факторов обеих сторон, можно сделать вывод, что процесс принятия калмыками российского подданства был весьма длителен и не совпал с введением их в гражданство России. С принятием российского подданства в середине XVII в. и до введения калмыков в гражданство в 30–60-е годы XVIII в. Калмыкия была привязана к России одной технологией власти – военным союзом, воинской повинностью. Ее правовой статус в составе Российского государства определялся не столько внутренним развитием, сколько политикой России. В результате проводимой Россией великодержавной политики значительная часть калмыков во второй половине XVIII в. откочевали в Джунгарию, и произошла ликвидация Калмыцкого ханства.

На начальном этапе контактов калмыки стремились установить политические отношения на принципах сюзерени-

тета–вассалитета, но стороны должны были выступать носителями суверенитета. Но при таких политических отношениях калмыцкие тайши не отрицали установления по свободному соглашению иерархии, т.е. верховного права российского царя по отношению к ним. Власти России проявили заинтересованность в принятии калмыков сразу же на условиях подданства, т.е. в установлении отношений на основе государственного подданства, отвечающего не только политическим, экономическим интересам, но и этапу государственного развития России.

С учетом всех обстоятельств развития калмыцкого общества Россия до середины XVII в. решала вопросы юридического введения калмыков в состав государства поэтапно, фактически принимая условия вассально-сеньориальных отношений, хотя в письменных шертях постоянно присутствовало слово “подданство”. В основе этого союза лежали, с одной стороны, экономические отношения (предоставление территории, уплата дани), а с другой – политические – покровительство России, верная служба калмыков.

Начиная с 20-х годов XVII в. царская администрация стремится изменить юридическую природу отношений с калмыками, искавшими покровительства, а не подданства, настойчиво проводя политику установления отношений на принципах “прямого холопства навеки”. Эта твердая позиция России и понимание калмыками, зашедшими в глубь ее территории, необходимости установления новых отношений завершились оформлением в середине XVII в. (4 февраля 1655 г.) шерти “о вечном послушанье”, а затем, буквально через два года, о государственном подданстве. В отличие от предыдущих шертей (устных, письменных), где не совсем понятна формулировка отношений “быть в вечном послушанье”, базировавшихся в основном на отживших к тому времени в России принципах вассалитета “под государевою высокою рукою”, новая шертная запись 1657 г. конкретно определила “быть в вечном подданстве и послушанье”, отразив формулу отношений “государь–холоп”, характерную суть самодержавной монархии.

Однако в силу особого положения, определявшегося нормативно-договорными принципами при добровольном волеизъявлении обеих сторон, Калмыцкое ханство имело особый статус – политической автономии, все вопросы по-

литического военного характера между Россией и ханством согласовывались через специально уполномоченных с обеих сторон посланцев в статусе посланников.

Царская администрация, проводя политику, направленную на ограничение власти правителей Калмыкии, контролируя их, с 30-х годов XVIII в. приступила к решению калмыцких дел с совершенно иных позиций – как подлинно подданных руководителей административно-территориальных единиц. Калмыкия в 60-е годы XVIII в. была окончательно введена в единоуправляемую систему Российской империи, означавшую подчинение калмыцких институтов власти царской администрации и приравнивание сословий калмыцкого общества по статусу к сословиям российского общества. В соответствии с таким положением калмыки в подлинном смысле становились гражданами Российской империи. Эту политику царской власти нельзя считать "случайной", характерной только по отношению к Калмыцкому ханству. Она являлась частью общей национальной политики Российской империи во второй половине XVIII в.

После ухода значительной части калмыков за пределы России упраздняется их национальная государственность. Калмыкия, длительное время сохраняя статус субъекта России, в результате целенаправленной политики государства постепенно утрачивает самостоятельность в управлении, создании и применении законодательства и превращается в особую административно-территориальную единицу Астраханской губернии. Калмыцкий народ в начале XX в. представлял собой разобщенный этнос в территориальном и административном отношении. Желание калмыцкого народа получить автономию не было удовлетворено и в результате Февральской буржуазно-демократической революции. Калмыцкому народу, находившемуся в разобщенном положении и не видевшему перспективы своего развития, импонировала предлагавшаяся большевиками национальная политика, она находила благоприятную почву и своих активных сторонников среди близко стоявших к массам и пользовавшихся их доверием деятелей из национальной трудовой интеллигенции.

[1] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992. С. 116.

[2] Полный свод законов Российской империи. Т. 25. № 18860. С. 568. (Далее: ПСЗ Российской империи); *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX вв.). Элиста, 1992. С. 68.

[3] ПСЗ Российской империи. Т. 26. № 19511. С. 259.

[4] *Митиров А.Г.* Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 295; *Пальмов Н.Н.* Очерк истории... С. 117, 119.

[5] ПСЗ Российской империи. Т. 26, № 19599. С. 340.

[6] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории... С. 122.

[7] ПСЗ Российской империи. Т. 26. № 19600. С. 341.

[8] См.: Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С. 242; *Бурчинова Л.С.* Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: Исторические корни и значение. Элиста, 1985. С. 51; Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 53.

[9] ПСЗ Российской империи. Т. 26. № 20037. С. 809.

[10] Там же.

[11] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 242; *Пальмов Н.Н.* Очерк истории... С. 120.

[12] Там же.

[13] ПСЗ Российской империи. Т. 27, № 21011. С. 955; № 20991. С. 934.

[14] *Пальмов Н.Н.* Очерк истории... С. 127, 128.

[15] ПСЗ Российской империи. Т. 27, № 20778. С. 635, 636; № 20793. С. 653–658.

[16] Там же. Т. 29, № 22135. С. 283–309.

[17] Там же. Т. 27, № 20718. С. 547; № 21025. С. 971, 972.

[18] Там же. С. 973.

[19] Там же. С. 970; *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества. С. 145.

[20] *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества. С. 72–78.

[21] Там же. С. 247.

[22] *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965. С. 117.

[23] Там же. С. 123–138.

[24] Там же; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 256, 257.

[25] См.: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983. С. 186, 187.

[26] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. XII: История России с древнейших времен, т. 24. С. 451.

[27] ПСЗ Российской империи. Т. 40, № 30290.

[28] Там же. С. 155.

[29] Там же. С. 155, 156; *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 159, 174.

[30] ПСЗ Российской империи. Т. 40, № 30290. С. 156, 158–161.

[31] Там же. С. 156.

[32] Там же. II отд. Т. 10, прибавл. к т. 9, № 7560-а. С. 18–39.

[33] Там же. С. 19, 21–23.

[34] Там же. С. 19, 23, 24, 39.

[35] Там же. С. 19, 24–26, 39.

[36] Там же. С. 19, 26, 27, 39.

[37] *Дорджиева Г.Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии: Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.) Элиста, 1995. С. 49.

[38] ПСЗ Российской империи. II отд. Т. 10, прибавл. к т. 9, № 7560-а. С. 19, 27, 28.

[39] Там же. С. 19, 29, 30–36.

[40] Там же. С. 19, 28–30.

[41] Там же. С. 28–30.

[42] Там же. С. 37; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 235.

[43] ПСЗ Российской империи. II отд. Т. 10, прибавл. к т. 9, № 7560-а. С. 38; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 234.

[44] ПСЗ Российской империи. II отд. Т. 10, прибавл. к т. 9, № 7560-а. С. 19, 20.

[45] *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества. С. 78, 79.

[46] Там же. С. 79–81, 237.

[47] *Сукиасян М.А.* Власть и управление в России: Диалектика традиций и инноваций в теории и практике государственного строительства. М., 1996. С. 123.

[48] ПСЗ Российской империи. Т. 13, № 11189. С. 407; Т. 22, № 21144. С. 349, 365.

[49] *Наберухин А.И.* Калмыкия в трех российских революциях. Элиста, 1987. С. 14.

[50] ПСЗ Российской империи. Т. 22, № 21144. С. 358, 359.

[51] Там же. С. 358, 365.

[52] *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории: Курс систематический: В 2 ч. М., 1992. С. 334.

[53] ПСЗ Российской империи. Т. 22, № 21144. С. 359–361.

[54] Там же. Т. 24, № 22896. С. 8.

[55] Там же. Т. 22, № 21144. С. 359, 363.

[56] Там же. С. 352, 353.

[57] *Дорджиева Г.Ш.* Указ. соч. С. 68.

[58] ПСЗ Российской империи. Т. 22, № 21144. С. 364, 365.

[59] Там же. С. 350–354.

[60] Там же. С. 349, 350, 368, 369.

[61] Там же. Т. 22, № 21145. С. 372.

[62] *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 242.

[63] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 303–306.

[64] ПСЗ Российской империи. Т. 12, № 8429. С. 173–175.

[65] *Команджаев А.Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX в.: Исторический опыт и современность. Элиста, 1999. С. 51.

[66] ПСЗ Российской империи. Т. 12, № 8429. С. 174, 175.

[67] *Борисенко И.В.* Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII – начало XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии: Сб. ст. Элиста, 1982. С. 46, 47.

[68] *Бюрчиев З.Б.* Кумо-Маныческая экспедиция: (К 100-летию со времени опубликования материалов экспедиции) // Ученые записки. Сер. ист. Элиста, 1974. Вып. 10. С. 40, 41.

[69] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 260; *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 114.

[70] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 264; *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С. 104; *Борисенко И.В.* Указ. соч. С. 52.

[71] *Команджаев А.Н.* Указ. соч. С. 246, 248, 249.

[72] Там же. С. 253, 259; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 264.

[73] *Команджаев А.Н.* Указ. соч. С. 253–259.

[74] Там же. С. 103–109; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 271.

[75] *Бюрчиев З.Б.* Указ. соч. С. 45.

[76] *Бадмаев С.Б.* Развитие экономики Калмыкии. Элиста, 1979. С. 5–7; *Команджаев А.Н.* Указ. соч. С. 156–158.

[77] *Эрдниев У.Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 1985. С. 200–216; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 411–418.

[78] *Прозрителев Г.Н.* Военное прошлое наших калмыков: Ставропольский полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 г. Ставрополь, 1912. С. 13, 137.

[79] *Борисенко И.В.* Калмыки в русском изобразительном искусстве. Элиста, 1982.

[80] *Борисенко И.В.* Храмы Калмыкии: Альбом. Элиста, 1994. С. 3–8.

[81] *Борисенко И.В.* Калмыки в русском изобразительном искусстве. С. 4–20.

[82] *Виргинский В.С., Либерман М.Я.* Михаил Иванович Сердюков, 1677–1754 гг. М., 1979.

[83] *Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары. Минск; М., 2001. Т. 1. С. 449, 450.

[84] *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных думах России: (Опыт законотворчества). М., 1999. С. 69, 70; Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С. 165–169; *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России: В 3 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 131.

[85] Национальная политика России. С. 170–172.

[86] *Исаев И.А.* История государства и права России. М., 1998. С. 131, 132.

[87] Национальная политика России. С. 173, 174.

[88] *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 474.

[89] *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Указ. соч. С. 130.

[90] *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Указ. соч. С. 73.

[91] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1: 1859–1917. С. 417, 419.

[92] Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-3. Оп. 9. Д. 5. Л. 1; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 326. О выборах депутатов первого и второго созывов Государственной думы и их деятельности см.: *Бурчинова Л.С.* Калмыкия и Государственная дума (1905–1907 гг.) // Ученые записки. Сер. ист. Элиста, 1967. Вып. 5, ч. 1. С. 56–59; *Наберухин А.И.*

Указ. соч. С. 59–62; Очерки по истории выборов и избирательного права / Под ред. Ю.А. Веденеева и др. Калуга; М., 1997 и др.

[93] *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Указ. соч. С. 111.

[94] *Наберухин А.И.* Указ. соч. С. 12.

[95] *Команджаев А.Н.* Указ. соч. С. 57.

[96] Там же. С. 253, 254, 256–258.

[97] Там же. С. 136, 138.

[98] Там же. С. 110, 261, 262.

[99] *Эрдниев У.Э.* Указ. соч. С. 125–143; *Команджаев А.Н.* Указ. соч. С. 101–123.

[100] *Белоусов С.С.* Православные приходы в Калмыкии в XIX – начале XX в. (1806–1917 гг.). Рукопись. С. 25; *Дорджиева Г.Ш.* Указ. соч. С. 92.

[101] *Команджаев А.Н.* Указ. соч. С. 246, 247; *Водарский Я.С.* Указ. соч. С. 103, 104; *Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И.* Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста, 1968. С. 7.

[102] *Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И.* Указ. соч. С. 10.

[103] *Наберухин А.И.* Указ. соч. С. 54–56.

[104] *Команджаев А.Н.* Указ. соч. С. 249, 250.

[105] *Сартикова Е.В.* Образование Калмыкии: Истоки и становление. Элиста, 2000. С. 22, 23, 74, 75.

[106] *Ленкова М.В.* История Калмыкии XX в. в современной историографии. Элиста, 2001. С. 61, 62.

[107] Из истории движения за национальную школу в Калмыкии: Сб. документов и материалов. Элиста, 1967. С. 11.

[108] *Наберухин А.И.* Указ. соч. С. 83.

[109] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 387–395; *Плюнов Ф.И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. Рукопись. 1926. С. 53–65; *Наберухин А.И.* Указ. соч. С. 79–81.

[110] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 395.

[111] *Максимов К.Н., Наберухин А.И.* Советская Калмыкия в составе СССР. Элиста, 1983. С. 10.

[112] *Бурчинова Л.С.* К вопросу земства в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института истории, языка и литературы. Сер. ист. Элиста, 1967. № 2, ч. 1. С. 32.

[113] Институт выборов в истории России: Источники, свидетельства современников: Взгляды исследователей XIX – начала XX в. М., 2001. С. 648.

[114] Там же. С. 725.

[115] Там же. С. 748; НА РК. Ф.И-4. Оп. 2. Д. 2. Л. 17–17 об., 37, 38.

[116] НА РК. Ф.И-4. Оп. 2. Д. 5. Л. 18; Д. 6. Л. 16; Д. 7. Л. 1; Д. 9. Л. 1–13.

[117] Там же. Д. 2. Л. 45–45 об., 51–53, 91, 92.

[118] *Наберухин А.И.* Указ. соч. С. 125–128.

Глава четвертая

КАЛМЫЦКАЯ СОВЕТСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА (1917–1935 гг.)

Октябрьская революция 1917 г. и советская власть открыли новый раздел в истории Калмыкии и ее государственности. Новая история оказалась сложной и противоречивой, имеющей позитивные и негативные страницы. Она была связана непосредственно с национальной политикой большевиков, при реализации которой допускалось расхождение практики с программой, идеологией.

С установлением в январе 1918 г. советской власти в Астраханской губернии и формированием ее государственных органов новая астраханская власть признала Калмыцкую степь особой административно-территориальной единицей в составе губернии со своими институтами политической власти, формируемыми самим населением Калмыкии. В соответствии с данным положением делегаты трех улусов и поселка Калмыцкий Базар 5 марта 1918 г. сформировали временный центральный орган советской Калмыцкой степи – Калмыцкую секцию исполнительного комитета Астраханского губернского совета. Губисполкомом секция была утверждена в составе: председатель – Эренджен Хара-Даван; члены – Константин Никитин, Араша Чапчаев, Очир Эльдяшев; кандидаты в члены – Вадим Мергасов, Дорджи Тугаев, Кебюд Далгаев.

С созданием временного центрального органа советской власти к середине 1918 г. завершился первый этап формирования системы органов власти в Калмыцкой степи в виде Калмыцкой секции, улусных, аймачных советов. На повестке дня стояла задача создать постоянный высший орган государственной власти Калмыцкой степи, найти правовые и организационные нормы и принципы формирования всех звеньев органов советской власти применительно к мест-

ным условиям. В результате выполнения этой задачи создавалась возможность перейти к решению проблем национальной государственности Калмыкии на основе национальной программы большевиков.

В программных документах еще дооктябрьского периода партия большевиков, понимая значимость национального движения и желая его использовать, предлагала справедливо разрешить национальный вопрос. В этих документах большевики намечали предоставить полную свободу и равенство всем нациям и народностям, широкое местное демократическое самоуправление, областную автономию административно-территориальным единицам, отличающимся особым бытом и национальным составом.

Большевики, взяв в октябре 1917 г. власть в свои руки, сразу же провозгласили свободу и равенство народов.

Уже в первом документе – Обращении к "Рабочим, солдатам и крестьянам!", принятом II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г., отмечалось, что советская власть "обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение"[1]. "Декларация прав народов России", принятая 2 ноября, законодательно закрепила основные принципы национальной политики Советского государства: "...Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования Комиссии по делам национальностей"[2].

Правовая база национальной политики и национально-государственного строительства формировалась постепенно в декретах, декларациях, дополняя и развивая политическую программу большевиков. Одним из основных документов стала "Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого

народа", принятая в январе 1918 г. III Всероссийским съездом Советов. Она законодательно закрепила формы правления и государственного устройства, провозгласив, что "Россия объявляется республикой Советов...", которая учреждается "на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик". А в статье 8 главы четвертой подчеркивалось, что, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение "на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях"[3].

Декларация, увязав самоопределение с федерацией, определила, что Российская Советская Республика – это федерация советских национальных республик, выступающих как ее субъекты. Таким образом, видим, что в качестве субъекта России законодатель предусмотрел только национальные республики. Но, подчеркнув, что устанавливаются лишь коренные начала федерации, съезд Советов предоставил каждой нации самой выбрать форму федеративных отношений с центром. Наиболее полно проблемы федерации, федеративных отношений в Российской Советской Республике получили разработку в резолюции III Всероссийского съезда Советов "О федеральных учреждениях Российской Республики".

Резолюция законодательно определила:

"1. Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов.

2. Высшим органом власти в пределах федерации является Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, созываемый не реже чем через три месяца.

3. Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. В периоды между съездами верховным органом является Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

4. Правительство федерации, Совет Народных Комиссаров, избирается и смещается, в целом и частях, Всероссийским съездом Советов или Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

5. Способ участия советских республик отдельных областей в федеральном правительстве, областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской Республики, определяется немедленно по образовании областных советских республик Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Центральными Исполнительными Комитетами этих республик.

6. Все местные дела решаются исключительно местными Советами. За высшими Советами признается право регулирования отношений между низшими Советами и решение возникающих между ними разногласий. Центральная советская власть обязана следить за соблюдением основ федерации и представляет Российскую Федерацию Советов в ее целом. На центральную власть возлагается также проведение мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе, причем, однако, не должны быть нарушаемы права отдельных, вступивших в федерацию, областей.

7. Разработка этих основных положений Конституции Российской Федеративной Республики поручается Центральному Исполнительному Комитету Советов для внесения на следующий съезд Советов"[4].

По содержанию данную резолюцию следует, на наш взгляд, отнести к конституционному акту. В ней четко определены система и звенья как федеральных органов государственной власти и управления (Всероссийский съезд Советов, в период между его работами – ВЦИК; Правительство – Совнарком), так и национальных республик (советы и их ЦИКи). Намечая основные принципы федеративного устройства Российской Республики, законодатель в то же время закладывал принципы унитарного государства – строгая подчиненность и подотчетность по вертикали органов власти и управления. В резолюции в общих чертах заложены принципы разграничения полномочий и компетенции между федеральными органами власти и субъектами

(общефедеральные, совместные, местные), а также принципы их взаимоотношений.

По сравнению с ранее принятыми нормативными актами этот документ четче разграничил субъекты Российской Федеративной Республики. В первую очередь в качестве ее субъекта выступают "советские республики отдельных областей" (имеется в виду национальная республика, поскольку предусматривалось образование ЦИК), далее перечисляются области, отличающиеся особым бытом и национальным составом (автономные области), области как административно-территориальные единицы.

Основной правовой базой национально-государственного строительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики явилась Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Первый раздел Конституции целиком включал в себя принятую III Всероссийским съездом Советов "Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа". Последующие разделы развивали и существенно дополняли как Декларацию, так и основные положения резолюции III Всероссийского съезда Советов.

Особо следует обратить внимание на содержание статьи 11, в которой указывалось: "Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды советов и их исполнительные органы.

Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику"[5].

Впервые законодательным путем статья точно определила субъекты Российской Федеративной Республики – автономные образования и административные области. Но в состав России на федеративных принципах должны были войти автономные образования, следовательно, административная область, хотя и наделялась статусом субъекта, но рассматривалась как собственная часть России. Кроме того, эта статья установила высшие органы власти автономной области – областные съезды советов, исполнительно-распорядительные органы – исполнительные комитеты, кото-

рые по статусу были приравнены к областным органам власти и управления (статьи 53–56).

В разделе "Общие положения" Конституции изложены основные принципы национальной политики советской власти. Признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, она объявляла как противоречащее основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия (статья 22). Конституция гарантировала членам федерации соблюдение и выполнение принципов права наций на самоопределение. В частности, в статье 49 зафиксировано право "выхода из Российской Федерации отдельных частей ее". Но, как известно, это конституционное положение осталось формальной записью.

В Конституции два раздела специально посвящены системе органов власти и управления РСФСР, их компетенции и полномочиям, начиная от высшего звена – Всероссийского съезда Советов и кончая волостным съездом советов, сельским советом. Определив все звенья органов власти – Всероссийский съезд Советов, ВЦИК, областной, губернский, уездный (районный), волостной съезды советов, сельский совет, а также и органов управления – СНК, исполкомы советов всех уровней, законодатель установил по вертикали строгую подчиненность нижестоящего звена органа власти вышестоящему. Всю эту пирамиду органов власти наверху завершали Всероссийский съезд Советов, ВЦИК и СНК РСФСР, которые по Конституции были отнесены к центральным органам, а не к федеральным.

В пределах Российской Федеративной Республики высшие органы власти и управления были наделены фактически неограниченными полномочиями, поскольку статья 50 закрепила, что "сверх перечисленных вопросов ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению". Кроме того, исполнительный орган – Совнарком был подотчетен Всероссийскому съезду Советов и ВЦИКу, поскольку он формировался ими (статья 49, п. II).

Рассмотрев перечисленные конституционные принципы государственного строительства РСФСР, следует отметить их смешанный, иногда противоречивый характер. Они не в полной мере соответствовали федеративному государству, включая элементы унитаризма. Конституция РСФСР создавала, во-первых, строгую вертикальную государственную власть; во-вторых, наделила высшие звенья органов власти государства неограниченными полномочиями; в-третьих, определила высшие органы власти и управления РСФСР как центральные, а не как федеральные; в-четвертых, не заложила принципа разделения властей – законодательной и исполнительной (СНК был исполнительно-распорядительным органом Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа). Кроме того, Совнарком был наделен и законодательными полномочиями.

Таким образом, видим, что еще в первой советской Конституции были заложены в государственном устройстве РСФСР, кроме федеративных начал, и основные признаки унитарного государства, которые позднее стали определяющими.

Вместе с тем ради объективности и справедливости следует сказать: принципы добровольности объединения и образования федерации, равноправия народов и самостоятельности в решении своих вопросов, разнотипности членов Российской Федеративной Республики (национальные республики и автономные областные союзы), право выхода субъектов из состава РСФСР – эти основополагающие начала национально-государственного строительства РСФСР были заложены в первых же ее конституционных актах.

Известно, что на практике эти идеи в последующем были дискредитированы. РСФСР сформировалась не как федерация национальных республик и областей, а как унитарное государство с чисто символической федерацией, с монополизированной, централизованной, командно-административной системой управления. Конституционная государственная структура РСФСР являлась лишь декоративным фасадом совершенно иной власти – партии большевиков. Кроме того, естественно, негативно отразились на развитии национально-государственной жизни народов РСФСР нарушения законности, узурпация власти, особенно в годы культа личности И. Сталина.

С принятием Конституции РСФСР в основном была создана государственно-правовая база образования и развития автономных областей. Поэтому не случайно со второй половины 1918 г. началась активная подготовка к образованию автономии калмыцкого народа.

С первых же дней своей деятельности Калмыцкая секция начала вынашивать идею создания Калмыцкой административно-территориальной единицы в составе Астраханской губернии, но с присоединением к ней находившихся внутри Калмыцкой степи и расположенных по соседству с ней русско-украинских переселенческих сел. В основу ее образования предполагалось положить территориальный принцип по примеру, когда в первой половине 1918 г. в некоторых губерниях, уездах и даже волостях стали создаваться республики, коммуны и т.д. Но этот проект не был поддержан крупными скотоводами на объединенном русско-калмыцком съезде, состоявшемся 14 мая 1918 г. Предложение Калмыцкой секции о создании государственного образования калмыцкого народа не находило поддержки у Астраханского губисполкома, считавшего, что надо сохранить Калмыцкую степь в составе губернии на правах уезда. Не было единого мнения по этому вопросу и у самих членов Калмыцкой секции, что привело к ее кризису (некоторые члены самоустранились от работы, отошли от политической деятельности). Среди членов секции были и сторонники в свое время проводившейся Временным правительством политики строительства гражданского общества, демократических институтов власти, местного самоуправления, они считали, что все мероприятия экономического и культурного характера должны были проводиться в интересах всего общества, чтобы каждое отдельное лицо могло “свободно ковать свое счастье соответственно его воле”[6].

Следующим этапом, завершившим процесс установления советской власти и заложившим основу будущей советской автономии Калмыкии, явился I съезд Советов трудового калмыцкого народа, состоявшийся 1–3 июля 1918 г. в Астрахани. Съезд Советов, как высший орган государственной власти Калмыкии сформировал Калмыцкий исполнительный комитет совета депутатов в составе восьми членов и пяти кандидатов. Председателем Калмисполкома был избран А.Ч. Чапчаев, товарищем председателя – К.Д. Ни-

китин. Хотя Калмисполком по правовому статусу был приравнен к уездному исполкому, но на территории Калмыцкой степи являлся высшим органом власти в период между съездами Советов. Были сформированы и отраслевые органы управления – отделы: юридический, земельный, здравоохранения, народного образования, продовольственный, финансовый, национальный при Наркомнаце РСФСР (во главе с А.Г. Масловым).

Съезд рассмотрел также вопросы о положении продовольственного дела в Калмыцкой степи и о создании новых судов. Исполнительным органом предлагалось принять меры по обеспечению населения хлебом, калмыцким чаем и другими товарами первой необходимости. Предписывалось создать в каждом улусе народный суд и приступить к выборам народных судей и заседателей. Согласно декретам СНК РСФСР о суде от 22 ноября 1917 г. и от 15 февраля 1918 г. улусным советам предстояло сформировать новые суды в составе постоянного судьи и двух народных заседателей. В последний день съезда было принято решение о реквизиции лошадей для нужд Красной Армии путем поулусной разверстки "между буржуазными элементами"[7].

К осени 1918 г. положение в Калмыцкой степи серьезно осложнилось в связи с начавшейся гражданской войной. В это социально-политическое противоречие с применением боевого оружия были вовлечены и калмыки. С одной стороны, представители богатых, имущих слоев населения (Данзан Тундутов во главе Астраханского казачьего войска) выступили в составе белоказачьей Донской армии, с другой – представители беднейших слоев в рядах Красной Армии. Военным структурам советской власти, большевикам удалось провести мобилизацию среди калмыков, сформировать калмыцкие военные части и направить их в действующие соединения. Кроме того, на калмыков были возложены обязанности по обеспечению проходивших с боями частей Красной Армии лошадьми, скотом для питания и транспортных целей. Только с мая по октябрь 1918 г. в Калмыцкой степи было реквизировано 2176 лошадей (не считая призываемых лиц с лошадьми), а количество овец вообще не поддавалось никакому учету. В связи с тяжелыми последствиями реквизиций советские органы Калмыкии вынуждены были обратиться в центральные советские и

военные органы с просьбой прекратить бессистемные реквизиции калмыцкого скота. В это время был введен чрезвычайный единовременный революционный налог в сумме 8 млн руб. Эту сумму можно было погасить, только продав огромное количество скота.

Сложная военная и экономическая обстановка обусловила повестку дня заседаний II съезда Советов трудового калмыцкого народа, состоявшегося 22–25 сентября 1918 г. Съездом были приняты решения о мобилизации трудящихся калмыков в ряды Красной Армии, о признании скота национальным достоянием калмыцкого народа и о национализации крупнейших имений. Таким образом, съезд, заложив в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. правовую базу первых экономических преобразований, передавал государству основную отрасль экономики Калмыкии.

II съезд Советов трудового калмыцкого народа открытым голосованием избрал исполнительный комитет в составе восьми членов и трех кандидатов в члены, хотя было принято решение сформировать его в количестве десяти человек. По количественному составу Калмыцкий исполком не относился ни к губернскому, ни к областному, ни к уездному, а соответствовал волостному. Согласно Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 55) были установлены нормы численного состава исполкомов: областного и губернского – 25 человек, уездного – 20, волостного – 10.

Председателем Калмыцкого исполкома и его заместителем вновь были избраны соответственно А.Ч. Чапчаев и К.Д. Никитин, казначеем – Г.М. Манкиров. Секретарем исполкома постановлением Калмисполкома был назначен Ф.И. Плюнов. Отделы Калмисполкома сохранились, за исключением некоторых изменений в названии.

Мероприятия, проведенные Калмыцкой секцией, съездами Советов, Калмыцким исполкомом, способствовали формированию и становлению системы советов как организации власти Калмыкии. К сентябрю–октябрю 1918 г. система местных органов советской власти Калмыцкой степи представляла собой 8 улусных, 1 поселковый и 49 аймачных советов трудового калмыцкого народа.

Впервые после 1907 г. представители Калмыкии в ноябре 1918 г. приняли участие в качестве полноправных членов в заседаниях верховного органа государственной власти

России. Калмыцкий исполком 29 октября 1918 г. принял решение о делегировании двух представителей от калмыков на созываемый 5 ноября 1918 г. в г. Москве Всероссийский съезд Советов. В числе 1296 делегатов VI Всероссийского съезда советов были два делегата (А.М. Амур-Санан и А.Г. Мещеряков), избранные непосредственно Калмыцким исполкомом, хотя по Конституции РСФСР они должны были избираться губернским съездом советов[8]. Это свидетельствовало о том, что, несмотря на количественный состав Калмыцкого исполкома и его неопределившийся статус, Калмыцкая степь уже рассматривалась как самостоятельная административно-территориальная единица областного типа, отличающаяся особым бытом и национальным составом.

Органы советской власти Калмыкии в первую очередь приступили к экономическим преобразованиям. В соответствии с конституционным положением о социализации земли и Декретом о социализации земли от 18 февраля 1918 г. земельные отделы улусных и аймачных исполкомов провели обследование фактического землепользования, учет нетрудовых хозяйств, составили проекты уравнительного перераспределения земли и скота по трудовым нормам. Однако возможности развития частной собственности в сельскохозяйственной Калмыкии I калмыцким съездом улусных земельных отделов, проходившим 9–11 октября 1918 г. и руководимым большевистским Астраханским губисполкомом, были сведены на нет. Съездом была установлена трудовая норма: для трудового скотоводческого хозяйства четыре головы крупного рогатого скота и шесть – мелкого; для смешанного, земледельческо-скотоводческого, – в 2 раза меньше. Исходя из реальной возможности развития частной собственности в животноводческом хозяйстве, аймачные земельные отделы вносили предложение увеличить эти нормы соответственно до 25 и 100 голов. Установленные съездом нормы земотделов ориентировали на создание маломощных индивидуальных хозяйств, обреченных на развал. Поэтому, видимо не случайно, съезд намечал создавать скотоводческие коммуны, крупные скотоводческие хозяйства передавать в распоряжение беднейшей части населения, т.е. тогда уже был взят ориентир на создание коллективных хозяйств в соответствии с названным

Декретом о социализации земли. В этом отношении можно согласиться с мнением историка А.И. Наберухина, который, положительно оценивая деятельность советов, писал, что осенью 1918 г. "Калмыцкий исполком и его органы на местах уже полностью стояли на платформе советской власти и прилагали большие усилия к проведению в жизнь начальных социалистических преобразований"[9].

Завершающим этапом в строительстве советской Калмыкии в 1918 г. явился III съезд Советов трудового калмыцкого народа, проходивший с 19 по 22 декабря. К этому времени прекращали действовать комитеты бедноты как органы власти. Вся власть на селе теперь перемещалась в советы. Съезд Советов, рассмотрев итоги советского, национально-государственного, культурного строительства в Калмыцкой степи, а также ее хозяйственное положение, пришел к выводу о преждевременности постановки вопроса о предоставлении Калмыкии прав областной автономии до окончания гражданской войны. В связи с данным решением съезд подтвердил уездный статус Калмыцкой степи в составе Астраханской губернии.

Одним из важных вопросов в формировании органов власти были перевыборы членов Калмыцкого исполкома. Съездом было принято решение увеличить количество членов исполкома с 10 до 15 и избрать открытым голосованием из числа делегатов 10 членов, а на пять мандатов кооптировать из фракции большевиков Астраханского губкома РКП(б). В состав Калмисполкома на 10 мандатов были предложены 13 кандидатов.

По результатам открытого голосования съезд избрал членами Калмыцкого исполкома А.М. Амур-Санана, А.Ч. Чапчаева, К.Д. Никитина, А.П. Межуева-Самохина, Н.Д. Дулаханова, М.М. Манджиева, Э.А. Сарангова, С.Г. Хадылова, А.Г. Маслова, Г.Н. Натырова. Астраханский губком партии кооптировал в члены Калмыцкого исполкома большевиков Е. Дворецкого, М.В. Лифанова, Терехина, Хатюшенко и Шагарова, с прибытием которых в феврале 1919 г. создается в исполкоме партийная ячейка. Так реально начало складываться безраздельное руководство советами со стороны партии коммунистов, стали сливаться государственные и партийные органы, а также нарушаться установленные конституционные

принципы формирования органов государственной власти.

Президиум Калмисполкома был сформирован в составе трех членов: А.Ч. Чапчаев – председатель, К.Д. Никитин – заместитель председателя, Ф.И. Плюнов – секретарь. Отраслевые органы управления сохранились прежние, лишь в отделе внутреннего управления 25 декабря 1918 г. образовали отдел милиции. Были созданы две комиссии – культурно-просветительная и редакционная. Несколько позднее, 1 февраля 1919 г., – отдел Совета народного хозяйства[10].

С конца 1918 г. заметно усиливается контроль со стороны Наркомата внутренних дел РСФСР (НКВД) за ходом советского строительства в Калмыкии, за правильным применением и проведением в жизнь декретов центральной власти. С подобной миссией участвовал в работе III съезда Советов трудового калмыцкого народа инструктор НКВД РСФСР А.Н. Соколов. Задача инструкторов НКВД РСФСР заключалась не только в проверке местных органов, оказании им помощи, но и в осуществлении контроля за созданием и укреплением единой централизованной системы советских органов, т.е. первое было подчинено второму.

В практическом решении вопросов, связанных с национально-государственным строительством и вообще с национальной политикой, участвовали многие советские учреждения. Вместе с тем разрешение указанных задач было возложено на специальный орган государственного управления – Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац). Наркомнацу была вменена в обязанность очень ответственная задача – на основе федеративного устройства государства "ускорить воссоздание на новых, социалистических началах государственного единства России"[11]. В соответствии с основной задачей деятельность Наркомнаца РСФСР была направлена на оказание помощи национальным районам в закреплении и упрочении советской власти, развитии их экономики и культуры, государственности.

В основу построения Наркомнаца был положен национальный принцип, в соответствии с которым основными его структурными частями были национальные комиссариаты или отделы. К концу 1918 г. в составе Наркомнаца было 17 национальных комиссариатов и отделов, представляв-

ших наиболее многочисленные народы советской России. В марте 1918 г. в Наркомнаце был образован Киргизский отдел (возглавлял его Мухамедиар Тунгачин), который временно представлял в Наркомнаце интересы калмыцкого народа. В соответствии с решением II съезда Советов от 24 сентября 1918 г. и с согласия Наркомнаца в середине октября 1918 г. был создан Калмыцкий отдел (первые его уполномоченные А.Г. Мещеряков и Н.К. Корсиков)[12], ставший связующим звеном между Калмыцким исполкомом и правительством РСФСР.

Основные задачи национальных комиссариатов и национальных отделов Наркомнаца РСФСР состояли в следующем: 1) информирование советской власти о нуждах данной национальности; 2) информирование национальностей о первых шагах и мероприятиях советской власти; 3) удовлетворение через органы советской власти культурно-просветительных нужд населения данной национальности; 4) самая широкая агитация и пропаганда идей советской власти среди масс данной национальности; 5) улаживание всякого рода конфликтов, возникающих между органами советской власти и национальностями; 6) выработка на началах советской Конституции оснований и положений административно-территориальной национальной автономии, где это требуется особыми экономическими и территориальными условиями[13].

В связи с усложнением задач Наркомнаца, в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. "О национальных школах и о взаимоотношениях между Народными Комиссариатами просвещения и по делам национальностей" при Наркомпросе образовалась национальная секция. В нее входили с правом решающего голоса по одному представителю от всех национальных комиссариатов и отделов при Наркомнаце. Наркомнац имел право контроля по всем вопросам, касающимся образования среди национальных меньшинств. Национальная секция должна была заниматься организацией дошкольного и школьного дела среди всех национальностей РСФСР. В Наркомпросе был создан также отдел просвещения национальных меньшинств, который руководил всеми культурно-просветительными учреждениями национальных меньшинств[14].

В докладе от 27 октября 1918 г., поданном А.Г. Мещеряковым в Наркомнац, определялись основные задачи Калмыцкого отдела: распространение среди калмыцкого народа идеи социализма, культурно-просветительное развитие, подъем экономического благосостояния народа; урегулирование землепользования внутри калмыцкого общества и с русским крестьянским населением; разработка положения о национально-территориальной автономии.

Почти одновременно с Калмыцким отделом Наркомнаца, в марте 1919 г., была создана Калмыцкая секция при национальном отделе Астраханского губисполкома. Но в октябре того же года ввиду дублирования деятельности Калмисполкома по многим вопросам, она была упразднена.

Во второй половине 1918 – начале 1919 г. советские органы Калмыкии под руководством большевиков приняли меры по развитию политической системы новой государственной власти, основы социалистической экономики, мобилизации беднейшей части населения в Красную Армию. В это же время в калмыцких улусах создаются профсоюзные, партийные организации, коллективные производственные хозяйства – коммуны (в основном скотоводческие), артели, проводится учет скота, принадлежащего крупным скотовладельцам, который передается в распоряжение исполкомов аймачных советов.

В благоприятной обстановке Калмыцкий исполком активизировал работу по созданию автономной области. 14 февраля 1919 г. он сформировал комиссию в составе членов президиума исполкома А.М. Амур-Санана, С.-Г. Хадылова, Ф.И. Плюнова и секретаря отдела социального обеспечения Бухарцева для разработки вопроса о преобразовании Калмыцкой степи из уездной единицы в областную. Одновременно создается комиссия в составе А.М. Амур-Санана, С.-Г. Хадылова, члена Астраханского губисполкома коммуниста Попова по учреждению партийной организации Калмыкии[15].

Выполняя поручение Калмисполкома, А.М. Амур-Санан 17 апреля 1919 г. представил Наркомнацу РСФСР докладную записку о необходимости созыва учредительного съезда по провозглашению автономии Калмыкии. Кроме того, он вносил предложение о даче гарантии о личной неприкосновенности всех делегатов независимо от их полити-

ческих взглядов. В соответствии с данной идеей Калмисполком ходатайствовал перед Наркомнацем об амнистировании С.Б. Баянова, Н.О. Очирова и других, бывших активных противников советской власти, но в последнее время начавших "разделять платформу советской власти" и поддерживать калмыцкую интеллигенцию в вопросе о созыве общекалмыцкого съезда.

Весной 1919 г. резко ухудшилась военная обстановка на юге России: деникинские войска заняли большую часть Калмыцкой степи. Проведение общекалмыцкого съезда Советов было перенесено на более поздний срок. Необходимо отметить, что Калмыцкая степь в 1919 г. становится ареной крупных военных событий, противоборствующие стороны рассматривали ее население как резерв пополнения своих военных частей.

В переломе настроения калмыков и мобилизации их на борьбу с белой армией Деникина огромную роль сыграло обращение Совнаркома РСФСР "Братья-калмыки!" за подписью В.И. Ленина, опубликованное в печати 22 июля 1919 г. Указав основные пути решения вопроса об автономии калмыцкого народа, советское правительство гарантировало свободное и равноправное развитие Калмыкии. По существу, это был программный документ реализации национальной политики советской власти в Калмыкии. Советское правительство, пообещав помощь в подготовке и проведении общекалмыцкого съезда Советов, возложило выполнение этой задачи на специальную комиссию, сформированную постановлением СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. в составе А. Чапчаева, А. Амур-Санана, У. Лавгаева, А. Мещерякова, Г. Манкирова, Э. Сарангова и К. Герценберга. Последний был направлен в январе 1919 г. в Калмыкию в качестве уполномоченного ВЦИК и Наркомнаца и являлся не только контролером, но и политическим руководителем советских органов Калмыкии.

Вместе с тем в условиях гражданской войны обращение имело пропагандистский и агитационный характер. "Братья-калмыки! – говорилось в заключительной части. – Для того чтобы осуществить созыв общекалмыцкого съезда, надо освободить от белогвардейских банд значительную часть ваших земель. За это освобождение борется Рабоче-Крестьянское правительство и его Красная Армия. Но для

того чтобы освобождение совершилось как можно скорее и с меньшим кровопролитием, нужно, чтобы весь калмыцкий народ, как один человек восстал против царских генералов, белогвардейцев и помог Красной Армии смять Деникина”[16].

В дополнение к этому политическому документу в том же году Совнаркомом РСФСР были приняты постановления “О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа” (24 июля) и “Об охране и восстановлении калмыцкого животноводства” (15 октября), составившие единую программу решения национально-территориального и аграрного вопросов[17]. В постановлении “О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа” земли Калмыцкой степи объявлялись “навсегда свободными от гнета богачей и составляющими достояние трудового калмыцкого народа”. Советское правительство, признав целостность и неотчуждаемость территории Калмыкии, запрещало впредь до выработки подробного плана землеустройства всякое неорганизованное переселение.

Постановление СНК РСФСР “Об охране и восстановлении калмыцкого животноводства” установило душевую норму скота в пять голов (в переводе на крупный), в пределах которой он не подлежал конфискации и реквизиции на нужды Красной Армии. После окончания гражданской войны душевые нормы трудового хозяйства повысились в 2 раза по сравнению с теми, что были установлены в октябре 1918 г. на I съезде земельных отделов исполкомов Калмыцкой степи, составив восемь голов крупного и десять голов мелкого скота для чисто скотоводческих хозяйств и четыре головы крупного и пять голов мелкого – для смешанных земледельческо-скотоводческих хозяйств.

В связи с практическим решением вопросов национально-государственного строительства возникла необходимость во временном урегулировании правового положения центральных органов власти и управления Калмыкии. Поскольку политическое и национально-государственное развитие Калмыцкой степи уже не соответствовало правовому положению уезда, советское правительство приняло меры к расширению прав Калмыцкого ЦИК, фактически сделав его самостоятельным в решении местных вопросов. В соответствии с постановлениями ВЦИК, принятыми в январе и феврале 1920 г., Калмыцкий исполком был наделен правами

центрального органа власти и управления. С этого времени ведение делами Калмыцкой степи становилось исключительно компетенцией Калмыцкого исполкома[18].

К марту 1920 г. в Калмыцкой степи завершились военные действия и была восстановлена советская власть, а экономика оказалась в разрушенном состоянии. Беспрерывные военные действия, постоянные реквизиции, грабежи и изъятия имущества и скота то "красными", то "белыми" чрезвычайно тяжело отразились на экономическом положении населения. Многочисленные мобилизации обеими воюющими армиями значительно сократили количество мужского работоспособного калмыцкого населения, лишив тысячи хозяйств работников.

В начале 1914 г., накануне Первой мировой войны, население Калмыцкой степи составляло, как указано выше, 148 025 человек, Большедербетовского улуса – 8512. К концу 1920 г. общая численность калмыцкого населения в пределах Калмыцкой степи (109 745 человек) и Большедербетовского улуса (7445 человек) составила 117 190 человек[19]. Таким образом, за годы первой мировой войны, революций 1917 г. и гражданской войны общая численность калмыцкого населения только в двух регионах (Калмыцкой степи и Большедербетовском улусе) уменьшилась на 39 347 человек, т.е. на 25,14%. Если учесть за эти же годы небольшое количество естественного прироста калмыцкого населения, то фактические потери, по-видимому, составили несколько больше.

За этот же период скотоводство – основная экономическая база калмыцкого народа – оказалось на грани катастрофы. По сравнению с 1914 г. поголовье скота в Калмыкии сократилось с 937 802 до 126 101 головы, т.е. почти в 7,5 раза, или на 86,5%. К концу 1920 г. лошадей осталось всего 4522 головы (6,6%), верблюдов – 3661 (17,9%), крупного рогатого скота – 48 492 головы (29,9%), овец и коз – 69 257 (10,1%)[20]. Посевные площади по сравнению с 1913 г. сократились почти в 10–11 раз и составили всего 7575 дес. (8257 га).

В этих трудных экономических условиях новые органы государственной власти Калмыкии обратили внимание прежде всего на животноводство. В первую очередь повели решительную борьбу с расхищением скота и скупкой его

спекулянтами, а также начали оказывать материальную и экономическую помощь населению. Хотя эта поддержка была незначительна, тем не менее она имела все же определенное положительное воздействие на население. В 1920 г. Астраханский губземотдел выделил Калмыкии до 400 пуд. ржи (6400 кг), т.е. на каждый улус по 15–16 мешков, а из центра было получено 1 187 381 аршин мануфактуры (843 040 м), 58 489 кирпичей калмыцкого чая. В то же время Калмыкия сдала государству 1 213 328 кг мяса, т.е. почти 3,5 тыс. голов крупного рогатого скота (если в среднем взять одну голову за 350 кг). Таким образом, каждый житель Калмыкии, сдав в среднем 10,5 кг мяса, взамен получил 7,2 м мануфактуры и 0,5 кирпича калмыцкого чая.

В обеспечении населения продуктами питания советская власть придерживалась в основном классового подхода и уравнительного распределения. В первую очередь социальные органы оказывали помощь тем семьям, отцы, мужья и сыновья которых сражались в рядах Красной Армии, а также инвалидам гражданской войны, семьям милиционеров. Этой категории населения выдавался натуральный паек: муки от 1,2 до 5 кг, сахару по 200 г на одного человека в месяц.

С начала 1920 г. центральные органы государственной власти более активно стали влиять на ход национально-государственного строительства в Калмыкии. В первой половине 1920 г. Совнарком РСФСР выделил на нужды восстановления экономики 60 сенокосилок, 40 лобогреек, 30 конных молотилок, 58 конных грабель, 500 плугов, 500 борон, 100 сеялок, 200 сепараторов для переработки молока и т.п.[21]

Наряду с решением экономических, социальных, территориальных проблем Калмисполкому пришлось заниматься вопросом о форме государственности калмыцкого народа. Форма национальной государственности – важнейшее политическое условие реализации широких социальных задач, отвечающих не только интересам определенной нации или народности, образующих свою государственность, но и потребностям всего федеративного государства.

Относительно формы национально-государственного устройства у руководителей Калмыцкого исполкома было два мнения: первое – создать национальное государствен-

ное образование в форме автономной области, второе – в форме автономной республики. Но большинство высказалось за автономную область. Это находило полную поддержку и у центральных органов РСФСР, поскольку более соответствовало объективным историческим условиям и реальным возможностям и потребностям развития Калмыкии. Вопрос о национально-государственном устройстве рассматривался на расширенном пленуме Калмыцкого исполкома 26 мая 1920 г., участники которого после обстоятельного обсуждения пришли к выводу: создать государственное образование калмыцкого народа в форме автономной области.

Эта форма национальной государственности соответствовала реальному политическому и экономическому положению Калмыкии в послевоенный период, когда были совершенно разрушены ее экономика, производительные силы.

История советской Калмыкии показывает, что ее государственность в форме автономной области оказалась в тот период оптимальной для преодоления социально-экономической, политической и культурной отсталости; для развития взаимосвязи и взаимопомощи и сотрудничества калмыцкого народа со всеми народами РСФСР; для формирования и консолидации, развития калмыцкой нации; для приобретения опыта самостоятельной государственной жизни в условиях федеративных отношений.

В феврале–мае 1920 г. повсеместно прошли собрания граждан аймаков, переизбрали аймачные советы, состоялись съезды улусных советов, на которых были выбраны делегаты на предстоящий общекалмыцкий съезд Советов. Кроме того, в нарушение принципов избирательного права Калмыцкий исполком определил избирательными единицами по выборам на общекалмыцкий съезд Советов трудового калмыцкого народа войсковую часть, общества, ячейки коммунистов, государственные учреждения.

Итоги национально-государственного строительства в Калмыкии за 1918–1920 гг. подвел I Общекалмыцкий съезд Советов трудового калмыцкого народа, состоявшийся в поселке Чилгир Икицохуровского улуса со 2 по 9 июля 1920 г. В его работе приняли участие 349 делегатов, из них 290 с решающим и 59 с совещательным голосом, а также полно-

мочные представители от Совнаркома РСФСР, от Совета Обороны, от ЦК партии большевиков (И.П. Бабкин), от ВЦИК и СНК РСФСР (К.Р. Герценберг), от Астраханского губисполкома (Х.А. Аитов), от Астраханского государственного университета (профессора С.В. Паращук (ректор) и А.М. Скрынников). 43 делегата являлись членами РКП(б) и 12 – кандидатами в члены партии[22]. Делегаты съезда представляли все калмыцкие улусы, входившие в состав Астраханской и Ставропольской губерний, калмыков, проживавших в Донской и Терской областях, в Киргизии, на Урале и в Оренбургской губернии.

Вся работа съезда проходила полностью под руководством большевиков. Прежде чем приступить к работе, было проведено объединенное заседание партийной фракции съезда, членов Калмыцкого исполкома и председателей улусных исполкомов, обсудившее вопросы о повестке дня и рабочем аппарате общекалмыцкого съезда. На заседании был одобрен проект "Декларации калмыцкого трудового народа". Партийная фракция предложила повестку дня: 1) калмыки и Октябрьская революция; 2) текущий момент; 3) национальный вопрос; 4) "Декларация прав трудового калмыцкого народа"; 5) доклады о деятельности Калмыцкого исполкома и его отделов, доклады с мест; 6) о переходе к оседлости; 7) о местопребывании областного исполкома; 8) текущие дела; 9) выборы областного исполнительного комитета; 10) принятие обращения к народам Востока[23].

I Общекалмыцкий съезд Советов трудового калмыцкого народа явился учредительным, он провозгласил образование государственности калмыцкого народа в форме автономной области в составе РСФСР в качестве ее субъекта. Калмыцкая автономная область не входила в какую-либо административно-территориальную единицу. Правовой статус провозглашенной Калмыцкой автономной области был зафиксирован в "Декларации прав трудового калмыцкого народа", принятой в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. и имевшей значение конституционного акта.

Историческое значение I Общекалмыцкого съезда Советов трудового калмыцкого народа состояло в том, что он провозгласил, пусть даже в автономной форме, именно государственность калмыцкого народа. Народ получил возможность и создал через полтора века свою национальную

государственность, может быть со многими элементами формализма, в составе складывающегося Российского унитарного государства советского типа.

В результате калмыцкий народ, проживавший в различных губерниях и областях (Астраханской, Ставропольской губерниях, Терской области и других регионах), был объединен в национальное целое, со своей территорией. Калмыцкая автономная область стала самоуправляющейся административно-государственной единицей в составе РСФСР и наделялась всеми правами соответствующего государственного образования. В Декларации была определена система органов государственной власти и государственного управления, высшими звеньями которой являлись соответственно Общекалмыцкий съезд Советов и Калмыцкий центральный исполнительный комитет (с января 1926 г. – Калмыцкий облисполком).

Опираясь на конституционные принципы построения органов власти и управления РСФСР, Декларация признала и закрепила основные признаки унитарного государства в отношениях Калмыцкой автономной области с центральной властью: "...съезд Советов области и ЦИК автономной области калмыцкого народа подчиняются непосредственно ВЦИК и Совнаркому. Заведующие отделами ЦИК автономной области калмыцкого народа утверждаются соответствующими наркомами"[24].

Декларация, определив систему и звенья органов власти автономной области (областной, улусный, аймачные (волостные) съезды Советов) и их компетенцию, наиболее полно изложила полномочия Калмыцкого ЦИК, который в период между съездами являлся высшим органом власти Калмыкии. Поэтому ему были подотчетны и подконтрольны не только исполкомы, но и сами советы. Управление местным хозяйственным и социально-культурным строительством осуществлялось через систему отраслевых органов Калмыцкого ЦИК.

Общекалмыцкий съезд Советов образовал следующие отделы Калмыцкого ЦИК: 1) управления; 2) военный; 3) юстиции; 4) труда; 5) социального обеспечения; 6) народного образования; 7) финансов; 8) земледелия; 9) продовольствия; 10) совнархоз; 11) рабоче-крестьянской инспекции; 12) статистики; 13) здравоохранения; 14) ветеринарный. Помимо

этого, предусматривалось образование отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Важное место в системе органов государственной власти и государственного управления Калмыцкой автономной области принадлежало Центральному исполнительному комитету, избиравшемуся областным съездом Советов. Он являлся не только исполнительно-распорядительным, но и полномочным органом, наделенным всеми правами съезда, за исключением решать те вопросы, которые были отнесены только к компетенции областного съезда Советов. В своей деятельности Калмыцкий ЦИК был подотчетен съезду Советов области, ВЦИК и СНК РСФСР.

I Общекалмыцкий съезд Советов на последнем заседании, 9 июля, избрал Центральный исполнительный комитет автономной области в составе 28 членов, из них трое должны были быть делегированы представителями от Калмыкии в Наркомнац РСФСР и 10 кандидатов – в члены ЦИК. Кандидатуры в состав ЦИК были предложены делегациями улусов в количестве 28 человек, и каждый из них избирался на съезде персонально открытым голосованием. Из 38 членов и кандидатов в члены Калмыцкого ЦИК коммунисты получили 22 мандата (58%), и все они заняли ключевые позиции в исполнительных органах области. В состав Калмыцкого ЦИК входила единственная женщина – Б.С. Акугинова. Национальный состав Калмыцкого ЦИК представляли: 31 (81,5%) калмык, 7 (18,5%) русских, поскольку на съезде были в основном делегаты от калмыцких улусов и аймаков[25].

На первом заседании ЦИК, состоявшемся 19 июля 1920 г., создали постоянно действующий орган ЦИК – президиум. Он являлся не только высшим органом власти на территории области в период между сессиями ЦИК, но и его оперативным рабочим органом. В состав президиума избрали пять человек: председатель президиума – председатель ЦИК А.Ч. Чапчаев, секретарь – секретарь ЦИК Ф.И. Плюнов, три члена (У.Л. Лавгаев, Э.-А.К. Кекеев, Г.М. Манкиров). В связи с увеличением количественного состава ЦИК в начале 1925 г. число членов президиума было доведено до семи[26].

На одном из последних заседаний I Общекалмыцкого съезда Советов от его имени было принято “Обращение

I Общекалмыцкого съезда Советов к народам Востока". В этом Обращении была выражена суть восточной политики большевиков, которая преследовала геостратегические интересы нарождавшейся коммунистической империи. И советский Восток, в том числе калмыки как представители монгольских народов и как буддисты, рассматривался прежде всего в качестве "коридора" в мировую революцию. Поэтому не случайно в нем отмечалось, что "отныне колыбелью свобод для угнетенных всего мира является свободная Россия, советская и социалистическая Россия. От нее несутся призывные звуки набата, братские кличи, зовущие к освобождению всех угнетенных и порабощенных. Братья-буддисты! Спешите на зов, подымайте знамя революционной борьбы. Теснее смыкайте в ряды свою безмерно могучую, многомиллионную армию угнетенных и порабощенных. Идите в бой! Пробил час мести. ...Спешите организовывать свои красные полки, которые станут оплотом вашей свободы. Первый съезд вольного калмыцкого народа братски протягивает вам руку и зовет вас на священную борьбу, на решительную и последнюю борьбу за свободу всех трудящихся"[27].

В связи с этим образование Калмыцкой автономной области большевиками рассматривалось не только как решение национально-государственной жизни народов России, но и как часть своей восточной политики. Поэтому 14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), обсудив доклады делегации РСФСР на I съезде народов Востока (в том числе и представителей Калмыкии), приняло постановление "О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами". Политбюро поручало правительству РСФСР создать автономии "для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов..."[28]. В соответствии с постановлением Политбюро от 14 октября 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР 4 ноября 1920 г. утвердили решение I Общекалмыцкого съезда Советов об образовании автономной области калмыцкого народа.

Административно-территориальное устройство Калмыцкой автономной области в качестве специального раздела было включено в "Декларацию прав трудового калмыцкого народа". В соответствии с Декларацией, имеющей

силу акта конституционного значения, устанавливалось административно-территориальное устройство Калмыкии, основанное на национально-территориальном принципе. Согласно Декларации Калмыцкая автономная область образовалась в составе 10 улусов (Эркетеневский, Яндыко-Мочажный, Икицохуровский, Харахусовский, Хошеутовский, Багацохуровский, Манычский, Малодербетовский, Калмыцкий Базар, Большедербетовский), Кумского аймака Терской области и 13 станиц Донской области[29].

Это решение не явилось окончательным, закрепляющим административное устройство Калмыцкой автономной области. I Общекалмыцкий съезд Советов поручил Калмыцкому ЦИК решить вопросы определения границ области совместно с заинтересованными губисполкомами и представителями центральной власти, а также объединения мелких улусов и аймаков в более крупные единицы.

ВЦИК и СНК РСФСР, принимая 4 ноября 1920 г. постановление об образовании автономной области калмыцкого народа, учли решение I Общекалмыцкого съезда Советов. ВЦИК и СНК РСФСР поручили установление границ Калмыцкой автономной области специальной комиссии в составе представителей Наркомнаца, Наркомвнудела и Наркомзема с участием представителей заинтересованной национальности и заинтересованных губисполкомов.

После всестороннего рассмотрения данного вопроса с участием заинтересованных сторон, представителей вышеназванных наркоматов, административная комиссия ВЦИК 19 ноября 1920 г. окончательно разработала и приняла проект постановления о границах Калмыцкой автономной области, который 23 ноября 1920 г. предварительно рассматривался на заседании Совнаркома РСФСР. Данный документ без существенных изменений 25 ноября 1920 г. был утвержден, и тогда же было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР о границах автономной области калмыцкого народа.

ВЦИК и СНК РСФСР этим постановлением установили территорию Калмыцкой автономной области почти в соответствии с "Декларацией прав трудового калмыцкого народа", за исключением 13 станиц Донской области, не имевших территориальной связи с Калмыцкой автономной областью, и отдельных уточнений. В состав Калмыцкой автономной

области вошли Багацохуровский, Икицохуровский, Александровский (Хошеутовский), Харахусовский, Эркетеневский, Малодербетовский (за исключением Червленского и Северного аймаков, присоединенных к Черноярскому уезду Царицынской губернии), Яндыко-Мочажный, Манычский, Калмыцко-Базаринский улусы Астраханской губернии; волости Садовая, Обильная, Киселева, Заветная, Торговая, Валуевка, Ремонтная, Кресты, Кормовая, Приютная, Элиста, Булгун, Кюрюльта и Уланское Черноярского уезда Царицынской губернии, лежащие к югу от Абганеровской и Аксайской волостей; Большедербетовский улус Ставропольской губернии (за исключением Яшалтинской волости и поселка Князь-Михайловского по линии реки Джалга Средняя); часть территории Сальского округа Донской области, связывающая Большедербетовский улус с основной территорией Калмыцкой автономной области и расположенная между губернскими границами Ставропольской и Астраханской губерний и параллельно 46–30° южной широты Пулковского меридиана; Кумский аймак Терской области[30].

Таким образом, калмыцкий народ впервые в своей истории приобрел государственность в форме советской автономии с четкой системой административно-территориального устройства области. Вопросы установления точных границ между Калмыцкой автономной областью и соседними губерниями и областями решались довольно длительное время и завершились в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

Территория и границы Калмыцкой автономной области были установлены в основном в соответствии с хозяйственными и бытовыми условиями населения, принципами этнографическим и целостности территории Калмыцкой степи и Большедербетовского улуса. Не вошли в состав области Червленский и Северный аймаки Малодербетовского улуса, поскольку они глубоко вклинились в Черноярский уезд Царицынской губернии.

Вскоре в административно-территориальном делении Калмыцкой автономной области произошли значительные изменения. Необходимость улучшения управления, сокращения административных расходов, упорядочения землепользования привела в 1921 г. к укрупнению ряда улусов, аймаков и образованию Ремонтненского уезда. Вместо 10 улусов, 70 аймаков и волостей были образованы 8 улу-

сов, в том числе 1 уезд, и 47 аймаков и волостей. Икицохуровский и Харахусовский улусы были объединены в Икицохуровско-Харахусовский улус с пятью аймаками. На территории Багацохуровского, Хошеутовского улусов и Калмыцкого Базара образовался Приволжский улус в составе трех больших аймаков[31]. Таким образом, административно-территориальное устройство Калмыцкой автономной области до февраля 1923 г. состояло из Большедербетовского, Малодербетовского, Приволжского, Манычского, Яндыко-Мочажного, Эркетеневского, Икицохуровско-Харахусовского улусов, Ремонтненского уезда и Кумского аймака.

Однако данное административно-территориальное деление Калмыкии просуществовало недолго. По ходатайству Калмыцкого ЦИК 14 февраля 1923 г. постановлением ВЦИК административно-территориальное устройство Калмыцкой автономной области было утверждено в составе 8 улусов, 1 уезда, 41 аймака и 5 волостей[32]. По новому административно-территориальному делению разукрупнялся Приволжский улус и восстанавливались в прежних границах Багацохуровский, Хошеутовский, Калмыцко-Базаринский улусы. Кроме того, Эркетеневский улус был присоединен к Яндыко-Мочажному, в названии "Икицохуровско-Харахусовский" улус было опущено слово "Харахусовский", и улус стал именоваться "Икицохуровский", а территория осталась в прежних границах объединенных улусов. Однако в том же году Калмыцкий ЦИК вынужден был вернуться к вопросу о восстановлении Эркетеневского улуса, поскольку причины, приведшие к его ликвидации, были устранены. Постановлением Президиума ВЦИК от 14 января 1924 г. был восстановлен Эркетеневский улус в составе Северного, Центрального и Южного аймаков. Центром улуса было утверждено село Улан-Хол[33].

В феврале 1924 г. постановлением Президиума ВЦИК в состав Большедербетовского улуса были включены Яшалтинская, Эсто-Хагинская и Немецко-Хагинская волости Ставропольской губернии и образован в Манычском улусе Джедженкинский аймак. Таким образом, с января 1924 по май 1925 г. Калмыцкая автономная область состояла из 9 улусов (Багацохуровский, Хошеутовский, Яндыко-Мочажный, Эркетеневский, Манычский, Калмыцко-Базаринский, Икицохуровский, Большедербетовский и Малодер-

бетовский), 1 уезда (Ремонтненский), 44 аймаков и 6 волостей[34].

В 1925 г. в административно-территориальном делении Калмыцкой автономной области произошли существенные изменения. В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 25 мая 1925 г. Ремонтненский уезд, за исключением сел Садовое, Уманцево, Бислюрта, Троицкое (Булгун), Элиста, Вознесеновка (Кюрюльта) и Приютное, включался в состав Сальского округа Северо-Кавказского края[35]. После этого в административно-территориальном устройстве Калмыцкой автономной области до начала 1930 г. изменений не происходит, за исключением роста количества аймаков, сельских советов.

Окончательное установление границ, стабилизация улусного деления, расширение низовой сети органов власти Калмыцкой автономной области в период 1920–1929 гг. способствовали восстановлению народного хозяйства Калмыкии, приближению аппарата управления к населению. Но установившееся улусное деление не позволяло создать экономически организованные районы.

Сразу же после образования Калмыцкой автономной области большевики Калмыцкой степи приступили к организованному оформлению партийной организации. 12 декабря 1920 г. в Астрахани состоялась партийная конференция коммунистов Калмыкии на правах уездной организации. Секретарем Калмыцкого уездного комитета партии был избран астраханский рабочий-бондарь Н.Х. Завертяев.

Уездком партии совместно с президиумом Калмыцкого ЦИК организовали и провели 18–20 февраля 1921 г. I Калмыцкую областную учредительную партийную конференцию. На эту конференцию от местных партийных ячеек, представлявших около 300 коммунистов, были избраны 48 делегатов. Наряду с решением организационных вопросов партийная конференция заслушала информационные доклады о хозяйственном строительстве страны, работе Калмыцкого ЦИК, об истории РКП(б), а также обсудила и приняла решения по вопросам организации калмыцких военных частей и борьбы с бандитизмом, работы среди женщин.

Обсуждение и принятие конференцией решений свидетельствовали о том, что партия приобретала черты не только

политической организации, но и государственной с функциями, присущими государственным учреждениям исполнительно-распорядительного и контрольного характера. Поэтому партийная конференция значительное внимание уделила восстановлению экономики, развитию земледелия, предстоящей посевной кампании.

В последний день работы, 20 февраля, партконференция выбрала областной комитет партии в составе 11 членов (А.Г. Мещеряков, Б.С. Акугинова, А.Ч. Чапчаев, А.М. Амур-Санан, А.Г. Маслов, У.Л. Лавгаев, Х.О. Отхонов, Г.М. Манкиров, Кононенко, Сухов, Филатов) и 3 кандидатов в члены обкома (Б.М. Кожиев, Э.А. Кекеев, В.В. Толкунов). Из 14 членов и кандидатов в члены обкома партии 9 человек (63%) являлись членами Калмыцкого ЦИК, избранного I Общекалмыцким съездом Советов. Таким образом, с момента образования партийные органы Калмыкии начали организационно сращиваться с органами государственной власти.

Обком избрал президиум и контрольную комиссию. Президиум был избран в составе шести человек (ответственный секретарь А. Чапчаев), которые все были членами Калмыцкого ЦИК. Конференция выбрала на X съезд РКП(б) от Калмыцкой партийной организации двух делегатов с правом решающего голоса – А.Ч. Чапчаева и Е. Солодухина[36].

Несмотря на малочисленность партийной организации, Калмыцкий обком партии по статусу был приравнен к областным с непосредственным подчинением ЦК РКП(б) на принципах демократического централизма и введен в структуру партийного управления. В целях жесткого контроля за политическим состоянием в области и строительством нового, социалистического строя – ЦК РКП(б) в начале 1922 г. "рекомендовал" секретарем Калмыцкого обкома И.Р. Марбуш-Степанова, год пробывшего в Калмыкии в качестве представителя Наркомнаца РСФСР. Он сразу же был "избран" в состав президиума Калмыцкого ЦИК и возглавил Военное совещание по борьбе с кулацкой контрреволюцией. В 1921 г. в Калмыкии, как и в некоторых регионах страны, появились признаки социально-политического и хозяйственного кризиса, порожденного прежде всего политикой военного коммунизма, системой продразверстки. Не-

довольство крестьян-хозяйственников вылилось в организованные вооруженные выступления, к которым присоединились и остатки разгромленных вооруженных отрядов из соседних губерний и областей.

В условиях нависшей опасности большевики сумели мобилизовать беднейшие слои населения и имеющиеся ресурсы на борьбу с контрреволюцией и жестоко расправились с теми, кто требовал свободного распоряжения продуктами своего труда.

В этой сложной политической и экономической обстановке коммунистическая партия, как известно, совершает тактический маневр, направленный на укрепление советской власти и на выполнение плана построения социалистического общества. В соответствии с решениями X съезда РКП(б) в стране осуществляется переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике, означавший замену продразверстки продналогом. Согласно марксистско-ленинской концепции "некапиталистического развития" X съезд РКП(б) принимает партийно-государственную программу реализации национальной политики, рассчитанную на форсированный прыжок "из феодализма в социализм".

Партийные и советские органы Калмыкии, используя все рычаги идеологического воздействия, начали проводить массовую работу по пропаганде новой экономической политики, обладая всей полнотой власти, развернули активную работу по восстановлению народного хозяйства области. На состоявшихся в 1921–1922 гг. партийных конференциях и областных съездах Советов обсудили и наметили меры по экономическому возрождению области, в первую очередь ее основной отрасли – животноводства. Наряду с этим ставилась задача увеличения посевных площадей, проведения кооперирования крестьянских хозяйств и развития всех видов государственной и кооперативной торговли, а также восстановления и развития рыбной промышленности. Ставя эти задачи, партийные и советские органы объективно признавали, что экономические силы области сильно подорваны и поэтому без государственной помощи невозможно будет восстановить ее экономику[37].

Тяжелое положение, сложившееся в экономике области в результате гражданской войны и политики военного ком-

мунизма, усугубилось засухами 1921–1922 гг. В 1922 г. в Калмыкии недоедало более 90% населения, и она была причислена к остро нуждающейся области. Советское правительство, создав специальный орган для борьбы с голодом в стране – Центрпомгол, выделило Калмыкии из своих скудных фондов товары первой необходимости: муку, семена, чай, различные крупы, керосин, спички и т.п. Некоторые губернии, области пришли на помощь Калмыкии. Только в декабре 1921 г. из Орловской, Оренбургской губерний, а также из Нальчика и Баку было доставлено свыше 56 тыс. пуд. хлеба, 3 вагона крупы, около 6 тыс. пуд. картофеля, овощей и других продуктов[38]. В целях накопления денежных средств Совнарком РСФСР разрешил Калмыкии отчислять в местный бюджет 90% всего сбора налогов. В том же 1921 г. правительство в виде долгосрочной ссуды выделило области 62 150 пуд. семенного материала (пшеницы, ячменя, проса), 11 372 шт. различного сельхозинвентаря – плуги, сеялки, сенокосилки, бороны, серпы и т.д. Важное значение имело в числе этих мер временное освобождение ВЦИК и СНК РСФСР калмыков от всеобщей воинской обязанности.

Посильную помощь оказали Воронежская, Курская области, Бурят-Монгольская, Грузинская республики, направив калмыцкому народу 57 вагонов хлебопродуктов и около 300 руб. золотом, а также Монгольская Народная Республика. Но власти Калмыкии понимали, что проблему голода не решить подобным методом, следовало развивать свою экономику. Наряду с восстановлением животноводства, развитием земледелия стали приниматься меры по оснащению рыбной промышленности, являвшейся одним из основных источников доходной части бюджета, а также дающей продукцию населению.

Одновременно с введением новой экономической политики, несмотря на разрешение крестьянину-труженику свободно распоряжаться излишками своей продукции, торговля в области переходит под контроль государства через потребительскую кооперацию и государственную сеть, которые сразу же стали вытеснять частника. С введением нэпа, т.е. с марта 1921 г., торговые операции в области стала проводить потребительская кооперация. В октябре 1921 г. был организован Калмыцкий областной союз потребительских

обществ, объединивший 12 потребительских обществ с охватом 72 тыс. человек. Но тем не менее еще в 1923 г. до 88% розничной торговли принадлежало частнику.

Обкомом партии была дана местным партийным организациям жесткая установка по вовлечению населения в потребкооперацию: каждый член партии на селе должен был записаться в кооператив и вовлечь туда батраков, бедняков и середняков. Поэтому уже в 1922 г. крестьяне области через кооперацию, а не на свободном рынке продали государству 13 057 пуд. шерсти, 5638 пуд. кожевенного сырья, 7169 шт. овчин, 942 головы крупного рогатого скота и 27 779 пуд. рыбы[39]. Через потребкооперацию по государственным ценам крестьяне вынуждены были приобретать сельскохозяйственные машины, мануфактуру и т.д. Таким образом, введение потребительской кооперативной торговли сковывало инициативу крестьян в развитии их коммерческой деятельности, приучало к социалистической системе хозяйствования – плановому распределению, к иждивенчеству.

В целях создания базы социалистического строительства на селе и контроля за этим процессом в ноябре 1921 г. повсеместно в Калмыкии были организованы комитеты крестьянской взаимопомощи (ККОВ). В основе их деятельности лежал классовый подход (хотя в будущем этот принцип абсолютно не помешал коллективизировать их имущество, а самих хозяев раскулачить). Комитеты помогали крестьянам беднякам и середнякам расширять посевы, засевать пашни, убирать урожай, выдавали им на льготных условиях различные ссуды, защищали их правовые интересы. Этой задаче в годы нэпа была подчинена и политика государства по разрешению ограниченной аренды земли, привлечению наемного труда, оформленного договором и под контролем профсоюзов. Государство, допуская ограниченный рост бедняцко-середняцких хозяйств, строго пресекало развитие крупных частных хозяйств на селе. Поэтому уже к 1925 г. количество хозяйств, имеющих скота до 2 голов, составило 18%; от 2 до 20 – 69%; от 20 до 50 – 6%; от 50 и более – 2%; не имеющих скота – 5%. Таким образом, 87% хозяйств имели скота от 1 до 20 голов; немного окрепнув, они могли составить экономическую базу социалистического строительства на селе. Эти данные говорят еще и о том, что пре-

следовалась очень важная цель социализма – установление единого уровня жизни населения.

Партийные и советские органы области, понимая, что без серьезной поддержки государства невозможно восстановить экономику, обратились к центральным органам власти с просьбой содействовать развитию рыбной промышленности путем закрепления ранее принадлежавших калмыкам рыбных промыслов и угодий, а также выделить средства на развитие земледелия и животноводства. В 1923 г. СНК РСФСР предоставил Калмыкии на восстановление сельского хозяйства кредит в сумме 2 486 473 руб., на закупку сельхозтехники – 41 608 руб., семенную ссуду в размере 55 927 пуд., на приобретение рабочего скота – 997 072 руб. Кроме того, область была освобождена от уплаты ссуды в размере 131 тыс. пуд. зерна, полученной ею в 1920–1921 гг., от продовольственных поставок в 1922 и 1923 гг.[40]

Благодаря значительной помощи государства и эффективному использованию внутренних ресурсов в 1923 г. появились положительные тенденции в развитии экономики области. Поголовье скота к 1923 г. увеличилось до 156 940 голов по сравнению с 1920 г., когда оно составляло 126 101 голову. Однако численность скота в 1923 г. составляла всего 12,2% поголовья продуктивного скота Калмыкии в 1916 г. (1 289 800 голов). В то время как в России численность продуктивного скота в 1923 г. составляла 76,3% поголовья в 1916 г. (91 300 тыс.)[41]. Посевные площади Калмыкии в 1923 г. составили 18 938 дес., что по сравнению с 1920 г. увеличились в 2,3 раза. Однако довоенный уровень посевных площадей далеко не был восстановлен. В 1923 г. по сравнению с 1913 г. было засеяно десятин почти в 4–4,5 раза меньше.

В эти же годы начался перевод калмыцкого населения на оседлый образ жизни. Эта проблема ставилась и решалась как часть социалистического строительства. Не отрицая значения целенаправленной работы по землеустройству и землепользованию, строительству водоемов, мелиоративных сооружений в оседании калмыцкого населения, все же следует сказать, что в этом процессе не менее значимым фактором явилось значительное уменьшение поголовья скота, ухудшение экономического положения населения. В связи с этим происходила смена форм хозяйствования.

Кроме того, засушливые годы (1921, 1922, 1924) показали, что в результате значительного сокращения пастбищ потерялась маневренность ведения кочевого хозяйства. Поэтому правомерно отмечалось в докладе Калмыцкого ЦИК, представленном в мае 1923 г. в Президиум ВЦИК, что "после голода 1922 г. калмыки рьяно принялись за земледелие, среди них развивается коллективизация, стали массами переходить к оседлости"[42]. Если в 1923 г. в области перешло на оседлый образ жизни около 470 кочевых хозяйств (1875 человек), то с ноября 1925 по апрель 1926 г. – 13 726 хозяйств, или почти половина кочевых калмыков. А всего к началу 1926 г. перешло на оседлый образ жизни 17 365 хозяйств (55,8%). В ускорении перевода кочевых хозяйств к оседлости, несомненно, положительное значение имело постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 23 марта 1925 г. "О землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Калмыцкой автономной области". Согласно этому документу в 1925/26 бюджетном году области было выделено 375 тыс. руб.[43]

В план строительства социализма, как известно, входило кооперирование крестьян сначала по линии сбыта и снабжения, а затем и в области производства. На начальном этапе кооперация в Калмыкии носила интегральный характер, т.е. в одном союзе были сосредоточены потребительская, сельскохозяйственная, кустарно-промысловая и иные. К концу 1926 г. функционировали 42 кооператива, из них 22 потребительских общества, 19 кредитно-сельскохозяйственных и одно рыбопроизводственное товарищество, которые охватывали 10 795 членов, или 30,4% всех крестьянских хозяйств области. Удельный вес потребительских обществ в товарообороте области уже занимал до 40%, а государственной торговли – всего лишь 3%[44]. Развивая все виды кооперации, партийные и советские органы области преследовали цель не только улучшить снабжение населения, но и обеспечить господствующее положение государственной и кооперативной торговли; постепенно приучать крестьян к коллективному ведению хозяйства.

В сложных условиях строительства социализма, когда при слабой базе были допущены элементы капиталистической экономики, партийные органы Калмыкии, поднимая свою роль в руководстве всеми сферами жизни общества,

серьезно занялись расширением и укреплением всех звеньев политической системы области как своей опоры и "приводных ремней". Прежде всего было обращено внимание на формирование социалистических общественных организаций, однотипных по своей классовой природе и выступающих как орудия классовой борьбы, – это профсоюзы и комсомол.

Одно из важных мест в системе политической организации области принадлежало профсоюзам, организационно оформленным в сентябре 1921 г. во главе с Калмыцким областным советом профсоюзов. К началу 1922 г. в области действовали три отраслевых профессиональных союза (рабочих и служащих земли и леса, рабочих рыбной промышленности, просвещения и медицины), объединявшие в своих рядах 2568 человек. А к концу 1925 г. было уже семь отраслевых профсоюзов, в которых состояло 5640 человек. С первых дней своей деятельности профсоюзы области не только выступили как защитники интересов рабочих и служащих, но и проявили активность в укреплении их трудовой и исполнительской дисциплины, в повышении эффективности общественного производства, стали подлинными проводниками идей партии большевиков в массы трудящихся.

Областная партийная организация особое внимание уделила вовлечению молодежи в социалистическое строительство и ее воспитанию. В целях придания организованного характера юношескому движению в феврале 1921 г. молодежь области по классовому принципу начала вступать в единую организацию – комсомол, ставший первым объединением, сплотившим на единой идеологической основе массы молодежи Калмыкии. В момент образования областного комсомола в нем насчитывалось всего 240 членов. Однако в последующие годы его численный состав увеличивался быстрыми темпами. К концу 1925 г. областной коммунистический союз молодежи объединял уже 2861 человека[45]. Областная партийная организация, рассматривая молодежь как активную силу социалистического строительства, серьезно была озабочена ее воспитанием, являвшимся составной частью борьбы за революционное преобразование калмыцкого общества, за построение социализма.

Несмотря на огромные затраты, экономика Калмыкии восстанавливалась медленными темпами, за исключением

рыбной промышленности, специализировавшейся на заготовке рыбы-сырца, так как отсутствовала переработка. Но тем не менее рыболовство, хотя оно было восстановлено всего на 35%, позволяло обеспечить некоторую часть населения работой. В 1926 г. на рыбных промыслах области работало 1632 человека, из них 57,6% составляли рабочие коренной национальности[46].

Поголовье скота в области к концу 1925 г. по сравнению с 1920 г. увеличилось почти в 2 раза и составило 241 056 голов. Однако относительно к уровню 1916 г. поголовье скота в 1925 г. составило всего 18,7%. За это же время посевные площади увеличились в 4,5 раза и составили 38 073 дес. (41 500 га), что равнялось одной трети довоенного уровня. Однако и урожайность с гектара была очень низкой – всего 4,6 ц.

В то время как по стране процесс восстановления хозяйства в основном был завершен и сельское хозяйство дало к концу 1925 г. 87% объема довоенной продукции, экономика Калмыкии в силу вышеназванных причин была восстановлена только на 35%.

Слабость экономической базы не позволяла в достаточной степени выделять средства на развитие социальной инфраструктуры области. Но тем не менее, несмотря на скудность ресурсов, в эти годы наметились позитивные тенденции в сфере образования, культурного, медицинского обслуживания населения. В 1925/26 учебном году по сравнению с 1920/21 г. количество школ увеличилось с 21 до 92, учителей – до 477 человек. В том же учебном году через 79 пунктов ликвидации неграмотности прошли обучение около 1500 человек. В хотонах и селах области были открыты 12 библиотек и клубов, 41 изба-читальня, которые в первую очередь вели пропагандистскую и идеологическую работу среди населения[47].

В эти же годы появились позитивные сдвиги в медицинском обслуживании населения. Если в 1920 г. в Калмыкии работало всего 4 врача и 45 фельдшеров, то в 1926 г. функционировало 29 медицинских учреждений с 30 врачами, 82 средними медработниками и 10 фармацевтами, общее количество коек-мест составило 387. Однако если учесть население области (в 1926 г. оно составило 141 594 человека) и количество населенных пунктов (627 сел, поселков, хуто-

ров, хотонов, улусных ставок, места рыбных промыслов, хурулов, отдельные урочища)[48], то средние показатели развития социальной инфраструктуры области были весьма низки и несопоставимы с показателями по РСФСР.

Партийные органы области уделили серьезное внимание становлению и развитию средств массовой информации. Если до 1926 г. в Калмыцкой области выходила только одна печатная газета "Улан Хальмг" ("Красный калмык"), то с 1926 г. начали издаваться газета "Красная степь" с приложением на калмыцком языке, "Калмыцкие известия", журналы "Ойратские известия", "Вестник обкома РКП(б)", "За работу", "Калмыцкая степь". Эти печатные издания преподносились партийными органами как обретение калмыцким народом голоса, как значительный шаг в его культурном развитии. Не отрицая положительного значения печатных изданий в жизни калмыцкого народа, особенно если учесть, что до этого времени они вообще не издавались, все же следует заметить, что на самом деле они являлись идеологическим, пропагандистским оружием партии.

В первые же годы советской власти было положено начало формированию национальных кадров и интеллигенции на основе новой, социалистической идеологии, в их подготовке огромную роль сыграли первые учебные заведения Калмыцкой автономной области – педагогический и сельскохозяйственный техникумы, партийно-советская школа.

Однако ЦК ВКП(б), озабоченный медленными темпами социализации Калмыкии, в конце 1925 г. проанализировал работу ее партийных и советских органов. В принятом постановлении ЦК ВКП(б) рекомендовал обкому партии поднять идеологический уровень пропагандистской работы, расширить партийную организацию области за счет приема батраков, бедняков и середняков села, усилить влияние на работу местных советов. Несмотря на высокие темпы роста, областная партийная организация к концу 1928 г. по сравнению с 1924 г. увеличилась с 570 до 1759 членов, т.е. в 3,1 раза, в то время как по стране – в 1,7 раза[49]) оставалась малочисленной и по своему качественному составу весьма слабой (рабочие и крестьяне составляли 78% и были в основном неграмотные).

В перевыборной кампании 1925 г. стала более заметной роль партийных организаций, стремившихся взять в свои

руки процесс формирования органов власти. Центральным комитетом партии была поставлена задача сделать их представительными органами не всего населения, а рабочего класса и трудового крестьянства, коммунистов и комсомольцев. Поэтому не случайно в избирательные комиссии включались представители от партийных, комсомольских организаций, возглавляли их высшие должностные лица, входящие в составы партийных органов. Таким организационным путем партия подчиняла себе избирательные комиссии. Центральная избирательная комиссия Калмыкии во главе с заместителем председателя Калмыцкого ЦИК, членом обкома партии Б. Очировым была утверждена 23 июля 1925 г. Калмыцким ЦИК по рекомендации Калмыцкого обкома партии.

В советской историографии по данному вопросу справедливо отмечалось, что партийные органы как в центре, так и на местах серьезно и много занимались подготовкой и проведением выборов в советы. Так, в августе 1925 г. Калмыцкий обком на своем пленуме и специальном совещании рассмотрел вопрос о перевыборной кампании советов.

Аналогичные мероприятия были проведены улусными комитетами партии. В селах, аймаках состоялись предвыборные собрания, где главную роль играли коммунисты, комсомольцы, батрацко-бедняцкая часть населения.

При подготовке перевыборной кампании 1925 г. особое внимание обращалось не только на формирование органов местной власти, но и на состав самих избирателей, где основным критерием определения их состава был классовый подход. В результате такого принципа формирования некоторая часть населения (до 2%) лишалась активного и пассивного избирательного права. В 1925 г. в Калмыкии были лишены избирательного права 1174 человека, что составило 1,4% всех избирателей (82 978 человек). Но если сравнить с 1924 г., то количество избирателей, лишенных права голоса, в 1925 г. уменьшилось на 690 человек.

Одновременно принимались меры к развитию "заорганизованных" демократических принципов формирования представительных органов (повышение активности избирателей, участие женщин, молодежи, регулирование возрастного, социального, партийного, национального состава и т.п.). Проведенные мероприятия позволили поднять уро-

вень участия избирателей в перевыборной кампании 1925 г. Если в выборах местных советов в 1924 г. приняло участие 26,5% выборщиков, то в 1925 г. этот показатель возрос до 32,6%. Увеличился процент участия женщин в выборах – с 10 до 18,2.

Благодаря целенаправленной работе партийных органов в местных советах области было обеспечено явное преобладание представителей батрацко-бедняцкой части крестьянства (в сельских советах из 381 депутата к этой категории относились 302 (79,2%), в аймачных исполкомах – 58 (64,9%) из 104 членов исполкомов, в улусных исполкомах – 44 (27,1%) из 162 членов, а вместе с рабочими составили 104 человека, или 63,5%). В пределах возможного было увеличено присутствие членов партии и комсомольцев в составе исполнительных органов местных советов: сельских – 53 (13,9%), аймачных – 54 (52%), улусных – 103 (63,5%). Такой состав обеспечивал партийным органам влияние на местные советы. Классовый подход к формированию исполнительных органов местных советов негативно отразился на образовательном уровне их членов. В сельские советы были избраны малограмотные и неграмотные – 230 депутатов (60,3%), в аймачные исполкомы – 33 (31,7%), в улусные исполкомы – 43 (26,5%).

Перевыборная кампания советов Калмыкии 1925 г., начавшаяся в августе, завершилась IV областным съездом Советов, проходившим с 17 по 22 октября. Съезд Советов, рассмотрев важные вопросы хозяйственной и культурной жизни области, избрал постоянно действующий в период между съездами орган – Калмыцкий ЦИК в количестве 35 членов. Кандидатуры в состав центрального органа власти предварительно были обсуждены и рекомендованы фракцией коммунистов съезда. От имени фракции предложение по кандидатам внес И.К. Глухов, ответственный секретарь Калмыцкого обкома партии. Съездом было принято решение не обсуждать предложенные кандидатуры, а проголосовать открыто в целом по рекомендованному списку.

В результате такого голосования все кандидатуры были избраны единогласно. В связи с тем что в составе Калмыцкого ЦИК большинство мест (69,2%) принадлежало членам ВКП(б), он становился государственно-партийным органом, работающим под руководством обкома партии.

В 1928 г. низовая система органов государственной власти Калмыцкой автономной области подверглась преобразованию, т.е. вместо аймачных (48) и сельских (29) советов была установлена единая система – сельские советы (97). Сложная, громоздкая система перевыборов (собрания аймаков, съезды аймачных советов) предыдущих лет была заменена простым собранием (перевыбором) сельских советов. Отчетная и перевыборная кампания 1928 г. проходила под политическим лозунгом "критики и самокритики", и основной целью ставилось укрепление блока бедноты, батрачества и середняков против кулаков в деревне. Хотя намечалась задача сформировать демократическим путем органы народной власти, перевыборы откровенно рассматривались и проводились как политические, классовые мероприятия.

В 1928 г. в собраниях по перевыборам сельских советов области приняло участие 41 502 избирателя (54,6%). По стране этот показатель был несколько выше – 63,5%. Таким образом, в предвыборной кампании местных советов в 1928 г. не участвовало 34 475 человек (45,4%), в том числе женщин – 21 187 (60,1%), лишенных избирательных прав – 4492 человека (5,6%)[50].

В ходе перевыборной кампании 1928 г. в состав 97 сельских и поселковых советов области было выбрано на собраниях избирателей открытым голосованием по спискам 2892 человека, в том числе женщин – 478 (16,5%), калмыков – 2297 (79,6%), русских – 513 (17,6%), немцев, эстонцев – 67 (2,4%). Число коммунистов и комсомольцев по сравнению с предыдущим годом увеличилось с 15,2 до 19,2%, а представительство крестьян уменьшилось с 90,4 до 72,3%. Однако грамотность членов сельских советов области оставалась по-прежнему низкой (в 1927 г. неграмотных было 34,3%, в 1928 г. – 36,1%).

В укреплении партийных и советских органов национальных районов партия большевиков в 1920-е годы отводила особое место политике коренизации, рассматривая ее как составную и неразрывную часть общей политики по национальному вопросу. Считая эту проблему чрезвычайно важной, ЦК ВКП(б) поручил Президиуму ВЦИК взять ее под контроль. В феврале 1924 г. при Президиуме ВЦИК образовывается Комиссия по переводу делопроизводства на местные языки из представителей народных комиссариатов

финансов, просвещения, внутренних дел и ЦСУ РСФСР под руководством В.А. Аванесова, заместителя наркома РКИ РСФСР. Комиссия подготовила и внесла во ВЦИК план мероприятий по внедрению родного языка в делопроизводство государственных органов автономных республик и областей[51].

14 апреля 1924 г. ВЦИК утвердил эти мероприятия и принял постановление "О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки"[52]. В нем говорилось: в целях приспособления советского аппарата в национальных республиках и областях к быту коренного населения и привлечения населения к активному советскому строительству считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки. Для этого предлагалось вести подготовку и переподготовку местных работников, осуществить перевод делопроизводства на местный язык. Но ведение делопроизводства на родном языке коренной национальности ни в коем случае не должно было усложнить работу центральных органов РСФСР.

В апреле 1924 г. функции Комиссии по переводу делопроизводства на местные языки были переданы отделу национальностей при Президиуме ВЦИК, образованному в том же году в связи с упразднением Наркомнаца. Теперь отдел был призван не только учитывать нужды и потребности народов национальных окраин, своевременно оказывать им необходимую помощь в подъеме хозяйственного и культурного уровня, но и руководить работой по совершенствованию государственного аппарата автономных образований.

В связи с отсутствием квалифицированных канцелярских чиновников и средств коренизация в Калмыкии в 1921–1926 гг. ощутимых результатов не дала. Одна из причин заключалась в том, что эту проблему отдельные работники центральных органов понимали упрощенно и стремились к насаждению на руководящие должности всех органов государственной власти исключительно представителей коренной национальности. Некоторые понимали эту политику как обеспечение баланса представителей от национальностей области в государственных, партийных, хозяйственных учреждениях, вплоть до сторожей, истопников, уборщиц.

Попытка реализации политики коренизации дала несколько неожиданный негативный эффект. Она способствовала в какой-то степени проявлению на местах национализма и вызвала ответную реакцию шовинизма.

Однако коренизация имела и некоторые положительные результаты, особенно если учесть, что грамотность трудоспособного калмыцкого населения к 1925 г. составляла всего 9,3%. Имеется в виду переподготовка и подготовка советских государственных чиновников. В Калмыцкой автономной области в 1921 г. начала работать областная совпартшкола, подготовившая к 1925 г. для работы в партийных и советских учреждениях 232 человека, из них калмыков почти 70%. Но тем не менее острый недостаток квалифицированных кадров коренной национальности чувствовался в областном аппарате управления. Это видно из приводимой таблицы (по состоянию на 1925 г.).

Наименование учреждения	Число служащих, в том числе	
	калмыков	русских и др.
ЦИК Калмыцкой автономной области	3	23
Президиум облсовпрофсоюзов	4	3
Прокуратура	3	25
Облсоюз потребительских обществ	17	62
Облсуд	14	43
Облотдел народного образования	2	6
Облплан	6	9
Облфинотдел	7	74
Отдел труда	3	2
Облсоцобес	1	3
Облземуправление	10	70
Облстатбюро	–	11
Облотдел РКИ	3	10
Административный отдел	13	28
Облвоенкомат	1	20
Итого	87 (18,3%)	349 (81,7%)

Одновременно началась переподготовка работников низовых советских органов по 300-часовой программе, которая большей частью была рассчитана на получение политического образования.

Однако постепенно разрешение задач коренизации государственного аппарата было сведено к общей подготовке национальных кадров, ликвидации неграмотности населения, преподаванию калмыцкого языка в школах. Что касается перевода делопроизводства на родной язык, то этот вопрос оказался сложным и трудным (слабость финансовой базы, чехарда с выбором национальной письменности, затруднение переписки, особенно с центральными учреждениями, аппарат управления области увеличивался на 10% и т.д.). Не дал положительного эффекта проведенный в 1927 г. по предложению областной комиссии по коренизации учреждений эксперимент по ведению делопроизводства на калмыцком языке во всех учреждениях Хошеутовского улуса и в отдельных аймаках еще трех улусов.

Политика коренизации в Калмыкии (да и в целом по стране) к концу 1920-х – началу 1930-х годов начала сворачиваться и без всяких директив "затухла". Подводя итог, можно сказать, что истинная цель коренизации в национальных районах была, говоря словами известного советского деятеля Г.К. Орджоникидзе, в создании аппарата управления, управляемого и руководимого партией, проводящего "ее решения без волокиты, без задержек, не извращая их классового характера"[53]. Эти задачи, стоящие перед партией большевиков, к тому времени были выполнены – сложился единый партийно-государственный аппарат управления.

Если в стране довоенный уровень экономики был восстановлен, по заключению партии, к началу 1926 г., то в Калмыкии, несмотря на постоянную помощь государства, этот процесс затянулся до конца 1920-х годов. В 1928 г. поголовье всех видов скота в области составило 1 238 754 головы, в том числе продуктивного – 1 209 710 голов, лошадей – 23 692 (32,9% от уровня 1913 г.), верблюдов – 5352 (25,5% от уровня 1913 г.). Поголовье продуктивного скота области в 1928 г. по сравнению с 1916 г. составило 87,3%. А по стране за этот же период количество продуктивного скота увеличилось на 28,5%[54].

В 1929 г. крестьянство Калмыкии засеяло 73 749 га зерновых и технических культур, что составило 102,4% площади посева 1917 г. А если сравнить с 1923 г., то посевные площади области увеличились в 8,9 раза. Доля хозяйств области,

занимающихся земледелием, составила 17%, а скотоводством – 75%, остальные 8% приходились на рыболовецкий промысел.

Рост капитальных вложений позволил несколько поднять рыбную промышленность. Во всех категориях хозяйств (государственной и кооперативной) рыболовецкий флот области с 1925 по 1929 г. вырос почти в 2 раза (с 1165 до 2306 единиц). В 1928 г. государственной и кооперативными организациями было выловлено и переработано рыбы в 3 раза больше, чем в 1925 г. Однако довоенный уровень рыбной промышленности еще не был достигнут (составил 90%)[55].

В эти трудные годы немалое внимание обращалось на развитие социальной инфраструктуры области, в том числе на расширение сети медицинских учреждений. К 1929 г. количество лечебных, профилактических учреждений по сравнению с 1926 г. увеличилось почти втрое и составило 82, в том числе 14 больниц, 36 фельдшерских пунктов, 19 врачебных участков, 3 специализированных диспансера, 10 лечебно-профилактических учреждений матери и ребенка. Значительно увеличилось количество медицинских работников: врачей – с 30 до 63, фельдшеров – с 82 до 113. Если рассматривать все эти данные по темпам роста, то цифры действительно впечатляющие. На самом деле медицинское обслуживание было ничтожно (одно койко-место на 425 человек). Население области с 1926 по 1929 г. возросло с 141 594 до 169 730 человек, в том числе калмыков – с 107 026 до 118 614 человек, т.е. на 10,8%. Следует заметить, что профилактическое, лечебное обслуживание населения тесно увязывалось с идеологической, пропагандистской работой – с чтением лекций о советской власти, о культуре быта, санитарии, равноправии женщин, о преимуществе коллективного ведения хозяйства. Профилактическое и медицинское обслуживание велось как массовая кампания, с планами, заданиями, плакатами, лозунгами, с отчетами во всех инстанциях. В связи с этим большее внимание обращалось на количество населения, охваченного профилактическим и медицинским обслуживанием, чем на результаты этой работы.

"Приобщению к социализму" была подчинена задача ликвидации неграмотности взрослого населения области,

которая ясно была сформулирована в декрете СНК РСФСР от 26 декабря 1919 г. "О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР". В нем указывалось, что "в целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны" вменяется в обязанность всем в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющим читать и писать, обучаться на родном или русском языке по желанию. Для реализации этой задачи в 1920 г. были образованы при Наркомате просвещения РСФСР отдел просвещения национальных меньшинств и Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (декрет СНК РСФСР от 19 июля 1920 г.).

В связи с экономическими трудностями, отсутствием финансовых средств ликвидация неграмотности в Калмыкии началась в 1922–1923 гг. Эту работу возглавила областная чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Основной базой обучения служили так называемые ликвидационные пункты (ликпункты), располагавшиеся, как правило, в кибитках, землянках. Таких ликпунктов в 1923–1924 гг. было организовано 56, в них элементарные навыки читать и писать получили 360 человек, а в 1927–1928 гг. уже функционировало 90 ликпунктов, в которых ликвидировали свою безграмотность 9 тыс. человек. Всего за этот период обучение прошли около 15 тыс. человек. Ликвидация неграмотности проводилась в основном как политическая кампания, преследующая идеологические цели – формирование социалистического образа жизни, мировоззрения. Основной массе простого населения, ранее не знавшей, что такое грамотность, конечно, импонировала политика новой власти по ликвидации неграмотности.

Советская власть ставила цель не только ликвидировать безграмотность, проводить, внедрять идеи социализма, но и готовить, воспитывать образованных строителей нового общества, обеспечить доступ к знаниям трудящимся страны. Эта задача уже возлагалась на государственную систему образования, которая начала складываться в Калмыкии, как часть общегосударственной, с 1920 г. В 1920/21 учебном году в области функционировали 93 школы, в основном начального образования, в них обучалось 5950 учеников (19,5% от количества детей школьного возраста). Обучением школьников было занято 148 учителей, закончивших в

основном краткосрочные педагогические курсы и двухгодичные курсы в Астрахани.

Благодаря значительной финансовой поддержке центра, целенаправленной работе по подготовке педагогических кадров, оказанной помощи в обеспечении учебно-методической литературой школьная сеть области к 1929 г. увеличилась до 187 школ и обучающихся детей составил 40% (10 485 учащихся). В школах области в 1929/30 учебном году работало уже 239 учителей. Подготовка педагогических кадров осуществлялась в Калмыцком педагогическом техникуме (образован в 1923 г.), в педагогических вузах страны. Начало новому качественному этапу развития образования в области положило калмыцкое отделение при педагогическом факультете Саратовского государственного университета, открытое в 1929 г. В это же время началась подготовка высококвалифицированных специалистов во многих высших учебных заведениях страны. Если в 1921/22 учебном году в вузах страны обучалось всего 5 посланцев Калмыкии, то в 1929/30 учебном году – 179 человек[56].

Основными проводниками политической, идеологической пропаганды в Калмыцкой области стали политико-просветительные учреждения, выполнявшие функции и культурно-массового воспитания. В 1921 г. в области работало 17 народных домов, 19 библиотек, 6 изб-читален. Широко были использованы передвижные красные кибитки как активная форма политико-просветительной работы. Партийная организация области, придавая чрезвычайно важное значение политическому просвещению населения, идеологической пропаганде, постоянно развивала и укрепляла политико-просветительные учреждения, являвшиеся центрами массовой работы на селе. В 1929 г. в области работало 29 библиотек, в том числе 1 областная, 9 улусных, 19 сельских, 52 избы-читальни в улусных центрах имели стационарные киноустановки, а села обслуживали 16 передвижных киноустановок. В том же году в Элисте был организован первый передвижной калмыцкий театр[57].

Решению задач социалистического строительства – индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства – был подчинен повсеместный переход к новой системе административно-территориального устройства, основанной на принципах экономического районирования.

Кроме того, эти мероприятия должны были способствовать укреплению и усилению роли местных советов в решении хозяйственных и социально-культурных вопросов.

В соответствии с решениями XII съезда РКП(б) экономическое районирование страны началось еще в 1923 г. Партийные и советские органы решали этот вопрос постепенно, изучая и накапливая опыт в новом и сложном деле. Съезд, отметив, что существующее административно-территориальное деление страны не соответствует новым политическим и экономическим нуждам, потребовал осторожного подхода, без форсирования, к введению новой системы административного деления[58].

Унаследованная от старой власти губернская, уездная, волостная система (к концу 1923 г. губерний было 75, областей – 19, уездов – 766, волостей – 13 659) начала подвергаться реорганизации уже в 1923–1925 гг. Но переход на краевую, областную систему (к этому времени в РСФСР еще находилось 11 автономных республик, 14 автономных областей) в административно-территориальном устройстве страны начался в эти годы только в виде эксперимента.

В подготовке экономического районирования Калмыцкой автономной области прослеживаются три этапа.

На первом этапе (май 1922 – март 1924 г.) разрабатывался вопрос о том, чтобы оставить прежнее административное деление и разбить территорию области на четыре крупные экономические зоны. В соответствии с решением II сессии Калмыцкого ЦИК IV созыва, состоявшейся 25 февраля – 1 марта 1924 г., территория области разбивалась на четыре экономических района (Волго-Каспийский, Приергененский, Центральный и Земледельческий). Вместе с тем сессия признала, что фактическое состояние области не позволяет сразу осуществить данное решение[59].

Второй этап (август 1925 – февраль 1928 г.) – подготовка и рассмотрение вопроса об экономическом районировании Калмыцкой автономной области с учетом всех предъявляемых требований. Вопросы о пересмотре административного деления и введении экономического районирования обсуждались на областном совещании по советскому строительству (август 1925 г.), на VI съезде Советов Калмыкии (октябрь 1925 г.), II–III сессиях Калмыцкого облисполкома (январь и

май 1926 г.). Партийные и советские органы, подчиняясь указаниям центральных органов страны, пришли к выводу, что в целях успешного решения задач социалистического строительства необходимо коренным образом изменить существующую систему административно-территориального деления области.

В 1926 г. Калмыцким облисполкомом был подготовлен план экономического районирования области, предусматривающий создание 5 крупных районов и 115 сельских советов вместо 9 улусов и 81 аймачного и сельского совета. Главные цели экономического районирования – создание экономически однородных, мощных в хозяйственном и финансово-бюджетном отношении районов; приближение аппарата управления к населению и удешевление его.

По этому плану предусматривалось образовать в области пять крупных улусов (Башантинский, Тундутовский, Элистинский, Шамбайский и Долбанский), построенных на принципах экономического районирования. Калмыцкий облисполком представил Административной комиссии ВЦИК проект нового административного деления области. Однако этот проект не рассматривался до начала 1928 г., так как с 1 октября 1927 г. в стране были прекращены какие-либо изменения административно-территориальных границ. После настоятельной просьбы Калмыцкого облисполкома Административная комиссия ВЦИК 7 февраля 1928 г. рассмотрела вопрос об административном делении Калмыцкой автономной области и отложила его, поскольку вскоре должен был слушаться в СНК РСФСР доклад Калмоблисполкома о хозяйственном и культурном состоянии области.

Третий этап (сентябрь 1929 – март 1930 г.) – завершающий. В эти годы шла доработка проекта районирования Калмыцкой автономной области. В результате был представлен новый проект, в котором количество районов было сохранено. Были изменены названия улусов, внесены некоторые уточнения. Вся работа по подготовке и завершению районирования проводилась Калмыцким облисполкомом и его Административной комиссией в соответствии с постановлением ВЦИК от 18 сентября 1929 г. “О завершении реформ районирования” и с письмом Административной комиссии ВЦИК от 29 ноября 1929 г. Последний документ

требовал от Нижне-Волжского крайисполкома и Калмоблисполкома ускорить разработку и представление проекта районирования.

26 декабря 1929 г. в Элисте на совещании членов и заведующих отделами Калмоблисполкома, председателей улусных исполкомов был обсужден вопрос "О территориально-административном районировании области". Совещание одобрило проект административного деления области, в основу которого был положен принцип организации хозяйственно целостных и экономически однородных административно-территориальных единиц. Проектом предусматривалось образовать пять крупных экономических улусов:

Западный – создавался полностью из Большедербетовского улуса (центр – ставка Башанта);

Сарпинский – формировался из Малодербетовского улуса с присоединением Хошеутовского, Зюнгаровского, Сатхаловского сельских советов Икицохуровского улуса и Баруновского сельского совета Багацохуровского улуса (центр – Цаган-Нур);

Степной – образовывался из Манычского улуса с присоединением Чилгирского, Кетченер-Шебенеровского, Эркетеневского, Ачинеровского сельских советов Икицохуровского улуса и западных территорий Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов (центр – село Вознесеновка);

Приволжский – учреждался из Хошеутовского улуса с присоединением Зюневского, Цаган-Аманского, Эрдниевского сельских советов Багацохуровского улуса и Калмыцко-Базаринского поселкового совета (центр – Калмыцкий Базар);

Приморский – основывался из территорий Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов, не вошедших в состав Степного улуса (центр – поселок Цомок).

Этот проект 12 января 1930 г. предварительно был представлен в Административную комиссию ВЦИК и Нижне-Волжскому крайисполкому.

Окончательно вопросы экономического районирования области обсуждались 27 января 1930 г. на IV сессии Калмыцкого облисполкома. Сессия, рассмотрев проект административно-территориального деления Калмыкии, внесла в него некоторые поправки. Она приняла решение намечаемый Степной район назвать "Центральный" и его центром

избрать село Улан вместо предлагавшегося села Вознесеновка, Зюнгаровский сельский совет Икицохуровского улуса передать из состава Сарпинского района в Центральный. Сессия признала необходимым избрать центром будущего Сарпинского района урочище Деде-Ламин, а не село Цаган-Нур, центром будущего Приволжского района – село Джакуевка, а не поселок Калмыцкий Базар[60].

Президиум ВЦИК 30 марта 1930 г., рассмотрев окончательный вариант проекта административно-территориального деления Калмыцкой автономной области и заключения Нижне-Волжского крайисполкома, Наркомата финансов и Госплана РСФСР, принял постановление о разделении Калмыкии на пять районов. В соответствии с данным постановлением были образованы следующие улусы:

Западный – в составе Большедербетовского улуса (центр – ставка Башанта);

Сарпинский – в составе Малодербетовского улуса, Хошеутовского, Сатхаловского сельских советов Икицохуровского улуса (центр – урочище Деде-Ламин);

Центральный – в составе Манычского улуса и Чилгирского, Эркетеневского, Зюнгаровского, Кетченер-Шебенеровского, Ачинеровского сельских советов Икицохуровского улуса, западных территорий Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов, составлявших участок государственных земельных имуществ (центр – село Улан);

Приволжский – в составе Хошеутовского улуса и Зюневского, Цаган-Аманского, Эрдниевского сельских советов, Багацохуровского поселкового совета (центр – село Джакуевка);

Приморский – в составе Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов, за исключением территорий, вошедших в состав Центрального улуса (центр – село Долбан)[61].

Установленное в 1930 г. административно-территориальное деление Калмыцкой автономной области оставалось без изменения до 1934 г. Но количество сельских советов с 1930 к середине 1934 г. возросло с 98 до 103. В 1930 г. в Калмыкии был образован первый город республиканского значения – Элиста, которая с 1928 г. являлась административным центром Калмыцкой автономной области.

В соответствии с проводившейся реформой по укрупнению административно-территориальных единиц, а также

управления ВЦИК образовал в РСФСР в качестве экспериментальных в ноябре 1923 г. – Уральскую область, в январе 1925 г. – Северо-Кавказский край, в январе 1926 г. – Сибирский край и в том же году Дальневосточный край, в мае 1928 г. – Нижне-Волжский край в составе Саратовской, Сталинградской и Астраханской губерний, части Пугачевского уезда Самарской губернии, а также республики немцев Поволжья и Калмыцкой автономной области.

Взаимоотношения между краями и входящими в их состав автономными республиками, автономными областями, губерниями, областями регулировались постановлениями ВЦИК от 28 июня 1928 г. "Об условиях вхождения автономных советских социалистических республик в состав районированных краевых (областных) объединений" и от 29 октября 1928 г. "О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти".

Являясь составной частью Нижне-Волжского края, Калмыцкая автономная область в административном отношении подчинялась центральным органам РСФСР. Защита интересов Калмыкии осуществлялась через представительство Калмыцкой автономной области при Президиуме ВЦИК, образованном в 1924 г. вместо ликвидированного одноименного органа при Наркомнаце РСФСР[62]. Она была представлена также и в высшем органе государственной власти Союза ССР – ЦИК. В Совете Национальностей был один представитель от Калмыкии.

Названными постановлениями РСФСР предусматривалось, что автономные республики входят в состав краев на началах полной добровольности, а также обладают законодательными полномочиями в пределах своей компетенции, правом формировать и утверждать свои республиканские бюджеты. Автономные области формально оставались независимыми от краевых органов. Но в то же время законодатель их ограничивал во многих вопросах финансовой, налоговой, кадровой политики. В частности, в 1929 г. по рекомендации специальной комиссии Нижне-Волжского крайисполкома были освобождены от занимаемых должностей около 300 работников различных советских и кооперативных органов Калмыцкой автономной области[63].

Однако, несмотря на то что законами гарантировалась незыблемость ранее заложенных принципов автономии, все же были внесены принципиальные изменения в правовой статус автономных республик и автономных областей. Прежде всего автономная республика фактически утратила статус субъекта РСФСР, установленный Конституцией РСФСР 1925 г. (раздел I, глава 1, статья 2). В связи с установлением единства хозяйственного руководства на основе общих хозяйственных планов и бюджетов существенно суживались полномочия и компетенция автономных республик и автономных областей. Включение органов власти автономных республик и автономных областей в единую систему административного краевого управления, основанную на принципах демократического централизма, ограничивало самостоятельность государственных органов в решении многих вопросов, находившихся в их компетенции. Кроме того, в краевых (областных) объединениях создавались органы государственной власти и управления общекраевого характера с полномочиями высшего органа государственной власти на территории края, постановления и решения которых имели верховенство на территориях автономных республик и автономных областей. Исполкомы советов краевых (областных) объединений были наделены правом отменять, изменять и приостанавливать решения всех нижестоящих органов власти. В целях усиления надзора и контроля за деятельностью органов власти и управления автономий, исполнением законов в состав республиканских и областных государственных учреждений в обязательном порядке входили представители и руководители партийных и государственных органов краевых (областных) объединений.

Таким образом, хотя автономные республики сохраняли отдельные признаки субъектности, фактически субъектами РСФСР стали краевые (областные) объединения, органы власти которых были наделены законодательной инициативой в центральных органах государственной власти РСФСР. Представители краевого (областного) объединения могли участвовать с правом совещательного голоса в заседаниях центральных органов РСФСР, где рассматривались вопросы края (области), отдельных его составных частей. Важнейшие рычаги управления экономикой края

(области) и его субъектов (передвижение кредитов, перераспределение материальных ресурсов, дополнительное финансирование и т.п.) были сосредоточены в краевых органах государственной власти и управления.

Перед краевыми партийными и советскими органами стояла задача "подтянуть" национальные районы в строительстве социализма. С вхождением Калмыкии в состав Нижне-Волжского края заметно усиливаются темпы ее кооперативно-колхозного строительства. Учитывая маломощность созданных к середине 1929 г. колхозов (74 с 1037 хозяйствами), простейших производственных объединений (90 с 1350 хозяйствами), состав которых в основном состоял из батраков и бедноты (6,7%), партийные и советские органы области стали искать пути укрепления материально-технической базы коллективных и государственных хозяйств. В решении этой задачи они полагались главным образом на экспроприацию бывших калмыцких феодалов и крупных скотопромышленников и на передачу конфискованных у них средств производства колхозам и совхозам. Кроме того, с помощью этой меры они рассчитывали ускорить темпы коллективизации сельского хозяйства.

В связи с трудностями восстановления экономики партийные и советские органы области в 1926–1927 гг. предприняли попытки частично конфисковать движимое имущество у богатых слоев населения под видом "освобождения" их от лишнего скота, а деревенской бедноты – от эксплуатации. Но основная цель заключалась в том, что в условиях пропаганды преимущества коллективного ведения хозяйства на селе, колхозного строительства следовало ограничить экономический рост крепких хозяйств. Поэтому наряду с политическими мерами принимались и экономические.

В 1928 г. в Калмыкии вводится дифференцированная плата за пользование выпасами. Батрацкие, бедняцкие и середняцкие хозяйства, составлявшие почти 71% всех крестьянских хозяйств, освобождались от платы за выпасы. Кроме того, с них не взимался еще и налог. Вся тяжесть бремени налогов (за выпасы, по единому сельскохозяйственному налогу) ложилась на крепкие, зажиточные хозяйства. Таких хозяйств в 1928 г. в области было всего 6,85% всех крестьянских хозяйств, и они должны были выплатить 87%

всей суммы единого сельхозналога на 1928/29 хозяйственный год[64].

Калмыцкий обком ВКП(б) и Калмоблисполком, согласовав с краевыми партийными, советскими органами и ЦК ВКП(б), Президиумом ВЦИК, в начале второй половины 1929 г. вновь приступили к подготовке экспроприации не только бывших калмыцких феодалов, но и экономически окрепших в годы советской власти калмыцких хозяйств, а также русских и украинских хозяйств переселенческой деревни. Таким образом, в основу проведения экспроприации был положен не только политический (ликвидация богатой части населения как эксплуататоров, кулаков), но и экономический (изъятие у них имущества и передача его в создаваемую социалистическую собственность) признак.

Для принудительного отчуждения средств производства, находившихся в собственности бывших феодалов, крупных скотопромышленников (т.е. всех хозяйств, имевших свыше 200 голов скота в скотоводческих улусах и свыше 100 голов скота в земледельческих и рыболовецких улусах), и для изгнания хозяев этой собственности в начале октября 1929 г. в Калмыкии образовали специальную систему политических, административных органов: краевая "тройка" в составе секретаря Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) А. Чугунова, ответственного секретаря Калмыцкого обкома партии Х. Джалыкова и представителя краевого ОГПУ Таранова; областная комиссия во главе с председателем Калмыцкого облисполкома А. Пюрбеевым; улусные комиссии во главе с председателями улусных исполкомов, в состав которых в обязательном порядке входили представители облисполкома.

Областная комиссия до проведения этой кампании подготовила инструкцию, определившую критерии для выселения (в скотоводческих улусах подлежало репрессии крестьянское хозяйство, имеющее свыше 200 голов, в земледельческо-скотоводческих – свыше 100 голов в перерасчете на крупный рогатый скот), а также трудовую норму для ведения крестьянских хозяйств. Для земледельческих и рыболовецких улусов устанавливались следующие нормы: одна лошадь, или один верблюд, или пара рабочих волов с упряжью, две коровы, две телеги, пять простых пород овец, один плуг, одна борона, на одно хозяйство; а для скотовод-

ческих улусов – одна лошадь, или один верблюд, или пара рабочих волов, четыре коровы, четыре телки, 15 простых пород овец, одна телега на одно хозяйство. По мнению комиссии, эти нормы должны были обеспечить крестьянским хозяйствам необходимый прожиточный минимум и ведение трудового хозяйства, основанного только на личном труде. В этих же целях предусматривалось выделение из конфискованного скота батракам и беднякам: в земледельческих и рыболовецких улусах на одно хозяйство – две головы скота, в скотоводческих – шесть голов. Но основной конфискованный скот должен был быть передан совхозам (50%) и колхозам (35%) в виде беспроцентной ссуды со сроком погашения 10 лет.

После всей подготовительной работы, формирования общественного сознания деревенской бедноты для проведения экспроприации принимается в области правовое основание, опирающееся на Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г., о выселении бывших помещиков из их национализированных имений. Таким документом явилось постановление Калмоблисполкома от 16 октября 1929 г. о выселении бывших нойонов, зайсангов, попечителей, а также крупных скотоводов и овцеводов из районов их хозяйственной деятельности в Калмыцкой автономной области, проект которого был рассмотрен и одобрен 10 октября 1929 г. Президиумом ВЦИК. Несмотря на установленные законами СССР и РСФСР 1927–1928 гг. запреты на выселение бывших помещиков, Президиум ВЦИК, "в изъятие из общеустановленного порядка", разрешил Калмоблисполкому издать от своего имени постановление об экспроприации и провести указанное мероприятие[65].

Экспроприацию и выселение начали внезапно в 5 часов утра 17 октября 1929 г., на следующий день после принятия указанного постановления, и провели за два дня, а затем в течение трех последних месяцев 1929 г. "подчищали", т.е. осуществляли чрезвычайную операцию с участием работников НКВД и ОГПУ области. Так что советская власть приобретала опыт в организации выселения большой группы людей (231 владелец был выселен за пределы области, 84 – переселены из одного улуса в другой внутри области, чтобы не смогли восстановить свое хозяйство), который

будет использован в будущем при раскулачивании и репрессии народов.

Выселяемых предварительно собирали на сборный пункт, представлявший собой открытую площадку, огороженную колючей проволокой и с вооруженной охраной. До отправления к местам поселения раскулаченных под охраной привлекали к тяжелым принудительным работам. Со сборного пункта их направляли к ближайшим железнодорожным станциям на машинах, подводах за их же счет. Выселяемая семья имела право взять с собой таган, котел, ведро, чашки, ложки, топор, пилу, лопату, 500 руб. денег, запас продуктов питания на три месяца, одежду с расчетом на год. Разрешалось также взять с собой на пять семей одну лошадь, телегу, плуг, борону и 120 кг прессованного сена для ведения хозяйства в местах нового поселения. Семьи первой категории выселялись в отдаленные районы – Свердловскую, Омскую, Акмолинскую, Карагандинскую и другие области; второй категории – в малоосвоенные районы Нижне-Волжского края.

В реализации политики конфискации и выселения активное участие приняла деревенская беднота, которая была идеологически к ней подготовлена и заинтересована в разорении и наказании своего богатого соседа, присвоении дарового его имущества (действительно, бедняки получили из всего конфискованного скота 8935 голов, или 14,5%, в перерасчете на крупный рогатый скот)[66].

В соответствии с постановлением Калмоблисполкома от 16 октября было конфисковано: лошадей 1543, верблюдов 742, рабочих волов 1995, крупного рогатого скота 11 670, овец 173 954, что в перерасчете на крупный рогатый скот составило 61 623 головы на сумму 3 262 197 руб., к этой сумме следует еще добавить сельскохозяйственный инвентарь на 458 599 руб. (14% от стоимости скота – приблизительно 8,5 тыс. голов). Из конфискованных средств производства на укрепление старых и организацию трех новых совхозов было передано 30 397 голов скота (49,5%), в том числе 183 лошади, 176 верблюдов, 760 волов, 2797 голов крупного рогатого скота, 82 990 овец, а также сельхозинвентаря на сумму 35 826 руб.; на укрепление и организацию новых колхозов – 18 879 голов (30,6%), в том числе лошадей 335, верблюдов 395, волов 720, крупного рогатого скота 4209 го-

лов, овец 64265, а также сельхозинвентаря на сумму 51 482 руб.[67]

В результате экспроприации и передачи значительных средств производства в собственность старым и вновь организуемым колхозам стала заметно набирать темпы коллективизация сельского хозяйства. Если до осени 1929 г. в различных формах коллективных хозяйств было объединено 7,6% всех крестьянских дворов области и в них обобществлялись в основном лишь труд крестьян и земляные паи (в земледельческих аймаках), то к концу ноября того же года этот показатель составил 15%, к январю 1930 г. – 26%. Конец 1929 – начало 1930 г. отличались от предыдущего периода не только высокими темпами коллективизации, но и тем, что в коллективных хозяйствах стали использовать обобществленные средства производства, однако созданные не собственным трудом, а полученные в результате принудительного отчуждения у богатой части населения и переданные им государством.

С начала 1930 г. в Калмыкии, так же как и в целом по стране, коллективизация и ликвидация проходили в обстановке безудержного форсирования и сопровождались "перегибами" и "извращениями". Официальный шаг на пути усиления гонки за "темпом коллективизации", как известно, был сделан в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству". В соответствии с этим документом и под сильнейшим нажимом сверху руководители парторганизации и советских органов Нижне-Волжского края решили довести уровень коллективизации крестьянских хозяйств в этом регионе к весне 1930 г. до 80%, а к осени – до 100%. Кроме того, Политбюро приняло в том же месяце еще одно постановление, утвердившее мероприятия по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации.

В соответствии с установкой краевой и областной партийных организаций уровень коллективизации в области стал стремительно повышаться. Если в начале января 1930 г. в колхозах числилось 7750 крестьянских хозяйств (26,8%), то к началу апреля того же года в скотоводческих и земледельческих аймаках уже числилось коллективизированных хозяйств 20 082 (69,5%), а в рыболовецких – до

64%. Конечно, среди них было немало "дутых" колхозов, значившихся лишь на бумаге. Нереальность директив, угроза за их неисполнение, парадная шумиха толкали местных работников на методы администрирования, принудительного раскулачивания, массового лишения середняка избирательных прав, морального воздействия на население, вплоть до закрытия хурулов, церквей.

Одним из последствий насилия при создании колхозов на первом этапе стали явное недовольство и открытые протесты крестьян, нередко приобретавшие и антисоветский характер. В частности, известный исследователь колхозного строительства в Калмыкии Ю.О. Оглаев приводит такой пример. 12 марта 1930 г. на территории Икиманханского, Икибухусовского и Багабухусовского сельсоветов Малодербетовского улуса произошло вооруженное выступление свыше 100 крестьян, которые на лошадях двинулись к ставке улуса. В подавлении их участвовали не только местные, но и сталинградские милиционеры[68]. Этот вооруженный протест был использован органами ОГПУ–НКВД как предлог для репрессий духовенства Калмыкии. В 1930–1931 гг. без суда и следствия "тройками" были приговорены к различным срокам заключения в концентрационных лагерях 53 буддийских священнослужителя, в том числе Шаджин-лама калмыцкого народа Шарап Тепкин[69].

Уничтожение скота, сельхозинвентаря и другого имущества перед вступлением крестьян в колхозы приобрело массовый характер. В течение зимы–весны 1930 г. поголовье скота в Калмыкии сократилось на 30–35% по сравнению с 1929 г. (приблизительно с 780 575 голов до 530 790). А по сравнению с 1928 г. к началу 1930 г. поголовье скота в области уменьшилось в 1,6 раза (по РСФСР – в 1,26 раза)[70].

В марте–апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд документов, направленных на преодоление допущенных якобы местными работниками искривлений политики и принципов колхозного строительства, а также в газете "Правда" от 2 марта были опубликованы Примерный устав сельскохозяйственной артели и статья И. Сталина "Головокружение от успехов". И. Сталин, обвинив местных работников в "авантюристских попытках" в два счета "разрешить все вопросы социалистического строительства", неожиданно сделал вывод, что достигнутый к 20 февраля 50-процентный

уровень коллективизации является успехом, свидетельствующим, что "коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным"[71]. Местные работники обязывались "закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего продвижения вперед". Последнее указание по этому вопросу стало загадкой: что же нужно делать – исправлять создавшееся положение или закреплять его?

"Прилив" в колхозы сменился "отливом" из них крестьян. Из 20 082 коллективизированных на 1 апреля 1930 г. скотоводческо-земледельческих хозяйств области к 20 апреля осталось лишь около 6 тыс., а остальные распались, т.е. уровень коллективизации упал с 69,5 до 20,7%. Аналогичная ситуация сложилась и в рыболовецких районах (с 64 до 17%). Исчезли "бумажные" и насильственно созданные колхозы. Статистика оставшихся в колхозах крестьян свидетельствует о том, что были и сторонники коллективизации, ее подлинные энтузиасты, борцы за колхозы. Они были представлены беднотой и частью середнячества, с помощью которых в основном и осуществлялась коллективизация.

Партийные организации края и области, проанализировав итоги первого этапа коллективизации, пришли к решению "закрепить и развивать" колхозное движение. К январю 1931 г. уровень коллективизации в области поднялся с 20,7% оставшихся после "отлива" хозяйств до 24,5%. Одновременно были приняты меры по укреплению и развитию совхозов. Если в 1929 г. совхозы Калмыкии имели 1,34% всего скота области, то в 1930 г. этот показатель увеличился до 18%. С этого времени начался активный процесс вытеснения из экономики индивидуальных хозяйств (удельный их вес за этот же период снизился с 97,7 до 62%)[72].

С началом нового этапа коллективизации произошел резкий поворот от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса, что соответствовало ленинской постановке вопроса о путях ликвидации эксплуататорских классов. 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации", предписывавшее провести конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных

и жилых построек, предприятий и семенных запасов. Все это передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков.

Согласно постановлению раскулачиваемые делились на три категории: 1) "контрреволюционный актив" – участники антисоветских и антиколхозных выступлений (они подлежали аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны; 2) "крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации" (их выселяли вместе с семьями в отдаленные районы); 3) "остальная часть" кулаков (они подлежали расселению по специальным поселкам в пределах мест прежнего их проживания). В постановлении указывалось, что число раскулачиваемых по районам не должно превышать 3–5% всех крестьянских хозяйств. А также в нем указывались цифры "ограничительных контингентов", подлежащих высылке в отдаленные районы страны. Нижне-Волжскому краю предписывалось выселить и расселить 60 тыс. хозяйств (семей) первой категории и 150 тыс. – второй[73]. Операция по репрессированию крестьянства должна была осуществляться в соответствии с инструкцией ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. и секретным приказом ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г., подписанным Г.Г. Ягодой[74].

Кроме того, 20 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление "О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах", обязавшее местные партийные организации "проводить по отношению к кулакам и баям жесткую политику ограничения и вытеснения". В соответствии с указанными постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января и 20 февраля 1930 г. бюро Калмыцкого обкома 1 июня 1931 г. приняло постановление о проведении второго этапа раскулачивания и выселения кулацких хозяйств Калмыцкой области, установившее сроки проведения этой кампании (с 15 июня по 15 июля 1931 г.), контрольную цифру подлежавших репрессии (не менее 900 хозяйств). Для проведения операций по раскулачиванию в области, улусах создавались специальные комиссии – политические "тройки" (областная – в составе первого секретаря обкома партии Х.М. Джалыкова – председателя, председателя Калмоблисполкома А.П. Пюрбеева и начальника облотдела ОГПУ П.И. Кишкина), улусные

"тройки" в составе секретаря укома ВКП(б), председателя уисполкома и уполномоченного ОГПУ. Общее руководство раскулачиванием в стране осуществлялось специальной комиссией ЦК ВКП(б), в состав которой входили А.А. Андреев, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, Г.Г. Ягода и др.

"Политтройкам" вменялось в обязанность устанавливать категории "кулацких" хозяйств, составлять списки крестьян, подлежащих раскулачиванию, проводить учет и передачу имущества и средств производства колхозам и финансовым органам. К концу июня 1931 г. областная "политтройка" утвердила списки крестьянских хозяйств, подлежащих раскулачиванию и выселению, с превышением контрольных цифр в количестве 1250 хозяйств по первой и второй категориям и 146 – по третьей, судьба их зависела от местных "троек" и бедняцкого актива. Хотя эти цифры превышали контрольную на 66%, но они были в пределах установленной (3–5%) нормы – 3,5% (подлежало раскулачиванию около 1,4 тыс. семей с общим числом почти 7,5 тыс. человек).

Жесткая разверстка сверху заданий по улусам, предписываемый порядок проведения насильственной акции, вся тональность инструкций, конкретных указаний на местах привели к административному насилию, перевыполнению спущенных сверху заданий. В сжатые сроки (в течение 3–4 дней) было раскулачено по области 1525 хозяйств (вместо запланированных 900), выселено за пределы Калмыкии 1121 хозяйство (6157 человек). Конфискованные у раскулаченных средства производства, скот и иное имущество передавали в неделимый фонд колхозов. По методам проведения этой кампании раскулачивание фактически стало продолжением гражданской войны в деревне. Бедняки приняли самое активное участие в выявлении кулаков, раскулачивании. Историк Ю.О. Оглаев писал, что пытавшихся бежать кулаков бедняки сами вылавливали и доставляли местным властям[75].

Завершив очередной этап раскулачивания, пополнения колхозов, партийные и советские органы приступили к обновлению кадрового состава органов государственной власти.

Новая перевыборная кампания советов области началась в январе и завершилась съездом Советов области в мае–июне 1930 г. В этой избирательной кампании особое

внимание было обращено на уточнение социального положения избирателей. Эта работа была проведена в два этапа. Первоначально в списке лишенных избирательных прав оказались 7584 человека (10,2% всех избирателей области). Областная избирательная комиссия, рассмотрев вопрос о лишении граждан избирательных прав вынуждена была указать на допущенные ошибки в составлении списков. Сельские и улусные избирательные комиссии, перепроверив и уточнив списки, лишили избирательных прав 3146 человек (4%), которые, по их мнению, занимались частной торговлей, жили на нетрудовые доходы, служили в религиозных и культовых учреждениях, в царских правоохранительных и судебных органах, были осуждены судом и т.д.

Участие избирателей в формировании сельских советов по сравнению с предыдущей кампанией было несколько выше и составило 57,5% (42 474 человека). В собраниях участвовало: калмыков – 63,9%, русских – 40,2%.

Улусное звено органов государственной власти сформировали 2726 членов сельских советов (3,4% избирателей области). Состав сельских советов был обновлен почти наполовину (48,2%), несколько увеличилось представительство женщин (20,4%) и русских (с 17,6 до 25,3%). 541 делегат улусных съездов Советов участвовали в выборах членов областного съезда Советов, на который было избрано 327 человек.

IX областной съезд советов, состоявшийся 29–31 мая 1930 г., образовал Калмоблисполком в количестве 68 членов[76].

Следующая перевыборная кампания советов была проведена в том же году в связи с завершением реформы административно-территориального деления области, т.е. когда стабилизировалась система органов государственной власти области в составе 5 улусных, 1 городского, 1 поселкового и 97 сельских советов[77].

Подготовительная работа к очередной перевыборной кампании советов области была начата в октябре 1930 г. Она была проведена в соответствии с инструкцией о выборах в советы, утвержденной Президиумом ЦИК СССР 3 октября 1930 г. Вся работа по организации и проведению перевыборов возлагалась на избирательные комиссии, создаваемые при исполкомах советов. Тем самым избиратель-

ные комиссии становились подчиненными органами исполкомов. А если судить по их составу (возглавлял председатель или один из руководителей исполкома, в обязательном порядке входили представители профсоюзных и партийных организаций, рабочих и колхозников, армии), то они выступали как государственно-партийный орган, призванный обеспечивать формирование органов государственной власти в соответствии с партийными директивами.

Инструкция подробно регламентировала порядок лишения избирательных прав и восстановления в избирательных правах (при занятии не менее пяти лет производительным или иным общественно-полезным трудом, при лояльности к власти, членстве в профсоюзах). По инструкции избирательное собрание считалось правомочным производить выборы в советы, если на нем присутствовало не менее 40% человек, имеющих право участвовать в выборах на данном избирательном участке.

Калмоблисполком 21 ноября 1930 г. своим постановлением установил нормы представительства в советах области в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК "О нормах представительства и о порядке выборов на съезды советов для автономных областей и отдельных национальных округов" от 10 ноября 1930 г. Состав улусных советов должен был формироваться из расчета 1 депутат от 500 человек населения улуса; городской, поселковые, сельские советы – 1 депутат от 100 человек. Делегаты улусных съездов советов должны были избираться на организационных пленумах сельских советов из расчета 1 делегат от 300 человек населения села, поселка; делегаты областного съезда советов – 1 делегат от 500 человек населения улуса.

Новая перевыборная кампания советов по своим целям и задачам несколько отличалась от предыдущих. Она должна была пройти под лозунгом "Ликвидация класса кулачества – важная задача советов". В связи с выводом партии об обострении классовой борьбы советам, как органам диктатуры пролетариата, ставилась задача выступить организаторами решительной борьбы с кулаком. Поэтому особое внимание советов, избирательных комиссий, партийных органов было обращено на составление списков лиц, лишенных избирательных прав, и на социальный состав работников органов власти всех уровней. В этой избирательной

кампании были лишены права голоса 3862 человека (4,6% всех избирателей), в том числе 1272 бывших служащих религиозных учреждений[78].

В декабре 1930 г. во всех сельских советах прошли перевыборы. Явка избирателей по сравнению с установленными нормами и предыдущим годом была значительно выше (72,2%). В состав сельских, поселковых советов области были избраны 2726 человек, в том числе женщин – 630 (23,1%), калмыков – 2050 (75,2%), русских 624 (22,9%), членов партии и комсомола 668 (24,5%), впервые избранных – 1126 (41,3%), неграмотных – 796 (29,2%). На организационных пленумах сельских советов, прошедших в том же месяце, на улусные съезды советов были избраны 662 делегата, которые представляли всего 3,5% избирателей области[79].

Улусные съезды советов были организованы и проведены в январе–феврале 1931 г. В их работе приняли участие 537 делегатов, т.е. явка составила 81,1% всех избранных на пленумах сельских советов. В числе делегатов было: женщин – 39 (16,6%), калмыков – 386 (71,8%), русских – 132 (24,7%), членов партии и комсомола – 290 (54,0%). Делегаты улусных съездов советов (537 человек, или 0,7% избирателей области), выбрав из своего состава 378 делегатов, сформировали областной съезд Советов.

Фактически на X областной съезд Советов, работавший с 5 по 8 февраля 1931 г., из 378 делегатов прибыло всего 277 (73,2%), в том числе впервые были избраны 127 человек (46%), женщин – 76 (20%), калмыков – 265 (70%), русских – 101 (26,7%), членов партии и комсомола – 257 (67,9%). В последний день работы делегаты областного съезда советов избрали Калмыцкий облисполком в количестве 72 членов и 17 кандидатов в члены[80]. Состав членов Калмоблисполкома был предложен коммунистической фракцией съезда и утвержден единогласно по списку открытым голосованием.

В состав Калмоблисполкома вошли: женщины – 10 человек (11%), калмыки – 53 (60%), русские – 32 (36,1%), члены партии – 74 (83,3%). Впервые членами и кандидатами в члены облисполкома было избрано всего 19 человек (21,3%)[81]. Таким образом, Калмоблисполком по своему составу был стабильным, и большинство мандатов в нем принадлежало коммунистам. Это объясняется тем, что к данному

времени в области сформировался постоянный номенклатурный кадровый состав партийных и государственных учреждений.

В ходе раскулачивания заметно усиливаются темпы колхозного строительства в Калмыкии. Общее число коллективизированных крестьянских хозяйств области к началу августа 1931 г. по сравнению с январем того же года увеличилось с 24,5% до 66,8%. В этих хозяйствах было сосредоточено 47,1% всего скота области, 72,9% всех посевных площадей. Вместе с поголовьем скота девяти совхозов, естественно, увеличивался социалистический сектор экономики области (до 77,8%)[82].

Причины "бурного" увеличения колхозов в ходе ликвидации кулачества следует видеть не только в "политической зрелости" крестьянства, наступившей в течение недели, месяца (как отмечала советская историография)[83]. Основные причины "бурного" процесса колхозного движения, по-видимому, заключались в том, что беднота и середняки увидели в ходе этой кампании административное, безудержное насилие в отношении крестьянства, скоропалительные, без формальностей аресты, судебные процессы, репрессии, которые уже не являлись "перегибами", "извращениями", а представляли собой официальную политику партийно-государственной власти. Кроме психологического воздействия, сыграл свою роль еще один фактор: конфискованное имущество, средства производства, скот были переданы колхозам уже в качестве взноса бедняка, батрака, поступавших в колхоз. Им оставалось только написать заявление о приеме.

Не успели сформированные колхозы организационно и экономически окрепнуть, как уже в 1931 г. им был дан план хлебозаготовок (для зернового Западного улуса) в 253 590 ц, превышающий план 1929 г. почти в 5 раз. Несмотря на огромные усилия, чрезвычайные меры (организационные, административные – привлечение партячеек, судебно-следственных органов, репрессии, обыски и вывоз "подчистую" найденного зерна, повторный обмолот соломы и т.д.) партийных организаций области и улуса, план хлебозаготовок по зерновому Западному улусу к середине января 1932 г. был выполнен с большим трудом на 90,3%. Хотя этот план был завышенным, нереальным, но тем не менее "виновные" были найдены. За невыполнение плана 63 за-

житочных крестьянских хозяйства улуса были привлечены к судебной ответственности – к лишению свободы, ссылке, конфискации имущества. Бюро обкома партии, которое являлось руководителем всей этой кампании, увидев ее тяжелые экономические и политические последствия, переложило всю вину и ответственность "в административном увлечении в работе по хлебозаготовкам" на партийную организацию улуса.

В результате выполнения такого напряженного для крестьянства плана в улусе возникли серьезные продовольственные трудности. Изъятие хлеба в Западном улусе тяжело отразилось и на положении населения в скотоводческих улусах из-за нарушения продуктообмена, а в самом Западном улусе обрекло крестьян на голодание. В продовольственных фондах колхозов им. Р. Люксембург и им. К. Маркса в январе 1932 г. имелось соответственно всего лишь 5 и 10 пуд. муки (только целевого назначения – для курсантов-трактористов), семенного фонда – 17 и 250 ц. Колхозники этих хозяйств вынуждены были продавать свою одежду для покупки хлеба, имели место случаи организованного невыхода на работу, люди требовали обеспечить их хлебом, угрожали разобрать и порезать на продовольственные нужды весь скот. Аналогичное положение наблюдалось во всех остальных хозяйствах улуса.

К весне 1932 г., не имея достаточных ресурсов, колхозы были хозяйственно ослаблены. Поэтому хлебозаготовки в 1932 г. в улусе по-прежнему шли чрезвычайно трудно, даже хуже, чем в 1931 г. К началу января 1933 г. план хлебозаготовок, несмотря на изъятие у значительной части колхозников полученного на трудодни хлеба под видом неправильного начисления, был выполнен лишь на 75,4%[84]. Партийные и советские органы видели причины невыполнения плана в основном в кулацком сопротивлении, в отсталости части колхозников. Эта позиция Калмыцкого обкома партии полностью вытекала из политики руководства страны, определяющей репрессии как одно из средств проведения хлебозаготовок.

Однако под нажимом сверху колхозное строительство, социалистическое преобразование сельского хозяйства в Калмыкии продолжали набирать темпы. В 1932 г. уже были организованы 81 сельхозартель, 150 товариществ и

4 коммуны, объединившие 72,8% всех крестьянских хозяйств и обобществившие 58,1% скота области. В 15 животноводческих совхозах находилось 30% всего крупного рогатого скота и 43% овец, 22,3% посевной площади. К этому времени крестьянские единоличные хозяйства располагали значительным количеством скота – 52,7%.

Важная роль в развитии процесса обобществления, укрепления общественного хозяйства отводилась машинно-тракторным и машинно-сенокосным станциям (МСС). В области к 1932 г. было две МТС с 81 трактором (общая мощность 2376 л.с.) и двумя комбайнами. На балансе 25 МСС насчитывалось 975 конных сенокосилок, 1207 лобогреек и 373 конных граблей, 20 тракторов и одна автомашина[85]. Но эти тракторные и сенокосные станции были настолько маломощны, что возделывали только 25% посевной площади (в 1932 г. МТС было обработано 23 499 га из 94 830 га всей посевной площади области, убрано сена с 385 тыс. га, которого явно было еще недостаточно для ведения стационарного скотоводства).

Однако к этому времени полным ходом шел процесс "планового оседания" кочевых хозяйств. К 1932 г. 70% калмыцких хозяйств было переведено на оседлость. Что касается реальной заботы о создании элементарно необходимых условий – жилья для населения, хозяйственных построек, учреждений социальной инфраструктуры, а главное, кормовой базы для многих сотен тысяч голов скота, то все эти вопросы, как объективно отмечала советская историография, решались постепенно уже в ходе социалистического строительства в деревне. Поэтому на втором этапе перевода на оседлый образ жизни (второй пятилетний план) предусматривались строительство поселков, жилья, хозяйственных помещений, землеустроительные и мелиоративные работы.

Неимоверным трудом, с большим усилием и огромными затратами создавалась новая экономика области в годы второй пятилетки (1933–1937). Наряду с животноводством стало развиваться и земледелие, создаваться материально-техническая база сельского хозяйства. К 1935 г. в колхозном строительстве наблюдались некоторые качественные сдвиги. Процент коллективизированных хозяйств по сравнению с 1932 г. несколько увеличился и составил 83. Про-

стейшие формы объединения – товарищества, коммуны были укрупнены и переведены на артельный устав. В области функционировали 104 сельскохозяйственные артели и 10 товариществ. За это же время поголовье скота в колхозах увеличилось на 46%, а в области по сравнению с 1931 г. возросло к 1935 г. с 712 712 до 942 700 голов (на 32%). По совхозам рост поголовья составил 65,5%. Вместе с тем крестьянские единоличные хозяйства уже были почти вытеснены, и численность скота в индивидуальном пользовании сократилась с 52,7% в 1931 г. до 18,3% в 1934 г. А в социалистическом секторе уже было сосредоточено 54% крупного рогатого скота и 94% овец[86].

Тракторный парк двух МТС и 25 МСС за это же время возрос со 108 единиц до 313. Посевные площади расширились с 94 830 га (1932 г.) до 131 813 га (1934 г.). Однако социалистический сектор все равно не справлялся с планами сдачи государству продукции сельского хозяйства, несмотря на то что улусным партийным и советским организациям, продолжавшим теми же методами осуществлять заготовки, пришли на помощь политотделы МТС и совхозов (организованы были в 1933 г.). В 1934 г. колхозы, совхозы, государственные предприятия выполнили планы заготовок сельскохозяйственной продукции: мяса – на 87,4%; шерсти – на 98,2; молока и масла – на 84; зерна – на 87% (при плане 111 968 ц было сдано государству 97 412 ц)[87].

Более ускоренными темпами шло обобществление в рыбной промышленности. К 1934 г. была почти завершена коллективизация рыболовецкого хозяйства (на 99%), и на этой основе окончательно вытеснялись из рыбной промышленности частники. В том же году вступили в эксплуатацию первая очередь Лаганского рыбоконсервного комбината, икорно-балычный комбинат, плавучий консервный завод.

К 1935 г. в развитии экономики и культуры Калмыкии произошел заметный сдвиг к лучшему: по плану того времени было почти завершено социалистическое преобразование сельского хозяйства и укрепилась его материально-техническая база. Наряду с животноводством широкое развитие получило и земледелие. Кочевое население почти полностью по плану было переведено на оседлый образ жизни. Что же это означало в реальности? Поголовье

скота области к 1935 г., по сравнению с 1920 г. (после катастрофического ущерба, нанесенного гражданской войной) увеличилось в 7,4 раза, посевные площади – в 17,3 раза, на полях колхозов, совхозов работали 340 тракторов, 62 комбайна, 121 автомашина и т.д. В сельском хозяйстве трудились 38 агрономов, 11 инженеров-механиков, 4 инженера-строителя, 5 гидротехников, 9 землеустроителей и другие специалисты[88]. Но если сравнивать с годом накануне коллективизации – 1928-м, то поголовье скота по области к 1935 г. составляло всего 76,1% (по России за этот же промежуток времени – 56,4%).

Зарождалась и своя промышленность, стали развиваться связь, транспорт, дорожное строительство. Линии телеграфной связи увеличились с 405 км (1920 г.) до 4336 км (1935 г.), автомобильный парк – с 14 автомашин до 309. Было установлено воздушное сообщение с городами Астрахань, Армавир, Сталинград. Продолжалось строительство населенных пунктов и города Элисты. В начале 1933 г. в Элисте проживало 8313 человек, имелось 840 домов, 56 общественных зданий. Жилые помещения строились в основном из глинобитных и камышовых материалов, без коммунальных удобств. Средняя обеспеченность жилплощадью на одного жителя составляла всего 3,4 кв. м.

В Калмыцкой области имелись педагогический и сельскохозяйственный техникумы, партийно-советская школа, 225 начальных и неполных средних школ, в которых обучалось 25,5 тыс. учащихся и работало 725 учителей, действовали 74 дошкольных учреждения, 108 изб-читален, 21 библиотека, драмтеатр, около 100 киноустановок; печатались газеты и журналы на русском и калмыцком языках; были открыты 26 больниц, 20 амбулаторий, 45 фельдшерских пунктов, 4 различных диспансера, специализированные медицинские пункты, где население обслуживали 51 врач и 230 средних медицинских работников. Значительно сократились ранее распространенные болезни. Все эти позитивные явления в экономической, культурной жизни привели к изменению социальной структуры населения области[89].

Образование автономной области позволило произвести воссоединение проживавших в разных районах калмыков в едином государственном образовании. Многие калмыки Дона, Урала, Терека, Оренбуржья переселились в Калмы-

кию. Население области за первые пять лет увеличилось почти на 15 тыс. и к 1926 г. составило 141 594 человека. Рост численности жителей области за счет переселившихся привел и к увеличению удельного веса калмыков с 67,8 до 75,5%. Но в последующие годы в связи с усилением межнациональной подвижности населения, развитием народного хозяйства, культуры значительно изменился национальный состав Калмыцкой автономной области, в частности уменьшилась доля коренной национальности. По данным 1933 г., население Калмыкии по сравнению с 1926 г. возросло почти на 26% и составило 178 235 человек, в том числе калмыков – 121 515 (68,1%), т. е. доля коренного населения в общем составе снизилась на 7,4%. Однако только за 11–12 месяцев (1931–1932) – год второго этапа раскулачивания – численность калмыков уменьшилась со 126 000 до 121 515, т. е. на 4485 человек (3,6%), русских – с 54 256 до 51 931, т. е. на 2325 человек (4,3%)[90]. Если даже не учитывать естественную прибыль населения, то на втором этапе раскулачивания репрессированные, можно предположить, составили по области около 7 тыс. человек.

Не произошло серьезных изменений в социальной структуре населения области. Всего рабочих в промышленности, на транспорте, в строительстве и сельском хозяйстве в 1932 г. насчитывалось до 16 тыс. (в пределах 20% занятого населения области), в том числе только в совхозах – 4493 человека, фактически ничем не отличавшиеся по характеру труда, быта от колхозников, в МТС – почти 4,5 тыс. человек, в рыбной промышленности – около 6 тыс.[91] Социальную структуру населения области по роду занятий можно представить в следующем виде: колхозное крестьянство – около 50%, рабочий класс – приблизительно 20%, служащие – в пределах 15%, крестьяне-единоличники – 4,5%.

Советское государство реализовывало свою программу национальной политики как составную часть программы построения социализма. В связи с этим, как показала практика, не допускались какие-либо отклонения от генеральной линии и не учитывались особенности исторического развития народов, вовлеченных в социалистическое строительство. Руководствуясь положениями марксистско-ленинской теории о развитии, минуя капитализм, отставших в социально-экономическом отношении народов, советская

власть направляла усилия на ликвидацию их фактического неравенства. Мобилизация сил и огромная государственная помощь позволили несколько поднять уровень их культурного и социально-экономического развития.

Но несмотря на все эти впечатляющие свидетельства экономика Калмыкии была все еще слаба и развивалась однобоко: в основном овцеводство – экстенсивным путем, превращаясь в сырьевую отрасль. На одно хозяйство (коллективизированное, государственное) в среднем приходились два-три трактора и одна автомашина. Промышленность была представлена лишь тремя маломощными кирпичными заводами (в 1934 г. производилось 6420 тыс. шт. кирпича) и небольшими типографиями. Хотя общая протяженность дорог области составляла 4612 км, но из них грейдированных было лишь 4%. При достаточных объемах сельскохозяйственного сырья не создавалась, за исключением рыбной, перерабатывающая промышленность. Это оборачивалось значительным дефицитом бюджета, доходная часть которого росла очень медленно: если в 1931 г. она составляла 20,9%, то к 1935 г. – 41,2%, ежегодная дотация была порядка 60%[92].

В этот период партия делала упор на создание единой советской культуры. На этом фоне национальные традиции, обычаи нивелировались, нередко даже утрачивались. С 1920 по 1930 г. началось наступление на религию в целом по стране, и в частности на ламаистскую церквь и буддийское духовенство (закрывались храмы, уничтожались предметы культа, старинные церковные рукописи, книги, а драгоценные изделия в установленном порядке отправлялись в хозчасть ОГПУ–НКВД СССР). В результате репрессивных мер, а также атеистического воспитания огромный ущерб был нанесен самобытной национальной культуре, лучшим народным традициям, стали предавать забвению обычаи, язык. Кроме того, этому способствовала частая смена письменности.

Расширение задач хозяйственного и социально-культурного строительства в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства, необходимость совершенствования управления вызвали потребность внесения существенных изменений в систему административно-территориального устройства страны, созданного на основе

экономического районирования и сыгравшего положительную роль на определенном этапе.

В новых условиях централизации управления возникла необходимость разукрупнения существующих административно-территориальных единиц. В связи с этим 10 января 1934 г. постановлением Президиума ВЦИК Нижне-Волжский край был разделен на Саратовский и Сталинградский края. В состав последнего вошла Калмыцкая автономная область.

Значительные изменения произошли в административно-территориальном делении Калмыцкой автономной области в 1934–1935 гг. В первую очередь был разукрупнен один из самых больших улусов Калмыкии – Центральный (территория – 31 254 кв. км, население – 50 100 человек, населенных пунктов – 127, сельских советов – 25). Из этого улуса постановлением Президиума ВЦИК в начале 1935 г. был выделен Черноземельский улус (с центром – село Яшкуль) в составе шести сельских советов.

В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК "О новой сети районов Сталинградского края и улусов Калмыцкой автономной области" от 25 января 1935 г. Приморский улус (территория – 6700 кв. км, население – 50 700 человек, населенных пунктов – 183, сельских советов – 28) был разделен на Долбанский и Лаганский улусы. Этим же постановлением было утверждено административно-территориальное деление Калмыцкой автономной области в составе семи улусов (Долбанский, Лаганский, Западный, Приволжский, Сарпинский, Центральный и Черноземельский), которое было закреплено в статье 14 Конституции Калмыцкой АССР 1937 г.[93]

Очередная перевыборная кампания советов совпала с завершением реформы административно-территориального устройства области. К этому времени в Калмыкии действовали 98 сельских, 1 поселковый, 1 городской и 6 улусных советов во главе с областным советом.

Выборы советов в Калмыкии проходили в соответствии с избирательным законодательством СССР 1930 г. Калмыцкий облисполком завершил к концу сентября 1934 г. всю подготовительную работу к проведению перевыборов советов. Сроки проведения отчетов сельских советов были установлены с 10 по 30 октября, перевыборы сельских, го-

родского и поселкового советов – с 1 по 15 ноября 1934 г., улусные съезды советов должны были пройти в один день – 25 ноября. Норма представительства депутатов в сельские советы была установлена из расчета 1 делегат от 100 человек населения села, поселка; на улусный съезд советов – 1 делегат от 300 человек населения улуса; на областной съезд советов – 1 делегат от 500 человек населения области.

До начала перевыборной кампании участковыми избирательными комиссиями и исполкомами почти полностью были решены вопросы о лишении избирательных прав некоторых категорий граждан области. В этой перевыборной кампании число лиц, лишенных права голоса, было значительно меньше, чем в предыдущей. В Западном улусе после уточнения списков 1931 г. число лишенных избирательных прав уменьшилось с 620 до 97, в Приволжском улусе – с 225 до 193. В целом по области количество лиц, лишенных права голоса по сравнению с 1931 г. сократилось вдвое.

Явка избирателей на выборах сельских, городского и поселкового советов в 1934 г. составила 79,4%. Хотя этот показатель был несколько выше, чем на предыдущих выборах, все же он оказался меньше, чем в целом по стране, почти на 5%. В результате выборов в состав 98 сельских, 1 городского и 1 поселкового советов были избраны 2376 депутатов, в том числе женщин 673 (28,3%), членов партии и комсомола – 850 (35,8%). На пленумах сельских советов были сформированы улусные органы государственной власти – улусные съезды советов, которые, в свою очередь, избрали 301 делегата на областной съезд Советов[94].

Завершающим этапом в перевыборной кампании 1934 г. явился XI областной съезд Советов, состоявшийся 23–27 декабря. Явка его делегатов составила 92% (277 человек). Партийный состав съезда заметно отличался от всех предыдущих в количественном отношении. Калмыцкий обком партии сумел обеспечить явное большинство (72%) членов партии и комсомола в составе областного съезда Советов, т.е. за 10 лет (1924–1934) число членов партии и комсомола на областных съездах увеличилось с 44,6 до 72%. За этот же период представительство женщин в областном органе власти увеличилось с 6,9 до 20,1% (58 человек), представительство русских – с 19,3 до 38,8%, а калмыков уменьшилось с 79,5 до 63,1%.

На последнем заседании, 27 декабря 1934 г., областной съезд советов по предложению фракции коммунистов сформировал Калмыцкий облисполком в составе 95 членов и 33 кандидатов в члены исполкома.

В состав Калмыцкого облисполкома XI созыва были избраны: женщины – 28 человек (22%), калмыки – 85 (66%), русские – 38 (29,7%), члены партии – 110 (86%). Если смотреть по партийному составу, большинство мест в облисполкоме занимали коммунисты (86%), а по роду деятельности – служащие (53,1%). В связи с увеличением количественного состава впервые в облисполком был избран 41 человек (32%)[95].

В 1920–1930-е годы получает дальнейшее развитие советская политическая организация Калмыкии. В политической системе советского общества ключевые позиции отводились коммунистической партии, выполнявшей роль передового отряда трудящихся, руководящего ядра всех государственных и общественных организаций (Конституция РСФСР 1937 г., статья 130). Аналогичное положение в политической системе Калмыкии заняла областная партийная организация, сосредоточившая в своих руках полновластие в политической, культурной и хозяйственной жизни общества.

"Конституционное" руководящее положение большевиков в стране заставляло их держать свои ряды в "чистоте". В целях якобы сплочения партийной организации в 1929 г. (июль–ноябрь) была проведена так называемая большая чистка ее рядов. В результате чистки из партии большевиков были исключены 282 человека и добровольно отказались от членства в партии 18 человек. В общей сложности областная партийная организация уменьшилась на 300 человек (на 16%, т. е. вдвое превысился аналогичный показатель в партии ВКП(б) в целом). Кроме того, на 313 коммунистов были наложены различные партийные взыскания, т.е. на какой-то период их репутация была подорвана и карьера приостановлена. Одновременно в партию были приняты только рабочие совхозов, МТС и батраки – около 200 человек. Поскольку превалировал социальный критерий, то заметно изменился качественный состав областной партийной организации (до чистки служащие составляли почти 30%) и сузился круг претендентов в номенклатурный состав.

В годы форсированной коллективизации областная партийная организация пополнялась в значительной степени за счет колхозников. Только с 1930 по 1932 г. областная партийная организация увеличилась с 1774 до 2546 человек (на 43,5%)[96]. В связи с очередной чисткой в 1933 г. прием в партию был приостановлен, и к концу 1935 г. в областной партийной организации осталось 2192 коммуниста, т. е. по сравнению с 1932 г. она сократилась на 354 человека (на 14%), а количество служащих уменьшилось до 19,5%. За этот же период представительство рабочих и крестьян в областной партийной организации возросло с 73 до 80,5%[97]. Хотя грамотность населения Калмыкии к началу 1930-х годов поднялась до 38%, в составе областной партийной организации неграмотные и малограмотные составляли до 80%.

С первых же дней прихода власти большевики в целях недопущения децентрализации власти и управления взяли под контроль национальные районы. Для этого на местах был создан институт партийных "надсмотрщиков", действовавших в разных регионах и принимавших различные названия. В Калмыкии постоянно находились работники ЦК РКП(б), ВКП(б) в качестве: официального представителя (1918–1921 гг. – К.Р. Герценберг); ответственного секретаря обкома партии (август 1921 – ноябрь 1927 г. – И.Р. Марбуш-Степанов, Т.К. Борисов, И.К. Глухов); второго секретаря обкома партии (январь 1932 – ноябрь 1935 г. – М.А. Бурмистенко, впоследствии секретарь ЦК Компартии Украины); первого секретаря обкома партии (ноябрь 1935 – начало 1939 г. – И.Н. Карпов).

Областную партийную организацию недолгое время в разные годы возглавляли представители коренной национальности. Со времени организации и в течение полугода (февраль–август 1921 г.) ответственным секретарем обкома партии являлся А.Ч. Чапчаев. В ноябре 1927 г. на пост ответственного секретаря был избран калмык Х.М. Джалыков, проработавший в этой должности до начала 1934 г., а с января 1934 по ноябрь 1935 г. первым секретарем был А.П. Пюрбеев. Оба работали под контролем представителя ЦК ВКП(б) М.А. Бурмистенко, второго секретаря. Подобное положение местных деятелей ставило их, как справедливо сейчас отмечается, в "кукольное положение во власти", вынуждая

фразерствовать на бумаге, будучи бессильным провести что-то в жизнь"[98].

Одно из важных мест в политической системе Калмыкии принадлежало профсоюзам, находившимся под политическим руководством партии большевиков. Партия стремилась участвовать в управлении предприятиями, организациями, интенсифицировать труд рабочих, служащих не только через партийные и комсомольские ячейки, но и с помощью профсоюзных органов. Поэтому большевики постоянно заботились о количественном росте профсоюзов. К 1935 г. профсоюзная организация области по сравнению с 1925 г. возросла почти втрое и составила около 15 тыс. человек.

Не менее значимую роль в развитии политической системы партийная организация придавала комсомолу. Исторически комсомол был первой организацией, сплотившей массы молодежи в масштабе всей страны. Партийные организации сплачивали молодежь на основе коммунистической платформы. Партия, осуществляя политическое руководство комсомолом, всегда рассматривала юношеское движение как составную часть революционного рабочего движения, а воспитание молодежи – как составную часть борьбы за революционное преобразование общества. Поэтому областная партийная организация уделяла серьезное внимание вовлечению юношества в коммунистический союз молодежи. Областная комсомольская организация за 1925–1935 гг. выросла с 2861 до 6529 человек, т.е. в 2,3 раза. За это же время изменился ее качественный состав. Если в 1925 г. комсомольскую организацию представляли только бедняки, батраки, то в 1935 г. в комсомол вовлекались рабочие предприятий, совхозов (1066 человек), колхозная молодежь (3294 человек), учащиеся школ, средних специальных учебных заведений (1279 юношей и девушек)[99].

Таким образом, партийные организации расширяли социальную основу не только политических и общественных объединений, но и всей политической системы советской Калмыкии. За 15 лет развития в рамках автономного образования в Калмыкии в основном сложились социально-культурные, экономические, политические основы ее государственности, давшие основание для преобразования Калмыцкой автономной области в Калмыцкую автономную республику.

Подводя к середине 1930-х годов итоги социально-экономического, культурного, политического развития советского общества, коммунистическая партия, как известно, сделала вывод о полной победе социализма в стране. В связи с этим вносились изменения в систему и структуру органов государственной власти, демократические элементы в избирательное право, а также началось обновление конституционного законодательства страны, союзных, автономных республик.

В эти же годы в стране были проведены преобразования ряда автономных областей и автономных республик в более высокие формы их государственного устройства. Совпавший с этим временем 15-летний юбилей автономии калмыцкого народа послужил поводом для принятия решения высшим органом государственной власти РСФСР решения о преобразовании административно-политической автономии Калмыкии в государственно-политическую – автономную республику. Президиум ВЦИК, как сказано в Постановлении от 22 октября 1935 г., учитывая волеизъявление трудящегося населения Калмыкии, преобразовал Калмыцкую автономную область в существующих границах в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику[100].

Таким образом, Калмыкия, вступая в качественно новый этап национально-государственного строительства как субъект РСФСР, приобретала статус социалистического национального государства. Как национальное государство, автономная республика имела свои Конституцию, законодательство, высшие органы государственной власти и управления, отраслевые органы государственного управления, судебные органы, территорию, населенную коренным народом, давшим имя республике, и другие атрибуты государственности. В связи с этим партийным, государственным органам Калмыкии предстояло подготовить проект Конституции, в установленном порядке сформировать высшие органы государственной власти и управления.

[1] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г.–16 марта 1918 г. С. 8.

[2] Там же. С. 40.

[3] Там же. С. 341–343.

[4] *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России: В 3 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 163, 164.

[5] Первые декреты Советской власти: Сборник факсимильно воспроизведенных документов. М., 1987. С. 309.

[6] *Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И.* Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста, 1968. С. 67.

[7] К истории образования автономной области калмыцкого народа (октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.): Сб. документов и материалов. Элиста, 1960. С. 37–39.

[8] *Илюмжинов К.Н., Максимов К.Н.* На пути к демократии. Элиста, 1998. С. 19–21.

[9] *Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И.* Указ. соч. С. 98.

[10] Высшие органы исполнительной власти Калмыкии: История и современность (1918–2000 гг.). Элиста, 2000. С. 17–18.

[11] *Нелидов А.А.* История государственных учреждений СССР, 1917–1936 гг.: (Учеб. пособие). М., 1962. С. 424.

[12] К истории образования автономной области калмыцкого народа. С. 43, 47.

[13] *Нелидов А.А.* Указ. соч. С. 424.

[14] *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Указ. соч. С. 192.

[15] *Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И.* Указ. соч. С. 104.

[16] К истории образования автономной области калмыцкого народа. С. 60.

[17] Там же. С. 60–63.

[18] *Максимов К.Н.* История национальной государственности Калмыкии. М., 2000. С. 108.

[19] *Борисенко И.В., Убушиева С.И.* Очерки исторической географии Калмыкии, 1917 г. – начало 90-х гг. XX в. Элиста, 2000. С. 55.

[20] *Команджаев А.Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX в.: Исторический опыт и современность. Элиста, 1999. С. 254; *Иванько Н.И., Наберухин А.И., Орехов И.И.* Указ. соч. С. 127.

[21] *Максимов К.Н.* Органы государственной власти и государственного управления Калмыцкой автономной области и документирование их деятельности (1920–1935 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 1971. С. 52.

[22] Первый общекалмыцкий съезд советов, 2–9 июля 1920 г.: Протоколы. Элиста, 1971. С. 9.

[23] Там же. С. 28.

[24] К истории образования автономной области калмыцкого народа. С. 72.

[25] Первый общекалмыцкий съезд советов. С. 216, 217.

[26] *Максимов К.Н.* Органы государственной власти... С. 19.

[27] К истории образования автономной области калмыцкого народа. С. 78, 79.

[28] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342.

[29] К истории образования автономной области калмыцкого народа. С. 70.

[30] Там же. С. 82–84.

[31] Список губерний РСФСР (с числом волостей) по данным на 1 августа 1921 г. М., 1921. С. 13; Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 179. Л. 57.

[32] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1923. № 14. Ст. 182; Административное деление СССР по данным к 15 мая 1923 г. М., 1923. С. 14.

[33] СУ РСФСР. 1924. № 7. Ст. 43.

[34] Там же. № 18. Ст. 189; № 24. Ст. 233; Территориальное и административное деление Союза ССР на 1 января 1925 г. М., 1925. С. 116–118.

[35] СУ РСФСР № 36. Ст. 256.

[36] Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста, 1980. С. 47, 52, 54.

[37] Резолюции III Общекалмыцкого съезда советов. Астрахань, 1922. С. 3–10.

[38] Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. С. 64.

[39] Очерки истории Калмыцкой АССР: Эпоха социализма. М., 1970. С. 111.

[40] Там же. С. 119.

[41] Калмыцкая АССР за 50 лет советской власти: Стат. сб. Элиста, 1967. С. 71; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1995. С. 368.

[42] НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 366. Л. 3.

[43] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 122–123; *Бадмаев С.Б.* Сельское хозяйство Калмыкии в восстановительный период // Ученые записки. Сер. ист. Элиста, 1975. № 12. С. 136; СУ РСФСР. 1925. № 20. Ст. 146; Хозяйственное и культурное состояние автономной области калмыцкого трудового народа: (Доклад Калмоблисполкома Совнаркому РСФСР). Астрахань, 1927. С. 30.

[44] *Оглаев Ю.О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста, 1987. С. 46, 47.

[45] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 130.

[46] Калмыцкая область за 10 лет Октябрьской революции. Астрахань, 1927. С. 74, 75.

[47] *Борисов Т.* Калмыкия. М.; Л., 1926. С. 73, 75.

[48] Калмыцкая область за 10 лет Октябрьской революции. С. 50; *Борисенко И.В., Убушиева С.И.* Указ. соч. С. 58.

[49] Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. С. 79, 100, 114; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 4: Коммунистическая партия за построение социализма в СССР, 1921–1937 гг., кн. 1: 1921–1929 гг. С. 323, 414, 517.

[50] *Илюмжинов К.Н., Максимов К.Н.* Указ. соч. С. 43, 45, 51.

[51] *Максимов К.Н.* Коренизация советского государственного аппарата Калмыцкой автономной области (1920–1929 гг.) // Ученые записки. Сер. ист. Элиста, 1974. № 10. С. 114.

[52] СУ РСФСР. 1924. № 41. Ст. 371.

[53] *Максимов К.Н.* Коренизация советского государственного аппарата… С. 119, 122.

[54] Калмыцкая АССР за 50 лет советской власти. С. 71; Российский статистический ежегодник. С. 368; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 145.

55 10 лет Калмыцкой автономной области (1920–1930 гг.). Астрахань, 1931. С. 82–85.

56 *Сартикова Е.В.* Образование Калмыкии: Истоки и становление. Элиста, 2000. С. 87, 91, 96, 119, 122, 124, 144.

57 Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 253–255.

58 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 443.

59 Резолюция II сессии пленума ЦИК IV созыва автономной области калмыцкого трудового народа, 25 февраля–1 марта 1924 г. Астрахань, 1924. С. 16; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 233. Л. 78.

60 *Максимов К.Н.* Решение административно-территориального устройства Советской Калмыкии в годы строительства социализма // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С. 113, 114.

61 Там же; СУ РСФСР. 1930. № 17. Ст. 207.

62 СУ РСФСР. 1930. № 17. Ст. 208; 1928. № 79. Ст. 544; № 137. Ст. 889; 1924. № 39. Ст. 358.

63 *Оглаев Ю.О.* Осуществление… С. 65.

64 Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 154, 155.

65 Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920–июнь 1937 гг.): Сб. документов и материалов. Элиста, 1981. С. 188, 189; *Оглаев Ю.О.* Подготовка социалистических преобразований в калмыцкой доколхозной деревне (1928–1929 гг.) // Ученые записки. Сер. ист. Элиста, 1968. № 6. С. 134.

66 *Бадмаев С.Б.* Указ. соч. С. 16.

67 Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 168; *Оглаев Ю.О.* Осуществление… С. 77.

68 *Оглаев Ю.О.* Осуществление… С. 93, 94.

69 *Басхаев А.Н.* Начало репрессий против калмыцкого духовенства (1929–1932 гг.) // Теегин герл. 2000. № 3. С. 115, 116.

70 Отчет Калмыцкого облисполкома. Элиста, 1930. С. 30; Российский статистический ежегодник. С. 368.

71 *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1952. Т. 12: Апрель 1929–июнь 1930. С. 191.

72 *Оглаев Ю.О.* Осуществление… С. 98, 101, 103.

73 История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971. Т. 4: Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР, 1921–1937 гг., кн. 2: 1929–1937 гг. С. 54; Урок дает история. М., 1989. С. 165.

74 *Шашков В.Я.* К вопросу о выселении раскулаченных семей в северный край, 1930–1933 гг. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 151.

75 *Оглаев Ю.О.* Осуществление… С. 110, 111, 113.

76 НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1435. Л. 23, 25; Д. 1624. Л. 67; Д. 1630. Л. 14.

77 Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР: Сб. науч. ст. Элиста, 1981. С. 114.

78 НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1630. Л. 15.

79 Там же. Д. 1624. Л. 67; Д. 1548. Л. 6; Д. 1549. Л. 2, 12; Д. 1573. Л. 10, 12, 13; Д. 1574. Л. 33, 34; Д. 1623. Л. 4, 5, 14, 17.

[80] Там же. Д. 1624. Л. 69, 70.

[81] Там же. Д. 1630. Л. 3–6; Д. 1624. Л. 70.

[82] *Оглаев Ю.О.* Осуществление… С. 113, 114.

[83] Очерки истории Калмыцкой организации КПСС; Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма и др.

[84] *Оглаев Ю.О.* Борьба за первый колхозный хлеб Калмыкии (1931–1932 гг.) // Проблемы социалистического строительства в Калмыкии. Элиста, 1980. С. 141, 142, 145, 147.

[85] *Бадмаев С.Б.* Указ. соч. С. 19.

[86] Там же. С. 26; *Оглаев Ю.О.* Осуществление… С. 138, 143.

[87] 15 лет Советской Калмыкии. Элиста, 1935. С. 18.

[88] Материалы к отчету Калмоблисполкома к 15-летию автономии Советской Калмыкии. Элиста, 1935. С. 7–19.

[89] Материалы к отчету… С. 67–72, 77–79, 82–85; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 215.

[90] *Борисенко И.В., Убушиева С.И.* Указ. соч. С. 64.

[91] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 188, 191.

[92] Постановления XI областного съезда советов Калмыцкой автономной области. Элиста, 1935. С. 9.

[93] СУ РСФСР. 1934. № 5. Ст. 34; 1935. № 3. Ст. 23; № 4. Ст. 49.

[94] НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1716. Л. 30, 47, 71–72, 78–80, 128; Д. 1718. Л. 53; Д. 1910. Л. 49; Д. 1959. Л. 3–12; Д. 1967. Л. 5 об.

[95] Там же. Д. 1728. Л. 22–25; Д. 1831. Л. 163, 164.

[96] Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. С. 130–135.

[97] *Бадмаев Н.Х.* Партийное строительство в Калмыцкой автономной области (1921–1929 гг.). Элиста, 1969. С. 32.

[98] Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С. 260, 261.

[99] Сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ. Элиста, 1978. С. 120.

[100] Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920 – июнь 1937 гг.). С. 304.

Глава пятая

КАЛМЫЦКАЯ АВТОНОМНАЯ РЕСПУБЛИКА В ГОДЫ ТОТАЛИТАРНОГО СОЦИАЛИЗМА И ЗАСТОЯ

К началу 1930-х годов партбюрократическая централизация достигла апогея, от федеративного государства остались только формальные элементы федерализма, активно раскручивался маховик сталинской репрессивной политики. Но с другой стороны, активно имитировался процесс советского национально-государственного строительства, решения национальных проблем. В эти же годы в директивном порядке был решен вопрос о переходе Калмыкии от формы национально-государственного образования к автономному национальному государству.

Вся организационная работа по подготовке и проведению сессии Калмоблисполкома, на которой предстояло решить вопросы правового оформления нового государственного статуса Калмыкии, сформировать высшие представительный (законодательный) и исполнительный органы государственной власти автономной республики, была проведена самим облисполкомом. Что касается вопросов подбора и расстановки руководящих кадров в формируемых новых органах власти, то ими занималось бюро обкома ВКП(б).

Все вопросы, связанные с преобразованием Калмыцкой автономной области в автономную республику были решены 2 ноября 1935 г. на торжественной юбилейной сессии Калмоблисполкома. С образованием автономного государства на основании Конституции РСФСР 1925 г. были созданы раздельные органы государственной власти – представительный и исполнительно-распорядительный. Вместо Калмоблисполкома, относящегося к системе исполкомов местных советов и выступавшего органом государственной власти (представительным) в период между областными

съездами советов, были сформированы Центральный исполнительный комитет Калмыцкой АССР, высший орган государственной власти в период между республиканскими съездами советов, и Совет народных комиссаров – правительство Калмыцкой АССР, ответственное перед республиканским съездом советов и ЦИК КАССР. Для организации и ведения практической работы ЦИК КАССР был избран президиум ЦИК, который фактически являлся постоянно действующим органом государственной власти между сессиями ЦИК. Данная система органов государственной власти (республиканский съезд советов, ЦИК КАССР и его президиум) просуществовала до принятия в 1937 г. Конституции Калмыцкой АССР.

Первый ЦИК Калмыцкой АССР был сформирован юбилейной сессией Калмоблисполкома временно в составе 95 членов и 33 кандидатов в члены, т.е. в составе бывшего облисполкома. В тот же день на сессии ЦИК председателем ЦИК КАССР был избран В.А. Хомутников, секретарем ЦИК – Г.И.Пахомов, сформирован президиум ЦИК в составе восьми членов (В.А. Хомутников – председатель, Г.И. Пахомов – секретарь, И.Н.Карпов, А.П. Пюрбеев, Б.М. Лялин, С.У. Убушиев, П.И. Тимофеев, Д.П. Педеров) и трех кандидатов (Н.И. Зимин, Э-Г.И. Церенов, У.М. Мукоокуев), который практически являлся постоянно действующим высшим органом государственной власти республики (по составу был партийно-государственным аппаратом, поскольку в нем были представлены в большинстве члены бюро обкома).

Первое правительство Калмыкии – Совет народных комиссаров – образовано 2 ноября 1935 г. постановлением сессии ЦИК Калмыцкой АССР. Председателем правительства республики был назначен А.П.Пюрбеев, заместителем председателя – А.Н. Быркин. В состав Совнаркома КАССР вошли: нарком земледелия С.У. Убушиев, нарком просвещения Б.Л. Лиджиев, нарком здравоохранения У.Д. Душан, нарком юстиции и прокурор республики П.Я. Хонхошев, нарком социального обеспечения И.И. Шарапов, нарком финансов Б.М. Лялин, нарком местной промышленности Э.-А.К. Кекеев, начальник управления внутренних дел П.И. Тимофеев и уполномоченный Наркомата заготовок СССР при СНК КАССР Т.Л. Москалев[1].

Поскольку республиканские съезды советов созывались лишь периодически, постоянно действующим высшим органом государственной власти на территории республики был ЦИК КАССР. Как представительный орган, он избирался республиканским съездом советов. I республиканский съезд Советов был созван в начале 1936 г., этому предшествовали выборы в сельские, городской, поселковый советы, в улусные съезды советов, проведенные в соответствии с Конституцией РСФСР 1925 г. и старым законодательством о выборах, съездах советов.

Подготовкой и проведением отчетно-перевыборной кампании советов занимались президиум ЦИК КАССР и республиканская избирательная комиссия во главе с Д.П. Пюрвеевым, заместителем председателя Калмыцкого ЦИК. Несколько позднее, 2 января 1936 г., руководство работой избирательной комиссии КАССР было возложено на В.А. Хомутникова, председателя ЦИК КАССР. Во всех сельских, поселкового, городского, улусных советах перевыборами были заняты избирательные комиссии под руководством председателей исполкомов. Подготовительная работа была завершена к началу декабря 1935 г. Сроки проведения перевыборов советов были установлены с 5 по 14 декабря.

В ходе перевыборной кампании в состав сельских, поселкового и городского советов были избраны 2338 человек, в том числе женщин – 637 (27,2%), членов партии и комсомола – 792 (33,9%). Явка избирателей на выборах указанных категорий советов в декабре 1935 г. составила 78%, что на 14% меньше, чем на предыдущих выборах. На пленумах сельских и поселкового советов, состоявшихся в январе–феврале 1936 г., были сформированы соответствующие улусные органы государственной власти – улусные съезды советов в количестве 684 делегатов.

На улусные съезды советов, состоявшиеся с 10 по 18 февраля 1936 г., прибыло 657 делегатов (96%), в том числе женщин – 155 (23,6%), калмыков – 452 (68,8%), русских – 181 (27,5%), членов партии и комсомола – 369 (56,1%). В числе улусных делегатов высшее образование имели всего 14 человек (2,1%), среднее – 81 (12,3%), низшее – 454 (69,1%), неграмотные составляли 108 человек (16,4%). Впервые на улусные съезды советов был избран 291 делегат (44,3%).

Улусные съезды советов, выдвинув из своего состава делегатов на I республиканский съезд Советов, сформировали высший орган государственной власти Калмыцкой АССР из 194 делегатов (фактическая явка из 226 человек). Норма делегатов на республиканский съезд советов от улусов была установлена постановлением президиума ЦИК КАССР от 2 февраля 1936 г. в следующем количестве: Западный – 29, Сарпинский – 45, Центральный – 37, Приволжский – 24, Черноземельский – 13, Долбанский – 25, город Элиста – 17[2].

I республиканский съезд Советов начал свою работу 20 февраля 1936 г. Все его рабочие органы были сформированы по предложению партийной фракции съезда (предлагал секретарь Лаганского улускома ВКП(б) Л.К. Килганов), т.е. она полностью взяла в свои руки руководство работой съезда. В нем принимали участие приглашенные: председатель СНК РСФСР Д.Т. Сулимов, секретарь Сталинградского крайкома ВКП(б) Гольдин, в качестве делегатов И.М. Варейкис, секретарь крайкома ВКП(б), С.М. Кузнецов, председатель крайисполкома, О.И. Городовиков, командир корпуса, заместитель командующего войсками Среднеазиатского военного округа.

В работе съезда Советов участвовали 194 делегата (явка составила 85,8%), которые представляли всего 0,9% избирателей республики. В составе делегатов были представлены: женщины – 39 (20,1%), калмыки – 126 (64,9%), русские – 59 (30,4%), члены и кандидаты в члены ВКП(б) – 113 (58,2%), члены ВЛКСМ – 27 (13,9%), с высшим образованием – 15 (7,7%), со средним – 27 (13,9%), с низшим – 141 (72,6%), неграмотные – 11 (5,6%). Впервые были избраны делегатами республиканского областного съезда советов 88 человек (45,3%).

В последний день работы I республиканского съезда Советов, 23 февраля 1936 г., был избран по предложению фракции коммунистов Центральный исполнительный комитет в количестве 101 человека. Все кандидатуры предварительно были рассмотрены в соответствующих улускомах ВКП(б) и бюро Калмыцкого обкома ВКП(б). В результате открытого голосования в целом по списку был сформирован ЦИК КАССР в указанном количестве[3].

В состав высшего органа государственной власти республики впервые были избраны почетные члены, прожива-

ющие и работающие за ее пределами (И.М. Варейкис, О.И. Городовиков, С.М. Кузнецов). С этого времени институт почетных членов начинает прочно входить в практику комплектования высших органов власти национальных республик. В соответствии с должностным положением в ЦИК были введены все члены бюро обкома и большинство членов обкома ВКП(б). Поэтому не случайно коммунисты в ЦИК составили большинство – 62,4%, комсомольцы – 6,9%. Представительство женщин в ЦИК оставалось на уровне прежних созывов (24,7%).

К этому времени заметно изменился образовательный уровень членов ЦИК КАССР: 15 членов (14,9%) имели высшее образование, 16 (15,8%) – среднее, 67 (66,3%) – низшее, число неграмотных уменьшилось до 3 человек (3%). Состав ЦИК КАССР обновился на 44,5% (45 человек были избраны впервые). В соответствии с национальным составом республики в ЦИК значительное количество мест (70 человек, или 69,3%) занимали калмыки, 26 мандатов принадлежало русским (25,7%), представителям других национальностей – 5 (4,9%)[4].

На первом же организационном заседании 23 февраля 1936 г. ЦИК КАССР сформировал президиум ЦИК и правительство республики в прежних составах[5].

Образование автономного государства привело к необходимости разработки и принятия Основного Закона. Однако к моменту провозглашения Калмыцкой АССР проект ее Основного Закона не разрабатывался, так как в стране в это время шла подготовка к принятию новой Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик.

Работа по подготовке к принятию конституций национальных государств в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. началась накануне принятия Основного Закона СССР. В целом эта работа в союзных и автономных республиках завершилась к концу 1937 – началу 1938 г. До принятия нового конституционного законодательства правовой статус Калмыцкой АССР как субъекта РСФСР определялся Конституцией РСФСР 1925 г. и другими законодательными актами РСФСР.

Конституция РСФСР 1925 г., базируясь на принципиальных положениях “Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа”, подтвердила, что Российская Республика

строится на основе федерации национальных советских республик. Конституция объявила о недопущении каких-либо ограничений или ущемлений прав национальных меньшинств и признала "права за отдельными национальностями на выделение, по решению их съездов советов, с утверждения верховных органов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в автономные советские социалистические республики и области".

Сохранив основные признаки РСФСР как унитарного государства и даже более четко отразив их, она установила, что конституции автономных республик окончательно утверждаются Всероссийским съездом Советов, а положения автономных областей – ВЦИК. Кроме того, высшие органы власти РСФСР наделялись правом отмены нормативных актов высших органов власти автономных республик и автономных областей, если они противоречили Конституции и законам РСФСР. Конституция РСФСР 1925 г. подтвердила неограниченность полномочий высших органов государственной власти РСФСР, что является характерным признаком унитарного государства.

В Конституцию была введена новая глава – "Об автономных советских социалистических республиках и областях", в которой устанавливались система органов власти и управления автономных республик и областей, объем их компетенции, а также полномочия. Судя по этой главе, законодатель признавал субъектом РСФСР и автономные области, хотя в этом качестве федерации в статье 2 были обозначены только автономные республики.

В ноябре 1936 г., в связи с необходимостью обсуждения проекта Конституции СССР и выборов делегатов от Калмыкии на II краевой, XVII Всероссийский, VIII чрезвычайный Всесоюзный съезды Советов, был созван II чрезвычайный съезд Советов Калмыцкой АССР. Президиум ЦИК Калмыцкой АССР, приступив к подготовке II чрезвычайного съезда Советов, 8 сентября своим постановлением установил, что выборы делегатов на улусные съезды осуществляются на пленумах сельских и поселковых советов, на чрезвычайный республиканский съезд советов – на улусных съездах советов и на пленуме городского совета. Этим же постановлением были определены сроки проведения пленумов сельских советов – с 5 по 15 октября 1936 г., улусных

съездов советов и пленума городского совета – с 1 по 5 ноября 1936 г., II чрезвычайного съезда Советов КАССР – 10 ноября 1936 г.[6]

II чрезвычайный съезд Советов республики начал свою работу 10 ноября 1936 г. По предложению представителей партийной фракции съезда были сформированы его рабочие органы (президиум, секретариат, мандатная и редакционная комиссии), почетный президиум в составе членов Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждена повестка заседаний (проект Конституции СССР; выборы делегатов на II краевой, XVII Всероссийский и VIII Всесоюзный съезды Советов; принятие Конституции Калмыцкой АССР). Из 226 избранных делегатов на первое заседание съезда, проходившего 10–12 ноября 1936 г., прибыли 178 (явка 78,7%).

После обсуждения и принятия резолюции по проекту Конституции СССР были решены вопросы по делегированию представителей республики на краевой (в количестве 43 человек), Всероссийский и Всесоюзный съезды Советов (по два человека, И.Н. Карпов и А.П. Пюрбеев, на оба съезда). Все эти кандидатуры были предложены списком от имени партийной фракции съезда и приняты единогласно открытым голосованием. Таким образом, от республики два делегата на предстоящие заседания высших органов государственной власти РСФСР и СССР были избраны 178 членами (0,2% избирателей республики) республиканского съезда советов.

В связи с подготовкой проекта Конституции Калмыцкой АССР заседание II чрезвычайного съезда Советов республики было прервано и перенесено на 1937 г. Возобновил он свою работу 21 июня 1937 г. для обсуждения проекта и принятия Конституции Калмыцкой АССР. Из 226 делегатов, избранных в 1936 г., прибыли на второе заседание чрезвычайного съезда советов 207 (явка составила 91,6%). Фактически в работе съезда принимали участие 200 делегатов, поскольку 7 делегатов (У.Д. Душан, Э.Х. Отхонов, Э.К. Кекеев, М.Б. Дедеев, Д.Л. Нормаев, С. Урлаков, Л. Манджиев) были признаны врагами народа и лишены делегатских мандатов. Большинство делегатов были членами коммунистической партии (110 человек, или 53,1%) и комсомольцами (25, или 12%) и вместе составляли 65,1%. В соответствии с соотношением национального состава в республике (кал-

мыков – 66%, русских – 22%) калмыков было избрано делегатами и прибыло 139 человек (67%), русских – 59 (28,5%). В числе участников было 40 женщин (19,3%), впервые избранных – 66 человек (32%), награжденных орденами – 15 человек (7,2%).

Несмотря на вывод партии о полной победе социализма и об огромных успехах в культуре и образовании национальных районов, все же образовательный уровень населения республики этому не соответствовал. В составе делегатов чрезвычайного съезда советов еще высок был уровень малограмотных (67,1%) и неграмотных (6,3%), с высшим образованием было всего 17 человек (8,1%), со средним – 38 (18,3%).

II чрезвычайный съезд Советов республики, приняв Конституцию Калмыцкой АССР в соответствии с Конституцией СССР 1936 г., завершил один из этапов развития советского государства и социалистической демократии, которая отождествлялась с диктатурой пролетариата. Практика проведения избирательных кампаний и формирования органов государственной власти всех уровней подтверждает, что советская демократия была ограничена жесточайшим контролем правящей партии коммунистов.

Новые Конституции СССР, РСФСР и Калмыцкой АССР внесли принципиальные изменения в политическую основу советской государственности, избирательные и конституционные права граждан. Коммунистическая партия, сделав вывод о ликвидации капиталистических форм экономики и эксплуататорских классов, конституционно закрепила превращение пролетарской демократии в общенародную, расширение социальной базы представительных органов власти. В связи с этим советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов были преобразованы в советы депутатов трудящихся.

В январе 1937 г. была принята новая Конституция РСФСР, в которой конкретно перечислялись все субъекты Российской Федеративной Республики – края, области, автономные республики, автономные области. Всего называлось 47 субъектов, в том числе 17 автономных республик и 6 автономных областей. Сохранив прежнее положение об утверждении конституций автономных республик, она ввела дополнительный пункт – об утверждении границ и

районного деления автономных республик и автономных областей.

Специальная статья 20, посвященная Конституции автономной республики, законодательно оформила председателей президиумов Верховных Советов автономных республик в качестве заместителей Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Новая Конституция повысила статус автономной республики как субъекта РСФСР, но в то же время узаконила принципы построения унитарного государства, сохранив вертикальную власть и подчиненность органов власти и управления по иерархической лестнице (проверка работы нижестоящих органов, приостановка их актов).

В соответствии с основными принципами Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. была разработана и принята в июне 1937 г. первая Конституция Калмыцкой АССР. Это, как свидетельствуют различные исторические источники, вызвало подлинную радость и энтузиазм среди населения республики. Народ Калмыкии расценивал этот факт как величайшее историческое событие. Конституция республики стала в то время своеобразным олицетворением национальной государственности, достижений и перспектив демократии, справедливости и равенства. Она действительно была таковой по общему настрою и по своему содержанию.

Но, к сожалению, один небольшой по объему, но глубокий по смыслу документ, хранящийся в фондах республиканского архива, проливает свет на многие стороны тогдашней действительности и на так называемую социалистическую демократию. Все это подтверждается содержанием самого документа, созданного в дни разработки и принятия Конституции (Основного Закона) Калмыцкой АССР 1937 г. Текст этой небольшой телеграммы ЦИК Калмыцкой АССР, отправленной 5 июня 1937 г. во ВЦИК, такой: “20 июня с.г. открывается чрезвычайный съезд Советов Калмыцкой АССР для принятия Конституции КАССР. Итак, проект Конституции КАССР опубликован для обсуждения.

Подготовляясь к съезду, мы столкнулись со следующим неясным для нас вопросом: проект нашей Конституции рассмотрен и утвержден директивными органами в настоящей

редакции. Возможно, что в процессе обсуждения проекта в печати и на съезде будут внесены поправки или изменения (хотя бы не существенно изменяющие) в утвержденный текст, которые будут изменять текст. Просим вашего разъяснения. Заместитель председателя Центрального исполнительного комитета КАССР Пюрвеев"[6].

Текст не нуждается в комментариях. Утверждение Конституции автономной республики верховным органом РСФСР до ее принятия на месте – это не только грубейшее нарушение конституционных принципов национально-государственного устройства страны.

Основной Закон республики провозгласил Калмыцкую АССР социалистическим государством рабочих и крестьян, вся власть в котором принадлежит советам депутатов трудящихся, непосредственно избираемым населением. Положение Конституции СССР о том, что советы выросли и окрепли в результате завоеваний диктатуры пролетариата, воспроизведенное в конституциях союзных и автономных республик, обусловило уточнение наименования политической основы государства. Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (в Калмыкии – советы трудового калмыцкого народа), в сущности отражавшие характер органов классового представительства, были преобразованы в советы депутатов трудящихся, которые, по мнению законодателя, уже точнее отражали социальный состав советского общества. Поэтому политическая основа Калмыцкой АССР как социалистического государства получила однотипное название – советы депутатов трудящихся.

Конституция РСФСР 1937 г. в отличие от предыдущих конституций определила принципы взаимоотношений Калмыцкой АССР с высшими органами власти и управления РСФСР, а также принципы представительства автономных республик в Президиуме Верховного Совета РСФСР и в самом Верховном Совете РСФСР. Статья 31 Конституции РСФСР гласила: "Верховный Совет РСФСР избирает Президиум Верховного Совета РСФСР в составе: Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, 17 его заместителей по числу автономных республик, секретаря Президиума и 20 членов Президиума". Конституция РСФСР закрепила новую систему высших органов государственной власти автономных республик, в основном аналогичную системе

высших органов власти союзных республик. Базируясь на этом положении, Конституция Калмыцкой АССР точно определила, что "высшим органом государственной власти Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики является Верховный Совет Калмыцкой АССР", избираемый гражданами республики, достигшими ко дню выборов 18 лет (статьи 19 и 102).

В Конституции Калмыцкой АССР было закреплено новое общественное и государственное устройство Калмыкии, установлена новая система ее органов государственной власти и управления, определены принципы их организации и деятельности, основные права и обязанности граждан республики, гарантирована более демократичная, чем прежде, избирательная система.

В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. Конституция Калмыцкой АССР ввела всеобщее избирательное право, означавшее, что все граждане республики, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав. В связи с конституционным закреплением всеобщего избирательного права у некоторых категорий граждан были восстановлены право участия в выборах и право быть избранными в органы народного представительства.

По Конституции Калмыцкой АССР (статья 103) выборы стали не только всеобщими, но и равными. Каждый гражданин имел один голос, и все граждане получали право участвовать в выборах на равных основаниях. В соответствии с этим положением устранялось неравенство в избирательных правах между рабочими и крестьянами при выборах делегатов на съезды советов. Кроме того, Конституция КАССР 1937 г. ликвидировала многостепенные выборы и установила прямые выборы во все представительные органы. Конституция устанавливала, что в соответствии с этим принципом выборы во все советы депутатов трудящихся, начиная от хотонного (сельского) и городского советов депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета Калмыц-

кой АССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов (ст. 106).

Демократизация порядка выборов выражалась также и в том, что открытое голосование было заменено тайным. Как отмечалось выше, вопрос об избрании на сходах, собраниях кандидата в депутаты сельского совета, на пленумах сельских советов, съездах улусных советов делегата на областной съезд советов решался открыто – путем поднятия рук и в целом по списку. Теперь же, по новому положению, избиратель этот вопрос решал один, в кабине и через урну. Ниже рассмотрим, как на практике реализовывались эти провозглашенные демократические принципы избирательного права, какую роль сыграло в этом процессе возведенное в конституционное положение коммунистической партии о том, что она является руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных (статья 93).

Но какова бы ни была Конституция, все же в ней закреплялось новое общественное и государственное устройство Калмыкии, устанавливалась новая система ее органов государственной власти и управления, определялись принципы их организации и деятельности, основные права и обязанности граждан республики, гарантировалась более демократичная, чем прежде, избирательная система.

Следует отметить, что Калмыцкая АССР, как автономное государство, не включалась в состав какой-либо административно-территориальной единицы. Согласно ст. 14 Конституции РСФСР она входила непосредственно в состав Российской Федерации и осуществляла государственную власть на автономных началах.

В соответствии с этим положением в Конституции РСФСР были определены принципы взаимоотношений автономных республик с высшими органами власти и управления РСФСР, а также принципы представительства автономных республик в Президиуме Верховного Совета РСФСР и в самом Верховном Совете РСФСР.

Конституция РСФСР 1937 г. закрепила новую систему высших органов государственной власти автономных республик, в основном аналогичную системе высших органов власти союзных республик. С принятием в 1937 г. Конституции Калмыцкой АССР прекратили свое существование

республиканские съезды советов, ЦИК КАССР – высшие органы государственной власти республики. В соответствии со статьями 56–64 Конституции РСФСР 1937 г. высшим органом государственной власти республики стал Верховный Совет Калмыцкой АССР, избираемый сроком на четыре года, а между его сессиями – Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР.

Конституция Калмыцкой АССР 1937 г. (статьи 22 и 50) определила сроки полномочий депутатов Верховного Совета и местных советов республики. Они избирались соответственно сроком на четыре и два года. В смысле состава и срока действия полномочий депутатов, в отличие от республиканского съезда советов, улусного съезда советов, Верховный Совет и местные советы республики являлись постоянными органами государственной власти.

Верховный Совет Калмыцкой АССР, по Конституции республики 1937 г., избирался гражданами Калмыкии, достигшими ко дню выборов 18 лет, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Верховный Совет Калмыцкой АССР согласно ст. 22 Конституции КАССР 1937 г. избирался по избирательным округам, построенным по новому положению только по территориальному признаку, из расчета один депутат от 3 тыс. человек.

После принятия Конституции Калмыцкой АССР значительные изменения произошли в административно-территориальном делении республики. В результате разукрупнения улусов (постановление ВЦИК от 24 января 1938 г.) в административно-территориальное устройство Калмыцкой АССР входило 13 улусов (Долбанский – в составе 13 сельских советов, Лаганский – 8 сельских советов, Приволжский – 7 сельских советов, Западный – 6 сельских советов, Улан-Хольский – 7 сельских советов, Яшалтинский – 11 сельских советов, Молодербетовский – 9 сельских советов, Сарпинский – 9 сельских советов, Кетченеровский – 7 сельских советов, Юстинский – 7 сельских советов, Черноземельский – 7 сельских советов, Троицкий – 8 сельских советов, Приютненский – 10 сельских советов), 109 сельских советов, одного города республиканского подчинения, одного рабочего поселка[7].

Конституция Калмыцкой АССР сохранила прежний высший орган государственного управления республики – Совет народных комиссаров, однако его правовое положение существенно изменилось. Конституция, определив место СНК КАССР, как исполнительно-распорядительного органа, в системе органов государственной власти и управления республики, более четко разграничила компетенцию и порядок нормотворчества этих органов. Правительство республики – Совнарком, будучи органом общей компетенции, наделялся широкими полномочиями по руководству хозяйственным и социально-культурным строительством, по объединению и направлению деятельности всех звеньев и подразделений подчиненного ему управленческого аппарата. Эти вопросы полностью были регламентированы в статьях 38–48 Основного Закона КАССР, в сущности соответствовавших статьям 64–72 Конституции РСФСР.

В отдельной, VI, главе были зафиксированы бюджетные права республики и определены основные источники доходной части бюджета. В ней предусматривалось, что составление бюджета входит в компетенцию правительства, а утверждается он Верховным Советом Калмыцкой АССР.

В республике, как и во всем Союзе, была установлена единая система судов, построенная применительно к ее административно-территориальному делению, первым звеном которой являлся народный суд. Он избирался сроком на три года гражданами улуса на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании (ст. 77). Надзор за деятельностью судебных органов возлагался на высший судебный орган республики – Верховный суд, избираемый Верховным Советом Калмыцкой АССР сроком на пять лет. Конституция предусмотрела ведение судопроизводства на русском и калмыцком языках.

Высший надзор за исполнением социалистической законности всеми органами государственного управления и подведомственными им учреждениями, а также должностными лицами и гражданами на территории Калмыцкой АССР, по ее Конституции, осуществлялся как непосредственно прокурором СССР, так и через прокурора РСФСР и прокурора Калмыцкой АССР.

Новое конституционное законодательство принималось в сталинские годы, в период массовых репрессий советских

людей. Зафиксированные конституционные права граждан были фикцией. Когда читаешь статьи, главы, посвященные правам граждан, действительно складывается впечатление, что все граждане СССР, в том числе и Калмыкии, обладали демократическими правами и политическими свободами, что обеспечивалась неприкосновенность личности, их жилища и т.д. Конституция отразила достижения в решении национального вопроса и возвела в ранг закона принципы равноправия граждан. В действительности все эти конституционные положения остались на бумаге и абсолютно не мешали отправлять людей в концлагеря, расстреливать, репрессировать целые народы. Это свидетельствовало о том, что была Конституция, но не было конституционного строя.

Хотя в конституционном законодательстве нет и намека на репрессивную политику советского государства, но тем не менее в конституциях автономных республик отразилось особое положение органов внутренних дел. В статье 64 Конституции Калмыцкой АССР 1937 г. сделано исключение, определявшее, что в улусах отделы внутренних дел создаются Наркоматом внутренних дел республики и утверждаются Президиумом Верховного Совета КАССР. Если остальные отделы улусного исполкома формировались сессией улусного совета, то отдел внутренних дел, как видим, был поставлен в особое положение. Поэтому не случайно председатель ЦИК Калмыцкой АССР 28 июля 1937 г. письменно обратился к наркому внутренних дел СССР, генеральному комиссару Госбезопасности Н.И. Ежову с просьбой дать распоряжение об организации НКВД Калмыцкой АССР[8], хотя образование отраслевых органов государственного управления республики относилось, по Конституции КАССР, к компетенции Центрального исполнительного комитета Калмыцкой АССР.

При всей своей декларативности Конституция КАССР 1937 г. явилась Основным Законом, законодательно оформившим более высокую ступень национальной государственности, правовой статус Калмыцкой АССР в качестве субъекта Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Она послужила юридической базой для создания законодательства автономной республики и формирования, организации деятельности ее государственных органов власти и управления.

Экономическую основу национальной государственности Калмыкии составляли социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность, выступавшая в двух формах – государственной и кооперативно-колхозной. К 1937 г. уже было организовано 149 колхозов, объединивших 46 398 крестьянских хозяйств (95,5%), 16 совхозов, в которых было сосредоточено 99% скота республики, 98,4% посевных площадей. В структуре республики еще имелись единоличные хозяйства (4,5%). Однако господствующей формой собственности была социалистическая, а основной ее отраслью – животноводство. Оно развивалось медленно и к 1937 г. еще не достигло уровня 1928 г. (предколлективизационный год). В 1937 г. поголовье скота республики составляло 917 600 голов (в том числе продуктивного – 879 100), что на 26% было меньше, чем в 1928 г. (всего 1 238 754 головы, в том числе продуктивного – 1 209 710). В РСФСР поголовье скота (продуктивного – 72,2 млн голов) в 1937 г. было меньше на 34,6%, чем в 1928 г. (продуктивного – 110 млн голов)[9].

Несмотря на медленное восстановление общественного поголовья скота, с каждым годом увеличивались планы сдачи государству продукции животноводства. Если общее поголовье скота в Калмыкии с 1933 г. по 1937 г. возросло на 25%, то план поставки мяса государству за это же время вырос вдвое (с 42 219 ц. до 86 489 ц), масла – почти втрое (с 2846 до 7567 ц), шерсти – почти втрое (с 9630 до 26 206 ц)[10].

За три года значительно увеличились посевные площади (с 73 749 до 167 697 га, в том числе под зерновые на 82%) колхозов и совхозов и несколько возросла их материально-техническая база. Хотя тракторный парк увеличился до 662 единиц, комбайнов – до 119, колхозы и совхозы были еще маломощны: в среднем на колхоз, совхоз приходилось четыре трактора (15 л.с. каждый) и менее одного комбайна. Урожайность зерновых была низкая и в основном составляла: озимая рожь – 2,7 ц (в урожайные годы до 6 ц), озимая пшеница – 3,7 ц (в урожайные годы до 9–10 ц), яровая пшеница – 3 ц (в урожайные годы до 9 ц), ячмень – 5,8 ц (в урожайные годы 10 ц). Но тем не менее планы поставки государству зерна с каждым годом возрастали. Если в 1933 г. Калмыкия сдала государству

хлеба 9,7 тыс. т, то в последующие четыре года – до 13–15 тыс. т хлеба ежегодно[11].

В связи с расширением зернового хозяйства, бахчеводства, внедрением фуражных культур, с взятием курса на экстенсивное развитие овцеводства началось интенсивное освоение степей Калмыкии. В государственном плане развития животноводства СССР особое значение придавалось использованию "Черных земель", расположенных на юге Калмыкии (площадь 1174 тыс. га). Советское правительство, придав "Черным землям" статус всесоюзного значения, с 1931 г. превратило их из сезонных зимних пастбищ в "стационарное пастбище социалистического животноводства" Калмыкии и ее соседних краев, областей, республик (Грузинская ССР, Дагестанская АССР, Ставропольский край, Ростовская, Сталинградская, Астраханская области). В результате такого хозяйствования началась деградация территории "Черных земель", приведшая к образованию первой в Европе антропогенной пустыни, характеризующейся массивами открытых и незакрепленных песков.

В эти годы начало развиваться орошаемое земледелие. Общая площадь орошаемых земель в 1937 г. составила 5 тыс. га, под хлопок было отведено 1617 га (в 7,2 раза больше, чем в 1930 г.).

Промышленность Калмыкии развивалась медленными темпами. В 1937 г. ее представляли шесть кирпичных заводов, восемь типографий, три паровые мельницы с суточным помолом 740 ц. Энергетическая база не развивалась, за исключением маломощных дизельных станций в некоторых колхозах, совхозах республики. Большее внимание уделялось развитию рыбной промышленности. В 1937 г. в Калмыкии функционировали девять рыбозаводов, в том числе четыре плавучих, рыбоконсервный завод, Лаганский рыбоконсервный комбинат мощностью 14 млн банок в год.

Сложной проблемой еще оставались транспорт, дороги. Грузы от ближайших железнодорожных станций (60–100 км) доставлялись большей частью гужевым транспортом, на долю автоперевозок приходилось до 40–45%, хотя автомобильный парк постепенно увеличивался (в 1937 г. в республике имелись 815 автомашин). Были организованы автобусные пассажирские перевозки между Элистой и отдельными улусными центрами (Малодербеты, Башанта), а

также открыт маршрут до Сталинграда (300 км). В связи с отсутствием средств, механизмов дорожное строительство находилось в начальной стадии, поэтому дороги в основном были грунтовые, но профилированные, грейдерного устройства.

За 17 лет протяженность телеграфно-телефонных линий увеличилась с 250 км (1920 г.) до 4524 км (1937 г.). Все улусные центры и 68% сельских советов были соединены телефонной связью со столицей республики. К концу 1937 г. имелось 548 телефонных номеров, почти по одному на населенный пункт республики. Но если учесть, что большинство телефонов было сосредоточено в республиканских учреждениях, то получается, что населенные пункты практически не были еще телефонизированы.

Объективно следует сказать, что к середине 1930-х годов имелись достаточно ощутимые успехи в образовательном и культурном развитии народов Калмыкии. В результате первого этапа "культштурма" (культурной революции) грамотность населения к 1935 г. поднялась до 80%. В 1930 г. было введено всеобщее начальное образование, и в 1937 г. в 203 начальных, 32 неполных средних и 7 средних школах республики обучалось 31 389 учащихся, в том числе только в начальных – 15 496 человек, в средних – 4517. Почти все дети школьного возраста были охвачены обучением. Кроме того, в школах для неграмотных взрослых обучалось 11 699 человек, в школах для малограмотных – 13 945. В школах республики обучение детей вели 896 учителей, в том числе 460 калмыков (51,3%). Большинство преподавателей имели среднее педагогическое образование, а не имеющие специального образования учились заочно в педучилищах – 218 учителей, в вузах – 150.

Большое внимание уделялось подготовке кадров для всех отраслей народного хозяйства республики. В средних специальных учебных заведениях (сельскохозяйственном, ветеринарно-зоотехническом училищах, двух педучилищах) в 1937/38 учебном году учились 885 человек, в вузах страны – 300 студентов. В эти же годы начало развиваться дошкольное воспитание. В 1937 г. в 27 детских садах воспитывалось 7300 детей[12].

Партийные организации особое внимание уделяли идеологической, пропагандистской работе, культурно-просвети-

тельному обслуживанию населения. В этих целях открывались специальные учреждения. В 1938 г. в республике уже действовали 104 избы-читальни, 33 библиотеки, 5 домов культуры, 8 стационарных кинозалов, 14 кинопередвижек. В 1936–1938 гг. были открыты детская музыкальная школа, государственный калмыцкий театр, организованы национальный хор, оркестр национальных инструментов, начали работать различные самодеятельные кружки – драматические, хоровые, народных инструментов и др.[13]

Одну из важных социальных проблем Калмыкии того периода представляло здравоохранение. Следует признать, что организованная врачебная помощь населению разворачивается только после установления советской власти. Если до 1917 г. на территории Калмыцкой степи было 6 маленьких участковых больниц всего на 89 койко-мест, то в 1937 г. в республике работали 28 больниц на 550 койко-мест, 21 врачебная амбулатория, 9 различных диспансеров, 25 детских яслей на 848 мест. В 1937 г. в медицинских учреждениях республики работали 79 врачей, в том числе 15 калмыков, и 240 медработников среднего звена, в том числе 46 калмыков[14]. Конечно, на 195 тыс. человек населения республики учреждения культуры, просвещения, здравоохранения были еще далеки от полного удовлетворения их запросов и потребностей. Но если сравнить с тем, что было до Октябрьской революции, то, естественно, к середине 1930-х годов в этой сфере был сделан заметный шаг вперед. О приоритетном подходе к социально-культурным вопросам, к проблемам здравоохранения и образования свидетельствует постоянно возраставшее финансирование этих отраслей. В бюджете республики удельный вес на социально-культурные расходы увеличился с 39% в 1928 г. до 66,5 % в 1937 г.[15]

С развитием различных отраслей экономики, социально-культурной инфраструктуры в 1930-е годы увеличился приток в республику представителей различных народов страны. Население республики к 1937 г. по сравнению с 1929 г. увеличилось на 24 723 человека (в основном за счет прибывших русских – 18 226 человек) и составило 194 453 человека. Но количество лиц коренной национальности за эти же годы в республике уменьшилось на 16% (с 70 до 54%), или на 13 468 калмыков (в 1937 г. в республике

проживало 105 146 калмыков). Если предположить, что абсолютное уменьшение калмыков произошло за счет оттока, переезда в другие регионы страны, то тогда количество калмыков, проживаюших в 1937 г. (24 190 человек) за пределами республики, не увеличилось и осталось почти на уровне 1926 г. (22 265 человек). Тогда возникает вопрос: а куда исчезли 13 468 калмыков? Не говоря уж о естественном приросте. (Подсчитано автором. – *К.М.*)

Основная причина сокращения калмыков в республике с 1929 по 1937 г. заключалась в раскулачивании, репрессиях, осуществленных в эти годы в массовом масштабе. Уничтожению, заточению в тюрьмы, концлагеря подверглись наиболее трудолюбивое крестьянство, умелые, деловые хозяйственники, способные, грамотные руководители, яркие, талантливые личности. Фактически критерием их обвинения были не только экономическое состояние, социальное происхождение, но и воспитание, образование, профессия, которые определяли судьбу арестованного человека. По моим подсчетам, в 1937 г. за небольшой промежуток времени (в течение трех-четырех месяцев) были арестованы и приговорены "тройкой" к расстрелу, длительным каторжным работам 23 наркома и председателей райисполкомов республики. В числе репрессированных были не только калмыки, но и представители других народов.

Многонациональный состав, федеративный характер советского государства хотя и формально, но отражался в структуре высшего органа государственной власти страны – Верховного Совета СССР, который формировался в составе двух равноправных палат – Совета Союза и Совета Национальностей. Совет Национальностей избирался гражданами союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов независимо от численности проживающего в них населения по норме 25 депутатов от союзной республики, 11 – от автономной республики, 5 депутатов – от автономной области и по 1 депутату от национального округа.

Первыми выборами в органы государственной власти, проведенными на территории Калмыцкой АССР в соответствии с новой Конституцией СССР и Конституцией Калмыцкой АССР, были выборы в декабре 1937 г. депутатов в обе палаты Верховного Совета СССР – Совет Союза и Совет Национальностей – от Калмыцкой АССР.

Верховный Совет СССР по Конституции СССР 1936 г. являлся высшим органом народного представительства в СССР. Поэтому он, как и все советы депутатов трудящихся, образовывался из выборных представителей населения. Депутаты в Совет Союза избирались на всей территории СССР на основе равного представительства всего населения страны по единой норме – один депутат от 300 тыс. человек.

Конституция СССР 1936 г. предусматривала, что Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года и что порядок проведения выборов устанавливается Положением о выборах, утверждаемым Президиумом Верховного Совета СССР. В соответствии с Конституцией СССР выборы в Верховный Совет СССР проводились по избирательным округам, которые образовывались Президиумом Верховного Совета СССР.

Депутатами от Калмыцкой АССР в декабре 1937 г. были избраны: в Совет Национальностей Верховного Совета СССР – М.Н. Архаков, Н.Л. Гаряев, Б.Ш. Дорджиев, Л.К. Килганов, Б.Т. Манджиева, О.Н. Нардаев, П.Г. Озеркин, Г.Э. Очиров, В.В. Пушкин, Н.И. Суриков, В.А. Хомутников; в Совет Союза Верховного Совета СССР – И.Н. Карпов; в Совет Национальностей от РСФСР по Ростовской области и Калмыцкой АССР – Н.А. Изотов. В составе 12 депутатов Верховного Совета СССР первого созыва от Калмыкии было 5 членов (41,6%) бюро Калмыцкого обкома ВКП(б), но не было представителей рабочего класса, интеллигенции.

ЦК ВКП(б), организовав и проведя в январе 1938 г. первую сессию Верховного Совета СССР, сформировав в соответствии с Конституцией СССР высшие и центральные органы государственного управления СССР, приступил к формированию высших органов государственной власти и управления союзных и автономных республик страны. 8 апреля 1938 г. ЦК ВКП(б) принимает специальное постановление "Об организации предстоящих выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик". В нем, конкретно установив день выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик – 12 или 26 июня 1938 г., ЦК ВКП(б) предоставил определить точную дату самим республикам. Предлагалось в тех республиках, где выборы

будут назначены на 26 июня 1938 г., объявить этот день выходным.

В соответствии с Конституцией РСФСР и Конституцией Калмыцкой АССР 26 июня 1938 г. были проведены первые выборы в Верховный Совет Калмыцкой АССР. По 65 избирательным округам по выборам в Верховный Совет КАССР было избрано 65 депутатов.

В верховном органе власти республики в основном были представлены руководители республиканских партийных и советских учреждений. В сфере производства было занято всего 17 депутатов (26,1%), остальные 48 (73,9%) занимались управленческой деятельностью (секретари, заведующие отделами обкома ВКП(б), секретари улусных комитетов партии, секретарь обкома ВЛКСМ – 15 человек; председатель Совнаркома, наркомы, военком, прокурор, председатели комитетов ЦИК КАССР, председатели улусных исполкомов – 21 и т.д.). Поэтому по партийному составу Верховный Совет КАССР заметно отличался от предыдущих представительных органов области, республики. Если в составе делегатов чрезвычайного II съезда Советов республики партийная прослойка составляла 53,1%, то в Верховном Совете Калмыцкой АССР первого созыва коммунистам принадлежало 50 мандатов (76,9%) из 65, комсомольцам – 4 (6,2%), беспартийным – всего 11 (16,9%).

В результате целенаправленной работы партийных органов социальный и национальный состав депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР первого созыва был отрегулирован и соответствовал национальной и социальной структуре населения республики. В 1938 г. в Верховный Совет республики было избрано: калмыков – 41 человек (63%), русских – 22 человека (33,8%). Несколько поднялся образовательный уровень депутатов представительного и законодательного органа республики: высшее образование имели 6 человек (9,7%), среднее – 11 (16,9%). Основная масса депутатов была все же недостаточно грамотна: низшее образование имели 48 человек (73,8%)[16].

Впервые в практике советского строительства были избраны в качестве почетных депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР люди очень высокого ранга в государстве: члены Политбюро ЦК ВКП(б), правительства Союза ССР. Такое повсеместное "доверие и уважение" членам

Политбюро, И. Сталину было закономерным явлением периода культа личности.

В соответствии со ст. 22 Конституции Калмыцкой АССР 1937 г. депутаты Верховного Совета КАССР первого созыва были избраны сроком на четыре года. Поэтому по составу и сроку действия полномочий в отличие от республиканского съезда советов Верховный Совет КАССР являлся постоянным органом государственной власти. Для ведения заседаний первая сессия Верховного Совета КАССР первого созыва 12 июля 1938 г. избрала из числа депутатов председателя Верховного Совета КАССР И.М. Бадмаева, секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б); Президиум Верховного Совета в составе председателя, двух его заместителей, секретаря и семи членов, а также правительство республики из депутатов в составе председателя и двух его заместителей, председателя Госплана, десяти наркомов, двух начальников управлений, уполномоченного Наркомата заготовок СССР при СНК КАССР.

Председателем Президиума Верховного Совета КАССР был избран депутат Верховного Совета республики, депутат Верховного Совета РСФСР (избран 26 июня 1938 г.) Д.П. Пюрвеев, работавший заведующим отделом руководящих партийных органов Калмыцкого обкома ВКП(б); секретарем – депутат Д.Б. Бадмаев, ранее работавший секретарем Троицкого улускома ВКП(б); председателем Совнаркома республики – депутат Верховного Совета СССР, депутат Верховного Совета КАССР Н.Л. Гаряев.

Верховный Совет КАССР как представительный и законодательный орган осуществлял свои функции периодически на сессиях, созываемых два раза в год. В период между сессиями постоянно работающим органом являлся Президиум Верховного Совета, решавший специфические, характерные только для него вопросы.

Если рассматривать практику формирования Верховного Совета и его Президиума, Совнаркома, их партийный состав, а также организацию и направления работы, то нетрудно убедиться, что лишь внешне это были государственные, а фактически партийно-государственные органы. Депутаты-коммунисты Верховного Совета КАССР (77%) составляли партийную группу, через которую осуществлялось партийное руководство деятельностью верховного органа республики.

Бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) предварительно рассматривало все вопросы, связанные с подготовкой и проведением сессии, определяло главные направления деятельности Верховного Совета, предварительно формировало его руководящие органы. На первой сессии Верховного Совета КАССР весь состав Президиума Верховного Совета и Совнаркома, их председатели, председатель Верховного Совета КАССР, наркомы республики были избраны по предложению партийной группы Верховного Совета. Все эти кандидатуры предварительно рассматривались и рекомендовались бюро обкома ВКП(б). В составе Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР по должностному статусу постоянно избирались до пяти–шести членов бюро обкома ВКП(б), обеспечивавшие полное партийное руководство этим органом, т.е. фактически это было второе бюро обкома партии в форме государственного органа.

В соответствии с Конституцией Калмыцкой АССР правосудие в республике осуществлялось народными судами. Но здесь же добавлялось, что могут создаваться специальные суды. Тем самым Конституция узаконивала специальные репрессивные органы "тройки", действовавшие повсеместно – в республике, городе, районах. Высшим судебным органом республики являлся Верховный суд Калмыцкой АССР, входивший в единую систему судебных органов страны. Он избирался Верховным Советом республики сроком на пять лет. Верховный суд республики был избран на второй сессии Верховного Совета КАССР первого созыва в августе 1939 г. в составе председателя и семи членов. На этой же сессии были утверждены 75 народных заседателей.

В том же году были сформированы районные народные суды путем выборов гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года.

Высший надзор за точным исполнением законов всеми государственными органами, учреждениями, отдельными должностными лицами, гражданами на территории республики осуществлял Прокурор СССР, как непосредственно, так и через Прокурора РСФСР и Прокурора Калмыцкой АССР. Прокурор Калмыцкой АССР назначался Прокурором СССР сроком на пять лет, а районные и городской про-

куроры – Прокурором РСФСР, но с последующим утверждением Прокурором СССР, сроком на пять лет.

Конституция предусматривала, что судьи и прокуроры независимы, подчиняются только закону. Но на самом деле они были подконтрольны партийным органам и строго выполняли их директивы, указания. Судьи, прокуроры в основном являлись членами партии и в соответствии с партийной дисциплиной подчинялись партийным органам, в структуре которых имелись специальные подразделения, руководившие и контролировавшие работу судебных и правоохранительных органов, а также прокуратуры.

Конституция Калмыцкой АССР 1937 г. в соответствии с конституционным законодательством страны установила новую систему местных органов государственной власти, которую представляли улусные, городские, поселковые, хотонные, сельские, деревенские советы депутатов трудящихся, хотя последних на практике не было. Законодатель умышленно или случайно не очертил круг их полномочий.

В декабре 1939 г. в республике были сформированы местные органы государственной власти. Эти выборы явились завершающим этапом в построении всех органов государственной власти Калмыцкой АССР по Конституции РСФСР и Конституции Калмыцкой АССР 1937 г. В Калмыцкой АССР были избраны 13 районных (улусных) советов, 1 городской, 3 поселковых, 121 сельский совет депутатов трудящихся.

В декабре 1939 г. в местные советы Калмыцкой АССР были избраны сроком на два года 2168 депутатов, в том числе улусных советов – 325, городского – 50, поселковых – 168, сельских советов – 1625. В местных советах, так же как и в других органах власти, было обеспечено партийное большинство – коммунисты и комсомольцы составили 62,7%, особенно высока была партийная прослойка в улусных советах – 73,9%, меньше всего – 59,3% – в сельских. Преобладающее количество мандатов в местных советах принадлежало мужчинам (64%). Если сравнивать местные советы по этому показателю с таковыми в предыдущих выборах, то представительство женщин в них увеличилось с 27,2 до 36%.

Образовательный уровень депутатов местных советов республики по-прежнему был очень низок, хотя по этому

показателю они не отличались от местных советов других регионов. 82% депутатов имели низшее образование, а в сельских советах – 92,1%, в поселковых – 75,6%, в улусных – 71,1%. Незначительное представительство рабочего класса (7,7%) в составе депутатов местных советов свидетельствовало об отсутствии промышленного производства и о преобладании сельского хозяйства (крестьяне составляли в депутатском корпусе 55,5%)[17].

Национальный состав (72% калмыков) отражал действительное соотношение наций и народностей, проживавших в Калмыкии в конце 30-х годов. Основные признаки и критерии, характеризующие качественный состав политической основы национальной государственности калмыков в первые годы ее образования, в основном соответствовали общегосударственным (скорее всего, были подогнаны под общие показатели).

Во всем происходящем процессе национально-государственного строительства, экономического и культурного развития народ Калмыкии видел легитимность советского строя и поступательное развитие общества.

Калмыцкий народ к концу 1930-х годов почти полностью был переведен на оседлый образ жизни, строились населенные пункты, благоустраивался столичный город, открывались учебные заведения (в 1940/41 учебном году функционировала 301 школа, где обучалось 42 708 учеников, т.е. все дети школьного возраста стали учиться), учреждения культуры, здравоохранения (стационарные больницы, поликлиники, фельдшерские пункты и т.п.), ликвидировалась неграмотность среди взрослого населения. Поэтому для большинства людей республики их образ жизни, несмотря на огромные недостатки, такие, как нехватка жилья, примитивность быта, неизжитые социальные болезни, бедность, низкая грамотность, представлялся справедливым, достижением новой власти.

Одинаковое имущественное положение граждан республики (в сельской местности определенное количество скота, строений на семью, почти уравненная заработная плата у сельской, городской интеллигенции, чиновников, за исключением небольшой группы высокопоставленных, в колхозах – трудодни), социальные гарантии и достижения (доступное бесплатное образование, медицинское обслужи-

вание, практически бесплатное жилье, ежегодный оплачиваемый отпуск, социальное страхование и т.п.) способствовали установлению практически единого уровня жизни населения, что импонировало большинству.

Неимоверным трудом, с большим усилием и огромными затратами создавалась новая экономика. Наряду с животноводством стали развиваться и земледелие, и материально-техническая база сельского хозяйства. Зарождались и своя промышленность, связь, транспорт, дорожное строительство. Но экономика Калмыкии была еще слаба: основная отрасль – животноводство (экстенсивное ведение). В 1940 г. на одно хозяйство (коллективизированное и государственное) приходилось в среднем всего до восьми маломощных тракторов (15 л.с.), две автомашины, два комбайна[18]. Промышленность была представлена несколькими небольшими кирпичными заводами и типографиями, а также предприятиями по переработке только рыбы. Если учесть, что до советской власти и этого не было, то, естественно, большинство населения республики воспринимало состояние экономики как огромное достижение. При этом, несомненно, люди оценивали положительно отсутствие безработицы, уважение к человеку труда (к его производственным достижениям) и его материальное и моральное поощрение, вплоть до высоких правительственных наград.

Государство законодательно гарантировало гражданам Советского Союза, в том числе и Конституцией КАССР, права и свободы (фактически они не соблюдались и повсеместно нарушались, особенно в годы культа личности под предлогом козней бесчисленных врагов, как внешних, так и внутренних, мешающих строить общество счастья и процветания), которые большинством народа искренне воспринимались как действительные и как величайшее достижение.

В эти годы представители трудящихся получили возможность избираться и принимать участие (хотя и формальное) в работе не только республиканских государственных органов, но и союзных и РСФСР. Кроме того, выходцы из трудового народа, коренного населения находились в руководстве государственных, партийных, хозяйственных органов, стали учеными, писателями, военачальниками, врачами, учителями, известными артистами, художниками. Если до Октябрь-

ской революции 1917 г. калмыки, как "инородцы", фактически были лишены этой возможности, то, естественно, их новое положение в политической жизни общества в массовом сознании отражалось весьма позитивно.

Калмыки положительно восприняли возобновление в 1926–1927 гг. призыва их на военную службу, приостановленного в начале 1920-х годов в связи с экономическими трудностями области. В 1936 г. в ряды Красной Армии были призваны из Калмыкии 3633 человека, в том числе 1980 калмыков, в 1939 г. – 2998 человек[19].

В условиях уже начавшейся, в соответствии с выводами партии, активной идеологической работы, пропаганды борьбы против войны, Калмыцкая партийная организация, руководствуясь решениями январского (1938 г.) пленума ЦК ВКП(б), после массового уничтожения членов партии и ее чистки в 1936–1937 гг., приступила к пополнению своего состава. Если в 1937 г. в Калмыкии в партию было принято всего 50 человек, в том числе 20 кандидатов, то в 1938 г. – 953, т.е. в 19 раз больше, чем за предыдущий год (по стране было принято в 13 раз больше). Партийная организация республики с 1938 по 1941 г. увеличилась с 2209 до 5574 человек, т.е. в 2,5 раза (за этот же период по стране – в 2 раза)[20].

Трудно согласиться с заключением бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) в 1940 г., что увеличение приема в партию "свидетельствует о дальнейшем усилении связи Калмыцкой парторганизации с народными массами республики", когда в партию принимались по плану и разнарядке, квоте. В числе принимаемых в партию большей частью (свыше 50%) преобладали служащие, карьера которых зависела от партийности. Остальные в основном относились к категории рабочих и колхозников (малограмотных и неграмотных до 80%), принятых с учетом их социального положения. На 1 января 1941 г. в партийной организации Калмыкии малограмотные коммунисты составляли 40,48%, неграмотные – 1,56%.

В связи с этим говорить об авангардной роли, исключительном авторитете Калмыцкой партийной организации очень сложно. Другой вопрос заключался в том, что объединенные в партию люди представляли собой наиболее идеологизированную, политизированную группу, дисциплина

в которой держалась на партийном принципе демократического централизма. Поэтому Коммунистическая партия для осуществления своей агитирующей, пропагандирующей и организующей роли все более сращивалась с государственными органами (вплоть до их подмены), расширяла и укрепляла свой профессионально-штатный аппарат.

В 1939–1940 гг. значительно расширился аппарат Калмыцкого обкома ВКП(б): в нем были реорганизованы отдел партийной пропаганды и агитации, отдел печати и издательств были реорганизованы в единый отдел пропаганды и агитации; создан новый отдел – военный. Штат отдела пропаганды и агитации обкома был увеличен с 3 до 12 человек, и образована лекторская группа из 6 человек. В городском и районных комитетах партии штат пропагандистов был увеличен с 19 до 61 человека, т.е. таковой по республике увеличился почти в 4 раза. Одновременно в соответствии с решением ЦК ВКП(б) были приняты меры по переподготовке заведующих отделами, секретарей по идеологии улусных комитетов в различных высших военных учебных заведениях страны[21].

В связи с тем что Калмобкому партии необходимо было руководить и организовывать обучение населения военному делу, одновременно создавались военные отделы в структуре советских органов – в Совнаркоме республики, городском и районных исполкомах, которые должны были практически заниматься этой проблемой. В целях повышения эффективности деятельности и усиления контроля Калмобкомпартии в начале 1940 г. внес в структуру общественных оборонных организаций некоторые изменения (в областном совете Осоавиахима был образован политсектор), направил на работу к ним партийные кадры.

С начала 1940 г. вопрос о военном обучении населения и об оборонной работе в республике не снимался с повестки дня заседаний Калмыцкого обкома партии. В марте 1940 г. на партийной конференции Калмыкии в докладе секретаря обкома партии отмечалось, что «советский народ должен быть в мобилизационной готовности, чтобы никакая “случайность”, никакие фокусы наших внешних врагов не могли застать нас врасплох». Калмыцкий обком партии, оперируя многочисленными и значительными цифрами, считал, что с поставленной задачей коренной перестройки всех

звеньев оборонной работы он успешно справляется. По его отчету, в различных обществах оборонного значения обучалось в 1940 г. более 35 тыс. человек (почти четвертая часть взрослого населения), проводились различного рода военно-учебные занятия. О формальном подходе к обучению населения военному делу и к подготовке юношей к службе в армии свидетельствует тот факт, что XVII областная партийная конференция поставила вопрос о развитии в республике лыжного спорта (не только не было лыж, но и вообще калмыки не представляли, что это за вид спорта).

Решение Калмыцкого обкома ВКП(б) "о лыжной подготовке" раскрывает не столько формальный подход партийных органов к решению многих вопросов, сколько сложившуюся в советское время порочную практику по проведению общих кампаний без учета местных мнений, условий и особенностей и жесткую партийную дисциплину, основанную на принципах демократического централизма. Надо предполагать, что после анализа итогов зимней войны (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.) между Финляндией и Советским Союзом сверху было дано указание партийным органам обратить внимание на лыжную подготовку призывников.

Вопрос об обучении населения военному делу приобрел особую актуальность с началом войны. В августе 1941 г. бюро обкома партии потребовало в первую очередь охватить обучением коммунистов, учебные занятия проводить в приближенных условиях боевых действий и в поле. Предписывалось обучить лиц призывного возраста стрельбе из любого положения и на лыжах, усилить их физическую подготовку. Все это намечалось и планировалось реализовать, не имея материально-технической базы, учебного материала (даже наглядных пособий). В октябре 1941 г. бюро обкома партии решило обратиться в Военный совет Северо-Кавказского военного округа с просьбой выделить республике для обучения населения военному делу учебные материалы: деревянные макеты танков – 18 шт., деревянные ручные пулеметы – 27 шт., деревянные станковые пулеметы – 22 шт., деревянные ручные гранаты – 1050 шт., деревянные винтовки – 3400 шт.

На самом деле, как показали действительные события военной обстановки, все эти мероприятия, цифры оказались мифическими. Во всю уже четвертый месяц полыхало

пламя войны, а для обучения людей военному делу не было даже деревянных макетов, не говоря уже о настоящем оружии. Но, несмотря на эти серьезные недостатки, проблемы, народ Калмыкии, как и все советские люди, осознавшие нависшую смертельную угрозу над страной, полон был решимости положить на алтарь победы все, вплоть до своей жизни.

Смертельная угроза означала не только поражение и порабощение народов Советского Союза, но и физическое истребление основной массы населения, национально-государственную и социальную катастрофу.

Роль Коммунистической партии заключалась в том, что она сумела путем большой идеологической и пропагандистской работы довести до сознания подавляющего большинства населения опасность, трудность борьбы, убежденность в справедливости войны, ненависть и презрение к фашистам, необходимость напряжения всех сил, веру в победу.

Калмыцкий обком ВКП(б) в августе 1941 г. определил конкретную цель пропагандистской работы. В принятом августовским пленумом обкома решении ставилась задача активно вести “агитационную работу” за победу, разъяснять сущность фашизма и объяснять, что он несет горе, разрушение, смерть... “об этом нужно говорить день и ночь со всех трибун, всюду, где есть хоть один человек... Это нужно для того, чтобы поднять еще выше ярость масс и его самоотверженность на защиту родины”.

В поднятии морального духа населения немаловажную роль сыграли организованные и проведенные партией в первые же дни войны многочисленные митинги, собрания. 22 июня 1941 г., услышав утром по радио правительственное сообщение о внезапном нападении фашистской Германии на СССР, в 12 часов выступление В.М. Молотова, Калмыцкий обком ВКП(б) организовал и провел во всех населенных пунктах, на предприятиях, в учреждениях, совхозах, колхозах, МТС республики митинги по случаю вероломного нападения Германии. На митинге в Элисте 22 июня 1941 г., начавшемся в 16 часов, выступили глава правительства республики, член бюро обкома ВКП(б) Н.Л. Гаряев, представители от ветеранов, молодежи, тружеников. Все они говорили о реальной угрозе стране, готовности пожертвовать всем во имя спасения родины, о решимости одолеть врага, выражали искреннюю убежденность, уверенность в победе.

В тот же день, 22 июня, в 21 час обком ВКП(б) провел совещание руководителей всех государственных, хозяйственных органов, общественных организаций по вопросу мобилизационной готовности.

Партия в условиях войны приводила в действие дополнительные механизмы идеологического воздействия на все слои населения, в том числе и на сельское. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. перестраивался пропагандистский аппарат партии в совхозах, колхозах, МТС. Решением бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) от 26 ноября 1941 г. в совхозах и МТС создавались политические отделы, отвечающие и за работу партийных и комсомольских организаций колхозов. Начальник политотдела, одновременно являющийся заместителем директора МТС, совхоза по политработе и по выполнению хозяйственных планов, назначался ЦК ВКП(б) по представлению первого секретаря обкома партии и начальников политуправлений Наркомзема и Мясосовхозтреста Калмыцкой АССР[22].

В течение девяти месяцев войны (июнь 1941 – март 1942 г.) Калмыкия направила на фронт 20 082 человека, в том числе коммунистов – 2561 человек (46% всей численности парторганизации республики), комсомольцев – 2345 (17,4% всей численности комсомольской организации). Однако мобилизационные ресурсы еще имелись. По мнению историка У.Б. Очирова, в республике к весне 1942 г. на учете еще находились свыше 13 тыс. военнообязанных. Кроме того, в военкоматах Калмыкии ждали своей очереди 1200 заявлений девушек-добровольцев[23].

Партийная организация республики за этот же период пополнилась всего на 561 человека, в том числе на 134 (24%) женщины. Взамен ушедших на фронт мужчин-специалистов сразу же из числа женщин была начата подготовка трактористов – 814, комбайнеров – 363, шоферов – 138 (все обучались без отрыва от производства).

В первые же месяцы войны Калмыкия поставила в Красную Армию: лошадей – 16 093, седел – 3115, повозок парных с упряжью – 1364, легковых автомашин – 58, грузовых автомашин – 641, тракторов гусеничных – 100. Кроме того, населением и местными советами в Фонд обороны было сдано 20 тыс. голов скота, 34 млн руб. Все имеющиеся автомашины, горюче-смазочные материалы, находящиеся

в разных организациях, на предприятиях, в учреждениях, передавались в распоряжение Управления автотранспорта при Совнаркоме республики для подготовки к отправке на фронт.

Партийные и советские органы области уделяли значительное внимание организации всенародной помощи фронту. В сентябре–октябре 1941 г. они трижды рассматривали вопрос о сборе теплых вещей для бойцов Красной Армии. 6 октября 1941 г. на заседании бюро обкома партии за слабую работу по организации сбора теплых вещей был освобожден от занимаемой должности Кюрютов, председатель комиссии Долбанского улуса, а председателю комиссии Кетченеровского улуса Корнееву был объявлен выговор. Калмыцкий обком партии, как видим, в этом вопросе, опираясь на государственные органы, действовал большей частью административными методами, нежели методами убеждения, разъяснения. Все же в результате активной деятельности населения и проявленной им инициативы (по примеру колхозников элистинского пригородного колхоза им. Ленина) по организации этой работы (создавались специальные комиссии, пошивочные мастерские, в которых в основном работали домохозяйки) население республики с начала войны до 1 марта 1942 г. собрало и сдало 23 159 пар валенок, 3652 полушубка, 8296 шапок-ушанок, 9555 ватных фуфаек, 7789 ватных брюк, 4162 пары меховых рукавиц, 1023 свитера, 964 меховых жилета, 16608 пар шерстяных носков, 1458 теплых шарфов, 2871 теплую рубашку, 5515 пар портянок, 10 650 пар шерстяных варежек и перчаток и много других вещей. Трудящиеся республики послали к 7 ноября 1941 г. бойцам на фронт подарки общим весом 62 442 кг, или восемь вагонов, 8 тыс. индивидуальных посылок[24].

С первых же дней войны в Калмыкии была проявлена немалая забота о семьях военнослужащих и об эвакуированном населении. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. “О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время” партийные и советские органы республики постоянно занимались вопросами организации своевременного назначения, выплаты пособий, трудоустройства, определения

детей в дошкольные учреждения, обеспечения семей военнослужащих топливом, жильем, продуктами питания. Только в течение первого месяца войны были назначены пособия 1781 семье военнослужащих первого призыва, трудоустроены 903 женщины.

Руководителями хозяйственных организаций, учреждений, предприятий были проявлены достаточная оперативность и организованность при приеме, размещении и трудоустройстве эвакуированного из различных областей и краев страны населения. К февралю 1942 г. были приняты и размещены в Элисте и улусах республики 7199 человек, в том числе 2150 детей, трудоустроены более 4 тыс. человек[25].

Решение материальных и бытовых проблем семей военнослужащих, эвакуированного населения имело колоссальное значение не только в социальном, но и в идеологическом отношении (установление душевного спокойствия у бойцов за семью, укрепление их морального духа, стойкости, формирование в массовом сознании военнослужащих идеи незыблемости, гуманности социалистического строя).

Дополнительные сложности появились в работе партийных и советских органов республики в связи с необходимостью принятия и размещения скота, эвакуируемого из Ростовской, Ворошиловградской, Сталинградской областей, Орджоникидзевского и Краснодарского краев. В республике к приему эвакуируемого скота начали готовиться в августе 1941 г., но его перегон из этих регионов осуществлялся очень медленно, без отбивки больного скота от здорового. Калмыцкий обком партии вынужден был в октябре поставить в известность о таком положении дел Совнарком СССР. Только в конце 1941 г., с наступлением холодов, пригнали в Калмыкию более 300 тыс. голов различного вида скота. В трудных условиях холодной зимы, при отсутствии материально-технической базы, недостатке рабочей силы следовало животных не только обеспечить кормами, помещением, но и организовать лечение, гарантировать их сохранность, подготовить к дальнейшему перегону через Волгу.

Поэтому одна из причин трудной зимовки скота в республике заключалась в значительном увеличении поголовья стада, уменьшении нормы кормовых единиц на одну голову животного (к тому же зимой 1941/42 года в Калмыкии

стояли небывалые морозы – до минус 40°). С октября 1941 по март 1942 г. в республике пало скота: крупного рогатого – 21 тыс. (10%), овец – 172 тыс. (11%), лошадей – 2367 (5,8% – только по колхозам), верблюдов – 125 (2,4% – по колхозам).

Калмыцкий обком ВКП(б) по результатам зимовки скота сделал вывод, что основной причиной большого его падежа послужила потеря бдительности. В докладной записке первого секретаря обкома партии П.В. Лаврентьева в ЦК ВКП(б) отмечалось, что в результате потери бдительности в некоторые "колхозы, совхозы пробрались враждебные элементы – бывшие кулаки, белогвардейцы, зайсанги, гелюнги – и стали губить скот, воспользовавшись тяжелыми метеоусловиями (40 градусов мороза), распространением ящура, занесенного с эвакуированным скотом"[26].

В этом заключении обкома партии проявился, скорее всего, утвердившийся до войны в стране усилиями пропаганды, как отмечает академик Ю.А. Поляков, неверный стереотип: в случае вооруженного конфликта с врагом могут сотрудничать бывшие кулаки, офицеры, представители духовенства и иных социальных групп[27]. На практике все обстояло иначе. Поэтому, как ни добивался первый секретарь обкома партии П.В. Лаврентьев, органы прокуратуры и внутренних дел республики не смогли выявить "вредителей, врагов, погубивших скот". П.В. Лаврентьеву обязательно хотелось, чтобы эти органы подтвердили "падеж скота как факты, вызванные вражеской деятельностью". Эта его "убежденность" основывалась на стереотипном представлении, внесенном в массовое сознание коммунистов, большинства советских людей благодаря активной официальной партийной пропаганде о врагах революции, народа.

С позиций сегодняшнего дня, конечно, сложно понять его. Неужели П.В. Лаврентьев искренне верил в заключение обкома партии о врагах? Или же он хотел снять с себя ответственность? Но он настойчиво обращался в ЦК ВКП(б) с просьбой, чтобы было дано указание Прокуратуре и НКВД СССР найти виновных в падеже скота в Калмыкии и привлечь их к ответственности. Кроме того, он внес еще предложение о возможности освобождения от должности прокурора республики П.Я. Хонхошева и от должности

наркома внутренних дел Гончарова, "смазывающих политическое значение сохранения животноводства".

С приближением линии фронта республиканские органы власти сосредоточили свое главное внимание на эвакуации материальных ресурсов и населения. Калмыцкий обком ВКП(б) и СНК КАССР 23 июля 1942 г. приняли постановление "Об организации переправ через реку Волгу для эвакуации скота". В нем были предусмотрены срочные меры по строительству переправ через Волгу, столь необходимых для перегона скота, не только принадлежащего республике, но и эвакуируемого из Ростовской, Ворошиловградской, Сталинградской областей, Орджоникидзевского и Краснодарского краев.

Однако из-за перестраховки, боязни сделать "лишний шаг" без ведома ЦК партии, взять на себя ответственность П.В. Лаврентьев, воспитанный в духе жесткой партийной дисциплины, дожидаясь указаний сверху, затянул эвакуацию скота и ценного имущества вплоть до вторжения немцев на территорию республики. По его указанию пресекались все попытки, инициативы руководителей отдельных районов, хозяйств эвакуировать имущество колхозов, совхозов с приближением врага.

Запоздалые и неоперативные действия обкома партии и его первого секретаря нанесли значительный ущерб животноводству Калмыкии. Из 1 млн 400 тыс. голов скота было эвакуировано и переправлено в Казахскую ССР 557 тыс. голов, сдано государству в счет плана поставок мяса 59 тыс. голов, отпущено воинским подразделениям 30 тыс. голов, роздано слабого скота в счет трудодней колхозникам 11 тыс. голов, в колхозах неоккупированных районов осталось 11 тыс. голов. При перегоне и на переправе погибли и потерялись 62 тыс. голов скота. На оккупированной немцами территории Калмыкии осталось до 670 тыс. голов скота.

П.В. Лаврентьев, повторно допустив огромную потерю скота республики (свыше 700 тыс. голов вместе с оставленными на временно оккупированной территории), опять снимал с себя ответственность и перекладывал ее на работников низовых партийных, советских органов. В аналогичной докладной записке в ЦК ВКП(б) от 18 ноября 1942 г. он выдвинул обвинение руководителям улусных партийных и

советских органов в том, что они не выполнили решение обкома партии и его указания.

Партийным и советским органам республики пришлось заниматься и организацией строительства объектов военного назначения. К таким объектам относились Донской оборонительный рубеж, железнодорожная линия Астрахань–Кизляр, строительство которой началось в сентябре 1941 г. Калмыцкий обком партии, полностью подменяя государственные и хозяйственные органы, своим решением от 30 сентября 1941 г. выделил и направил на эту стройку 6200 рабочих и 2150 подвод, а затем довел число работающих там людей до 9500, гужевого транспорта до 3030. Благодаря пониманию важности объектов, энтузиазму, самоотверженности работавших на строительстве отведенный республике участок был досрочно сдан в эксплуатацию. В сооружении Донского оборонительного рубежа участвовало более 10 тыс. рабочих, колхозников, служащих Калмыкии[28].

В ноябре 1941 г. Государственным Комитетом Обороны страны было принято решение о создании на территории Северо-Кавказского военного округа (СКВО) национальных кавалерийских соединений, в том числе и в Калмыцкой АССР двух дивизий. Однако вопрос о формировании кавалерийской части рассматривался на пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б), состоявшемся еще в августе 1941 г. Обком намечал подготовить за месяц-полтора кавалерийский полк, "который несомненно покажет еще большие чудеса храбрости, чем калмыцкие полки, участвовавшие в разгроме Наполеона"[29].

В соответствии с приказом СКВО от 25 ноября 1941 г. Калмыцким обкомом партии и Совнаркомом республики 26 ноября было принято совместное постановление о создании кавалерийских частей в каждом районе, в колхозах и совхозах, за исключением рыболовецких, путем мобилизации военнообязанных в возрасте от 18 до 40 лет. Каждый мобилизованный в кавалерийскую часть боец и доброволец должны были привести с собой лошадь с седлом и всем необходимым кавалерийским снаряжением. Кроме того, боец и доброволец должны были иметь при себе две пары белья, из них одну теплую.

Формирование двух дивизий (одна в стадии комплектования была распределена между другими воинскими частями)

было осуществлено за счет материальных и финансовых ресурсов республики. 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия окончательно была сформирована в начале марта 1942 г. в составе 4600 человек, 4744 лошадей. Однако многие солдаты, как вспоминали бывшие командиры дивизии, не имели военной подготовки, не владели русским языком (хотя обком партии к началу 1942 г. докладывал ЦК ВКП(б) о 90–100-процентной подготовленности мужчин призывных возрастов к службе в армии), почти не было учебно-материальной базы (учебные винтовки, гранаты и другие макеты изготовляли сами бойцы из подручных средств)[30].

Поэтому следует вполне согласиться с мнением академика А.М. Самсонова, что "те миллионы советских воинов, которые пали на поле боя и попали в плен летом и осенью 1941 г. из-за того, что армия не оказалась в боевой готовности для отражения нападения Германии"[31]. В таких условиях подготовки призывников партийные органы страны, в том числе и Калмыцкий обком ВКП(б), серьезное значение придавали морально-политическому фактору (укомплектование воинских частей коммунистами и комсомольцами), рассматривая его как основу морального духа, стойкости бойцов и командиров. Конечно, этот фактор нельзя отрицать. Но если к нему добавили бы военное мастерство, необходимое современное для того времени оружие, то, наверняка, избежали бы трагических потрясений 1941–1942 гг. Но, несмотря на сложности подготовки и обучения бойцов, дивизия (как отмечалось в документах, она имела значительный морально-политический капитал – до 40% коммунистов и комсомольцев) была подготовлена к середине 1942 г., закалилась в боях и с честью выполнила свою задачу.

Партия, располагая всеобъемлющей системой пропаганды, всеми рычагами идеологического воздействия, мобилизовала на борьбу с врагом все возможные резервы, в том числе поэтов, писателей, музыкантов, художников, создававших произведения, зовущие на защиту Отечества, разгром врага. Большую роль в пропаганде идей свободы, защиты земли родной, в сплочении, подъеме духа народа сыграли произведения поэтов-фронтовиков Л. Инджиева, Д. Кугультинова, М. Нармаева и др., джангарчи М. Басангова.

В годы Великой Отечественной войны важным фактором в сплочении советских людей, их мобилизации на защиту родины, разгром врага стали идеи пролетарского интернационализма, братства, дружбы, патриотизма, ведущей роли русского народа, внесенные в массовое сознание всей системой пропаганды, идеологического воспитания в Советском Союзе. Идея "старшего брата" активно пропагандировалась еще накануне Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствует "Письмо калмыцкого народа своему старшему брату – великому русскому народу в связи с празднованием 20-летнего юбилея Калмыцкой АССР", составленное на 19 страницах поэтами и джангарчи Калмыкии. Оно было рассмотрено и одобрено 1 ноября 1940 г. обкомом партии и опубликовано в открытой печати[32].

После освобождения Калмыкии от немецко-фашистских захватчиков основная деятельность руководства была сосредоточена на двух важнейших направлениях – восстановлении разрушенного народного хозяйства и оказании всесторонней помощи фронту.

За период временной оккупации части территории Калмыкии фашисты разрушили большое количество жилых, общественных зданий, предприятий, уничтожили и вывезли много материальных ценностей. Общий материальный ущерб, нанесенный захватчиками республике, составил 1 070 324 789 руб.[33]

В первый же день изгнания оккупантов из Элисты, 1 января 1943 г., СНК КАССР принял постановление "О мероприятиях по организации работы городских и республиканских организаций в г. Элисте и оказанию помощи частям Красной Армии". В нем намечались меры по восстановлению промышленных предприятий, размещению учреждений, по организации торгового, бытового, коммунального обслуживания населения, по налаживанию телефонной связи. Большое внимание было уделено организации обслуживания и размещения солдат проходящих частей Красной Армии[34].

Уже к концу 1943 г. были восстановлены все колхозы, совхозы, часть предприятий местной промышленности. Труженики республики самоотверженно работали над выполнением народнохозяйственного плана и правительственных заданий. Посильную помощь в восстановлении

народного хозяйства и культуры Калмыцкой АССР оказало правительство страны, выделив в марте 1943 г. 15 млн руб., 6,5 тыс. куб. м лесоматериала, 10 автомашин[35].

Напряженные усилия населения республики по оказанию помощи фронту, спасению людских и материальных ресурсов, восстановлению разрушенного войной народного хозяйства дополняли мужество, самоотверженность почти 40 тыс. сынов и дочерей Калмыкии, сражавшихся непосредственно на фронтах Великой Отечественной войны.

Но, как известно, уже в середине октября 1943 г. Сталиным было подписано решение Государственного Комитета Обороны о ликвидации Калмыцкой АССР и выселении калмыков в Красноярский и Алтайский края, Омскую и Новосибирскую области.

В первые же месяцы Великой Отечественной войны советское правительство во главе со Сталиным, необоснованно обвинив некоторые народы, приступило к ликвидации их национальной государственности и к насильственному выселению с территорий республик, областей. Первой жертвой стала в августе 1941 г. автономная республика немцев Поволжья. В конце 1943 – первой половине 1944 г. было упразднено пять автономных образований (Карачаевская АО, Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР, Крымская АССР, Кабардино-Балкарская АССР), а народы коренных национальностей подвергнуты массовой репрессии, в срочном порядке переселены в восточные районы страны, Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан.

Из этих автономных республик и областей, по официальным данным отдела спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР по состоянию на 5 сентября 1944 г., было выселено и переселено в другие районы страны 1514 тыс. человек, в том числе калмыков – 93 тыс.[36] (если учесть умерших в пути и до сентября 1944 г., то фактически было выселено к середине 1944 г. около 97–98 тыс. калмыков).

Документальные исторические источники свидетельствуют о том, что официально активная и планомерная подготовка к выселению калмыков началась в октябре 1943 г. Согласно специальному постановлению СНК СССР от 14 октября 1943 г. № 1118–346 сс, принятому в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны СССР, к акции выселения калмыков были привлечены около 10 нар-

коматов и Госплан СССР, органы государственной власти многих союзных республик, краев и областей. В соответствии с ним были разработаны различными наркоматами и ведомствами специальные инструкции, положения ("Инструкция Наркомата земледелия СССР о порядке приемки имущества переселяемых колхозов, колхозников, единоличников, рабочих и служащих" от 18 октября 1943 г. и др.), проведены специальные совещания под руководством НКВД СССР[37]. С этого времени к подготовке переселения, к перевозке и размещению выселяемых калмыков постоянно были привлечены многочисленные военные и гражданские ведомства.

Операция по выселению калмыков была исполнена строго по инструкции, утвержденной НКВД СССР еще 1 декабря 1943 г. «О порядке проведения мероприятий по делу "Улусы"». Инструкция подробно регламентировала все вопросы, связанные с депортацией калмыков. В ней подробно расписывалось, кто подлежит выселению – "все жители Калмыцкой автономной области по национальности калмыки". Почему-то в этом серьезном документе, подписанном заместителем наркома внутренних дел СССР Серовым, Калмыкия названа автономной областью. Это, видимо, надо понимать как пренебрежительность отношения составителей. Из текста инструкции видна вся абсурдность, безосновательность предъявленных калмыцкому народу обвинений. Так, оперативнику предписывалось: "После обыска оперативный работник предлагает главе выселяемой семьи выдать властям участников созданных немцами отрядов, а также лиц, которые в период немецкой оккупации помогали этим отрядам в борьбе с советской властью.

Независимо от поведения членов выселяемой семьи, оперативный работник объявляет, что, так как в период немецко-фашистской оккупации Калмыкии калмыки активно помогали немецким захватчикам, выдавали немцам честных советских граждан и после изгнания оккупантов продолжают укрывать созданные немцами бандитские отряды, советское правительство решило в отношении их провести специальные мероприятия"[38]. Вот такое обвинение было предъявлено старикам, женщинам, детям в то время, когда мужская часть населения Калмыцкой автономной республики сражалась на фронтах войны.

В первой половине декабря подготовка к выселению калмыков уже была в завершающей стадии (составлены списки людей по населенным пунктам не только республики, но и за ее пределами, собраны сведения о наличии имущества, подготовлены инструкции о порядке проведения операции по выселению калмыцкого населения, по заполнению индивидуальных карточек, разработан план вывоза населения из каждого населенного пункта до места отправления – количество транспорта, расстояние, время в пути, возможные нештатные ситуации), изучалась и анализировалась обстановка в республике путем сбора сведений через агентурную сеть.

После тщательно проведенной подготовки к выселению калмыков был принят опросным путем указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. "О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР", который был предварительно рассмотрен и утвержден Политбюро ЦК ВКП(б).

Ныне рассекреченные документальные материалы раскрывают реальную картину в то раннее холодное утро 28 декабря происходившего выселения калмыков. Сухим канцелярским языком одним из военных службистов написано: "В 4.00 было выставлено оцепление. В половине шестого оперативники заняли свои места и по сигналу в половине седьмого приступили к операции. Операция проходила замечательно, без шума, без суматохи. К 10 часам все люди на сборном пункте, за 15 минут люди были погружены на машины... Люди погружены... Машины отправлены... Проческа домов калмыков нигде не обнаружила... Овцы пересчитаны...".

Вот так согласно этому указу от 27 декабря Калмыцкая АССР была упразднена, а калмыки выселены в восточные районы страны, разбросаны от Урала до Сахалина, от Заполярья до Алтая. Положения указа Президиума Верховного Совета СССР распространялись и на тех калмыков, которые сражались на полях боевых действий. Калмыки (по национальному признаку) были выведены из боевых частей и отправлены в трудовой лагерь НКВД СССР. Воинов-калмыков, воевавших с первых дней на полях сражений, не только морально унизили, но и почти всех физически уничтожили в наитяжелейших условиях работы на Широков-

ской ГЭС и других хозяйственных и строительных объектах Широклага НКВД СССР.

Трудно воспринимается и вообще невозможно понять психологию тогдашних руководителей советского государства. Наградив калмыка О.-Г.Ц. Болдырева за заслуги в уничтожении врага и за мужество самой высокой наградой страны – орденом Ленина, в то же время отправили его в лагерь НКВД СССР[39].

Выселение с 28 по 31 декабря 1943 г. коснулось в основном калмыцкого населения на территории Калмыцкой АССР и Калмыцкого района Ростовской области. Вслед за основной группой в конце марта 1944 г. было осуществлено выселение калмыков из отдельных населенных пунктов Ростовской области, а в июне 1944 г. – из Сталинградской. Всего, таким образом, с учетом солдат и офицеров подверглось депортации около 120 тыс. калмыков.

В официальных правительственных документах, которые не публиковались в открытой печати, выселение народов объяснялось стремлением ослабить этническую напряженность в том или ином регионе страны, стабилизировать политическую обстановку. Главные же причины этой акции, по нашему мнению, заключались не только в стремлении уничтожить целые этносы, но и в том, что советское руководство в какой-то степени хотело переложить свои серьезные промахи, обернувшиеся крупными поражениями в первые месяцы войны, потерями людских и материальных ресурсов, на некоторые малочисленные народы, т.е оно преследовало собственные цели. В названном указе, в частности, всему калмыцкому народу были предъявлены обвинения во всенародной измене, во вредительстве при эвакуации скота, имущества, при восстановлении разрушенного войной народного хозяйства.

Как известно, летом 1942 г. немецкие войска, совершив прорыв на Южном фронте и выйдя к Сталинграду, вступили в пределы республики. Разве это вина калмыцкого народа, что железнодорожная линия Ворошиловск–Дивное оказалась незащищенной и немцы двигались по ней, не встречая никакого сопротивления, что Красная Армия не смогла удержать рубежи Южного фронта?

Между тем, даже временно находясь в оккупации, народ Калмыкии продолжал бороться с врагом. В Калмыцкой

степи в 1942 г. действовали более 20 партизанских отрядов, 6 подпольных улускомов, 5 патриотических групп. За мужество и героизм, проявленные в боях против фашистских оккупантов, 14 тыс. граждан республики были награждены боевыми орденами и медалями, а 22 – удостоены звания Героя Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны И. Сталин, как Верховный Главнокомандующий, неоднократно направлял в адрес калмыцкого народа, тружеников Калмыкии благодарственные телеграммы. Только в 1943 г. он трижды в своих телеграммах благодарил трудящихся Калмыцкой АССР за самоотверженный труд и бескорыстную помощь фронту.

А в это время, оказывается, судьба калмыцкого народа уже была предрешена Сталиным и его окружением. Операция по выселению калмыцкого народа 28 декабря была проведена оперативно. В течение одного-двух часов без питания, без вещей, в основном женщины (33 809 человек, или 36,4%) и дети (40 157 человек, или 43,2%), беспомощные старики и инвалиды (19 017 человек, или 20, 4%)[40], которые значились в графе “мужчины”, были насильно и поспешно под усиленной охраной вооруженных солдат отправлены в Сибирь и в другие края. Для организации спецпереселения калмыков было привлечено 46 составов поездов, почти 10 тыс. солдат и офицеров, огромное количество автотранспорта, военной техники и вооружений, которых так не хватало на полях сражений Великой Отечественной войны.

Поспешность при выселении, холодные вагоны, не приспособленные даже для перевозки скота в зимнее время, суровые сибирские морозы, отсутствие каких-либо человеческих условий и элементарной медицинской помощи в пути следования привели к страшным последствиям, не только морально-психологическим, но и физическим. В дороге умерло почти 2% выселенных калмыков (свыше 1600 человек) и столько же прибыло к местам поселения тяжело заболевшими. По прибытии на место поселения из числа выселенных калмыков в течение 1944 г. только в Новосибирской области умерло 1510 человек (9,2%). Поэтому можно сказать, что через год умерло калмыков в процентном отношении почти столько же, поскольку все они в пути следования в ссылку и по прибытии находились в одинаковых условиях. Имеющийся документальный исторический

источник это точно подтверждает: к началу января 1945 г. калмыков в спецпоселении уже числилось 83 688 человек[41], т.е. со времени выселения и до начала 1945 г. умерло более 13 тыс. (13–14%).

В результате тяжелейших последствий переселения только в 1945 г. умерло 3735 калмыцких детей (9,3%, и это без учета умерших в пути и в 1944 г.), а в том же году родился всего 351 ребенок. Сохранившиеся справки отдела спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР и документы о положении прибывших к местам спецпоселений калмыков раскрывают трагическую судьбу калмыцкого народа в годы депортации.

С конца декабря 1943 г. и к началу 1950-х годов (с учетом родившихся, прибывших с фронта и из лагерей НКВД СССР) численность калмыков уменьшилась почти на 40 тыс. В связи с этим оказался подорванным генофонд калмыцкого народа, деформирована структура калмыцкого населения.

Следует отметить, что в трудном и весьма сложном положении оказались на первых порах не только высланные калмыки, но и оставшееся население, хозяйства, населенные пункты, партийные и советские организации, школы, лечебные учреждения. В связи с внезапным выселением калмыков большинство колхозов, совхозов испытывало огромный дефицит рабочей силы, закрывались школы, медпункты, магазины, упразднялись хозяйства, сельские советы, партийные организации. 13 июня 1944 г. на отчетно-выборном партийном собрании первый секретарь Малодербетовского райкома ВКП(б) Лычаков говорил: "В связи с этим январь и февраль 1944 г. явились месяцами, когда почти все районные организации прекратили свою деятельность, потому что в организациях и учреждениях большинство работали калмыки, которых не стало, а русские люди были мобилизованы на сбор скота и имущества.

После выселения калмыков в районе вместо 14 235 душ населения осталось, по неточным, завышенным данным, 6599 человек. Вместо 10 сельских советов стало три сельсовета и два поселковых совета, вместо 14 колхозов – 6. Аппарат государственных, кооперативных, общественных и других организаций оказался оголенным...". В Приютненском районе количество школ сократилось с 21 до 10, а уча-

щихся – с 1361 до 653. Скота от калмыцкого населения осталось в этом районе значительное количество: крупный рогатый скот – 10 410 голов (в том числе в индивидуальном секторе – 2579), овец – 26 715 (в том числе в индивидуальном секторе – 2779), лошадей – 629, верблюдов – 144, свиней – 37[42].

Края, области, получившие распределенную территорию Калмыцкой АССР, значительное время в 1944 г. были заняты упразднением, реорганизацией, переименованием районов, населенных пунктов, колхозов, совхозов. Партийные организации районов в духе того времени проводили активную идеологическую работу по одобрению и поддержке политики партии и государства по выселению калмыков. Однако и в этих тяжелых условиях калмыцкий народ смог выстоять, достойно перенести все невзгоды и тяготы судьбы. Во многом благодаря поддержке и бескорыстной помощи сибиряков. Они оказывали посильную помощь в устройстве на новых местах. Некоторые руководители хозяйств, предприятий стремились помочь в трудоустройстве калмыков, с тревогой сообщали в партийные и советские органы об их трудном положении, для их спасения предлагали принять срочные меры.

Несмотря на трудные условия, недостаток одежды, питания, сознавая необходимость оказания помощи фронту, привыкшие к труду калмыки, не жалея ни сил, ни здоровья, работали в местах депортации, вносили посильный вклад в разгром врага, в восстановление народного хозяйства. Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М. Кулагин в январе 1947 г. в своем отчете писал: "К настоящему времени основная масса калмыков трудоустроена, к работе относится добросовестно... Эффективность труда калмыков в 1945 и 1946 годах по сравнению с первым годом выселения значительно возросла. Среди них сейчас много стахановцев, ударников, людей, перевыполняющих установленные нормы и премированных за хорошую работу. Руководители организаций, предприятий, совхозов и колхозов, где работают калмыки, дают о них положительные отзывы. Особенно хорошие производственные показатели калмыки имеют на работах по животноводству"[43]. Многие калмыки, работая в местах выселения, за трудовые успехи, как известно, были награждены орденами и медалями советского государства,

в том числе и самыми высокими наградами – орденами Ленина, Трудового Красного Знамени.

Правительство страны не ограничилось переселением калмыков и дополнительно приняло меры по ужесточению режима их проживания в местах поселения, за пределы которых без разрешения комендатуры нельзя было выезжать. Но и это не все: руководство страны, по-видимому, преследовало цель окончательно уничтожить калмыцкий народ как этнос. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. "Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны" спецпоселенцы должны были остаться в этом статусе навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Определялись даже меры ответственности: за побег с места обязательного поселения – 20 лет каторжных работ. Кроме того, указ закрыл калмыкам доступ в учебные заведения (техникумы и вузы).

Несмотря на постоянное ужесточение условий пребывания калмыков в депортации, все же первые симптомы оттепели в общественной и политической жизни страны, которые наметились после смерти Сталина, привели к постепенному смягчению режима спецпоселенцев. Одним из первых актов подобного рода было постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. "О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев", которое снимало с учета детей спецпереселенцев, не достигших 16-летнего возраста и старше 16 лет, обучающихся в учебных заведениях.

17 марта 1956 г. был принят еще один указ Президиума Верховного Совета СССР – "О снятии ограничений в правовом положении калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении". Ему предшествовал в 1954–1955 гг. ряд актов Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР.

В Постановлении ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. впервые была сделана попытка дать оценку допущенному произволу, беззаконию по отношению к репрессированным народам. В нем отмечалось, что массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось

военными соображениями, а было одним из проявлений культа личности. В этом документе было признано, что принимаемые меры недостаточны и не решают задачи полной реабилитации необоснованно выселенных народов и восстановления их равноправия среди других наций страны. В первую очередь предлагалось в связи с необходимостью исправления допущенной несправедливости в отношении к калмыцкому, карачаевскому, балкарскому, чеченскому и ингушскому народам восстановить их национальную автономию.

Надо сказать, что эти акты отличались половинчатостью, стремлением не подвергать ни малейшей критике проводившуюся ранее политику массовых депортаций. В них речь шла о том, что люди были выселены "в связи с обстоятельствами военного времени", а теперь их пребывание на спецпоселении "не вызывается необходимостью". И ни слова о какой бы то ни было политической реабилитации депортированных народов. Они как считались народами-отступниками, так таковыми и остались, с той лишь разницей, что из наказанных народов превратились в помилованных.

XX съезд партии решил полностью исправить допущенную в отношении калмыцкого и ряда других народов несправедливость, восстановить их национальную государственность и тем самым обеспечить необходимые условия для их национального и культурного возрождения и развития.

Для этого потребовалось более 13 лет. Верховный Совет СССР на шестой сессии в феврале 1957 г. утвердил указ Президиума Верховного Совета СССР "Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР". Восстанавливалась государственность калмыцкого народа в существовавшей до октября 1935 г. форме – в качестве субъекта РСФСР, но в составе Ставропольского края.

9 января 1957 г. был принят указ Президиума Верховного Совета РСФСР "Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края", определивший границы и административно-территориальное устройство Калмыцкой автономной области. Президиум Верховного Совета РСФСР включил в состав Калмыцкой автономной области: из Ставропольского края – город Степной (ныне город Элиста), Черноземельский и Степной районы,

а также северо-западную часть Апанасенковского и Арзгирского районов (в границах бывшего Приютненского района); из Астраханской области – западную часть Никольского и Енотаевского районов (в границах бывших Юстинского и Кетченеровского районов), Придорожный сельский совет Приволжского района, западную часть Лиманского района, восточная граница которого установлена по линии железной дороги (на участке Басинская и разъезда № 8), Каспийский район (в границах бывших Лаганского и Уланхольского районов); из Сталинградской области – Сарпинский район; из Ростовской области – Западный и Степновский районы.

В соответствии с установленными границами автономной области и районов Президиум Верховного Совета РСФСР 12 января 1957 г. утвердил административно-территориальный состав Калмыцкой автономной области. В нее включили город Степной, который этим же указом был переименован в город Элиста, и районы: Западный (центр – рабочий поселок Башанта), Каспийский (центр – рабочий поселок Каспийский), Приозерный (центр – поселок Приозерный), Приютненский (центр – село Приютное), Сарпинский (центр – село Садовое), Целинный (центр – поселок Степной, этим же указом переименован в поселок Целинный), Черноземельский (центр – Красный Камышаник, переименован в поселок Комсомольский), Юстинский (центр – поселок Трудовой, переименован в поселок Юста), Яшалтинский (центр – село Степное, переименовано в поселок Яшалта), Яшкульский (центр – поселок Песчаный).

Калмыцкая автономная область была восстановлена в составе 1 городского, 10 районных, 2 поселковых и 52 сельских советов. Общая площадь ее территории составила 75,9 тыс.кв.км. В области имелись 20 МТС и МЖС, более 60 совхозов, колхозов, 2 мехлесхоза, мастерская по капитальному ремонту тракторных и автомобильных двигателей, 3 автобазы Россовхозтранса, автоколонна Минавтотранса, стройтрест, рыбзавод и т.п. Население области насчитывало 118 тыс. человек, в том числе калмыков – 41,3 тыс. (35,1%)[44]. Временно, до проведения выборов, восстановлением экономики, приемом возвращавшегося населения, подготовкой создания партийных и советских органов области занимались оргбюро обкома партии и оргкомитет обла-

стного совета депутатов трудящихся, образованные ЦК КПСС и Ставропольским крайкомом партии в декабре 1956 г.

В первые же дни восстановления автономии оргкомитет приступил к подготовке выборов в областной, районные, сельские и поселковые советы депутатов трудящихся. Этот вопрос был рассмотрен уже на третьем заседании оргкомитета. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 декабря 1956 г. о выборах в местные советы РСФСР оргкомитет областного совета 14 января 1957 г. образовал 79 избирательных округов по выборам в Калмыцкий автономный областной совет депутатов трудящихся. На следующий день, 15 января, он утвердил окружные избирательные комиссии и областную избирательную комиссию по выборам в Калмыцкий областной совет во главе с С.С. Утиным, преподавателем училища механизации сельского хозяйства, в количестве 11 человек. 23 января 1957 г. оргкомитет утвердил избирательные комиссии по выборам в районные советы депутатов трудящихся.

По области были образованы 353 окружные избирательные комиссии по выборам депутатов в районные советы, 43 – в городской совет и 1021 – в сельские и поселковые советы. Во всех участковых комиссиях были заняты 7427 человек, в том числе 2290 женщин (30,8%), 3579 членов КПСС (48,2%), 959 комсомольцев (12,9%).

Выборы областного, городского, районных, сельских и поселковых советов были проведены 3 марта 1957 г. Явка избирателей (77 880 человек) составила 100%. В связи с восстановлением автономии энтузиазм населения был высок, и это отразилось на результатах голосования избирателей (99,3%). В отличие от всех предыдущих и последующих выборных кампаний эти выборы отличались меньшей заорганизованностью и отсутствием широкой агитационно-пропагандистской работы.

В составе депутатов областного совета было обеспечено партийное большинство (50 членов партии, или 63,3%). Образовательный уровень у депутатов заметно повысился: 27 человек имели высшее образование, что составило 34,2%, 19 – среднее (24%), 33 – начальное (41,8%). После многих лет ссылки 32 калмыка (40,5%) впервые были избраны депутатами областного совета.

Значительное количество мандатов в областном совете принадлежало руководителям областных учреждений и партийных и советских органов не ниже районного звена. 33 депутата (41,7%) относились к рангам высокой номенклатуры. В областном совете этого созыва было 28 женщин (35,4%).

В тот же день, 3 марта 1957 г., и по тем же избирательным участкам были проведены выборы депутатов в Элистинский городской, районные, поселковые и сельские советы автономной области. Депутатский корпус низовых звеньев органов государственной власти области составил 1438 человек, в том числе в Элистинском городском совете – 43 депутата, в районных советах – 340 депутатов, из них калмыков – 97, в поселковых советах – 68, в сельских – 987 депутатов, в том числе калмыков – 113. Таким образом, в марте 1957 г. была полностью сформирована система органов государственной власти и управления Калмыцкой автономной области[45].

Автономия Калмыкии, ее государственность восстанавливались при отсутствии промышленной и строительной базы, социальной инфраструктуры. Калмыки, вернувшиеся после 13-летней ссылки, увидели многие свои села, поселки, столицу в руинах. Возвращавшиеся люди жили в палатках, приспособленных помещениях, наскоро построенных землянках, к тому же сталкивались с проблемами трудоустройства.

Учитывая трудное положение возвращающегося калмыцкого народа, Совет Министров РСФСР выделил в 1957 г. Калмыкии на капитальное строительство 73 млн руб., 40 тыс. куб. леса, сборные дома, стройматериалы, автомашины, тракторы и т.д. Была также оказана помощь селу. Совхозам в течение 1957–1958 гг. на строительство производственных объектов и жилья были выделены около 9 млн руб., почти 1 тыс. тракторов, 680 комбайнов, более 350 автомашин и другая сельскохозяйственная техника[46].

В течение 1957–1959 гг. из ссылки в родные края возвратилось 18 158 семей (72 665 человек). За пределами области проживали еще 33 401 калмык. В порядке единовременной помощи остро нуждающимся семьям, инвалидам войны и труда было выдано более 1 млн руб. и построены жилые

дома на 734 тыс. руб. За два года за счет ссуды калмыки приобрели более 8 тыс. голов крупного рогатого скота, построили 5 тыс. индивидуальных домов[47].

При восстановлении автономии Калмыкии (1957 г.) на ее территории было 25 колхозов и 37 совхозов, в основном животноводческого направления. Во всех категориях хозяйств к этому времени имелось 1 681 800 голов продуктивного скота, в том числе коров – 44 500, овец – 1 524 000[48]. Однако, несмотря на достаточное количество скота, совхозы были убыточными.

Потребности населения в жилье, в учреждениях социальной инфраструктуры, производственной базе колхозов, совхозов определили направление и специфику экономики Калмыкии. Наряду с традиционным животноводством развиваются строительство, промышленность строительных материалов, автотранспорт.

После определения основных направлений хозяйственного развития области окончательно формируется ее политическая система. XVIII областная партийная конференция, состоявшаяся 28–29 декабря 1957 г., организационно оформила областную организацию. Конференция, представлявшая 2557 коммунистов, избрала областной комитет КПСС в количестве 75 членов и 25 кандидатов в члены, бюро обкома партии в составе 11 человек, первого секретаря обкома КПСС – Н.И. Жезлова, секретаря оргбюро Калмыцкой областной парторганизации, представителя Ставропольского крайкома КПСС. Почти одновременно были оформлены областная комсомольская (288 первичных организаций с числом комсомольцев в них 10 078 человек, первый секретарь обкома ВЛКСМ Б.П. Надбитов)[49] и областная профсоюзная (председатель областного совета профсоюзов Б.О. Манцынов) организации.

Население Калмыцкой автономной области ко времени возвращения калмыков составляло около 120 тыс. человек. К началу 1959 г. в Калмыкию вернулись 64 900 калмыков, что составляло 61,2% всего числа (106 066 человек) калмыков, проживавших тогда в СССР. Между тем по переписи 1939 г. численность калмыков в СССР составляла 134 327 человек. Следовательно, за годы войны и нахождения в ссылке, без учета естественного прироста, численность калмыков уменьшилась на 28 261 человека. А если

учесть, что в составе населения детей было до 40% и умирало их вдвое больше, чем рождалось (2:1), то с учетом небольшого восполнения численность калмыков за указанные годы уменьшилась в пределах 40 тыс.

В связи с возвращением значительной части калмыков в родные края Президиум Верховного Совета СССР в июле 1958 г. преобразовал Калмыцкую автономную область в автономную республику. Казалось бы, восторжествовала историческая справедливость: восстанавливалась ликвидированная в 1943 г. национальная государственность Калмыкии; только в 1959 г. в народное хозяйство республики было вложено 192 млн руб. Однако в принятых государственных актах не говорилось о полной политической реабилитации, снятии всех обвинений, предъявленных калмыцкому народу.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 августа 1958 г. впредь до выборов Верховного Совета Калмыцкой АССР и правительства республики временное руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики было возложено на областной совет депутатов трудящихся и его исполком. В том же году облисполком приступил к формированию органов государственной власти и управления республики в соответствии с существующей общей вертикальной системой, основанной на принципах демократического централизма, т.е. фактически унитарного государства.

После восстановления Калмыцкой АССР в соответствии с "Временным положением о выборах в Верховный Совет Калмыцкой АССР", принятым 9 октября 1958 г. Калмыцким облисполкомом, в отличие от конституционного положения 1937 г. Верховный Совет Калмыцкой АССР в 1958 г. избирался гражданами Калмыкии по избирательным округам на четыре года: один депутат от 2 тыс. населения. В нарушение формальной логики Конституции Калмыцкой АССР (ст. 102) Временное положение вводило возрастной ценз для избрания депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР – 21 год.

Выборы депутатов в высший орган Калмыцкой АССР 19 октября 1958 г. проходили действительно в обстановке морального удовлетворения и душевного подъема у людей в связи с восстановлением республики. Эта атмосфера су-

щественно отразилась на явке избирателей: из 103 886 человек приняли участие в голосовании 103 865 (99,4%)[50].

По результатам голосования все безальтернативно выдвинутые кандидаты были избраны депутатами Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва. Особенностью состава депутатского корпуса Верховного Совета республики второго созыва явилось то, что в нем заметно увеличилось представительство номенклатурных работников высшего звена (50,6%). В состав Верховного Совета КАССР вошли все 11 членов бюро Калмыцкого обкома КПСС и, кроме того, 19 членов обкома партии (из 75 членов обкома партии депутатами стали 30), 6 первых секретарей райкомов КПСС. А учителей, врачей, писателей, научных работников было избрано всего 8 человек.

В соответствии с общей политикой особое внимание было обращено на партийную прослойку депутатов, с тем чтобы цифрами доказать нерушимость блока коммунистов и беспартийных. Поэтому среди депутатов Верховного Совета КАССР второго созыва количество членов партии составило более 50%. 36 депутатов Калмыцкого областного совета вновь были переизбраны в состав Верховного Совета КАССР.

Представительство женщин в нем по сравнению с Верховным Советом КАССР первого созыва увеличилось с 24,6 до 36,8%, а рабочих и колхозников уменьшилось соответственно с 29,2 до 26,3% и с 32,3 до 23,1%. За прошедшие 20 лет изменился образовательный уровень депутатов. Если в 1938 г. в Верховном Совете первого созыва депутатов с высшим образованием было всего 9,2%, с начальным – 73,8%, то в 1958 г. в Верховном Совете второго созыва 2 депутата имели ученые степени, 30 (31,6%) – высшее образование, число депутатов с начальным образованием сократилось до 44,2%. В таком составе Верховный Совет республики проработал до очередных выборов 1963 г.[51]

Первая сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва, состоявшаяся 28 октября 1958 г., сформировала правительство республики – Совет Министров во главе с председателем Э.А. Сангаевым и тремя его заместителями, в его состав вошли десять министров, председатели Госплана и Комитета безопасности, начальники двух управлений; избрала семь постоянных комиссий, Президиум

Верховного Совета в количестве 11 человек (куда вошли почти все члены бюро обкома), Верховный суд Калмыцкой АССР.

На этой же сессии были внесены 40 изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Калмыцкой АССР 1937 г., т.е. фактически она была утверждена в новой редакции, поскольку в ее текст с 1937 по 1958 гг. не вносились изменения и дополнения. Следует отметить, что из Конституции КАССР 1937 г. была исключена ст. 64, которая в свое время возвела в ранг особого положения органы внутренних дел.

В связи с преобразованием Калмыцкой автономной области в автономную республику и организацией ее органов государственной власти и управления в соответствии со статьей 35 Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР 9 января 1959 г. назначил выборы в Совет Национальностей Верховного Совета СССР от Калмыцкой АССР на воскресенье 1 марта 1959 г. Президиум Верховного Совета СССР принял 9 января еще два указа – “Об избирательных округах по выборам в Совет Национальностей от Калмыцкой АССР” и “О сроке избирательной кампании, избирательных участках, участковых избирательных комиссиях, списках избирателей, удостоверениях на право голосования, избирательных ящиках при выборах в Совет Национальностей от Калмыцкой АССР”.

Первым указом Президиум Верховного Совета СССР на основании ст. 35 Конституции СССР и статей 25 и 26 “Положения о выборах в Верховный Совет СССР” образовал в Калмыцкой АССР 11 избирательных округов, начиная с № 641 и включительно по № 651 (Элистинский, Приютненский, Яшалтинский, Черноземельский, Каспийский, Западный, Малодербетовский, Целинный, Сарпинский, Юстинский, Яшкульский).

Вторым указом Президиум Верховного Совета СССР, учитывая, что выборы депутатов в Совет Национальностей Верховного Совета СССР от Калмыцкой АССР будут проходить одновременно с выборами в Верховный Совет РСФСР и местные советы, постановил, что при проведении выборов депутатов в Совет Национальностей от Калмыцкой АССР избирательная кампания должна начаться за 45 дней до выборов, вместо двух месяцев, предусмотренных

для общих выборов "Положением о выборах в Верховный Совет СССР". Кроме того, Президиум Верховного Совета СССР установил, что образуются общие избирательные участки и участковые избирательные комиссии для выборов в Совет Национальностей и для выборов в Верховный Совет РСФСР, в местные советы Калмыцкой АССР.

Для подготовки и проведения выборов в Совет Национальностей Верховного Совета СССР от Калмыцкой АССР Указом Президиума Верховного Совета КАССР от 17 января 1959 г. была образована избирательная комиссия Калмыцкой АССР по выборам в Совет Национальностей в составе 13 человек во главе с Б.О. Джимбиновым, секретарем Калмыцкого обкома партии. 20 января 1959 г. Президиум Верховного Совета КАССР образовал 11 окружных избирательных комиссий (каждая состояла из 11 человек – председатель, заместитель председателя, секретарь и 8 членов) по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР, а также окружную избирательную комиссию (округ № 758) по выборам в Верховный Совет РСФСР в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов[52].

Исполкомы Элистинского горсовета и районных советов утвердили составы 143 участковых избирательных комиссий в период с 27 по 31 января и 2 февраля 1959 г.

В эти же дни в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 января 1959 г. одновременно шла подготовка к проведению в воскресенье 1 марта 1959 г. выборов в Верховный Совет РСФСР и в местные советы. На этот же день Президиум Верховного Совета КАССР назначил выборы в районные, городские, поселковые и сельские советы республики. 5 января 1959 г. Президиум Верховного Совета КАССР принял указ "Об избирательных нормах по выборам в районные, городские, поселковые и сельские советы Калмыцкой АССР".

Выдвижение общими собраниями колхозов, совхозов, школ и других предприятий, организаций по производственному принципу кандидатов в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР прошло в период с 28 января по 6 февраля, т.е. установленные сроки (10 дней) были соблюдены. Кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР был выдвинут в последний день – 8 февраля 1959 г.,

и в этот же день он был зарегистрирован по избирательному округу № 758 в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР. Кандидаты в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР были зарегистрированы в своих избирательных округах в период с 31 января по 7 февраля 1959 г.

Все безальтернативные кандидаты в депутаты Верховного Совета РСФСР и Совета Национальностей Верховного Совета СССР были единодушно поддержаны предвыборными окружными совещаниями представителей избирательных округов и рекомендованы избирателям.

В результате тщательного подбора кандидатов намеченный партийными организациями план проводить выборы без альтернативы (выдвигать и голосовать по округу только за одного кандидата) уже заранее предрешал желаемый итог. Здесь сказывалась не столько агитационно-пропагандистская работа, сколько партийная дисциплина и ответственность и в какой-то степени страх партийца за результаты и последствия работы на своем участке.

На выборах 1 марта 1959 г. из 104 793 избирателей пришли к избирательным урнам 104 792 (99,99%). За 11 кандидатов в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР от КАССР проголосовали 104 472 избирателя (99,69%), т.е. "против" проголосовали всего 320 человек.

По избирательному округу № 758 депутатом Верховного Совета РСФСР был избран Лиджи Карвенович Килганов, 1906 г. рождения, член КПСС, председатель Госплана Калмыцкой АССР[53].

Из 12 депутатских мандатов Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР от Калмыцкой АССР 10 были взяты коммунистами, из них 7 депутатов занимали высшие посты в партийных и советских органах СССР (С.В. Курашов, министр здравоохранения СССР; П.Н. Демичев, управляющий делами Совета Министров СССР; М.А. Пономарев, заведующий сектором отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР) и Калмыцкой АССР. Остальные 5 мандатов были распределены так: интеллигенции – 1, рабочему классу – 2, колхозному крестьянству – 2.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 января 1959 г. и указом Президиума Верховного Совета КАССР от 5 января 1959 г. "О проведении

выборов в районные, городские, поселковые и сельские советы депутатов трудящихся Калмыцкой АССР" 1 марта 1959 г. одновременно с выборами в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР состоялись выборы в советы города Элисты, районов, поселков и сел республики. Они были организованы и проведены в соответствии с "Положением о выборах в районные, городские, поселковые и сельские советы депутатов трудящихся Калмыцкой АССР", утвержденным Указом Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 5 января 1959 г.

Партийные организации районов, города и сел, учреждений и предприятий обеспечили высокую активность населения. Явка избирателей на выборах депутатов районных советов составила 99,99%, за кандидатов в депутаты проголосовало 99,55% избирателей; на выборах депутатов городского совета – соответственно 100 и 99,22%; на выборах депутатов сельских советов – 99,98 и 99,45%. В местные советы республики было избрано 2070 депутатов, в том числе депутатов городского совета – 85, районных советов – 400, поселковых – 100, сельских – 1485.

В местные советы республики было избрано 726 женщин (35%), что почти соответствовало среднему показателю по стране (38,3%). Что касается состава депутатов по партийности (953 коммуниста, или 46%), то здесь местные советы республики отличались от средних показателей по стране (45%) на 1%. Комсомольцев в местные советы было избрано несколько больше (193 человека, или 9,3%), чем в среднем по стране (7,4%). Но в то же время доля представительства служащих была высока (48,6%, а по стране – 38%). Так что, несмотря на нестабильность населения республики (калмыки еще прибывали), партийные организации Калмыкии строго выполняли соответствующее указание ЦК КПСС о тщательном подборе и формировании местных органов[54].

Восстанавливая Калмыцкую АССР, а также учитывая, что население с энтузиазмом включилось в восстановление Калмыкии и ее экономики (за первые два года были значительно перевыполнены планы сдачи государству продукции сельского хозяйства), советское государство в 1959 г. решило оказать ей моральную поддержку. В ознаменование 350-летия добровольного вхождения калмыцкого народа

в состав России Калмыкия была награждена орденом Ленина (в те годы широко практиковалось награждение республик, краев, областей), а большая группа тружеников, интеллигенции, служащих получила высокие правительственные награды и почетные звания СССР и РСФСР. 16 человек были удостоены ордена Ленина (в том числе только что "избранный" в начале 1959 г. первый секретарь обкома КПСС М.А. Пономарев), 33 человека – ордена Трудового Красного Знамени, 55 – ордена "Знак Почета", 72 – медали "За трудовую доблесть", 54 – медали "За трудовое отличие", 7 человек получили почетные звания РСФСР, 80 – Почетные грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР. Из 104 человек, получивших только ордена, 33 (32%) являлись высшими должностными лицами республиканских партийных и советских органов, а из 126 медалей партийные и советские работники высокого ранга были награждены 21 (16,6%)[55].

С увеличением калмыцкого населения заметно растет партийная организация Калмыкии. Если в 1957 г. в областной парторганизации состояло 2196 коммунистов, то в начале 1960 г. в ее рядах насчитывалось уже 5144 коммуниста, т.е. в 2,3 раза больше. В сентябре 1961 г. впервые за много лет первым секретарем Калмыцкого обкома КПСС по рекомендации ЦК КПСС был избран калмык Б.Б. Городовиков, кадровый военный, прослуживший в армии с 1927 до конца 1960 г. Он проработал в этой должности, фактически главой республики, более 17 лет. За это время в развитии экономики и культуры республики произошли существенные изменения. Однако в 1961–1978 гг. в народное хозяйство Калмыкии было вложено немало средств – более 2 млрд руб. Особенно активно наряду с производственным велось строительство объектов жилищного и культурного назначения.

Более высокими темпами стали развиваться промышленность строительных материалов (завод железобетонных изделий, домостроительный комбинат, керамзитовый завод, завод силикатных материалов и т.д.), легкая промышленность (швейная, трикотажные фабрики), пищевая промышленность (консервная, мясоконсервный комбинат, мясокомбинат, хлебозавод, молочный завод в Элисте). В те же годы появились отрасли промышленности: нефтедобываю-

щая, газовая (но получаемая в виде сырья продукция отправлялась за пределы республики), машиностроительная (сборка специальных машин из привезенных готовых деталей, использовалась только рабочая сила). Развитие новых отраслей, конечно, имело положительное значение: появлялись дополнительные рабочие места, улучшалась инфраструктура в селах, поселках, где эти отрасли развивались в процессе изменений социальной структуры населения. Все это было очень важно партии для обоснования вывода о решении национального вопроса, о преодолении фактического неравенства, об индустриальном развитии окраин, о формировании однородной социальной общности.

Однако в условиях сверхцентрализации управления, планового хозяйствования и специализации регионов экономика Калмыкии получила однобокое развитие – овцеводство превратилось в монохозяйство, а промышленность ограничивалась в основном строительной отраслью, так как нужны были животноводческие помещения, жилье для животноводов, а для их детей – школы, интернаты и т.д. Количество скота в республике к 1978 г. по сравнению с 1961 г. увеличилось в 1,53 раза и составило 3 454 100 голов, в том числе крупного рогатого – 353 200 (в 1,63 раза больше), овец – 3023 тыс. (в 1,5 раза больше). За этот же период поголовье скота в стране увеличилось со 133,1 млн до 159,9 млн, т.е. в 1,2 раза, а овцепоголовье сохранилось почти на том же уровне (65,5 млн и 66,7 млн). Количество лошадей в республике за эти годы увеличилось с 13 100 до 18 400, птиц – с 230 200 до 344 900 (1980 г.), а верблюдов уменьшилось с 1100 до 500 голов[56].

При отсутствии современных предприятий перерабатывающей промышленности, а также выпускающих конечную продукцию Калмыкия превратилась в сырьевой регион со значительным дефицитом бюджета. Значительная доля производимой сельскохозяйственной продукции в виде сырья ежегодно по плану сдавалась государству.

Основными производителями сельскохозяйственной продукции являлись совхозы и колхозы республики. Количество совхозов за эти года увеличилось с 37 до 94, а их производственные основные фонды – с 65 млн руб. до 441,5 млн, т.е. в 6,8 раза. В среднем на совхоз производственные основные фонды возросли с 1,75 млн руб. до

4,7 млн, а в колхозах, хотя их число уменьшилось с 25 до 23, неделимые фонды в основных средствах – с 1163 тыс. руб. до 7078 тыс. Несмотря на то что материально-техническая база совхозов, колхозов республики развивалась (количество тракторов увеличилось с 3164 до 5987, зерноуборочных комбайнов – с 1016 до 1849, грузовых автомобилей – с 2006 до 6330), значительно возросла себестоимость основных видов сельскохозяйственных продуктов. Себестоимость производимого зерна к 1978 г. по сравнению с 1960 г. возросла: в колхозах – в 1,8 раза, в совхозах – в 3,4; шерсти: в колхозах – в 2 раза, в совхозах – в 2,7; молока: в колхозах – в 1,76 раза, в совхозах – в 2,5; яиц: в колхозах – в 1,2 раза, в совхозах – в 2,2; мяса: в колхозах – в 2 раза, в совхозах – в 2,6 раза[57].

За эти годы значительно увеличилось производство основных видов сельскохозяйственной продукции: мяса – в 2,4 раза; молока – в 2,3; яиц – в 2,6; шерсти почти в 2 раза. Этот рост производства в основном произошел за счет увеличения поголовья скота, разведения домашней птицы и незначительного роста их продуктивности. Однако одновременно почти на столько же возросли государственные закупки. Значительная доля произведенной продукции сдавалась государству по плану. В 1960 г. все хозяйства республики сдали государству 13,9 тыс. т (в убойном весе) мяса, что составило 74% от произведенного, в 1978 г. – 30,9 тыс. т (68%); молока от произведенного – соответственно 30 и 28%; яиц – соответственно 54,4 и 63,4%; шерсти – соответственно на 108 и на 124%, т.е. больше, чем произведенного, по-видимому, за счет закупки у населения. Зерна за эти годы было собрано 1785 тыс. т, а сдано государству 698,6 тыс. т (39%)[58]. Отправляемая государству в виде сырья сельскохозяйственная продукция не приносила дохода республике, население начало испытывать недостаток в молоке, яйцах, мясе, колбасных изделиях.

Новые мясокомбинаты в основном предназначались для забоя скота, охлаждения и временного хранения мяса. Предприятия по переработке кожсырья, шерсти, мукомольно-крупяные не строились. Транспорт, дорожная сеть развивались в основном для обеспечения своевременной отправки продукции государству.

Урожайность зерновых в целом по республике была низкая (8–9 ц с 1 га), и рост валового сбора зерна достигался

за счет расширения посевных площадей (с 1960 по 1979 г. они увеличились с 617,8 тыс. до 841 тыс. га, т.е. в 1,36 раза), площади орошаемых земель (почти в 5 раз), что приводило к пагубным экологическим последствиям – эрозии, засолению почвы, уменьшению пастбищ (что, в свою очередь, вело к повышению нагрузки).

Рост сельскохозяйственного производства обеспечивался в эти годы и за счет увеличения рабочей силы. Если в 1960 г. в колхозах и совхозах республики производственным трудом были заняты 37,3 тыс. человек, то в 1979 г. уже 49,9 тыс. или в 1,34 раза больше. Правда, за эти 20 лет население республики возросло с 184 900 до 293 528 человек (т.е. в 1,6 раза), в том числе калмыков – с 64 900 до 122 757 (доля их представительства в составе населения поднялась с 35,1 до 41,7%). Количественный состав русских увеличился в населении республики со 103 300 до 125 510 человек, но относительное представительство уменьшилось с 55,9 до 42,6%[59].

Несмотря на вывод партии о ликвидации фактического неравенства между народами страны, депортация калмыков и запрещение им учиться в высших и средних специальных учебных заведениях существенно отразились на образовательном уровне населения Калмыкии. Еще в 1979 г. по основным показателям уровня образования населения Калмыкия отставала от среднего уровня по РСФСР на 1 тыс. человек в возрасте 10 лет и старше. В Калмыкии на 1 тыс. человек в возрасте 10 лет и старше имели образование: высшее и среднее (полное и неполное) – 589 человек (по РСФСР – 645), в том числе: высшее – 49 (РСФСР – 71), среднее специальное – 97 (РСФСР – 116), начальное – 292 (РСФСР – 239). Поэтому уровень образования и занятого населения в Калмыкии был ниже по сравнению с аналогичным показателем по РСФСР. В Калмыкии на 1 тыс. занятых имели образование: высшее и среднее (полное и неполное) – 727 (РСФСР – 803), в том числе: высшее – 74 (РСФСР – 101), среднее специальное – 143 (РСФСР – 164), начальное – 214 (РСФСР – 167)[60].

В эти годы велась ускоренная подготовка кадров с высшим и специальным образованием. Сотни юношей и девушек направлялись в различные учебные заведения страны. В Элисте в 1964 г. был открыт пединститут, который в

1970 г. преобразован в университет. К концу 70-х годов XX в. в республике функционировали семь средних специальных учебных заведений, в которых обучалось свыше 7 тыс. студентов. Численность учащихся в общеобразовательных школах всех видов увеличилась вдвое, и в 1979/80 учебном году в 266 школах республики обучалось 61 200 детей, а с ними занималось свыше 4 тыс. учителей, абсолютное большинство из них имели высшее образование[61].

Подготовка высококвалифицированных кадров сыграла положительную роль в развитии здравоохранения, культуры республики. По сравнению с 1960 г. численность врачей всех специальностей к 1978 г. увеличилась в 3,8 раза (в 83 больничных учреждениях работали 938 человек), а численность среднего медицинского персонала – в 3 раза и составила 3194 человека. Однако, несмотря на повышенное внимание к подготовке медицинских кадров, все же республика по многим показателям, характеризующим медицинское обслуживание населения, отставала от среднероссийского уровня. В конце 1978 г. обеспеченность на 10 тыс. человек населения врачами в Калмыкии равнялась 31,5, а по РСФСР – 40,4, средним медицинским персоналом – соответственно 107,3 и 114. Число больничных мест в республике увеличилось за эти годы в 2,4 раза и в расчете на 1 тыс. человек равнялось 142,1, что соответствовало среднему показателю по России[62].

Ускоренными темпами строились клубные учреждения (в 1960 г. их было 154, а в 1978 г. – 277), публичные библиотеки в городах и селах (соответственно 150 и 189), вводились в действие киноустановки (их число увеличилось со 183 до 351). В библиотеках в 3,4 раза возрос фонд книг и журналов. В среднем одна библиотека республики располагала 14–14,5 тыс. экземпляров печатных изданий, в то время как российские библиотеки имели в фондах в среднем до 150 тыс. экземпляров книг[63]. Но если все это сравнивать с тем, что было на момент восстановления автономии, то, конечно, к концу 1970-х годов произошли заметные перемены к лучшему. Но по многим параметрам, характеризующим количественное и качественное развитие республики, Калмыкия занимала одно из последних мест в стране. Причина заключалась не только в ликвидации республики, депорта-

ции народа, но и в том, что она была превращена в сырьевой животноводческий регион.

Несмотря на существенные различия в уровне развития регионов страны, на расхождения теории с реальностью, КПСС подводила под свой лозунг о построении развитого социализма качественные характеристики органов государства. Строгий контроль партийных органов за подготовкой и проведением выборов, полное руководство всей выборной кампанией исключали свободные выборы, которые могли бы отразить реальное общественное настроение, реальную структуру и социальное состояние общества, а также проявление каких-либо демократических элементов при выборах советов всех уровней. Партия формировала советы по форме как органов народной власти, а по сути – как механизмы для реализации собственных целей, обеспечения своей диктатуры. Поэтому выборы советов, которые должны были быть проявлением одной из важнейших форм демократии, демократизации общества, превращались в очередные мероприятия партийных органов по демонстрации "достижений" во всем, в том числе и в решении национального вопроса.

При таком подходе к выборам партийные органы добивались высокой явки избирателей и высоких результатов голосования. Выборы в местные советы республики 1961 г. не явились исключением из всех предыдущих и будущих выборов. Явка избирателей на выборы Элистинского горсовета составила 99,98%, а результаты голосования – 99,41%; на выборы районных советов – соответственно 99,99 и 99,41%; на выборы сельских советов – 99,99 и 99,35%; поселковых советов – 100 и 99,33%[64].

Депутатский корпус местных советов республики в 1961 г. по сравнению с предыдущим созывом увеличился на 160 человек и составил 2230 депутата, в том числе женщин – 816 (36,6%), и обновился на 61,5% (1373 человека). Партийный состав местных советов республики был точно подогнан под общий средний показатель местных советов по стране (45,3%).

Представителей рабочего класса в местных советах республики было 34%, колхозного крестьянства – 20% (хотя в социальной структуре населения рабочие составляли 51%, колхозники – 29,5%). В связи с неполным возвращением

калмыков национальный состав депутатов местных советов отразил сложившееся соотношение в национальном составе населения республики. В 1961 г. в местные советы было избрано 958 калмыков (42,9%), 1117 русских (50,1%).

В местные советы Калмыцкой АССР в 1,5 раза меньше было избрано учителей, врачей, научных сотрудников (229 человек, или 10,2%), чем партийных, советских и комсомольских работников (334 человека, или 15%). Образовательный уровень депутатов местных советов республики в основном соответствовал реальному образовательному уровню населения села. Лиц с высшим образованием в числе депутатов местных советов Калмыкии было 220 человек (9,8%, по стране – 12,8%), со средним образованием – 526 (23,6%, по стране – 29,5%), с неполным средним – 653 человека (29,1%, по стране – 29,5%), с начальным – 831 человек (37,2%, по стране – 31%)[65].

Не успели завершить и подвести итоги выборов в местные советы 1961 г., как в начале 1962 г. развернулась активная подготовка к очередным выборам депутатов в Верховный Совет Союза ССР. Вслед за указами Президиума Верховного Совета о назначении выборов на 18 марта 1962 г. и об образовании избирательных округов (на территории Калмыцкой АССР было 11 избирательных округов по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР и 1 избирательный округ по выборам в Совет Союза Верховного Совета СССР) последовали указы Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР по подготовке и проведению выборов в Верховный Совет СССР на территории республики.

22–23 января 1962 г. Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР своими указами утвердил составы 2 республиканских, 11 окружных комиссий по выборам в Совет Национальностей и Совет Союза Верховного Совета СССР во главе с секретарями, членами бюро обкома, горкома и райкомов КПСС[66].

С 3 по 10 февраля 1962 г. началась кампания по выдвижению кандидатов в депутаты Совета Национальностей и Совета Союза Верховного Совета СССР. Все кандидаты подбирались и тщательнейшим образом рассматривались на всех уровнях партийных органов по заранее заданной характеристике (национальность, пол, партийность, воз-

раст, социальное положение, профессия и т.д.). Партийные организации, подобрав кандидатуру по предложенным критериям и согласовав с необходимыми инстанциями, организовывали формальное выдвижение кандидата в, депутаты общими собраниями коллективов предприятий и организаций. Чаще всего готовые кандидатуры предлагались сверху – ЦК КПСС, обкомом партии – и сразу же предлагались к выдвижению. Так было на практике, хотя в Положении о выборах и других официальных документах писалось о свободном выдвижении и обсуждении кандидатов в депутаты.

Все выдвинутые безальтернативные кандидаты в депутаты Совета Национальностей и Совета Союза Верховного Совета СССР от Калмыцкой АССР 12–14 февраля 1962 г. были зарегистрированы в окружных избирательных комиссиях по соответствующему избирательному округу. После этого можно было уже не сомневаться, что кандидат будет избран депутатом, – могли помешать только какие-нибудь чрезвычайные происшествия.

18 марта 1962 г. явка избирателей Калмыцкой АССР на выборах в Верховный Совет СССР составила 99,99% (из 118 662 избирателей получили бюллетени 118 660). По результатам голосования депутатами Совета Национальностей Верховного Совета СССР от Калмыцкой АССР и Совета Союза Верховного Совета СССР по Калмыцкому избирательному округу № 403 были избраны 12 человек, в том числе двое работников союзного уровня – министр здравоохранения СССР С.В. Курашов и управляющий делами Совета Министров СССР Г.С. Степанов – представляли Калмыкию. Пятеро депутатов (41,6%) по занимаемым должностям относились к номенклатурным работникам ЦК КПСС. Депутатскую группу Верховного Совета СССР от Калмыцкой АССР в основном представляли коммунисты (75%), только двое были беспартийными. Повторно был избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР от Калмыкии только С.В. Курашов.

Представительство в Верховном Совете СССР от республики стало регламентироваться с 1959 г. С этого времени была введена практика рекомендации ЦК КПСС отдельных персональных кандидатур в депутаты Верховного Совета СССР, для того чтобы в нем обеспечить свое пред-

ставительство, а затем управлять высшим государственным органом страны.

С 1959 по 1989 г. Калмыкия имела 88 депутатских мандатов в Верховном Совете СССР, из них 16 по рекомендации ЦК КПСС были отданы под его кандидатуры (членам и кандидатам в члены ЦК КПСС). Что касается депутатского мандата в Совете Союза Верховного Совета СССР, то он постоянно предоставлялся жителю Калмыкии, но, как правило, высокопоставленному партийному или государственному чиновнику. Представительство Калмыкии и выражение ее интересов в высшем законодательном органе страны для депутатов практически являлись формальностью. Во-первых, депутаты всех уровней почти не участвовали в законотворческом процессе, за исключением стадии голосования. В обсуждении рассматриваемых вопросов депутаты могли выступить только в плановом порядке, в порядке очередности по заранее заготовленным, проверенным текстам. Во-вторых, хотя мандат депутата носил императивный характер, но институт наказов избирателей, отчеты об их исполнении носили формальный характер (предложения избирателей могли быть приняты в качестве наказов только в том случае, если они совпадали с плановыми заданиями).

В 1962–1963 гг. партией была предпринята очередная попытка найти оптимальную форму руководства экономикой, а также частично изменить сложившуюся систему органов местного управления по “производственному принципу”, при этом значительно сократив ее путем укрупнения сельских районов. Все это происходило при действующих уже в РСФСР 70 новых экономических административных районах, управленческими органами которых стали советы народного хозяйства (совнархозы). Калмыкия была включена в Приволжский совнархоз. Образование совнархозов усилило хаос в управлении, усложнило его, поскольку сохранялись и Госплан, Госснаб, Госстрой, отраслевые министерства, госкомитеты.

В Калмыцкой АССР перестройка местных органов власти по “производственному принципу” и укрупнение районов были проведены в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 г. и Указом Президиума Верховного Совета Калмыкии от 11 февраля

1963 г. В соответствии с этими указами вместо 11 районов было образовано 6 сельских районов:

Городовиковский (в составе 11 сельских и 1 поселкового советов: 4 сельских и 1 поселкового советов бывшего Городовиковского района, 7 сельских советов бывшего Яшалтинского района);

Приозерный (в составе 9 сельских советов бывшего Приозерного района, 5 сельских советов бывшего Целинного района, 1 сельского совета бывшего Яшкульского района);

Сарпинский (в составе 7 сельских и 3 поселковых советов);

Черноземельский (в составе 13 сельских и 1 поселкового советов: 6 сельских и 1 поселкового советов бывшего Черноземельского района, 4 сельских советов бывшего Каспийского района, 3 сельских советов бывшего Яшкульского района);

Целинный (в составе 8 сельских советов: 2 – бывшего Целинного района, 2 – бывшего Центрального района, 3 – бывшего Приютненского района, 1 – бывшего Яшкульского района);

Юстинский (в составе 9 сельских советов: 6 – бывшего Юстинского района, 2 – бывшего Приозерного района, 1 – бывшего Яшкульского района).

Управление районами осуществляли сельские районные исполкомы, районные сельскохозяйственные производственные комитеты партии. Однако в условиях централизованной системы управления, не меняя сути местного административного управления, невозможно было изменить хозяйственное управление, и в 1965 г. совнархозы были упразднены и страна вернулась к отраслевому принципу руководства, позволяющему обеспечивать социально-экономическое развитие административно-территориальных единиц.

Новые местные административно-территориальные органы власти и управления, построенные по “производственному принципу”, были сформированы в марте 1963 г., одновременно с высшими органами власти РСФСР и Калмыцкой АССР. Вся подготовительная работа к этим выборам и основные этапы избирательного процесса (завершение выдвижения) были проведены в течение 29–30 дней, с 10 января по 9 февраля 1963 г.

Несмотря на то что было абсолютно ясно, что предложенные кандидаты в депутаты советов всех звеньев будут избраны (поскольку утвердившаяся практика покорного голосования избирателей за определенного кандидата срабатывала четко), в течение почти трех недель проводилась широкая агитационно-пропагандистская работа, к которой подключалось огромное количество агитаторов, лекторов. Республиканские и районные средства массовой информации постоянно писали и рассказывали о кандидатах в депутаты на фоне пропаганды идей партии, достижений страны, республики, восхвалений социалистической демократии, советской национальной политики. Однако все понимали, что в реальной жизни все обстояло не так уж благополучно. Поэтому как бы не подгоняли, подтверждали качественные характеристики составов депутатов Верховного Совета и местных советов различными цифровыми показателями, все это на результаты явки и голосования не влияло. Так и прошли выборы 3 марта 1963 г.

В составе депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва было 40 женщин (37,4%), – 70 членов партии (65,4%). Депутатский мандат Верховного Совета КАССР получило значительное количество (34 человека, или 31,7%) партийных, советских, комсомольских и профсоюзных работников республиканской номенклатуры, а учителя, врачи и научные работники – всего 8 (7,4%). По национальному составу депутатский корпус Верховного Совета КАССР был сбалансирован (52 калмыка и 52 русских). По образовательному уровню депутаты Верховного Совета КАССР третьего созыва заметно отставали от депутатов Верховных Советов автономных республик. Депутатов с высшим образованием в Верховном Совете КАССР было 31,8%, а в Верховных Советах автономных республик страны – 48,9%; лиц с начальным образованием в Верховном Совете Калмыкии было вдвое больше (27,1%), чем в Верховных Советах АССР (14%). Если с учеными степенями депутатов в Верховных Советах АССР было 5,7%, то в Верховном Совете КАССР – 1,8%[67].

По результатам голосования 3 марта 1963 г. депутатом Верховного Совета РСФСР по Калмыцкому избирательному округу № 798 был избран Эренжен Агильджанович

Сангаев, член бюро обкома КПСС, председатель Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР.

Депутатский корпус местных советов республики по сравнению с предыдущим созывом увеличился на 376 человек и составил 2606 депутатов, в том числе женщин – 1029 (39,5%), калмыков – 1140 (43,7%), русских – 1303 человека (50%). Впервые были избраны депутатами местных советов 1876 человек (72%), партийных и советских работников было (12,4%) больше, чем врачей и учителей (10,1%). Партийный состав депутатов местных советов остался почти на прежнем уровне (43,9%), а также по образованию – с высшим – 234 человека, или 8,9%, со средним – 624, или 24%, с начальным – 938, или 36%. Но эти показатели были несколько ниже, чем в среднем по стране (соответственно 13,4, 28, 27,5%)[68].

Несмотря на реорганизацию административно-территориального деления и местных органов государственной власти принципиальных изменений в формах и методах создания советов, участия населения в их организации и деятельности не произошло. Возвращение в конце 1964 – начале 1965 г. к единым краевым и областным советам, разукрупнение районов и восстановление их органов власти, принятие ряда специальных постановлений ЦК КПСС о советах не дали ожидаемых результатов. Только сама партия совершенствовала свои формы и методы комплектования советов, подгоняя все под сделанные ею выводы о дальнейшем развитии общественных отношений на внутренних, присущих социализму демократических началах.

После реорганизации районов и районных советов депутатов трудящихся (указ Президиума Верховного Совета РСФСР “Об изменениях в административно-территориальном делении Калмыцкой АССР” от 12 января 1965 г.) первые выборы в местные советы республики состоялись в марте 1965 г. Однако в связи с тем, что не произошло глубоких и кардинальных изменений в их организации, в формах участия населения в предвыборных и выборных кампаниях, в формах и методах работы партийных органов всех уровней, начиная от ЦК КПСС и кончая партийными организациями предприятий, учреждений и т.д., можно сгруппировать данные о шести выборных кампаниях в местные советы, о составе депутатов в сравнительных цифрах, фактах.

Такой подход позволит проанализировать данные за значительное время (1965–1976 гг.) и сделать соответствующие выводы.

В период так называемого развитого социализма никаких принципиальных изменений в социальной структуре общества, в положении социальных слоев населения, в сущности государства не произошло, демократизация общества происходила на словах, на деле же была лозунговая демократия. Поэтому, естественно, никаких изменений не наблюдалось ни в принципах и методах формирования, ни в составе органов государственной власти. В советах всех уровней организуемое партией представительство от слоев населения, национальностей по различным критериям попрежнему было формальным.

До принятия новой Конституции РСФСР "развитого социализма" на территории республики были проведены трижды (1967, 1971, 1975 гг.) выборы депутатов в Верховный Совет Калмыцкой АССР и Верховный Совет РСФСР, трижды (1966, 1970, 1974 гг.) выбирали депутатов от Калмыкии в Верховный Совет СССР. Во всех этих предвыборных кампаниях запускалось в действие огромное количество агитпунктов, в которых на общественных началах работали по заданию партийных организаций десятки тысяч людей. Все проводимые ими мероприятия носили формальный характер и не вызывали интереса у избирателей, поскольку результаты голосования были предопределены.

В проведенных в 1966, 1970 и 1974 гг. выборах в Верховный Совет СССР выдвижение кандидатов в депутаты осуществлялось по разнарядке ЦК КПСС и по строго определенным критериям. Постоянно три-четыре мандата в Верховный Совет СССР от Калмыкии забирал ЦК КПСС под свои кандидатуры. Из 12 мандатов обеих палат Верховного Совета СССР 9 постоянно выделялись членам партии, 1 мандат – члену ВЛКСМ, 2 мандата – беспартийным (как правило, учителям). Из 12 депутатов Верховного Совета СССР каждого созыва, представлявших Калмыцкую АССР в верховном законодательном органе страны, 6–7 человек не имели абсолютно никакого опыта работы в органах государственной власти и не обладали достаточным профессиональным образованием для законотворческой деятельности. Такой состав депутатов Верховного Совета СССР

отражал, по мнению и теоретическим выводам партии, социальную структуру так называемого развивающегося советского общества. На самом деле Верховный Совет СССР являлся "кукольным театром", хорошо режиссируемым и руководимым ЦК КПСС. Депутаты практически не могли представлять интересы своих регионов. А если они и вносили предложения в Верховный Совет СССР, то предварительно их нужно было согласовывать на всех уровнях партийных и государственных органов и в соответствии с планами экономического и социального развития страны.

В Верховном Совете РСФСР созывов 1967, 1971 и 1975 гг. депутатские мандаты (всего два) от Калмыкии были зарезервированы за двумя высшими должностными лицами республики, членами бюро обкома КПСС (как правило, второй секретарь обкома партии или председатель правительства, председатель Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР). Поскольку в Верховный Совет РСФСР по должностному положению входили в качестве депутата основные руководители всех республик, краев, областей, округов, то высший орган власти являлся послушным орудием в руках ЦК КПСС, практически его придатком.

Аналогичным образом комплектовались высшие органы государственной власти автономных республик, с тем чтобы они были контролируемы и управляемы обкомами партии. В Верховном Совете Калмыцкой АССР всех созывов две трети мандатов предоставлялись членам партии (вместе с комсомольцами до 70–72%). Значительное место (36,5–40%) занимали в верховном органе республики партийные, советские, комсомольские функционеры (номенклатурные работники), а учителям, врачам выделялось всего два-три мандата.

Депутатский корпус Верховного Совета республики каждого созыва обновлялся на 67–72%, но в основном за счет представителей рабочих, колхозного крестьянства, интеллигенции. Работники высшей номенклатуры республики (секретари, заведующие отделами Калмыцкого обкома КПСС, первые секретари городского, районных комитетов КПСС, председатель Совета Министров республики и его заместители и т.д.) пока находились в должности должны были быть депутатами.

Показатели, характеризующие состав депутатов Верховного Совета республики по социальному положению, полу, возрасту, образованию и другим признакам, при подборе кандидатов тщательно регулировались обкомом КПСС в соответствии с партийными выводами, положениями о советском обществе, народе. Особое внимание обращалось на обеспечение национального соотношения в Верховном Совете (как правило, русских – 58, калмыков – 57, представителей других народов – 10), Представительство женщин в Верховном Совете КАССР постоянно выдерживалось на уровне 39–41%.

Эти же принципы строго соблюдались и при формировании состава президиума Верховного Совета и Совета Министров республики. В связи с развитием отраслей экономики, культуры, предоставлением некоторой самостоятельности в решении местных вопросов, с бюрократизацией управления, увеличением количества федеральных министерств и ведомств состав правительства Калмыцкой АССР расширился с 18 (1958 г.) до 29 (1975 г.) членов за счет новых министерств, госкомитетов, управлений, введения новых должностей в самом аппарате Совета Министров.

Калмыцкая АССР, как автономное государство, в соответствии с Конституцией РСФСР непосредственно входила в состав РСФСР. Поэтому высшие органы государственной власти и государственного управления Калмыцкой АССР, входя в единую вертикальную систему органов власти и управления РСФСР, подчинялись им. Совет Министров КАССР в своей деятельности был ответствен не только перед Верховным Советом республики и его Президиумом, но и перед Верховным Советом РСФСР и его Президиумом перед Советом Министров РСФСР. Президиум Верховного Совета РСФСР был наделен правом отмены постановлений и распоряжений правительств автономных республик, а Совет Министров РСФСР – правом их приостановления. Кроме того, Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР мог отменить, приостановить постановления и распоряжения правительства республики.

В соответствии с номенклатурой ЦК КПСС руководители партийных и государственных органов республик, краев, областей и крупных городов назначались в особом порядке с разрешения ЦК КПСС. В решении таких кадровых вопро-

сов местные власти были лишены самостоятельности. Руководители (председатель, заместители председателя) правительства республики назначались Верховным Советом КАССР, но только после изучения кандидатуры по анкетным данным, собеседования в организационном и других отделах ЦК КПСС. А министры, руководители республиканских ведомств назначались Верховным Советом КАССР после согласования в соответствующих федеральных министерствах и ведомствах. Таким образом, республиканские министерства и ведомства находились в двойном подчинении: на вертикальном уровне – соответствующему федеральному министерству, ведомству; на горизонтальном – Президиуму Верховного Совета и Совету Министров республики, а по партийной линии – соответствующему отраслевому отделу Калмыцкого обкома КПСС, осуществлявшему не идеологическое, а практически административное руководство.

Аналогично в таком же порядке, но уже в соответствии с номенклатурой обкома КПСС, решались местные кадровые вопросы, вплоть до назначения директоров совхозов, председателей колхозов. Следовательно, народ, трудовые коллективы не принимали абсолютно никакого участия в выборах местных государственных и хозяйственных руководителей. А участие избирателей в формировании местных советов было превращено в формальность, в декларированную демократию.

Анализ имеющихся исторических источников о местных советах республики за 1965–1975 гг. показывает, что принципиальных изменений в организации органов государственной власти и участии населения в этом процессе не произошло. Цифровые показатели о составе депутатов местных советов, о голосовании избирателей, предвыборных кампаниях не раскрывают истинную картину о каких-либо заметных изменениях в формах и методах работы партийных органов всех уровней, начиная от ЦК и кончая партийными организациями предприятий и учреждений, Особенностью выборов тех лет было то, что они проходили под определенными лозунгами – успешного выполнения решений какого-то съезда партии, планов пятилетки, заданий социалистических соревнований и т.д., т.е. превращались в политическую кампанию, школу политического воспитания

масс, в показную демонстрацию социалистической демократии. В связи с этим партийные организации создавали агитколлективы, открывали агитпункты, развертывали широкую организационную и агитационно-пропагандистскую работу в трудовых коллективах и по месту жительства населения.

За эти годы в республике общее число местных советов и их депутатов возросло соответственно с 86 до 110 (на 22%) и с 3123 до 3902 (на 20%), что преподносилось как расширение базы социалистической демократии. Общее количество избирателей увеличилось на 20%, т.е. со 130 250 до 163 940. Показатели, которые рассматривались партией как степень проявления активности избирателей, оставались по-прежнему высокими (явка избирателей – 99,99%, результаты голосования за кандидатов – 99,6%). Партия постоянно стремилась подтвердить строго "подгоняемыми" данными, характеризующими состав местных советов и их депутатов, свои выводы и положения о развитии советского государства, демократизации всех сторон жизни советского общества и его монолитности, о возрастающей роли КПСС. Поэтому не случайно в местных советах постепенно увеличивалось представительство женщин и строго выдерживалось равное количество членов партии, комсомола и беспартийных. Несмотря на "штатных" депутатов по должности, проводилась их ротация, в основном за счет представителей рабочего класса и колхозного крестьянства.

Выводы партии о все более возрастающей роли рабочего класса в хозяйственной и политической жизни страны, а также в социальной структуре советского общества при комплектовании кандидатов в депутаты партийные организации подтверждали данными о представительстве рабочих в местных советах. Аналогичные меры принимались по подтверждению о положении колхозного крестьянства – о развитии на селе сектора народного хозяйства, об изменении в структуре сельского населения и т.д.

В составе депутатов местных советов республики представительство интеллигенции постепенно уменьшалось, особенно это заметно по мандатам, выделяемым врачам и учителям (с 9,1 до 7,9%). В то же время представительство в местных советах номенклатурных работников неуклонно возрастало с 377 до 533 человек.

Со второй половины 70-х годов, по мнению КПСС, в развитии советского общества и его политической системы наступил качественно новый этап, приведший к необходимости принятия новой Конституции СССР и обновления всего конституционного законодательства страны. Однако политическая система и организация власти в СССР к этому времени претерпели мало изменений как общего, так и структурного характера. Национальный вопрос считался решенным, было достигнуто юридическое и фактическое равенство всех наций и народностей, проблем в межнациональных отношениях не предполагалось. Но на самом деле в национальной жизни страны, как показали практика и события прошлых лет, проблемы были, противоречия накапливались.

Новое конституционное законодательство 1977–1978 гг. по сути явилось декларативным, не совсем отражавшим реальное состояние общества, государства. Конституция СССР и Конституция РСФСР были пронизаны формальным признанием государственности не только союзных, но и даже автономных республик. Конституция СССР 1977 г., закрепив статус государственности автономной республики (ст. 82), в следующей статье определила, что автономная республика является "винтиком" в большом "механизме" государственного устройства СССР и РСФСР. Автономная республика, как одно из звеньев фактически унитарного государства, должна была способствовать осуществлению на своей "территории полномочий Союза ССР и Союзной республики, проводить в жизнь решения высших органов государственной власти и управления СССР и Союзной республики".

Глава VIII Конституции РСФСР 1978 г., посвященная автономной республике, определяя ее правовой статус, почти полностью воспроизводила основные положения главы X Конституции СССР, за исключением первого абзаца ст. 78, где говорилось, что автономная республика есть советское социалистическое государство, находящееся в составе РСФСР. Конституция РСФСР, устанавливая приоритет федеральных законов на всей территории РСФСР, не определила статус законов автономных республик, принимаемых по вопросам исключительного их ведения.

В отличие от союзной Конституции Основной Закон РСФСР полнее раскрывал статус и полномочия высших

органов государственной власти и управления автономной республики – Верховного Совета и Совета Министров. Отнеся Верховный Совет к единственному законодательному органу автономной республики, она закрепляла за ним право законодательной инициативы в Верховном Совете РСФСР. Конституция РСФСР установила основные полномочия, вопросы исключительной компетенции высших органов государственной власти и управления автономной республики. Но в то же время Конституция РСФСР наделила Президиум Верховного Совета РСФСР неограниченными полномочиями, записав, что он "осуществляет другие полномочия, установленные Конституцией и законами РСФСР". Не исчерпывающий перечень полномочий, как известно, является характерным признаком унитарного государства. Верховный Совет автономной республики впервые наделялся правом окончательного принятия Конституции республики.

Однако, несмотря на наличие в автономных республиках конституционно самостоятельных органов власти и управления, они по содержанию полномочий, методам их разрешения, характеру их взаимоотношений с федеральными органами, а фактически с центральными, на самом деле выступали как звено единой системы органов власти и управления унитарного государства. Что бы ни записывали в конституциях, от унитарного государства невозможно было уйти, поскольку главный его признак – принцип демократического централизма – был заложен законодательно в основу организации и деятельности государства (ст. 3). Поэтому не случайно Президиум Верховного Совета РСФСР осуществлял руководство деятельностью местных советов, имел право отменить постановления и распоряжения правительства РСФСР, советов министров автономных республик. А правительство РСФСР могло приостановить исполнение постановлений и распоряжений Совета Министров АССР.

30 мая 1978 г. была принята Конституция (Основной Закон) Калмыцкой АССР как составная часть единого конституционного законодательства СССР. Конституции автономных республик порой ничем не отличались друг от друга, за исключением названий республик, поскольку они фактически списывались с одного типового текста. Так,

конституции автономных республик, исходя из теоретического вывода партии об общенародном государстве, констатировали, что автономные республики представляют собой социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы всех членов общества.

В соответствии с основными принципами развития национальных отношений, изложенными в Конституции СССР, Основной Закон Калмыцкой АССР раскрывал права республики, подробно определял круг вопросов, подлежащих ее ведению, весь объем экономических, государственных, социально-культурных функций органов власти и управления на своей территории.

В новом конституционном законодательстве СССР значительное место было отведено правовому положению автономной республики. Конституции автономных республик 1978 г. развивали, дополняли и уточняли положения Конституции СССР и Конституции РСФСР. Если Основной Закон СССР устанавливал основы правового положения автономной республики и общие принципы построения и деятельности ее органов власти и управления, то Конституция автономной республики подробно определяла правовое положение, очерчивала объем компетенции, регламентировала порядок и формы деятельности Верховного Совета и его Президиума, а также Совета Министров АССР.

Признавая, что республика является субъектом и составной частью РСФСР, Конституция в то же время закрепляла принципы унитарного государства и не определяла полномочия совместного ведения центральных государственных органов власти и органов государственной власти автономной республики. Узаконивалась строгая вертикаль власти как в системе советов, так и в системе исполнительных органов. В связи с этим Совет Министров КАССР наделялся правом отмены решений и распоряжений исполкомов местных советов, актов министерств, государственных комитетов республики, других подведомственных ему органов.

"Экономика Калмыцкой АССР, – указывалось в ст. 16 Конституции КАССР, – является составной частью экономики РСФСР, единого народнохозяйственного комплекса, охватывающего все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории СССР". Это консти-

туционное положение обеспечивалось, как и полагалось в централизованном государстве, единой системой планирования и управления социально-экономической жизнью страны.

Несмотря на новые конституционные положения об общенародном характере государства, о развитии социализма, демократии, социалистической государственности, о Конституции не внесли изменений в систему органов государственной власти, в принципы их формирования и деятельности, за исключением отдельных новаций в избирательное право, избирательную систему.

По новому Закону СССР о выборах в Верховный Совет СССР, принятому 6 июля 1978 г., были сделаны попытки демократизации избирательного процесса путем вовлечения трудящихся, трудовых коллективов в избирательные комиссии. С 1979 г. руководство республиканскими избирательными комиссиями стали возлагать на "рядовых" тружеников по рекомендации бюро обкома КПСС и под надзором секретаря обкома партии, введенного в комиссию в качестве заместителя председателя.

Под таким контролем были проведены выборы депутатов от Калмыкии в Верховный Совет СССР, срок полномочий которого увеличивался до пяти лет, в марте 1979 и 1984 гг. Избирательный процесс в этих выборах ничем не отличался от предыдущих, проведенных до принятия нового конституционного законодательства. В составе 12 депутатов Верховного Совета СССР от Калмыцкой АССР по-прежнему находились номенклатурные работники ЦК КПСС, направленные из Москвы по разнарядке ЦК КПСС, большинство из них (8–9 человек) являлись членами КПСС.

Подбор депутатов Верховного Совета РСФСР от Калмыкии осуществлялся по-прежнему по общей схеме его комплектования в целом. В 1980 и 1985 гг. депутатами Верховного Совета РСФСР от Калмыкии были "избраны" два высоких должностных лица республики – председатель правительства и председатель Президиума Верховного Совета, за которыми два мандата в Верховном Совете РСФСР от Калмыкии постоянно закреплялись. Что касается председателя Президиума Верховного Совета автономной республики, то по новой Конституции РСФСР он должен был состоять депутатом Верховного Совета РСФСР, поскольку по

должности вводился в состав Президиума Верховного Совета РСФСР в качестве заместителя председателя Президиума Верховного Совета РСФСР.

Новая Конституция (Основной Закон) Калмыцкой АССР 1978 г. более полно, чем прежде, определила порядок формирования высшего органа государственной власти республики. Прежде всего был увеличен срок полномочий Верховного Совета Калмыцкой АССР с четырех до пяти лет. Снижен возрастной ценз с 21 года до 18 лет избираемых в Верховный Совет республики.

В Конституции Калмыцкой АССР 1978 г. не предусматривалась, как и ранее, норма представительства депутатов от населения, а определялась в ст. 93 точная численность депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР – 130 человек, выбираемых по избирательным округам с равной численностью населения. По закону республики "О выборах в Верховный Совет Калмыцкой АССР" и по Конституции КАССР 1978 г. право выдвижения кандидатов в депутаты закреплялось наряду с общественными организациями и за трудовыми коллективами. Несмотря на видимость демократизации избирательной системы, руководство и контроль за выдвижением кандидатов и проведением выборов принадлежали партийным организациям предприятий, учреждений. Граждане республики имели право участвовать в подготовке и проведении выборов только через общественные организации, трудовые коллективы.

Депутатский корпус Верховного Совета Калмыцкой АССР, сформированный в соответствии с новой Конституцией в 1980 и 1985 гг., ничем не отличался от такового прежних выборов – ни технологией избрания депутатов, ни по составу. Как и прежде в нем преобладали коммунисты и комсомольцы, номенклатурные чиновники. Представительство женщин в Верховном Совете республики выдерживалось на уровне 41,5–41,6%. В связи с выводом партии о качественном изменении социальной структуры советского общества, о сближении всех классов и социальных слоев, о ведущей роли рабочего класса представительство рабочих постепенно увеличивали (с 34,7 до 42,3%), а колхозников уменьшали (с 16,1 до 9,2%). Образовательный уровень депутатов Верховного Совета республики последних созывов в основном соответствовал степени образования населения.

Из 130 депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР предпоследнего созыва (1985 г.) 12 человек имели ученые степени, среди них только ректор университета представлял науку. Остальные 11 человек относились к категории высших чиновников партийных и государственных органов, получивших ученые кандидатские степени каким-то "чудесным" образом.

Партийная организация республики строго регулировала ротацию депутатов Верховного Совета КАССР (на две трети он всегда обновлялся), постоянно сохраняя за собой большинство мандатов и обеспечивая представительство своего руководящего состава (секретари, заведующие отделами обкома КПСС, первые секретари горкома и райкомов КПСС). А это давало возможность ЦК КПСС, обкому КПСС беспроблемно руководить, контролировать работу государственных органов.

Со времени принятия Конституции СССР 1977 г. и до распада Союза ССР в Калмыкии, как и во всей стране, было проведено шесть выборов в местные советы народных депутатов (четыре созыва по прежней технологии, а два последних – уже в условиях так называемой перестройки).

Попытки демократизации избирательной системы начались в республике в 1987 г. Президиум Верховного Совета КАССР 26 марта 1987 г. в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 февраля 1987 г. "О проведении в порядке эксперимента выборов в местные советы народных депутатов РСФСР по многомандатным избирательным округам" принял решение провести выборы в порядке эксперимента в Малодербетовском районе по многомандатным избирательным округам (вместо 75 одномандатных создавались 22 многомандатных).

При выдвижении кандидатов в депутаты трудовые коллективы стали более внимательно подходить и обсуждать деловые и моральные качества предложенных кандидатур. Впервые в 1987 г. трудовыми коллективами были отклонены 32 кандидата, 27 руководящих работников сел и поселков республики на предвыборных собраниях и сходах не нашли поддержки большинства и не были выдвинуты кандидатами в депутаты.

В истории выборов депутатов местных советов выделяется 1990 год, когда партия фактически утратила свои руко-

водящие позиции и развернулись более свободные выборы в органы власти. К этому времени, 1 декабря 1988 г., был уже принят закон СССР "О выборах народных депутатов СССР", оказавший влияние на выборную кампанию в советы всех уровней. В 1990 г. в ходе предвыборной кампании на 2939 мандатов местных советов были выдвинуты 4529 кандидатов, т.е. на 1 мандат претендовали 1,5 человека (в 490 избирательных округах были выдвинуты по 2 кандидата, в 191 избирательном округе – 3 и более), 366 человек не были зарегистрированы избирательными окружными комиссиями. Впервые выдвигались кандидатами в депутаты 225 человек по месту жительства избирателей.

Несмотря на инерцию и привычку советского избирателя "активно" участвовать в голосовании, явка избирателей снизилась до 85,83%, а процент избирателей, голосовавших за кандидатов в депутаты, упал (с привычной цифры 99,..%) до 75,4%.

В составе 2939 депутатов местных советов республики представительство женщин, рабочих, колхозников осталось почти на прежнем уровне. Но коммунистов, служащих, работников партийных и советских органов было избрано больше, чем в предыдущих созывах. Это объясняется не только привычностью отношения советского избирателя к членам партии, работникам госаппарата, но и стремлением этой категории депутатов сохранить свои должности. Поэтому большинство повторно избранных депутатов (47,8%) относилось именно к этой группе.

Областная партийная организация в 70–80-е годы продолжала наращивать свои ряды. С 1976 к 1988 г. ее численность возросла на 33,7% и составила 17 276 коммунистов. В этот период в пополнении областной партийной организации наблюдались особенности, связанные с увеличением отбора молодых людей, причем из числа активистов комсомольских, профсоюзных организаций. Таким образом в 1981–1986 гг. она увеличилась на 2402 члена ВЛКСМ, что составило 44,3% всех принятых в члены КПСС. Подобная методика отбора в партию, на наш взгляд, позволяла включать молодых людей с комсомольского возраста в партийную "обойму", обеспечивая им дальнейшую карьеру. Поэтому партийная организация республики, отражая происходящий процесс в партийной жизни страны, становилась

самозамкнутым, корпоративным номенклатурным корпусом. В результате Коммунистическая партия и ее местные организации, лишенные социальной опоры в народе, в одночасье развалились, и никто даже не обратил внимания на "уход" с исторической сцены правящей партии.

Но последствия корпоративности номенклатурного корпуса общество продолжает испытывать до сих пор. В значительной степени в руководстве городов, районов, хозяйств, государственных органов остались бывшие молодые заведующие отделами, инструкторы горкома, райкомов и даже обкома КПСС, бывшие молодые секретари парткомов совхозов, колхозов, предприятий, организаций, которых объединяет их происхождение из "обоймы". Если бывшие номенклатурные работники старшего поколения уже начинают уходить на "заслуженный отдых", то молодые из "обоймы" еще останутся лет 15–20. Вот после этого времени придет к управлению действительно новое поколение, воспитанное в условиях рыночных отношений, демократических свобод, правового государства.

В конце 70-х – начале 80-х годов еще наблюдалось достаточное финансирование республики и поэтому сохранялась тенденция к развитию ее экономики. Если посевные площади республики, в том числе под зерновые культуры, постоянно увеличивались до 1981 г. (861,9 тыс. га, в том числе под зерновые – 471,6 тыс. га), то с 1982 г. (849,4 тыс. га, в том числе под зерновые – 443 тыс. га) началось неуклонное их снижение и к 1991 г. они составляли 712,6 тыс. га (уменьшились на 17,4%), в том числе под зерновые – 414,8 тыс. га (уменьшились на 6,4%). Одновременно стало сокращаться внесение минеральных и органических удобрений под посевы на сельскохозяйственных предприятиях, снабжение нефтепродуктами. Валовой сбор зерна к середине 1980-х годов за пятилетие (1981–1985 гг.) по сравнению с предыдущим пятилетием (1976–1980 гг.) в среднем за год сократился с 596 тыс. т до 430,2 тыс. т (на 17,8%). Однако государственные закупки зерна постепенно стали увеличиваться в среднем за год: с 28,6% в 1976–1980 гг. до 35% в 1980–1985 гг. При благоприятных погодных условиях валовой сбор зерна в среднем за год достигал 605,4 тыс. т[69].

Такие же тенденции сохранились в развитии животноводства республики. С 1979 г. поголовье скота в Калмыкии

постоянно росло и в 1984 г. в динамике развития достигло максимального количества за все годы, составило 3 930 400 голов (увеличилось по сравнению с 1979 г. на 13,8%, а по стране – на 2,1%). Однако с этого времени в республике, как и по всей стране, начался спад поголовья скота. Уже в 1985 г. оно сократилось по сравнению с предыдущим годом на 2% и на столько же по стране в целом. Несмотря на неуклонное снижение поголовья скота (в 1990 г. имелось 3 591 300 голов), убой животных на мясо из года в год увеличивался – с 40,1 тыс. т в 1980 г. до 55,8 тыс. т в 1990 г., т.е. количество скота уменьшилось, а убой увеличился за этот же период на 39,1% (по стране – на 36,5%). Государственные закупки скота и птицы увеличились почти на столько же – на 36,7%[70].

За эти же годы сократилось овцепоголовье с 3 429 800 голов в 1984 г. до 3 151 900 голов в 1990 г., т.е. на 8,1%, а по стране – на 7,6%. Производство шерсти в 1986–1990 гг. в республике по сравнению с предыдущим пятилетием сократилось с 17,2 тыс. т до 13,1 тыс., т.е. на 23,9%, а по стране увеличилось почти на 2%. Несмотря на увеличение затрат, быстрыми темпами стала расти себестоимость производимой сельскохозяйственной продукции – зерна, мяса, молока, яиц, бахчевых, шерсти и т.д., и к концу 80-х годов по сравнению с началом тех же лет она повысилась почти вдвое. Уже были видны явные признаки кризиса в сельском хозяйстве республики, т.е. она вступила в общие кризисные явления страны, которая не успевала воспроизводить, а начала "поедать" то, что у нее имелось.

По сравнению с сельским хозяйством промышленность республики находилась в лучшем положении. За десять лет (1980–1990 гг.) количество промышленных предприятий увеличилось с 85 до 97, а объем производимой продукции – более чем вдвое. Но ухудшились качественные характеристики промышленности: рентабельность предприятий была низкой, а себестоимость производимой продукции – высокой; а также высокими были и затраты на один рубль продукции (в течение указанных десяти лет они увеличились в 2,6 раза).

В эти годы КПСС вынуждена была признать, что проблемы во всех сферах жизни советского общества нарастают, нужны кардинальные меры, чтобы остановить сполза-

ние страны к кризису в экономической, политической, социальной и духовной сфере. Состоявшиеся в апреле 1985 г. и феврале 1986 г. партийные форумы констатировали, что заметно снизились темпы роста экономики, производительности труда, замедлился научно-технический прогресс, усилились диспропорции в экономике, ухудшились некоторые другие показатели ее эффективности. Впервые было сказано, что наши достижения в межнациональных отношениях не должны создавать представления об их беспроблемности.

[1] Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1834. Л. 63. (Далее – НА РК).

[2] Там же. Д. 1831. Л. 132, 152; Д. 1910. Л. 1, 3, 15, 17, 26, 41, 118–1344; Д. 1938. Л. 41, 78.

[3] Там же. Д. 1938. Л. 75; Д. 1972. Л. 130–134; Ленинский путь, 1936. 4 марта.

[4] Там же.

[5] Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920–июнь 1937 гг.): Сб. документов и материалов. Элиста, 1981. С. 311.

[6] НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2164. Л. 7; Д. 2173. Л. 7–9; Оп. 10с. Д. 177. Л. 5.

[7] СССР: Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1938. С. 129.

[8] НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 177. Л. 7.

[9] *Васькин П.И.* Становление социалистических производственных отношений в Калмыкии. Элиста, 1971. С. 59; *Бадмаев С.Б.* Развитие экономики Калмыкии. Элиста, 1979. С. 26; Очерки истории Калмыцкой АССР: Эпоха социализма. М., 1970. С. 215; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1995. С. 368.

[10] Калмыцкая АССР: Сб. ст. Элиста, 1938. С. 30.

[11] *Бадмаев С.Б.* Указ. соч. С. 28; Калмыцкая АССР. Сб. статей. Элиста, 1939. С. 20.

[12] Калмыцкая АССР: Сб. ст. С. 25, 44–49.

[13] Там же. С. 49, 55, 57.

[14] Там же. С. 50–51.

[15] Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР. С. 326, 327.

[16] НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 28. Л. 7, 53, 56, 62; Д. 138. Л. 2, 10; Д. 119. Л. 65–68.

[17] Итоги выборов в местные советы депутатов трудящихся РСФСР 24 декабря 1939 г.: Сб. цифровых материалов. М., 1940.

[18] НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 515. Л. 148, 167; Д. 357. Л. 94, 96.

[19] *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР // Великая Отечественная война: Люди, события, история. Элиста, 2001. С. 47, 48.

[20] НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 6. Л. 55–70; Д. 503. Л. 7; Д. 637. Л. 2; История КПСС: В 6 т. / Под ред. П.Н. Поспелова (председатель) и др. М., 1970. Т. 5, кн. 1: (1938–1945 гг.). С. 25, 27.

[21] НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 522. Л. 6; Д. 506. Л. 2; Д. 544. Л. 15; Д. 559. Л. 7.

[22] Там же. Д. 521. Л. 12; Д. 588. Л. 6, 28; Д. 599. Л. 2, 3.

[23] *Очиров У.Б.* Указ. соч. С. 57, 58.

[24] НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 570. Л. 12; Д. 734. Л. 7, 16; Д. 586. Л. 4; Д. 734. Л. 10, 11.

[25] Там же. Д. 575. Л. 2–3; Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 885-а. Л. 74, 75, 118, 120; Д. 942. Л. 23, 24; Д. 1128. Л. 71.

[26] Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 26.

[27] *Поляков Ю.А.* Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999. С. 177.

[28] НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 4, 73, 74; Д. 584. Л. 11, 12, 17.

[29] Там же. Д. 517. Л. 2, 36.

[30] В боях за Дон: Воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 1969. С. 19.

[31] Историки спорят: 13 бесед / Под общ. ред. В.С. Лельчука. М., 1988. С. 306, 307.

[32] НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 428. Л. 3.

[33] Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Элиста, 1966. Док. № 87; *Бадмаев С.Б.* Указ. соч. С. 41.

[34] Калмыкия в Великой Отечественной войне... Док. № 179.

[35] НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1138. Л. 109.

[36] Ссылка калмыков: Как это было: Сб. документов и материалов. Элиста, 2001. Т. 1, кн. 2. С. 131.

[37] Там же. Элиста, 1993. Т. 1, кн. 1. С. 6, 9, 22–25.

[38] Там же. С. 25–28.

[39] Там же. Кн. 2. С. 28, 101.

[40] Известия Калмыкии. 2000. 27 дек.

[41] Ссылка калмыков. Т. 1, кн. 1. С. 123; Кн. 2. С. 145.

[42] Там же. Кн. 2. С. 73, 47–49.

[43] Известия Калмыкии. 2000. 27 дек.

[44] СССР: Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1958 г. М., 1958. С. 39.

[45] НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–25, 27–85, 97–101, 109; Д. 4. Л. 2–9, 42; Д. 72. Л. 1–4; Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 104. Л. 44, 45; Ф. П-1. Оп. 4. Д. 4. Л. 43.

[46] Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста, 1980. С. 271.

[47] Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 353.

[48] Калмыцкая АССР за 50 лет Советской власти: Стат. сб. Элиста, 1967. С. 71.

[49] Сборник документов и материалов по истории Калмыцкой организации ВЛКСМ. Элиста, 1978. С. 181.

[50] Ведомости Верховного Совета РСФСР. М., 1958. № 9, ст. 448; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва (первая сессия, 28 октября 1958 г.): Стеногр. отчет. Элиста, 1958. С. 14.

[51] НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 97; Д. 99. Л. 30–36.

[52] Советская Калмыкия. 1959. 14, 15, 18 янв.

[53] НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 105; Д. 109. Л. 1–4.

[54] Советская Калмыкия. 1959. 8 марта; НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 123. Л. 31, 32; Д. 110. Л. 136–138.

[55] Сборник документов о праздновании 350-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства 22–23 августа 1959 г. Элиста, 1961. С. 134–152.

[56] Экономическое и социальное развитие Калмыцкой АССР за годы советской власти (1920–1980 гг.): Юбил. стат. сб. Элиста, 1980. С. 77, 86, 87; Российский статистический ежегодник. С. 368, 369.

[57] Экономическое и социальное развитие... С. 104–107, 111.

[58] Там же. С. 89, 97; Народное хозяйство Калмыцкой АССР (1922–1982 гг.): К 60-летию со дня образования СССР. Элиста, 1982. С. 41, 70.

[59] Население Калмыцкой АССР (по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Элиста, 1980. С. 10, 11.

[60] Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 42, 63.

[61] Экономическое и социальное развитие... С. 156, 158.

[62] Там же. С. 164, 165; Здравоохранение, социальное обеспечение, физкультура и спорт в РСФСР и Калмыцкой АССР: Стат. сб. Элиста, 1988. С. 8,18, 21.

[63] Экономическое и социальное развитие... С. 159, 160; Российский статистический ежегодник. С. 151.

[64] НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 126. Л. 86–89.

[65] Там же. Д. 126; Д. 127. Л. 7–14; *Лепешкин А.И.* Советы – власть народа (1936–1967 гг.). М., 1967. С. 244–250.

[66] НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 137.

[67] Там же. Д. 138; Д. 140. Л. 1–2, 19–21; Д. 166. Л. 1–22; Д. 180. Л. 7.

[68] Там же. Д. 180. Л. 4–9; Советская Калмыкия. 1963. 8, 9 марта.

[69] Калмыкия в цифрах: Стат. сб. Элиста, 2000. С. 150–153.

[70] Там же. С. 54–156; Российский статистический ежегодник. С. 369, 370.

Глава шестая

КАЛМЫКИЯ В НОВОМ РОССИЙСКОМ ФЕДЕРАЛИЗМЕ

По мере углубления кризисных явлений в обществе все более обострялись социальные и межэтнические противоречия. КПСС предприняла в конце 80-х годов определенные попытки среагировать на эти тревожные процессы. XIX Всесоюзная партконференция (28 июня – 1 июля 1988 г.), обсудив проблемы межнациональных отношений, наметила программу действий в этой сфере. В принятой резолюции говорилось, что в СССР "абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждались представления о беспроблемности национальных отношений. Недостаточно учитывались потребности социально-экономического, культурного развития как отдельных республик и автономных образований, так и национальных групп. Немало острых вопросов, выдвигавшихся самим ходом развития наций и народностей, не находили своевременного решения. Это приводило к общественной неудовлетворенности, которая приобретала порой конфликтный характер". Признавалось, что "негативные явления, которые накапливались десятилетиями, долгое время игнорировались, загонялись внутрь".

Далее излагались задачи программного характера. Намечалось в рамках перестройки политической системы осуществить меры по развитию и укреплению советской федерации на основе демократических принципов, расширения прав союзных республик и автономных образований, децентрализации ряда управленческих функций, совершенствования межбюджетных отношений. Был поставлен вопрос об образовании специального государственного органа по делам национальностей и национальных отношений[1]. К этому времени (1987 г.) в аппарате ЦК КПСС уже был

образован отдел по национальным отношениям (возглавил его доктор исторических наук, профессор В.А. Михайлов). В феврале 1992 г. создан Государственный комитет РСФСР по национальной политике (председатель В.А. Тишков, доктор исторических наук, профессор). В целом программа ориентировала на развитие федерации при ее сохранении.

Проблемы национальной политики, межнациональных отношений специально были рассмотрены на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС. Пленум, проанализировав сложившуюся в межнациональных отношениях ситуацию, указал на негативные моменты в вопросах сохранения национальной самобытности, развития языка, культуры, традиций, социальной структуры республик, принципов федерализма. Очень серьезное внимание было уделено автономиям, как органичной части перестройки советской федерации. Имелось в виду восстановление в полном объеме законных прав и интересов народов, проживающих в автономных образованиях.

В соответствии с данными выводами было признано целесообразным:

– "Ускорить обновление конституционных и других законодательных актов об автономных республиках, автономных областях и округах;

– учитывая правовую природу автономных республик как советских социалистических государств, существенно расширить их компетенцию. Они должны иметь возможность решать на своей территории все вопросы административно-территориального деления, защиты природы, развития национальной культуры и языка, охраны исторических памятников;

– укрепить экономическую самостоятельность автономных республик путем перевода их на хозрасчет и самофинансирование, определения форм участия предприятий и объединений союзного и республиканского подчинения в формировании их бюджета;

– предоставить органам власти автономных республик право опротестовывать акты органов управления Союза ССР и союзных республик, если они вступают в противоречие с закрепленной в Конституции компетенцией СССР, союзной республики;

– повысить правовой статус автономных областей и округов, предоставив им право законодательной инициативы в высших органах государственной власти СССР и союзных республик, а также право иметь свое представительство не только в Верховном Совете СССР, но и в Верховных Советах союзных республик, в Советах народных депутатов соответствующих краев и областей;

– установить, что органы власти автономного округа могут непосредственно обращаться в министерства и ведомства СССР и органы управления союзной республики, а также ввести в практику, что решения окружного совета народных депутатов могут быть отменены только Верховным Советом союзной республики, предусмотрев, что территория автономной области и округа не может быть изменена без их согласия;

– рассмотреть вопрос о возможности и порядке перехода автономных областей РСФСР, если такова будет воля их населения, в непосредственное подчинение органов государственной власти и управления Российской Федерации;

– постоянно принимать в расчет отношения не только между национально-государственными образованиями внутри Союза, но и между нациями, народностями и национальными группами в республиках и регионах;

– обеспечить все права и условия для сохранения национальных традиций, развития культуры и языка граждан, которые живут за пределами своих национально-территориальных образований или не имеют таковых в СССР, их представительство в органах власти. Используя уже накопленный опыт, продолжить практику создания национальных культурных центров, обществ и землячеств. Они могли бы работать под руководством и с помощью соответствующих советов народных депутатов, иметь в них своих представителей;

– с согласия Верховных Советов республик, краевых и областных советов народных депутатов создавать национальные районы, сельские, поселковые советы в местах компактного проживания национальностей, которые не имеют своих национально-территориальных образований; законодательно закрепить право таких национальных групп и общин на самоуправление;

– предусмотреть возможность образования общесоюзных государственно-общественных органов для представи-

тельства граждан, относящихся к народам, которые не имеют собственной территориальной автономии;

– для развития контактов национальных меньшинств с гражданами других государств, с которыми их объединяет общее этническое происхождение или культурное наследие, предусмотреть в законодательстве право национальных культурных центров и общественных организаций поддерживать – как через Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, так и непосредственно – культурные связи с аналогичными культурно-просветительными организациями этих государств"[2].

Вскоре стали осуществляться практические шаги по реализации намеченной программы в национальной сфере. Были приняты законы Союза ССР о местном хозяйстве и местном самоуправлении, о языках народов СССР, о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации, о свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР, и др. В соответствии с законом СССР от 26 апреля 1990 г. "О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации" значительно расширился правовой статус автономной республики и ее государственных органов власти и управления. Впервые автономная республика была отнесена к субъекту Союза ССР и получила возможность определять на основе соглашений и договоров свои взаимоотношения с союзной республикой, в состав которой она входила. Этот закон стал правовым основанием для принятия автономными республиками деклараций о государственном суверенитете.

Была предпринята попытка перестроить, обновить политическую систему советского общества, в том числе и органов государственной власти и управления. С этой целью в декабре 1988 г. были приняты законы СССР об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР[3]. В соответствии с этими законами обновлялась структура советов, совершенствовались организация и порядок их формирования, деятельность высших органов государственной власти, избирательная комиссия. Закон об изменениях и дополнениях Конституции СССР определил новую систему представительных и законодательных орга-

нов и ее звенья. Высшим звеном в ней на всей территории Союза ССР стал Съезд народных депутатов СССР, на территории союзной республики – Съезд народных депутатов ССР, на территории автономной республики – Съезд народных депутатов АССР.

В период между заседаниями съездов народных депутатов полномочия и функции высшего органа государственной власти на соответствующей территории возлагались на Верховные Советы СССР, ССР, АССР, которые являлись постоянно действующими законодательными, распорядительными и контрольными органами государственной власти на своей территории. Верховный Совет Союза ССР, как и прежде, конструировался из двух равноправных палат с одинаковой численностью депутатов – Совета Союза и Совета Национальностей.

В соответствии с законом СССР "О выборах народных депутатов СССР" от 1 декабря 1988 г. выборы народных депутатов СССР были проведены в марте 1989 г. На территории страны для проведения выборов народных депутатов СССР было образовано 750 территориальных и 750 национально-территориальных округов. Из 2250 человек, составивших депутатский корпус, две трети избирались тайным голосованием на основе прямых всеобщих равных выборов всеми гражданами СССР, достигшими 18 лет, и впервые на альтернативной основе. А одна треть – 750 депутатских мандатов – предоставлялась общесоюзным организациям для избрания народных депутатов непосредственно делегатами этих организаций на их съездах, конференциях, пленумах. Как видим, партия, начав реформу избирательной системы, проявила непоследовательность и допустила нарушение принципов избирательного права, демократических принципов выборов, чтобы обеспечить себе места в высшем органе государственной власти страны, создать "противовес" избранным депутатам в избирательных округах на альтернативной основе.

На территории Калмыцкой АССР в соответствии со ст. 17 закона СССР "О выборах народных депутатов СССР" были образованы 1 территориальный и 11 национально-территориальных избирательных округов. Впервые в истории советского государства в соответствии с новым законом о выборах были проведены альтернативные выборы в

высший орган государственной власти страны (без разнарядки ЦК КПСС). Всего на альтернативной основе от Калмыцкой АССР в Совет Национальностей баллотировалось по национально-территориальным округам 49 кандидатов, по территориальному – 1. По результатам голосования избирателей (явка составила 93%, проголосовало за кандидатов в депутаты 88%) в высший орган государственной власти Союза ССР (Совет Национальностей и Совет Союза) представителями от Калмыкии были избраны 12 человек, и все они являлись членами КПСС. ЦК КПСС по-прежнему от нашей республики за собой сохранил 3 мандата[4].

В соответствии с Законом Союза ССР о дополнениях и изменениях Конституции СССР 27 октября 1989 г. был принят Верховным Советом РСФСР закон РСФСР "О дополнениях и изменениях Конституции РСФСР". Согласно этому документу Конституция РСФСР устанавливала новую систему органов государственной власти РСФСР (Съезд народных депутатов, Верховный Совет РСФСР), определяла их компетенции и полномочия, порядок формирования[5].

Если с 1937 по 1985 г. высший орган государственной власти РСФСР формировался только по территориальному признаку, то с 1990 г. в соответствии с новым законодательством предстояло его формировать по территориальным и национально-территориальным избирательным округам. Таким образом, высший орган государственной власти РСФСР впервые по принципу организации приобретал черты федерального органа. В соответствии с этим положением статья 105 Конституции РСФСР предусмотрела, что Съезд народных депутатов РСФСР состоит из 1068 депутатов, избираемых от территориальных избирательных округов (900 человек) и национально-территориальных избирательных округов (168 человек) по нормам: 4 депутата от каждой автономной республики, 2 – от автономной области, 1 – от автономного округа и 84 депутата от краев, областей, городов Москвы и Ленинграда.

В системе высших органов государственной власти РСФСР был сохранен и Верховный Совет РСФСР, но по статусу он существенно отличался от Верховного Совета РСФСР прежних созывов. По новому закону он стал постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти РСФСР,

подотчетным вышестоящему – Съезду народных депутатов РСФСР. Кроме того, он отличался от Верховного Совета РСФСР предыдущих созывов принципами формирования и структурой, которые характеризовали его как действительно федеральный орган государственной власти. Верховный Совет РСФСР состоял из двух палат – Совета Республики и Совета Национальностей, равных по статусу и по своему численному составу.

Совет Республики формировался из числа народных депутатов РСФСР от территориальных избирательных округов, Совет Национальностей – из числа народных депутатов РСФСР от национально-территориальных избирательных округов по норме: 3 депутата от каждой автономной республики, 1 – от каждой автономной области и от каждого автономного округа, 63 депутата от краев, областей, городов Москвы и Ленинграда.

В соответствии с законом РСФСР "О выборах народных депутатов РСФСР" от 27 октября 1989 г., как и на всей территории РСФСР, в Калмыцкой АССР были проведены выборы народных депутатов РСФСР в начале марта 1990 г. Согласно ст. 16 Закона РСФСР о выборах народных депутатов в Калмыцкой АССР было образовано шесть избирательных округов по выборам народных депутатов РСФСР, в том числе четыре национально-территориальных и два территориальных.

Выборы народных депутатов РСФСР по шести избирательным округам в Калмыкии впервые были проведены в два тура – 4 и 17 марта 1990 г. На два депутатских мандата в двух территориальных избирательных округах претендовали 25 кандидатов, в четырех национально-территориальных избирательных округах – 34 кандидата. По результатам второго тура (в голосовании приняли участие: по Манычскому избирательному округу № 821 80 278 человек, или 78%; по Степному избирательному округу № 822 78 260 человек, или 80,7%) были избраны народными депутатами РСФСР: по территориальным избирательным округам – К.Н. Илюмжинов (за – 64,1%), М.Б. Мукубенов, председатель Госплана Калмыцкой АССР (за – 48,8%); по национально-территориальным округам (участие избирателей в голосовании составило от 72 до 85,2%) – С.А. Бадмаев, министр народного образования Калмыцкой АССР (за –

44,8%), В.П. Дорджиев, директор Калмыцкого научно-исследовательского института мясного скотоводства (за – 54,7%), Б.Ч. Михайлов, председатель Совета Министров Калмыцкой АССР (за – 77%), В.С. Бабичев, заместитель заведующего орготделом ЦК КПСС (за – 50,1%).

На I Съезде народных депутатов РСФСР, состоявшемся в мае 1990 г., от Калмыцкой АССР в Совет Республики Верховного Совета РСФСР был избран народный депутат РСФСР М.Б. Мукубенов, в Совет Национальностей Верховного Совета РСФСР – народные депутаты РСФСР С.А. Бадмаев, В.П. Дорджиев, Б.Ч. Михайлов.

Таким образом, от автономной республики в высшем федеральном органе государственной власти в соответствии с новым законом количество депутатов увеличилось с двух до шести. Кроме того, это представительство стало постоянным на весь срок действия Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР.

Проведенные в конце 80-х годов последние кампании по формированию органов власти несли в себе элементы переходной, постсоветской избирательной системы: альтернативная основа, голосование по месту жительства, возможность выдвижения неограниченного числа кандидатов. По сути, в 1989–1990 гг. выборы в высшие органы государственной власти СССР, РСФСР и автономных республик состоялись на основе переходной избирательной системы.

Одновременно с выборами народных депутатов РСФСР в начале марта 1990 г., в соответствии с постановлением Верховного Совета Калмыцкой АССР о назначении выборов народных депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР и Законом Калмыцкой АССР о выборах народных депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР от 2 ноября 1989 г. состоялись в Калмыцкой АССР выборы народных депутатов в высший орган государственной власти республики по 130 избирательным округам. Выдвижение и выборы народных депутатов республики впервые проходили в какой-то степени демократично (партийные органы не спускали разнарядку, а в отдельных округах не могли повлиять на выдвижение кандидатов в депутаты) и в два тура – 4 и 17 марта.

Всего на 130 мандатов кандидатами в народные депутаты Верховного Совета КАССР был выдвинут 351 человек.

В 24 избирательных округах баллотировалось по одному кандидату в депутаты, в 106 округах – по два и более кандидата. Таким образом, впервые было положено начало альтернативным выборам в высший республиканский орган.

В выборах народных депутатов Калмыцкой АССР, состоявшихся 4 марта 1990 г., приняли участие 87,3% избирателей, включенных в список. Впервые в советской избирательной практике в рамках единой избирательной кампании 17 марта 1990 г. в 33 округах было проведено повторное голосование, в котором приняли участие 79,3% избирателей. Эти цифровые данные свидетельствовали о том, что впервые за многие годы советской власти внешне начали проявляться некоторые элементы демократических принципов формирования представительных органов, а партийные организации уже не решались открыто руководить избирательной кампанией.

По результатам двух туров голосования, состоявшихся 4 и 17 марта, были избраны 116 народных депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР. В последующие месяцы (апрель–май 1990 г.) были доизбраны остальные депутаты на альтернативной основе.

Депутатский корпус республики в значительной степени был обновлен (80,1% депутатов были избраны впервые). В связи с тем что большинство баллотировавшихся были руководителями партийных, советских органов, хозяйственных организаций, коммунисты в Верховном Совете девятого созыва составили 87% (раньше партийные организации, демонстрируя свое единство с народом, не допускали, чтобы более 50% депутатов были членами партии). Поэтому социальный состав депутатов Верховного Совета республики нового созыва резко отличался от прежних выборных органов власти, представительство в которых различных социальных слоев общества регулировалось в директивном порядке.

Среди народных депутатов республики рабочих и крестьян было представлено всего 6,1% (раньше в обязательном порядке подбиралось до 50%), творческая и научная интеллигенция – 6,8%, женщин – 9% (в предыдущих составах обязательно до 40%). По образовательному уровню состав депутатов Верховного Совета 1990 г. в отличие от всех предыдущих созывов был достаточно высок (90,3% с высшим

образованием, 11 докторов и кандидатов наук). В основном депутатский корпус представляли руководители хозяйственных объединений, предприятий и организаций (42 человека, или 36%), колхозов и совхозов (27 человек, или 23,3%), партийных и советских органов (27 человек, или 23,3%). По своему составу Верховный Совет республики нового созыва представлял собой скорее партийно-хозяйственный актив, нежели орган государственной власти, наделенный законодательными полномочиями.

Впервые народными депутатами Верховного Совета республики были избраны два религиозных деятеля.

Таков был состав депутатского корпуса впервые самостоятельного, независимого Верховного Совета Калмыцкой АССР последнего созыва, которому в обстановке сложных политических событий, происходящих в стране, поиска путей реформы политической системы советского общества, демократизации, начавшегося перехода к рыночным отношениям пришлось решать важные вопросы государственного, экономического и общественного развития в переходный период. Кроме того, Верховному Совету республики пришлось начать работу в новых условиях, когда был сделан реальный шаг в утверждении равноправия народов: приняты постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав"» (7 марта 1991 г.); закон РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" (26 апреля 1991 г.). Все это стало возможным в процессе демократизации общества и формирования правового государства.

Первая сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР девятого созыва начала свою работу 30 марта (первое заседание) и продолжила ее 11–13 апреля 1990 г. (второе заседание). На первом заседании был заслушан и обсужден доклад мандатной комиссии о полномочиях народных депутатов Верховного Совета Калмыцкой АССР, а затем были избраны Председатель, заместитель Председателя Верховного Совета, постоянные комиссии, Председатель Совета Министров КАССР, Верховный суд КАССР, народные судьи городского и районных народных судов,

образовано правительство республики и решен ряд других вопросов.

На пост Председателя Верховного Совета Калмыцкой АССР было выдвинуто шесть кандидатур, из них двое – первый секретарь Калмыцкого обкома партии В.А. Захаров и второй секретарь Калмыцкого обкома партии Б.Д. Муев – сняли свои кандидатуры.

По результатам двух туров тайного голосования народных депутатов Председателем Верховного Совета Калмыцкой АССР стал В.М. Басанов, бывший секретарь по идеологии Калмыцкого обкома КПСС. Заместителем Председателя Верховного Совета КАССР был избран открытым голосованием Н.А. Халманов, работавший заведующим орготделом Калмыцкого обкома КПСС. Впервые в практике избрания высших должностных лиц органов государственной власти и управления Калмыкии выдвинутые и избранные кандидаты не были согласованы ни с ЦК КПСС, ни с Президиумом Верховного Совета РСФСР.

На втором заседании первой сессии Верховного Совета КАССР, состоявшемся 11–13 апреля 1990 г., было образовано правительство Калмыцкой АССР в составе председателя (Б.Ч. Михайлов), двух первых заместителей, трех заместителей председателя, управляющего делами, девяти министров, девяти председателей государственных комитетов. На сессии были сформированы Верховный суд в составе председателя, двух заместителей председателя и пяти членов, 221 народного заседателя, Комитет народного контроля в составе председателя, двух заместителей, 12 членов.

Верховный Совет Калмыцкой АССР, решив на первых двух сессиях организационные вопросы, на третьей сессии, состоявшейся 16–17 августа 1990 г., приступил к рассмотрению проекта “Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой АССР”, правовой основы для принятия которой к этому времени было достаточно. Одним из первых законодательных актов, признавших автономную республику субъектом Союза ССР и уравнявших ее с союзной республикой, был закон СССР “Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик” от 10 апреля 1990 г. Этот закон основывался на принципах федерализма, экономической самостоятельности и взаимной ответственности Союза ССР, союзных и автономных рес-

публик. По нему союзные и автономные республики в равной мере наделялись полномочиями решать экономические и социальные вопросы, за исключением тех, которые Конституцией СССР, законодательством СССР и настоящим законом отнесены к ведению СССР.

Законодатель определил, что "союзные и автономные республики на своих территориях с соблюдением законодательства СССР:

– владеют, пользуются и распоряжаются землей, другими природными ресурсами в своих интересах и интересах Союза ССР;

– принимают законы и другие нормативные акты, регулирующие условия хозяйственной деятельности на территории республик;

– решают вопросы налогообложения и осуществляют бюджетную деятельность;

– ...осуществляют внешнеэкономическую деятельность с учетом обязательств, предусмотренных в международных договорах СССР и соглашениях между СССР и республиками...

Экономические отношения Союза ССР и республик, а также республик между собой, не предусмотренные соответствующим законодательством, регулируются двусторонними и многосторонними соглашениями...".

В постановлении Верховного Совета СССР "О порядке введения в действие Закона СССР об основах экономических отношений СССР, союзных и автономных республик" предлагалось Верховным Советам союзных и автономных республик внести необходимые изменения в республиканское законодательство.

Другой союзный закон поставил автономные республики перед необходимостью совершенствования своего правового статуса. Закон СССР "О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации" от 26 апреля 1990 г. отнес автономную республику к советскому социалистическому государству и субъекту федерации – Союзу ССР. Предлагалось отношения автономных республик, автономных образований с союзными республиками, в состав которых они входят, определять соглашениями и договорами.

Говоря о "параде суверенизации" автономных республик с июля 1990 г., следует отметить ту общую атмосферу,

которая повлияла на ускорение этого процесса. При принятии автономными республиками нормативных документов об их государственном суверенитете определенное влияние оказали настрой I Съезда народных депутатов РСФСР и выступления авторитетных народных депутатов РСФСР о необходимости повышения правового статуса автономных республик до статуса союзных. Народный депутат РСФСР Б.Н. Ельцин в своей программной речи 16 мая 1990 г. на I Съезде народных депутатов РСФСР подчеркивал, что отношения между субъектами федерации внутри России регулируются на основе федеративного договора, по которому им гарантируются суверенитет, экономическая самостоятельность. Эта же мысль прозвучала в выступлении народного депутата РСФСР Р.Г. Абдулатипова: "Нам необходимо обязательно добиться, чтобы автономные республики располагали такими же правами, как и на данный момент союзные".

Так что автономные республики, приступая к разработке и принятию деклараций о государственном суверенитете, имели законодательную основу, моральную и правовую поддержку I Съезда народных депутатов РСФСР. В "Декларации о государственном суверенитете РСФСР", принятой I Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г., внесшей глубокие изменения в политическую жизнь, государственное устройство России, обозначившей политические границы между СССР и РСФСР, подтверждалась необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как и краев и областей РСФСР. Кроме того, суверенитет республик был подтвержден федеративным договором о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (31 марта 1992 г.).

Другой вопрос, насколько был целесообразен государственный суверенитет национальным республикам в составе федеративного государства и соответствовал ли он реальной государственной и экономической жизни самих субъектов, сохранению целостности Российской Федерации, веками сложившимся традициям совместной жизни народов России. Помимо этого, следует отметить, что все это происходило на фоне распада Союза ССР.

Вопрос о государственном суверенитете Калмыкии был воспринят настолько серьезно и обстоятельства в стране складывались такие, что ни у кого из руководителей, народных депутатов республики не возникло сомнений по этому поводу. Проект "Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой АССР" дважды выносился и обсуждался на сессиях Верховного Совета КАССР. Третья сессия Верховного Совета КАССР (16 августа 1990 г.), обсудив доклад Председателя Совета Министров Калмыцкой АССР Б.Ч. Михайлова о концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР и мерах по формированию ее структуры и механизма внедрения в республике, обстоятельно рассмотрела представленные варианты проектов "Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой АССР". Сессия Верховного Совета постановила: принять "Декларацию о государственном суверенитете Калмыцкой АССР" в первом чтении и опубликовать для всенародного обсуждения, доработать проект с учетом замечаний и предложений народных депутатов, граждан и представить его на очередную сессию.

После двухмесячного обсуждения и доработки проект "Декларации о государственном суверенитете" рабочей группой был представлен на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета Калмыцкой АССР, состоявшейся 18 октября 1990 г. С докладом о проекте "Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой АССР" выступил председатель Комиссии Верховного Совета КАССР по вопросам законодательства и законности В.С. Сергеев. После многочисленных вопросов уточняющего характера с предложениями и замечаниями по проекту выступили 18 народных депутатов. "Декларация о государственном суверенитете", разработанная в соответствии с основными принципами "Декларации о государственном суверенитете РСФСР", на сессии Верховного Совета Калмыцкой АССР 18 октября 1990 г. была принята единогласно.

"Декларация о государственном суверенитете Калмыцкой ССР" имела силу закона и вносила принципиальные изменения в правовой статус республики, являлась основой для разработки новой Конституции Калмыцкой ССР. Она ясно и недвусмысленно провозгласила государственный суверенитет. В связи с этим в названии республики в соответ-

ствии с постановлением IV Съезда народных депутатов РФ (24 мая 1991 г.) слово "автономная" было убрано, и она стала именоваться Калмыцкая Советская Социалистическая Республика. Калмыцкая ССР объявлялась суверенным государством в составе РСФСР и субъектом одновременно РСФСР и СССР, отношения с которыми должны были строиться на договорных началах. Однако не исключалась возможность делегирования своих полномочий органам власти РСФСР и СССР, определения совместных полномочий.

Как суверенное государство, Калмыцкая ССР устанавливала на своей территории, которая являлась неделимой и неприкосновенной, верховенство Конституции и законов Калмыцкой ССР, но одновременно указывалось, что законы РСФСР и СССР, не противоречащие интересам республики, имеют высшую юридическую силу на ее территории.

Хотя в "Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР" говорилось о праве на самоопределение калмыцкого народа (кстати, это основывалось на положении ст. 4 "Декларации о государственном суверенитете РСФСР"), тем не менее Калмыцкая ССР рассматривалась как форма государственности всего народа Калмыкии, являющегося носителем суверенитета и источником государственной власти в Калмыцкой ССР.

Учитывая многонациональный характер населения республики, Декларация объявила государственными языками калмыцкий и русский, ввела свое гражданство, которое не отделялось от гражданства СССР и РСФСР.

Декларация закладывала не только политические гарантии суверенитета, государственной самостоятельности, но и экономические гарантии. В ее 6-й статье говорилось, что земля, ее недра, воды, растительный и животный мир в их естественном состоянии, экономический и научно-технический потенциал Калмыцкой ССР являются собственностью ее народа и экономической основой суверенитета.

Процесс изменения статуса республики не завершался принятием "Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР". На этой же сессии Верховного Совета Калмыцкой ССР 18 октября 1990 г. было принято постановление о первоочередных мероприятиях по реализации

“Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР”. Верховный Совет республики поручал всем государственным органам власти и управления при подготовке законопроектов по различным направлениям экономической, социально-культурной жизни строго руководствоваться положениями Декларации.

Верховный Совет поручал Совету Министров республики учредить при Совете Министров РСФСР постоянное представительство Калмыцкой ССР, а также предлагалось подготовить и внести предложения о восстановлении полного суверенитета Калмыцкой ССР в отношении ее земель, арендуемых республиками, краями и областями РСФСР. Поручалось соответствующим министерствам и ведомствам республики подготовить законопроекты о гражданстве Калмыцкой ССР, предложения по государственной символике республики (герб, флаг, гимн).

Не успели автономные республики принять декларации о государственном суверенитете, как в результате развернувшихся политических событий в стране многие их положения остались нереализованными, сразу же устаревали, требовали серьезной корректировки. Но декларации выполнили свою историческую роль – они изменили правовой статус автономных республик.

Верховный Совет РСФСР 24 мая 1991 г., внеся изменения и дополнения в Конституцию РСФСР, в статьях 106 и 108 (соответственно часть третья и часть вторая) слова “автономной республики” заменил словами “республики в составе РСФСР”.

Декларации национальных республик в целом остались важным историческим источником по изучению истории переходного периода в национально-государственном строительстве РСФСР, поиска путей установления федеративных отношений в обновляемой Российской Федерации, истории строительства демократического, правового многонационального государства.

Несмотря на стремительные политические события глобального значения, когда решались судьбы Союза ССР, союзных республик, национальные республики Российской Федерации, пытаясь обосновать и закрепить свой новый статус, стремились создать правовую основу экономического суверенитета, реализации государственного суверените-

та. В частности, в Калмыкии особое значение в этом отношении имели законы Калмыцкой ССР о земле, о собственности в Калмыцкой ССР (в первом чтении), принятые на пятой сессии Верховного Совета Калмыцкой ССР 20 февраля 1991 г., о крестьянском (фермерском) хозяйстве (21 февраля 1991 г.).

Закон Калмыцкой ССР о земле устанавливал, что земля в границах территории Калмыцкой ССР является достоянием народа республики и выступает в двух формах собственности – государственной и частной. Республика гарантировала, что создает необходимые условия для развития государственной и частной собственности на землю, обеспечит их равную защиту.

Закон Калмыцкой ССР о земле, подтвердив компетенции Союза ССР и РСФСР в области регулирования земельных отношений, определял компетенцию Калмыцкой ССР в этой сфере. Ведению республики в области регулирования земельных отношений подлежали:

– распоряжение всеми землями в границах Калмыцкой ССР;

– разработка и совершенствование земельного законодательства;

– установление границ территорий с особым правовым режимом земель;

– установление размеров, форм оплаты, ставок и порядка налогообложения на землю, а также льгот по взиманию платежей;

– разработка и выполнение совместно с местными советами народных депутатов республиканских программ по рациональному использованию земель, повышению плодородия почв, охране земельных ресурсов в комплексе с другими природоохранными мероприятиями;

– контроль за использованием и охраной земель;

– организация землеустройства и ведение государственного земельного кадастра;

– установление порядка защиты прав собственников земли, прав землевладельцев и землепользователей;

– разрешение земельных споров;

– регулирование других вопросов в области использования и охраны земель в соответствии с законодательством Союза ССР, РСФСР и Калмыцкой ССР.

На этой же сессии Верховный Совет Калмыцкой ССР принял постановление "О введении в действие Закона Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч "О земле" и реализации земельной реформы. Верховный Совет поручал Совету Министров республики разработать республиканскую программу государственной поддержки крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов, предусматривающую льготные условия и меры экономического стимулирования, а также разработать и принять нормативные акты, вытекающие из данного Закона о земле.

Закон о собственности в Калмыцкой ССР Верховным Советом республики был окончательно принят 15 ноября 1991 г. Он установил основные положения о собственности, действующие на всей территории Калмыцкой ССР, а также определил объекты и субъекты права собственности, формы собственности. В значительной степени были расширены формы собственности – частная, коллективная, государственная, общественных объединений, религиозных организаций. Допускалось существование в Калмыцкой ССР собственности РСФСР, других республик, иностранных государств, их юридических и физических лиц, международных организаций. Закон предусматривал возможность объединения имущества, находящегося в собственности физических, юридических лиц и государств, и образование на этой основе смешанных форм собственности.

Таким образом, Закон о собственности в Калмыцкой ССР от 15 ноября 1991 г. в условиях перевода экономики республики на рыночные отношения, установив объекты и субъекты права собственности, ее формы, основания для возникновения этого права, принципы осуществления защиты права собственности, регулировал отношения собственности. Закон являлся правовой основой развития предпринимательства, приватизации собственности и нормативных актов, регулирующих отношения собственности в Калмыцкой ССР.

В постановлении Верховного Совета Калмыцкой ССР о введении в действие закона Калмыцкой ССР "О собственности в Калмыцкой ССР" от 15 ноября 1991 г. поручалось Совету Министров республики определить объекты государственной собственности Калмыцкой ССР и осуществить меры по разграничению государственной собственности

между РСФСР и Калмыцкой ССР, между собственностью Калмыцкой ССР и собственностью административно-территориальных образований.

Несколько раньше, 21 февраля 1991 г., Верховным Советом республики был принят закон "О крестьянском (фермерском) хозяйстве", определивший экономические, социальные и правовые основы организации и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств и их ассоциаций на территории Калмыцкой ССР. Он гарантировал гражданам право на создание крестьянских хозяйств на территории Калмыцкой ССР, хозяйственную самостоятельность, содействие их деятельности, защиту государством их законных интересов и прав свободного кооперирования.

Верховный Совет Калмыцкой ССР в целях реализации принятого закона предлагал Совету Министров республики разработать республиканскую программу поддержки крестьянских хозяйств в Калмыцкой ССР, создать нормативную базу для ее эффективной деятельности.

Важными проблемами государственного суверенитета являлись определение статуса родного языка, обеспечение его функционирования, изменение языковой ситуации в республике, возрождение и развитие культуры не только калмыцкого народа, но и всех народов, населяющих территорию республики. Поэтому Верховный Совет Калмыцкой ССР, руководствуясь положениями "Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР", принял 30 января 1991 г. Закон о языках в Калмыцкой ССР, гарантировавший всем гражданам условия для свободного и беспрепятственного использования родного языка в различных сферах государственной и общественной жизни, а также возрождение, сохранение и развитие языков народов Калмыкии.

Закон, исходя из общих принципов языковой политики СССР и РСФСР, устанавливал правовой статус и режим государственных языков республики – калмыцкого и русского, права граждан в пользовании языками, порядок их применения в различных сферах государственной и общественной жизни. Законодатель пояснял, что статус калмыцкого и русского языков как государственных не препятствует использованию и развитию языков других народов, проживающих на территории Калмыцкой ССР.

В соответствии с данным законом Совет Министров Калмыцкой ССР разработал и принял Государственную программу возрождения языков в Калмыцкой ССР до 2000 г.

В условиях наметившейся тенденции к распаду Союза ССР в 1990 г. встал остро вопрос о его сохранении, обновлении на основе новых договорных отношений (были два проекта Союзного договора – ноябрь 1990 г., март 1991 г.). Следующим шагом, предпринятым к сохранению союзного советского государства, было всенародное голосование (референдум), проведенное 17 марта 1991 г. в соответствии с решениями IV Съезда народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.). Референдум проводился по вопросу: "Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?".

В референдуме СССР по Калмыцкой ССР приняли участие 169 124 человека (82,78%) общего числа избирателей – (204 301). Большинство граждан республики (148 462 человека, или 87,78% участвовавших в голосовании) высказались за сохранение Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик.

17 марта 1991 г. одновременно был проведен референдум РСФСР по вопросу о введении поста Президента России. В референдуме РСФСР по Калмыцкому избирательному округу № 77 приняли участие 169 097 человек (82,77%). За введение поста Президента России проголосовали в республике 102 031 человек (60,33% принявших участие в референдуме РСФСР). Против президентства в России высказались 62 833 человека (37,15% принявших участие в голосовании). Результаты референдумов СССР и РСФСР свидетельствовали о начавшихся процессах демократизации общества, о возможности более или менее свободного волеизъявления граждан страны, возрастании их ответственности за судьбы государства, народа.

В соответствии с постановлением III (внеочередного) Съезда народных депутатов РСФСР от 5 апреля 1991 г. в Российской Федерации 31 мая 1991 г. началась официальная предвыборная кампания по выдвижению кандидатов на

должность Президента РСФСР. 24 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял постановление о введении в действие закона РСФСР "О выборах Президента РСФСР" и закон "О Президенте РСФСР", который был утвержден 22 мая 1991 г. IV Съездом народных депутатов РСФСР.

В начале мая 1991 г. Верховный Совет РСФСР образовал избирательные округа по выборам Президента РСФСР, в том числе Калмыцкий избирательный округ № 77.

12 июня 1991 г. явка избирателей на выборы Президента РСФСР по Калмыцкому избирательному округу № 77 составила 77,65% (160 749 из 207 011 граждан, включенных в списки избирателей).

Из шести кандидатов на должность Президента Российской Федерации наибольшее число голосов по Калмыцкому избирательному округу получил Б.Н. Ельцин.

Глобальные, общенациональные события лета 1991 г. (подавление августовского путча, начавшийся процесс распада СССР, выборы главы российского государства – Президента) не остановили, а, наоборот, активизировали национальные республики в определении своего статуса в составе Российской Федерации, в совершенствовании национальной государственности, в развитии федеративных отношений.

Верховный Совет Калмыцкой ССР девятого созыва, признав действия демократических сил страны, Верховного Совета РСФСР и Президента РСФСР Б.Н. Ельцина в августовских событиях по восстановлению в СССР и РСФСР законными и своевременными, следуя принципам "Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР", приступил к учреждению поста Президента республики и подготовке выборов Президента. 12 сентября 1991 г. Верховный Совет республики принял законы о Президенте Калмыцкой ССР, о выборах Президента Калмыцкой ССР и в этот же день своим постановлением назначил на 19 октября 1991 г. выборы Президента республики.

Закон о выборах Президента Калмыцкой ССР установил принципы и порядок избрания Президента. Он предоставил право выдвижения кандидатов в Президенты зарегистрированным в установленном порядке республиканским (Калмыцкой ССР) политическим партиям, общественным организациям и движениям, профсоюзам, трудовым коллек-

тивам, собраниям военнослужащих, собраниям граждан республики по месту жительства. Далее закон разъяснял, что выдвижение кандидатов от политических партий, общественных организаций и движений производится на их съездах, конференциях либо на пленумах их республиканских органов.

Кандидат считался выдвинутым, если за него проголосовало более половины избранных делегатов съезда, конференции, состава выборного руководящего органа. А в трудовых коллективах, на собраниях граждан по месту жительства и военнослужащих по воинским частям выдвижение проходило на собраниях с числом присутствующих не менее 300 избирателей, в порядке, соответствующем требованиям данного закона.

Указанные организации, коллективы имели право выдвигать только одного кандидата в Президенты, которого должны были поддержать не менее 10 тыс. граждан республики, обладающих избирательным правом.

В соответствии с законом Калмыцкой ССР "О Президенте Калмыцкой ССР" от 12 сентября 1991 г. Президент наделялся полномочиями главы государства и исполнительной власти. Он не мог быть народным депутатом Верховного Совета Калмыцкой ССР. Тем самым в соответствии с принципом разделения властей законодательная и исполнительная власти республики разделялись на самостоятельные ветви. Но в связи с особой ролью Верховного Совета КССР и по форме правления республика должна была стать президентско-парламентской. Президент республики выступает гарантом прав и свобод личности в Калмыцкой ССР, суверенитета народа республики, исторической воли калмыцкого народа быть в составе России, соблюдения Конституции и законов Калмыцкой ССР, Конституции и законов РСФСР, указов Президента РСФСР, а также принятых Калмыцкой ССР обязательств перед РСФСР. Закон установил, что Президент Калмыцкой ССР и другие органы исполнительной власти республики входят в единую систему исполнительной власти РСФСР, возглавляемую Президентом РСФСР, главой исполнительной власти Российской Федерации.

По этому закону предусматривалось, что вице-президент избирается Верховным Советом республики по пред-

ставлению Президента. В последующем это положение было изменено. Вице-президент должен был избираться вместе с Президентом на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Президент и вице-президент должны быть гражданами республики, не моложе 30 лет и не старше 60 лет, избираться на 5 лет, но не более двух сроков подряд.

Закон подробно регламентировал полномочия, права Президента и вице-президента. Президент Калмыцкой ССР обеспечивает безопасность и территориальную целостность республики, законность и правопорядок на ее территории, социальную справедливость, решает кадровые вопросы, награждает государственными наградами Калмыцкой ССР и присваивает почетные звания республики, представляет к государственным наградам РСФСР. Президент как глава государства представляет республику в отношениях с РСФСР, другими советскими республиками, а также в международных отношениях.

В законе были определены основные моменты взаимоотношений Президента с представительным органом власти республики. Президент должен был ежегодно представлять Верховному Совету доклад о положении республики. Верховный Совет мог отменить указы Президента, выразить недоверие Президенту и вынести вопрос о его смещении на референдум. Президент не наделялся правом роспуска либо приостановки деятельности Верховного Совета республики. Таким образом, Верховный Совет республики фактически поставил все под свой контроль. В последующих поправках и дополнениях закона были сделаны попытки сбалансировать права законодательной и исполнительной властей.

После назначения дня выборов Президента республики выдвижение кандидатов в Президенты проходило с 13 по 28 сентября 1991 г. На собраниях коллективов, общественных организаций было выдвинуто пять кандидатов. Однако инициативные группы двух кандидатов не смогли собрать в установленные сроки в поддержку своих кандидатов по 10 тыс. подписей избирателей.

Первый тур голосования 19 октября 1991 г., хотя в нем приняли участие 62,13% общего числа избирателей республики, оказался безрезультатным.

В повторном голосовании 3 ноября 1991 г. по избранию Президента приняли участие 57,6% общего числа избирателей республики. На явку избирателей положительное воздействие оказало постановление Верховного Совета РСФСР "О главах исполнительной власти республик в составе РСФСР" от 11 октября 1991 г., утвердившее введение поста Президента в республиках, входящих в состав РСФСР. Но ни один из кандидатов не получил необходимого количества голосов для того, чтобы стать Президентом республики.

Калмыкия, приобретя статус одного из видов субъекта Российской Федерации – равноправной, суверенной республики, в условиях недостаточности федеральных законов стала активно создавать свою нормативно-правовую базу, соответствующую новому качественному развитию государственности и провозглашенному государственному суверенитету Калмыцкой ССР. В первую очередь Верховный Совет республики принял 14 февраля 1992 г. Закон о гражданстве Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч, который основывался на конституционном принципе единого гражданства Российской Федерации. В статье 2 этого закона, аналогично статье 2 Федерального Закона о гражданстве, отмечалось, что граждане Калмыцкой ССР одновременно являются гражданами Российской Федерации.

Верховный Совет республики, придавая важное значение правовой связи человека с государством, в начальной части закона подчеркивал, что гражданство Калмыцкой ССР – неотъемлемый атрибут суверенитета Калмыцкой ССР, определяющий принадлежность лица к Калмыцкой ССР, обусловливающий совокупность его прав и обязанностей и их защиту со стороны Калмыцкой ССР.

В соответствии с федеральным законом в республике также предусматривался институт двойного гражданства. Законодатель пояснял, что иностранными гражданами в Калмыцкой ССР признаются лица, не являющиеся гражданами Калмыцкой ССР и Российской Федерации и имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству другого государства. Закон детально регламентировал вопросы приобретения и прекращения гражданства Калмыцкой ССР. Основными условиями приема гражданства республики были: достижение 18-летнего возраста; знание государ-

ственных языков Калмыкии (калмыцкого и русского) в пределах, необходимых для общения; непрерывное проживание на территории Калмыцкой ССР на протяжении последних десяти лет; постоянный и законный на территории Калмыцкой ССР источник существования. Кроме того, принимающий гражданство Калмыцкой ССР должен был взять на себя обязательство соблюдать и уважать Конституцию и законы Калмыцкой ССР.

Закон установил, что гражданами Калмыцкой ССР признаются постоянно проживающие на день вступления в силу настоящего закона лица калмыцкой и русской национальностей, а также представители народов, не имеющих национально-государственных образований в составе Российской Федерации. Предусматривалась возможность приобретения гражданства Калмыкии гражданами республик, входящих в состав Российской Федерации, на основании особых соглашений между Калмыцкой ССР и другими республиками.

Особое внимание было уделено калмыкам, проживающим за пределами республики. Признавались гражданами Калмыцкой ССР калмыки, живущие на территории бывшего СССР и изъявившие желание стать гражданами Калмыкии.

Следующим документом, направленным на создание гарантий суверенитета Калмыцкой ССР, был Закон об обеспечении экономической основы суверенитета Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч от 19 февраля 1992 г. Целями данного закона являлись прежде всего защита экономической основы суверенитета республики, стабилизация и развитие ее народного хозяйства, создание правовой основы реализации экономической части “Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР”.

Законом устанавливалось исключительное право республики распоряжаться и пользоваться своим национальным богатством, историческими и культурными ценностями калмыцкого народа, а также своей собственностью. Законом признавалось, что республиканская (РФ) собственность есть не что иное, как совместная собственность. Законодатель гарантировал на своей территории охрану имущественных прав Российской Федерации, других республик, иностранных государств, их граждан и организаций.

Верховный Совет Калмыцкой ССР уполномочил Совет Министров республики распоряжаться и управлять республиканским имуществом, осуществлять разгосударствление и приватизацию объектов государственной собственности в соответствии с законами Калмыцкой ССР и Российской Федерации. На этих же условиях предусматривались преобразование расположенных на территории Калмыцкой ССР государственных предприятий республиканского (РФ) подчинения в акционерные общества, перевод их в иные формы собственности.

Законом предоставлялись Совету Министров республики исключительные права: выдача лицензий на разведку и добычу полезных ископаемых, промысловый лов рыбы, добычу водных животных и растений; определение порядка привлечения иностранных инвестиций и предоставление концессий иностранным юридическим лицам для разведки и добычи полезных ископаемых на территории республики; осуществление лицензирования и квотирования товаров и услуг, ввозимых или вывозимых с территории Калмыцкой ССР по согласованию с соответствующими органами Российской Федерации; регистрация участников внешнеэкономической деятельности; аккредитация иностранных фирм, банков и других организаций, имеющих свои офисы на территории Калмыцкой ССР.

В соответствии с законом "Об обеспечении экономической основы суверенитета Калмыцкой ССР" и законом РСФСР "О собственности в РСФСР" Верховный Совет Калмыцкой ССР 18 февраля 1992 г. принял постановление о разграничении государственной собственности в Калмыцкой ССР на федеральную, республиканскую и муниципальную. Совет Министров республики, выполняя данное постановление, вошел с предложением в правительство РСФСР с предложением о пообъектном разграничении находящихся на территории республики предприятий, организаций. Таких объектов федеральной собственности на территории республики было 191, что составило 24% всех форм государственной собственности.

В комплексе нормативных документов, принимавшихся в целях обеспечения экономического суверенитета республики, был принят 3 июня 1992 г. закон Республики Калмыкия "О недрах". Он содержал правовые и экономические

основы комплексного рационального использования и охраны недр, а также призван был обеспечить интересы республики как собственника недр и защиту прав пользователей недр.

Закон определил совместные полномочия Республики Калмыкия и органов государственного управления Российской Федерации в сфере регулирования отношений пользования недрами. К совместной компетенции были отнесены распоряжение государственным фондом недр для реализации единой государственной политики его использования, определение условий и порядка пользования недрами, в том числе форм и размеров платежей. Государственный контроль за охраной и рациональным использованием недр должен был осуществляться совместно. Республика могла по договору передавать отдельные свои полномочия по регулированию отношений пользования недрами государственным органам управления Российской Федерации.

Закон установил, что Республика Калмыкия является самостоятельным участником международных и внешнеэкономических отношений. Но в то же время координацию международных и внешнеэкономических отношений Калмыкии он возложил на федеральные органы государственной власти совместно с Республикой Калмыкия.

Создавая правовую базу для решения экономических проблем, Верховный Совет республики одновременно занимался вопросами государственного строительства. 14 февраля 1992 г. он принял постановление о реорганизации органов государственного управления Калмыцкой ССР. 20 февраля 1992 г. Верховный Совет республики, учитывая перемены в сущности национальной государственности Калмыкии, изменил название республики "Калмыцкая Советская Социалистическая Республика" на "Республика Калмыкия – Хальмг Тангч". Затем Верховный Совет республики 28 и 30 октября 1992 г. утвердил государственные символы Республики Калмыкия – Хальмг Тангч: Государственный гимн, Государственный флаг.

Все эти нормативно-правовые акты свидетельствовали о проявлении самостоятельной инициативы республики (так же как и других), привыкшей ранее жить и действовать по указанию "сверху", а также несли в себе печать стремительно развивающихся политических событий в стране,

элементы переходного периода, поиска путей строительства государственности в условиях начавшегося развития действительных федеративных отношений. Но этот этап оказался неизбежным и необходимым в развитии государственности Калмыкии в условиях становления реального федерализма.

В этих условиях, когда национальные республики, некоторые края и области пытались решать вопросы обеспечения действительного государственного суверенитета, остро назрела необходимость принятия мер в общероссийском масштабе по сохранению исторически сложившегося государственного единства народов РСФСР, целостности ее границ, развитию федеративных отношений, а также по укреплению статуса республик как субъектов федеративного Российского государства, повышению их самостоятельности и ответственности в решении социально-экономических, политико-юридических и культурно-национальных вопросов. Таким документом явился Федеративный договор, включивший в себя три документа (договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти: суверенных республик в составе Российской Федерации; краев и областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации; автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации), подписанный 31 марта 1992 г. в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца полномочными представителями субъектов Российской Федерации, а от имени Федерации – Президентом и Председателем Верховного Совета. 10 апреля 1992 г. VI Съезд народных депутатов Российской Федерации одобрил Федеративный договор и включил его содержание в текст Конституции Российской Федерации.

В названии договора содержится термин "суверенные республики". Это, видимо, надо было понимать как признание изменившегося статуса бывших автономных республик и принятых ими деклараций о государственном суверенитете. Но одновременно заголовок говорит и о том, что суверенные республики находятся в составе Российской Федерации и являются ее частями. В связи с этим основная цель подписавшихся – сохранить исторически сложившееся государственное единство народов Российской Федерации,

целостность составляющих ее республик и территорий, а также укрепить межнациональное согласие, доверие и взаимопонимание. Кроме того, договаривавшиеся стороны стремились к качественному обновлению федеративных отношений на основе добровольного распределения полномочий и эффективного их осуществления.

В преамбуле договора, таким образом, заложены принципы государственного единства народов Российской Федерации, добровольного распределения полномочий, самостоятельного осуществления государственной власти республики в пределах своих полномочий, приоритета прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности, а также элементы национальной политики Российской Федерации (признание деклараций о государственном суверенитете, уважение к национальному достоинству и т.д.).

В статье 1 договора приводится перечень вопросов, подлежащих ведению федеральных органов государственной власти Российской Федерации и имеющих общегосударственное значение. Эти вопросы важны как для Федерации в целом, так и для ее субъектов (республик). Вопросы, относящиеся исключительно к компетенции федеральных органов государственной власти, по нашему мнению, можно выделить в три группы. Это, во-первых, принятие и изменение Конституции Российской Федерации и федеральных законов, контроль за их соблюдением; установление правовых основ единого рынка, финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия; статус и защита государственной границы; уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство и др.

Во-вторых, федеративное устройство и территория Российской Федерации; регулирование прав и свобод человека и гражданина, гражданство Российской Федерации; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных государственных органов; федеральная государственная собственность и управление ею; установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного,

экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации; федеральный бюджет, федеральные налоги и сборы, федеральные фонды регионального развития; федеральные энергетические системы, ядерная энергетика; федеральные транспорт, пути сообщения, информация и связь; оборона и безопасность, оборонное производство и т.д.

В-третьих, вопросы внешней политики и международных отношений Российской Федерации, войны и мира; внешнеэкономические отношения; судопроизводство, федеральное коллизионное право; метеорологическая служба, стандарты, эталоны, метрическая система и исчисление времени; геодезия, картография и т.д.

Пункт 3 устанавливает представительство республик в федеральных органах. Но механизм реализации этого положения пока не отработан (возможно, это постоянное представительство республик при Правительстве, которое сейчас имеется, либо представительство в коллегиальных органах, составе руководящих органов и т.д.).

В последующем положения статьи 1 Федеративного договора вошли в новую Конституцию Российской Федерации.

Статья 2 определила вопросы совместного ведения федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти республик в составе Российской Федерации. Общими усилиями они должны обеспечивать соответствие конституций и законов республик Конституции и законам Российской Федерации, а также законность, правопорядок и общественную безопасность, борьбу с катастрофами, стихийными бедствиями.

А совместному ведению передана большая группа вопросов культуры и социальной сферы: воспитание, образование, наука, культура, физкультура и спорт; здравоохранение, защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита; защита прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств, исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных и этнических общностей; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; охрана памятников истории и культуры и др.

Самостоятельную группу составляют вопросы экономического характера, которые требуют согласованного решения. К ним можно отнести разграничение государственной собственности, установление общих принципов налогообложения и сборов.

К совместной компетенции и согласованному решению федеральных органов власти и органов власти республик относятся вопросы законодательства и правового регулирования: административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, земельное, жилищное, водное, лесное; законодательство о недрах, об охране окружающей среды; правовое регулирование интеллектуальной собственности; судоустройство, адвокатура, нотариат; кадры правоохранительных органов; установление общих принципов организации местного самоуправления.

По всем вопросам совместного ведения договор предусматривал издание федеральными органами государственной власти основ законодательства, в соответствии с которыми органы власти республик должны осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных правовых актов.

Согласно договору республики в составе Российской Федерации наделены самостоятельными полномочиями, определен круг вопросов, относящихся к их ведению. Договором установлено, что национальные республики обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации. Особо подчеркнуто, что территория и статус республики в составе Российской Федерации не могут быть изменены без ее согласия.

Договор (статья 3) определил, что республики становятся самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, соглашений с другими республиками, краями, областями, автономной областью, автономными округами, если это не противоречит Конституции и законам Российской Федерации. Но эти положения, как видим, носят общий характер, поскольку ограничиваются только их провозглашением и возложением координации международ-

ных и внешнеэкономических отношений республик на федеральные органы государственной власти.

Федеративный договор подтвердил основные положения деклараций о государственном суверенитете республик, о праве их собственности на землю и ее недра, воды, растительный и животный мир. Но в нем оговорено, что вопросы владения, пользования и распоряжения всеми этими природными ресурсами регулируются основами законодательства Российской Федерации и законодательством республик.

В договоре предусмотрены вопросы, связанные с вводом чрезвычайного положения на территории республик. Договаривающиеся стороны установили, что федеральные органы государственной власти в случае необходимости могут ввести чрезвычайное положение на территории той или иной республики, но при этом обязательно должно быть согласие самой республики. Республики наделялись правом введения чрезвычайного положения на своих территориях, если это касалось только их территорий, но с немедленным уведомлением Президента и высшего органа государственной власти Российской Федерации.

Статья 4 договора заложила правовую основу для развития и совершенствования федеральных отношений в Российском государстве путем передачи федеральными органами государственной власти части своих полномочий республикам, которые, в свою очередь, могли передавать им осуществление части своих полномочий. Все это должно происходить на договорных началах.

Федеративным договором устанавливалось, что отношения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти республик строятся на основе Конституции Российской Федерации и конституций республик, взаимоуважения и взаимной ответственности. В связи с этим регулировалась нормотворческая деятельность обеих сторон по вопросам, отнесенным к их ведению.

В соответствии с правовой основой, заложенной в статье 8 договора, в апреле 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации специальным постановлением включил содержание Федеративного договора, в том числе и договор о разграничении предметов ведения и полномочий между

федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации, Конституцию Российской Федерации в качестве самостоятельного раздела.

Однако в Конституцию Российской Федерации, принятую всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., не включены федеративные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации. Включены в нее только отдельные их положения, т.е. вопросы, относящиеся к ведению федеральных органов государственной власти (статья 71 Конституции Российской Федерации) и к совместному ведению федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации (статья 72 Конституции Российской Федерации). Кроме того, в новой Конституции Российской Федерации (второй раздел) предусмотрено, что в случае несоответствия положениям Конституции (Основного Закона) Российской Федерации положений Федеративного договора (трех договоров) действуют положения Конституции Российской Федерации.

Таким образом, принятие Федеративного договора – договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации – имеет важное значение не только в развитии принципов федерализма, национальной политики, федеративных связей, но и в повышении статуса и расширении полномочий национальных республик, в укреплении и развитии Российской Федерации. Основные положения Федеративного договора получили закрепление в Конституции Российской Федерации. Тем самым Федеративный договор приобрел значение конституционного акта и является одним из главных правовых документов, составляющих правовую базу строительства федеративного государства.

Несмотря на предпринимаемые меры, политическая и экономическая ситуация в стране, республике не улучшалась. К тому же в республике обострилась борьба между группами в органах государственной власти, усилилось противостояние между законодательной и исполнительной властями. Объективные обстоятельства в условиях начав-

шегося перехода к рыночным отношениям диктовали необходимость принятия кардинальных мер по институционализации, и в первую очередь по институционализации основ новой национальной государственности Калмыкии.

В соответствии с новыми требованиями Верховный Совет республики в течение ноября 1992 – января 1993 г. обновил и внес коррективы в избирательную систему (избирательное право и система организации, проведения выборов Президента республики), изменения и дополнения в закон республики "О Президенте Калмыкии" (28 января 1993 г.). Выборы Президента республики начались в конце января 1993 г. и завершились 11 апреля избранием на этот пост К.Н. Илюмжинова. Избиратели Калмыкии, ознакомившись с его программой и выслушав его предложения о путях и методах ее реализации, отдали предпочтение этому кандидату, а не двум остальным[6].

Введение должности Президента и всенародное избрание главы республики принципиально изменили государственный строй Калмыкии. Прежняя советская система институтов государственной власти, политическая основа советской государственности были официально упразднены 30 апреля 1993 г. принятием Верховным Советом Калмыкии решения о прекращении деятельности местных советов народных депутатов республики. В тот же день был сформирован временный законодательный (представительный) орган государственной власти, призванный создать правовую базу переходного периода и совместно с главой республики сформировать систему исполнительных органов государственной власти и органы местного самоуправления.

Создание новых институтов государственной власти произошло по воле народа Калмыкии и в соответствии с правовой базой, основанной на демократических принципах, и поэтому государственная власть в Калмыкии обрела подлинно легитимный характер. Это полностью перевело взаимоотношения республики с федеральным центром в отличие от ранее существовавшей командно-административной политики, основанной на принципах демократического централизма, в правовую сферу, был сделан реальный шаг в развитии федеративных отношений.

Следует признать, что в первые годы правовая база Калмыкии формировалась не совсем четко в соответствии

с конституционными принципами федерализма (разделения предметов ведения и полномочий, разделения государственной власти и т.д.), поскольку все это было новым в местном законотворческом процессе и не были еще выработаны федеральные механизмы их реализации. В частности, до принятия Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации" (31 декабря 1996 г.) Парламент Республики Калмыкия, как и другие субъекты РФ, продолжал формировать суды общей юрисдикции и арбитражный суд республики. Нам представляется, что бывшие отклонения подобного рода не следует рассматривать и оценивать как проявление сепаратизма республиками.

В значительной степени центра была вина и в том, что он на местах создавал неуверенную обстановку, отдавая противоречивые указания, установки, дезорганизующе влиял на работу государственных органов регионов. В начале 1993 г. заметно усилилась открытая конфронтация между исполнительной и законодательной властями Российской Федерации. 20 марта 1993 г. Президент Российской Федерации выступил с обращением к гражданам России. Он раскрыл сложившуюся ситуацию в стране, причины сложных взаимоотношений между Президентом и Съездом народных депутатов, Верховным Советом Российской Федерации.

Не стабилизировал обстановку и проведенный 25 апреля 1993 г. референдум Российской Федерации о доверии Президенту Российской Федерации. К середине 1993 г. Россия переживала глубокий кризис государственности. В целях вывода страны из экономического и политического кризиса Президент Российской Федерации 21 сентября 1993 г. своим указом прервал осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. Вместо них намечалось образовать двухпалатный Парламент Российской Федерации – Федеральное собрание Российской Федерации, а также принять Конституцию Российской Федерации.

В становлении нового российского федерализма, демократии, в стабилизации государственности Российской Федерации позитивное значение имело образование модернизированного представительного и законодательного

органа – Федерального Собрания, состоящего из двух палат – Совета Федерации и Государственной думы. Федеральное Собрание обеспечивает представительство двух членов от каждого субъекта Российской Федерации независимо от численности населения, а также устойчивые, постоянные федеративные связи субъекта Российской Федерации с федеральными органами государственной власти.

Последние месяцы 1993 г. были ознаменованы подготовкой к выборам депутатов Совета Федерации и Государственной думы, к принятию Конституции Российской Федерации. 12 декабря 1993 г. завершился очень важный этап в конституционном развитии страны, становлении новой федеративной государственности России – был сформирован Парламент Российской Федерации – Федеральное Собрание. Участвовавшие в референдуме поддержали новую Конституцию Российской Федерации.

С принятием Конституции Российской Федерации были заложены правовой фундамент демократической республики в России, ее государственности, федеративной формы государственного устройства, политические и юридические институты, принципы организации и деятельности федеральных органов государственной власти и органов местного самоуправления, гарантии прав и свобод человека и гражданина, а также гарантированные условия для развития нашего общества, субъектов Российской Федерации. В Конституции Российской Федерации заложены основные принципы федерализма, федеративных отношений. К числу таких важнейших принципов относятся единство суверенитета, правового и экономического пространства, гражданства Российской Федерации, целостность и неделимость ее территории, а также ее государственная целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации.

В Конституции Российской Федерации получили отражение полиэтничность, экономико-географические различия регионов России, которые характеризуют современную российскую федеративную государственность. Поэтому в ней не случайно субъекты Российской Федерации поделены

на типы (республики, края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа), которые определяются различными видами нормативных правовых актов: статус республики – Конституцией Российской Федерации и Конституцией республики; статус края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа – Конституцией Российской Федерации и уставом края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, принимаемым законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта Российской Федерации, хотя по юридической силе эти документы не различаются.

Конституция Российской Федерации, заложив основы симметричной федерации, сохранила отдельные элементы асимметрии российского федерализма (республикам предоставлено право устанавливать свои государственные языки), абсолютно не влияющие на принципы равноправия субъектов федерации. Некоторые авторы видят асимметричность российской федерации в том, что по федеральной Конституции статус республики определяется Конституцией, а других субъектов – уставом. Различие между этими двумя документами заключается только в их формальном наименовании, поскольку по содержанию они полностью соответствуют Конституции Российской Федерации. Об асимметричности федерации можно было говорить только в тот кратковременный период действия Федеративного договора.

В Основном Законе России предусмотрены конституционная федерация и возможность заключения двусторонних договоров между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (часть 3 статьи 11). Но серьезной проблемой до недавнего времени оставалась технология создававшегося на деле договорного процесса в формировании основ федерализма. Во-первых, нарушался основной принцип конституционной федерации. На практике постепенно стала складываться конституционно-договорная федерация (было подписано около 50 договоров от имени Президента РФ и от имени глав субъектов Федерации). Во-вторых, нарушался конституционный принцип равноправия субъектов Российской Федерации не только по отношению к феде-

ральным органам государственной власти, которые становились разностатусными, ибо содержание и цель договора определялись экономическим, политическим факторами, природно-ресурсным потенциалом и т.д.

С принятием Федерального Закона “О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации” (24 июня 1999 г.) были определены механизмы реализации конституционных положений (в первую очередь ст. 72 Конституции РФ), а также заключения двусторонних соглашений и договоров на уровне федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Хотя эти механизмы недостаточно совершенны, но тем не менее сделаны попытки ввести развитие принципов федерализма в конституционное русло, предоставить субъектам Федерации правовые гарантии реализации и защиты своего статуса.

Прежде всего вышеназванный Федеральный Закон определил понимание предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъекта как сферу общественных отношений, регулирование которых отнесено Конституцией РФ к компетенции Российской Федерации и ее субъектов. Это означает, что распределению подлежат функции и полномочия (права и обязанности органа государственной власти в отношении принятия правовых актов, а также осуществление иных государственно-властных действий) между уровнями власти, а не материальные объекты.

Таким образом, сфера общественных отношений, регулируемых в соответствии с Конституцией РФ (статья 72) Российской Федерацией и субъектами РФ, проявляется прежде всего в блоках крупных вопросов.

1. Государственное строительство и защита прав и свобод: обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции РФ и федеральным законам; защита прав и свобод человека и гражданина, защита прав национальных меньшинств, обеспечение законности и правопорядка, общественной безопасности, режим пограничных зон; защита исконной среды

обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей; установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления.

2. Регулирование экономики и социального развития: разграничение государственной собственности, вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экономической безопасности, особо охраняемые природные территории, охрана памятников истории и культуры; общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта; координация вопросов здравоохранения, защита семьи, материнства, отцовства и детства, социальная защита, включая социальное обеспечение; осуществление мер борьбы с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий; установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации.

3. Деятельность правоохранительных органов и правовой системы: кадры судебных и правоохранительных органов, адвокатура, нотариат; административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды.

4. Координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации.

Несмотря на разнотипность субъектов Федерации, законодатель установил их равенство в сфере общественных отношений в соответствии с конституционным принципом равноправия, т.е. при разграничении предметов ведения и полномочий в отношении одного из субъектов РФ недопустимо ущемление прав и интересов других субъектов РФ. Этот принцип еще означает, что все субъекты РФ равноправны во взаимоотношениях с органами государственной власти Российской Федерации.

В данном Федеральном Законе отражен важнейший принцип конституционности федеративного пути развития отечественной государственности. В нем устанавливается, что ни федеральные конституционные законы и федераль-

ные законы, ни конституции, уставы, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Федерации, ни договоры, соглашения не могут передавать, исключать или иным образом перераспределять установленные Конституцией РФ предметы ведения Российской Федерации, предметы совместного ведения.

Серьезной гарантией развития федерализма, демократического правового государства является положение Федерального Закона о запрещении применять федеральные законы, а также конституции, уставы, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, заключать договоры, соглашения, ведущие к изменению конституционно-правового статуса субъекта Федерации, ущемлению или утрате установленных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, нарушению государственной целостности Российской Федерации и единства системы ее государственной власти. Важное значение имеет законодательное обеспечение этой гарантии принципом верховенства Конституции РФ и федеральных законов. В случае нарушения полномочий органов государственной власти по предметам ведения, установленным Конституцией РФ, действуют положения Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов.

Законодатель, определяя формы реализации полномочий по предметам ведения Российской Федерации, ограничился конституционным положением о том, что правовое регулирование в этой сфере осуществляется федеральными конституционными законами и федеральными законами, имеющими прямое действие на всей территории Российской Федерации. А по вопросам, отнесенным Конституцией РФ к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов, точно указывается, что издаются федеральные законы, определяющие основы (общие принципы) правового регулирования, включая принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, а также федеральные законы, направленные на реализацию полномочий федеральных органов государственной власти. Здесь получила разрешение очень важная правовая проблема, которая возникла на практике, – оптимальное соотношение объема федерального и регионального законодательства по пред-

метам совместного ведения. В законе определяются общие законодательные критерии пределов федерального регулирования. Федеральный закон, принимаемый по предметам совместного ведения, может быть принят в виде общих принципов.

В соответствии с настоящим Федеральным Законом, с учетом имеющегося отечественного опыта конституционного и договорного регулирования, а также опыта ряда зарубежных государств, субъектам РФ предоставлено право (до принятия федеральных законов) осуществлять по вопросам, отнесенным к предметам совместного ведения, собственное правовое регулирование. Однако после принятия соответствующего федерального закона и иные нормативные правовые акты субъектов РФ должны быть приведены в соответствие с принятым федеральным законом.

Таким образом, настоящий Федеральный Закон предоставил субъектам РФ права опережающего регулирования по предметам совместного ведения. Однако в нем не закреплен принцип, определяющий пределы правотворчества субъектов Федерации по этим предметам.

Положительным в развитии федерализма является законодательное закрепление участия субъектов РФ в федеральном законотворческом процессе. Установлен порядок согласования проектов федеральных законов по предметам совместного ведения с органами государственной власти субъектов РФ. Согласно этому порядку проекты федеральных законов после их внесения в Государственную думу субъектами права законодательной инициативы, а также после их принятия Государственной думой в первом чтении должны направляться в органы государственной власти субъектов РФ для возможного внесения предложений и замечаний в месячный срок. До истечения этого времени законопроект во втором чтении не должен рассматриваться.

Представленные в установленный срок органами государственной власти субъектов РФ предложения и замечания по проектам федеральных законов подлежат обязательному рассмотрению соответствующим комитетом Государственной думы (принимаются либо отклоняются). В случае, если органы государственной власти более чем трети субъектов РФ выскажутся против указанного проекта Федерального закона в целом, по решению Государст-

венной думы создается согласительная комиссия с участием депутатов Государственной думы и представителей органов государственной власти заинтересованных субъектов РФ. Однако законодатель участие субъектов РФ в федеральном законодательном процессе свел к формальной процедуре, наделив представителей субъектов РФ, уполномоченных органами государственной власти субъектов Федерации лишь правом совещательного голоса в работе над проектами Федеральных законов по предметам совместного ведения в комитетах, комиссиях Государственной думы. Нет также ответа на вопрос: "Что делать, как дальше двигаться, если согласительная комиссия не найдет компромиссный вариант решения возникших разногласий?"

Нам представляется, что субъекты РФ должны участвовать с самого начала (как это происходит в парламентах многих стран) в работе над проектами федеральных законов по предметам совместного ведения, а не подключаться только после их принятия Государственной думой в первом чтении. Очень важно, что в случае отклонения предложений и замечаний, внесенных субъектами РФ по проектам федеральных законов по предметам совместного ведения, должны быть сообщены на заседании Государственной думы с указанием причин их отклонения.

Кроме того, данный Федеральный Закон в соответствии с Конституцией РФ, установив возможность договорного разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации, определил порядок заключения договоров и соглашений.

Рассматриваемый Федеральный Закон разрешил очень важную технико-юридическую проблему по определению договора и соглашения, проведя различие между этими понятиями. Определение соглашения вполне соответствует положению ст. 78 Конституции РФ, установившему, что федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ могут передавать друг другу по взаимному соглашению осуществление части своих полномочий.

Договор, как правовая форма разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной

власти субъекта РФ, и соглашение, как правовая форма передачи федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ друг другу осуществления части своих полномочий, в настоящем Федеральном Законе рассматриваются как возможность их использования в качестве дополнительной формы. Поэтому договор может быть заключен в том случае, если в федеральном законе по предмету совместного ведения прямо указывается на допустимость заключения договора по данному предмету совместного ведения, а также при отсутствии федерального закона по предмету совместного ведения – с условием приведения указанного договора в соответствие с принятым федеральным законом по данному предмету совместного ведения. А соглашение может быть заключено на основании федерального закона по предметам совместного ведения или договора. В этих положениях видим приоритет федерального закона над договором, соглашением, что является важным фактором стабильности федерального государства. Значение договора и соглашения как дополнительная форма разграничения предметов ведения и полномочий позволяет отойти от складывающейся практики договорной федерации и неуклонно следовать конституционной модели федеративного устройства России, равноправия субъектов РФ.

Асимметричность российского федерализма, полиэтничность России, экономико-географические различия могут отразиться в содержании договора, поскольку в настоящем Федеральном Законе предусматривается возможность конкретизации предметов совместного ведения с учетом политических, экономических, социальных, географических, этнических и иных особенностей субъектов РФ. В этом положении вызывает недоумение выражение “с учетом политических... особенностей”. Что здесь имеется в виду? Возможности субъекта Федерации политически реализовывать права, которые ему передаются? Или заключение договоров обусловлено чисто конъюнктурными моментами? В практике зарубежных федеративных государств, как известно, редко встречаются случаи заключения договоров в политических целях.

В связи с определением понятия содержания договора и соглашения законодатель точно обозначил их участников.

Сторонами договора выступают федеральные органы государственной власти и уполномоченные законом соответствующего субъекта РФ органы государственной власти субъектов Федерации. А сторонами соглашения являются федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ.

Рассматриваемый Федеральный Закон определяет, что предметами договора могут быть: конкретизация предметов ведения и полномочий, установленных Конституцией РФ и федеральными законами; условия и порядок осуществления разграниченных договором полномочий; формы взаимодействия и сотрудничества при исполнении договора; иные вопросы, связанные с исполнением положений договора. Предметами соглашения могут быть: передача осуществления части полномочий; условия и порядок передачи осуществления части полномочий; материально-финансовая основа передачи осуществления части полномочий; формы взаимодействий и сотрудничества при исполнении положений соглашения; иные вопросы, связанные с исполнением положений соглашения.

В данном Федеральном Законе устанавливаются определенные критерии и требования к составлению договора и соглашения. В первую очередь это касается срока действия, языка, ответственности сторон договора, соглашения. В договоре, соглашении, которые составляются, как правило, на русском языке (в случае необходимости и на государственном языке республики), определяются сроки действия и порядок их досрочного прекращения, а также предусматривается ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение положений договора, соглашения. В их тексте могут быть предусмотрены одностороннее расторжение договора, соглашения и обязанность возмещения ущерба, причиненного неисполнением или ненадлежащим их исполнением.

Весьма важное значение в реализации принципов федерализма имеет определяемый Президентом Российской Федерации порядок подготовки, предварительного рассмотрения и согласования проектов договора, соглашения. В соответствии с настоящим Федеральным Законом федеральные органы исполнительной власти не позднее чем в месячный срок обязаны представить свои предложения и замечания по проектам договора, соглашения.

Законодатель в соответствии с конституционным принципом равноправия субъектов РФ установил, что орган государственной власти субъекта РФ, не являющийся стороной договора, соглашения, вправе получить по своему запросу проекты договора, соглашения до их одобрения и внести в них свои предложения и замечания в случае, если, по мнению субъекта РФ, данные договор, соглашение ущемляют его права и интересы.

Проект договора до его подписания Президентом РФ и должностным лицом (должностными лицами), уполномоченным (уполномоченными) субъектом РФ, представляется в Совет Федерации Президентом РФ, в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ – уполномоченным лицом субъекта РФ. Проект договора в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ рассматривается в соответствии с установленными Конституцией (уставом) или законом субъекта РФ порядком и сроками.

Уполномоченное лицо субъекта РФ, получив результаты рассмотрения проекта договора в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ, сообщает об этих результатах в Совет Федерации. Проект договора рассматривается в Совете Федерации в течение трехмесячного срока со дня получения сообщения о результатах его рассмотрения в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ. Результаты рассмотрения проекта договора в Совете Федерации, сообщенные Президенту РФ, учитываются при решении вопроса о подписании договора.

Если раньше наблюдался разнобой в круге высших должностных лиц, подписывающих договоры, то теперь настоящим Федеральным Законом установлены единые подходы подписания договора и соглашения. Договор подписывается Президентом РФ и должностным лицом (должностными лицами), уполномоченным (уполномоченными) субъектом РФ на его подписание.

Что касается соглашения, то его проект одобряется или отклоняется Правительством РФ не позднее чем в трехмесячный срок со дня представления указанного проекта. Соглашение, проект которого был одобрен Правительством РФ, подписывается руководителем соответствующего фе-

дерального органа исполнительной власти и должностным лицом, уполномоченным субъектом РФ на его подписание.

Таким образом, с принятием настоящего Федерального закона договорной процесс повернут в конституционное русло, в какой-то степени выработаны механизмы реализации конституционных принципов федерализма.

Конституция РФ, стремясь обеспечить реальность федерализма, а также демократически централизовать власть, устанавливает, что государственную власть в субъектах Федерации осуществляют самостоятельно образуемые ими органы государственной власти в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными Федеральным Законом "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" (6 октября 1999 г.). В соответствии с данным законом образование, формирование и деятельность органов государственной власти субъектов Федерации регулируются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а также Конституцией (уставом), законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Федерации.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. определил конституционные принципы деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации: государственная и территориальная целостность России; распространение суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию; верховенство Конституции РФ и федеральных законов на всей территории России; единство системы государственной власти; разделение государственной власти; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов; самостоятельное осуществление органами государственной власти субъектов РФ принадлежащих им полномочий. Одной из основных задач органов государственной власти субъекта РФ является обеспечение реализации прав граждан на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

Систему органов государственной власти субъекта РФ, которая устанавливается им самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя России, составляют: законодательный (представительный) орган, высший исполнительный орган, иные органы государственной власти субъекта РФ, образуемые в соответствии с его конституцией (уставом). Законодателем предусмотрена возможность установления должности высшего должностного лица субъекта РФ.

Данным Законом устанавливается, что федеральные суды образуются и осуществляют свою деятельность на территории субъекта РФ в соответствии с Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации" (31 декабря 1996 г.). Однако в нем не указаны судьи общей юрисдикции субъектов РФ, каковыми являются мировые судьи, а также конституционные и уставные судьи в субъектах Российской Федерации.

Федеральный закон об общих принципах организации установил, что законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ является постоянно действующим и единственным органом законодательной власти субъекта РФ, формируемым в соответствии с принципами избирательного права. Наименование, структура этого органа устанавливаются конституцией (уставом) субъекта РФ с учетом исторических, национальных и иных его традиций. Число депутатов, срок их полномочий (не может превышать пять лет) устанавливаются конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации. Сам законодательный орган субъекта РФ может определить количественный состав депутатов, работающих на профессиональной постоянной основе. Федеральный закон предусматривает наступление легитимности законодательного органа субъекта РФ при его формировании в составе не менее двух третей от установленного числа депутатов.

К основным полномочиям законодательного органа субъекта РФ отнесены: принятие конституции (устава) субъекта, поправки к ней (к нему); осуществление законодательного регулирования по предметам ведения субъекта РФ, по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов; осуществление иных полномочий, установленных Конституцией РФ, Федеральным законом

“Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”, другими федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта Российской Федерации.

В соответствии с данным Федеральным законом представительный орган субъекта РФ правомочен законом: утверждать бюджет субъекта и отчет о его исполнении; устанавливать основы организации и деятельности законодательного органа субъекта и порядок проведения выборов в органы местного самоуправления на территории субъекта РФ, а также в пределах своих полномочий и порядок деятельности органов местного самоуправления; утверждать программы социально-экономического развития субъекта; устанавливать налоги и сборы, относящиеся к ведению субъекта, и порядок их взимания; устанавливать порядок образования и деятельности внебюджетных и валютных фондов субъекта РФ и утверждать отчеты о расходовании средств этих фондов; устанавливать порядок управления и распоряжения собственностью субъекта РФ, в том числе долями субъекта РФ в капиталах хозяйственных обществ, товариществ и предприятий иных организационно-правовых форм; утверждать заключение и расторжение договоров субъекта РФ; устанавливать порядок проведения выборов в законодательный орган субъекта РФ, выборов высшего должностного лица субъекта (руководителя высшего исполнительного органа), а также порядок назначения и проведения референдума субъекта РФ; устанавливать административно-территориальное устройство субъекта РФ и порядок его изменения; утверждать схему управления субъектом РФ, определять структуру высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Этот перечень вопросов, которые должны регулироваться законом субъекта РФ, не является исчерпывающим. Законодатель предусматривает, что законами субъекта РФ могут регулироваться и иные вопросы, относящиеся к ведению и полномочиям субъекта Российской Федерации.

Федеральный закон об общих принципах организации предусматривает принятие законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ

нормативного правового акта как постановления, которым: определяется порядок его деятельности; назначаются на должность и освобождаются от должности отдельные должностные лица субъекта РФ, а также оформляется согласие на их назначение на должность; назначается дата выборов в законодательный орган, а также дата выборов высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ); назначается референдум субъекта РФ, оформляется решение о недоверии (доверии) высшему должностному лицу субъекта РФ (руководителю высшего исполнительного органа), а также решение о недоверии (доверии) руководителям органов исполнительной власти субъекта, в назначении которых на должность он принимал участие; утверждается соглашение об изменении границ субъектов Российской Федерации; назначаются на должность судьи конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, хотя в системе органов государственной власти субъектов РФ эти суды не указываются.

В соответствии с настоящим Федеральным Законом представительный орган субъекта РФ наделяется контрольными полномочиями за соблюдением и исполнением законов, бюджета, установленного порядка распоряжения собственностью субъекта Российской Федерации.

Таким образом, в законодательном органе субъекта РФ предусмотрены все классические основные функции представительного органа, обеспечивающие демократическое правление, выражающие суверенную волю народа субъекта Российской Федерации.

Рассматриваемый Федеральный закон, очерчивая круг субъектов, имеющих право на официальное внесение законопроектов в представительный орган субъекта РФ, дает возможность субъекту РФ самому принимать решение о предоставлении иным органам, общественным объединениям, а также гражданам, проживающим на его территории, права законодательной инициативы. По этому Закону в обязательном порядке предоставляется право законодательной инициативы в представительном органе субъекта РФ депутатам, высшему должностному лицу субъекта РФ (руководителю высшего исполнительного органа), представительным органам местного самоуправления.

Придавая важное значение финансовым вопросам, усилению контроля и ответственности за формирование и исполнение бюджета, Федеральный закон установил, что законопроекты о введении или отмене налогов, об освобождении от их уплаты, изменении финансовых обязательств, предусматривающие расходы, покрываемые за счет средств бюджета субъекта РФ, рассматриваются законодательным органом субъекта РФ по представлению высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) вместе с его заключением в установленные сроки, не менее 14 дней.

Федеральный закон установил определенный порядок принятия законодательным органом субъекта РФ нормативных правовых актов. Закон определил, что конституция (устав) субъекта РФ и поправки к ней (к нему) принимаются законодательным (представительным) органом субъекта РФ. Решение по этим вопросам считается принятым, если за них проголосовало большинство – не менее двух третей от установленного числа депутатов. Законы субъекта РФ принимаются большинством голосов от установленного числа депутатов, а постановления – большинством голосов от числа избранных депутатов. Теперь в законодательных органах всех субъектов РФ проекты их законов должны рассматриваться не менее чем в двух чтениях.

Законодатель подробно регламентировал последнюю стадию законодательного процесса в субъекте РФ, установив порядок обнародования и вступления в силу законов и нормативных правовых актов. Законы, принятые законодательным органом субъекта РФ, должны быть направлены для подписания и обнародования высшему должностному лицу субъекта РФ (руководителю высшего исполнительного органа) в установленный срок, не превышающий 14 дней. В случае отклонения им указанный закон может быть одобрен в ранее принятой редакции большинством, не менее двух третей, голосов от установленного числа депутатов. Тогда этот закон не может быть повторно отклонен и подлежит обнародованию в установленные сроки.

Конституция (устав) и закон субъекта РФ вступают в силу после их официального опубликования. Законы и иные нормативные правовые акты субъекта РФ по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина вступают в

силу не ранее чем через десять дней после их официального опубликования.

В Законе строго определен порядок досрочного прекращения полномочий законодательного органа субъекта РФ. Его полномочия могут быть прекращены досрочно в случае: принятия им решения о самороспуске; сложения депутатами своих полномочий; признания судом неправомочности состава депутатов; не устранения в течение шести месяцев судебного решения по факту противоречия конституции (устава), закона, нормативного правового акта субъекта РФ Конституции РФ, федеральным законам. В последнем случае вопрос о досрочном прекращении полномочий законодательного органа решается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. В случае досрочного прекращения деятельности законодательного органа назначаются внеочередные выборы не позднее чем через шесть месяцев. А кто назначает эти внеочередные выборы в законодательный орган субъекта? Законодатель не дал ответа на этот вопрос. Следует наделить избирательную комиссию субъекта РФ полномочиями назначать в таких случаях внеочередные выборы в законодательные органы субъекта Российской Федерации.

Если до последнего времени по вопросам ограничения, связанным с депутатской деятельностью и неприкосновенностью депутата законодательного органа субъекта РФ, шли довольно оживленные дискуссии, то теперь Закон внес определенную ясность. В течение срока своих полномочий депутат законодательного органа субъекта обладает парламентским иммунитетом, что является важнейшей правовой гарантией его деятельности.

Депутат законодательного органа субъекта РФ не только не может быть депутатом Государственной думы, но и в соответствии с принципом разделения государственной власти, независимо от осуществления депутатской деятельности на профессиональной постоянной основе или без отрыва от основной деятельности, не может занимать государственные должности Российской Федерации, государственные должности федеральной государственной службы, государственные должности субъекта РФ или государственные должности государственной службы субъекта Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом, закрепившим неприкосновенность депутата законодательного органа субъекта РФ, он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержан, арестован, подвергнут обыску или допросу без согласия законодательного органа, кроме случаев задержания на месте преступления, а также не может быть подвергнут личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено Федеральным Законом для обеспечения безопасности других людей. Неприкосновенность депутата распространяется на занимаемые им жилое и служебное помещения, на его багаж, личные и служебные транспортные средства, переписку, на используемые им средства связи, а также на принадлежащие ему документы.

Депутат законодательного органа не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за высказанное мнение, позицию, выраженную при голосовании, и за другие действия, соответствующие его статусу, в том числе по истечении срока его полномочий. Депутат вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по гражданскому или уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением им своих полномочий.

Вопрос о лишении депутата неприкосновенности решается по представлению прокурора субъекта РФ. Для получения согласия законодательного органа на привлечение депутата к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, на его задержание, арест, обыск или допрос, кроме случаев задержания на месте преступления, прокурор вносит представление в законодательный орган. Это представление законодательным органом должно быть рассмотрено не позднее чем через 14 дней.

Законодатель, предусмотрев парламентский иммунитет, предполагающий наиболее полную защиту депутата при осуществлении им своих полномочий, в то же время установил возможность решения вопроса о снятии неприкосновенности со всех депутатов конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации.

Органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. В субъекте устанавливается система органов

исполнительной власти во главе с высшим исполнительным органом, возглавляемым его руководителем, одновременно являющимся высшим должностным лицом субъекта РФ. Федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ в соответствии с основами конституционного строя, принципами правового государства образуют единую систему исполнительной власти Российской Федерации.

Федеральный закон предусмотрел в системе органов исполнительной власти субъекта высшее должностное лицо, избираемое гражданами Российской Федерации, проживающими на территории субъекта, в соответствии с принципами избирательного права. В Законе устанавливается, что он может быть избран на срок не более пяти лет и не может избираться на указанную должность более двух сроков подряд. Наименование должности высшего должного лица субъекта устанавливается конституцией (уставом) субъекта РФ с учетом исторических, национальных и иных традиций данного субъекта Российской Федерации.

Высшее должностное лицо представляет субъект РФ в отношениях с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и при осуществлении внешнеэкономических связей, при этом вправе подписывать договоры и соглашения от имени субъекта Российской Федерации. Ему предоставлено право в соответствии с законодательством субъекта формировать высший исполнительный орган власти субъекта РФ. При осуществлении своих полномочий высшее должностное лицо обязано соблюдать Конституцию РФ, федеральные законы, конституцию (устав) и законы субъекта, а также исполнять указы Президента РФ, постановления Правительства Российской Федерации.

В Федеральном законе подробно регламентируются вопросы досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта РФ. В нем предусмотрены: его отставка по собственному желанию, а также в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта РФ; признание его судом недееспособным или ограниченно дееспособным, безвестно отсутствующим или объявление умершим; вступление в отношении его в законную силу об-

винительного приговора суда; его выезд за пределы России на постоянное место жительства и утрата им гражданства Российской Федерации, его отзыв избирателями субъекта Российской Федерации.

Решение законодательного органа государственной власти субъекта о недоверии высшему должностному лицу субъекта РФ, принятое не менее чем двумя третями голосов от установленного числа депутатов, влечет за собой немедленную отставку его и возглавляемого им высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Основными причинами выражения недоверия высшему должностному лицу являются издание им актов, противоречащих Конституции РФ, федеральным законам, конституции (уставу) и законам субъекта РФ, и неустранение указанных противоречий, установленных соответствующим судом, в течение месяца со дня вступления в силу судебного решения, а также иные грубые нарушения Конституции РФ, федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, конституции (устава) и законов субъекта РФ, повлекшие за собой массовое нарушение прав и свобод граждан.

Высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ является постоянно действующим, обеспечивающим исполнение Конституции РФ, федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ, конституции (устава), законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации. Наименование высшего исполнительного органа субъекта, его структура, порядок его формирования устанавливаются конституцией (уставом) и законами субъекта РФ с учетом исторических, национальных и иных традиций народов субъекта Российской Федерации.

Неурегулированность, самостоятельное установление каждым субъектом РФ объема полномочий своего высшего исполнительного органа приводят до сих пор к разнобою в проявлении их самостоятельности. Теперь Федеральным законом в соответствии с принципом разделения государственной власти четко определяются основные полномочия высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ. Он разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению комплексного социально-экономического

развития субъекта, участвует в проведении единой государственной политики в области финансов, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения и экологии.

Высший исполнительный орган субъекта РФ осуществляет в пределах своих полномочий меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, по охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью. К его основным полномочиям относятся разработка проекта бюджета, проектов программ социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и представление их в законодательный орган субъекта РФ, а также отчетов об исполнении бюджета и о выполнении указанных программ. Все эти документы и материалы должны представляться в законодательный орган руководителем высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом высшему исполнительному органу субъекта РФ предоставлено право управлять и распоряжаться собственностью субъекта в соответствии с его законами, а также федеральной собственностью, переданной в управление субъекту РФ, в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. Как видим, для реализации этих полномочий необходимы как законы субъекта РФ, так и федеральные законы.

Высший исполнительный орган субъекта правомочен формировать иные органы исполнительной власти субъекта РФ, а также заключать в соответствии с федеральным законом договоры с федеральными органами исполнительной власти о разграничении предметов ведения и полномочий, соглашения о взаимной передаче осуществления части своих полномочий.

Несмотря на самостоятельность, независимость органов местного самоуправления, высший исполнительный орган субъекта РФ вправе обратиться в суд или предложить привести в соответствие, если допущены противоречия Конституции РФ, федеральному законодательству, конституции (уставу), законодательству субъекта РФ, с законодательством Федерации и субъекта РФ изданные ими правовые акты.

Законодатель установил, что этот объем полномочий высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ не является исчерпывающим. В нем предусматривается возможность осуществления иных полномочий, установленных федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта РФ, а также соглашениями с федеральными органами исполнительной власти.

Федеральный закон устанавливает, что на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, конституции (устава) и законов субъекта РФ высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа) издает указы (постановления) и распоряжения, которые обязательны к исполнению в субъекте Федерации. Однако в Законе не указано, кто же обеспечивает исполнение этих указов (постановлений) и распоряжений. Видимо, следует предполагать, что они сами должны обеспечивать их исполнение.

Федеральный закон, указывая, что нормативные правовые акты высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа), высшего исполнительного органа субъекта РФ не должны противоречить Конституции РФ, федеральным законам, указам Президента РФ, постановлениям Правительства РФ, конституции (устава) и законам субъекта РФ, не дает полного прямого ответа на вопрос, что делать и какие меры будут приняты в случае нарушения указанного положения. Здесь, видимо, можно руководствоваться в какой-то степени аналогичными положениями ст. 29 настоящего Закона (в случае противоречия не только Конституции РФ, федеральным законам, но и международным обязательствам, нарушения прав и свобод человека и гражданина).

Таким образом, в случае противоречия актов высшего должностного лица субъекта (руководителя высшего исполнительного органа), высшего исполнительного органа субъекта Федерации Конституции РФ, федеральным законам, указам Президента РФ, постановлениям Правительства РФ, конституции (устава), законам субъекта РФ до решения этого вопроса соответствующим судом и принятия постановления законодательным органом субъекта о недоверии ему, Президенту РФ, в соответствии с Конституцией РФ

(статья 85) следует также приостановить действие этих актов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Кроме того, статья 29 настоящего Закона предоставляет высшему должностному лицу (руководителю высшего исполнительного органа), органу исполнительной власти субъекта РФ возможность самим отменить акт, действие которого приостановлено Президентом Российской Федерации.

Механизм разделения власти ведет к созданию на федеральном и региональном уровнях сильной системы властных структур – исполнительной и законодательной. В этих условиях важно установить правильные, принципиальные их взаимоотношения, сохранить баланс властей, с тем чтобы обеспечить устойчивость демократического общества и государственной системы, эффективность деятельности обеих ветвей власти. Поэтому Федеральный закон значительное место отводит проблеме взаимоотношений законодательного, высшего должностного лица, высшего исполнительного органа субъекта РФ.

В соответствии с конституционным принципом разделения государственной власти законодательный орган и высший исполнительный орган субъекта РФ осуществляют свои полномочия самостоятельно, взаимодействуют в установленных законом формах в целях эффективного управления процессами экономического и социального развития субъекта РФ и в интересах его населения.

Высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа) вправе обратиться в законодательный орган субъекта с предложением о внесении изменений, дополнений в постановления законодательного органа либо об их отмене, а также вправе обжаловать указанные постановления в судебном порядке. Такими же полномочиями наделяется законодательный орган по отношению к правовым актам высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа), органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В Федеральном законе устанавливается, что законодательный орган субъекта РФ должен направлять высшему должностному лицу субъекта РФ (руководителю высшего исполнительного органа) планы законопроектной работы и проекты законов субъекта. Все органы исполнительной власти субъекта РФ, по нашему мнению, должны активно

участвовать в формировании планов законопроектной работы и в подготовке проектов законов субъекта РФ. Кроме того, в этом Законе следовало бы предусмотреть на стадии подготовки законопроектов согласительные процедуры, создание обеими ветвями власти согласительных комиссий, а не ждать, когда возникнут разногласия (споры) и начнут разрешать их в судебном порядке.

Не совсем понятно, почему руководителям (уполномоченным) органов исполнительной власти субъектов предоставляется право участия с совещательным голосом в заседаниях законодательного органа. Депутатам, представителям законодательного органа не предоставлено такое право при участии в работе органов исполнительной власти субъекта РФ. Это упущение в Федеральном законе следует восполнить в законе субъекта Российской Федерации.

Федеральный закон предусматривает, что законодательный орган может принимать участие в формировании высшего исполнительного органа субъекта РФ, в утверждении или согласовании назначения на должность отдельных его должностных лиц, а также в согласовании назначения на должность руководителей территориальных, федеральных органов исполнительной власти (если установлено федеральным законом). Эти формы участия законодательного органа субъекта, конечно, нуждаются в серьезной проработке и принятии ряда законов субъекта РФ, от которых будет зависеть эффективность реализации предоставленного Законом права о выражении недоверия руководителям органов исполнительной власти субъекта, в назначении которых на должность он принимал участие. В нем должны быть определены последствия принятия решения о недоверии указанным руководителям, вплоть до немедленного освобождения их от должности.

В главе 5 настоящего Закона, регламентирующей вопросы обеспечения законности в деятельности органов государственной власти субъекта РФ, воспроизведены из Федерального конституционного закона о Прокуратуре РФ полномочия прокуратуры по надзору за исполнением законов, даже определяются действия прокуратуры по опротестованию противоречащих закону правовых актов субъектов РФ. Между тем все это положение отражено в Федеральном конституционном законе “О Прокуратуре Российской

Федерации" (17 января 1992 г. с дополнениями и изменениями от 17 ноября 1995 г. и 10 февраля 1999 г.). Так стоило ли переписывать это положение из Федерального конституционного закона, так же как и п. 2 ст. 85 Конституции РФ, тогда как Прокуратура РФ обязана осуществлять надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории России.

В этой же главе 5 имеется вообще декларативная статья 28, гласящая, что должностные лица органов исполнительной власти субъекта РФ несут ответственность, предусмотренную федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации. А за что и за какие нарушения несут ответственность? Ответа нет. Видимо, следует догадываться, поскольку в предыдущих статьях неоднократно упоминается о том, что законодательный орган, высшее должностное лицо, органы исполнительной власти субъекта РФ при осуществлении своих полномочий обеспечивают соблюдение Конституции и законов Российской Федерации.

При некоторой, на наш взгляд, недоработанности, декларативности отдельных статей, повторов и воспроизведении отдельных конституционных положений, положений федеральных конституционных законов все же Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" упорядочивает вопросы организации и деятельности органов государственной власти субъектов РФ, а также вопросы их правотворчества, в какой-то степени решает сложную и важную проблему взаимоотношений между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, между законодательной и исполнительной властями субъекта. Значение настоящего Закона не только в вышеназванных фактах, но и в обеспечении сохранения единства федеративного государства, целостности его территории, в соблюдении единого конституционного пространства, развитии принципов федерализма.

Конституция Российской Федерации, закрепив принципы целостности и неприкосновенности территории и суверенитета России, самоуправления народов в Российской Федерации (части 1, 3 статьи 4, часть 3 статьи 5), исключает сецессию, т.е. право выхода какого бы то ни было субъ-

екта из состава Федерации в одностороннем порядке. Но Конституция не исключает возможности расширения, изменения количественного состава субъектов Российской Федерации за счет принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта (часть 2 статьи 65). Но это должно осуществляться в порядке, установленном Федеральным конституционным законом "О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации" (17 декабря 2001 г.). Принятие в Российскую Федерацию нового субъекта должно осуществляться в соответствии не только с Конституцией РФ и настоящим Федеральным конституционным законом, но и с международными (межгосударственными) договорами Российской Федерации.

В настоящем Федеральном конституционном законе установлены основные требования и условия к принятию в Российскую Федерацию и образованию в ее составе нового субъекта, без соблюдения которых процедуры принятия и образования нового субъекта не могут быть признаны легитимными. К этим принципам, сформулированным в данном законе, относятся добровольность, взаимное согласие, соблюдение государственных интересов и принципов федеративного устройства России, прав и свобод человека и гражданина, а также сложившихся исторических, хозяйственных и культурных связей субъектов Федерации, их социально-экономических возможностей. При этом инициатива (предложение) о принятии в Российскую Федерацию должна исходить от иностранного государства.

Принятому в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранному государству предоставляется статус республики, если иное не оговорено в международном (межгосударственном) договоре, а его части, вступающей отдельно, – статус любого вида субъекта Федерации в соответствии с международным договором. В Российской Федерации в соответствии с настоящим законом по инициативе заинтересованных субъектов может быть образован новый субъект в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации.

Рассматриваемый Федеральный конституционный закон устанавливает, что основным документом, регулирующим вопросы принятия в Российскую Федерацию нового

субъекта, является международный договор. По отдельным вопросам, связанным с принятием в состав России в качестве нового субъекта иностранного государства или его части, Российской Федерацией и данным иностранным государством могут быть подписаны специальные протоколы, подлежащие ратификации одновременно с ратификацией международного договора. Международным договором в обязательном порядке должны быть урегулированы вопросы о наименовании и статусе нового субъекта Федерации, о порядке приобретения гражданства Российской Федерации гражданами иностранного государства, о действии законодательства Российской Федерации на территории нового субъекта Федерации, о функционировании органов государственной власти и органов местного самоуправления иностранного государства на территории нового субъекта Российской Федерации.

Законодатель предусматривает, что международным договором может устанавливаться переходный период, в течение которого новый субъект должен быть интегрирован в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, а также в систему органов ее государственной власти. Одновременно с ратификацией международного договора в Государственную думу должен быть внесен проект федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта, содержащий положения, определяющие наименование, статус и границы нового субъекта, а также заключительные и переходные положения, вытекающие из международного договора и протоколов к нему.

В данном законе также подробно регламентируется порядок образования в составе России нового субъекта. Заинтересованные субъекты должны подготовить и внести на имя Президента Российской Федерации обоснованное предложение о необходимости образования в составе Российской Федерации нового субъекта. В нем должны быть отражены предполагаемые наименование, статус и границы нового субъекта, прогноз социально-экономических и иных последствий, связанных с образованием нового субъекта. Кроме того, к этому документу должны быть приложены материалы, содержащие предложения о правопреемстве нового субъекта в отношении собственности заинтересо-

ванных субъектов, в отношениях с федеральными органами государственной власти, другими субъектами, а также о функционировании государственных органов и организаций, действии законов и иных нормативных актов, заинтересованных субъектов на территории нового субъекта, о формировании органов государственной власти нового субъекта. Для нормального функционирования нового субъекта законодатель предусматривает возможность внесения изменений и дополнений в Федеральный закон о федеральном бюджете на текущий год либо предложений к проекту федерального бюджета на следующий год.

Прерогатива решения вопроса об образовании в составе России нового субъекта отведена референдуму заинтересованных субъектов, проводимому ими же в установленные сроки и в соответствии с их законами о референдуме. Вопрос об образовании нового субъекта может быть решен положительно только в том случае, если во всех заинтересованных субъектах получит одобрение на референдуме. Если хотя бы один из заинтересованных субъектов не выразит одобрения на референдуме, то повторные референдумы во всех заинтересованных субъектах можно проводить не ранее чем через год.

В случае получения положительных результатов на референдумах заинтересованных субъектов по вопросу об образовании в составе России нового субъекта должен быть подготовлен проект федерального конституционного закона и внесен Президентом РФ в Государственную думу. В нем должны быть поставлены и урегулированы все те вопросы, которые были изложены в предложениях заинтересованных субъектов об образовании в составе Федерации нового субъекта.

Законодатель, видимо, не случайно предусматривает образование заинтересованными субъектами нового субъекта в составе России. Нынешние субъекты Российской Федерации, образовавшиеся на базе старого административно-территориального деления страны, которое сложилось еще в 1930–1950-е годы, по-прежнему представляют собой старую дробную территорию страны. 89 субъектов РФ, разделенных на шесть видов, различаются не только по размеру территории, количеству населения, но и по основным параметрам и уровню социально-экономического развития, своими потенциальными возможностями.

В результате этого экономическое пространство страны является до сих пор весьма "мозаичным", затрудняющим равномерное развитие рыночных отношений, эффективное использование бюджетных средств, природных ресурсов, порождающим социальную напряженность в регионе. Кроме того, каждая из этих дробных единиц характеризуется "моноцентрической" системой управления, препятствующей принципу разделения государственной власти, эффективному использованию и исполнению федеральных законов, а также нарушающей принципы подбора и расстановки кадров. Действующие в настоящее время региональные ассоциации краев, областей, республик (с неопределившимся статусом, малоэффективными решениями) не оказывают заметного влияния не только на социально-экономическое положение субъектов РФ, но и на развитие хозяйственных связей между ними.

С образованием субъектов РФ управление ими со стороны центра существенно было ослаблено, особенно с переходом к выборной системе их руководителей, значительная часть которых относились к бывшей политической элите с заложенным генетическим кодом конформизма, психологии прежней власти, другие руководители пришедшие к власти в регионах (так называемого демократического направления), относились к лидерам харизматически-авторитарного характера. Трудности местного управления заключались еще и в том, что становление политической системы страны совпало с начальным этапом перехода к рыночным отношениям и проходит до сих пор в условиях нашего российского менталитета правового нигилизма.

В такой обстановке Президент Российской Федерации вынужден был в соответствии с Конституцией РФ ввести институт полномочных представителей Президента РФ в субъектах Федерации, постепенно расширяя их полномочия путем передачи им дополнительных функций по координации деятельности федеральных структур в субъекте Федерации. Однако практика работы полномочных представителей Президента РФ в субъектах Федерации показала, что хотя они являлись должностными лицами администрации Президента РФ, однако не смогли сбалансировать государственное управление, оказать существенное влияние на выполнение федеральных законов на местах, на улучшение

местного управления и совершенствование отношений между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации. Причины такой их "беспомощности" заключались не только в том, что полномочные представители Президента РФ не имели возможности влиять на экономику регионов и распоряжаться финансами, но и в том, что они в некоторых регионах, назначенные по рекомендации глав субъектов Федерации, были недостаточно профессиональны и авторитетны, ограничены и зависимы в своих действиях от этих лиц.

Таковы характерные черты системы государственного управления, российской государственности конца XX в., отражавшие политическое и экономическое развитие страны. В этих условиях новый Президент страны В.В. Путин сразу же (в начале 2000 г.) приступил к реформам политической системы российского общества, совершенствованию федеративных отношений, преследуя основные цели – укрепление российской государственности, построение подлинного федеративного государства, продолжение рыночной реформы. Президент страны начал укрепление федерализма с создания семи федеральных округов на территории Российской Федерации во главе с полномочными представителями Президента РФ. Тем самым, произведя укрупнение структур президентской вертикали на территориях, фактически создав территориальное управление, он приблизил реальную федеральную власть к регионам. Полномочным представителям Президента РФ в округах поставлена задача оказывать содействие эффективному решению вопросов развития округа.

В связи с тем что поставлена основная цель государственной модернизации и в ней начальным этапом выступает совершенствование федеративных отношений, федерализма путем создания федеральных округов, надо предполагать, что федеральный округ станет основой модернизированного государства, т.е. обновленного федеративного Российского государства. В таком случае перспективы развития федерального округа могут пойти по двум основным направлениям. Первое: территориальный федеральный округ, как структура президентской вертикали, формируется и развивается как одно из главных звеньев государствен-

ного аппарата управления в функционировании федеральных связей, связей между центром и субъектами Федерации. Тогда возникает вопрос о возможности бюрократизации и централизации управления на окружном уровне, или как временная мера для достижения тактической цели (как это было в 1928–1934 гг.).

Второе направление: последовательная и поэтапная реализация задачи модернизации государства может пойти по пути создания в федеральных округах органов управления (хозяйственных, отраслевых, инфраструктурных, социально обслуживающих и др.), политической системы управления (окружные органы власти и управления), как это происходило в конце 1920–начале 1930-х годов. Предполагается, что это даст возможность, по мнению реформаторов, решить очень важную социальную проблему – задачу фактического выравнивания возможностей субъектов Федерации в целях обеспечения граждан страны всей полнотой политических и социально-экономических прав. Развитие федерального округа в этом направлении может привести к принципиальному изменению его статуса, статуса субъекта Российской Федерации.

А это, в свою очередь, может вызвать необходимость изменения административно-территориального устройства, системы органов государственной власти страны, привести к установлению единого вида субъекта Российской Федерации, построенного по территориальному принципу.

Начиная с 1990-х годов (принятие "Декларации о государственном суверенитете РСФСР", Федерального договора, изменение названия РСФСР) края, области России получают статус субъектов Федерации, дополнив национально-территориальный принцип федерации территориальным принципом. С принятием Конституции РФ 1993 г. внесены значительные изменения в правовой статус субъектов Российской Федерации. Конституция РФ провозгласила равноправие субъектов Федерации друг с другом и равноправие всех субъектов РФ во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти, юридически ликвидировав деление субъектов Федерации на различные группы по объему полномочий и фактическому различию между ними.

Государственность национальных республик (их экономика, общественно-политическая система формировались в

тесной взаимосвязи с Россией) развивается как федеративное устройство с элементами этнического федерализма. Поэтому независимо от того, как будут развиваться территориальные федеральные округа и каковы перспективы отдельных видов субъектов Российской Федерации, национальные республики, исторически сложившиеся с учетом этнотерриториальных признаков, по моему глубокому убеждению, сохранятся со своим национально-государственным статусом в едином экономическом, политическом, правовом пространстве России. Это обусловлено еще и тем, что в национальной республике, как и в целом в стране, исторически реализуется многонациональная политика, а не интересы только "титульной нации".

Калмыкия, верная этой исторической традиции, законодательно закрепила в Степном Уложении (Конституции), что "Республика Калмыкия всемерно содействует сохранению самобытности и этнической неповторимости, традиций калмыцкого, русского и других народов республики...", способствует "развитию культур русского и других народов, проживающих в Республике Калмыкия, на основе равноправного межнационального, культурного взаимодействия".

По Степному Уложению единственным источником власти и ее носителем выступает весь народ Калмыкии. Это признание народа в качестве носителя всей власти является выражением народного суверенитета, означающего полновластие народа, т.е. обладание народа Калмыкии социально-экономическими, политическими средствами для реального участия в управлении делами общества и республики. Народ Калмыкии осуществляет свою власть как непосредственно (высшим выражением являются референдум и свободные выборы), так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления республики.

Права и свободы человека и гражданина Российской Федерации в Республике Калмыкия и гарантии их реализации одинаковы для всех независимо от национальности, т.е. абсолютно не допускается ущемление каких-либо прав, свобод наций, народов Калмыкии. Соблюдены положения Конституции РФ о единстве гражданства Российской Федерации, системы государственной власти, экономического и правового пространства Российской Федерации, о местном самоуправлении в Российской Федерации.

Степное Уложение Калмыкии, базируясь на принципах конституционного строя России, определяет статус Республики Калмыкия как национальное государство, равноправный субъект Российской Федерации, на территорию которого распространяется суверенитет Российской Федерации, а Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство. Принимая Степное Уложение в соответствии с конституционными принципами, как видно, стремились соблюсти незыблемость основ конституционного строя Российской Федерации. Мы свою задачу видели в том, чтобы Конституция Российской Федерации имела непререкаемый характер, была стабильна, свято соблюдаема. Народ Калмыкии не хочет, чтобы она превратилась в подобие Конституции СССР 1936 г., когда, ею прикрываясь, свершали великое злодеяние в бывшем Советском Союзе.

Конституция Российской Федерации не только провозглашает, но и выступает гарантом соблюдения, реализации прав и свобод человека и гражданина России. Благодаря ей продолжается поэтапная реабилитация необоснованно репрессированных народов, начиная с Декларации Верховного Совета СССР “О признании незаконными и преступными репрессированных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечение их прав” (14 ноября 1989 г.)[7]. Российская Федерация, став правопреемницей бывшего Советского Союза, с первых дней неуклонно проводит политику реабилитации. Одним из первых нормативных правовых актов России, осудившим произвол и беззаконие на государственном уровне по отношению ко многим народам, восстановившим историческую справедливость, отменившим все незаконные акты, принятые в отношении репрессированных народов, явился закон РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”, принятый Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 г.[8]

Закон РСФСР признал репрессированными народы, в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности (к 2001 г. документы о реабилитации выданы 84 446 гражданам Калмыкии, в том числе по национальному признаку – 80 040, по политическому – 2103, по классовому – 2303, а также признаны пострадавшими от политических репрессий 4436 человек) проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопро-

вождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселений. Реабилитация репрессированных народов была: территориальная – признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ. Однако законодатель для решения этой проблемы предоставил право Верховному Совету РСФСР устанавливать переходный период. Верховный Совет РСФСР в том же году объявил мораторий на решение территориальных вопросов сроком на пять лет; политическая – восстановление незаконно упраздненных национально-государственных образований в установленном законом порядке, а также право на свободное национальное развитие народов, не имевших своих национально-государственных образований; материальная – поэтапное возмещение ущерба, причиненного репрессированным народам и отдельным гражданам со стороны государства; социальная – время пребывания репрессированных народов в спецпоселениях засчитывается в стаж в тройном размере, предусматривается увеличение размера пенсий по возрасту; культурная – осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворение культурных потребностей, возращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям.

Законодатель предусматривал, кроме того, возможность принятия отдельных законодательных актов РСФСР по отношению к каждому репрессированному народу. Таким нормативным правовым актом явился указ Президента Российской Федерации "О мерах по реабилитации калмыцкого народа и государственной поддержке его возрождения" от 25 декабря 1993 г., изданный в связи с 50-летием депортации калмыцкого народа. Указ имеет не только правовое, практическое, но и огромное моральное значение. Этот документ, направленный на дальнейшее социально-экономическое, культурное развитие республики, охватывает комплекс мер по окончательной реабилитации калмыцкого народа, материальной компенсации непосредственно репрессированным и их детям, родившимся в спецпоселениях.

В Указе поручалось заинтересованным федеральным министерствам, ведомствам, органам исполнительной власти некоторых субъектов Российской Федерации, в том числе и городов федерального значения, совместно с органами государственной власти Калмыкии обозначить перечень духовных, культурных и культовых ценностей, являющихся достоянием калмыцкого народа и принадлежавших ранее республике, находящихся в музеях, библиотеках и других организациях и учреждениях Российской Федерации и определить правовые, финансовые и материальные условия их передачи Республике Калмыкия.

Глава Российского государства спустя 50 лет, восстанавливая историческую справедливость, принимая меры по устранению последствий незаконной депортации и допущенных нарушений прав калмыцкого народа, официально признал, что по отношению к калмыцкому народу было допущено чудовищное преступление, он подвергся незаконному переселению и политической репрессии по национальному признаку[9]. К сожалению, переживаемые в последние десятилетия Россией экономические трудности не позволили в полной мере реализовать федеральные законы, нормативные правовые акты, особенно в части социального, экономического, культурного, духовного возрождения калмыцкого народа. Поэтому одним из наиболее острых вопросов регулирования национальных отношений остается правовое регулирование процесса реабилитации репрессированных народов. В соответствии с Законом РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" должен быть был принят пакет законодательных актов.

Эта проблема должна разрешаться и при реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 15 июня 1996 г.), основанной на принципах Конституции РФ и общепризнанных нормах международного права. Ее основные цели состоят в обеспечении условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов России, в упрочении общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина и признания его высшей ценностью.

Основные задачи государственной национальной политики: <u>в политической и государственно-правовой сфере</u> –

формирование Федерации, которая отвечала бы современным социально-экономическим и политическим реалиям и историческому опыту России, путем развития и углубления федеративных отношений; в социально-экономической сфере – реализация экономических интересов народов в соответствии с государственной региональной политикой, на основе учета их традиционных форм хозяйствования и опыта трудовой деятельности, а также выравнивание уровней социально-экономического развития субъектов Федерации; в духовной сфере – распространение знаний об истории и культуре народов, населяющих Российскую Федерацию, сохранение исторического наследия и дальнейшее развитие национальной самобытности и традиций взаимодействия народов России, создание в обществе атмосферы уважения к их культурным ценностям, обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития языков всех народов России, использование русского языка как общегосударственного, а также учет взаимосвязи национальных обычаев, традиций и обрядов с религией, поддержка усилий религиозных организаций в миротворческой деятельности; в области внешней политики – содействие процессу реинтеграции на новой основе государств – бывших республик СССР в политической, экономической и духовной сфере.

Государственная национальная политика, придавая приоритетное значение совершенствованию федеративных отношений, определяет своеобразие развития российского федерализма в сочетании территориального и национального начал, выступающего реальным воплощением свободы и демократии в обустройстве народов и территорий страны, приближающего власть и управление к конкретным сообществам на местах, с учетом их специфических особенностей и потребностей.

В Концепции государственной национальной политики новое содержание российского федерализма предполагает также утверждение института культурно-национальной автономии. Но она предполагается в дополнение к системе национально-государственных образований, поскольку реализация прав и свобод граждан, связанных с их национальной принадлежностью, может осуществляться на основе многовариантных форм национально-культурного самоопределения и самоорганизации народов в Российской Федерации с

учетом разрозненного проживания многих народов на ее территории. Одной из таких форм самоопределения, как установила концепция, должна стать национально-культурная автономия, позволяющая гражданам Российской Федерации, принадлежащим к различным национальным общностям, в частности малочисленным, разрозненно расселенным народам, национальным меньшинствам, решать вопросы сохранения и развития своей самобытности, традиций, языка, культуры, образования.

Таким образом, Концепция, закрепив принципы государственной национальной политики, определила ее основные цели и задачи, пути развития новых федеративных отношений, национальных отношений, национально-культурного самоопределения народов России, основные направления программ их развития и межнационального сотрудничества, а также механизмы реализации национальной политики. Концепция создала правовую, идейную, политическую основу деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, политических и общественных организаций в сфере национальных отношений.

Почти одновременно, 17 июля 1996 г., был принят Федеральный Закон "О национально-культурной автономии", утвердивший новую модель правового регулирования национальных отношений. Этот закон позволяет без жесткой привязки каждого народа к определенной территории обеспечить фактическое равноправие лиц, принадлежащих к различным этническим общностям, со всеми другими народами, составляющими их окружение, последовательную реализацию прав и свобод человека, связанных с его национальной принадлежностью.

Принципиально важное значение в развитии национальных отношений, культуры, языков народов России имеют закон РСФСР "О языках народов РСФСР" (25 октября 1991 г.) и Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О языках народов РСФСР"» (27 июля 1998 г.). Языки народов Российской Федерации объявлены национальным достоянием Российского государства и находятся под его защитой. Федеральный закон направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов России, на

формирование правовой базы в целях реализации положений настоящего Закона.

Федеральный закон гарантирует всем народам России равные права на сохранение и всестороннее развитие, использование родного языка, свободу выбора и использование языка общения, а также право на свободный выбор воспитания, обучения и творчества независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания.

Государственным языком Российской Федерации в соответствии с Конституцией РФ на всей ее территории является русский язык, а в республиках может быть придан еще статус государственного языка языку титульной нации. Независимо от этого положения всем субъектам Российской Федерации предоставлено право принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Следует отметить, что действующее законодательство о языках, в том числе и в Республике Калмыкия, отражает в основном государственно-правовой аспект в регулировании языковых отношений. В то же время социокультурная сторона не получила в нем достаточного отражения. Рост национального самосознания между тем сказывается и на отношении к национальному языку, которому необходимо не только обеспечить сферы использования, но и создать условия для его развития и сохранения как части национального культурного наследия. Поэтому общая направленность языковой политики во многом определяется состоянием экономики страны, субъектов Федерации, их возможностью решать проблемы финансирования.

Проблемы языковых отношений, видимо, следует решать в комплексе с региональной программой, направленной на национальное развитие и расширение межнационального сотрудничества народов России. Эта программа будет иметь важное значение, кроме того, в укреплении федерализма, поскольку будут определены экономические основы не только национальных, но и федеративных отношений.

На современном этапе для развития как федеративных, так и национальных отношений необходимо осуществление

мер политического, правового и экономического характера, обеспечивающих государственную поддержку и стимулирование экономической активности регионов, а также выравнивание уровней социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Общеизвестно, какое непростое наследство досталось нынешней Республике Калмыкия: до предела монополизированная государством, специализированная на овцеводстве и ориентированная на вывоз сырья экономика. Поэтому она оказалась в трудных стартовых условиях при переходе к рыночным отношениям, а также в затяжном кризисном состоянии и определившим вообще экономическое и социальное состояние республики в последнее десятилетие.

Калмыкия по-прежнему продолжает оставаться традиционно аграрной республикой. Основным источником ее экономического благосостояния служило и служит животноводство, большей частью овцеводство, а также крупный рогатый скот, коневодство, свиноводство, птицеводство. В отдельных районах занимаются и земледелием. Незначительную долю в экономике республики имеет промышленность, которая представлена маломощными предприятиями пищевой, нефтеперерабатывающей и рыбной.

Ныне агропромышленный комплекс республики находится в затяжном кризисном состоянии. С 1993 г. по 2000 г. овцепоголовье в хозяйствах всех категорий снизилось с 2 833 200 до 634 200 голов, т.е. в 4,47 раза (РФ – 3,67 раза); поголовье крупного рогатого скота – с 327 200 до 121 600 (в 2,7 раза; РФ – 1,9 раза); свиней – с 71 600 до 41 800 голов (в 1,7 раза; РФ – 1,7 раза); лошадей – с 21 400 до 5 300 голов (в 4 раза); птицы – с 847 200 до 762 700 (в 1,1 раза), а в сельскохозяйственных предприятиях птицы уменьшилось с 430 500 до 156 400 (в 2,75 раза; РФ – 1,5 раза)[10].

Уменьшение поголовья скота за эти годы с 3 232 000 до 797 600 голов, т.е. в 4 раза (РФ – 2,6 раза), сокращение посевных площадей с 664 000 до 257 200 га, т.е. в 2,5 раза (посевные площади зерновых культур сократились с 402 800 до 183 000 га, т.е. в 2,25 раза), а также посевных площадей кормовых культур с 240 500 до 39 400 га, т.е. в 6,1 раза (внесение минеральных и органических удобрений под посевы соответственно уменьшилось в 5,3 и 27 раз), повлекли за собой снижение производства сельскохозяйственной продукции.

В эти же годы значительно ослабла материально-техническая база сельского хозяйства (количество тракторов уменьшилось с 7552 до 3218, т.е. в 2,4 раза; грузовых автомобилей – с 4783 до 2550, т.е. в 1,9 раза; зерноуборочных комбайнов – с 1731 до 1015, т.е. в 1,7 раза; кормоуборочных комбайнов – с 531 до 128, т.е. в 4,1 раза; потребление электроэнергии на производственные цели сократилось с 378,8 млн до 143,9 млн квт · ч, т.е. в 2,6 раза. В эти годы не только снижается производство сельскохозяйственной продукции, но и растет ее себестоимость, снижается рентабельность, число убыточных сельскохозяйственных предприятий возросло в 4 раза и ныне составляет 50%. Среднегодовая численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, сократилась с 38,9 тыс. до 17,9 тыс. человек, т.е. в 2,2 раза. Увеличиваются кредиторская (в конце 1999 г. составила 924 млн руб., что значительно превышает сумму стоимости основных производственных фондов сельхозпредприятий) и дебиторская задолженности, взаимных платежей[11].

Валовой сбор зерна сократился с 793,9 тыс. т в 1993 г. (урожайный год) до 215 300 т в 2000 г., т.е. в 3,73 раза (РФ – 1,6 раза); производство мяса (в убойном весе) сократилось с 52,2 тыс. до 7,2 тыс. т, т.е. в 7,2 раза (РФ – 1,3 раза), а в сельскохозяйственных предприятиях – с 18 тыс. до 2,6 тыс. т, т.е. почти в 7 раз, промышленная выработка мяса сократилась в 14 раз (с 17,9 тыс. до 1,3 тыс. т); производство молока уменьшилось со 107,6 тыс. до 29,32 тыс. т, т.е. в 3,7 раза (РФ – 1,5 раза), а в сельскохозяйственных предприятиях – с 21,8 тыс. до 3,1 тыс. т, т.е. в 7 раз; производство яиц – с 66,1 млн до 30,4 млн шт., т.е. в 2,2 раза (РФ – 1,3 раза); производство шерсти – с 14,5 тыс. до 1,45 тыс. т, т.е. в 10 раз[12].

В эти же годы упала продуктивность скота и птицы (надои молока снизились с 1562 до 1286 кг; средняя яйценоскость кур-несушек – со 187 до 182 шт.; настриг шерсти с одной овцы – с 5,2 до 3,5 кг), урожайность зерновых снизилась с 19,7 до 11,8 ц. На продуктивности скота прежде всего сказалась малая обеспеченность кормами. Наличие их в сельскохозяйственных предприятиях Калмыкии в 1999 и 2000 гг. было меньше, чем по стране, в расчете на одну условную голову скота (ц. корм. ед.) соответственно в 1,7 и 1,5 раза[13].

В структуре производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств в эти годы существенных изменений не происходило. Если в 1993 г. доля сельскохозяйственных предприятий составляла 53%, хозяйств населения – 43%, фермерских хозяйств – 4%, то в 1999 г. – соответственно 47,48%, 48,5%, 4,02%, хотя за это время увеличилось количество фермерских хозяйств с 1015 до 1803 (их количество к 2000 г. осталось почти на уровне 1997 г.), а их земельная площадь сократилась с 681,1 тыс. до 613,6 тыс. га.

Таким образом, темпы спада поголовья скота и производства сельскохозяйственной продукции в 1993–2000 гг. в республике заметно выше, чем в целом по стране и в Поволжском регионе. Количественный спад экономики республики сопровождается глубокими качественными ухудшениями (падение урожайности, продуктивности животных и т.д.). Фондообеспеченность сельского хозяйства Калмыкии в 5 раз ниже среднероссийского уровня. Слаба кормовая база животноводства (на одну условную голову было заготовлено 6,9 центнера кормовых единиц, а в РФ – 11,3).

По объему производства промышленность республики находится на последнем месте среди регионов Поволжского экономического района, и тенденций к улучшению длительное время не наблюдается (если даже сравнить 1999 г. с 1998 г., то объем промышленного производства сократился на 17,2%, а по РФ увеличился на 7,8%, в соседних субъектах РФ прирост составил от 12,6 до 26,1%). С 1993 г. к концу 2000 г. добыча нефти в республике сократилась с 425,3 тыс. до 199,3 тыс. т (в 2,13 раза); газа природного – со 162,5 млн до 59,7 млн куб. м (в 2,7 раза)[14].

Промышленность строительных материалов фактически находится в депрессивном состоянии (хотя в годы подготовки и проведения шахматной олимпиады несколько оживилась). В последние два года (1999–2000) наблюдается рост промышленного производства и в легкой и в пищевой промышленности. Однако в то же время производство муки уменьшилось в 2 раза, комбикормов – в 1,3. Имеющиеся крупные современные предприятия по переработке шерсти и кожи в настоящее время из-за отсутствия сырья простаивают. Удельный вес убыточных предприятий и организаций по основным отраслям экономики к 1999 г. увеличился по сравнению с 1993 г. с 20,4 до 63,1%, т.е. в 3 раза

(в промышленности – с 19,1 до 72,2%; в сельском хозяйстве – с 11,5 до 57,5%; в строительстве – с 4,4 до 78,4%; в торговле и общественном питании – с 38,8 до 68%; на транспорте – с 20 до 42,5%, и т.д.).

В связи с трудным положением в экономике за эти годы фактически общая безработица увеличилась с 5,1 до 23,1%, т.е. в 4,5 раза (РФ – 11,7%), зарегистрированная безработица в 2000 г. составила 2,8% (РФ – 1,7%)[15].

Денежные доходы (в среднем на душу населения) в 2000 г. по сравнению с 1999 г. заметно увеличились и составили 1295,24 руб. (РФ – 1720 руб.). В республике прожиточный минимум в расчете на душу населения в 2000 г. составил 772,3 руб. (РФ – 903 руб.). Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2000 г. составила в среднем за месяц 164 573 человека, или 52,4% (РФ в 1999 г. – 34,1%)[16].

Численность населения республики с 1993 г. к концу 2000 г. уменьшилась с 321,7 тыс. человек до 315,7 тыс. (в пределах 2%), и сальдо миграции населения ежегодно в среднем равняется минус 1600–1700 человек. За эти годы в республике несколько ухудшилась демографическая ситуация. Число родившихся на 1 тыс. человек населения к 2000 г. по сравнению с 1993 г. снизилось с 15,7 до 11,1, а умерших возросло с 9,9 до 11, естественный прирост снизился с 5,8 до 0,1.

Жилищное строительство все эти годы велось на уровне 1992–1993 гг. (62,4–50 тыс. кв. м), за исключением 2000 г., когда было введено в строй 36,7 тыс. кв. м жилья. Но жилищное строительство большей частью велось населением. Если в 1992 г. удельный вес жилых домов в общем вводе за счет населения составлял 18,4%, то в 1999 г. уже 58,7%. Следующая особенность заключается в том, что жилые дома в основном строились в городах и поселках городского типа. Если в 1992–1993 гг. строительство жилья на селе преобладало (63,7%–53,3%), то в 1999 г. в городах и поселках городского типа уже было построено 93,5%, а в сельской местности – всего 6,5% (в основном самим населением)[17].

В условиях рыночных отношений, естественно, сократилось финансирование на развитие экономики республики. Если в 1993 г. расходы на развитие народного хозяйства республики были равны 40,1% общей суммы бюджетных

расходов, то в 2000 г. в структуре расходов консолидированного бюджета расходы на содержание отдельных отраслей и объектов экономики составили всего 20,2%. Но в то же время значительно увеличиваются расходы на содержание органов государственной власти и управления республики. В 1994 г. доля расходов бюджетных средств на содержание органов государственной власти и управления составила 4,1%, а в 2000 г. расходы на эти цели увеличились более чем вдвое и достигли 9,4%[18].

Баллотируясь и вступая в апреле 1993 г. в должность, Президент РК ставил цель сократить и усовершенствовать аппарат управления республики. В первый же день работы, 23 апреля, он подписал Указ об упразднении министерств и государственных комитетов республики. Согласно этому документу были упразднены 8 министерств и 12 госкомитетов. Из 10 министерств были оставлены 2 (сельского хозяйства; внутренних дел) и образованы новые министерства (промышленности; экономики и финансов; социальной политики). Вскоре полномочия Министерства промышленности были переданы Государственной промышленно-финансовой инвестиционной корпорации "Калмыкия". За счет упразднений, реорганизации министерств и ведомств количество работников государственного аппарата управления республики тогда сократилось на одну треть.

Степное Уложение (Конституция) 1994 г., определяя систему органов государственной власти республики, не предусматривало образование Правительства республики, поскольку все его функции и полномочия были возложены на Президента РК – главу исполнительной власти республики, входящей в единую систему исполнительной власти Российской Федерации, и на аппарат его управления – администрацию. Однако в связи со значительным объемом работы Президента (федерального уровня – член Совета Федерации, международного – Президент Всемирной шахматной федерации) было принято решение образовать исполнительно-распорядительный орган при Президенте республики. При этом ставилась цель не увеличивать аппарат управления и расходы на его содержание, не усложнять структуру исполнительной власти республики. В то же время этот орган должен был сосредоточить в своих руках оперативное управление и контроль за

социально-экономическим и культурным строительством, за проводимой в республике реформой.

В соответствии с Законом республики о Правительстве Республики Калмыкия, принятым 6 июня 1994 г., Президент как глава республики и исполнительной власти вправе образовать правительство и возглавить его либо назначить председателя правительства по согласованию с Народным Хуралом (Парламентом) республики. Президент РК в соответствии с данным Законом в тот же день, 6 июня 1994 г., сформировал первое правительство пореформенного периода в составе 11 человек во главе с вице-президентом Республики Калмыкия.

Подготовку вопросов для рассмотрения на заседаниях Правительства республики первоначально организовывал и осуществлял аппарат администрации Президента, который обеспечивал контроль и систематическую проверку исполнения постановлений и распоряжений Правительства республики. В последующие годы, с постепенным расширением состава Правительства, эти функции были возложены на его собственный аппарат – управление делами. В 1995 г. правительство состояло уже из 19 членов, в том числе председатель, 2 первых заместителя и 3 заместителя председателя, 12 министров и председатель Национального банка.

В настоящее время, к концу 2001 г., состав Правительства Республики Калмыкия сформирован в количестве 26 человек, в том числе председатель, 2 первых заместителя, 4 заместителя председателя, 19 министров, председатель Государственного земельного комитета, военный комиссар республики.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (часть 2 статьи 77) и Федеральным законом от 6 октября 1999 г. "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" (пункт 3 статьи 17) правительство Республики Калмыкия входит в единую систему исполнительной власти Российской Федерации. Но эта единая система исполнительной власти страны строится в пределах сферы общественных отношений, регулирование которых отнесено Конституцией Российской Федерации и к компетенции Федерации, и к компетенции ее субъектов (т.е. в пределах компетенции

Российской Федерации и в пределах совместной компетенции), а также на принципах разделения государственной власти, но не на принципах демократического централизма.

Это на практике означает, что Правительство Российской Федерации, возглавляя систему исполнительной власти Федерации, вправе координировать деятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; рассматривать их предложения, в том числе и предложения по проектам своих решений по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, осуществлять контроль за их деятельностью в части вопросов, отнесенных к компетенции Российской Федерации. Оно может только вносить предложения Президенту Российской Федерации о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам, международным обязательствам страны или нарушения прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации, а также инициировать отмену подобных актов в судебном порядке.

В связи с тем что ни Степное Уложение, ни Федеральный Закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" не ограничивают полномочия главы субъекта Федерации (в данном случае и Калмыкии) конкретным исчерпывающим перечнем, Президент РК передает часть своих полномочий (за исключением полномочий прерогативного характера) Правительству РК и определяет его полномочия специальным нормативным правовым актом.

В силу особого статуса Правительства республики, как исполнительного и распорядительного органа при Президенте РК, в Степном Уложении не установлена его компетенция даже в общей форме. Предметная компетенция Правительства республики, вытекающая из вопросов ведения республики (субъекта) и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ), устанавливается в Законе Республики Калмыкия о правительстве от 1 ноября 1998 г. с принятыми дополнениями и изменениями в феврале, апреле и декабре 2000 г.

Ныне исполнительная власть республики представлена не только правительством, министерствами, государственными комитетами, управлениями, департаментами, но и структурой президентской вертикали на территории Калмыкии. В системе исполнительных органов республики довольно расширенную структуру представляет администрация Президента РК, в которую фактически входят представители Президента РК в городе Элисте, Сити Чесс, в 13 районах республики со своими штатами. Кроме того, в систему исполнительных органов входит институт представителей республики при федеральных органах исполнительной власти. К ним относятся Постоянное Представительство РК при Президенте РФ в Москве, Постоянное Представительство РК при Правительстве РФ в Москве, Постоянное Представительство РК при Полномочном представителе Президента РФ в Южном федеральном округе.

В соответствии с Конституцией РФ республика представлена в Парламенте Российской Федерации – обеих палатах Федерального Собрания, являющегося представительным и законодательным органом Российской Федерации. В 1993 г. депутатом Государственной думы от Калмыкии был избран Б.В. Хулхачиев, работавший председателем Элистинского городского народного суда, а депутатами Совета Федерации – К.Н. Илюмжинов, А.В. Головатов, занимавший должность председателя Госкомимущества республики.

При очередных выборах в 1995 г. депутата от Калмыкии в Государственную думу избиратели отдали предпочтение кандидатуре Г.В. Кулика. Мотивы избрания Г.В. Кулика, жителя города Москвы, бывшего крупного федерального чиновника, от Республики Калмыкия в Государственную думу второго созыва (или шестого созыва) были просты (конечно, определенную роль сыграл и административный ресурс). Здесь избиратели республики на фоне баллотировавшихся кандидатов действовали большей частью по принципу "нет пророка в своем отечестве", а также по привычке надеялись на императивность депутатского мандата (хотя уже действовала система свободного мандата), зная его "московские связи". В 1999 г. депутатом Государственной думы третьего созыва от Калмыкии была избрана А.М. Буратаева, работавшая диктором одной из программ Центрального телевидения.

Согласно Конституции Российской Федерации (часть 2 статьи 95) и Федеральному Закону "О порядке формирования Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации" от 5 декабря 1995 г. в Совете Федерации от Калмыкии были представлены глава исполнительной власти Президент РК К.Н. Илюмжинов и председатель Народного Хурала (Парламента) РК К.Н. Максимов.

Республика Калмыкия как субъект Российской Федерации в силу статьи 77 Конституции РФ самостоятельно устанавливает систему собственных органов государственной власти. Но при этом с обязательным соблюдением основ конституционного строя Российской Федерации и общих принципов организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации, установленных Федеральным Законом от 6 октября 1999 г. В соответствии с принципом разделения государственной власти в Калмыкии в апреле 1993 г. был сформирован временный законодательный (представительный) орган государственной власти в составе 25 депутатов.

После принятия Степного Уложения (Конституции) и создания соответствующей правовой базы в октябре 1994 г. в Калмыкии был сформирован путем всеобщих прямых и равных выборов при тайном голосовании, на альтернативной основе постоянно действующий законодательный орган – Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия. Он состоит из 27 депутатов, избранных по территориальным избирательным округам сроком на пять лет (первоначально был установлен четырехлетний срок полномочий депутатов).

Все депутаты Народного Хурала (Парламента) РК, за исключением председателя и его заместителя, совмещают мандат с выполнением основной работы, т.е. депутатский мандат не связан с профессиональной деятельностью. Сочетание основной работы с депутатской деятельностью имеет свои плюсы и минусы. Положительным является то, что достигается экономия бюджетных средств, поскольку депутаты не получают заработную плату, не предусматриваются и не оплачиваются транспортные расходы и т.д. Но минусы более значимы, чем финансовые плюсы. В связи с тем что депутаты парламента РК работают только в период заседаний комиссий, собираемых накануне сессии, и непосредст-

венно в процессе сессии парламента республики, основную подготовку законопроектов выполняет аппарат парламента. В силу такого положения депутаты практически отстранены от активного законотворческого процесса и подключаются к нему только на завершающем этапе. Такая практика депутатской деятельности в законодательном органе не позволяет им приобрести достаточный опыт нормотворческой практики. Кроме того, качество республиканского законодательства зависит уже не от депутатов, а от профессионализма, грамотности юристов аппарата парламента, которые не совсем свободны от влияния внешних факторов. В такой практике законотворчества аппарат законодательного органа активно влияет на законотворческую работу депутатов. Поэтому постоянные комиссии (комитеты) должны возглавлять депутаты, работающие на профессиональной основе.

Одной из трех основных ветвей государственной власти, закрепленных в главе I Конституции РФ, является судебная власть. Она получила регулирование в главе VII Конституции РФ, в Федеральном конституционном законе "О Конституционном суде Российской Федерации" от 21 июля 1994 г., Федеральном конституционном законе "Об арбитражных судах в Российской Федерации" от 28 апреля 1995 г., Федеральном конституционном законе "О судебной системе Российской Федерации" от 31 декабря 1996 г., Федеральном конституционном законе "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" от 15 декабря 2001 г. и в других федеральных законах. В судебную систему страны входят федеральные суды и суды субъектов Российской Федерации.

К федеральным судам общей юрисдикции, действующим на территории республики, относятся Верховный суд Республики Калмыкия, Элистинский городской и районные суды. Непосредственно вышестоящей судебной инстанцией по отношению к Верховному суду РК выступает Верховный Суд РФ. А по отношению к городскому, районным судам республики вышестоящей судебной инстанцией является Верховный суд Республики Калмыкия.

К судам субъектов Российской Федерации отнесены конституционные (уставные) суды субъектов РФ, мировые

судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов РФ. На основании Закона РК "О мировых судьях в Республике Калмыкия" от 27 октября 1999 г., принятого в соответствии с Федеральным Законом "О мировых судьях в Российской Федерации" от 17 декабря 1998 г., в республике учреждены должности мировых судей и образовано 14 судебных участков. Деятельность мировых судей республики, кроме расходов на заработную плату и социальные выплаты, предусмотренные для них федеральными законами, финансируется еще за счет средств республиканского бюджета через Управление судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Республике Калмыкия.

В соответствии с Законом РК "О мировых судьях в Республике Калмыкия" (ст. 7) мировые судьи в республике назначаются на должность Народным Хуралом (Парламентом) РК по представлению Президента РК, согласованному с председателем Верховного суда РК и основанному на положительном заключении квалификационной коллегии судей Республики Калмыкия. Мировой судья республики впервые назначается на должность сроком на три года, а при повторном и последующих назначениях – на пять лет.

К федеральным арбитражным судам, действующим с 1995 г. на территории Калмыкии, относится арбитражный суд Республики Калмыкия. Вышестоящей судебной инстанцией по отношению к арбитражному суду РК является федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа (центр – город Краснодар).

Возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с Конституцией РФ и федеральным законодательством самым непосредственным образом связана с порядком финансирования судов (производится только из федерального бюджета и отдельной строкой) и порядком назначения судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Правовое положение судей, их права и обязанности, порядок назначения и смещения регулируются Конституцией РФ, Законом РФ "О статусе судей в Российской Федерации" от 26 июня 1992 г. (с изменениями и дополнениями), Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации", Федеральным конституционным законом «О внесении дополнений и

изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации”» от 15 декабря 2001 г., Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”» от 15 декабря 2001 г.

Судьи, в том числе председатели, заместители председателей, Верховного суда и арбитражного суда Республики Калмыкия, а также судьи, в том числе председатели и заместители председателей, городского и районных судов республики назначаются на должность Президентом РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ, основанному на заключении соответственно квалификационной коллегии Верховного суда и квалификационной коллегии арбитражного суда РК. Если прежним федеральным законодательством при назначении судей, в том числе председателей, заместителей председателей, указанных судов требовалось еще “согласие” законодательного (представительного) органа соответствующего субъекта РФ, то Федеральным конституционным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”» теперь не предусматривается при назначении судей, в том числе председателей, заместителей председателей, указанных судов учет мнения законодательного (представительного) органа соответствующего субъекта Федерации, т.е. это положение исключено.

Председатели, заместители председателей Верховного суда, арбитражного суда, Элистинского городского и районных судов назначаются на должность Президентом РФ сроком на шесть лет. Одно и то же лицо может быть назначено на должность председателя (заместителя председателя) одного и того же суда неоднократно, но не более двух раз подряд. Судьи Верховного суда, арбитражного суда, Элистинского городского и районных судов республики в первый раз назначаются на должность сроком на три года, по истечении которых они могут быть назначены на ту же должность без ограничения срока полномочий до достижения предельного возраста пребывания в должности судьи – 65 лет.

Конституция РФ учреждает Конституционный Суд РФ как федеральный суд в единственном числе и не предусматривает федеральную систему органов конституционной

юстиции. Поэтому Конституция РФ не наделяет Конституционный Суд РФ в отличие от Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ эпитетом "высший". Но тем не менее в Федеральных конституционных законах "О судебной системе Российской Федерации" и «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации"» предусматривается возможность создания органа конституционного контроля в субъектах РФ, т.е. дающая право, но не являющаяся обязанностью субъекта РФ. Такие органы конституционного контроля существуют в некоторых субъектах РФ – Башкортостане, Бурятии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карелии, Коми, Северной Осетии (Алании), Татарстане, Тыве, Адыгее, Марий Эл, Саха (Якутии), Воронежской, Свердловской, Тюменской и других областях. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ создаются в соответствии с их конституциями (уставами) и законодательством.

В Республике Калмыкия отсутствует орган конституционной юстиции. Однако на данном этапе возникает необходимость в таком органе в субъектах Федерации. В связи с разрешением важной проблемы укрепления федерализма – обеспечения единого конституционного пространства наступает следующий этап в становлении правового государства. В субъектах РФ особое значение приобретает необходимость обеспечения соответствия законов субъектов РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления конституции (уставу) субъекта РФ, а также толкования конституции (устава) субъекта РФ, разрешения вопросов по жалобам о нарушении конституционных прав и свобод граждан и др.

В целом конституционные (уставные) суды субъектов РФ имеют перспективы для развития. Но в целях эффективной их деятельности следует принять рамочный федеральный закон о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, введя их в единую федеральную судебную систему страны.

В соответствии с Конституцией РФ (статья 129) и Федеральным Законом "О Прокуратуре Российской Федерации" (в редакции от 17 ноября 1995 г. и с дополнениями, изменениями) Прокуратура Российской Федерации представляет

собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Она призвана обеспечивать верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемые законом интересы общества и государства.

В систему Прокуратуры Российской Федерации входят и прокуратуры субъектов РФ, в том числе и Республики Калмыкия. Прокурор РК назначается на должность сроком на пять лет Генеральным прокурором РФ по согласованию с главой исполнительного органа государственной власти республики – Президентом РК. Прокурор республики подчинен и подотчетен Генеральному прокурору РФ и освобождается им от занимаемой должности. Прокуроры города Элисты, районов республики назначаются на должность сроком на пять лет и освобождаются от должности Генеральным прокурором РФ. Они подчинены и подотчетны прокурору республики и Генеральному прокурору РФ.

Прокуратура республики осуществляет надзор за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина Народным Хуралом (Парламентом), Президентом, Правительством РК, республиканскими министерствами и ведомствами, органами местного самоуправления, федеральными ведомствами и службами, находящимися на территории республики, органами контроля, их должностными лицами, а также надзор за соответствием издаваемых ими правовых актов. Прокурорский надзор распространяется на органы управления и на руководителей коммерческих и некоммерческих организаций, а также на органы и учреждения, исполняющие наказание и применяющие назначаемые судом меры принудительного характера, на администрации мест содержания задержанных и заключенных под стражу и на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Прокуроры республики, города, районов осуществляют уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, координацию деятельности

правоохранительных органов республики по борьбе с преступностью.

Прокуроры республики в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации участвуют в рассмотрении дел судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов. Кроме того, прокуратура республики принимает участие в правотворческой деятельности (в предварительном обсуждении законопроектов на заседании комиссий, рабочих групп, в даче заключений на законопроекты, в обсуждениях на заседаниях парламента и т.д.).

Органы прокуратуры республики осуществляют полномочия независимо от федеральных ведомств и служб, от органов государственной власти, органов местного самоуправления республики, общественных объединений и в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами. Федеральный закон "О Прокуратуре Российской Федерации" запрещает вмешательство кого бы то ни было в осуществление прокурорской деятельности.

В Республике Калмыкия, как и в других субъектах РФ, существуют органы государственной власти, которые не входят ни в одну из трех ветвей власти. В то же время эти органы создаются и действуют в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, Степным Уложением (Конституцией) и законами республики. По своему статусу они являются, как отмечает известный ученый-юрист М.В. Баглай, независимыми органами государственной власти с особым статусом[19]. К числу таких органов в Российской Федерации относятся: Центральная избирательная комиссия РФ, избирательные комиссии субъектов РФ, окружные избирательные комиссии, территориальные избирательные комиссии, участковые избирательные комиссии.

Избирательная комиссия Республики Калмыкия, создаваемая в соответствии со ст. 23 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 19 сентября 1997 г. и Законом РК "Об Избирательной комиссии Республики Калмыкия" от 31 июля 1998 г.[20] Народным Хуралом (Парламентом) и Президентом РК, является государственным органом республики. Она формируется открыто

и гласно сроком на пять лет на основе предложений избирательных объединений, избирательных блоков, общественных объединений, выборных органов местного самоуправления, Избирательной комиссии РК предыдущего действия в составе 14 членов с правом решающего голоса. При этом государственные служащие не составляют более одной трети от общего числа Избирательной комиссии РК.

Члены Избирательной комиссии РК на первом заседании выбирают из своего состава тайным голосованием председателя, заместителя председателя, секретаря. Избирательная комиссия РК является юридическим лицом и действует на постоянной основе.

Избирательная комиссия РК при проведении выборов, референдумов федерального уровня действует под руководством Центральной избирательной комиссии РФ. А Избирательная комиссия РК, в свою очередь, при проведении выборов, референдумов федерального и республиканского уровня выступает вышестоящей комиссией по отношению к избирательным комиссиям, комиссиям референдума, сформированным на территории республики. При проведении референдума Российской Федерации, референдума республики Избирательная комиссии РК действует в качестве комиссий референдума.

Избирательная комиссия РК в пределах своей компетенции обеспечивает на территории республики реализацию и защиту избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, постоянно или преимущественно проживающих на территории Калмыкии и обладающих избирательными правами. Она активно участвует на всех стадиях избирательного процесса выборов и референдумов федерального и республиканского значения. В случаях, предусмотренных федеральными законами, законами республики, Избирательная комиссия РК вправе назначать и проводить выборы в органы государственной власти Калмыкии.

Избирательная комиссия РК осуществляет контроль за соблюдением законности при подготовке и проведении выборов всех уровней, обеспечивает единообразие применения соответствующих законов на территории республики. По вопросам, связанным с подготовкой и проведением выборов, референдумов, Избирательная комиссия РК вправе

заслушивать информацию органов исполнительной власти, органов местного самоуправления республики и принимать по ним решения, обязательные к исполнению не только органами исполнительной власти, государственными учреждениями, органами местного самоуправления республики, но и кандидатами, зарегистрированными кандидатами, избирательными объединениями, избирательными блоками, общественными объединениями, организациями, должностными лицами, избирателями.

Избирательная комиссия РК вправе обращаться с представлением о проведении соответствующей проверки и пресечении нарушений федеральных конституционных законов, федеральных законов, законов республики, уставов муниципальных образований в части, регулирующей подготовку и проведение выборов, референдума, в правоохранительные органы, которые обязаны в установленные законом сроки немедленно принять действенные меры. Государственные органы, органы местного самоуправления, учреждения, организации, предприятия с государственным участием, а также их должностные лица обязаны оказывать избирательным комиссиям на территории республики содействие в реализации их полномочий. Избирательная комиссия РК в пределах своей компетенции независима от органов государственной власти и от органов местного самоуправления республики.

В соответствии с Конституцией РФ (часть 1 статьи 17) и Степным Уложением РК (статья 2) в Республике Калмыкия признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. В целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами в республике с 1997 г. учрежден и действует институт несудебной государственной правозащиты граждан. В 1997 г. в республике была организована Комиссия по правам человека при Президенте РК, а в 2001 г. в соответствии с Законом РК "Об Уполномоченном по правам человека в Республике Калмыкия" сформирован независимый институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмен), права, задачи, компетенция и полномочия которого опреде-

лены в соответствии с Федеральным конституционным законом "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" от 26 февраля 1997 г.

Этот Федеральный конституционный закон, учитывая мировую практику института несудебной государственной правозащиты граждан, отнес институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации к самостоятельным органам государственной власти, который не является в то же время ни законодательным, ни исполнительным, ни судебным органом государственной власти. Но он независим и неподотчетен каким-либо государственным органам, органам местного самоуправления и должностным лицам.

Основная задача Уполномоченного состоит в том, чтобы способствовать восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина, правовому просвещению населения, совершенствованию законодательства республики о правах человека и приведению его в соответствие с международными стандартами, развитию международного сотрудничества в области прав человека. Уполномоченный рассматривает жалобы и заявления граждан Российской Федерации на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих, если ранее заявитель обжаловал эти решения или действия (бездействие) в судебном либо административном порядке, но не согласен с решениями, принятыми по его жалобе.

Уполномоченный при проведении проверки жалобы или заявления вправе беспрепятственно посещать органы государственной власти, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения, организации независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, воинские части, общественные объединения, находящиеся на территории республики, а также запрашивать и получать от них необходимые сведения, документы и материалы, объяснения. По результатам рассмотрения жалобы или заявления Уполномоченный может принять и направить свое решение указанным органам и лицам, организациям, предприятиям, в действиях которых он усматривает нарушение прав человека. В необходимых случаях он может обратиться в соответствующие органы с ходатайством о возбужде-

нии дисциплинарного или административного производства либо уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях (бездействии) которого усматриваются нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица, получив решение Уполномоченного по результатам проверки жалобы или заявления, обязаны в месячный срок рассмотреть его и дать ответ.

Федеральные органы исполнительной власти в соответствии с Конституцией РФ (часть 1 статьи 78) могут создавать в субъектах Федерации свои территориальные органы для осуществления полномочий федеральной власти и назначать соответствующих должностных лиц. К таким территориальным федеральным органам исполнительной власти в Калмыкии относятся Департамент Федеральной государственной службы занятости населения по Республике Калмыкия, Управление Федеральной службы безопасности РФ по Республике Калмыкия, Управление Министерства налоговой полиции РФ по Республике Калмыкия, Управление Министерства юстиции РФ по Республике Калмыкия, Управление Министерства РФ по налогам и сборам по Республике Калмыкия, Отделение Пенсионного фонда РФ по Республике Калмыкия, Управление Федерального казначейства по Республике Калмыкия, Управление Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Республике Калмыкия и др. Они полностью независимы от органов исполнительной власти Республики Калмыкия, однако в своей деятельности учитывают интересы республики и в связи с этим активно взаимодействуют с республиканскими органами исполнительной власти.

На территории Калмыкии, кроме того, функционирует Национальный банк республики, являющийся обособленным подразделением Центрального банка Российской Федерации. Национальный банк РК осуществляет часть функций Центрального банка РФ на территории Калмыкии. Главная задача Национального банка РК состоит в том, чтобы проводить единую федеральную политику в сфере денежного обращения, кредитного регулирования, использование кредитных ресурсов и осуществлять надзор за банковской деятельностью. В составе Национального банка РК действует расчетно-кассовый центр, главная задача

которого – обеспечить эффективное, надежное и безотказное функционирование платежной системы Российской Федерации.

Одним из особых институтов народовластия в республике является местное самоуправление, обеспечивающее демократическую децентрализацию управления. Местное самоуправление в республике осуществляется в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, Степным Уложением (Конституцией) РК и законами, уставами муниципальных образований республики. Федеральный Закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 28 августа 1995 г., развивая конституционные положения, определяет местное самоуправление как "признаваемую и гарантируемую Конституцией Российской Федерации самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций"[21].

В Республике Калмыкия сформирована достаточная правовая база, определяющая статус местного самоуправления и режим его функционирования. Имеющийся комплекс нормативных правовых актов, законов республики регулирует вопросы системы, организации местного самоуправления, финансово-экономической основы местного самоуправления, а также компетенции органов местного самоуправления. К числу нормативных актов, составляющих правовую основу местного самоуправления, относятся и уставы муниципальных образований республики.

В феврале 2001 г. проведены очередные выборы депутатов представительных органов местного самоуправления 128 муниципальных образований республики, в том числе: городских – 3, районных – 13, сельских – 112. В представительные органы местного самоуправления республики избраны 734 депутата (в среднем 5–9, по каждому муниципальному образованию, за исключением Элистинского – 11). Из состава депутатов представительных органов местного самоуправления 121 муниципального образования избраны главы муниципальных образований, а в 7 – избраны непосредственно населением путем всеобщих равных и прямых выборов при тайном голосовании. Главы муниципальных

образований избираются сроком на четыре года и работают на штатной основе, а председатели и депутаты представительных органов совмещают свои полномочия с основной производственной и служебной деятельностью.

Федеральный Закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" определяет вопросы исключительного ведения представительных органов местного самоуправления. Только они вправе принимать общеобязательные правила по предметам ведения муниципального образования, утверждать местный бюджет и отчет о его исполнении, устанавливать местные налоги и сборы. Кроме того, представительные органы определяют основные направления развития в различных сферах и отраслях муниципальной деятельности, а также устанавливают порядок управления и распоряжения муниципальной собственностью. Представительный орган, не будучи ограничен принципом разделения властей, в соответствии с уставом муниципального образования контролирует деятельность других органов местного самоуправления и должностных лиц. Но этот перечень полномочий представительных органов местного самоуправления не является исчерпывающим. Он может быть расширен в уставах муниципальных образований, а также за счет наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в соответствии с законодательством республики.

Составной частью системы органов местного самоуправления являются глава муниципального образования и аппарат (администрация), имеющие собственную компетенцию, реализующие решения представительного органа и осуществляющие повседневное управление делами на подведомственной территории. Элистинское городское муниципальное образование возглавляет мэр, избранный из состава 11 депутатов Элистинского городского собрания депутатов, а остальные муниципальные образования в соответствии с их уставами – глава, председатель, ахлач и т.д.

Организация новых органов местного самоуправления – только начало реформы. Главное – освоение новых функций, нового места в системе публичной власти, реальное влияние на местные дела, реализацию прав и свобод человека и гражданина, утверждение эффективного демократического местного самоуправления.

Таковы особенности развития Калмыкии, ее государственности, государственных институтов в условиях становления нового российского федерализма, федеративных отношений. Федеративное реформирование России открывает путь к новой технологии организации власти, устройства народов и территорий, к их взаимоотношениям и взаимодействию в едином правовом, историческом пространстве, к развитию у них традиций самоуправления и взаимной ответственности.

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15: 1985–1988. М., 1989. С. 624–644.

[2] Там же.

[3] Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1988. № 49 (2487), ст. 727, 729. С. 813–857.

[4] Советская Калмыкия. 1989. 28 янв., 28 марта.

[5] Ведомости Верховного Совета РСФСР. М., 1989. № 44 (1618), ст. 1303.

[6] Подробно о пунктах закона, избирательном праве, избирательном процессе, о результатах выборов см.: *Максимов К.Н.* История национальной государственности Калмыкии. М., 2000. С. 254–259.

[7] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 189–190.

[8] Так это было: Национальные репрессии в СССР, 1919–1952 гг. Репрессированные народы сегодня: В 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 263–265.

[9] Калмыкия: этнополитическая панорама: Очерки, документы, материалы. М., 1995. Т. 1. С. 89, 90.

[10] Калмыкия в цифрах: Стат. сб. Элиста, 2000. С. 154–155; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1995. С. 369; Информация о социально-экономическом положении России, 1999 г. М., 1999. С. 29.

[11] Калмыкия в цифрах. С. 148–151.

[12] Там же. С. 153, 155; Социально-экономическое положение Республики Калмыкия: Январь–декабрь 2000 г. Элиста, 2001. С. 22–26.

[13] Калмыкия в цифрах. С. 153, 156; Социально-экономическое положение России: 1998 г. М., 1998. С. 373.

[14] Социально-экономическое положение России. М., 1999. С. 217–218; Социально-экономическое положение Республики Калмыкия. С. 6.

[15] Социально-экономическое положение России. М., 1999. С. 58; Социально-экономическое положение Республики Калмыкия. С. 64; Калмыкия в цифрах. С. 213.

[16] Там же.

[17] Калмыкия в цифрах. С. 29, 167; Социально-экономическое положение Республики Калмыкия. С. 95, 118.

[18] Социально-экономическое положение Республики Калмыкия: Январь–декабрь 1994 г. Элиста, 1995. С. 38; Социально-экономическое положение Республики Калмыкия. С. 71.

[19] *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. Учебник для вузов. М., 1998. С. 337.

[20] Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” (с изменениями и дополнениями) / ЦИК РФ. М., 1999; Ведомости Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия. Элиста, 1998. № 5. С. 155–181.

[21] Сборник законодательных и иных правовых актов по вопросам выборов в федеральные органы государственной власти и референдума Российской Федерации. М., 1997. С. 169.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Группа ойратов (калмыков), двинувшаяся во второй половине XVI в. в результате распада государственного единства, на северо-запад от Джунгарии, в сторону России, составила основной этнический состав складывающейся политической формы калмыцкой государственности, характерной для периода феодальной раздробленности. Поэтому Калмыцкое ханство можно рассматривать как типичный образец ойратского княжества, сложившегося в период феодальной раздробленности. К середине XVII в. в Поволжье завершается процесс формирования калмыцкого этнополитического образования в виде феодального ханства. Образование почти в одно время в разных регионах Евразии ойратских (Джунгарского, Хошоутовского, Калмыцкого) ханств – вряд ли простое совпадение: скорее всего, здесь действовал объективный фактор этногенеза ойратов.

Ретроспективное изучение истории государственности, правового статуса Калмыкии в эволюции отдельных ее элементов – институтов государственной власти, правовой, управленческих систем, общественного строя, властных взаимоотношений ее с центральной и местной властью Российского государства на протяжении ряда веков (до и после вхождения в него) – показывает, что этнотерриториальная автономия калмыков, имевшая различный уровень политического статуса, окончательно сформировалась на территории России. Она развивалась не только в соответствии с закономерностями обстоятельств "внутреннего" объективного плана, но и под активным влиянием общих закономерностей и конкретных проявлений разви-

тия государственного, общественного строя, правовой системы России.

Россия до середины XVII в. стремилась строить взаимоотношения с калмыками с учетом не только внутренних, но и внешних обоюдных интересов на добровольных договорных началах, основанных на вассально-сеньориальных отношениях. Калмыки же желали установить иммунитетные политические отношения, не исключая принципы сюзеренитета-вассалитета, но где обе стороны должны были выступать носителями суверенитета.

Со второй половины XVII в. калмыки, юридически оформив и закрепив государственное подданство, добровольно вошли в состав Российского государства, признавшего Калмыцкое ханство этнополитическим образованием. Однако их взаимоотношения приобрели властно-государственный характер, хотя функции управленческих структур объединялись на том этапе только общими задачами обеспечения безопасности. Калмыцкое ханство фактически обладало статусом политической автономии, и характер его взаимоотношений с Россией до определенного времени основывался на военно-политическом союзе. В 20-е годы XVIII в. Калмыцкое ханство полностью утвердилось в статусе административной автономии.

С укреплением абсолютизма в России и дальнейшей централизацией управления Калмыцкое ханство постепенно вводится в единоуправляемую, затем в общероссийскую систему административно-территориального управления с унификацией ее управленческих структур, правового статуса сословий.

В условиях угрозы ликвидации остатков административной автономии, этнополитической общности большая часть калмыков во второй половине XVIII в. покинула пределы России, подвергнув себя и оставшуюся часть угрозе полного исчезновения как этноса. Ни с калмыцкой, ни с российской стороны своевременно не была проявлена политическая, государственная мудрость в обстановке назревающего кризиса в их взаимоотношениях. Следовало бы "захотеть" вовремя его заметить, проанализировать в спокойной обстановке и цивилизованно на государственном уровне решить в обоюдных интересах. А не так, как было сделано царской администрацией – вдогонку попытаться навести "конституционный порядок".

В связи с этим хотелось бы заметить, что "политикам-ученым", прежде чем ставить вопрос о ликвидации, демонтаже элементов этнического федерализма, следовало бы внимательно посмотреть на историю народов нашей страны, историю России, отечественную историю, в которой имеется ценнейший опыт совместного проживания, совместной борьбы за сохранение единства, безопасности России. А не смотреть, как в Нигерии строятся штаты – "с целью растворить племена между штатами, чтобы ни в одном из штатов не доминировало какое-либо племя"[1]. Очень важно помнить, что генезис многих этнополитических образований прошел в "материнском лоне" России. Россия исторически формировалась как федеральное единство ее многонационального народа. Ныне она, выступая в объединяющей роли, проявляет заботу о всем многонациональном народе, о всех гражданах Российской Федерации.

В силу изменившихся обстоятельств, благодаря гибкой политике России оставшаяся в составе унитарного Российского государства часть калмыков сохранилась как этнос, который создал этнотерриториальное образование со своими институтами власти, управленческой структурой. Но в последующем постепенно они были интегрированы в общероссийскую систему управления. В обстановке великодержавной политики Российской империи Калмыкия как административная автономия теряет статус и интегрируется с губернской административно-территориальной единицей на правах ее особой структуры. Вопрос о наделении Калмыкии статусом этно-территориальной автономии не был решен и Временным правительством, поскольку оно должно было передать его на рассмотрение Учредительного собрания.

Советская власть, создав формальное федеративное государство, предоставила многим народам России символическую унифицированную государственность, унифицировала общественно-государственную жизнь, институты власти и управления, политическую систему, нивелировала культуру, быт советского народа. В связи с этим национальные проблемы, решенные советской властью "полностью и

[1] *Чиркин В.Е.* Закрыть Америку? // Государство и право. 1997. № 2. С. 124.

окончательно", оказались загнанными внутрь, а в 80–90-е годы XX в. прорвались наружу и потребовали кардинальных действий. Их следовало решать своевременно в интересах конкретных народов применительно к условиям их жизнедеятельности на местах, для обеспечения равноправного развития народов, укрепления многонационального единства российского общества.

Поэтому выбор в современных российских условиях федеративной модели Российского государства представляется вполне исторически и перспективно оправданным, ибо это оптимальная конституционно закрепленная система государственного строительства, способная обеспечить целостность страны и эффективное управление политическими и экономическими процессами, защиту прав и свобод каждого отдельного человека и гражданина.

Конституция Российской Федерации создала необходимые условия для реализации принципов федеративного государственного устройства, формирования правовой базы для обеспечения федерализма. Важное значение в становлении нового российского федерализма имеют Федеральные законы "О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации" (24 июня 1999 г.), "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" (6 октября 1999 г., с изменениями и дополнениями от 29 июля 2000 г.), Федеральный конституционный закон "О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации" (17 декабря 2001 г.) и др., а также изменение порядка формирования Совета Федерации Федерального собрания РФ, образование Государственного совета РФ, института полномочных представителей Президента РФ в семи федеральных округах и т.д.

Однако для дальнейшего развития российского федерализма нужны государственная концепция развития федеративных отношений в России, правовая база для регулирования системы федеративных отношений, обеспечения экономической основы федерализма, функционирования и развития местного самоуправления.

Формируемая правовая база по проблемам федерализма, федеративных отношений, несмотря на разные мнения и позиции по поводу легитимности существующих национально-государственных образований, вплоть до отрицания легитимности, все же вызывает оптимизм и уверенность в перспективе российского федерализма. По Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству все виды субъектов объединены в Федерацию на одних и тех же конституционных принципах (единый государственный суверенитет РФ, верховенство на всей территории РФ Конституции РФ и федеральных законов, государственная и территориальная целостность РФ, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти ее субъектов, равноправие и самоопределение народов в РФ и т.д.), равноправны между собой и по статусу, и во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Россия реально превращается в федеративное государство, где его опорой выступают в равной степени все народы России, являющиеся в равной мере коренными и государствообразующими (имеется в виду не только национальной, но и российской государственности). Вполне разделяя мнение В.Ю. Зорина, бывшего председателя Комитета по делам национальностей Государственной думы шестого созыва, можно сказать, что понимание этого исторического факта, подтверждаемого данным исследованием, должно стать той консолидирующей идеей, которая будет способствовать упрочению нашего федеративного государства[2].

[2] Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 589.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абай, вдова тайши Изенея 24, 29
Абдулатипов Р.Г. 425
Аберда Н.Н. 213
Аблай-тайша 56, 95, 96
Аблай, казахский султан Среднего жуза 144
Абу-гелюнг 126
Аванесов В.А. 285
Авгачка (Авгач) 30
Август II 105
Агаев А. 218, 219
Азим 12
Азраев 57
Аитов Х.А. 265
Акугинова Б.С. 267, 273
Алаков Арлей (Арлай) 21
Алей 12
Александр I 157, 158, 160, 161, 165, 168, 206
Александр II 201
Александр III 202
Алексеев Томила 17, 18
Алтын-царь (хан) 22–24, 26, 34, 38–40, 42–44, 46
Амур-Санан А.М. 255, 256, 259, 260, 273
Андреев А.А. 305
Анна Иоанновна 118, 120, 137
Анна Тайшина 137
Аннушка 212
Анучай (Ангучай) 99
Анучин Д.Н. 211
Апраксин П.М. 106, 107, 108, 109
Апраксин С.Ф. 125
Апраксин Ф.М. 111
Аргунов И.П. 212
Аркел, тайша 41
Арлуев Л.Б. 219, 226
Архаков М.Н. 346
Асарай, сын Дондук – Даши 122
Асарай (Ион), сын Дондук – Омбо 124
Аюка 90, 91, 95–99, 101–119, 121, 122, 129, 137

Баатыр, посол 30
Бабичев В.С. 420
Бабкин И.П. 265
Бабул 155
Баглай М.В. 499
Бадмаев Д.Б. 348
Бадмаев И.М. 348
Бадмаев Н. 211
Бадмаев С.А. 419, 420
Бадмаев Ц. 218, 219
Байбагиш, калмыцкий тайша 32, 40, 41, 43, 46, 51, 56
Байбагас, хошоутовский тайша 54

Бакаев Э.С. 235
Баксадай-Доржи (Петр Тайшин) 113
Бакша, абыз 33
Балдан-Габцу 126
Балта 47–51
Бартольд В.В. 14
Басангов М. 363
Басанов В.М. 423
Бастяк, посол 57
Баты-Куян 46
Батырка, посол 57
Батырка, писарь 61
Батур-Убаши-Тюмень 210
Батюшков К.Н. 213
Баучин, посол 21, 48–51
Бауш-тайша 99
Бахметьев Д.Е. 113, 114, 124
Бахметев И. 106, 108
Бахтеев А.Д. 129, 132
Бахты Гирей Дели-Солтан 115
Баянов С.Б. 230, 235–238, 260
Баяуста 212
Безбородко А.А. 139
Бегров К.П. 212
Бекетов Н.А. 133, 135, 138, 140, 143
Беклемишев В.П. 115, 118, 124
Белинский В.Г. 213
Белоголов И. 39
Беляев 160
Бентковский И.В. 211
Бергман Б. 210
Бестужев-Рюмин А.П. 124, 125
Бирюков А.И. 235
Бирюков И.А. 229, 231, 238
Бичурин Н.Я. 14, 29, 210
Блудов Д.Н. 172
Боборыкин Л.В. 121, 124
Бобровников А.А. 210
Богоявленский С.К. 19
Бодонг 125
Бойкач Болдан 21
Бок-тайша 95, 96
Болдырев О.-Г.Ц. 368
Боржевицкий М. 42
Борисов Т.К. 319
Босхомджиев О. 230
Боур Р.Х. 107
Бочей 47
Быркин А.Н. 327
Бруни Ф.А. 213
Брюллов К.П. 213
Брюховецкий И. 94
Буга 35, 36
Будан Ф. 65
Булавин К.А. 106
Булгаков 164
Булданов Б. 218, 219
Буйго-Урлюк (Орлюк) 80
Буратаева А.М. 429
Бурмистенко М.А. 319
Бурулдуев Катачей 17
Бутак 30
Бухарцев 259
Бэр К.М. 211

Варейкис И.М. 329, 330
Вельяминов К. 30
Вельяминов-Воронцов К.С. 38
Вельяминов-Воронцов О. 38
Верещагин В.В. 212
Веселовский Н.И. 14
Витте С.Ю. 216, 227
Выходцев Л. 55
Высоцкий Г.Н. 211
Владимирцов Б.Я. 210
Владислав, польский королевич 28
Воейков А. 12
Волбуй 44
Волков В. 43, 44
Волконский Г. 34

Волконский Ф.Ф. 56
Волынский А.П. 113–117
Волошенинов М. 59
Воронцов А. 211
Воронцов М.И. 124, 128, 129
Воротынский И.М. 34, 45
Воротынский М. 25
Вчемерген 44

Габун-Шарап 155, 160
Гагарин С.И. 17–19, 21
Галдан-Данжин 121, 122, 124
Галдан-Норбо 121
Галдан-Церен 129
Гальц 108
Гаряев Н.Л. 346, 348, 356
Гахаев М.М. 209, 218
Гейелер Х. 212
Герценберг К.Р. 260, 265, 319
Гладышев А. 46, 47
Глухов И.К. 283, 319
Годунов Борис Федорович, царь 16
Годунов И.М. 29, 30
Годунов М.М. 30, 41, 43, 44
Голиков И.И. 212
Голицын А.И. 102
Голицын А.М. 143
Голицын Б.А. 104
Голицын В.В. 25
Голицын И.В. 34
Голицын М.М. 106, 107, 113, 117
Головатов А.В. 492
Головин Ф.А. 219
Головнин Г.И. 120
Голубин П. 24
Голубцов В.К. 57, 58
Гольдин 329
Гончаров 360
Гордон П. 103
Городовиков Б.Б. 384
Городовиков О.И. 329, 330
Горохов И.С. 64–66, 74, 102
Грамотин И.Т. 39
Грумм-Гржимайло Г. 14
Гумбольдт А. 211

Дазн-Омбо 58
Дайкуш 51
Дайчин 54, 55, 57–60, 62, 64–67, 77, 79, 80, 95, 96, 103
Дайчинг-Хошучи 56
Далай-Батыр 11, 18–21, 23, 25, 30–33, 35–37, 40–44, 46–51, 53–56
Далай-лама 80, 104, 141
Далан 30
Далгаев К. 245
Даши-Дондук 132
Дворецкий Е. 256
Де Медем 136
Девлет 21
Дедеев М.Б. 332
Демичев П.Н. 382
Деникин А.И. 260, 261
Джалыков Х.М. 298, 304, 319
Джамбаев О.У. 218, 219
Джан-ханша (Вера Дондукова) 121, 224
Джимбинов Б.О. 381
Джубасар 124
Дилигенский В. 211
Додба 124
Дол-тайша 99
Долгоруков Д. 57, 58
Дондук-Даши 88, 116, 121–126, 128, 131, 132, 153
Дондук-Омбо 109, 111, 115, 116, 119–121, 124, 145
Дондуков Э.Д. 209
Дондуков-Корсаков А. 145
Дорджиев Б.Ш. 346
Дорджиев В.П. 420
Доржи (Мерзи-Тайша) 47–49, 75

Доржи-Рабдан, сестра хана Аюки 96
Дорошенко П.Д. 95, 100
Досанг 115, 117
Доян-тайша 99
Дугар-тайша 95, 96
Дулуханов Н.Д. 230, 256
Дурал-дархан 58, 60
Душан У.Д. 327, 332
Дюма А. 210

Егоров А.Е. 213
Егоров Е.А. 213
Ежов Н.И. 340
Екатерина I Алексеевна, императрица 116, 117
Екатерина II, императрица 128, 129, 131, 133, 138, 139, 143–145, 153
Ельден-тайша 55, 57, 80
Елизавета Петровна, императрица 122, 124, 125, 137
Ельцин Б.Н. 425, 433
Енбулатов Е. 55
Енобай-князька 19
Ергечкинов О.-Г. 218, 219
Ермолин Д. 42
Еропкин Д.Ф. 123
Есенин С. 144, 145
Ефремов Д. 120

Жедовский Н. 47
Жезлов Н.И. 377
Желябужский И.Г. (Желябовский) 46, 50, 51
Жилин А.С. 125
Житецкий И.А. 210, 211

Завертяев Н.Х. 272
Замьян 133–135, 142, 143
Замса 99, 102
Захаров В.А. 423
Зая-Пандита 77, 87, 88
Зимин Н.И. 327
Златкин И.Я. 14, 48, 77
Змеев 137
Зоргучи Тархан 64
Зорин В.Ю. 512
Зулзуган-Урлюк (Орлюк) 80
Зюргачи 58

Ибрагим-паша 100
Иван IV 15
Иван Алексеевич 102
Иван VI Антонович 122
Иванов А.А. 213
Иванов А. 219
Иванов Г. 32
Иванов Л.И. 101
Игитей 23
Изеней (Ичиней) 20, 21, 23, 24, 31
Измайлов Г.В. 43
Измайлов И.П. 118
Изотов Н.А. 346
Илдан 44
Илтер 44
Илюмжинов К.Н. 419, 446, 492, 493
Инджиев Л.И. 363
Исентур 32
Истомин А.И. 235
Ишим 12, 41

Казый 52
Кайдерев К. 44
Калмык Ф.И. 212
Карл XII 106, 107
Кармыков Ц. 219
Карпов И.Н. 319, 327, 332, 346
Катой 23
Кашка Д. 64
Кекеев Э.-А.К. 267, 273, 327, 332
Керент 32
Кересан 56

Килганов Л.К. 329, 346, 382
Кипренский О.А. 212
Киселев П.Д. 187, 188, 191
Кишенский И.А. 136, 140, 143
Кишкин П.И. 304
Кичиков М.Л. 14, 42, 55, 74
Кляпиков В. 56
Кнорринг К.Ф. 155, 157, 158
Кожиев Б.М. 273
Козин С.А. 14
Кокошкин Ф.Ф. 234
Колашников В. 30
Команджаев А.Н. 223
Конаев Ужен 19
Конаев Юркта 19
Конай 48
Кононенко 273
Коодан 36
Коркодинов И.М. 96
Коркодинов Ф.С. 31–35
Корнеев 358
Коробьин С.Г. 44
Корсиков Н.К. 258
Котвич В.Л. 210
Кочубей В.П. 161
Кошевчей 24, 25, 29
Криштафович Б.Э. 230, 235, 237
Кубонай 44
Кугультинов Д.Н. 363
Кудрявцев А.Б. 57
Кудрявцев Н.А. 106
Кузнецов С.М. 329, 330
Кулагин М. 371
Кулачи 57
Кулик Г.В. 492
Кульбосар 44
Култайко 51
Кунай 30
Кундей 48
Кунделен-тайша 56, 58, 75, 96
Кундербей 44
Куницын И. 31–33
Куракин А.Б. 159
Куракин Г.С. 56
Куракин И.С. 30–35, 37, 38
Курашов С.В. 382, 391
Курсуган 19, 20
Кухтин А.И. 229
Кучум 12, 16, 41
Кюрютов 358

Лабан-Дондук 125
Лавгаев У.Л. 260, 267, 273
Лаврентьев П.В. 360, 361
Ланской В.С. 166
Лаузан, тайша 57–60, 80
Левенгаупт А. 105, 107
Ленин В.И. 260
Лжедмитрий I 16
Лжедмитрий II 16
Лиджиев Б.Л. 327
Лифанов М.В. 256
Лихачев Ф. 51
Лыков Б.М. 52
Лыткин Ю. 210
Лычаков 370
Львов Г. 57
Львов Г.Е. 231, 234
Львов П.Г. 111
Ловчиков С.Б. 102
Лонгрик-Цорджи 126
Лопатин А. 50
Лоузанг-Джалчин 141, 143
Люксембург Р. 310
Лялин Б.М. 327
Ляпунов З.П. 25

Магмет-Гирей 94
Мазан-Батыр 101
Макаров 156, 158
Максимов К.Н. 493
Малдышер (Мандашер) 30, 41
Малиев И. 56
Мамут Н. 96
Мангытай (Мангит) тайша 41–44

Мангир, тайша 43
Манджиева Б.Т. 346
Манджиев Л. 332
Манджиев М.М. 256
Манжик 62, 65, 66
Манкиров Г.М. 254, 260, 267, 273
Манцынов Б.О. 377
Маншир 44
Марбуш-Степанов И.Р. 273, 319
Мардефельд 106
Маркс К. 310
Масалитин О. 30
Маслов А.Г. 253, 256, 273
Матвеев А.С. 97
Матюшкин М. 48, 49, 51
Межуев-Самохин А.П. 256
Мелюш 96
Мензибаев Е. 44
Меншиков А.Д. 106
Мергасов В. 245
Мерген-тайша 43
Мерген-Тюмен 43, 46, 47
Мечников И.И. 211
Мещеряков А.Г. 255, 258–260, 273
Микулин П. 30
Милославский Ф.Я. 59
Минаев Ф. 101
Михайлов В.А. 414
Михайлов Б.Ч. 420, 423, 426
Молотов В.М. 356
Мончак, тайша 60, 62, 64–67, 74, 75, 80, 95, 96, 103
Морозов Б.И. 57
Морозов В.П. 34
Мосальский И.В. 23–25
Москалев Т.Л. 327
Мойдар 44
Мстиславский Ф.И. 25, 34
Муев Б.Д. 423
Мукоокуев У.М. 327
Мукубенов М.Б. 419, 420
Мурзей 51
Мутохин П. 30
Мэнкэджуев База-бакши 210

Наберухин А.И. 256
Нагбан-Санджи 126
Нагов М.Ф. 12
Надбитов Б.П. 377
Назаров Д. 115, 119
Намкаев Д.-Г. 177
Намро 212
Нармаев М.Б. 363
Наполеон 362
Нардаев О.Н. 346
Нарышкин Л.К. 104
Натыров Г.Н. 256
Неронов В. 128
Нефедьев Н.А. 210
Никитин К.Д. 245, 252, 254, 256, 257
Николай I 172, 185, 187, 225
Николай II 214
Норзунов О. 226
Нормаев Д.Л. 332
Носков Н.Я. 218
Нурали, казахский хан младшего жуза 144

Овдокимов О. (Евдокимов) 30
Оглаев Ю.О. 302, 305
Одоевский Я.Н. 96
Озеркин П.Г. 346
Онбо 52
Онкоров Ц.Д. 209, 218, 219
Онучин И.И. 59
Опогинов Т.О. 219
Оргечкиев О. 209
Орджоникидзе Г.К. 287
Ордин-Нащокин А.Л. 95
Остерман А.И. 120
Отхонов Х.О. 273
Отхонов Э.Х. 332
Очиров Б. 282

Очиров Г.Э. 346
Очиров Номто 210, 230, 235, 260
Очиров У.Б. 357
Очирту-Цецен-хан 96

Павел I 154–157, 206
Пальмов Н.Н. 90, 100, 121, 156
Паллас П.С. 211
Панин Н.И. 133, 143
Паращук С.В. 265
Пахомов Г.И. 327
Педеров Д.П. 327
Петр Алексеевич (Петр I) 102–108, 110–113, 115, 136, 137, 155, 212, 213
Петр Тайшин 137
Петров П. 35
Петров Томила 31–33
Платов М.И. 164
Плещеев Л.А. 56
Плюнов Ф.И. 235, 238, 254, 257, 259, 267
Позднеев А.М. 14, 210, 211
Пожарский Д.М. 34
Поляков Ю.А. 360
Пономарев И.П. 235
Пономарев М.А. 382, 384
Попов 259
Постышев П.П. 305
Потемкин А.Г. 139
Потемкин П.С. 153
Примаков Н.И. 102
Прозоровский П.И. 104
Прозрителев Г.Н. 210, 211
Прончищев О.Я. 41, 42
Прутинкин Е. 30
Прянишников И.М. 212
Путин В.В. 476
Пугачев Е. 153
Пушечников В.Л. 96
Пушкин В.В. 346
Пушкин М.С. 102
Пюрбеев А.П. 298, 304, 319, 327, 332
Пюрвеев Д.П. 328, 335, 348
Пятиизбенский В. 101

Рабджамба-Лузан 126
Рабджамба-Санджи-Джамцa 126
Разин С. 65, 95
Рамстедт Г.И. 210
Рандул 124
Рейнсдорп И.А. 144
Репин И.Е. 212
Романов А.М. (Алексей Михайлович, царь) 57, 59–64, 66, 94, 96, 97
Романов И.Н. 34
Романов М.Ф. (Михаил Федорович, царь) 28, 33, 34, 36, 38–41, 43, 44, 48, 49, 51–53, 57
Романов Ф.А. (Федор Алексеевич, царь) 99
Романов Ф.Н. (Филарет Никитич, патриарх) 45, 51
Романчюков С. (Романчуков) 35, 36
Ромодановский В.Г. 74
Ромодановский Г.Г. 98
Рудзутак Я.Э. 305
Румянцев П.А. 136
Румянцев С. 99

Сабинов Б. 57
Савельев И. 35
Салтыков М.М. 34
Самойлов П. 96
Самсонов А.М. 363
Сангаев Э.А. 379, 395
Санжин 60
Санчжаб, сын Аюки 108
Сантагулов Б. 55
Сарангов Б. 230

Сарангов Э.А. 235, 256, 260
Саргул-мурза 38
Сарп-мурза 65
Саул-тайша 43
Сенгил-тайша 38, 43
Сердюков Иван 213
Сердюков М.И. 213
Серен-тайша калмыцкий 60, 65
Серен-тайша из Джунгарии 99, 102
Сергеев В.С. 426
Серко И. 98
Серов 366
Сетенов Д. 226
Сибильский 126
Симонов А. 99
Сицкий О.Ю. 33
Сысоев 164
Скотников Е. 212
Скотти М.И. 213
Скрынников А.М. 265
Смирнов Н.П. 219
Смирнов П. 211
Собин 156
Соколов А.Н. 257
Соколовский И.Н. 229
Соловьев С.М. 118, 165
Солодухин Е. 273
Соймонов Ф.И. 120
Спицын Н.Г. 124, 129
Сталин И.В. 348, 365, 369, 372
Степанов Г.С. 391
Страхов Н.И. 158, 159, 210
Строгановы Яков и Григорий 15, 28
Струве П.Б. 214
Сулешев Ю.Я. 46
Сулимов Д.Т. 329
Суриков Н.И. 346
Сухов 273

Табитай 46
Табутай 30
Тайза 51
Тангир 44
Таранов 298
Татищев В.Н. 124, 125
Тахабакшеев 21
Телепнев В.Г. 22
Телепнев Е. 45, 48, 49
Темкин-Ростовский М.М. 52
Темрюк 66
Тепель 44
Терехин 256
Тырнов 13, 33
Тимофеев П.И. 327
Тишков В.А. 414
Толбай 51
Толкунов В.В. 273
Троекуров Р.Ф. 17
Трубецкой А.В. 25
Трубецкой Д.Т. 34
Тубиев Кугонай 19, 21
Тугаев Д. 245
Тунгачин М. 258
Тундутов Джамба-тайша 164
Тундутов Д.Д. 209, 230, 238, 253
Тундутов Д.Ц. 218–220, 226
Тундутов Ч. 155, 159, 160
Тургень, тайша 30
Туру-Байху 47, 51, 52, 54
Тюгурчей 41
Тюмень С.-Д.Б. 160, 161, 219, 220
Тюмень Сербеджаб 164
Тюмень Темир 230, 236

Убаши, наместник 125, 128, 129, 136, 143
Убаши Санджи 160
Убушиев С.У. 327
Унгинай 21
Ураков А. 51
Ургучи 51
Урдубай 17, 18
Урлаков С. 332

Уртуев Ичиней 19
Урухту 21

Филатов 273
Филипов П. 55
Флюк Г. 106, 107

Хадылов С.-Г. 230, 256, 259
Халманов Н.А. 423
Хапчуков Е. 154, 155
Хара-Даван Э. 245
Хара-Хула 37–40, 42, 46, 51, 53, 54
Хатюшенко 256
Хитров Я.Т. 94
Хлопка 16
Хлопов К.О. 99
Хмельницкий Б. 62
Хо-Орлюк 11, 12, 17–21, 24, 30, 31, 34, 40, 41, 43, 44, 46–48, 54–56, 79, 80, 82
Хомутников В.А. 327, 328, 346
Хонхошев П.Я. 327, 360
Хулхачиев Б.В. 492

Цебек-Доржи 129, 143
Цевен-Рабдан 108
Церен, тайша 95
Церен-Дондук 115–120, 124
Церенов Э.-Г.И. 327
Цицианов П.Д. 159, 160

Чаадер 212
Чакдоржаб (Чакдоржап) 108, 109, 114
Чапчаев А.Ч. 245, 252, 254, 256, 260, 267, 273, 319
Чар-Аслан 111
Чедутай 30
Чемет Батыр, тайша 109, 110
Черен 65
Черкасов Д.М. 41, 43
Черкасский А.М. 120, 124
Черкасский Г.С. 65, 66
Черкасский Д.М. 50
Черкасский И.Б. 34
Черкасский К.М. 64–66, 100
Черный Аника 23, 24
Четан 32
Четер, тайша 109, 110
Чиганов Кесенчак 21
Чигар 30
Чин-тайша 46
Чинбей 51
Чокул-зайсанг 60
Чонов Е. 210
Чохур (Чокур, Шокур) 34, 40, 41, 43, 46, 47
Чугунов А. 298
Чюний 48
Чютюндей 48

Шагаров 256
Шапилов А. 27, 30
Шаракуб 44
Шарапов И.И. 327
Шарапов-тайша 99
Шаховский И.Ф. 38, 42
Шахур-лама (Шакур-лама) 109, 116
Шевченко Т.Г. 213
Шеин А.С. 103
Шереметев Б.П. 105
Шереметев Ф.И. 34
Широкий И. 42
Шлиппенбах 105
Шовунов К.П. 93
Шонхоров Б.А. 218, 230
Шуйский В.И. (Василий Иванович, царь) 16, 18, 22, 23, 25, 36, 53
Шуйский Д.И. 18, 25
Шуйский И.И. 25
Шуклей 44
Шункей 57
Шунхай (Сюнке) 21

Щелкалов А.Я. 15
Щербатов К.О. 99

Эльдяшев О. 245
Элян О. 210
Эрдени-тайша 160
Эрдени-Батур-хунтайджи 54, 56
Эрдниев У.Э. 19

Ягода Г.Г. 304, 305
Ян Куча 37
Янгир-царевич (султан Джахангир) 55
Янышев Баатыр 19
Ястребов И. 211

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение .. 3

Глава первая

Политика России по отношению к калмыкам
(конец XVI – середина XVII века) .. 11

1. Политика России на начальном этапе вхождения калмыков в ее состав (конец XVI – начало XVII века) .. 11
2. Политика России по отношению к калмыкам в 20–50-е годы XVII века .. 27

Глава вторая

Калмыцкое ханство в составе России
(середина XVII – вторая половина XVIII века) .. 74

1. Политическая автономия Калмыцкого ханства (середина XVII – первая четверть XVIII века) .. 74
2. Административная автономия Калмыцкого ханства (первая четверть XVIII – последняя четверть XVIII века) .. 112

Глава третья

Статус Калмыкии в Российской империи
(конец XVIII – начало XX века) .. 152

1. Поэтапное введение Калмыкии в административно-территориальное управление Российского государства (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века) .. 152
2. Завершение введения Калмыкии в единоуправляемую систему Российской империи (первая половина XIX – начало XX века) 202

Глава четвертая

Калмыцкая советская автономная область в годы строительства социализма (1917–1935 гг.) .. 245

Глава пятая

Калмыцкая автономная республика в годы тоталитарного социализма и застоя .. 326

Глава шестая

Калмыкия в новом российском федерализме .. 413

Заключение .. 508

Указатель имен .. 513

Научное издание

Максимов Константин Николаевич

**КАЛМЫКИЯ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ,
СИСТЕМЕ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ
(XVII–XX вв.)**

*Утверждено к печати
Ученым советом Калмыцкого института
гуманитарных исследований
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редакторы *Л.В. Абрамова, Н.Н. Карпова*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

ЛР№ 020297 от 23.06.1997

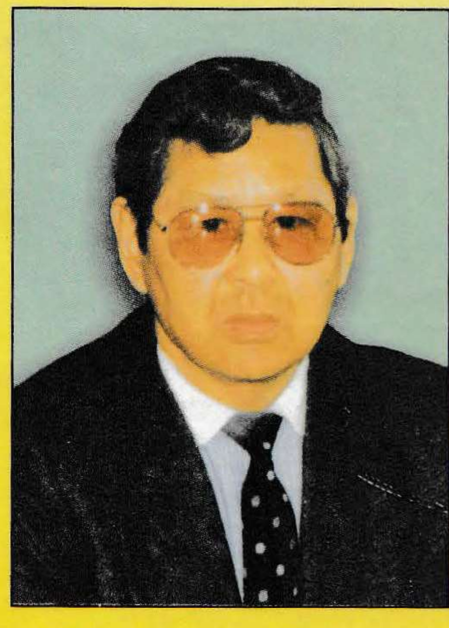
Подписано к печати 05.07.2002
Формат 60x90/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 33,0. Усл. кр.-отт. 33,0. Уч.-изд. л. 30,1
Тираж 1000 экз. Заказ 2619

Издательство «Наука»
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии АПП «Джангар».
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

ISBN 5-02-008828-5

9785020088283

Константин Николаевич
МАКСИМОВ

родился в 1937 году. В 1965 г. с отличием окончил Московский государственный историко-архивный институт. В 1984 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, посвященную проблемам национально-государственного строительства. Имеет более 130 научных работ, в том числе 10 монографий.

Максимов К.Н. научную работу сочетает с преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях, является профессором, академиком Российской академии естественных наук, Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, награжден за заслуги в развитии науки серебряной медалью Петра Великого.

Он многие годы работал на руководящих должностях в высших исполнительных и законодательных органах государственной власти, государственном университете, научно-исследовательском институте республики, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Калмыкии, членом Совета Федерации Российской Федерации. Ныне является депутатом парламента Республики Калмыкия, полностью переключился на научную и преподавательскую работу.